

П. Г. ЛЮБОМИРОВ

ОЧЕРК ИСТОРИИ
НИЖЕГОРОДСКОГО
ОПОЛЧЕНИЯ
1611—1613 гг.

ПЕРЕИЗДАНИЕ

К 1268718

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—1939

Книга П. Г. Любомирова «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг.» вышла первым изданием в 1917 г. Новое издание выпускается с небольшими редакционными изменениями и с приложением трех специальных статей автора: «Новые материалы для истории Смутного времени», «Изображение Пожарского в новом списке Хронографа 1617 г.» и неопубликованной рукописи «Источники и историография по истории Нижегородского ополчения 1611—1612 гг.».

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В исторических событиях начала XVII в. завязан сложный узел дальнейшего исторического развития русского народа. В напряженной внешней борьбе Московское государство отстояло свою независимость против захватнических планов польских и шведских интервентов. Здесь укреплялось здание централизованного государства и здесь же формировалась классовая борьба закрепощенного крестьянства против нараставшего крепостнического гнета. Все эти вопросы требуют самого пристального изучения со стороны историка-марксиста. Покровский и возглавлявшаяся им так называемая «школа» Покровского, извратив марксистскую теорию классовой борьбы, превратили ее в полное отрицание всякого национального движения, в своеобразный национальный нигилизм.

В результате в исторической схеме, сложившейся под непосредственным воздействием Покровского, выпали все моменты, составлявшие с полным правом «национальную гордость великороссов». Между тем пережитые нами годы героической борьбы народов нашего Союза должны привлечь наше особое внимание к героическим страницам их исторического прошлого.

Сказанное относится в полной мере к истории Московской Руси начала XVII в. «Историки» из школы Покровского попросту выбросили вопрос о польско-шведской интервенции и о борьбе великорусского народа, который в ополчении 1611—1613 гг. отстоял свою национальную самостоятельность. А между тем в памяти современников и их ближайших потомков эти «Смутные времена» долго фигурировали под распространенным термином «литовского разорения».

Отнюдь не снимая классового анализа движения, анализа классовой борьбы, эта тема имеет, однако, свои права на внимание советской исторической науки. При этом необходимо использование лучшего буржуазного наследства. И думается, можно с полным правом сказать, что в этом отношении книга П. Г. Любомирова имеет большую ценность.

Помимо прекрасного владения документальным материалом, к которому автор с исключительной тщательностью отсылает читателя в своих примечаниях (последние занимают до одной трети всего текста), книга выгодно отличается от других работ дворянско-буржуазной историографии и общей трактовкой темы.

В отличие от последней, которая в своем угодничестве перед паризмом готова была свести всю борьбу к династической теме — приходу к власти дома Романовых, — автор совершенно правильно выдвинул на первое место развитие массового народного движения, национальной борьбы с интервенцией. Народ, а не отдельные правительственные лица, оказался подлинным носителем этой национальной борьбы. Автор детально изучает деятельность второго ополчения и те социальные слои, которые играли в нем главенствующую роль. Между тем книга, печатавшаяся в журнале еще в 1913—1914 гг., а затем в 1917 г. вышедшая отдельным изданием, осталась мало известной широкой читательской массе. Ее переиздание даст читателю ценный материал для истории народной борьбы указанного периода.

Конечно, книга имеет и свои недостатки. Принадлежность автора к буржуазной историографии сказалась прежде всего на терминологии автора, — Смута, инородцы, обитель, старцы и т. д. Отсюда же известное выпячивание роли духовенства, религиозного начала в организации движения. Отсюда же известное подчеркивание моментов анархических, антигосударственных, особенно в движении казачества. Впрочем, в последнем вопросе автор сам оговаривает в примечании 3 на стр. 74, что эти его оценки относятся специально к казакам Заруцкого и Просовецкого, которые находились в лагере второго самозванца и сами не раз поддерживали интервентов.

Недостатком книги является и то, что автор чрезмерно ограничил хронологические и тематические рамки книги, в силу чего при всем обилии фактического материала по истории самого ополчения общая характеристика состояния страны осталась за рамками книги, и автор в этом отношении неизменно отсылает к другим исследованиям, отводя особенно много места ссылкам на «Очерки по истории смуты» С. Ф. Платонова, оказавшие известное влияние на автора во время его работы над книгой.

Надо сказать, однако, что сам автор впоследствии отмечал эти недостатки своей работы. В лекции по историографии этого периода, читанной в декабре 1934 г., автор указывал сам, что «книга эта была написана с точки зрения тех историографических устремлений, которые были в то время». И далее: «Должен сказать, что в анализе общественных отношений, конечно, я далеко не дал материала так, как должен был бы сделать, если бы писал эту книгу теперь»¹.

Автор намечал переработку своей книги, но смерть оборвала его работу. Учитывая собственные высказывания автора, издательство сочло возможным некоторое редакционное исправление текста, особенно в отношении устаревшей терминологии, однако нигде не подвергая авторский текст организической переработке. В подготовке текста к печати принимала непосредственное участие вдова покойного Е. Ф. Любомирова.

---

¹ Цитируем по стенограмме, не правленной автором и поэтому непригодной для опубликования в целом.

Глава I

НИЖНИЙ-НОВГОРОД И НИЖЕГОРОДСКИЙ УЕЗД В НАЧАЛЕ XVII в.

Нижегородским называется второе земское ополчение, приведшее к окончанию «Смутные времена» по месту своего возникновения. И прежде чем приступить к изложению истории этого ополчения, необходимо остановиться на состоянии Нижнего перед его выступлением в качестве активного деятеля «Смутного времени» и на его роли в событиях Смуты до создания им второго земского ополчения. Этот обзор поможет нам уяснить себе некоторые обстоятельства и в интересующей нас истории самого ополчения. К сожалению, документальных данных о Нижнем и его уезде за конец XVI и начало XVII в. (до 1606 г.) почти нет, но крайней мере, опубликовано очень мало, и их тогдашнее состояние приходится восстанавливать, преимущественно исходя из материалов более позднего времени.

В начале XVII в. Нижний-Новгород (нынешний Горький) был одним из крупнейших городов Московского государства. Возникнув как крепость-форпост Суздальской Руси на ее восточной границе и послужив потом опорным пунктом колонизации, направлявшейся в Приволжский край, Нижний во второй половине XVI в., после покорения Казани и с построением ряда крепостей, глубоко проникавших в татарские, мордовские, черемисские и чувашские места, постепенно утрачивал свое военное значение. В начале XVII в. это был город невоенного типа. Он имел, правда, довольно большой и достаточно вооруженный крепкий «каменный город», верхний и нижний посады его были защищены деревянными острогами с башнями и рвом¹, но гарнизон его был невелик сравнительно с посадским населением.

В начале 1614 г. в Нижнем стоял один «приказ» — 500 человек стрельцов, из которых 400 в скором времени должны были отправиться в поход против Заруцкого. Это количество было постоянным для Нижнего и в последующие годы. Относительно предыдущих имеем одно указание нижегородской грамоты, что в феврале 1611 г. из Нижнего послали под Москву между прочим «голову стрелецкого

---

¹ Описание укреплений Нижнего в писцов. книге 1620—1622 гг. — Русск. Ист. Библ. (в дальнейшем цитируется РИБ), т. XVII, стр. 5—16.

(начальника приказа) с его приказом»¹, по обстоятельствам времени едва ли имевшим полный состав стрельцов. Это указание заставляет думать, что правительство царя Михаила не создавало новой нормы стрельцов в Нижнем, а оставило старую, лишь доведя пострадавший в боях последних лет «приказ» до его нормального состава. Царь Василий в свое неполноценное смутное царствование и занятый другим Самозванец за 11 месяцев правления вряд ли уделяли внимание количеству стрельцов в Нижнем. Более вероятным кажется предположение, что те же 500 стрельцов были в Нижнем и в начале XVII в.

В тот же поход на Заруцкого из Нижнего были отправлены 200 человек «иноземцов, литвы и немец» — весь наличный в 1614 г. состав этой второй группы служилых людей Нижнего. Служилые иноземцы в Нижнем появились уже давно: «немец» присылал сюда царь Иван еще в 60-х годах, в эпоху царя Федора «немчицы» и литва довольно часто встречаются в документах, служилых иноземцев постоянно называют нижегородские грамоты Смутного времени, писцовая книга 1620—1622 гг. говорит уже о «старой немецкой слободе» в Нижнем. Иноземцы делились на «кормовых», живших в городе и получавших, как и стрельцы, государево денежное и хлебное жалованье, и на «поместных», наделенных подобно детям боярским землею в уезде. Сопоставление данных небольшого списка нижегородских иноземцев, оставшихся в Астрахани после похода на Заруцкого еще в 1616 г., и книги дозора поместных и вотчинных земель Нижегородского уезда 1613 г. обнаруживает, что против Заруцкого были посланы и кормовые и поместные иноземцы. Последних по книге дозора можно насчитать 36 человек, значит кормовых в 1614 г. в Нижнем было 164 человека. Смута, начиная с царя Василия, сильно сократила, если не совсем прекратила, приток новых иноземцев на службу в Московское государство и, следовательно, приток их в Нижний. С другой стороны, участие во многих походах за эти годы должно было несколько уменьшить их количество: так, из 17 иноземцев, известных по платежнице 7116 г. (правда, при ее устарелых в отношении лиц данных), только 6 или 7 значатся и в книге дозора 1613 г. Кроме того, за эти годы некоторые из кормовых иноземцев могли превратиться в поместных, но крайней мере, даже по далеко не полным данным платежницы 7120 г., в уезде два новых поместных иноземца по сравнению с 7116 г.² Таким образом, в начале XVII в.

¹ О 1614 г. пополняющие друг друга данные Актов исторических (в дальнейшем цитируются АИ), т. III, № 251, III, и Памятников дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, стр. 234—235 (изд. Н. И. Веселовским в Трудах Восточн. отд. Имп. р. археолог. общ., т. XXI, Спб. 1891); позднейшие данные в платежницах 7128 и 7129 гг., изд. Нижегород. архивной ком. в ее «Действиях» — Сборник, т. VII и VIII, стр. 497—498 и 331, и Сметном списке 140-го года, изд. Е. Станиславским в Военно-историч. вестн. 1910 г., № 9—10, стр. 83; о 1611 г. — Акты Археографической экспедиции (в дальнейшем цитируется ААЭ), т. II, № 175 (то же в Собр. гос. грам. и дог., в дальнейшем цитируется СГГр и Д., т. II, № 236); о количестве стрельцов в полном приказе см. ААЭ, т. II, № 188, II (то же в СГГр и Д., т. II, № 241) и Изборник А. Попова, М. 1869, стр. 360 и 361.

² О походе на Заруцкого данные указаны в предыдущ. прим.; об иноземцах в XVI в. — ИСРЛ, т. XIII, 2, стр. 397, и Арх. Мин. юст., Помести. пр.,

кормовых иноземцев было, вероятно, несколько больше в нижегородском гарнизоне, чем в 1614 г., может быть, около 200 человек.

Некоторые грамоты Смутного времени 1608—1611 гг. указывают на присутствие в Нижнем казаков. Но это могли быть, с одной стороны, казаки из отряда Шереметева, ибо упоминания казаков в грамотах начинаются после того, как в Нижний проник посланный Шереметевым отряд, заключавший в себе между прочим казаков, между тем как предшествующая грамота с перечнем «чинов» не называет казаков, а с другой — «вольные охочие новоприборные казаки», как их называет нижегородская грамота, т. е. набранные из добровольцев, очевидно, по недостатку служилых людей. И при всем том грамота Пожарского из Нижнего на Вологду — в декабре 1611 г. — уже не упоминает казаков в своем очень подробном перечне «чинов»¹. Все это и позволяет думать, что нижегородские казаки Смутного времени были временным элементом служилых людей Нижнего, а потому предполагать их присутствие в нем и до Смуты едва ли возможно.

В состав нижегородского гарнизона входили еще необходимые в крепости пушкары, воротники, затинщики и казенные кузнецы. По писцовой книге 1620—1622 гг. их можно насчитать около полусотни. «Сметной список 140-го году» указывает 47². Приблизительно столько же нужно предполагать их и в начале XVII в.

ст. 21067, док. 1, 39, 44, 51 и др., там же Отказыные книги по Нижнему, общ. № 7577 (частн. № 3), док. 3 и др.; первые упом. в грамотах Смутн. вр. — АИ, т. II, № 107, 113; писц. книга, указ. изд., ст. 174. Список иноземцев 1616 г. в цитир. Памятн. диплом. и торг. снош. с Персией, т. III (Труды Вост. отд. И. р. археол. общ., т. XXII), стр. 91—92; книга дозора 1613 г. напечатана Ниж. арх. ком. в ее Сборнике, тт. V—VII, к сожалению, без указателей; список владельцев, составленный к ней А. Я. Сидовским (прилож. 1 к докладу «К материалам по исследованию Нижнего. у. в Смутн. время и вскоре после него (1613—1629 гг.)» в Трудах Ярославск. областн. съезда, М. 1902, стр. 27—65), не без ошибок и пропусков; между прочим пропущены в нем и три иноземца — М. Ю. Шулгестов в Стрелицком стану и Ив. Лукомский и Тим. Ушкулев, владевшие вместе с братьями в Верепопольск. стану — указ. Сборник, т. VII, стр. 639—640, и т. VI, стр. 164 и 180. Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг., изд. С. Б. Веселовским в Чтениях Общ. ист. и древн., 1910 г., кн. III, и отд.; иноземцы легко разыскиваются по указателю; лишь один из них, Соломанов, означен «новокрещеном». Пять нижегор. иноземцев из бывших в 1616 г. в Астрахани (Памятн. сношений с Персией, т. III, стр. 91—92), не владевших землей, судя по платежнице, в 1620 г., оказываются помещиками к 1629 г. (список при статье *Сидовского*); нельзя думать, что все они случайно пропущены в платежнице 7128 г.: она называет, кроме вдов, 32 иноземцев, да не упомянуты в ней два брата Морцевы, известные книге дозора 121 г. и платежнице 1629 г., а всего поместных иноземцев по десятине 1622 г. было 36 человек (Действия Нижегород. арх. ком., т. I, вып. IX, стр. 402—405).

¹ Первое упоминание казаков в декабре 1608 г. — АИ, т. II, № 113, и отсутствие его в ноябрьской грамоте — там же, № 107; отряд, посланный Шереметевым, прибыл в Нижний 1 декабря — АЭ, т. II, № 104; грамота Пожарского — там же, № 203; о датировке ее моя заметка в Журн. Мин. нар. просв. 1912 г., № 12.

² Писц. кн. в XVII т. РИБ, Сметной список в Военно-историч. вестн. 1910 г., № 9—10, стр. 82.

Дворяне и дети боярские и поместные иноземцы Нижегородского уезда вряд ли могут быть относимы к постоянному населению Нижнего-Новгорода. Далеко не все из них имели в Нижнем свои дворы, да и в них в обычное время жили не владельцы, а дворники ¹. Большинство же жило по своим поместьям и, переменяясь, несло «государеву службу» по городам, а иные в приказах.

Таким образом, по более или менее вероятным подсчетам, нижегородский гарнизон в начале XVII в. состоял приблизительно из 750 чел. стрельцов, кормовых иноземцев и крепостной прислуги.

Гораздо значительнее было посадское население Нижнего.

Выгодное географическое положение — при слиянии двух важнейших рек внутренней России, Оки и Волги — должно было сделать Нижний-Новгород крупным торговым центром. Ока связывала его с «хлебным» Рязанским краем и с помощью Москвы-реки от Коломны со столицей ². К Москве же из Нижнего ездили и сухопутным через Муром, Владимир и Суздаль, до которых, впрочем, можно было ехать и на судах по Оке, Клязьме и Нерли ³. Волга была самой удобной дорогой из Нижнего вверх в Ярославль, от которого шел торный путь к другому крупному центру — Вологде ⁴, и вниз в Казань и Астрахань. Но на Ярославль был от Нижнего и грунтовой, главным образом зимний, путь по правому нагорному берегу Волги, переходивший на левый только из-за Костромы ⁵. Выл зимний путь и до Казани, шедший большею частью несколько отступя от берега Волги на Лысково, Васильсурск, Чебоксары и Свияжск ⁶. Через Казань, а к началу XVII в. и севернее, через Яранск и Котельнич, Нижний имел сношения с Вятскою землею,

¹ По назв. писцовой книге можно насчитать всего около сотни осадных и иных дворов нижегородских дворян и детей боярских, а их с новиками и отставными в это время насчитывалось — по десятке 1622 г. (Действия Ниж. арх. ком., т. I, вып. IX, стр. 402—405) — до 350 человек. Дворов поместных иноземцев в это же время в Нижнем было около десятка, а иноземцев по той же десятке — 36 человек.

² Этим речным путем обычно ездил «кизилбашские» послы, гонцы и «купчины», посольства «Иверские земли» и др., а также и русские послы в Персию, Грузию и другие восточные страны. См., например, Памятн. диплом. и торг. снош. Моск. Руси с Персией, т. I (в XX вып. Трудов Вост. отд. Имп. русск. археол. общ.), стр. 8, 149—150, 203, 214 и др.; Сношения России с Кавказом, материалы, изд. С. А. Белокуровым в Ист. общ. ист. и древн., 1888 г., кн. III, стр. 17, 62, 237 и др.

³ Только что цит. Памятники, т. II (XXI вып. Трудов), стр. 6, 315, 317; Снош. России с Кавказом, стр. 372; ААЭ, т. I, № 314; АИ, т. II, № 131; РИБ, т. XXVIII, ст. 264, 266. Ср. П. Мельников, Нижний-Новгород и нижегородцы в Смутное время (Отеч. зап., 1843 г., т. XXIX).

⁴ Н. И. Костомаров, Очерк торговли Моск. госуд., 1889 г., стр. 92—93; С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты в Моск. госуд. XVI—XVII вв., изд. 2-е, СПб. 1901, стр. 21—22.

⁵ Этим путем шел Пожарский в 1612 г.; им же иногда везли персидских послов — цит. Памятники диплом. снош., т. I, стр. 112—114, 179—180, 287—288; в случаях спешности предписывали ехать, «не займывая Костромы», — те же Памятники, т. III, стр. 396.

⁶ Им ехал, например, Биркин в декабре 1611 г., заезжавший еще в Мурашкино — Курмышские акты в 1 вып. Летониси занятий Археограф. ком., № 3 и 8. См. также Сборник кн. Хилкова, № 12, XXVI и АИ, т. II, № 145.

с Пермью Великою и с далекой Сибирью¹. Со всех сторон на судах и подводках в Нижний и чрез него везли различные товары тогдашней торговли: из Рязанского края и других приокских мест хлеб, из Москвы и Ярославля западноевропейские товары, из пих же и других городов — западных по отношению к Нижнему — различные русские изделия, например, из дерева, из кожи; из Казани и, главным образом, из Астрахани бухарские, персидские и индийские (через Персию) товары, из Астрахани же соль, рыбу и икру, из Вятки, Перми и Сибири дорогие меха, из Перми и соль². Таким образом, в начале XVII в. Нижний стал одним из крупнейших передаточных пунктов тогдашней торговли, пунктом, в котором по самому его положению должны были очень часто производиться еще погрузка и разгрузка судов и перегрузка с одних на другие иной емкости и осадки.

Судить о конкретных размерах торгового движения,шедшего через Нижний, по скудости источников, почти невозможно. Но факт общеизвестный — значительное развитие с конца 50-х годов XVI в. торгового обмена между Россией и Западом, особенно Англией, через Белое море, рост населения и капиталов в таких пунктах на пути от этого моря к Москве, как Холмогоры, Вологда, Ярославль и др.; совсем недавно было отмечено существование в эту же пору торгового пункта и на Мурмане — в Коле³. Однако для Нижнего большее значение имело оживление в торговле России с юго-восточными странами, начавшееся вскоре после покорения Казани и занятия Астрахани. Уже весной 1558 г. Дженкинсон ехал вниз по Волге из Нижнего с караваном в 500 больших судов, везших между прочим и товары⁴. Продолжавшая расти торговля немало терпела в царствование Грозного от казаков, привлеченных на Волгу именно надеждой на богатую добычу⁵. Но при царях Федоре и Борисе, когда с постройкой Самары (1586), Царицына (1589) и Саратова (1590), как раз в местах особенно удобных для казаков выходов на Волгу, плавание по нижней Волге становилось более безопасным и когда велись оживленные дипломатические сношения с Персией, с кавказскими владетелями, с Бухарой, с Хивой⁶, торговля с этими стра-

¹ С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты, стр. 14, 84, 86.

² Н. И. Костомаров, Очерк торговли, стр. 114, 121, 48—49, 50—55, 57 и ряд других; из данных, собранных Костомаровым, я старался выбирать относящиеся к концу XVI — началу XVII вв.

³ Костомаров, Очерк торговли, особенно гл. I; С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, стр. 9—12, 21—24; о торговле с Англией еще новая работа И. Любименко, История торговых сношений России с Англией, выи. I—XVI в., Юр. 1912; между прочим, на стр. 120—125 некоторый цифровой материал о размерах английской торговли в России; о Коле — А. В. Тищенко, К истории Колы и Печенги в XVI в., Журн. Мин. нар. просв., 1913 г., № 7 (и в сборнике «А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем», Петр. 1916).

⁴ «Известия англичан о России во второй пол. XVI в.» в Чтен. Общ. ист. и древн., 1884 г., кн. IV, стр. 36.

⁵ И. Любименко, цит. соч., стр. 97; Сборн. Имп. русск. ист. общ., т. 38, стр. 119; цит. Сношения с Кавказом, стр. LXXXVIII, XCIV, прим. 131.

⁶ Кроме известий Нового Летописца — ИСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 43, 46—48, 56; о сношениях с Персией цит. Памятники, т. I и II, а также Разр. записи за Смутное время, изд. С. А. Белокуровым в Чтен. Общ. ист. и древн.,

нами должна была особенно развиться. Любопытно, что возобновление сношений с восточными странами состоялось по инициативе русского правительства, имевшего в виду во всяком случае и торговые интересы. Вероятно, в 1585 г. астраханским воеводам было велено «писати от себя в Шевкалы и в Грузи и в Кизылбаши, чтоб торговые люди с товары ездили в Астрахань, приезд и отъезд и торг в Астрахани поволен». Известно, что именно с толмачом Даниловым, посланным из Астрахани «проведывать дороги» в Грузию и «земли Грузинские — какова земля», прибыло в Россию посольство от кахетинского князя Александра; может быть, в связи с посылкой из Астрахани стоит и приезд в 1588 г. посланника от «Худабендешаха»¹. Торговые интересы постоянно заметны в пересылках с шахом, в грамоте которому, например, от 1592 г., писалось: «дорогу твоим людям в наши государства отворяем и повольной торг во всем им давати велели», и другими восточными владетелями; сказались они и в наказе воеводам новостроенного города на Тереке, с которых, очевидно, требуют и отчета о приездах торговых людей, так как они пишут по этому вопросу в Москву². И как раз в эти годы англичане, много способствовавшие оживлению торгового движения на Волге, уже не пользовались широкими привилегиями 60-х годов: не освобождались совсем или освобождались лишь наполовину от пошлин, не имели права свободного проезда в Персию, торговлю с которой они считали для себя особенно выгодной³. Таким образом, усилившаяся торговля с означенными странами велась в эти годы в значительной мере силами русских купцов, а также приезжавшими в Россию персидскими, бухарскими и иными⁴. Для большей безопасности торговые люди пользовались проездами посольств, которым всегда давалась охрана из стрельцов, — а посольство обычно не одно проезжало Волгой вверх и вниз каждое лето, — но ездили и одии⁵.

1907 г., кн. II и III и отд., стр. 36, и Сношения России с Кавказом, стр. 420, 524; с Грузией пересылались почти ежегодно — цит. Сношения России с Кавказом; в Моск. арх. М. И. Д. хранятся хивинские дела с 1590 г.; указания на приезды бухарских послов в сохранившейся переписной книге Посольского приказа 1614 г. — в Сборнике кн. Хилкова, 1876, стр. 577—579; в работе С. В. Жуковского, Сношения с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие (Труды Общ. русск. ориент., № 2), Петр. 1915, данные за XVI и начало XVII в. очень неполные.

¹ Цит. Сношения России с Кавказом, стр. XCIV и 10; Памятники снош. с Персией, т. I, стр. 3—4.

² Памятники снош. с Персией, т. I, стр. 170; другие указания см. и раньше и после; также указ. данные о бухарск. грам.; Снош. с Кавказом, стр. 78 и 76.

³ И. Любименко, цит. работа, стр. 44—53, 125.

⁴ О значительной торговле России этого времени с Востоком и о приездах в Россию восточных купцов говорят почти все иностранцы, бывавшие тогда в России, например, Флетчер, О государстве русском, изд. Суворина, стр. 14, 51, 84—85; Описание путешествия в Москву... Варжоча (Чтения Общ. ист. и др., 1875 г., кн. IV), стр. 35; Петрей, в тех же Чтениях, 1867 г., кн. II, стр. 394, и др.; о восточных купцах еще и цит. дипломатические документы. Некоторые данные о торговле с Персией в эти годы в статье А. Я. Шаповалова в Сборнике статей студенч. истор.-этнограф. кружка, вып. VII, Киев 1915 г.

⁵ Случайные указ. в Сношениях с Кавказом, стр. 347; в Памятн. снош. с Персией, т. I, стр. 287, 305, 379 и др., т. II, стр. 57, 101, 107. Нужно еще

Некоторое представление об увеличении торгового движения по Волге в конце XVI и начале XVII в. по сравнению с эпохой Грозного дают сведения, правда, очень отрывочные и недостаточно определенные, о двух главных пунктах русско-восточной торговли ниже Нижнего, о Казани и Астрахани. В начале 60-х годов таможенные пошлины Казани, Свияжска и Чебоксар давали немного более 1 500 рублей, а в 1591 г. уже из казны одной Казани можно было сразу взять 1 500 рублей¹. И эта последняя цифра, наверное, не составляет годового сбора с одной таможни для этого и тем более последующих годов. Казань вела значительную торговлю, торговать сюда приезжали, оставаясь по году и дольше, большими группами восточные купцы (в 1613 г. ехало сразу 300 бухарцев и хивинцев) и русские торговые люди разных городов². Что же касается Астрахани, то если Дженкинсону в его первое путешествие в 1558 г. торговля в ней показалась по своим «ничтожным размерам» не стоящей внимания англичан, то его соотечественник Вильям Парри, проехавший Волгой от Астрахани в конце 1599 г. (в персидском посольстве в Западную Европу), отмечал уже, что по Волге «доставляется царю (русскому, т. е., вероятно, вообще в Россию) чрезвычайно много товаров», а по мнению Маржерета, знавшего Россию начала XVII в., «Астрахань... производит очень деятельную торговлю, более, чем все прочие города русские»³.

В торговом движении, шедшем через Нижний, активное участие принимали и нижегородцы. Их суда ходили вниз по Волге до Астрахани, ездили нижегородцы с товарами или за товарами в Муром (вероятнее, через него в Москву), торговали в Казани⁴, бывали, вероятно, по торговым делам и в других городах.

иметь в виду, что Волгой же ездили и взаимные посольства некоторых западных государств и Персии, например, в 1602—1603 гг. проезжало австрийское посольство в Персию и обратно, в оба конца встречавшее в дороге персидских послов (Чтения в Общ. ист. и др., 1896, кн. II, Какаш и Текандер), в 1599—1600 г. чрез Россию ехало персидское посольство в Западную Европу (там же, 1899, кн. IV, Вильям Парри, и 1899, кн. I, Дон-Хуан); см. также *П. Пирлинг*, Историч. статьи и заметки, Спб. 1913, стр. 74 (приезд в Персию кармелитов от папы в 1606 г.); Памятн. снош. с Персией, т. II, стр. 51 и 209 (217) — о послахе в Литву и из Литвы. О поездках торговых людей см. в тех же диплом. докум., например, Памятн. снош. с Персией, т. II, стр. 120, 129 и др.; АП, т. I, № 230; Изборник *А. Попова*, стр. 331.

¹ Данные приведены у *С. М. Середонина*, Сочинение Джильяса Флетчера. «Of the Russe Common Wealth» как историч. источник, Спб. 1891, стр. 332.

² Частые указания в Памятн. снош. с Персией, например, т. II, стр. 7, 101, 173—174 (182 и 226 о них же) и др.; *С. В. Веселовский*, Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича, М. 1909, прилож. № 42, данные 7122 и 7123 гг.

³ Цит. Известия англичан о России, стр. 40—41; *Парри* в Чтениях Общ. ист. и древн., 1899, кн. IV, стр. 4; *Маржерет* в Сказаниях соврем. о Дмитрии Самозв., изд. 3-е, 1859 г., стр. 250; по словам Петрея, — данные также начала XVII в. — в Астрахани восточные купцы ведут «большую торговлю» — Чтения, 1865 г., кн. IV, стр. 65.

⁴ ААЭ, т. II, № 81, II; названные Илейкой нижегородцы: Вас. Зубин, Влад. Исковитин и, повидимому, сын Ив. Болдохоненка — Мих. Ив. Балахонкин встречаются и в нижегор. платежниках 7116 и 7120 гг., стр. 39, 75, 80,

Наряду с развитием торгового движения через Нижний росла торговля и в самом Нижнем; ставшая заметной еще в первой половине XVI в.¹, она в начале XVII в. приняла довольно значительные по тому времени размеры. Этому способствовали не только благоприятные обстоятельства, отмеченные выше, но и расширявшаяся с ростом населения эксплуатация естественных богатств края. Нижегородский уезд был достаточно богат и хлебом, и рыбой, и пушным зверем, в частности бобрами, медом и воском, лесом, а вблизи, в Балахне, добывалась и соль, правда, в небольших количествах². Торговлей в Нижнем были заняты не только нижегородцы. Именно или более или менее постоянно вели в нем торговые дела и иногородние и иноземные купцы. Даже во время значительного ослабления торговли, в Смутное время, в Нижнем были (осенью 1611 г. и весной 1612 г.) и «люди» Строгановых и торговые люди Москвы и Ярославля³. Торговали в Нижнем-Новгороде со второй половины XVI в. англичане⁴; привозили сюда товары или продавали их проездом в Москву и «кызылбашские купчинны», которые и сами закупали здесь кое-что на шахов обиход и, вероятно, для торговли⁵; возобновили, повидимому, поездки в Нижний и бухарские и хивинские купцы, бывавшие здесь еще в XIV в.⁶.

О торговой жизни Нижнего-Новгорода в начале XVII в. можно судить и по некоторым цифровым данным. В два опустошительных пожара, разделенных промежутком меньше года, в 7125 и в начале 7126 г., в Нижнем выгорело 725 лавок и амбаров с товарами. К сожалению, неизвестно, сколько торговых помещений уцелело от пожаров; вероятно, еще достаточное количество, раз по дозору после пожаров, несмотря на массу разбежавшихся жителей, — нижегородцы в челобитной говорили о 853 семьях посадских людей, — все-таки оказалось 594 тяглых двора⁷.

Но и одна цифра сгоревших лавок и амбаров достаточно велика. Для уяснения ее значения в условиях тогдашней действительности

190, 229, 234 и др.; АН, т. II, № 113; С. Б. Веселовский, Семь сборов, прилож. № 42, стр. 146—147.

¹ Костомаров, *op. cit.*, стр. 10—11.

² О Нижегород. уезде см. ниже. В Балахне в 1618 г. было 72 варницы. В. И. Снегиревский, Балахонское усолье (в XI вып. Действий Нижегород. уч. арх. ком.), стр. 591—594.

³ Цитир. Нижегород. платежники, стр. 121, 151—152; о датировке «приговора» и упомянутых в нем торговых людях см. ниже.

⁴ Костомаров, *op. cit.*, стр. 113—114, 22.

⁵ Частые указания в цит. Памятн. дипл. снош. с Персией, например, т. II, стр. 66, 79, 94 и др.

⁶ В. А. Уляницкий, Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв. (Чтения Общ. ист. и др., 1888 г., кн. III), стр. 5—7, прим. 10; о привазах бухарских и хивинских купцов в Россию в конце XVI в. см. еще свидетельства грамоты царя Федора в Англию — Сборн. Ими. русск. ист. общ., т. 38, стр. 165 и 167; Флетчера, О государстве Русском, стр. 14 и 51.

⁷ С. Б. Веселовский, Семь сборов..., прилож. № 67 и 68; второй пожар был 19 октября, а в ноябре уже посланы были доворщики — Действ. Нижегород. уч. арх. ком., Сборник, т. XI, № CLXXVI, стр. 295; о дозоре см. сл. стр. до 319.

нелипшие будет привести данные по некоторым другим городам: в старом Новгороде во время пожара 1605 г. погорели «все ряды» Торговой стороны — 700 лавок, но остались еще гостиные дворы вне рядов и, вероятно, лавки были и на Софийской стороне, но мы не знаем, все ли они были «в живущем» или частью уже запустели; в Искове в 1585—1587 гг. было свыше 1 600 действовавших торговых помещений; но, например, в Можайске в 1595—1598 гг., кроме двух гостиных дворов, было всего 434 (с пустыми, которых было 103) торговых помещений, в Коломне в 1577—1578 гг., кроме гостинного двора, около 650, из них треть пустовала, в Муроме в 1574 г. — 320 торговых помещений, из которых свыше трети пустых¹.

По данным Флетчера, Нижний, дававший казне 7 000 рублей пошлин, занимал шестое место среди городов тогдашней Руси, уступая только Ст. Руссе с 18 тыс. рублей пошлин, Москве и Искову — с 12 тыс., Казани — с 11 тыс. и Смоленску, приносившему 8 000 рублей². В начале XVII в. казна получала с Нижнего, вероятно, значительно больше. Даже в конце Смутного времени, сильно подорванного на время торговую жизнь страны вообще и Нижнего в частности, в 1611—1612 гг., таможенной пошлыны в Нижнем было собрано свыше 6½ тыс. рублей, а едва город стал оправляться от бедствий Смуты и его жизнь стала входить в обычное русло, как эти таможенные сборы превышают 12 тыс. в 1614/15 г. и достигают 17 с лишком тысяч в 1619/20 г., хотя еще «по государевым грамотам» было «имать не велено» денег «з государевы с Чермские соли и с тарханщиков и з замястных судов и з белян», которых «довелось» бы взять «1 347 р. и 4 алт. пол. 4 денг.», и свыше 1 800 рублей считалось в недоборе против прошлого года. Откупных денег с трех нижегородских кабаков с пошлынами казна получала в 1611/12 г. свыше 2 700 рублей, в 1614/15 г. уже 5 000 рублей, а в 1619/20 г. всего, «что взято в Нижнем деньгами и что в кабацких разбохех и что воском дано к церквям и что кабацкого ж питья дано послам, .. собрано 9 681 рубль и 13 алт. с полуденгою», но еще в недоборе против 7127 г. считалось 804 рубля и 4 деньги. Откуп и пошлыны с баш, с'сула и с квасу за те же годы возросли с 200 с лишком рублей 1611/12 г. до 350 с небольшим рублей 1619/20 г.³ Для сравнения отметим, что с Вологды, правда, гораздо сильнее, чем Нижний, и совсем недавно — осенью 1612 г. — пострадавшей, в 1614/15 г.

¹ С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, стр. 48; Н. Д. Чечулин, Города Моск. госуд., стр. 130—136, 155 прим., 159—160. Писцовая книга Искова, которой пользовался Н. Д. Чечулин, в V т. Сборника Моск. архива Мин. юстиц., М. 1913.

² Флетчер, О государстве Русском, изд. Суворина, 1905 г., стр. 45.

³ Цитир. платежница 7120 г., стр. 150; «Приход.. в Нижегородской чети всяким денежным доходам 123-го году» — РИБ, т. XXVIII, стр. 120 (тот же документ в части, касающейся Н.-Новгорода, издан дважды Нижегород. арх. ком. в ее Сборнике, т. VI, отд. III, стр. 3—8, и т. XI, № CLXXIII, стр. 288—293); цит. Нижнего-Новгорода сметный список 7128 г. — Сборник, т. VII, стр. 476—479. — О торговле Нижнего в конце XVI и начале XVII в. кое-какие разбросанные данные в статьях Д. Богородицкого, Очерк торговли Н.-Новг. за XVI и XVII вв. (Универс. известия, Киев 1912, № 7) и С. Коломенского, Торговля солью на Руси... (ibid., № 12).

предполагалось «по окладу против 122 г.» таможенной пошлины со включением и «сусляново, и квасново, и поплашново (с плах, с лесу) збору» 4 141 рубль 5 денег, с двух кабаков почти 3 350 рублей и с бани и с квасу — 23 рубля 23 алтына; в том же году в Архангельском порту, единственном тогда месте ввоза западноевропейских товаров, рассчитывали собрать «против 122 г.» 9 200 с лишком рублей, но получили менее 6½ тысяч; у Соли-Вычегодской, довольно значительного в Поморье посада, в 1611/12 г. таможня дала 486 рублей 6 алтын 2 деньги; с кабаков Арзамаса и двух сел его уезда получено откупных денег в 1614/15 г. 1 025 рублей с небольшим; с двух бань в Великом Новгороде в 1592/93 г. было сбора 161 рубль с лишком, но и то потому, что в тот год в городе было много «прибыльных» ратных людей, а в следующем году целовальники не собрали и 80 рублей ¹.

Помимо торговли посадское население Нижнего жило ремеслом, работая на удовлетворение потребностей растущего города и развивающихся судоходства и торговли. Писцовая книга 1620—1622 гг. называет больше сотни ремесл и близких к ним профессий. Наиболее значительные группы составляли плотники и кузнецы, услуги которых требовались при судостроении, и сапожники и кожевники, работавшие, может быть, и не на нижегородский только рынок ².

Конечно, развитие торговли и ремесла в Нижнем было обусловлено до известной степени ростом его населения. Но, с другой стороны, именно выгоды и удобства жизни в развивающемся и притом не попавшем в опричнину городе привлекали в Нижний население, разбегавшееся из центра государства от естественных бедствий и социального кризиса, осложненного опричниной царя Ивана ³. Одни приходили сюда временно в расчете на заработок на волжской и окской пристанях Нижнего, на шедших из него судах и т. п. ⁴.

¹ О Вологде — РИБ, т. XXVIII, стр. 129—130; разоренье ее было так велико, что из 6¾ сох старого письма по дозору 7121 г. оказалось только 1¾ сохи и лишь для платежа налогов была навалена соха. — С. В. Веселовский, Сошное письмо, т. I, М. 1915, стр. 204. Об Архангельске — РИБ, т. XXVIII, стр. 191—192. О Соли-Вычегодской — С. В. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег, стр. 86; характеристика Соли-Вычегодской у С. Ф. Платонова, Очерки Смуты, стр. 10. Об Арзамасе — РИБ, т. XXVIII, стр. 127. О Новгороде — в цит. работе С. М. Середонина, стр. 321, прим. 3.

² Даже платежница Смутного времени — 7120 г. — отмечает новоприбылую кузницу (стр. 122); о судостроении в Нижнем, например, АИ, т. I, № 230. Памятники сношений с Персией, т. II, стр. 102—103; о ремесленниках Нижнего — указанный дозор 7126 г. и писцовая книга 1620—1622 гг., к которой приложен указатель «промышленных занятий населения»; поправки к нему в статье А. Давновича, Н.-Новгород в перв. половине XVII в. по писцовой книге (в Сборн. Нижегород. арх. ком., XII, вып. 2).

³ О запустении центра и о кризисе — С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, гл. I, стр. 20—45 и гл. II; прямое указание на переселение между прочим в Нижний вследствие голода из Можайска, Волоколамска и иных городов — в Русском летописце под 7069 г., стр. 146 (Чтения Общ. ист. и древн., 1895 г., кн. III), или ПСРЛ, т. XIII, 2, стр. 332.

⁴ ААЭ, т. II, № 81, II; Памятники сношений с Персией, т. II, стр. 438—439; от «глада» из Ростовской области уходил в Нижний на два года, очевидно, на заработки, и преп. Иринарх (тогда еще Илья) — см. его житие в XIII т. РИБ, изд. 2-е, стр. 1351.

Другие переселялись совсем, сохраняя иногда в прозвищах указания на города, из которых они вышли. По перечню одних только «охудалых» и «беглых» посадских людей Нижнего, составленному дозорщиками в начале 1618 г. и называемому людей часто только по именам, можно насчитать до 20 городов, главным образом Замосковского края, давших Нижнему переселенцев¹. «Новоприходцев» в последнее перед дозором десятилетие по обстоятельствам этого времени вряд ли могло быть много. Наиболее сильным стремлением в Нижний было во второй половине XVI в. Известным показателем роста населения города в эти годы служит построение здесь, вдобавок к ряду старых, нового монастыря в 1580 г.² И вот благодаря притоку переселенцев ко времени Смуты Нижний стал очень крупным городом. Приблизительное количество дворов его посада мы можем определить по позднейшим данным. В указанные уже два пожара 7125 и начала 7126 г. на посаде Нижнего выгорело, по указанию посадских людей, 1013 дворов. В результате «от тех от двоих великих пожаров и от податей (усиленных сборов первых лет царствования Михаила Федоровича), — писали посадские в челобитной, — розбрелось... из Нижпева посадских людей 853 семьи, а обнищало... 540 человек». Очевидно, в свои итоги посадские люди включили для большей убедительности не только тяглых, но и оброчных людей, ибо незадолго до цитированного их челобитья государевы дозорщики по их же посадских людей показаниям насчитали «охудалых людей, которым по обыскам тягла платити не мочпо», 494 двора п разошедшихся безвестно и умерших тяглецов 320 дворов. И все-таки после такого «разоренья» дозорщики написали для сошного оклада в Нижнем на посаде в живущем 594 двора³. Если даже предположить преувеличение размеров бедствия в челобитной нижегородцев, — хотя следует помнить, что они писали после отъезда дозорщиков и в Москве легко могли проверить их слова, если допустить, что часть сгоревших дворов была уже выстроена вновь ко времени дозора и вошла, значит, в первую или вторую группу дворов в итоге дозора, хотя не мешает отметить, что второй пожар, в который

¹ Сборник Нижегород. арх. ком., т. XI (Памятники истории нижегород. движения в эпоху Смуты и земского ополчения 1611—1612 гг.), стр. 299—317. Эти города — Арзамас, Балахна, Белоозеро, Василь (Васильсурск), Владимир, Вологда (?), Каргополь, Кашин, Коломна, Корела, Кострома, Москва, Нерехта, Новгород, Перемышль (Залесский?), Плес (?), Ржева (какая?), Суздаль, Тверь, Шуя, Юрьевец и область Пермь.

² Сборник Нижегород. арх. ком., т. XV (1913 г.); Материалы по истории Нижегород. края из столичных архивов, вып. 3; Грамоты Коллегии экономии по Арзам., Балахн. и Нижегород. уу., ч. I (1498—1613), под ред. А. К. Кабанова, № 37, срав. 45 («новый» монастырь).

³ С. В. Веселовский, Семь сборов, прилож. № 67 и 68, и Памятники истории нижегород. движения, стр. 295—319. В этом сборнике напечатаны и составленные дозорщиками «росписи» «бедных охудалых» и «беглых» людей; первых отмечено столько же, сколько в окончательных итогах дозорщиков — 494 хозяйства, но беглых людей значительно меньше: всего с умершими 209 (по моему подсчету); разногласие нужно объяснить, повидимому, случайной неполнотой «росписи»: охудалые писаны по 15 десятиям Нижнего, беглые — только по 8 из них.

сгорело 293 двора, был 19 октября, а 1 февраля уже составлен акт о «захудалых» и «беглых» людях, — если согласиться, что все 320 пустых дворов запустели от пожаров, то все же нужно признать, что количество посадских дворов в Нижнем до пожаров близко подходило к 2 000. Непогие годы, протекшие с конца Смутного времени до нижегородских пожаров, вероятно, главным образом залечивали раны, нанесенные посадку Смутой, и вряд ли могли сильно увеличить количество дворов на посаде по сравнению с тем, сколько он имел в самом начале XVII в. Таким образом, выведенная нами цифра дает приблизительные размеры нижегородского посада и в начале XVII в.

Так же предположительно можно установить и количество тяглых дворов Нижнего и даже рост этого количества. В 1590—1592 гг. (7099 или 7100 г.) нижегородский посад был положен в 7 сох. Если в этом случае была применена обычная в XVI в. примерная норма дворов на соху, — что очень вероятно, — то тяглых дворов в Нижнем нужно считать тогда около 550—700¹. Только что было указано, что перед пожарами 7125—7126 гг. в Нижнем, по данным дозора, считалось уже 1 408 тяглых дворов, и было высказано предположение, что эти данные лишь с небольшими поправками можно отнести и к началу XVII в. Таким образом, при всех оговорках на случай возможности разных критериев тяглоспособности у писцов 7100 г. и посадского мира перед дозором 7126 г. перед нами во всяком случае определенное свидетельство значительного возрастания тяглых дворов Нижнего и до известной степени повышения благосостояния его населения. Ярким показателем жизнеспособности нижегородского посада является его способность быстро оправляться от бедствий, впрочем, известная нам от времен послесмутных. Прошло около 4—5 лет после опустошительных пожаров 7125 и 7126 гг., успела возвратиться в город часть беглецов, явились новые насельники, и вот, по писцовой книге 7129—7130 гг., почти в полтора раза возросло количество тяглых дворов в Нижнем (с 594 до 862), охудалых вместо 494 стало 344 и 345, а пустых дворов и мест дворовых оставалось всего 41².

Так, очень значительным и растущим рисуется нам нижегородский иосад в начале XVII в.

Остается сказать несколько слов о третьей группе населения Нижнего — о белом духовенстве и монашествующей братии. Нижний почему-то не получил архиепископии, предполагаемой соборным постановлением 1589 г., и в начале XVII в. оставался в патриаршей, как до 1589 г. был в митрополичей, церковной об-

¹ Об окладе 7100 г. — Памятники истории нижегород. движ., стр. 299 и 319; писцовая книга 7129/30 г. указывает 7099 г. — РИБ, XVII, ст. 309; о посадской сохе в XVI в. — у С. Б. Веселовского во II т. Сошного письма, стр. 289—299, здесь и примеры применения норм.

² Данные писцовой книги на ст. 189—190, 195—196. Выбирая только лиц с какими-нибудь редкими прозвищами (вроде Резвая Кобыла, Корюкой), а в других случаях при совпадении имен, прозвищ и профессий, можно найти в писцовой книге около 25 человек, которые в 7126 г. были занесены в список «беглых» людей.

дасти ¹; эти церковные связи, отметим между прочим, со своей стороны должны были содействовать установлению постоянных сношений Нижнего со столицей. За отсутствием епископа во главе нижегородского духовенства стоял протопоп Спасо-Преображенского собора, которого были обязаны «слушать», под опасением попасть даже по его приказу в тюрьму в случае неповиновения, причты другого — Архангельского — собора и 25—30 приходских церквей. Уже на основании этой цифры можно заключать, как невелико было количество людей духовного чина (считая и с церковнослужителями) в Нижнем. По данным цитированной писцовой книги 7126—7130 гг. А. Дахнович насчитал всего 85 дворов, принадлежавших духовенству ². Немногочисленна была и монашеская братия в Нижнем. В начале XVII в. в городе и при нем было, повидимому, 5 мужских монастырей и 1 женский: старинные Печерский, Благовещенский патриарший (ранее митрополичий), Зачатейский девичий и возникший в конце XVI в. Духов, о которых имеются и документальные материалы; Симеоновский, известный по упоминанию его игумена в жалованной грамоте спасскому протопопу и описанный в писцовой книге 7129—7130 гг. и, наконец, Успенский, которого существование нужно предполагать ввиду упоминания успенского игумена рядом с симеоновским в названной жалованной грамоте. Писцовая книга указывает в Нижнем еще два монастыря: Сергиевский мужской и Происхожденский девичий, но никаких данных о существовании их до Смуты отыскать не удалось: видимо, их в то время еще и не было ³. Иноков и инокинь нижегородские монастыри имели немного. Писцовая книга 7129—7130 гг. отмечает в 5 монастырях, существовавших и в начале XVII в., всего 88 келий, считая с кельями настоятелей, и притом из них 36 были в женском Зачатейском монастыре. Население келий едва ли в два раза превосходило их количество; по крайней мере, в Зачатейском монастыре руга выдавалась на 60 старец, считая и игумену ⁴.

Незначительная численность по сравнению с военно-служилым и посадским населением Нижнего группа духовного чина по условиям и складу жизни стояла ближе и была в большей связи с посадскими, чем со служилыми людьми. Не все монастыри (повидимому, Печерский и определенно Зачатейский) и лишь небольшая часть белого духовенства (только причты соборов и двух церквей во время пис-

¹ СГГр и Д, т. II, № 59; И. Покровский, Русские епархии в XVI—XIX вв., т. I, Каз. 1897, стр. 169 и 173.

² О главенстве спасского протопопа — жалов. грамота ему 1606 г., «переписывавшая» старые грамоты Василия III, Ивана IV и царя Федора — АН, т. II, № 69 (и в грамот. Колл. экон., изд. А. К. Кабановым в Сборнике Нижегород. арх. ком., т. XIV, № 98). По писцовой книге 7129—7130 гг., можно насчитать в Нижнем с слободами 31 храм, кроме соборных и монастырских. Цит. статья А. Дахновича в Сборнике Нижегород. арх. ком., т. XII, вып. 2, стр. 10—12.

³ О первых 4 монастырях в указ. издании А. К. Кабанова, упоминаются они и в Платежниках 7116 и 7120 гг.; грамота протопопу названа выше, в писцовой книге Успенский монастырь отсутствует (уже не существующий), о Сергиевском и Происхожденском — стр. 26—28 и 36.

⁴ РИБ, т. XVII, ст. 25—26, 42—43, 343 и 349.

цовой книги) получали деньги и ругу из государевой казны и запасов¹, но, конечно, жили не только этой милостью царской. Священно- и церковнослужители остальных церквей должны были рассчитывать на добровольные приношения прихожан и плату за требы, а братия не получавших руги обитателей, если не имелось своего хозяйства и земли, питалась «от церкви божией» или кормилась «в мире христовым именем»², т. е. опять-таки даянием усердных богомольцев или даже милостыней, и тем самым и те и другие оказывались в некоторой зависимости от населения, главным образом, конечно, от наиболее численной и в общем более зажиточной посадской его части. Кроме того, монастыри, церкви, даже отдельные члены клира и братии имели лавки, соляные амбары, владели кузницами и — в уезде — мельницами, сдавали места под них³ и этим, с другой стороны, приобщались к интересам торгово-промышленного класса.

Для большей точности учета населения Нижнего нужно еще упомянуть небольшую группу администрации (воеводы, дьяк с подьячими, сторожа), подворья и отдельные дворы монастырей, большую частью не нижегородских (во времена писцовой книги всего 18 дворов), — дворы, почти исключительно осадные, дворян и детей боярских Нижнего и других, особенно низовых, городов и иноземцев-помещиков (около 150 дворов по писцовой книге), наконец, 152 или 157 (с дьячками и дворниками) человек ямщиков, по данным 7107 г., более 150 дворов в трех монастырских слободках (монастырей Благовещенского, Духова и Печерского), заселенных монастырскими трудниками и бабылями, и несколько келий нищих⁴.

На основании всех этих несколько отрывочных данных складывается все-таки впечатление о Нижнем в начале XVII в. как о городе не только крупном, но и растущем, живом, со значительной по тому времени и все расширяющейся торговлей, с развитым и также растущим ремеслом. В составе его постоянного населения можно считать около 3 200—3 500 взрослых мужчин. При этом посадские люди составляли более половины всех жителей и раза в два с половиной превосходили численностью группу военно-служилую. Но и духовные лица, как мы только что видели, не стояли совершенно в стороне от торговой жизни города, а из дворников и служилых людей некоторые прямо принимали участие в торговле, занимались ремеслом⁵. Ясно, что при таких условиях интересы торго

¹ АИ, т. II, № 69, и РИБ, т. XVII, ст. 42—43, 19—20, 22—23, 31; церковники храма св. Варвары получали деньги и ругу из земской избы — *ibid.*, ст. 31.

² РИБ, т. XVII, ст. 26 и 36.

³ Грамоты Колл. экон., изд. А. К. Кабановым, № 89, 90, 96; РИБ, т. XVII, ст. 209, 211, 212, 218—220, 224, 231, 242, 248, 279, 349, 74; Нижегородские платежные 7116 и 7120 гг., стр. 79 и 229.

⁴ Данные об этих группах в писцовой книге, по большей части разбросанные о ямщиках — ст. 313, о монаст. слободках — ст. 343—345, 349—352, 185—186.

⁵ См. в той же писцовой книге ст. 45, 46, 48, 69, 73, 75, 83, 247, 278 и др.

мысла были господствующими в Нижнем. Нижегородский посад, организованный в десятки и объединенный в земский мир с двумя старостами во главе ¹, являлся наиболее крупной и влиятельной силой в городе.

Для того чтобы приведенные сведения определеннее рисовали индивидуальную физиономию Нижнего, нужно было бы привести параллельные цифровые данные о численности главных групп населения по другим, по крайней мере, крупнейшим городам за тот же период, кроме, конечно, Москвы — города исключительной роли и значения в государстве. К сожалению, необходимые нам цифры почти совершенно отсутствуют, и приходится довольствоваться часто лишь общими впечатлениями, слагающимися к тому же большей частью по опасным данным иностранных наблюдателей, а то и только повествователей. Но даже и такие общие и условные наброски других городов бесполезны для сравнения с очерком Нижнего.

Из городов западных наиболее крупными были Смоленск, Псков и Новгород ². Смоленск, один из крупнейших торговых пунктов, средоточие с конца XVI в. почти всего польско-русского обмена, имел значительный посад. По указанию польского дневника Смоленской осады, в нем было, кроме крепости, «до 6 000 домов». Не можем проверить этой цифры по русским данным, хотя она и кажется преувеличивающей размеры Смоленска. Но на посаде жило, конечно, не одно посадское население. По отрывкам русских документов эпохи обороны можно насчитать 18—19 сотен, в которые были организованы посадские люди, что свидетельствует о значительном, едва ли меньшем, чем в Нижнем, количестве посадского населения. Крупная роль его в городе ясно видна из показаний перебежчиков во время осады. Однако не посад, а в гораздо большей мере крепость определяла физиономию Смоленска. Ключ Москвы и Литвы, очень удачно расположенный, окруженный массивными каменными стенами, Смоленск был одною из лучших крепостей того времени, и гарнизон его был значителен. В начале XVII в. в Смоленске стояли, повидимому, три приказа стрельцов; пушкарей и затинщиков, по отрывкам русских документов, можно насчитать свыше 100 человек, оставляя в стороне их поддатней, воротников и пр. Кроме того, в пограничной крепости должны были в большем количестве, чем в городах внутренней России, проживать и местные дворяне, а их по десятке 1606 г. насчитывают «без малого 1 200 человек» ³.

¹ О десятиях цит. данные «росписей» двора — Памятники нижегор. движения, стр. 299—315, о старостах, например, — Платежники, стр. 151.

² В характеристике этих и остальных городов использованы В. О. Ключевский, Сказания иностранцев о Московском государстве, гл. X, и С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, гл. I.

³ О посаде — РИБ, т. I, ст. 446, 603, 666—667, 672, 673; Памятники обороны Смоленска, изд. Ю. В. Готье, № 232, 234, 235, 248 и 250 — о сотнях, и 202. Упоминание приказов стрелечных — *ibid.*, № 204, 227, 228 и др.; о пушкарях — *ibid.*, № 229, и АИ, т. II, № 259, II. Данные десятии в статье Л. М. Сухотина, О списке Смол. десятии XVI в. (Жури. Мин. нар. просв., 1914, № 12, стр. 254, прим.).

Во Пскове в XVI в. шел процесс, обратный тому, который вполне был намечен для Нижнего. Под воздействием политики московских государей и вследствие изменения в направлении торговых путей в Европе торговая жизнь весьма крупного раньше центра постепенно замирала, а вместе с этим и тем самым все более выдвигалось и здесь значение крепости, первой, по общему признанию, в России. В 80-годах XVI в. наличность во Пскове около 1 600 торговых помещений, 25 мельниц, 8 варниц разного рода, 24 бань, владельцами которых (кроме мельниц) на 80% были посадские люди, заставляет предполагать в городе очень значительное посадское население (одних владельцев лавок указано 773 черных тяглых человека). Однако та же опись 1585—1587 гг. показывает, что посад Пскова не развивался, а сокращался: свыше 500 пустующих лавок, клетей и других мест торговли, 6 свободных мельничных мест, пустующие «тренальни» — явное свидетельство этого процесса. Последовавшие затем пожар 7098 г., в который «погорела во Пскове все торги», «мор велий», после которого «едва немногие люди оставаяся», потом еще «великий глад» 7109—7111 гг., когда во Пскове «померло православных христиан несказанно», должны были губительно отозваться на посаде. Едва ли приведенные после мора приказом правительства люди «из иных городов» наполнили Псков до старых размеров, но и они вымирали в голодные годы, да таким новоприходцам было гораздо труднее, чем коренным жителям, поддерживать и налаживать ушедшую в прошлое торгово-промышленную жизнь их нового местожительства. У нас нет данных о населении Пскова за 1605 и ближайшие к нему годы, но общая тенденция жизни его ясна из цифры 1 058 человек посадских людей в 1630 г., цифры, которой не объяснить одним разорением в Смуту. Между тем на количество военно-служилых людей во Пскове не могли действовать бедствия города: интересы государственной обороны заставляли правительство пополнять убыль, может быть, даже с лихвой, псковского гарнизона. И в нем в 1585—1587 гг. было два стрелецких приказа, как и в 1630 г. стояла тысяча стрельцов. Другие группы военных людей в 1630 г. составляли 450 человек (кроме пустожевских помещиков); вероятно, приблизительно столько же было их и в начале XVII в. В 1630 г. численный перевес уже на стороне военно-служилой группы; перед Смутой соотношение было, вероятно, более благоприятно для посада, но и тогда служилых людей было во Пскове и абсолютно и, надо думать, относительно больше, чем в Нижнем¹.

Умирание посада гораздо заметнее ввиду большей удаленности от моря и ряда решительных мер московских правителей в Великом

¹ Опись Пскова, сохранившаяся в далеко не полном виде и дающая собственно лишь описание промышленных и торговых заведений, церковных ив и рыбных ловель, напечатана в V т. Сборника Моск. арх. Мин. юст., а разработана еще ранее *Н. Д. Чечулиным*, Города Моск. государства в XVI в., гл. IV. О 1630 г. — в заметке *Н. Харузина*, Псков и его пригороды перед второй Польской войной при царе Михаиле (Древности. Труды Археогр. ком. II. моск. археол. общ., т. I, вып. 3, М. 1899). О бедствиях — ПСРД, т. IV, стр. 321, и т. XIV, ч. I, стр. 48.

Новгороде. По данным описей 80-х годов XVI в., впрочем, несколько неполным, в Новгороде оставалось всего около 275 старых «черных тяглых живущих» дворов с 750 приблизительно взрослых мужчин. Правда, как раз в эти годы в городе появляется много новых насельников: в одном Плотенском конце, о котором только и есть сведения, несколько больше 200 дворов с 400 людей. Если даже предположить, что всех новых дворов в Новгороде появилось в это время около 1 000, и тогда новгородский посад 1590-х годов далеко уступает по размерам своему предшественнику середины XVI в.: на одной только Софийской стороне писец 1581/82 г. насчитал свыше 1 700 пустых дворов и мест дворовых. Позже пожары—1600 г., истребивший 400 дворов, и 1605 г., жертвой которого стали, кроме массы торговых помещений (половина гостиного двора и 700 лавок), еще 300 дворов,—и другие бедствия не могли способствовать возрождению и процветанию города. О военных людях в Новгороде не имеем цифровых данных, но, судя по положению города, должны считать, что количество их скорее близко к псковскому, чем к нижегородскому; в 7140 г. в Новгороде полагалось по смете иметь 1 000 стрельцов, было в действительности 864 ¹.

Таким образом, во всех трех западных городах значительный по количеству военный элемент их населения должен был играть крупную роль в жизни этих центров; пограничное их положение увеличивало силу военных соображений и интересов. И, опираясь на то и другое, государев воевода, человек более чиновный, чем в Нижнем, обычно боярин или окольныйчий (а в Нижнем — стольник, а то и дворянин московский)* с товарищем, а то и двумя, и с двумя обычно дяками являлся почти полным хозяином. Рядом с ним стоял высокий авторитет главы духовного — архиепископа в Смоленске, епископа во Пскове, митрополита в Новгороде, за которыми был весьма многочисленный «духовный чин», особенно во Пскове и Новгороде: даже по отрывочным описям 1580-х годов можно насчитать 56 монастырей и свыше 40 церквей в первом и около 30 обителей и более 60 храмов во втором. В Смоленске в 1598 г. одних только «ружных» было 5 монастырей и 15 церквей ². При таких условиях посад оказывался на втором плане. И, кажется, вполне основательно летописец выдвигает, например, в Смоленске, в качестве решающих вопрос о помощи Москве владыку-архиепископа, воевод и «всех ратных людей» ³.

¹ В. В. Майков, Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. и Б. Д. Греков, Опись Торговой стороны в писц. кн. по Новг. Вел. XVI в. (в Летописи занятий Археогр. ком., вып. XXIV и отд. пер. 1911 г., втор. 1912 г.). Данные первой были разработаны А. М. Гневушевым в статье Эконом. положение Вел. Новгорода во второй половине XVI в. (в Сборн. Новгор. общ. любит. древн., вып. VI, 1912 г.), в рассуждения которого нужно теперь внести поправки от данных второй описи. — О бедствиях — ПСРЛ, т. III, стр. 264; т. XIV, ч. I, стр. 71. Данные 7140 г. — в цитир. Смете военных сил Моск. гос. — Военно-ист. вестник, 1910, № 9—10.

² Масловский архив, вып. 1, № 50, в Чтен. Общ. ист. и древн., 1916, кн. II.

³ О духовенстве — в цит. выше источниках; О Смоленском решении в Новом Летописце — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 72; о воеводах в Списках воевод — Барсукова, Разрядные записи за Смутн. вр., стр. 84, 96, 106, 107.

О крупных восточных городах — Казани и Астрахани — уже приходилось упоминать, отмечать их большую и все возрастающую торговлю. Но значительные торговые обороты Астрахани не свидетельствуют о большом посаде в пей. Торговля в этом прикаспийском пункте велась почти исключительно съезжавшимися в нем русскими (из других городов) и иноземными купцами. Сама по себе Астрахань, отделенная от остальной России громадным пространством пустынных степей с переходом до Москвы «копни... недель в семь, и осмь», степей, в которых встречались лишь искавшие добычи станицы казаков и татар, не могла особенно привлекать посадских людей, и за первые 50 лет пребывания в составе России едва ли имела более или менее значительный посад. И иностранцы, говоря о постоянном населении Астрахани, подчеркивают военный элемент. Действительно, положение русского города в глубине степей, необходимость обеспечить за собой устье Волги и заставлять «грозно» держать русское имя соседней кочевников требовали большого гарнизона в каменной крепости Астрахани. Здесь в начале XVII в. стояли, очевидно, три стрелецких приказа, из которых один был конный, и соответственное количество пушкарей, затынщиков и воротников; и сверх того «низовые городы» высылали сюда на годованье отряды дворян своих и стрельцов. Нужно отметить еще, что с 1602 г. в Астрахани проживал и епископ, который рядом с воеводой стоял во главе города ¹.

Сложнее состав населения Казани и внутренних в ней отношений. Еще в 1566—1568 гг. в Казани было почти 600 черных тяглых дворов; в начале XVII в. посад ее был, конечно, больше; иностранцам Казань казалась гораздо населеннее Нижнего. Но рядом с этим посадом — русским — была в Казани еще значительная слобода татарская, в которой в 1566—1568 гг. жило около 1 500 семей. Затем, Казань с самого покорения стала местопребыванием архиерея новоустроенной епархии, и в начале XVII в. митрополит ее и по своему положению руководителя христианским просвещением в огромном национальном районе и по личным качествам носителей этого сана (Гермоген и Ефрем) являлся весьма влиятельным лицом в городе. Наконец, как главный центр управления обширной новоприсоединенной и еще не вполне замиреной областью Казань постоянно имела на месте воеводы боярина (а то и двух), три приказа стрельцов в начале XVII в., да сверх того и дети боярские-казанцы были гораздо более связаны с городом, в котором проживали («жилыцы»), чем с уездом, где у них были лишь половины их поместий (другие половины в Нижегородском, Арзамасском и др. «верховских» уездах)². Таким образом, и в Казани посад, хотя и значительный, не был главенствующим в городе.

¹ П-ий, М. П., Хождение на восток Ф. А. Котова в Известиях Отд. русск. яз. и слов. И. ак. наук, 1908, т. XII, стр. 75; Из рассказов Дон-Хуана Персидского в Чтениях Общ. ист. и др., 1899 г., кн. I, стр. 6; Изборник, стр. 330 и 322; И. Покровский, Русские епархии в XVI—XIX вв., т. I, стр. 57.

² П. Д. Чечулин, Города Моск. государства, стр. 200 и сл. Из рассказов Дон-Хуана Персидского, стр. 6; о стрельцах в начале XVII в. — Изборник,

Гораздо ближе к Нижнему по составу населения стояли города северного Замосковья — Вологда и Ярославль. Расположенные на пути от Белого моря к Москве и в то же время являясь узлами торговых путей северной и средней России, эти города стали особенно полниться и богатеть во второй половине XVI в. и были, по отзывам всех очевидцев, очень крупными и богатыми центрами. Вологодский посад, по письму до Смуты, но, к сожалению, неизвестно какого года, был положен почти в 7 сох, т. е. почти равнялся нижегородскому 1590-х годов. В начале XVII в. посад вологодский был, очевидно, очень значителен, может быть, больше нижегородского, как можно думать на основании большего, чем в Нижнем, количества церквей: только на посаде «до разоренья» 1612 г. было в Вологде 40 приходских храмов, не считая собора и 10 церквей в «городе». О значительности и богатстве Ярославля свидетельствует указание, — пусть с преувеличением цифры, — что он, впрочем, при участии живших в нем торговых иностранцев, уплатил в Тушино 30 тыс. рублей и обязался снарядить конный отряд в 1 000 человек. Военное значение этих срединных городов, которым нигде не угрожало вражеское нашествие, было ничтожно; соответственно невелики были и гарнизоны их кремлей, из которых ярославский даже находился в запущенном состоянии. Относительно Вологды имеем случайное упоминание о 300 стрельцах ее, но оно относится к разгару Смуты — 1612 г.; было ли столько их и до Смуты, не знаем, но позже — в 1632 г. — на Вологде стояло 162 стрельца при трех сотниках. В Ярославле в этом же году значится всего 100 стрельцов. Из этих отрывочных данных все-таки ясно, что преобладание посада на Вологде и в Ярославле было полное, но на Вологде не нужно забывать архиепископа с его людьми¹, и в обоих городах посад должен был делить свое влияние на дела с силами уездными.

На соотношении города и уезда нет особой надобности останавливаться, когда речь идет о западных и восточных пограничных городах: военно-государственные интересы и цели, господствуя в городе, подчиняли себе и уезд. Иное дело в средней России, где отсутствие давления военных соображений предоставляло известную свободу действий населению. Вологодский уезд, соседний географически Поморью, был схож с ним и по составу населения с очень незначительной группой помещиков и массой свободного крестьянства. Это черносошное довольно зажиточное и крепкое своею старинной организацией в волостных мирах крестьянство и было той

стр. 360; о «жилцах» и их поместьях см., например, Арзамасские поместные акты, № 127, 188, 191 и др., Арх. М. юст., Поместн. прик., по Нижнему, стр. 21067, докум. 35, 43, 49, 50.

¹ Кроме указ. работы С. Ф. Платонова, стр. 21—23, о Вологде еще Акты писцового дела, изд. С. Б. Веселовским, т. I, № 56; Доп. к А. И., т. I, № 165; Н. Суворов, Несколько статист. и топограф. сведений о Вологодской епарх. в Волог. епарх. вед. 1865 г., № 15 и 16; А. Е. Мерцалов, Вологодск. старина, Спб. 1889, стр. 34—71; о Ярославле — Сказания соврем. о Дмитриии Самозв., изд. 3-е, т. I, стр. 100 и т. II, стр. 180; о 1632 г. — См. Сметной список в Военно-ист. вестн.

Сильной силой, с которой всегда нужно было считаться посадугды, тем более что в таких «крестьянских» уездах посад был очень близок уезду, постоянно пополнялся из него, находился с ним в «интенсивном взаимодействии». В Смуту эта связь города и уезда па Вологде и участие крестьян в общих делах постоянно и обнаруживались¹. Иную картину представлял южнее расположенный Ярославский уезд. Здесь к началу XVII в., вероятно, уже не оставалось черных земель; дворцовые занимали довольно обширную площадь, и большую долею уезда владели вотчинники и помещики из московских чинов и местного дворянства. Ярославское дворянство, одно из самых многочисленных в то время, насчитывавшее не менее 600 членов, имевшее в своем составе и родовитых, хотя и захудалых, представителей потомков князей ярославских, вошедшее еще чрез «избранную тысячу» в связь с московскими чинами и позже дававшее в их состав своих сочленов, — такое дворянство должно было явиться серьезным соперником посада во влиянии при решении дел, когда к этому представилась возможность в Смуту².

Попытаемся теперь выяснить, насколько возможно, состояние Нижегородского уезда в начале XVII в.

В то время Нижегородский уезд далеко не занимал всей территории позднейшей Нижегородской губернии. Сколько можно судить по данным платежниц 7116 и 7120 гг., дозора вотчинных и поместных земель 7121 г., грамот Коллегии экономии, изданных А. К. Кабановым и печ. др.³, в состав его территории входили к югу от Волги: 1) весь позднейший Нижегородский уезд, 2) небольшая западная часть Макарьевского, причем граница с Курмышским уездом шла восточнее Юркина (на Волге) и Летнева (на Судовике) и западнее Белашина (между названными реками),

¹ Ю. В. Гомье в своей работе о Замосковном крае прямо отнес Вологду вместе с Белоозером к северным областям, лишь «иногда вводя в изучение материалы» по этим уездам — стр. 171. О раздаче земель помещикам в XVII в. — *ibid.*, стр. 340, и в Материалах для истории делопроизводства Поместн. приказа В. Н. Сторощева, вып. I, 1906, но даже и в 7140 г. на Вологде числилось всего 156 человек детей боярских (цит. Сметный список, стр. 60). О соотношении города и уезда на севере — М. М. Богословский, Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, М. 1909, стр. 124 и сл.

² Об Ярославском уезде отрывочные данные в указ. работе Ю. В. Гомье гл. V. В 1632 г. ярославских дворян считали 607 человек; в 1609 г., по показаниям одного полоняника, «ярославских и галицких детей боярских тысяча семьсот» (!) — Акты времени правления царя Василия Шуйского, изд. А. М. Гневушевым, № 42, и цит. Сметной список 7140 г., стр. 61 (об Ярославле) и 60 (о Галиче); о «тысячниках»-ярославцах — Н. П. Лихачев и Н. В. Мятлев, Тысячная книга, Орел 1911, стр. 3, 5, 9.

³ Издания этих источников указывались выше. В дополнение и для проверки были использованы Арзамасские пом. акты, Писцовая книга Арзам. у., ч. I, в VIII вып. XV т. Сборника Нижегород. арх. ком., Выписи из писц. кн. вотчины нижегор. Печерск. мон. с. Ягодному 1621—1622 гг. в V т. того же Сборника, отд. III, стр. 40, Курмышские акты в I вып. Летописи зан. Археогр. ком. Селения отыскивались по Списку насел. мест для Нижегород. губ., СПб. 1863, и отмечались на 10-верстной карте Генерального штаба (оба издания не отличаются точностью).

3) почти вся северная часть до реки Пьяны Княгининского уезда за исключением клина к югу от Княгининской волости (от Неутренки до Картмазовки вглубь) и села Ягодного с деревнями, 4) маленький кусочек на севере Арзамасского уезда на реке Вадке с селом Вад, 5) весь, или почти весь, Горбатовский уезд со включением и его заокской части, причем на юге граница проходила где-то в лесах к югу от реки Серези, и, наконец, 6) небольшая часть Балахнинского уезда по Оке и Волге от границы с Гороховецким уездом почти до самой Балахны с неясной границей в болотистых лесах. Что же касается Заволжского края, то к Нижегородскому уезду причислялась довольно длинная полоса приблизительно от реки Липы на западе и чуть ли не до Ветлуги на востоке, во всяком случае речка Лотоша «ниже Василия города» считалась в Нижегородском уезде; северная граница совершенно не известна, но во всех материалах упоминаются только ближайшие к Волге озера и речки.

Исключное население этого края — мордва — со второй половины XVI в. особенно сильно чувствовало стеснения от усилившегося наплыва русских переселенцев. Сравнительная безопасность, обеспеченная покорением Казани и постройкой крепостей на востоке и юге, наличие свободных и притом к югу от Волги вполне пригодных для хлебопашества земель, хотя и покрытых почти сплошь лесом, естественные богатства края, достаточное количество рек и озер и сама Волга — все это делало нижегородские места привлекательными для бежавших от тяжелых условий жизни в центре крестьян. И многие из них, направившись, быть может, в новозавоеванный край, оседали по дороге в Нижегородском уезде. Но в царствование Грозного восстававшая черемиса неоднократно прорывалась и в нижегородские места, и выжигала, и пустошила поселения, и в конце 60-х годов, и в 70-х, и даже, повидимому, в 80-х годах; указания «а дворы пожгла черемиса» или «запустили от черемисские войны», иногда с датой 7075, 7078, 7079 гг., очень часты в выписях из книг Жижемского — 7079 г., Тумского — 7084 г. и Борисова — из 7096 г.¹ «Война Казанская» 7092 г. и поставление Кокшайска, Цивильска и Уржума, очевидно, действительно «укрепили все царство Казанское»².

В начале XVII в. Нижегородский уезд имел уже довольно большое, хотя еще далеко не наполнившее его, население. Свыше 600 селений русских и мордовских были разбросаны по его территории. Но распределились они по уезду далеко не равномерно. Северная, заволжская часть, — еще и в настоящее время в значительной части пустынная, лесная и болотистая, — была заселена слабее других: только в небольшой западной части было несколько мелких деревень и починок, по восточнее реки Ватомы по левому берегу Волги не было, кажется, ни одного поселения. К югу от Волги, в Стрелище, или Стрелицком стану, — самом западном, до Оки, население жа-

¹ Арх. Мин. юст., Поместн. пр., ст. 21067, док. 5, 37, 48—52, 55, 58.

² ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 34 и 36.

лось к Оке и Волге, не отходя от них в глубь лесов. За Окою население было более густо в западном — Березопольском — стану, чем в огромном восточном — Закудемском (за рекою Кудьюю). В этих двух станах, и, кажется, только в них, более в Закудемском, чем в Березопольском, наряду с русскими починками, деревнями, изредка селами лежало немало мордовских сел и деревень. Но мордва в начале XVII в. составляла уже меньшинство в населении уезда ¹.

Под пашню в начале XVII в. было расчищено в Нижегородском уезде сравнительно немного места. Значительная, главным образом северная, часть Березопольского стана, приокские и приволжские места Стрелицкого, приволжская же полоса и восточная Княгининская волость Закудемского стана, — все места, паигуше заселенные русскими, — были главными центрами земледелия. И черноземная, а главным образом суглинистая и супесчаная, но сильная и совсем мало использованная почва, видимо, хорошо вознаграждала труд земледельца. По крайней мере, даже иностранцы знали о плодородии Нижегородского края ², а большое количество мельниц в уезде (свыше 60 одних водяных) может служить, кажется, и объективным показателем богатства края хлебом.

Мордва занималась земледелием мало. К ее услугам были огромные леса, разделенные на ухожен, куда она, да и русские, ходили для бортного и звериного промысла. Особенно богат был ухожеями Закудемский стан. По берегам Оки и Волги было много лугов. Но сено собиралось в достаточном количестве и в других местах; луга и ухожен были даже и в Березопольском стану. Кроме того, по всему уезду на реках и озерах были богатые, судя по величинам оброков, бобровые гоны и рыбные ловли.

В отношении к распределению землевладения Нижегородский уезд представлял очень однообразную картину. Светских вотчинников в начале XVII в. было всего два на весь уезд: боярин Фед. Ив. Шереметев, которому принадлежало в Закудемском стану село Кадницы на реке Кудье с пустошами и деревня Медведково — всего 686 четей пашни «в поле, а в дву потому ж, сена 1 502 коппы, леса и всякия угодья», и боярин кн. Ив. Мих. Воротынский, владевший в том же Закудемском стану большим селом Княгининым (потом город Княгинин) с деревнями — пашни 733 чети, «сенных покосов 1 645 копен» ³.

Монастырское владение было развито в Нижегородском уезде весьма слабо. Платежница 7116 г. говорит только о небольших вотчинах и различных угодьях нижегородского Печерского монастыря

¹ Характеристика уезда дается преимущественно на основании платежниц, дозора и грамот Коллегии экономии.

² *Костомаров*, Очерк торговли, стр. 232; История о вел. кн. моск. *Петр* — Чтен. Общ. ист. и древн., 1864 г., кн. IV, стр. 28.

³ Размеры приведены по данным дозора 121 г. — цит. Сборник, т. VII, стр. 618—619 и 633—636; отсюда же видно, что вотчина Шереметева была старинная, пожалованная царем Иваном, хотя она почему-то не попала в список владений, с которых по платежнице 7116 г. были взяты сборы «ямщиком на прогоны, и полоняничных и за наместнич корм».

и приписанного к нему Толоконцевского¹, нижегородских же Зачатейского, Благовещенского, Николы Дудина (в Нижегородском уезде), Троице-Сергиева, суздальского Спасо-Евфимьева и еще нескольких из ближайших мест².

Остальные частновладельческие земли были поместья, принадлежавшие в начале XVII в. приблизительно 400 владельцам³, почти исключительно дворянам и детям боярским и иноземцам Нижегородского уезда. Из иноуездных владельцев можно отметить только около 40 человек сваяжских, казанских, кузьмодемьянских, чебоксарских жильцов и некоторых других⁴. Характерным для уезда является между прочим полное почти отсутствие в нем перед Смутой поместий московских чинов: по платежнице 7116 г. можно указать только маленькое поместье дьяка Петра Микулина⁵.

Нижегородское дворянство принадлежало к числу мелкопоместного. Небольшие земельные владения, очень редко соответствовавшие окладам, не всегда лежали в пределах одного стапа. При этом же, очевидно, по недостатку рабочих рук, обрабатывалась обычно очень небольшая доля поместья. Для иллюстрации приведем несколько примеров. Самый крупный помещик уезда — третий в десятне 1607 г. — Бор. Ив. Доможиров при окладе в 600 четей имел 545 четей пашни и собирал 600 копен сена; в поместье его было несколько мелких озер, на поместном же праве (в 30 четей) была за ним мельница, но и у него пашни в живущем в 7116 г. считалось только около 142 четей, т. е. немногим больше четверти его поместья⁶. Ждан Петрович Болтип, также принадлежавший к верхам

¹ О приписке Толок. мон. к Печерскому при царе Федоре — цит. Грамоты Колл. экономии, № 73.

² Изд. С. Б. Веселовским платежницы см. по указателю.

³ Платежница 7116 г. называет всего около 275 помещиков, но ее данные очень неполны, что видно из сравнения ее с дозором.

⁴ Звания помещиков, большею частью не указанные в Платежнице 7116 г., устанавливались на основании нижегор. десятен, указаний дозора 121 г., позднейших Платежниц и других материалов; все же для 19 лиц не удалось определить их званий.

⁵ Цит. платежницы, стр. 17.

⁶ Об окладе десятины 1607 г., л. 2. Размеры поместья даны по книге дозора 121 г. — Сборник, т. VI, отд. III, стр. 134—135 (в это время оно принадлежало детям Бориса); количество пашни в живущем («пашни паханой») производится по платежнице 7116 г., стр. 18, ибо в книге дозора констатированы результаты разоренья в Смуту. Так же сделано и в остальных примерах. Если размеры пашни и в живущем выражены в долях сохи, то количество четей дано на основании размеров сбора с этой пашни (по расчету $3\frac{1}{2}$ деньги с чети, как это ясно из примеров других поместий), ибо при небольшом запасе дробей в тогдашней арифметике перевод в сошное письмо нередко был только приблизительным. Часто за известным лицом в книге дозора 1613 г. значатся такие селенья или пустоши, которые не показаны за ним в платежнице 1607/08 г. Эти части поместий мною не принимались в расчет; они, вероятно, придачи, полученные при царе Василье, от боярского правительства или от царя Михаила, на пожалованья которых нижегородцам есть указанья в той же книге дозора — Сборник, т. VI, отд. III, стр. 134—135, 139, 142, 147, 153, 154, 162; т. VII, стр. 639. В пользу выказанного предположения говорит и то, что такие селения в платежнице 7116 г. иногда значатся за другими лицами, иногда не в поместных землях, но иногда — особенно пустоши — совсем не упоминаются.

нижегородского дворянства, имел в двух станах из 400 четей оклада всего 200 четей пашни в поле, из которых паханой было около 80 четей; сена собирал 92 коппы ¹. Но таких, как Жд. Болтин, было очень немного среди нижегородских помещиков. Не особенно многие могли похвалиться приблизительно такими же поместьями, как у Ос. Ал. Скрыпеева: 170 четей в поле, в том числе около 27 четей паханой, тогда как оклад его 400 четей ². Обычными для большинства размеров поместий были такие, как у Хрисанфа Злобина—100 четей, из них 12 пашни паханой ³, или как у Копыри Доскина — 100 четей — всего четверть его оклада (400 четей), но только 6 из них пашни паханой ⁴, или как у Иуды Кокорева — 75 четей (а оклад 200 четей), из которых в живущем 10 ⁵. Но встречались, и не слишком редко, даже такие оклады и поместья, как у Ал. Слузова: 100 четей по окладу, 43 — в поместье и из них всего 3 пашни паханой ⁶.

При таких «дачах» и при таком состоянии поместий большим подспорьем для нижегородского дворянства должно было являться государево денежное жалованье. Но и оно для большинства, получавшего «с городом», не могло быть выше 14 рублей и «выдавалось смотря по службе, а если служб не бывало, то в известные сроки, раз в 3—5 лет и даже реже». В 1607 г. из 316 человек нижегородских дворян и детей боярских только 14 получали жалованье из чети, т. е. ежегодно, остальные — «с городом». Последним в этом году предстояло получить: имевшим оклады до 6 рублей сполна, имевшим оклады выше 6 рублей — в половину оклада. Но «многим за петы» государева денежного жалованья не было дано ⁷. Меж тем, «государева служба» заставляла еще по временам бросать свое хозяйство и идти служить в чужой город или в московский приказ (очевидно, избранных), а иногда забрасывала куда-нибудь на далекий Терек или увлекала в поход ⁸. При таких условиях благосостоя-

---

¹ Платежницы, стр. 16 и 19; Сборник, т. V, отд. III, стр. 30; т. VII, стр. 625; десятиня, л. 3 об.

² Платежницы, стр. 14; Сборник, т. V, отд. III, стр. 17—18; десятиня, л. 49 об.

³ Платежницы, стр. 9; Сборник, т. V, отд. III, стр. 23; в это время поместье записано за его сыном Иваном, оклад которого по десятине 350 ч. — л. 23 об.

⁴ Платежницы, стр. 9; Сборник, т. V, отд. III, стр. 25; десятиня, л. 6 об.

⁵ Платежницы, стр. 10; Сборник, т. V, отд. III, стр. 32; десятиня, л. 13 об.

⁶ Платежницы, стр. 10; Сборник, т. VI, отд. III, стр. 175; десятиня, л. 45.

⁷ О жалованье «из чети» и «с городом» — Л. М. Сухотин, Четвертнички Смутного времени (1604—1617) в Чтен. Общ. ист. и древн., 1912, кн. II и отд. предисл., стр. XII—XVI. Десятина 1607 г. называет 96 петчиков — л. 42—48.

⁸ Из цит. десятини видно, что в 1607 г. 56 человек нижегор. было на службе вне Нижнего, и все они, кроме 6 человек, служили «на Терке», где, повидимому, 17 из них и были убиты, — л. 49—52; о службе нижегородцев в Терском городе в 1604 г. есть указание в цит. выше Сношениях России с Кавказом, стр. 452. Иногда такая служба могла продолжаться несколько лет подряд. Разрядные записи за Смутное время, изд. С. А. Белокуровым в Чтен. Общ. ист. и древн., 1907, кн. II, III и отд., стр. 205.

ние нижегородского дворянства вряд ли могло быть — в общей массе — высоко и особенно прочно; нетрудно было захудать до того, что «в круговую поруку за них никто не писался», или даже до того, чтобы скитаться «межи двор», как это отмечает десятина 1622 г.¹, так легко и естественно было оказаться «нетчиком» без всякой «измены» и «пераденья».

Плохо обеспеченное экономически, нижегородское дворянство не блистало и генеалогией, не имело и связей служебных, не пополняло чины московские. Оно формировалось, вероятно, около середины XVI в.² из переведенцев из разных мест, а частью из местных элементов. На весь уезд одна очень захудалая княжеская семья Болховских, переведенная на службу в Нижний, очевидно, из Владимира во второй половине XVI в.³ Жедринские — одна из лучших семей нижегородского дворянства, — по указанию их родословной, вел. кн. Василием Васильевичем переведены в Нижний из Новгорода⁴. Оттуда же, вероятно, явились в Нижний и Доможировы — другая видная фамилия местного дворянства, может быть, также Клепальницыны, Князегорские и некоторые другие⁵. На месте «прибирали» во дворе и татар, совсем не родовитых, от которых, очевидно, шли Канревы, Колбецкие, еще сохранявшие в начале XVII в. и имена Ислам, Мурза; «прибирали» и обрусевших иноземцев, давших, повидимому, фамилии Молитовских, Подбельских, Радомских и Чернеевских. Такому перодословному и даже худородному дворянству, конечно, трудно было тянуться вверх, пробираться в московские чины. Никто из нижегородцев не попал в избранную «тысячу» царя Ивана, очевидно, по «непригодности», ни один и позже — до царя Михаила — не дослужился до дворянства московского.

Все сделанные сейчас наблюдения позволяют заключать, что нижегородское дворянство вряд ли могло играть особенно крупную роль в жизни своего уезда и составить по влиятельности серьезную конкуренцию нижегородскому посаду.

На характеристике небольшой группы поместных иноземцев — по платежнице 7116 г. их 18—19 человек, по книге дозора 7121 г., не считая вдов, 36 человек — нет надобности специально останавливаться. Как помещики они находились в тех же условиях, что и дворяне; поместья их были в общем мельче дворянских, далеко не достигали таких размеров, как указанное выше поместье Жд. Болтина; играть самостоятельную роль они, конечно, совсем не могли.

¹ Десятина 1622 г. в IX вып. Действий Нижегород. уч. арх. ком. стр. 402.

² В летописях «нижегородцы» упоминаются как раз с середины XVI в. — см. ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 243, ч. II, стр. 478.

³ Г. А. Власев, Потомство Рюрика, т. I. Князя Черниговские, ч. I, стр. 605—607 и 642; указанные у него Ив. Дм., Ник. Фед., Ром. Фед. и Фед. Богд. (20, 23, 25 и на стр. 642) все имеются в десятина 1607 г., л. 2, 4 об., 5 и 35.

⁴ А. А. Гераклитов, Род Жедринских в Трудах Саратовской арх. ком., вып. 32, 1915 г.

⁵ Эти фамилии встречаются в новгородских писцовых книгах — см. Указатель к ним, 1915.

Частное землевладение занимало в начале XVII в. небольшую часть Нижегородского уезда. До насыщения помещиками здесь было еще далеко. И помимо мордовских сел и деревень в Нижегородском уезде было тогда достаточное количество населенных русскими государевых дворцовых селений. К ним принадлежали, кажется, все наиболее крупные села в уезде, кроме Киягинина, как село Павлово с острогом и непашенной слободкой в 99 дворов и с положенными в 24 выти с лишком пашенными крестьянами, с сотней торговых и ремесленных заведений, рядом мельниц, село Ворсма с 11 дворами непашенными и 22 вытями пашенных крестьян и ряд других. Бегло отмеченные выше естественные богатства края позволяют предполагать зажиточность дворцовых крестьян Нижегородского уезда ¹. В случаях опасности на них, подобно поморским «мужикам», можно было, кажется, рассчитывать, как на опору порядка, с их стороны можно было ждать поддержки правительству, хотя, как недавние поселенцы в крае, без традиций, без прочной организации, они не могли быть значительной силой в уезде.

В противоположность дворцовому крестьянству значительная часть мордвы, раздраженной занятием ее земель и лесов русскими, силой прекращавшими поднимаемые мордвой восстания, помещичьи крестьяне, передко едва избывшие тягостей крепостной неволи и вновь застигнутые в новых местах помещичьей рукой, и, конечно, холопы, которых, впрочем, было как будто немного в Нижегородском краю ², — эти группы представляли опасный элемент. При удобном случае ослабления государственной власти они могли восстать для мести угнетателям и добывания себе своих земель или свободы. Такой случай им и представился в Смутное время.

---

¹ О дворцовых и бортных селах говорят первые страницы платежницы 7116 г., о мельницах — стр. 74—79; показателем их благосостояния может до известной степени служить значительность кабацких доходов в этих селах, о которой заключаем по величинам откупных денег за них, — *ibid.*, стр. 150—151, данные 7120 г.

² Такое впечатление производят редко встречающиеся указания «людских» дворов у помещиков по дозору 121 г.; впрочем, это данные после Смуты, во время которой могла произойти значительная убыль холопов.

Глава II

УЧАСТИЕ НИЖНЕГО В СОБЫТИЯХ СМУТЫ ДО ОСЕНИ 1611 г.

События первого периода Смутного времени, когда в столице и на далекой Украине шла борьба за московский престол, непосредственно не затрагивали Нижнего-Новгорода. Вначале он только видел некоторых, потерпевших поражение в этой борьбе. Так, по воцарении Федора Ивановича в Нижний был сослан затеявший какую-то смуту в столице Богдан Бельский, при царе Борисе в 1602 г. с июля по октябрь прожили здесь под надзором возвращенные из ссылки кн. Ив. Бор. Черкасский и Ив. Ник. Ромапов¹. Затем начавшееся в 1604 г. волнение среди приволжских казаков, потом поход по Волге самозванца Петра-Илейки уже должны были отразиться на торговых оборотах Нижнего, затрудняя и, может быть, даже временно прекращая торговое движение на Волге². Но как только при царе Василье началась социальная смута, она захватила в свой район и Нижегородский край.

«Воровские листы» Болотникова достигли и приволжских мест. Получив известия, вероятно, еще преувеличенные, о размерах движения, давно таившие недовольство народы Поволжья сочли момент подходящим для того, чтобы сосчитаться с русскими, и восстали. Предводителями их — «старейшинами» — источники называют «двух мордвин: Москова да Воркадица». «Воркадин», повидимому, был действительно мордвин: платежницы 7116 и 7120 гг. знают двух мордвинов с именем — «Варгодица» — Ворманова и Чинкова. Последний, одна из заметных, судя по данным платежниц, фигур среди закудемской мордвы, может быть, и был предводителем восставших, а Москова нельзя ли отождествить с видным, — опять-таки только по

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 35, и АИ, т. II, № 41, стр. 45 и 50.

² Ранние сношения «царевича Димитрия» с донскими казаками едва ли были тайной для волжских. Во всяком случае Ст. Годунов, посланный царем Борисом в Астрахань, не мог проехать дальше Саратова и едва избежал пленения казаками. — Сказания Массы и Геркмана, стр. 101, и Сказания современников о Димитрии Самозванце, изд. 3-е, т. I, стр. 33 (*Бер-Буссов*). Весною 1605 г. Самозванец писал в Москву, что «поволские городы» ему уже «добили челом» и воевод к нему привели — ААЭ, т. II, № 34 (то же в РИБ, т. XIII, стр. 44, и Изборник слав. и русск. сочинений и статей, внесенных в хронографы русск. ред. *А. Попова*, стр. 230). — Об Илейке-Петре — ААЭ, т. II, № 81, II, и Изборник, стр. 330—331.

впечатлению от сведений платежниц, — среди чебоксарской черемисы Елибахтой Московым? Ведь и в восстании, судя по территории, на которую оно успело распространиться, принимала участие не одна мордва, но и черемиса.

С ними же соединились также имевшие полное основание быть недовольными своим положением и общественным устройством «боярские холопы и крестьяне». К восстанию против Шуйского примкнула и большая или меньшая часть местного дворянства, в том числе нижегородского. Записки арзамасца Болтина сохранили указание, что «за воеводы место» у восставших был Ив. Бор. Доможиров, один из немногих четвертчиков-нижегородцев, вероятно, прямо с государственной службы, или только что кончив ее (в 7112—7114 гг. он был стрелецким головою в Царевококшайске ¹), перешедший в предводители восстания. Грамота царя Василия в Свияжск называет рядом с ним его брата Матюшку, а из грамоты в Муром видно, что крупным деятелем восстания в Нижегородском уезде был также нижегородский четвертчик из «выбора» кн. Ив. Дм. Болховской. В этой же грамоте упоминается, как «государев изменник», и еще один нижегородец, из рядовых детей боярских, — Баженко Есин. Нижегородское дворянство, не чувствовавшее, как мы видели, невыгодной конкуренции льготного боярского землевладения, было увлечено к восстанию, вероятно, не опасением боярской политики боярского царя, как это могло иметь место на юге России, но именем спасшегося будто бы царя Дмитрия, который в свое короткое царствование успел поверстать и наделить денежным жалованьем между прочим и нижегородцев.

Восстание в Приволжском крае охватило большой район. Арзамас и Алатырь оказались «в измене» царю Василию. Свияжск тоже целовал крест еще не явившемуся Дмитрию. За Окой, ближе к Москве, в Муроме также на время взяли верх «изменники». Все свои усилия мятежники направили на оставшийся верным Шуйскому Нижний. Для одних этот город был местом, где находили защиту и помощь поселившиеся в крае русские и куда собирали с них оброки за охоту и бортничество в их же собственных лесах. Для других он был опорой и вместе олицетворением порядка, лишившего их не только собственности, но и свободы. И тех и других могли привлекать и богатства города. И, вероятно, лишь немногие из осаждавших стремились завоевать Нижний для царя Дмитрия. Город был обложен, пробиравшиеся к нему хватали и отправляли в Путивль. Но за крепкими стенами можно было долго сопротивляться не привыкшим к военным действиям плохо вооруженным местным народам и боярским крестьянам и холопам. Да осада и не длилась особенно долго. Поражение Болотникова под Москвой 2 декабря произвело,

¹ Не Ив. ли Доможиров был «голова стрелецкой из Кокшайского», встретивший «выше Свиизского города десять верст» отряд самозванца Илейки Петра и сообщивший ему о гибели «на Москве Гришки Ростриги»? — ААЭ, т. II, № 81, II; ведь воеводой в Царевококшайске при Шуйском вместо Дм. Сав. Жедринского, с которым служил Доможиров, был назначен Третьяк Гр. Вельяминов-Зернов — Разрядные записи за Смутное время, стр. 205 и 243.

видимо, сильное впечатление на восставших. 11 декабря в Муром приехали верные Шуйскому дворяне и дети боярские, прочли царскую грамоту, и город целовал крест царю Василию, а изменников, «перенмали миром и в тюрьму посажали», схватили и отослали в Москву и присланного из Нижегородского уезда «для ратных людей» Баж. Есипа. Свияжск, наказанный за измену Шуйскому «запрещением» митрополита Ефрема, в декабре же сам добил челом царю. Царские воеводы Гр. Гр. Пушкин и Серг. Одогуров «поворотили царю Василию» Алатырь и Арзамас, а из-под Нижнего восставшие, узнав о движении воевод, сами «разбежались». После этого нижегородские дворяне в числе других отправились с Пушкиным в поход и принимали участие в битвах с «ворами» при Серебряных Прудах и на реке Восме¹. За эти бои, очевидно, нижегородцы и были награждены выдачей им вновь в 1607 г. государева жалованья в полном размере получавшим не больше 6 рублей и в половинном остальным².

Царь Василий, видимо, не мстил своим нижегородским изменникам. По крайней мере, в «роздаточной десятке» 1607 г. в числе первых — четвертым и девятым — значатся кн. Ив. Дм. Болховской и Ив. Бор. Доможиров, и первому даже прибавлено 50 четей в его поместный оклад, а Баженка Есин, как кажется, несмотря на нетство получил все-таки жалованье в половину оклада — 3 рубля с полтиною³. Может быть, таким «беззлобнем» и милостивой

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 72; Изборник слав. и русск. соч. и статей, внесенных в хроногр. русск. редакции, А. Попова, стр. 334—336; СГГр и Д, т. II, № 151 (та же грамота — ААЭ, т. II, № 60); ААЭ, т. II, № 61; Костромская старина, вып. 3, отд. I, № 2; цит. Памятники нижегор. движения, № II, Разрядные записи за Смутное время, стр. 44, 45, 185. О Ворнакине и Москве — Нижегородские платежные, стр. 69, 118 и 223; 51, 57, 77, 109, 112, 120, 204, 209 и 231; 50 и 203. О принадлежности Столярова хронографа Б. Болтину — С. Ф. Платонов, Столяров хронограф и его автор в Статьях по русской истории, изд. 2-е, 1912 г., стр. 420—434. О Доможирове — цит. десятины 1607 г., л. 3, и Разрядные записи за Смутное время, стр. 205. Отожествить кн. И. Болховского грамоты Шуйского с кн. Ив. Дм. Болховским десятины 1607 г. (л. 2 и 2 об.) я решился на том основании, что в десятине нет другого кн. Ив. Болховского; одного только знают и родословные росписи — Г. А. Власьев, Потомство Рюрика, т. I. Кн. Черниговские, ч. I, Спб. 1906, стр. 604—634. О Баж. Есине — платежные 7116 и 7120 гг., стр. 12 и 163; его поместье в 1613 г. было за его вдовою, оно в 152 чети — Сборник, т. V, отд. III, стр. 18. О верстанье нижегородцев при Самозванце указание в десятине 1607 г. с пояснением из № 266 «Актон, представленных в Разрядный приказ после уничтожения местничества», изд. А. И. Юшковым в Чтен. Общ. ист. и древн. 1898 г., кн. II—IV и отд.

² Десятня 7115 г. указывает, что жалованье нижегородцам выдавалось целой комиссией из кн. А. Вас. Голицына, кн. Антр. Вас. Хилкова, Гр. Гр. Пушкина, головы Богд. Глебова и дьяка Сыдавной Васильева. Справки в Разрядных записях за Смутное время (стр. 44—45) и записках Б. Болтина (стр. 334—335) показывают, что такое соединение этих лиц могло быть только весной 1607 г.: Хилков и Глебов стояли под Серебр. Прудами, когда туда пришел с нижегородцами Гр. Пушкин, а Голицын после победы первых был прислан к ним на Коширу на смену Хилкову; из коширского полку был взят к Москве и дьяк Сыдавной Васильев (цит. десятины, л. 42). Этим и определяется дата раздачи.

³ В числе нетчиков десятины значится какой-то Исаков сын Есин; имя оторвано, но остались «т» и надстрочный знак буквы «ж», почему я и предлагаю читать «Бажен», — л. 43 об.

наградою за первый подвиг Шуйский стремился окончательного «поворотить» к себе своих педоброжелателей и создать из нижегородского дворянства в целом опору для себя в будущем на случай повторения смутных дней.

Больше полутора года после первой вспышки восстания Нижний и его уезд пользовались миром. Смута развивалась снова вдали от него, на юге и около Москвы. Но осенью 1608 г. рассеявшиеся всюду тушинские отряды, иногда только тушинские грамоты, а то и местные представители власти или населения быстро приводили город за городом на имя Дмитрия. Волею или неволею целовали крест Вору и города кругом Нижнего, даже ближайšie к нему Балахна и Гороховец. Поднялись снова и пароды Приволжского края, и хотя на этот раз движение среди них началось и имело главный центр восточнее Нижнего — в черемисских местах, однако скоро перебросилось и в Нижегородский уезд. Но и под угрозой повой осады Нижний, получивший 21 ноября настоятельное приглашение поскорее целовать крест «государю царю и великому князю Дмитрею Ивановичю всеа Русии», «а не дожидаясь больших ратных литовских и русских людей», отказался изменить царю Василию, предпочитая за крестное целованье ему «помереть». И свою верность московскому правительству доказал на деле¹.

Предоставленный самому себе и угрожаемый надвигавшимся с востока восстанием местного населения, а с запада тушинскими отрядами, Нижний не только не отложился от Шуйского, но и развил энергичную борьбу против Тушина. Совершенно самостоятельно, без всяких указаний из Москвы, — по крайней мере, о них нет никаких сведений, — Нижний в минуту опасности прежде всего организовал как бы свое правительство — городской совет, решениями которого, сколько можно судить по отрывочным данным, и направлялись все действия воевод в это время. Он состоял из представителей всех слоев нижегородского населения и перебравшихся «для осадного времени» в Нижний служилых людей уезда. Передавая его решения, нижегородские грамоты сообщали: «приговорили мы» (или: «писали мы») «Нижнего Новгорода власти (или подробнее: «архимарит Ионль, игумены, и протопоны и поны и дьяконы всего освещенного собору и церковного причета») и воеводы князь Александр Ондреевич Репнин, Ондрей Семенович Алябьев, дьяк Василий Семенов, дворяни (или: «и князи, и дворяня») и дети боярские, и старосты и целовальники и все земские люди (или: «и посадские всякие люди»), и литва и немцы и всякие иноземцы, и стрельцы» (или: «и всякие служилые люди»). Видную, вероятно, даже самую влиятельную, роль в этом совете играли посадские люди. Служилые — стрельцы, иноземцы, отчасти даже дворяне — очень мало потеряли бы с переходом на сторону Вора, пожалуй, даже выиграли бы;

¹ О переходе Балахны и Гороховца на сторону Вора можно заключить на основании сообщений о событиях здесь в декабре — Сборник кн. Хилкова, № 12, XXV; АИ, т. II, № 114, 116 и др.; из Балахны же было прислано в Нижний и приглашение присягнуть «царю Дмитрию», о нем в ответе нижегородцев — АИ, т. II, № 107.

часть нижегородских стрельцов несколько позже и действительно бежала к «ворам», в тушинском отряде под Нижним были и нижегородские дети боярские, а один из нижегородцев — Андрей Подбельский — был даже головою воровского отряда. Но торговые люди и ремесленники, особенно первые, основательно должны были опасаться перехода города под власть тушинцев, ознаменовывавших свое господство тягостными налогами и поборами, подчас и простым грабежом. А сложившийся в Московском государстве порядок не был для них настолько тягостен и стеснителен, чтобы стоило от его неудобств уходить в тушинский стан, грозивший разореньем. Посадским людям прежде всего и хочется приписать твердое решение умереть за Шуйского, которым ответил Нижний на предложение перейти на сторону Вора. Посадский дух нижегородского совета сказался, кажется, и в одном из требований, предъявленных муромцам: прислать выборных «с повинными челобитными», пропустить гонцов из Москвы и в Москву и наряду с этим привести в Нижний «торговых людей, нижегородцев и разных городов», которые «ехали в Нижний с товары»¹.

В конце ноября сообщение Нижнего с Казанью уже было затруднено. Передовой отряд рати Шереметева, пришедшего в Казань с юга, сумел все-таки прорваться и 1 декабря прибыл в Нижний. Сейчас же вслед за этим подкрепленные нижегородцы начали военные действия. Боевым воеводой по решению города стал второй воевода Нижнего — Андрей Семен. Алябьев. В состав его отряда входили не одни служилые люди нижегородские и из присланного Шереметевым отряда, но и посадские и всякие охочие люди. В уезде в единодушие с городом действовали, впрочем, не с самого начала, государевы крестьяне. В Павлове, например, «мужики» «хотели перенатать... и отвести в Нижний» павловских стрельцов, пришедших от Вора, и павловца посадского человека Вас. Везинковца, очевидно, также стоявшего на стороне «царя Димитрия»².

Больших усилий стоило нижегородскому отряду освободить Нижний от попыток осады и очистить от «воровских людей» уезд. 2 декабря были разбиты «воры», пришедшие к Нижнему с Балахны. Этот тушинский отряд не заключал в себе нижегородского элемента; были в нем, новидному, казаки, дворяне и дети боярские из Суздаля, даточные люди (например, из Стародубской волости, Муромского уезда). Бой был упорный, «дрались по самую Балахну». В результате победители-нижегородцы привели в Нижний балахонского воеводу и «лучших балахонцов посадских людей», может быть,

¹ Первые упоминания о решении города, т. е. совета, ибо не могли же все посадские и все служилые люди обсуждать и составлять ответ на Балахну, — в цит. уже ноябрьской грамоте — АИ, т. II, № 107; грамота в Муром писана от имени одних воевод, но, конечно, представляла акт совета — *ibid.*, № 113; о нижегородских изменниках-стрельцах — Сборник кн. Хилкова, № 12, LVI; о детях боярских нижегородцах среди «воров» — ААЭ, т. II, № 104, II; о Подбельском — Сборник кн. Хилкова, № 12, XXVI и десятилетия 1607 г., л. 48 об.

² ААЭ, т. II, № 104, II; АИ, т. II, № 113; Сборник кн. Хилкова, № 12, XXV и XXVI.

в качестве заложников верности Балахны царю Василью, которому она теперь крест целовала; «поимали» и тех «воров», которые «ко кресту приводили» на имя Вора, и потом повесили их в Нижнем, 5 декабря под Нижним появился новый отряд «воровских людей»; «нижегородцы и арзамастцы и алатырцы дети боярские, и татарова, и черемиса, и мордва и бортники и всякие подымные люди». В тот же день нижегородцы «побили и потонтали» их «на пятипадцати верстах и больши» и прекратили преследование только «потому, что стала ночная пора». 10 декабря были разбиты на голову «воры» у Ворсмы, 11-го то же повторилось у села Павлова. Победы нижегородцев произвели отрезвляющее действие на бунтовавших, подняли дух таившихся сторонников московского правительства и самих нижегородцев. Теперь они с угрозой «учинить, как над Ворсмою», котору Алябьев «выграбил» и «зажег» за сопротивление «воров», требую присылки «с повинною» от крестьян Стародуба Воцкого Муромского уезда, даже от самого Муром, посылают приводить ко кресту, на имя царя Василия в Ярополческую волость (Владимирского уезда). И еще в декабре «села Павлова и Белавина и Матюшевские волости бортники, и иных государевых дворцовых сел и деревень, и поместных, и вотчинных и монастырских, и Муромского уезда стародубцы и гороховлея, и села Везников и Сарыева и Шуя город и уезд, и старосты и целовальники и все крестьяня, государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Руси добили челом, вины свои принесли и крест ему, государю, целовали»¹.

Энергичная деятельность в защиту порядка, крепкие крепостные стены, довольно большое количество военных сил и связь со стоявшим в Казани, а потом в Свияжске Шереметевым сделали Нижний одним из центров начавшегося движения против тушинцев. В Нижний шлют из Муха схваченных там «воров»; сюда же бегут верные Шуйскому дворяне из Суздаля, из Арзамаса; костромичи, галичане и вологодцы «ждут помочи из Нижнего ратных людей»; нижегородцы посылают стрельцов в помощь Юрьевцу, в Шую; в январе, передавая распоряжения царя, Нижний входит в сношения с Вяткою и Пермскою землею. Тушинцы спешили прекратить вредную для них деятельность Нижнего. Кн. Семен Вяземский с отрядом был послан на верный Шуйскому город, очевидно, с целью наказать его и привести под руку «царя Димитрия». Но 7 января 1609 г. Алябьев разбил у Нижнего и этот тушинский отряд; сам «воровской» воевода был взят в плен и повешен в Нижнем «без государева ведома». Тушинский воевода во Владимире Мих. Вельяминов правильно увидел в этой победе нижегородцев угрозу Мурому и просил Сапегу прислать туда «роты две или с три», «чтобы государевым (т. е. тушинским) людям не было порухи никоторые». Действительно, теперь, когда в ближайших к Нижнему местах господствовали сторонники Шуйского, нижегородцы отважились, наконец, двинуться на Муром, которому давно угрожали походом. В середине января

¹ ААЭ, т. II, № 104, II; АИ, т. II, № 112—114 и 116; Сборник кн. Хилкова, № 12, XXV; ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 86.

к Мурому был отправлен Алябьев, но и заняв его и даже добившись перехода на сторону Шуйского Владимира (в марте), он не ропсал уходить дальше от Нижнего и получил за это царский выговор вместе с похвалою за всю прежнюю деятельность. Кроме отряда Алябьева, нижегородские военные силы принимали участие в действиях под Костромой, в охране Юрьевца, в походах на Касимов и под Арзамас (уже в 1610 г.). А меж тем Нижнему и самому надо было беречься от «воров». Случайно известно, что 12 октября 1609 г. был в Нижнем «всполох от воровских людей» (Алябьева в это время в городе еще не было). Тревожное состояние должно было быть и позже вследствие продолжавшегося восстания черемисы, подкрепленной волжскими казаками. Еще весной 1610 г. Нижний видел под своими стенами «воровских людей»; потерпев, очевидно, и на сей раз неудачу, они разбежались — «струговые на низ, а кожные врозь» по направлению к Москве — и были побиты близ Арзамаса ¹. Этим и закончилась смута в Нижегородском крае.

Эта «смута при царе Василье» надолго осталась памятной нижегородцам. Большие жертвы пришлось принести им в борьбе за царя Василья, за старый порядок. К сожалению, нет данных, по которым можно было бы конкретно уяснить себе материальные потери и убыль населения самого Нижнего. Можно только предполагать, что помимо убытков от сокращения торговли ² нижегородцам пришлось в это время, подобно поморским городам, делать взносы на государево дело. Государева казна в Нижнем была, очевидно, почти пуста. Таможенные сборы пали с сокращением, а по временам и полным прекращением торгового движения. Сборы с уезда поступали плохо; платежница 7120 г. полна указаниями на недоимки за 7117—7119 гг. Меж тем Нижнему приходилось не только содержать своих

¹ АИ, т. II, № 131, 134, 136, 139, 145, II и III, 149, 195, 205, 225; ААЭ, т. II, № 104, 105 и 142; Сборник кн. Хилкова, № 12, XXXVI, LVI; Акты, отн. до юр. быта, т. II, № 230, VI; Арзамасские поместные акты, № 389, 392, 395 и 405; Старинные акты, служащ. преимущ. дополнением к опис. г. Шуи, собр. *Вл. Борисовым*, № 2; РИБ, т. XV; Кормл. книга Костромской чети, стр. 12, 22, 27, 33, 41, 62, 67, 78, 83 и т. д. (о наградах нижегор. за службы 7117 и 7118 гг.); ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 86; Записки Болтина (в Изборнике *Попова*), стр. 345—346; Акты, представл. в Разр. приказ. изд. *А. И. Юшковым*, № 294 (грамота, которая неверно датирована в тексте 2 июля; может быть, 2 июня, как в заголовке; ведь в конце июня Шуйский предписывает Прокудину спешить уже к Москве, чтобы итти под Можайск на поляков, — *ibid.*, № 293, ср. цит. стр. Изборника; последняя грамота Прокудину — № 297 — вызывает недоумение не только своей странной датой — 26 июля 1610 г., — хотя писана от царя Василья, но и указанием, что под Можайск уже отправлен из Москвы кн. Дм. Тим. Трубецкой (известный тушинец!). О брожении на востоке — АИ, т. II, № 271; ААЭ, т. II, № 143, 147—150, 156—157, ср. цит. стр. Изборника. Большинство указанного здесь актового материала (но не весь) переиздано, к сожалению, не всегда вполне точно в цит. XI т. Сборника Ниж. арх. ком. — Памятники Нижегород. движения.

² О сокращении торговли можно отчасти судить на основании следующих цифр: в 7119 г., уже после «раворенья», пошлины собрали всего «3 832 рубли и 14 алтын 3 деньги», а в 7120 г. сверх этого было «прибрано 2 792 рубли и 27 алтын полчетверты деньги» — Платежницы, стр. 150. Очевидно, в 7117—7118 гг., в разгар Смуты, пошлины собиралось еще меньше.

и стоявших в Нижнем служилых людей из отряда Шереметева; по и вести военные действия, выдавать по царским указам корм и жалованье отрядам, стоявшим не в Нижнем, и содержать сибирского царевича Ался с братьей и людьми¹.

Определеннее можно говорить о разорении уезда, хотя наши данные и касаются почти исключительно светского частновладельческого хозяйства. По подсчету А. Я. Садовского на основании данных книги дозора вотчинных и поместных земель служилых людей Нижегородского уезда 1613 г., в Верепопольском и Закудемском станах запустевшие дворы составляли свыше 14% общего количества дворов, данного в книге дозора². Но одна эта цифра не дает надлежащего представления о разорении уезда. Писцы, видимо, далеко не всюду отмечали пустые дворы, довольствуясь в большинстве случаев указаниями наличного во время дозора количества дворов в том или ином поместье или вотчине. При знакомстве с книгой дозора поражает то обстоятельство, что в Закудемском стану, судя по ее указаниям, опустевшие дворы оказались только в вотчине Шереметева (в громадном размере: приблизительно на 34 жилых двора — 118 пустых) и еще в поместьях трех лиц³, а в Стрелицком пустых дворов совсем не оказалось, меж тем как в обоих этих станах, а также и в Верепопольском попадаются указания: «пустошь, что была деревня», даже и в тех поместьях, в которых пустых дворов не отмечено⁴, меж тем как количество «пашин паханой» необыкновенно мало в сравнении с пашней под лесом и перелогом. Сравнение данных о количестве «пашин паханой» платежницы 7116 г. и книги дозора 7121 г. ярко рисует картину сильного запустения поместных земель Нижегородского уезда после Смуты. В тех же поместьях, которые нами были приведены в I главе, как примеры «дач» нижегородского дворянства, в 1613 г. «пашин паханой» оказалось: в поместье Б. Доможирова (теперь вотчина и поместье его сыновей) вместо 142—50 четей, в поместье Жд. Болтина вместо 80 — всего 32 чети, у Ос. Скрышеева вместо 27 — 14 четей, у Хр. Злобина вместо 12 — 5 четей, в поместье Коп. Доскина было 6 четей, стало 3 чети, Иуды Кокорева вместо 10 — 5 четей, у Ал. Слузова из 3 четей осталось под пашней паханой 3 осмины⁵. Таким образом, размеры запашки сократились вдвое, иногда больше. Это можно объяснить, кажется, только уменьшением рабочей силы. Меж тем в книге дозора пустые крестьянские дворы указаны только у Доможировых — 20, у Болтина — 6 и у Скрышеева — 7; в поместье Злобина указано: «двор

¹ Указы царя — Сборник кн. Хилкова, № 28 и 31; Акты, представленные в Разр. приказ, А. И. Юшкова, № 294.

² Цит. доклад, стр. 29 и 30.

³ Сборник, т. VII, стр. 618—619, 625 и 626; по моему подсчету запустевших дворов в стану всего 137, Садовским насчитано 129; в данных писцов о вотчине Шереметева и в их же итогах о ней есть какая-то путаница.

⁴ Например, для Верепоп. стана — Сборник, т. V, отд. III, стр. 19, 22, 30; Сборник, т. VI, отд. III, 128, 144 и др.; для двух других — Сборник, т. VII, стр. 620, 628, 636, 640.

⁵ Источники указаны выше, в I главе, стр. 27—28, в прим.

помещиков да людских дворов 3 да крестьянских дворов 2», за Коп. Доскиным показан только «двор помещиков», у Кокорева отмечены 2 крестьянских двора, а про поместье Слузова лаконично сказано: «крестьян нет». Очевидно, таким образом, что и процент запустения дворов был в действительности значительно выше вычисленного Садовским. О сильном разорении хозяйства служилых людей Нижегородского уезда очень определенно свидетельствует и тот факт, что правительство Михаила Федоровича, старавшееся всякими способами собрать необходимые ему средства¹, признало, однако, нужным предписать с Нижегородского уезда с вотчины Шереметева «и з дворянских и з детей боярских с вотчин и с поместей на прошлые годы денежных доходов» не брать, а «на 121-й год» «с них збирать всякие денежные доходы... за живущего, что у них будет по дозору». Указанья вроде того, что поместье «охудало от войны, как были под Нижним при царе Василье чюваши, и черемиса, и русские воры», встречаются еще в десятне 1622 г.² Так долго раны, нанесенные помещицкому хозяйству Смутой 1608—1610 гг., оставались не вполне залеченными.

Уже по аналогии с поместными землями можно судить о разорении и лежавших рядом с ними государевых дворцовых и бортных сел и деревень и монастырских владений. Но есть кое-какие, правда, более поздние, цифровые данные о размерах их запустения. Так, у пашенных крестьян села Павлова в 1619/20 г., когда расстроенное Смутой хозяйство крестьян в Нижегородском уезде успело уже оправиться, считалось «в живущем» не 24 выти с лишком, как в 1607/08 г., а всего 15 вытей с полувытью, а в 17 деревнях этого села вместо 55 вытей без чети даже «и с тем, что приложены пожни в тягло», только «27 вытей и пол-полтreti выти»³. В мордовских деревнях можно заметить то же самое: так, в Новом Тепелеве вместо 13 вытей без четверика, числившихся «в живущем» в 7116 г., было в 7128 г. только 7 вытей; в дер. Елховичи (или Елхово) вместо «5 вытей с полувытью» считалось уже «полпята выти»; в Помре (Пумре) в 7128 г. вместе с новооселившейся Новой Пумрой было «в живущем 7 вытей», а в 7116 г. считалось 14 вытей; деревня Старое Тепелево с 7 вытями «в живущем» в 7116 г. стала к 7128 г. пустошью, «а в ней в живущем четь выти» и т. д., хотя рядом же, как свидетельство восстановления и даже роста хозяйства, видим, например, деревни Большой и Малый Вад, имевшие в 7116 г. 5 вытей и 4¹/₂, теперь — «6 вы-

¹ С. Б. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег (Чтен. общ. ист. и древн., 1909, кн. I и отд.), стр. 7—18.

² Там же. С. Б. Веселовским платажницы, стр. 173; а за помещиками Нижегород. уезда числилось в это время немало недоимок за 7117—7119 гг., *ibid.* стр. 158—172. Цит. десяти в IX вып. Действий Ниж. арх. ком., стр. 404—405.

³ О восстановлении хозяйства к 1619/20 г. свидетельствуют такие примеры: с. Давыдово с деревнями, хотя часть их отдана теперь в поместье, имело 13 вытей, а в 7116 г. меньше 11¹/₂, две деревни Матюшевской волости вместо 24 с лишком вытей 7116 г. платили в 7128 г. с 35¹/₈ вытей и др. См. Платажницы 7116 и 7120 гг., стр. 2—4; Платажница 7128 г. в VII т. Сборника Ниж. арх. ком., стр. 524—526. О с. Павлове — Платажница 7116 г., стр. 1, и 7128 г., стр. 524.

тей с четью» и «полпшесты выти», деревню Пчалово с 8¹/₂ вытиями вместо 6¹/₂ и др. ¹ В монастырской деревне Горбатой с деревнями в 7124 г. по дозору оказалось на 24 двора крестьянских и 35 бобыльских «живущих» 29 дворов и 56 мест дворовых пустых ².

Нижегородские дворяне за годы этой борьбы при царе Василье пострадали и лично. Сопоставление данных десятины 1607 г., платежниц 7116 и 7120 гг. и дозора 1613 г. заставляет думать, что около 30 нижегородцев выбыло к 1611 г. Эту убыль за 2¹/₂—3 года, 30 человек на 316, значащихся в десятне, нельзя не признать весьма чувствительной и, вероятно, нужно отнести в значительной части за счет войны. Такой дорогой ценой оплатили нижегородские дворяне царю Василью полученную от него в 1607 г. небольшую награду. За новую службу они получили новые пожалования: трое получили части своих поместий в вотчины, другие, вероятно, придачи к поместьям, даже прежний государев изменник кн. Ив. Д. Болховский заслужил теперь похвальную грамоту ³.

17 июля 1610 г. Шуйский был «сведен» с престола ⁴. Ровно через месяц под Москвой был подписан договор о Владиславе, и столица присягнула польскому королевицу ⁵. Нижегородцы с их политическим настроением — «кто будет на Московском государстве государь, тот всем нам государь» ⁶, — также присягнули Владиславу ⁷. Нашелся среди нижегородцев даже один — Гр. Конст. Доможиров, — который, судя по его же собственной челобитной Сигизмунду, еще в царствование Шуйского «сказывал на Москве дворянам и детям боярским и торговым людям, чтобы нам на Московском государстве видети государем сына твоего, государя нашего Владислава Жигимонтовича»; помучив за это «живот свой от Шуйского», «в турме» отсидев, Доможиров и по изложению царя Василия будто бы «к патриарху и к бояром приходил с дворяни, чтобы нам крест целовати тебе государю и сыну твоему государеву», а после присяги столицы на имя Владислава «с тою вестью выехал с Москвы» к Жолкевскому и Ив. Мих. Салтыкову. Впрочем, Доможиров ссылался на то, что о той его «работе писал гетман» Сигизмунду. И король, очевидно, признав его заслуги, утвердил за ним его старое

¹ Нижегород. платежницы 7116 и 7120 гг., стр. 94—96; Сборник, т. VII, стр. 526—528.

² Действия Ниж. арх. ном., вып. 10, В. И. Снежневский, Описание делам Межевого департа. прав. сената по Нижегород. губ., стр. 463—465.

³ Сборник, т. VI, стр. 153, 154, 162; АИ, т. II, № 222.

⁴ Архимандрит Болтин передает, что перед свержением ему предлагали в удел Нижний-Новгород — Изборник А. Попова, стр. 346.

⁵ СГГр и Д, т. II, № 199—200.

⁶ Слова из их ответа на Балахну — АИ, т. II, № 107.

⁷ Памятники обороны Смоленска, изд. Ю. В. Готье в Чтен. Общ. ист. и древн., 1912 г., кн. I, стр. 130; РИБ, т. I, ст. 684. Когда-то П. И. Мельников, указывая, что в источниках нет сведений о присяге Нижнего Владиславу, полагал, что ее и не было (Отеч. зап., 1843 г., т. XXIX — Нижний-Новгород и нижегородцы в Смутное время). Мне кажется, наоборот, что и без всяких указаний нет оснований сомневаться в этой присяге, раз Владиславу присягнули Москва и патриарх, в это время самые крупные авторитеты в глазах нижегородцев.

нижегородское поместье и пожаловал новым в Арзамасском уезде. Но такой радатель Владислава был лишь один среди нижегородцев, да и он потом принял, видимо, энергичное участие в борьбе против поляков, ибо получил от боярского правительства (не известно, какого ополчения) свое нижегородское поместье в вотчину¹. Вообще же нижегородцы отнеслись к королевичу, видимо, очень сдержанно. Из всей массы пожалований, которые щедрою рукою сыпали на русских правительство имени Владислава в Москве и особенно Сигизмунд под Смоленском², ни одного, кроме только что названного, не приходится на долю нижегородцев; только Андр. Плак. Доможиров добился в сентябре 1610 г. возвращения ему поместья, отданного было Первому Еропкину³. Но трем нижегородским дворянам грозила неприятность потерять свои поместья, отданные Сигизмундом еще до присяги Москве Владиславу одному из тушинцев, явившихся к королю под Смоленск⁴.

Как только стало выясняться, что Сигизмунд сам хочет занять московский престол, Нижний в числе первых решительно отказался от королевича и начал работать над организацией ополчения для освобождения Москвы от поляков⁵. Не знаем, к сожалению, нужно ли связывать начало нового движения в Нижнем с призывом Гермогена или оно возникло совершенно самостоятельно. Поляки во время переговоров 1615 г. показывали русским послам перехваченную ими грамоту патриарха в Нижний от 8 января 1611 г.⁶. Достиг-

¹ РИБ, т. II, № 172, II; АЗР, т. IV, № 183, CCLXIX (стр. 350—351); платежницы, стр. 14—15 и 166; Сборник Ниж. арх. ком., т. VI, отд. III, стр. 147. В 1607 г. Доможиров «за службу и за рану» получил придачу в 50 четей и «пушон в четь» — цит. дес., л. 3 об.

² СГГр и Д, т. II, № 208, 211, 213, 218—221, 231, 232, 253, 254, 258—260, 267 и 270; АЗР, т. IV, № 183 (стр. 320—427), и материалы, изд. Л. М. Сухотиным, Земельные пожалования в Моск. госуд. при царе Владиславе в Чтен. Общ. ист. и древн., 1910, кн. IV и отд. (здесь и указатель к № 183 АЗР).

³ АЗР, т. IV, № 183, CCLXX (351 стр.).

⁴ Ibid., LIV (стр. 328) — это были Андр. (Посн.) Доможиров (Составитель «Указателя к реестру пожал. Сигизмунда» в цит. изд. Л. М. Сухотина напрасно отождествил его с вышеназванным Андр. Плак. Доможировым — стр. 136) и Ст. Шишилов, которым принадлежало с. Орапово (в АЗР «Шаропово»), и Мир. Приклонский, поместьем которого было с. Чумово; о них — Нижегород. платежницы, стр. 13, 14, 18; десятина 1607 г., л. 49 об., 4 и 49.

⁵ История «образования и разложения первого земского правительства» обстоятельно изложена С. Ф. Платоновым в Очерках Смуты, стр. 372—395; краткий очерк дан в речи Л. М. Сухотина, Народные движения 1611 и 1612 гг., произнесенной 24 февраля 1913 г.; в работах Н. Almqvist («Die Zarenwahl des Jahres 1613» в «Zeitschrift für osteurop. Geschichte», B. III) и Г. А. Замiatина (К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол, Юр. 1913) специально разбирается отношение первого земского правительства к шведской кандидатуре; новейшие материалы для этого периода у С. Б. Веселовского в Новых актах Смутн. времени (Чтен. Общ. ист. и древн., 1911, кн. IV и отд.), № 1—3, и С. К. Боговлянского и И. С. Рябинина в Актах времени междоусарствия, М. 1915, стр. 6—8. Изложение в тексте имеет целью, оставляя в стороне Ляпунова и др., отметить только роль Нижнего и участие нижегородцев.

⁶ АЗР, т. IV, № 209 (стр. 482) и 210 (стр. 493).

ло ли Нижнего какое-нибудь воззвание Гермогена, писанное раньше ¹, остается неизвестным. Меж тем в конце декабря нижегородцы уже послали к Гермогену «бесстрашных людей», сына боярского Романа Нахомова и посадского человека Родиона Мосеева, которые 12 января возвратились обратно со словесным приказом патриарха, очевидно, вполне соответствующим призыву его грамот — идти в собрании «со всеми городами... к Москве на литовских людей» ². Как бы то ни было во всяком случае очевидно одно, что в Нижнем напряженно следили за развертывавшимися событиями, старались соблюдать вести и, вероятно, обсуждая их, намечали новую линию своего поведения. Ясно также, что, начиная новое дело, нижегородцы руководствовались преимущественно стремлением освободить отечество от готовых прочно завладеть им поляков.

В январе 1611 г. Нижний уже открыто восстал против поляков. Утвердившись крестным целованьем с ближайшими соседями-балахонцами, нижегородцы начали рассылать призывные грамоты по городам: «в Кострому, в Галич и в иные города», на Вологду, в Рязань, прося прислать в Нижний «для договору и о добром совете людей добрых изо всех чинов, сколько человек пригоже», и приглашая, «собрався с ратными людьми и с нами с окольными городами сослався, стати за православную крестьянскую веру и за Московское государство, на польских и на литовских людей, заодно» ³. Получив 27 января от Гермогена приказ, «собрався с окольными и с новолскими городами, единолично идти на польских и на литовских людей к Москве, вскоре» и «две грамоты: одну ото всяких московских людей, а другую, что писали из-под Смоленска московские люди к Москве» ⁴ и одновременно грамоту от Ляпунова. Нижний и их разослал по северным городам, а также в Ярославль, Казань и др., повторив свой призыв — «к Москве подвиг учинить вскоре, не иного чего ради, но избавы крестьянские» ⁵.

Всю эту широкую и энергичную агитацию восстания вели не воеводы Нижнего. Нет ни одной грамоты этого периода, писанной только от воевод: они даже не называются по именам во вступительных частях грамот. Все нижегородские воззвания писаны от лица всего нижегородского мира: от «властей» (духовного чина), воевод и дьяков, разных чинов служилых людей, от старост, целовальников и всех посадских людей. Таким образом, перед нами новая страница деятельности нижегородского городского совета. Двудесятный состав его нашел выражение и в том, что послали от

¹ Проф. Платоновым выяснено, что Гермоген еще во второй половине декабря «решился на то, чтобы открыто призвать свою паству к вооруженному восстанию на утеснителей», — *Очерки Смуты*, 370—371.

² СГГр и Д, т. II, № 228; АЗР, т. IV, стр. 493.

³ АЗР, т. IV, № 299 (стр. 482); ААЭ, т. II, № 175, 176, II и 179 (СГГр и Д, т. II, № 228, 226 и 239).

⁴ Последняя также чисто московского происхождения, как выяснил проф. Платонов в статье «О двух грамотах 1611 г.» — *Статьи по русской истории*, изд. 2-е, 1912, стр. 157—161.

⁵ ААЭ, т. II, № 174, 178, 176 и 179 (две посл. грамоты и в СГГр и Д, т. II, № 229 и 239); АИ, т. II, № 323.

Нижнего к Гермогену были представители обоих слоев — посадский человек и сын боярский¹.

Начав одним из первых проповедь восстания, Нижний раньше других начал и поход к Москве. Исполняя полученный 27 января приказ Гермогена «итти на польских и на литовских людей... вскорее», Нижний уже 8 февраля послал в «Володимер голов с сотнями, а с ними дворян и детей боярских литву и немец, многих людей, да голову стрелецкого с его приказом стрельцы». В феврале же, около 17-го, двинулся из Нижнего и первый воевода его в тот год, кн. А. А. Репнин, с главными силами, уже не только нижегородскими, но и помозовых городов, в том числе Казани. 1 марта Репнин был уже во Владимире и 10-го вместе с другими воеводами отправился к Москве². В конце марта нижегородцы во всяком случае уже были под Москвою и стояли там довольно долго. Летом, вероятно, в конце июня — начале июля, часть нижегородских стрельцов и дворян была отправлена в отряде Бахтеярова и А. Просовецкого в суздальско-переславские места для обороны их от шедшего туда за фуражем и провиантом Сапег; стрельцы стояли некоторое время в Суздале, дворяне и дети боярские с Просовецким сидели в осаде в Переславле³. Другая часть нижегородцев все время — до конца июля или и позже — стояла под Москвою. Этот поход и долгое стояние «в полках» под стенами столицы не могли остаться для них безрезультатными. В «общем соединении» под Москвою значительно укрепили связи земских людей между собою, связи, завязанные еще во время общей борьбы против Тушина и подкрепленные междугородскими «обсылками» в начале 1611 г. Под Москвою средние слои тогдашнего общества впервые, сознав себя силой, попытались организовать свое правительство, начали принимать меры к водворению в стране столь желанного порядка. Здесь же земские люди

¹ Проф. Платонов уже установил, что вообще в это время «городские миры» «обменивались вестями и советом чрез сословных уполномоченных», являвшихся представителями «обоих общественных слоев, создавших ополчение 1611 г., — служилых людей и тяглых горожан», — Очерки Смуты стр. 382. Послы от Нижнего, кажется, оба были не нижегородцы: Мосеев прямо называется свияженином — ААЭ, т. II, № 194, Романа (Ратмана) Пахомова мне не удалось отыскать среди нижегородских дворян во всех бывших у меня под рукою источниках.

² ААЭ, т. II, № 175, 177, 183, 188, II и IV (в СГГр и Д, т. II, № 236, 264).

³ О походе Сапег и русских отрядов — ПСРЛ, XIV, ч. I, стр. 111—112; РИБ, т. I, стр. 247—252, и А. *Hirschberg*, Polska a Moskwa w pierwszey polowie wieku XVII, Lw. 1901, стр. 314—320 (дневник Сапег). О нижегород. стрельцах в Суздале — АЮ, № 339, I (что речь идет о Суздале, ясно из тех же АЮ, № 215, VII); о дворянах — РИБ, т. XV (Кормл. книга Костр. чети) стр. 12, 27, 40, 78, 83, 102, 107, 116, 120, 126, 147. Говорить о части нижегород. стрельцов, отосланных из-под Москвы, заставляют указания на «приказ», посланный из Нижнего к Москве, и 150 человек в Суздале; немного знаем и дворян нижегород., пожалованных «за Переславское осадное сиденье 119 г.», — всего 11 человек, впрочем, и источник поздний; в нем же другие указаны пожалованными за подмосковные службы 119 г.; во всяком случае, нижегородец Мис. Соловцов получил назначение на воеводство в Ядрин 29 июля (А. до ю. б., т. II, № 168), значит нижегородцы еще были под Москвою.

встретились не как враги, а в качестве союзников в борьбе против общего врага с бывшими тушинцами, во главе которых стоял кн. Дм. Тим. Трубецкой, и могли ознакомиться с их стремлениями и настроением.

«После Прокофьевы смерти»¹ начался распад ополчения. Земские люди, оставшись без вождя, чувствовали себя совсем бессильными, а казаки, не встречая должного отпора, начали чинить насилия и под Москвой в рядах ополчения. Не только брань и злословья, даже побои приходилось переносить служилым людям, когда-то стоявшим за Шуйского. По словам летописца, во время разоренья казаками отбитого у поляков Новодевичьего монастыря «многие под тем монастырем дворяне и стольники искаху сами смерти от казачья насилия и позору». Это было еще в июле. А в августе, с возвратом под Москву Сапег (4 августа), к этому прибавились увеличившаяся опасность и даже поражения от поляков. Оставаться под Москвой земским ратным людям стало почти невыносимо. И вот «стольники и дворяне и дети боярские городовые испод Москвы розъехались по городам и по домам своим, бояся от Заруцкого и от казаков убийства», впрочем «иные у Заруцкого купя поехали по городом по воеводством и по приказам»².

Конечно, разъехались не все земские люди, по большая часть, и нижегородцы были в числе уехавших: их не отмечает список дворян, которые «полябры по 3 число» были под Москвою в полку Трубецкого; ни одного из них не нашлось среди получивших пожалования от Трубецкого и Заруцкого³.

Наступил самый тяжелый момент Смутного времени. Отовсюду шли самые неутешительные вести. Еще при жизни Ляпунова страна узнала о падении Смоленска. Одновременно с вестью об его убийстве, в иных местах несколько раньше, стало известно о захвате Новгорода шведами. В Псковском крае старался найти себе подданных повый самозванный «царь Димитрий». Столица была в руках поляков и в значительной части выжжена. Под Москвой стояли почти исключительно казаки и бывшие тушинцы и, пользуясь организованным главным образом усилиями Ляпунова и вообще земских людей правительством, старались убеждениями, угрозами, подчас насилем заставить стражу служить их интересам, удовлетворять их желания. При таких условиях отчаяние проникло, очевидно, не в одну душу. По очень хорошей, но несколько преувеличенной в распространении ее на все города характеристике тогдашнего настроения, «во всех городех Московского государства слышаху таковое душевредство под Москвою (и, можно бы прибавить, —

¹ Прокопий Ляпунов убит казаками Заруцкого 22 июля 1611 г. (Ред.).

² ИСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 113—114; РИБ, т. XIII, изд. 2-е, стр. 1204—1205; Изборник А. Попова, стр. 352; о датировке взятия Новодевичьего, монастыря — РИБ, т. I, стр. 251—252. О боях под Москвой с приходом Сапег — *ibid.*, стр. 252—254. А. Hirschberg, указ. изд., стр. 320 и след.; Маскевич (в Сказаниях современников о Дмитрии Самозванце, изд. 3-е, т. II, 1859), стр. 75—76, но с неверной датировкой.

³ Список 2 ноября в Актах Моск. государства, т. I, № 45; о награжденных Трубецким и Заруцким больше всего в изданных книгах четей.

о других печальных событиях) и о том скорбяше и плакахуся и креста не целоваху ни в котором городе, а помочи нихто не можаше содеяти».

В Нижнем в это время уже думали о том, что нужно делать, чтобы выйти из отчаянного положения, в котором находилась в это время Россия.

Возвращавшиеся из-под Москвы дворяне, дети боярские и другие служилые люди в Нижнем, вероятно, как и в других городах, рассказывали о «разорении Московского государства», об убийстве Ляпунова, о неудаче первого земского ополчения, о насилиях казаков под Москвой и в стране¹. Дошли, конечно, в Нижний и вести о судьбе Смоленска и Новгорода. Но нижегородцы не пришли от всего этого в отчаяние. Наоборот, на своих собраниях они «пачаша мыслити, како бы помощь Московскому государству». По всему вероятно, еще в августе, получив известие о смерти Ляпунова, целый ряд городов: Казань, Нижний и ближайшие к ним «поволские и горные, и луговые» (т. е., очевидно, так называемые поповые, или низовые)², кажется по инициативе Казани, «сослалися» между собою «на том, чтобы... быти всем в совете и в соединении п за Московское и за Казанское государство стояти, и друг друга не побивати, и не грабити, и дурна ни над кем не учипити; а кто до вины дойдет, и ему указ учипити с приговору, смотря по вине; и воевод, и дияков, и голов, и всяких приказных людей в города не пущати и прежних не перемениати, быти всем по прежнему; и казаков в город не пущати ж, и стояти на том крепко до тех мест, кого... даст бог на Московское государство государя; а выбирати б... на Московское государство государя всею землею Российские державы; а будут казаки учнут выбирати на Московское государство государя по своему изволению, одни, не сослався со всею землею, и... того государя на государство не хотети»³. Очевидно, дух упадка временно коснулся и этих городов. Их программа более отрицательного, чем положительного характера, говорила больше о том, чего не делать, чем о том, что следует предпринять хотя бы для избрания государя «всею землею», отвечала больше стремлению земщины к самоохране, чем призывала к активному выступлению в защиту отечества. Но уже и в этой программе резко намечены два существенных пункта: очень определенно выраженное враждебное, пока только оборонительного свойства, отношение

¹ О деятельности на местах разбегавшихся «по городом» служилых людей — ААЭ, т. II, № 203, стр. 356.

² Так назывались, «во-первых, города, находившиеся на территории покоренного в 1552 г. Казанского царства, на обоих берегах средней Волги и на правом берегу нижней Камы и Вятки, а во-вторых, города, поставленные на нижней Волге, начиная от Самары, и на Каспийском побережье» — С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, стр. 78. Здесь разумеются только первые.

³ ААЭ, т. II, № 197 (то же в СГГр и Д, т. II, № 269); грамота получена в Перми 16 сентября, а другая, с приложением грамоты Гермогена, присланной в Нижний 25 августа, получена в Перми из той же Казани 10 октября — *ibid.*, № 194; на этом основании вместе с редакц. СГГр и Д отношу первую к августу.

земщины к казачеству и ставшему почти чисто казачьим подмосковному правительству и настоятельная необходимость для водворения порядка в стране выбрать государя «всею землею».

25 августа «бесстрашный» Родя Мосеев, проникший в осажденную Москву и к заключенному патриарху, принес от него грамоту нижегородцам. Гермоген спешил известить нижегородцев о новой опасности, грозившей из казачьих таборов: в них «примеривали» на царство «Маринкина пащына сына». Объявив его «проклятым от святого собору» и от себя лично, патриарх просил известить о замыслах казачьих митрополита казанского Ефрема, писать о них на Вологду, в Рязань и другие города, чтобы они и сам Нижний прислали в полки обличителей. 30 августа грамота Гермогена с нижегородской отпиской была уже в Казани. Писали нижегородцы, очевидно, и в другие города, писала о том же и Казань. К старым пунктам программы, объединявшей понизовые города, прибавился новый, собственно определенное выражение одного из бывших уже: «отнюдь на царство проклятого пащына Маринкина сына не хотети»¹.

---

¹ ААЭ, т. II, № 194 (грамота Гермогена также в СГГр и Д, т. II, № 268).

Глава III

ЗАРОЖДЕНИЕ В НИЖНЕМ ОПОЛЧЕНИЯ

Зарождение, первоначальная организация второго земского ополчения и вообще весь период пребывания его в Нижнем очень скудно освещаются документальным материалом. Немного внимания всему этому уделили и литературные памятники. Неудивительно поэтому, что в первой части истории нижегородского ополчения нередко приходится довольствоваться предположениями вместо положений, что здесь остается еще много неясного, спорного. С таким состоянием вопроса мы сталкиваемся с самого начала.

Многие источники и все исследователи согласно утверждают, что видную или даже главную роль в пробуждении у нижегородцев решимости встать на очищение Московского государства сыграли речи Кузьмы Минина. Но когда и под влиянием чего выступил он со своим воззванием, в какой среде его горячее слово раньше всего нашло себе отклик в реальной форме начала работы по созданию ополчения?

Источники не сохранили нам даты начала проповеди Минина, не говорят большинство их и о каком-либо воздействии на него со стороны, только арзамасец Болтин отметил, что «в 120 году в осень о Дмитриев дни» (т. е. 26 октября) пошли из Арзамаса в Нижний согласившиеся вступить в ополчение смоляне, да Авр. Палицын и так называемый «Ельнинский хронограф» связывают начало нового движения в Нижнем-Новгороде с получением в нем «грамоты властей живоначалные Троицы-Сергиева монастыря»¹.

Эта последняя точка зрения и была усвоена исследователями до 70-х годов истекшего столетия. И потом, хотя в возникшей вокруг

---

¹ Изборник А. Попова, стр. 353; Сказание Палицына во 2-м изд. XIII т. РИБ, ст. 1207; оригинальную вставку Ельнинской рукописи опубликовал П. П. Мельников в ст. Нижний-Новгород и нижегородцы в Смутное время (Отечеств. зап. 1843 г., т. XXIX, отд. II, стр. 31—32 и 23; перепеч. в цит. XI т. Сборника Нижегород. арх. ком., стр. 442—443). Симон Азарьин (Книга о чудесах преп. Сергия, изд. в Памяти. древн. письм., LXX, 1888 г., стр. 32—33), повторяющий во вступлении к рассказу Минина слова Палицына о действии троичной грамоты в Нижнем, как источник не самостоятельный не может быть принят во внимание. О зависимости его в данном месте от А. Палицына см. И. Е. Забелин, Минин и Пожарский, изд. 3-е, 1896 г., стр. 248; С. И. Кедров, Авр. Палицын (в Чтен. Общ. ист. и древн. 1880, кн. IV и отд.), стр. 97.

истории нижегородского ополчения полемике Забелин совершенно справедливо, сначала основываясь на разнице программы октябрьской троицкой грамоты и нижегородского ополчения ¹, а несколько позже гораздо убедительнее — простым хронологическим расчетом ² — показал невозможность связывать начало движения в Нижнем с прибытием троицкой грамоты, однако и ему самый факт получения этой грамоты казался, повидимому, несомненным. Но можно, пожалуй даже пужно, не смущаясь приведенными выше указаниями источников, если не решить, то поставить вопрос: да была ли прежде всего получена в Нижнем осенью 1611 г. троицкая грамота?

При ближайшем знакомстве с памятниками бросается в глаза то обстоятельство, что ни очень хорошо осведомленный составитель «Нового Летописца», ни живший по соседству — в Арзамасе — Болтин в своих записках, ни даже сам Минин, рассказывавший в августе 1612 г. архимандриту Дионисию о начале ополчения ³, совсем не упоминают о получении в Нижнем до или во время создания в нем ополчения грамоты властей Сергиевой обители, а говорят об этом прежде всего лица, теснейшим образом связанные с этим монастырем. Невольно возникает вопрос: не есть ли указания последних — патриотов своей обители — результат позднейшего осмысления событий, позднейшей, может быть, совершенно непреднамеренной, постановки в причинную связь хорошо памятного в монастыре факта рассылки грамот по многим городам России в начале октября 1611 г. и ставшего позже известным факта создания ополчения в Нижнем? Странное заявление деятельного помощника архимандрита Дионисия в писании грамот священника Ивана Наседки, что из Троице-Сергиева монастыря писали между прочим «в Нижний-Новгород князю Дим. Мих. Пожарскому и к Козьме Минину» ⁴, может быть объяснено, кажется, только тем, что в его памяти, не вполне отчетливо в хронологическом отношении сохранившей факты далекого уже прошлого, Нижний-Новгород засел прочно как место начала деятельности «спасителей отечества». Ведь не сохранилось ни грамот, ни даже указаний на то, что архимандрит Дионисий писал кн. Пожарскому в Нижний, но известна грамота, посланная из Троицкой обители ополчению в Ярославль ⁵. Добросовестный Симон Азарьин, сообщивший вначале со слов Палицына о действии в Нижнем троицкой грамоты, даже несколько противореча себе, не решился в дальнейшем вставить в рассказ Минина упоминание об этой грамоте, которого в этом рассказе, очевидно, не было ⁶. Ав-

¹ В Русском архиве за 1872 г., № 3—4, Минин и Пожарский.

² В первом отдельном издании (1883 г.) своих статей из Русского архива с тем же заглавием в VIII добавочной главе, стр. 262—263.

³ Книга о чудесах преп. Сергия, стр. 33—36.

⁴ Канон преп. Дионисию с присовокуплением жития его, М. 1824, стр. 51; составление жития относится к концу 40-х годов XVII столетия — Книга о чудесах преп. Сергия, предисл., стр. V.

⁵ ААЭ, т. II, № 202.

⁶ На эту двойственность рассказа Симона Азарьина указал уже Забелин, Минин и Пожарский, изд. 3-е, М. 1896 г., стр. 248.

раамий Палицын, исходя из факта создания ополчения в Нижнем, мог вполне добросовестно полагать, что во время рассылки грамот по многим (по его словам, по всем) городам была послана грамота и в Нижний, и с нею связывать (ошибочно) начало движения в этом городе. Апрельская (1612 г.) троицкая грамота Пожарскому, начинающаяся словами: «преже, государи, сего писали мы к вам...», на которую ссылаются, как на свидетельство влияния в Нижнем октябрьской грамоты Сергиева монастыря¹, не содержит никакого указания на эту последнюю: все то, о чем говорится в апрельской грамоте, как о «преже писанном», было уже сказано и в июльской, разосланной по городам еще при жизни Ляпунова, грамоте монастыря². Таким образом, утверждать на основании одних только указаний, исходящих из Сергиевой обители, получение ее грамоты в Нижнем, кажется, довольно трудно. Определенно говорит об этом получении «Ельнинский хронограф»³. Но его небольшая, сравнительно позднего происхождения вставка в текст «Нового Летописца», сделанная каким-то книжником⁴, вероятно, знавшим какое-то местное нижегородское предание⁵, в том виде, как она известна теперь, возбуждает немало недоумений своими указаниями на мало-понятный разговор между Мининым и Биркиным на совете у воевод, на преждевременный, до решения ополчиться, молебен о даровании «победы христианам», на очень позднее, даже не сейчас же по оглашении троицкой грамоты, а на одной из собиравшихся после этого сходок, выступление с речью к народу Минина⁶. К показанию такого сомнительного — хотя бы по характеру его изложения — источника следует относиться с особенною осторожностью. И еще вопрос, не связал ли автор его начало движения в Нижнем с получением троицкой грамоты на основании свидетельства широко распространенного в XVII и XVIII вв. «Сказания» Авраамия Палицына? По крайней мере, слова из речи протопопа Саввы... не станем

¹ С. И. Кедров, Авр. Палицын, стр. 101, и в ст. Авр. Палицын как писатель — Русск. арх., 1886 г., № 8, стр. 486.

² Ср. ААЭ, т. II, № 202 и 190.

³ Цит. стр. ст. Мельникова в Отеч. зап. 1843 г., т. XXIX.

⁴ В рассказе заметны попытки или остатки рифмованной речи, вроде вирш в Повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского (РИБ, т. XIII, стр. 619, 622—623 и 707, 710—711), например:

...овин радостной вести о избавлении от литовских и польских людей ожидая,
Друзин же большие гибели чая;

или: ...слезы из очию испущаху,
И во умилении вскидаху.

⁵ Здесь очень верно названы нижегородские деятели того времени, в том числе и неупоминаемые в других литературных памятниках (протопоп Савва, Юдин).

⁶ С. Ф. Платонов, Древнерусские сказания и повести о Смутном времени, Спб. 1888, стр. 304—306, и Очерки Смуты, стр. 404. Различные комментарии к инциденту Минина — Биркина собраны у Забелина, Минин и Пожарский, стр. 22—23; иное толкование сомнения Биркина дает проф. Платонов, Очерки Смуты, прим. 227. Забелин «очень сомневался» в показаниях «Ельнинского хронографа» и называл его «легендой», op. cit., стр. 18—26; Костомаров защищал его «правдоподобность» — Вестн. Евр., 1872 г., № 11, Кто виноват в Смутном времени?, стр. 20.

⁴ Любомиров П. Г.

ли до смерти стояти за веру христианскую чисту и непорочну и за святую соборную и апостольскую церковь честного его успения (?) и за многоцелебные мощи московских чудотворцев?» довольно близко к тому, что говорят нижегородцы у Палицына: «уне есть нам умерти, нежели предати на поругание пречистые богородицы образа владимирские и честных и многоцелебных мощей Петра и Алексея и Ионы и прочих московских чудотворцов и православные христианские веры в поругании видети»¹.

Но если факт получения троницкой грамоты в Нижнем считать установленным, то для того чтобы решить вопрос, с нее ли нужно начинать историю нижегородского ополчения, следует еще выяснить, когда эта грамота могла быть получена в Нижнем. Забелин уже показал, что она «едва ли могла притти... раньше 11-го числа» (октября), но и это было бы «уже в самый разгар народного воодушевления»². И хотя не все позднейшие авторы приняли выводы Забелина³, однако расчет его остался неопровергнутым. Правда, он поведен от 6 октября, коим датирована единственная дошедшая до нас из октябрьской серии троницких грамот — грамота в Пермь⁴. Когда была послана грамота в Нижний, остается неизвестным. Но нельзя полагать, чтобы это было сделано даже в конце сентября 1611 г. Хорошо известны обстоятельства, послужившие поводом к обращению монастыря с призывом к земле. 25 или 26 сентября⁵ подошел к Москве и стал лагерем в селе Красном гетман Ходкевич с двухтысячным отрядом. Подмосковное ополчение оказалось в осаде. В стычках с поляками русские отбивались преимущественно стрельбой из-за укреплений своего табора. При таких условиях

¹ Слова Сказания Палицына в XIII т. РИБ, изд. 2-е, ст. 1207—1208.

² Минин и Пожарский, стр. 246—248.

³ Попржнему приписывают троницкой грамоте решающее значение в пробуждении у нижегородцев решимости создать ополчение *Д. И. Илювский* (Смутное время Московского государства, 1894, стр. 220—222), *В. О. Ключевский* (Курс русской истории, т. III, 1908, стр. 73), возражавший Забелину *С. И. Кедров* (Авраамий Палицын как писатель, Русск. арх., 1886, № 8, стр. 486 и сл.), повторявший его *Д. Скворцов* (Дионисий Зобнинский, архим. Троицко-Сергиева мон., Тверь 1890, стр. 106 и сл.) и некоторые другие.

⁴ СГГр и Д, т. II, № 275. — Когда-то *С. Смирнов* в статье Боярин и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский (Отеч. зап., 1849, т. LXVII, отд. II, стр. 47—48) определенно связывал начало движения в Нижнем с июльской троницкой грамотой; возможность этого готов, повидимому, допустить и *Кедров* в статье Авраамий Палицын как писатель, стр. 486. Но вопреки мнению Кедрова из Сказания Палицына совершенно ясно видно, что он говорит о действии в Нижнем именно третьей (октябрьской) троницкой грамоты, о рассылке которой он только что рассказал в этой же 67-й главе, тогда как об июльской грамоте речь идет у него в 65-й главе, и о ней вряд ли можно говорить в 67-й, — «се писание» (РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1206—1207 и 1203). Так именно понимал Палицына и Симон Азарьин (loc. cit.), говорящий только об одной троницкой грамоте, разосланной по смерти Ляпунова, и ей приписывающий возбуждение нижегородцев.

⁵ История ложного Димитрия (РИБ, т. I, ст. 280) датирует приход Ходкевича в Красное 5 октября, *Маскевич* (Сказания современников о Дим. Самозванце, изд. 3-е, 1859, ч. II, стр. 80) — 6 октября нового стиля, бывшего тогда впереди старого на 10 дней.

особенно остро почувствовались «в русском воинстве скудость и глад велик» и недостаток в боевых припасах, которые испытывались сильно уже и до того. На свой собственный призыв к стране о содействии, разосланный по городам как раз перед приходом Ходкевича — 21 сентября, — подмосковные воеводы надеялись, видимо, мало. И теперь, в момент опасности, Трубецкой «с товарищи и со всеми атамапы» обратился в Сергиев монастырь — за 70 почти верст от Москвы — «со многим молением о свищцу и о зелии» и с просьбой писать «грамоты о помощи на польских и литовских людей». Архимандрит созвал «собор» и «бояр и дворян и дьяков, прилучившихся тогда в монастыре». На этом совещании и решена была рассылка воззвания по городам. Троицкие власти были очень обеспокоены известиями из-под Москвы: сейчас же в ополчение были отправлены «слуги и служебники с свинцом и з зелием»¹. Нужно думать, что спешили и с рассылкой грамот². И потому, если предположить, что писание и отправление грамот «во вся грады Российския державы» заняло не один день, хотя в монастыре были в то время «много доброшисцы»³, и если считать грамоту в Пермь одною из последних, а в Нижний — одною из первых, то и тогда эта последняя вряд ли могла быть отправлена ранее 4—3 октября. Принятый в расчете Забелина срок для доставки троичкой грамоты в Нижний — на пятый день — нельзя признать удлиненным против действительного: даже летом и в мирное время на расстоянии Нижний — Москва, почти равном расстоянию от Нижнего до Троице-Сергиева монастыря, грамоты, повидимому, редко получались на шестой или седьмой день⁴: обычно позже, тем более осенью и в Смуту. Таким образом, при самых благоприятных обстоятельствах троичная грамота могла быть получена в Нижнем 7—9 октября. Но и в 17 дней⁵ никак не уложить всех событий, происшедших между выступлением Милина и походом смолян из Арзамаса в Нижний, о которых ниже будет речь. Меж тем, по словам наших источников, решение ополчиться состоялось не сейчас же по получении грамоты. Сначала «множество народа» внимало «по многи дни» полученному из обители «писанию», — свидетельствует Палицын, — и уже затем «во един от дний» единодушно решили уме-

¹ Вологодские губ. вед., 1855 г., № 26, часть неоф., стр. 227—228, и С. Б. Веселовский, Новые акты Смутного времени, № 28, РИБ, т. I, ст. 280; т. XIII, изд. 2-е, ст. 1205—1207.

² Не спешностью ли объясняется то обстоятельство, что октябрьская грамота, кроме небольшой центральной части, сообщающей о приходе к Москве Ходкевича и русских отрядов и о сборах под Москву в некоторых городах, представляет почти буквальное повторение (но Ляпунов уже не упомянут!) июльской? Ср. СГГр и Д, т. II, № 275, и АЛЭ, т. II, № 190.

³ Канон преп. отцу нашему Дионисию... с присовокуплением жития его, изд. 1824 г., стр. 42.

⁴ Мне удалось найти только два таких случая: 1) отписка См. Маматова о прибытии его в Нижний с Ив. Никит. Романовым 25 июля получена в Москве 1 августа — АИ, т. II, № 38, ХХII; 2) отписка нижегородских воевод, посланная 2 сентября, получена в Москве 8 сентября — Памятники сношений с Персией, т. II, стр. 26—27.

⁵ По расчету Забелина, на все последующие события осталось бы 15 дней.

реть за веру православную¹. В соответствии с этим указанием и «Ельнинский хронограф» повествует, что умиленные грамотой нижегородцы «по часту схожахуся советоватися, что убо сотворят», а потом «Кузьма возопи ко всем людям», и слово его всем «любо бысть»².

Таким образом, была ли получена в Нижнем троицкая грамота или нет, с нее во всяком случае нельзя начинать истории ополчения. Нужно поискать другого исходного пункта, и он уже указан Забелиным.

По рассказу самого Минина, обстоятельством, разрешившим его колебания и побудившим его выступить, наконец, со своим воззванием, было избрание его в земские старосты, в котором он увидел «начало божия промысла»³. Земские выборы, по крайней мере, в Поморье, происходили обыкновенно, хотя и не везде, около нового года, 1 сентября⁴. Около того же времени, как можно заключать, исходя из приведенной выше даты Болтина, происходили выборы и в Нижнем. Таким образом, к первой половине, самое большее к середине сентября 1611 г., нужно относить первые выступления Минина⁵.

Свои увещания «помочь Московскому государству» Кузьма Минин начал «в земской избе», где он как староста должен был часто бывать «и идеже аще обреташеся»⁶, т. е. скорей всего на торгу, где стояла его мясная лавка⁷, около своего дома в обычных собра-

¹ РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1207—1208.

² Отеч. зап., 1843 г., т. XXIX, цит. ст. Мельникова, стр. 31—32.

³ Книга о чудесах преп. Сергия, стр. 33—34; Симон Аварын писал со слов архим. Дионисия, которому рассказывал «о собрании ратных людей на очищение государству» сам Минин, — *ibid.*, стр. 33—36. Косвенным подтверждением указания Симона может служить свидетельство Болтина, что Минин во время своего выступления был земским старостой — Изборник, стр. 353; то же, повидимому, обозначают и витиеватые слова Хронографа 2-й ред., что Минин в это время «по случаю чина чреды своея бысть начальник в то время судных дел в братии своей, рекше посадных людей в Нижнем Нове граде» (Изборник, стр. 202; РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1317). По поводу явления Минину в сновидении преп. Сергия нельзя не признать правильными замечаний (о возможности этого с точки зрения психологической) Гацисского (Действия Нижегород. уч. арх. ком., т. I, вып. 6, стр. 204—205). Для характеристики тогдашнего душевного состояния Минина очень выразительными, хотя и несколько риторичными, являются слова Хронографа 2-й ред., что Минин «виде тогда насильствуемы многи, и zelo оскорбися и поболее зоравалельски душою за люди господня» — *loc. cit.*

⁴ М. М. Богословский, Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I, стр. 306.

⁵ Почти то же говорит и Забелин, Минин и Пожарский, стр. 248. К. Валишевский относит возникновение нового движения в Нижнем к началу октября, связывая его с получением грамоты от Гермогена, — Смутное время, стр. 374—375; но документально известно, что грамота Гермогена была получена в Нижнем 25 августа — ААЭ, т. II, № 194.

⁶ Книга о чудесах преп. Сергия, стр. 34. Стоит отметить, что еще Голицев (Дополнение к деяниям Петра Великого, т. II, 1790, стр. 270) говорил о начале проповеди Минина «в советах купеческих», притом до получения троицкой грамоты.

⁷ Мясником называют Минина и русские (Книга о чудесах преп. Сергия, стр. 33, Хронограф 2-й ред., *loc. cit.*, и др.) и польские источники (РИБ,

ниях соседей и т. п. И земская изба, и дом Минина, и его лавка находились на посаде, где жила и торговала «братья» его — посадские люди¹; в этой среде убедительные речи «излюбленного» ею человека, новоизбранного старосты, должны были иметь особенное влияние и, так как почва была уже достаточно подготовлена², скоро нашли себе сочувственный отклик. Были и противники предлагаемого Мининым плана собирать повое ополчение, но гораздо больше было сторонников его. Любопытны отзывы, руководившие посадскими людьми при принятии решения встать на защиту пострадавшей родины. Нижний сравнительно со многими городами не особенно сильно пострадал за годы Смуты: не подвергался он разорению неприятельскому, не испытал тягостей тушинского управления. В данный момент ему непосредственно не угрожала пока никакая опасность. Но для того чтобы жить нормальной жизнью, для того чтобы шире развивать свою торгово-промышленную деятельность, посадское население чувствовало настоятельную потребность в обеспечении безопасности всего государства, в умиротворении страны, в водворении в ней порядка и авторитетного правительства. При том же состоянии анархии, в котором тогда находилась Россия, сравнительное благосостояние жителей Нижнего могло служить приманкой для польских отрядов и казачьих шаек. «Что в нашем богатстве? — спрашивали себя, в передаче Симона Азарьина, посадские люди, — токмо поганым зависть, и аще придут и град наш возьмут, и не таяжде ли сотворят, яко же и прочим градом? и нашему едину граду устояти ль?» Не признавая себя особенно годными к военным действиям, но и не отказываясь «за избавление христианские веры главы своя положить», посадские люди считали своей главной обязанностью собрать средства для содержания ратных людей. Может быть здесь же, на посаде, в связи с решением ополчиться начался сбор добровольных пожертвований, который «первое собою начат» Минин, «мало себе нечто в дому своем оставив, а то все житье свое положив пред всеми на строение ратных людей».

т. I, стр. 316; АЗР, т. IV, стр. 495), но нигде нет указаний на то, что он был «гуртовщик» или «оптовый торговец скотом и рыбой», как называют его *Гостомаров* (Личности Смутного времени, Вестн. Евр., 1871, июнь, стр. 514) и *Ж. Валишевский*, *op. cit.*, стр. 375.

¹ Земская изба, по данным писцовой книги 1620—1622 гг., находилась на Нижнем посаде, близ Никольской церкви — РИБ, т. XVII, стр. 216—217; лавка Минина была, вероятно, в Мясном ряду, часть которого предстояло снести по указанию писцов для образования «проезда и прохода для ножапноу времени» — *ibid.*, стр. 196, 199, 202 и др.; дом Минина, если к нему относится указание купчей, опубликованной *П. И. Мельниковым* (в № 4 Москвитянина за 1852 г., отд. IV; перепеч. в цит. XI т. Сборника Нижегород. уч. арх. ком., стр. 525—526), стоял на Верхнем посаде, недалеко от другой Никольской церкви, и вблизи «Почанинского врага»; положение этой церкви определяется в писцовой книге, ст. 31—32.

Высказанное здесь сомнение в тождестве Кузьмы Минина — инициатора ополчения — и Кузьмы Захар. Минина-Сухорука, упоминаемого в купчей, после работы *А. Я. Садовского* «Одно ли лицо Кузьма Минин и К. Зах. Минин-Сухорук?» (Действия Нижегород. губ. уч. арх. ком., 1916 т. XV, вып. IX и отд.) можно обратить в отрицание тождества.

² См. выше, стр. 41—43.

Его примеру последовали и другие ¹. И позднейшая легенда приукрасила патриотический порыв нижегородцев, ярко расписав в конкретной форме пожертвование Мишина, который, в ее изображении, отдал на создание ополчения «свое имение, монасты, проиизи, и басмы жены своей Татьяны и даже серебряные и золотые оклады, бывшие на св. иконах» ², и создав образ вдовы, которая принесла «старостам сборным» 10 тыс. рублей из бывших у нее 12 тыс., чем даже «многих людей в страх вложила» ³.

Начатое посадом ⁴ дело не должно было и не могло остаться тайною его одного. Он и сам понимал, что освобождение родины не по силам ему одному, что оно требует участия всей земли. Присоединение других слоев населения и воевод Нижнего помимо увеличения числа сочувствующих и содействующих давало возможность уже от лица всего города обратиться с призывом к страпе. С другой стороны, и независимо от намерений инициаторов обо всем, что происходило на посаде: о собраниях, о речах Мишина, о намерении посадских людей создать новое ополчение, конечно, сейчас же становилось известно всем в Нижнем. Решение посада при силе и значении его в Нижнем было в сущности уж почти решением города. Но для успеха предприятия очень ценным должно было быть добровольное присоединение остальных сограждан. И оно скоро состоялось.

Мы уже видели, что в тревожных обстоятельствах Смуты в Нижнем создался и занял руководящее положение городской совет из представителей всех слоев населения с воеводами во главе; 1611 год был временем особенного развития его деятельности. Последним до рассматриваемого здесь периода документальным свидетельством ее служит грамота в Казань, посланная в конце августа ⁵. Весьма возможно, что совет этот и после продолжал собираться время от времени. Но начавшееся в посаде движение и само по себе являлось достаточным поводом для его созыва. На заседании совета представители посада, так сказать, официально, познакомили воевод, и представителей духовенства, и служилых людей с намерениями посадских. Ввиду важности дела решено было созвать на следующий день общее собрание нижегородцев. По колокольному звону на другой день сошелся народ в Спасо-Преображенский собор. После службы глава нижегородского духовенства протопоп

¹ Книга о чудесах преп. Сергия, стр. 35. С. Ф. Платонов полагает, что в земской же избе, «вероятно, был написан и первый приговор» о специальном сборе «на строение ратных людей» — Очерки смуты, стр. 404. Но историки говорят, кажется, только об одном таком приговоре, и действие его, как сейчас увидим, распространялось не на один посад.

² П. И. Мельников, цит. ст. в Отч. зап.; источник приводимых сведений не указан.

³ Хронограф ин. М. А. Оболенского, первый отрывок, напечат. в Архиве ист.-юрид. сведений, кн. I, отд. VI, стр. 32 и сл.

⁴ Инициативу посадских людей в деле создания ополчения очень определенно выдвигает, кроме Симона Азарьина, и Болтин — Изборник, стр. 353; свидетельствует о ней и Пожарский в грамотах — ААЭ, т. II, № 203; СГГр и Д, т. II, № 281.

⁵ ААЭ, т. II, № 194.

Савва¹ сказал приличное случаю патриотическое поучение, потом на площади к народу обратился, может быть, с речью Кузьма Минин, и теперь уже весь Нижний принял решение ополчиться за веру православную, за Московское государство на разорителей их — польских и литовских людей².

Практичные инициаторы дела — посадские — хорошо понимали, что добровольные пожертвования не могут создать устойчивого фонда для снаряжения и содержания военных отрядов, что нужно нечто более определенное, более обязательное. И вот, вероятно, по их предложению, нижегородцы «приговор всего града за руками устроиша» о принудительном сборе средств «на строение ратных людей»³. Литературные памятники и документальные данные, согласные между собой и пополняющие друг друга, рисуют все-таки недостаточно отчетливую в деталях картину этого сбора. Заведывание организацией его было поручено К. Минину. В силу приговора он «нижегородских посадских торговых и всяких людей окладывал, с ково что денег взять, смотря по пожитком и по промыслом». «За повелением» Минина везли казну и «уездные люди»; судя по практике сбора на корм казанским ратным людям, под «уездными людьми» здесь нужно разумеать не только государевых дворцовых крестьян, но и бортников из местных народов. В актах Печерского монастыря П. И. Мельников нашел указания, что «сбор был и с монастырей и с монастырских вотчин»⁴, но остается неизвестным, взымался ли он с вотчин и поместий светских землевладельцев. Во всяком случае ясно, что действие приговора распространялось не только на посад, но и на весь город и даже уезд; очевидно, это был действительно «приговор всего града», а не одних лишь посадских людей.

Несмотря на принятое миром постановление, находились лица, которые «скупости ради своей» не хотели было платить следовавших с них сумм, но вынуждались делать это силой. На основании приговора «Кузьма уже волю взем» над нижегородцами, получил полномочия «страх на ленивых налагати», продавать дворы перадаивых плательщиков и даже, если только это не прикраса летописца для яркости изображения самопожертвования нижегородцев, закладывать их жен и детей⁵.

---

¹ Об официальном положении Саввы — АИ, т. II, № 69.

² Так, можно, кажется, использовать указания Ельвинской рукописи, если исключить ее сомнительное упоминание о получении троичкой грамоты.

³ Книга о чудесах преп. Сергия, стр. 35.

⁴ Изборник, стр. 353; Книга о чудесах преп. Сергия, стр. 35—36; Нижегород. платежницы 7116 и 7120 гг., стр. 151; Несколько новых сведений О Смутном времени, Москвитянин, 1850, т. VI, № 21, отд. III, стр. 11, без цитации источников.

⁵ Книга о чудесах преп. Сергия, стр. 35; ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 116. Если слова Нового Летописца о закладе жен и детей принимать за передающие текст приговора, — что довольно сомнительно, — то здесь нужно разумеать, как показал проф. Платонов, «отдачи людей по житейским записям» — Очерки Смуты, стр. 408 и прим. 228.

И по распространению па разные слои населения, и по способу взимания, по крайней мере, с посадских и других торговых и промышленных людей по окладу, «смотря по пожиткам и по промыслу» и по широте полномочий главного сборщика назначенный нижегородским приговором сбор ближе всего напоминает сборы пятой, десятой деньги, особенно двух первых пятин, и специалист-исследователь даже указывает, что из опыта нижегородцев «были усвоены правительством Михаила Федоровича» «призудительность сбора и долевого характер его»¹. «Нижегородский летописец» и сохранил указание, что с посадских людей «имали пятую деньгу ратным людем на жалованье»². В каких размерах и каким образом взимался сбор с «уездных людей» и с монастырей, остается, к сожалению, совершенно неизвестным. Если только можно заключать по аналогии из практики сбора первой пятинны, то и те и другие также должны были со своих «животов» платить пятую деньгу; при этом в отличие от первой пятинны, взятой правительством царя Михаила, нижегородский сбор не знал, повидимому, изъятий по отношению к лицам, «имевшим животов и промыслов менее чем на 10 руб.»³, по крайней мере, ни о каких исключениях источники не говорят.

Остается еще выяснить, насколько это возможно, был ли нижегородский сбор призудительным займом или же не подлежавшим возврату добровольно назначенным патриотами налогом. С. В. Веселовский, основываясь на словах челобитья Гр. Строганова, что по уходе из Нижнего кн. Пожарского «нижегородцы посадские люди те свои деньги (взятые Пожарским) из таможенных и из кабацких доходов взяли назад», сделал вывод, что «сбор денег нижегородским ополчением отчасти был добровольным пожертвованьем, отчасти же носил характер призудительного займа известной доли животов и промыслов»⁴. Но «во всяким челобитьям вообще», — скажем его собственными словами, — «надо относиться очень осторожно», особенно, конечно, к челобитью, имеющему целью восхвалить себя и своих предков и говорящему притом о давно прошедших временах⁵. Меж тем в источниках, более близких к рассматриваемому событию, мне не удалось найти никаких указаний на то, чтобы деньги взяты были займы и чтобы они были возвращены хоть

---

¹ С. В. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича (Чтен. общ. ист. и древн., 1909 г., кн. I и отд.), стр. 26, 64; 6 и 52; А. С. Лаппо-Данилевский, Организация прямого обложения, стр. 73—74, 303—316.

² Нижегородский летописец, изд. А. С. Гацисским, 1886, стр. 44. С. В. Веселовский в только что цитированном исследовании почему-то предпочитает говорить о «третьей деньге», не указывая источника, — стр. 6. Но о третьей деньге говорит только легендарный Хронограф кн. Оболенского, цитированный выше.

³ С. В. Веселовский, *op. cit.*, стр. 28, 31—33.

⁴ *Ibid.*, стр. 6; в другом месте (стр. 52) уже без всяких ограничений: возникшая у нижегородцев идея пятой деньги «носила характер не налога, а принудительного займа».

⁵ *Ibid.*, стр. 69. Челобитье подано царю Алексею в 7181 г., т. е. через 60 лет после события, о котором оно говорит; напечатано оно в Доп. АИ, т. VI, № 67.

частью из каких-нибудь сборов пошлин и податей. С другой стороны, известно, что в Нижнем был заключен и заем «ратным людем на жалованье», но только у нижегородцев, в их числе и у «людей» Строгановых. Весьма вероятно, что эти займодавцы и получили потом свои деньги обратно из «нижегородских денежных доходов»; основание к тому предположению дает как будто и приговор об этом займе¹. И Строганов мог по ошибке приписать нижегородцам то, чего они не делали. Самый характер повествования в литературных памятниках о подвиге нижегородцев заставляет думать, что Минин собирал безвозвратные взносы на очищение Московского государства. И в грамоте, писанной от бояр и воевод объединившихся уже ополчений 4 октября 1612 г., нижегородцы, между прочим, выставляются как образец для подражания именно в том отношении, что они «сами себя ни в чем не пощадили, собирая с себя деньги сверх окладных денег»², что сказать в случае возврата денег было бы неудобно.

Дача пятой деньги на нужды ополчения была большой жертвой со стороны нижегородцев. Пожарский был прав, когда неоднократно указывал, что они не щадили имущества своего³. Выше уже было отмечено, как сильно пострадал за время «смуты при царе Василье» Нижегородский уезд; протекших с тех пор двух лет, конечно, было недостаточно для восстановления его хозяйства. Сильно дала себя почувствовать Смута и нижегородскому посаду, страдавшему от расстройств торговли, а вместе с ней и ремесла; таможенные сборы за 7119 г. дали только 3 832 рубля 14 алтын 3 деньги⁴. И при всем том вряд ли без специального материального содействия посада и уезда были отправлены под Москву нижегородские отряды в феврале 1611 г. Правда, прямых указаний на это мы не имеем. Но если с Нижегородского уезда были взяты по приговору воевод, и земских старост, и целовальщиков овес и деньги за сено «казацким ратным всяким людем на корм»⁵, то вполне естественно ожидать, что и снаряжение нижегородских отрядов не обошлось без подобных же сборов, тем более, что сборы государственных налогов и пошлин были в 7119 г., вероятно, очень скромны, как можно думать на основании размеров таможенной пошлины и значительных недоимок с уезда, числившихся за 7119 г. в платежнице 7120 г.⁶ И после всего этого нижегородцы назначают сбор пятой деньги! Впрочем, наряду с патриотическим самопожертвованием здесь, может быть, играл известную роль и практический расчет главных деятелей посадских

¹ Приговор этот в много раз цитир. Нижег. платежн., изд. С. В. Веселовским, стр. 151—152; о нем речь будет ниже.

² ААЭ, т. II, № 213; под окладными деньгами в грамоте, вероятно, разумеются обычные государственные сборы, о которых в грамоте идет речь как раз перед цитированным местом, тогда «деньги сверх окладных», очевидно, означают специальный сбор на ополчение.

³ ААЭ, т. II, № 203 и 213.

⁴ Ниж. плат. 7116 и 7120 гг., стр. 150. Ср. гл. I, стр. 13.

⁵ Ibid., стр. 151; к сожалению, неизвестно, для какого казанского отряда предназначался этот сбор.

⁶ Ibid., стр. 153—240.

людей — наибольшей жертвой добиться скорейшего водворения порядка и возможности свободного экономического развития. И посад в том же 7120 г. в известной степени вознаграждал себя за понесенные при создании ополчения затраты значительным развитием с началом умиротворения страны торговли в Нижнем ¹.

Приговор о сборе пятой деньги ставил финансовую сторону затеянного Нижним предприятия, по крайней мере, первое время, па твердую почву. Нужно было теперь подумать о военной силе, с которой бы можно было идти на очищение Москвы. Нижегородцы одни, конечно, не могли освободить Россию от поляков. Гарнизон Нижнего и ратные люди его уезда после битв 1608—1609 гг. и недавнего похода к Москве с Репниным, за исключением хотя бы небольшой части стрельцов для нужд воеводского управления, едва ли могли составить отряд в 1 000 человек. Рано присоединившиеся к Нижнему города Балахна и Гороховец могли дать лишь очень ничтожное количество ратных людей: Балахна, кажется, совсем не имела дворян; упоминаемые в источниках «гороховляне» — дети боярские были, очевидно, очень немногочисленны, судя по небольшой территории уезда; стрельцы же, если и были в этих городах, то в весьма ограниченном количестве ². Добровольцы из посадских и, может быть, даточные люди из трех уездов могли бы, вероятно, составить не меньший по численности, чем из служилых людей, но не особенно ценный по неподготовленности отряд. С такими силами нельзя было достигнуть желанного результата. Нужно было приглашать ратных людей со стороны. В это время неподалеку от Нижнего, в Арзамасе, стояли смоляны — дворяне и дети боярские и стрельцы. Изгнанные из родных мест поляками, они пришли уже по смерти Ляпунова к подмосковным воеводам, а эти последние отпустили их в Арзамас «испоместити их из дворцовых сел». Дворцовые мужики, поддерживавшие арзамасскими стрельцами, «делить себя не дали», и хотя у смолян «и бои с мужиками были, только мужиков (они) не оселили». Вот этих-то смолян нижегородцы и пригласили войти в состав организуемой ими рати, пообещав им «корм и казну на подмогу давати» ³. Смоляны прислали от себя в Нижний несколько человек, очевидно, с целью выяснить все хорошенько и условиться ⁴.

¹ Сколько можно судить по размерам взятой таможенной пошлины, торговля в Нижнем в 7120 г. стала почти в два раза значительнее, чем в 7119, — Платежницы, стр. 150.

² О присоединении этих городов — Изборник, стр. 353. Упоминаний балахонцев дворян и детей боярских совсем не встречается в источниках этого времени; о гороховлянах, например, Сборник кн. Хилкова, № 12, XXV; по Сметному списку 7140 г., их 17 человек — стр. 60; размеры Горох. у. см. по карте при исследовании Ю. В. Готье, Замосковский край в XVII в.

³ О приглашении смолян, пополняя друг друга, говорят Болтин — Изборник, стр. 353, и Семен Азарын — Книга о чудесах преп. Сергия, стр. 36. О скитаниях их также и в Новом Летописце, ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 110 и 113.

⁴ По Новому Летописцу, смоляны по собственной инициативе прислали челобитчиков в Нижний с просьбой принять их в ополчение — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 116; но так как этому решительно противоречат показания более ценных в данном случае источников, я решился говорить в тексте о челобитчиках как о присланных условиться.

Новый отряд будущего ополчения в общем очень подходил к нижегородцам по своему настроению. «Смольняном поляки и литвы грубы и искони вечные неприятели, что жили с ними поблизку и бои с ними бывали частые», — правильно отметил Болтин. И к подмосковному ополчению, где «казачье воинство к ним дворяном несогласно бысть и самовольно, положиша па них зависть и хотяше их побивати», смольняне не могли питать добрых чувств — и за такой прием и за неудачное ипомещение. Симон Азарьин отметил в их поведении еще одну черту, очень важную для нижегородцев, именно то, что они «и в бедах сущи и в скудости мнозей ходяще, а христианом насилия не чиняще»¹.

Приблизительно одновременно с посылкой к смольнянам, а скорее даже до этого, на собраниях, которые тогда, надо думать, часто происходили в Нижнем, был поднят вопрос о военачальнике организуемого ополчения. Летопись сохранила указания, какие требования предъявляли нижегородцы будущему вождю своей рати; хотели иметь «себе наставником» «честного мужа, кому заобычно ратное дело», даже больше того: «кто б был в таком деле искусен» и вместе с тем, «который во измене не явился»². Первый воевода Нижнего — окольничий кн. Вас. Андр. Звенигородский — не мог удовлетворять этим требованиям; мы ничего не знаем об его военных доблестях, а его родство с известным доброхотом Сигизмунда боярином Мих. Глеб. Салтыковым³ и получение окольничества от польского короля⁴ должны были заставить нижегородцев поопасаться вверять ему судьбу ополчения, собираемого для борьбы с поляками. К тому же Звенигородский был в Нижнем человек новый, приехавший на воеводство сюда только в 7120 г., т. е. после 1 сентября⁵, а назначение его подмосковными ли казачьими воеводами или боярским московским правительством не могло вызвать к нему особого доверия нижегородцев. Второй воевода, Андр. Сем. Алябьев, был хорошо известен своей верной ратной службой Нижнему и царю Василию в тяжелые годы тушинской смуты. Но ему, вероятно, мешала незначительность его чина и худородность; выслужившийся из дьяков, он совсем недавно, не ранее конца 7115 г., был пожалован в дворяне москов-

¹ Изборник, стр. 353; Книга о чудесах преп. Сергия, стр. 36. Припомним, что ряд городов, в их числе и Нижний, еще в августе условились между собой «друг друга не побивати и не грабити» — см. II гл., стр. 45.

² Новый Летописец, изд. кн. Оболенским в 17 кн. Временника, стр. 145.

³ По жене Салтыкова, — АИ, т. II, № 306, III; здесь же указано, что при Шуйском братья Звенигородские были почему-то «в закоснение и отосланы»; брат Василия Андр., кн. Федор, подписывал возмущавшие патриотов увещания Шеину сдать королю Смоленск и великим послам побудить Шеина к тому же — *ibid.*, № 321 и 322. Материалы для биографии его и др. деятелей — см. в приложении.

⁴ АЗР, т. IV, № 183, DCXXXII (стр. 389); ср. Боярский список 1611 г., изд. В. Н. Сторожевским в Материалах для истории русского дворянства (Чтен. Общ. ист. и древн., 1909, кн. III), стр. 76.

⁵ Разрядные записи за Смутное время, изд. С. А. Белокуровым, стр. 107; грамота в Казань в конце августа 1611 г. писана от одного только Алябьева — ААЭ, т. II, № 194, I.

ские и потому писался далеко не в первых рядах их ¹. А может быть, наоборот, нижегородцы не хотели отпускать его из города, чтобы не остаться с одним внушавшим опасения кн. Звенигородским. По этим ли или по каким другим мотивам, но и Алябьев не был избран воеводой ополчения. В это время в Нижнем был еще стряпчий Ив. Ив. Биркин, присланный сюда от Ляпунова из Рязани «о всяком договоре и о добром совете» в эпоху создания первого земского ополчения, в феврале 1611 г. Затем он, повидимому, был под Москвою и оттуда «троеначальниками» был послан на воеводство в Арзамас. Смененный в августе кн. Путятинным ², Биркин, может быть, вернулся в Нижний и помогал в воеводском управлении А. С. Алябьеву ³. Да и по приезде в Нижний нового первого воеводы, окольного кн. В. А. Звенигородского, мы дважды в сохранившихся документах встречаем имя Биркина в ряду воевод Нижнего ⁴. Но, вероятно, измена, хотя и кратковременная, царю Василию и, может быть, какие-то неприязненные отношения с Мининым ⁵ помешали и Биркину сделаться главным вождем нижегородского ополчения. Нижегородцы обратились к иногородним и остановили свой выбор на кн. Дм. Мпх. Пожарском.

Многие исследователи высказывали мнение, что на Пожарского указал нижегородцам Минин и что последний предварительно был у Пожарского и обо всем с ним условился ⁶, но нигде в источниках прямого свидетельства о том и другом нет. А неясные слова наиболее распространенной редакции «Нового Летописца» о Пожарском: «а с Кузьмою с Мининым бысть у них по слову», давшие

¹ О дьячьей службе Алябьева — Четвертчики Смутного времени, стр. 2—7, 40, 41; Новые акты. См. вр., стр. 160; Разр. записи за См. вр., стр. 3, 81 и 137, 87 и 144, и самое позднее упом. — май 7115 г.—91, 118 и 158; с 7117 г. он — воевода в Нижнем (см. выше, гл. II); в Боярском списке 1611 г., стр. 91. Кн. А. А. Репнин, присутствие которого в Нижнем в это время утверждают *Костомаров* (Смутное время, т. III, 1868, стр. 242) и *Д. И. Иловайский* (Смутное время, стр. 224), уйдя из Нижнего с отрядом под Москву, больше в Нижний не возвращался; был назначен воеводой в Свинжск на 7120 г. (Разр. записи за См. вр., стр. 107), но, повидимому, умер, не побывав на новом месте службы: о нем нет дальнейших известий.

² СГГр и Д, т. II, № 228 и 229; Арзам. помест. акты, № 301, 287, 290, 337 и 293. В Боярском списке 1611 г. Биркин не значится.

³ Наемком на это за отсутствием прямых указаний может, кажется, служить обращение к «воеводам» Нижнего патр. Гермогена (в августе 1611 г.), который, сносаясь с Нижним при посредстве посланных нижегородцами же «безстрашных людей» Романа (Ратмана) Пахомова да Родиона Мосеева, должен был знать, что кн. Репнин давно уже ушел из Нижнего, — ААЭ, т. II, № 194, II; о посылке Пахомова и Мосеева к патриарху — см. СГГр и Д, т. II, № 228.

⁴ Нижегород. платежницы 7116 и 7120 гг., стр. 151, и А. до ю. б., т. II, № 175, II.

⁵ АИ, т. II, № 286, I, и Ельнинский хронограф.

⁶ *Голицев* в Дополнении к деяниям Петра Великого, т. II, стр. 268—270; *Малиновский*, Биографич. сведения о кн. Дм. Мих. Пожарском, М. 1817, стр. 31—33; *Мельников* в не раз цитир. статье в Отечеств. зап. за 1843 г., т. XXIX; *Костомаров*, Личности Смутного времени в июньской книжке Вестн. Евр. за 1871 г., стр. 513; *Д. И. Иловайский*, Смутное время, стр. 222, и некоторые др.; *К. Валишевский* утверждает только первое, op. cit., стр. 377.

основания говорить об уговоре, совсем иначе и, кажется, более правильно истолкованы в более поздней редакции его в том смысле, что К. Минин был у Пожарского и подал ему совет потребовать избрания особого лица для заведывания казной ополчения только «преже прихода послов» нижегородских, а не до избрания Пожарского¹. Притом же ни нижегородцы не нуждались в указании Минина, ни Пожарской в его рекомендации. Торговые люди Нижнего, вероятно, еще до Смуты, знавали довольно крупного вотчинника близкого от них Стародубского уезда кн. Пожарского². А осенью 1611 г. имя Пожарского, вероятно, часто вспоминалось в Нижнем в связи с его последним подвигом под Москвой весной этого года³.

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский вполне отвечал тем требованиям, которые нижегородцы выставили для будущего вождя своей рати. Он был одним из лучших воевод своего времени, верно служил он Шуйскому, не запятнал себя отъездом в Тушино, не просил милостей у Сигизмунда и, наоборот, один из первых восстал на поляков и храбро бился с ними в Москве еще до прихода ополчения Ляпунова. Все это — черты, очень сближающие его образ мыслей, его настроение с воззрениями и поступками его избирателей — нижегородцев. Любопытна еще одна маленькая черточка, роднящая его с нижегородцами — это какое-то преклонение перед авторитетом столицы Москвы: в тяжелую пору конца царствования Шуйского Пожарский даже под угрозой смерти не согласился признать Тушинского вора и укрепился крестным целованием с жителями Зарайска почти в тех же словах, как в 1608 г. нижегородцы в ответ на предложение целовать крест тому же Вору: служить тому, кто будет «на Московском государстве»⁴.

Во время избрания его вождем нижегородского ополчения Пожарский лечился от ран, полученных под Москвой, в своей вотчине Мугрееве, в Суздальском уезде, «от Нижнева 120 поприщ»⁵.

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 116; Временник, кн. 17-я; Новый Летописец, изд. кн. Оболенским, стр. 145. Так же понимал это место и *Забелин*, Минин и Пожарский, стр. 31—32. *Арцыбашев* слова «а с Кузьмою Миничым бысть у них по слову» относил к нижегородцам и толковал в смысле указания на словесный, а не письменный приговор — Повествование о России, т. III, стр. 303.

² *Л. М. Савелов*, Князья Пожарские, М. 1906, текст, стр. 10 и прилож. документы.

³ Об этом подвиге — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 108; возвратившиеся в Нижний из-под Москвы ратные люди, вероятно, не мало рассказывали об этом.

⁴ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 99; подробности деятельности Пожарского в царствование Шуйского и под Москвой у *Забелина*, Минин и Пожарский, стр. 48—60; его полная характеристика у *С. Ф. Платонова*, Очерки Смуты, стр. 409—412.

⁵ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 116; Изборник, стр. 353. Свод мнений о местопребывании в это время Пожарского — до 1875 г. — в ст. графа *Мих. Бутурлина*, О месте погребения кн. Дм. Мих. Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 г., в Чтен. общ. ист. и древн., 1875, кн. IV, Разрешение вопроса в пользу Мугреева у *С. Ф. Платонова*, Очерки Смуты, прим. 232.

Сюда к нему нижегородцы снарядили целое посольство в составе архимандрита Печерского монастыря Феодосия, «дворянина доброва», принадлежавшего к «выбору» Ждана Петр. Болтина и «посадских людей», сообщить ему об избрании и просить его принять на себя начальствование над собирающимся в Нижнем ополчением и поспешить прибытием в Нижний¹. Пожарский не сразу согласился на предложение нижегородцев. Он сам свидетельствовал: «присылали ко мне князя Дмитрия из Нижняго многажды, чтобы мне ехати в Нижний для земского совета»². Многочисленные поездки представителей Нижнего к Пожарскому не все имели в виду упрашивать его принять избрание; в переговорах с ним обсуждались и планы устройства ополчения. Ездил в Мугреево к Пожарскому и Минин, к сожалению, неизвестно точно когда, чтобы условиться с ним об организации финансовой части. По его совету, Пожарский и потребовал у нижегородцев, «чтобы они выбрали у себя ис посацких людей, кому быти с ним у такова велика дела и казну збирати», т. е. хотел поручить очень важное дело сбора и расходования средств опытному и удостоенному доверия сограждан человеку. Нижегородцы будто бы «говориша князю Дмитрею, что у них такова человека во граде нет», и Пожарский указал им на Минина. Обрадовавшись, будто бы, нижегородцы стали упрашивать Минина принять на себя ведение денежного дела в ополчении, и он после отказов согласился³. Только теперь оставил он земскую службу и вышел из состава земских старост⁴. По желанию Пожарского, создавалось в ополчении нечто новое, небывалое. В тогдашней терминологии государственного и земского хозяйства не нашлось подходящего термина для обозначения должности и звания Минина. И он так и остался с мало выразительным в отношении к исполняемой им функции, но хорошо передающим доверие к нему сограждан названием «выборный человек».

---

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 116, и Изборник, стр. 353. О Жд. П. Болтине—цитир. Боярский список, стр. 99.

* ² СГГр и Д, т. II, № 281. В изложении Нового Летописца весь начальный период истории ополчения слишком скомкан, события слишком быстро текут одно за другим; приходится отвергнуть его указание, что Пожарский сразу согласился и готов был «ехати в тот час», — ПСРЛ, стр. 116—117.

³ Рассказ «Нового Летописца» в данном месте не вполне ясен. Не говоря уже о уговоре Минина с Пожарским, но и слова о выборах Минина возбуждают недоумение: почему это Пожарский «писаше» нижегородцам, когда у него присутствуют их выборные, тотчас и дающие ему ответ. Или ответ был дан в другой приезд их? Сомнительным кажется и ответ нижегородцев, что они не знают в городе такого человека.

⁴ Сообщение «Нового Летописца», ПСРЛ, XIV, ч. I, стр. 116—117, что выборы Минина на новую должность состоялись после выборов Пожарского, как будто находит себе подтверждение и у Болтина, который про выборы Минина говорит после рассказа о выборах Пожарского, и еще более в «Нижегородском Летописце», который определенно говорит о выборе Минина «в полк» к Пожарскому. Иное мнение о времени превращения Минина из земских старост в «выборного человека» высказал С. Ф. Платонов, «Очерк Смуты», стр. 407.

«Новый Летописец» сообщает, что свое вступление в новую должность Минин обусловил составлением нового приговора, и с согласия нижегородцев он был написан. Этим приговором нижегородцы обязались «во всем быти послушливым и покорливым» начальникам ополчения «и ратным людям давати деньги», и для добывания средств Минин получал полномочия «не токмо что у них имати животы, но жены и дети продавати, а ратным людям давати». Другие источники ничего не говорят об этом втором приговоре, и в сущности он представляет повторение первого. Но вполне возможно, что, вступая в новую должность, Минин захотел упрочить дело ополчения и сильнее обязать нижегородцев и в этих видах добивался составления нового приговора, в котором повторялось постановление о сборе денег и особенно напиралось на послушание новым сверхземским властям. И такое требование Минина, пожалуй, и имело смысл: за время Смуты нижегородцы привыкли к «самоуправлению», об их «непослушаньи к воеводам», по словам летописи, знал (вероятно, был кем-нибудь предупрежден) и Пожарский; отказаться от собственной воли и дать «за руками» обещание исполнять приказы других нижегородцам было, вероятно, нелегко, и Минин, — заключает свой рассказ об этом «Новый Летописец», — опасаясь, «чтобы того приговору пазад у него не взяли», сейчас же по составлении послал его Пожарскому ¹.

В то время как шли переговоры нижегородцев с Пожарским, в Нижний приехали представители смолян, приглашенных на службу. Условившись с ними, нижегородцы и их отправили к будущему их пачальнику бить ему челом, чтобы он стал их воеводой и чтобы шел в Нижний, «не мешкая». Пожарский, уже как воевода, приказал им идти в Нижний, пообещав отправиться туда вскоре. «Челобитчики», известив нижегородцев о достигнутых ими результатах, прошли к своим в Арзамас. И, собравшись, «о Дмитриев дни», 26 октября, смоляне выступили в Нижний ².

Скорое прибытие смолян, которым согласно обещанию нужно было давать жалованье и корм им самим и их лошадям ³, должно было вселять в лиц, стоявших во главе дела, особенную заботу о средствах. Сбор пятой деньги по приговору вряд ли мог дать в такой короткий срок (что-нибудь около месяца) значительные суммы. Государева казна также не могла наполниться за два месяца нового 7120 года. Добровольные пожертвования, вероятно, составили не особенно крупный капитал. Нужно было прибегнуть к какому-нибудь экстремному и быстрому способу получения денег. Вот теперь-то, думается, и был составлен давно известный исследователям приговор о займе (вероятно, принудительном) денег у частных лиц, «покаместа нижегородские денежные доходы в зборе будут» ⁴. Некоторые основания относить заем именно к этому

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 116—117.

² Ibid., стр. 117; Изборник, стр. 353.

³ Изборник, стр. та же.

⁴ Цит. Нижегород. платежницы 7116 и 7120 гг., стр. 151—152; раньше был опубликован кн. Оболенским в 17-й книге Временника.

времени дает и самый приговор о нем. В числе лиц, припимавших участие в обсуждении вопроса, был и Минин, но он назван не земским старостой, а «выборным человеком». С другой стороны, на собрание, которое должно было изыскать деньги «ратным людям на жалованье», конечно, был бы приглашен и начальник этих ратных людей — кн. Пожарский, но его мы не видим в списке лиц, принимавших участие в этом собрании; очевидно, он еще не приехал в это время в Нижний. Так с некоторой вероятностью определяется тот небольшой промежуток времени — между вступлением Минина в новую должность и прибытием в Нижний Пожарского, — к которому можно отнести составление этого приговора о займе¹. Любопытно, что заем был сделан у нижегородцев. В тексте платежницы в числе заемщиков названы «люди» Строгановых, ярославцы Вас. и Степ. Лыткины и Второй Чистой, москвичи Оникей Порывкин и Фил. Доцаников. Из оставленных подьячим без указания городов, к которым они принадлежали, Григ. Микитников² был ярославец, имевший торговлю и в Нижнем, а Сергей Патрушин, по всей вероятности, москвич³. Не нужно ли этот факт займа у иногородних торговцев объяснить тем, что, с одной стороны, заем у нижегородцев, обложенных пятой деньгой, мог повести к разорению или, по крайней мере, к временному затруднению в их торговых операциях (ведь уплата не могла последовать особенно быстро), а, с другой стороны, иногородние торговые люди, на которых, вероятно, не мог распространяться приговор чуждой им общины о сборе пятой деньги, имели таким образом больше свободных средств?

Отпустив смольнян, Пожарский и сам вскоре отправился в Нижний. Указание «Нового Летописца», что смольняне пришли сюда в одно время с Пожарским⁴, позволяет довольно точно определить время его прибытия в призвавший его город, ибо, выйдя из Арзамаса 26 октября, смольняне вряд ли могли быть в Нижнем за 120 приблизительно верст раньше 28 октября.

По дороге в Нижний Пожарский встретил дорогобужаи и вязмичей, шедших предложить нижегородцам свои услуги. Нуждавшиеся в военной силе организаторы ополчения с охотой приняли и этих служилых людей. Судьба их в недавнем прошлом была оди-

¹ В изданных Нижегород. арх. комисс. Памятниках истории нижегор. движения (Сборник, т. XI) этот приговор датирован в заглавии, без указания оснований, апрелем 1612 г. — стр. 171; но в это время Минина уже не было в Нижнем. *Соловьев* относил его к марту (Ист. России, изд. 2-е, кн. II, стр. 1015—1016), но тогда не было в Нижнем, как увидим, Биркина.

² В тексте приговора неверно — «Микитинов»; об его торговле в Ярославле — например, Сборник кн. Хилкова, № 67, II, стр. 186; в 1611 г. он был в Ярославле земским старостой — ААЭ, т. II, № 188, II, подписи на стр. 323; в 1718 г. он — гость, Сборник Нижегород. арх. ком., т. VII, стр. 477.

³ Во всех бывших у меня материалах мне не удалось встретить Патрушинных — посадских людей Нижнего, но в писцовой книге Нижнего указана лавка москвича Луки Патрушина — РИБ, т. XVII, ст. 277; под грамотой об избрании Бориса Годунова на царство подписанся, между прочим, гость Алексей Конст. Патрушин — ААЭ, т. II, № 7, стр. 53.

⁴ ИСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 117.

пакова с судьбой их соседей по месту жительства — смолян. «Разоренные от литовских людей» прибрели дорогобужане и вязьмичи к подмосковным воеводам, которые приказали их испоместить в дворцовой Ярополческой волости (Владимирского уезда), откуда Заруцкий потом «казаком повеле выбити» их¹. Конечно, глубокую вражду к себе должны были вызвать у дорогобужан и вязьмичей поляки и казаки своими действиями.

Смоляни было, по словам Симона Азарьина, «яко до двою тысяч и вящее». Мы уже знаем, что по десятке 1606 г. смоленских дворян считалось до 1 200 человек, что стрельцов смоленских было до 1 500 человек, но неизвестно, сколько и тех и других уцелело после осады Смоленска и какая часть оставшихся в живых прибрела к Москве, а потом попала в Арзамасский уезд. Кажется вероятным, что в 2 000 у Симона Азарьина включены также и дорогобужане и вязьмичи, количество которых совсем не известно. Отсутствие даже и упоминаний о них у современника-арзамасца Болтина и у передавшего при посредстве архимандрита Дионисия рассказ Минина Симона Азарьина, довольно обстоятельно говорящих о смолянах, заставляет предполагать незначительность их группы в сравнении с отрядом смолян. В пользу незначительности их говорит как будто и гораздо меньшее военное значение и меньшие размеры этих городов, особенно Дорогобужа, в сравнении со Смоленском; и испомещение дорогобужан и вязьмичей в одной только, правда очень крупной, волости — Ярополческой, — даже при дачах далеко не по окладу, свидетельствует, кажется, что их отряд исчислялся не тысячами, а не более как сотнями воинов².

К началу ноября закончился первый подготовительный период в истории ополчения. Нижегородцы могли быть довольны достигнутыми ими результатами. Они теперь имели известные средства для содержания ратных людей, могли выставить отряд тысячи в три специально военных, не считая добровольцев и возможных даточных людей, во главе их ополчения стоял видный военачальник кн. Дмитрий Михайлович Пожарский, а рядом с ним, как заведующий казной ополчения, представитель посада Кузьма Минин.

¹ Ibid., стр. 113 и 117.

² О Дорогобуже и Вязьме см. С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, стр. 56—57; размеры Ярополческой волости в половине XVII в. — на карте при исследовании Ю. Готье, Замосковский край в XVII в.

Глава IV

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗЕМСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ, ЕГО ПРОГРАММА И ПЕРВЫЕ ДЕЙСТВИЯ ЕГО ВЛАСТЕЙ

С присездом в Нижний Пожарского должна была начаться работа по устройству самого ополчения.

Возникшее по инициативе нижегородского посада дело уже выходило теперь за пределы нижегородского мира, за пределы власти воевод Нижнего. Под начальством Пожарского находилось уже значительное количество иногородних служилых людей. Кроме них, к начинанию Нижнего примкнули, вероятно, еще в октябре, целые, правда, небольшие, города — Балахна и Гороховец, установившие, судя по тому, что Мишин и в них посылал «окладывать»¹, подобные нижегородскому, сборы денег на ратных людей. Нужно было ожидать присоединения и других городов, с которыми Нижний по самому характеру предприятия должен был завязать сношения. Конечно, нижегородскому дьяку было бы трудно наряду со своей текущей работой вести еще сложное и растущее письмоводство ополчения. С другой стороны, и само ополчение, имевшее уже особого вождя, отдельную казну и заведующего ею, нуждалось для приобретения полной самостоятельности в особой отдельной от воеводской канцелярии. В пользу такого устройства говорила и необходимость для ополчения в будущем уйти из Нижнего. И особая канцелярия была создана. Дьяком ополчения был поставлен человек, уже опытный в канцелярском деле, бывший нижегородский подьячий, потом дьяк, а теперь как раз находившийся не у дел Вас. Юдин, принимавший уже участие в решении вопроса об ополчении в совете «на воеводском дворе», о котором рассказывает «Ельнинский хронограф». Указать точно время вступления Юдина на службу в ополчение по недостатку документов нельзя, но, с одной стороны, в момент составления приговора о займе он, очевидно, еще не был официальным лицом и не упомянут в нем, а с другой — грамота на Вологду начала декабря писана уже и от имени Вас. Юдина².

¹ Изборник, стр. 353.

² Указания на прежнюю службу Юдина в Нижнем в цит. Материалах А. К. Кабанова, № 70 и 99, и в изд. С. Б. Веселовским платечниках, стр. 68 137 (в указ. пропуск.) и 138; в цит. Боярском списке 1611 г. Юдин зачеркнут — Итен. Общ. ист. и древн., 1909, кн. III, стр. 86. См. еще о нем Прилож. Соловьев думал отождествить Юдина с нижегор. дьяком Вас. Семеновым (Ист. Рос-

Другим важным и неотложным делом, которым занялись Пожарский и Минин, было верстанье ратных людей ополчения. Приглашая смолян, нижегородцы обещали им «корм и казну» давать. Вероятно, на подобных же условиях вступили в ополчение и дорогобужане и вязьмичи. И нужно было поторопиться с выдачей денег этим служилым людям, чтобы, с одной стороны, поскорее привести в боевую готовность разоренных скитальцев, а с другой — хорошим и быстро выдаваемым жалованьем привлечь к участию в ополчении других ратных людей.

Верстанье отняло, вероятно, немало времени у руководителей ополчения. Сколько можно заключить на основании отрывочных данных, в Нижнем при назначении жалованья тому или другому лицу старались сообразоваться с его обычным окладом, принимали во внимание и справляли назначенные признаваемыми в Нижнем правительствами, но еще не справленные придачи. За полным отсутствием соответствующих документов обо всем этом приходилось «сыскивать всем городом»¹. И в результате такой кропотливой работы смоляне и, вероятно, также дорогобужане и вязьмичи, дворяне и дети боярские, были распределены на несколько «статей» с различными окладами: первой статье было назначено «по 50 рублей, а другой по 45 рублей, третьей по 40 рублей, а меньше 30 рублей не было», — отметил в своих записках Болтин². К заключению о более низких размерах жалованья приводит указание челобитной одного смолянина Михаилу Федоровичу, что его «братья смоляном» дано в Нижнем «большей статьи по 20 по 8 рублей»³. Разногласия источников можно, кажется, примирить предположением, что Болтин записал назначенные оклады⁴, а челобитная говорит о действительной даче, более низкой, как это и обычно бывало, чем оклад. Но и дачи, повидимому, приблизительно в половину окладов, нельзя не признать очень хорошим жалованьем: ведь жалованье «с городом», которое получало громадное большинство провинциального дворянства, не бывало, как мы видели, выше 14 рублей; правда, оно было добавленном к земельному обеспечению, которого не могли пока давать своим служилым людям Пожарский и Минин, но зато и получать его приходилось по каждый год и не всегда в полном размере.

Забота о хорошем обеспечении ратных людей красною пшью проходит через всю историю нижегородского ополчения. Руко-

снн, изд. 2-е, кн. II, ст. 1012), по это два разных дьяка, как это ясно видно из цит. платежниц, стр. 137, 138, и особенно из Курмышских актов, № 1, 2, 5 и др. (в Летоис. занятий Археогр. ком., вып. I).

¹ Четвертинки Смутного времени, — материалы, изд. Л. М. Сухотиным (Чтен. общ. ист. и древн., 1912, кн. II и отд., отд. V, № 70 (стр. 289)).

² Изборник, стр. 353.

³ Забелин, Минин и Пожарский, прилож. IX и XV. Те же челобитья переизданы в общей массе «столбцов Печатного приказа» Л. М. Сухотиным, Первые месяцы царствования Мих. Федор., М. 1915, стр. 9 и 25. Ср. также данные о денежном жалованье разоренных же белян (27, 26 и 24 рубля) — Четвертинки Смутн. времени, стр. 257.

⁴ На этом основании я решился в тексте «давали» Болтина заменить словом «назначено».

водители его вполне правильно рассчитывали, что «учреждение» рати, о котором с неудовольствием говорит Авраамий Палицын, — залог ее силы и внутреннего порядка. При тогдашних обстоятельствах, когда довольно многие служилые люди со времен Тушина привыкли служить тому, кому выгоднее, когда иные непрочь были, пользуясь слабостью или попустительством власти, пограбить беззащитное население, когда другие трусливо ожидали конца событий, не решаясь сами принять в них участие, — при таком положении дел хорошее денежное жалованье, а позже, начиная с Ярославля, и раздача земли в поместья, придачи за разные службы должны были вызывать из усадеб или переманивать от врагов в ополчение новых ратников, удерживать от ухода уже вошедших в его состав и отнимать предлог для утеснения и разорения мирного населения.

Верстање служилых людей ополчения сразу же обнаружило недостаток средств. На одно жалованье смолянцам, дорогобужапам и вязьмичам, если даже считать, что каждому из них было дано вполонину приведенных у Болтина цифр, нужно было около 30 тыс. рублей. А кроме того, нижегородцы «корм им и лошадем (их) стали давать довольно»¹; может быть, нужно было содержание и денежное вспоможенье для сбора в поход и разоренным нижегородским дворянам и детям боярским и нпоземцам²; и военных припасов в Нижнем было в то время мало³. В ближайшем будущем с ростом ополчения расходы должны были возрасти. Меж тем обесценивший от сокращения торговли нижегородский посад и разоренный в тушинскую смуту Нижегородский уезд⁴ при всем их самопожертвовании вряд ли могли собрать такой большой капитал. Не много могли прибавить в казну ополчения и Балахна и Гороховец с их небольшими уездами, в которых некоторое время хозяйничали тушинцы, а потом шла борьба с ними⁵. Заем у иногородних торговцев в Нижнем дал только 5 206 рублей⁶. Оставалось обратиться за помощью к другим городам. «Новый Летописец» определенно и связывает рассылку из Нижнего «по городам» грамот, призывавших «помогать итти на очищения Московского государства», именно с тем, что в Нижнем «казны становящие (ся) мало». Только составитель «Летописца», не особенно заботившийся о хронологической отчетливости рассказа, объединил здесь два различных момента: обращения Пожарского к поповым и к поморским городам⁷. Нам необходимо расчлениить их.

¹ Изборник, стр. 353.

² Об их разорении была уже речь во II главе очерка. См. стр. 38—39.

³ ААЭ, т. II, № 201, стр. 350; подтверждение слов грамоты имеем и в платежнице 7120 г. — Нижегород. платежницы 7116 и 7120 гг., стр. 121.

⁴ Об этом см. выше, стр. 37—40.

⁵ О тушинской смуте в этих городах см. гл. II, стр. 34; размеры уездов — на карте при исследовании Ю. В. Гомье, Замосковский край; заволжская часть Балахнинского у., составлявшая более $\frac{2}{3}$ его территории, еще и теперь в значительной части покрыта лесами и болотами и заселена очень слабо.

⁶ Нижегородские платежницы 7116 и 7120 гг., стр. 152.

⁷ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 117; в другой редакции «Нов. Лет.», изд. кн. Оболенским в 17-й кн. Бременника, призыв Пожарского изложен опреде-

Сначала Пожарский и нижегородцы обратились к полизовым городам, к тем самым, с которыми совсем недавно, в августе 1611 г., Нижний условливался о дальнейшем поведении¹. До сих пор не найдено ни одной из этих первых призывных грамот Пожарского, равно и ответов на них. Потому первоначальная программа ополчения известна нам только по приведенной выше краткой формулировке призыва в «Новом Летописце», а об отношении к ней других городов мы узнаем из указаний позднейшей грамоты Пожарского в Вологду. Понизовые города сочувственно отозвались на призыв Нижнего. «Из Казани, и из Сивязского, и из Чебоксара, и изо всех (будто бы) понизовских городов» ответили, «что они идут на земскую службу все головами своими». Казанцы, кроме того, сообщили к началу декабря о посылке ими в Нижний передового отряда, по другим городам медлили пока с присылкой военных сил, ожидая, по сообщению Пожарского вологжанам, «как пойдут ваши ратные люди, и они с нашими людьми пойдут головами своими»². Вполне вероятно также, что понизовые города тогда же в ответ на призыв Пожарского стали присылать в Нижний представителей «на совет» и «многую казну», что сообщает «Новый Летописец», говоря сразу об обеих указанных группах городов³.

Таким образом, уже в ноябре движение, начатое Нижним, охватило значительный приволжский район от Балахны до Казани. Но вести о нижегородском ополчении распространились, видимо, еще шире. В конце ноября о собрании ратных людей в Нижнем знали и верховые города и в минуту опасности обратились к Пожарскому с просьбой о помощи. Опасность на этот раз грозила им со стороны поляков.

Нестерпимый голод заставил польские отряды, стоявшие под Москвой, уйти куда-нибудь в места, менее разоренные Смутой, чтобы там и прокормиться самим и собрать провиант для оставшегося в Кремле гарнизона. Один отряд, состоявший из командой гетмана Ходкевича, остановился на зимовку в тверских пределах, в селе Рогачеве (в 24 верстах от города Дмитрова, недалеко от Волги), куда прибыл 4 ноября⁴. Другой отряд — сапезинцы — 27 октября пришел в Гавриловскую волость Суздальского уезда (к северо-западу от города)⁵.

леннее: «Да учинят помощь и пришлют денег на роздавание ратным»; правильное здесь и понизовые города названы на первом месте, а поморские — на втором, стр. 146.

¹ См. гл. II, стр. 45.

² ААЭ, т. II, № 201: «О всех» понизовых городах — обычное преувеличение.

³ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 117; об обычности посылок представителей одного города в другой «для совету» в конце Смутного времени — см. гл. II, стр. 43.

⁴ Записки Маскевича в V ч. Сказаний современников о Дим. самозванце (изд. 1834 г.), стр. 110. О с. Рогачеве Семенов, П., Географическо-статист. словарь Росс. империи, т. IV, стр. 302.

⁵ РИБ, т. I (История ложного Димитрия), стр. 280—281; положение Гавр. волости см. на карте при книге Ю. В. Готье, Замосковский край в XVII в.

Мы точно не знаем численности этого отряда, но можем определить ее с некоторым приближением. Отряд, у которого гетман мог просить в помощь кремлевскому гарнизону «с полторы тысячи людей» и который мог рассчитывать отправить с обозом в Москву «тысячи з две» человек ¹, оставаясь сам среди враждебно настроенного населения, должен был заключать в себе значительно большее число людей. Имеем и цифры, но сильно отличающиеся друг от друга. Гириберг с некоторым недоверием приводит что-то указание, что в мае-июне 1611 г. под начальством Санеги было 4 734 человека отборного войска, около 2 000 конейников, больше того пятигорцев и 400 казаков; Костомаров, очевидно, на основании какого-нибудь польского источника, определяет численность полка Санеги в августе 1611 г. в 3 500 человек; по словам Пясецкого, во время отложения санежинцев от Ходкевича (вероятно, в феврале 1612 г.), когда часть их оставалась на службе в Москве, их было 4 000 конных. Но кроме «рыцарей-товарищей», о которых одних только и говорит, очевидно, два последних свидетельства, в отряде было еще значительное количество «нахоликов»-челядинцев; по крайней мере, в июле 1611 г. Санега посылал за провиантом отряд в 8 000 человек, состоявший главным образом из «нахоликов» ². Такому большому отряду трудно было в той местности, где он остановился, найти достаточное количество продуктов даже только для себя, не говоря уже о кремлевском гарнизоне. Суздальский край в 1607—1609 гг. был одним из районов господства тушинцев, а потом упорной борьбы с ними. Осенью 1610 г. в пожженном и пограбленном за два года войны Суздальском уезде, по словам сборщика кормов для польских панов, «от Суздаля верст по пяти, и по десяти, и по 15, и по 20, и по 30, и болыни, кормов людских и конских нет; ржи и овса нет ни снопа, и ... людского и конского корму вскоре собрати не можно, потому что вывезли всякие свои и конские кормы литва, и черкасы, и казаки» ³. И теперь санежинцы, видимо, быстро исчерпали имевшиеся у жителей запасы и скоро начали движение на новые места. Не имело смысла некать «кормы» к западу от Гавриловской волости: там совсем недавно, в июле 1611 г., энергично и в больших количествах собирали провиант они сами под руководством Санеги, стоявшего под Переяславлем и рассылавшего отряды для фуражи-

¹ РИБ, т. I, стр. 285 и Курмышские акты, № 12, — показания «языков», захваченных суздальцами в конце декабря (в Летописи занятий Археогр. ком., вып. I).

² Гириберг, Maryna Mniszchowna, Lw. 1906, стр. 285 (русск. пер. под ред. А. А. Титова, М. 1908, стр. 298) и цит. Polska a Moskwa, стр. 316—317 (дневник Санеги); Костомаров, Смутное время, изд. 1868 г., т. III, стр. 318—319; Пясецкий в русск. пер. в Памятниках древней письм., LXVIII, стр. 49.

³ О борьбе с тушинцами в Сузд. крае — С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, стр. 283—284, 290—294, 308—313. Отрывок челобитной сборщика — ААЭ, т. II, № 198; издатели датировали документ 1611 г., но с января этого года имя Владислава, к которому прибегает за обороной сборщик, не имело значения в этом крае, и кн. Фед. Ив. Волконский был воеводой уже не в Суздале, как указано в нашем докум., а в Костроме, откуда ушел с ополчением к Москве — ААЭ, т. II, № 188; Изборник, стр. 350.

ропки во все стороны ¹. И санежинцы намеревались, повидимому, сначала пробраться на восток, но потерпели неудачу под Суздалем 9 ноября и тогда направили свои усилия на овладение Ростовом — к северу от Гавриловской волости — с намерением, вероятно, захватить потом богатый и являющийся ключом к менее затронутому Смутью Заволжью — Ярославль. После того как небольшой передовой польский отряд был наголову разбит неожиданно для него налетевшими русскими 12 ноября, санежинцы 22 ноября отправили туда другой отряд под начальством Будилы, и оп, разбив кл. Прозоровского, 26 ноября стал в Ростове. 29 ноября в поход к Ростову выступили главные силы санежинцев, а в 20-х числах декабря уже «все люди сонегина полку» были в этом городе, и воеводам Переяславля и Суздаля приходилось «для языков» посылать к Ростову ².

Вот это движение санежинцев на север и особенно захват ими Ростова и должны были сильно встревожить ближайшие к нему верховые города тяжелой перспективой в недалеком будущем увидеть под своими стенами неприятеля ³. Зная, очевидно, о собрании ратных людей в Нижнем, верховые города и обратились сюда с просьбой о помощи, сообщив при этом, вероятно, в преувеличенных размерах, — как это часто бывает при получении первых не вполне определенных известий, — о грозившей им опасности ⁴. При расстояниях от Ростова до Ярославля 54 версты, от Ярославля до Нижнего обычной дорогой по берегу Волги почти 400 ⁵ эти просьбы могли быть получены в Нижнем вряд ли ранее 2—3 декабря.

Нижегородцы и сами уже давно собирались под Москву. Теперь обстоятельства могли казаться особенно благоприятными для выполнения их плана и вместе требующими скорейшего движения к столице. С уходом подмосковных польских отрядов там оставался сравнительно небольшой (3—4 тыс. человек) и сильно истощенный голодом гарнизон ⁶. И если предупредить «литовских людей», о которых стало известно, что они «хотят провозить (запасы) в Москву» ⁷, и помешать им доставить продовольствие осажденным, то можно было ожидать скорой сдачи поляков и освобождения столицы. Притом же могла являться надежда разбить по дороге

¹ Polska a Moskwa, стр. 314—319; ПСРП, т. XIV, ч. I, стр. 111—112 и 114; РИБ, т. I, стр. 247—252.

² РИБ, т. I, стр. 281—282 (в русском переводе 19 ноября обращено в 19 декабря; нужно помнить, что русский стиль отставал от европейского на 10 дней), Курмышские акты, № 12, и Акты времени междоусобия, редакт. С. К. Богоявленским и И. С. Рябиным, М. 1915, стр. 47—48 и 50.

³ Ведь от Ростова всего 54 версты до Ярославля, Семенов, П., Геогр. статист. словарь, т. IV, стр. 327.

⁴ В посланной вскоре по получении этих вестей грамоте на Вологду (ААЭ, т. II, № 201) Пожарский, очевидно на основании их, высказывал опасение, как бы поляки не только верховых, но и низовых городов «и досталь не разорили».

⁵ Приблизительно таково же будет и расстояние Ростов — Кострома — Нижний.

⁶ Гиршберг, Maryna Mnisch., стр. 300 (русс. пер., стр. 327) и цит. место Актов времени междоусобия; грамоты с приведенными здесь показаниями пленных распространялись по стране.

⁷ Это пишет Пожарский воложжанам — ААЭ, т. II, № 201.

к Москве стоящий под Суздалем польский отряд, как раз в это время ослабленный уходом части его в Ростов. О передвижении главных сил сапезинцев к Ростову, начавшемся, как указано выше, 29 ноября, в Нижнем в это время вряд ли могли знать: получить известие об этом кружным путем, через верховые города, не могли успеть, а непосредственных сношений с Суздалем и ближайшими к нему городами власти ополчения к этому времени не завязали. Этих городов грамота на Вологду не называет в числе тех, с которыми начал к тому времени ссылаться Нижний, а всякие подробности в указаниях союзников, в особенности таких крупных центров, как Владимир, Суздаль, были бы только плюсом в призывной грамоте; и на них, судя по данным уже в грамоте указаниям, составители ее не поспешили бы. Да в Суздале и Владимире как раз в это время хозяйничали казачьи вожди Андр. и Ив. Просовецкие с отрядами казаков; Суздаль, по выражению одного документа, тогда «был весь за Андреем Просовецким», который здесь даже поместья раздавал¹. И верность руководимой ими части казачества Заруцкому и враждебность земщине должны были удерживать Нижний и руководителей ополчения от прямых с ними сношений.

По получении известий о разделении польского отряда, стоявшего в Гавриловской волости, в Нижнем решено было в ближайшем будущем идти к Москве через Суздаль², и в виду предстоящего похода в помощь Пожарскому вторым воеводой ополчения был теперь избран Ив. Ив. Биркин³.

Но нужно было успокоить и верховые города. В Ярославль и Кострому были посланы грамоты, очевидно, с обещанием скорой помощи и вместе с предупреждением их — по вестям из Казани — об опасных для земских людей попытках Марины завязать сношения с персидским шахом⁴.

Однако собранные в Нижнем силы были слишком незначительны и для оказания помощи верховым городам и одновременно для

---

¹ Курмышские акты, № 12; Новые акты Смутн. времени; Акты подмоск. ополчений, № 59; Дворцовые разряды, т. I, прилож. № 53, ст. 1167.

² В выше цит. грамоте на Вологду дважды повторяется: «ныне мы... идем все головами своими в помощь к Моск. государству», «идем на польских и литовских людей, которые ныне стоят под Суздалем».

³ 30 ноября 1611 г. Биркин, очевидно, как воевода Нижнего, вместе с кн. Звенигородским и дьяком Вас. Семеновым дал на оброк часть ухажей — А. до ю. б., т. II, № 175, II. Грамота сохранила и печать Биркина. В 20-х числах декабря он уже действует как воевода ополчения — Курмышские акты, № 2, 3, 6; воеводой ополчения является он уже и в грамоте на Вологду, которую нужно отнести к началу декабря 1611 г., о ней см. ниже. Относительно выбора Биркина, ранее отвергнутого, в воеводы ополчения можно заметить, — не считая это окончательным выяснением вопроса, — что, во-первых, ко второму воеводе, особенно когда во главе ополчения стоял верный родине Пожарский, можно было быть не столь требовательными, а во-вторых, теперь в выборах принимали участие и составлявшие главную массу ополчения смоляне, с которыми у Биркина установились какие-то особенно дружельные отношения: позже в Ярославле вся рать «откинула» Биркина, «опричь смолян» — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 120.

⁴ Упоминание о грамотах в Ярославль и Кострому в печатаемой в прилож. грамоте на Вычегду.

похода через Суздаль под Москву, ощущался недостаток и в боевых припасах. Создавалась, таким образом, настоятельная необходимость обратиться к стране с энергичным призывом принять участие в начатом Нижним и поддержанном уже хотя пока только в форме обещаний, рядом городов деле освобождения родины. И из Нижнего по разным городам, вероятно, только северным, где, судя по опыту недавнего прошлого, скорее можно было надеяться встретить сочувствие и содействие земскому предприятию¹ и откуда легче всего было притти на помощь верховым городам, отправлены были особые воззвания, образцами которых являются грамоты в Вологду и Соль-Вычегодскую, посланные из Нижнего в самом начале декабря 1611 г.²

Эти грамоты, первые из известных теперь грамот нижегородского ополчения, позволяют глубже, чем другие источники, проникнуть в тогдашнее настроение руководителей ополчения, лучше познакомиться с программой, с которой они выступали перед страной.

Нижегородцы приглашали всех, к кому были отправлены их грамоты, «быти с ними в одном совете» и от их «совету отступным не быти». Этот «совет» заключался в следующем: «быти нам всем православным христианом в любви и в соединении, и прежнего межусобства не счинати, и Московское государство от врагов наших, от польских и от литовских людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному христианству отнюдь не чинити, и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати». В общем эта программа очень близка к той, на которой объединились понизовые города в августе 1611 г.³, по в частности заключала в себе и существенные отличия.

Характерно для составителей воззвания, что даже в приведенном небольшом отрывке все же несколько раз на разные лады повторяется одна мысль, проявляется одна забота — охранить внутренний мир, обеспечить порядок от нарушений его со стороны прежде

¹ Припомним деятельное участие северных городов в борьбе с тушинцами и первом земском ополчении — *С. Ф. Платонов*, *Очерки Смуты*, стр. 293—294, 298—308, 376.

² Ни в самой грамоте, ни в других источниках нет указаний, что в то же время Нижний обращался, например, к южным городам, чтобы можно было говорить об обращении ко всей земле. Оба сохранившихся списка этого воззвания адресованы на север — в Вологду и Соль-Вычегодскую; жителей этих городов Пожарский просит писать от себя в поморские и верховые города, не упоминая о других районах; и Новый Летописец, объединяя два момента, говорит о посылке грамот «по городам в поморские и во все понизовые» только — ПСРЛ, ч. I, стр. 117. Ввиду лучшего часто текста и интересных отличий, грамота на Вычегду, известная до сих пор лишь по указанию редактора ААЭ (т. II, № 201, прим.), мною печатается целиком в прилож. Доводы в пользу датировки разбираемой грамоты началом декабря 1611 г. мною развиты в заметке «Одна из грамот кн. Пожарского» (*Журн. Мин. народн. просв.*, 1912 г., кн. 12); из нее заимствован здесь, часто почти буквально, текст, начиная с рассказа об уходе польских отрядов от Москвы. На страницах настоящего «Очерка» в разных местах имеются исправления некоторых ошибок заметки о грамоте, ошибок, не оказавших влияния на главные выводы.

³ ААЭ, т. II, № 197; см. также гл. II настоящего «Очерка», стр. 45.

всего самих же земских людей. В этом стремлении ясно сказались желания общественных слоев, бравшихся за освобождение родины, и особенно посадских людей, «мирных граждан», которым «дорог порядок, потому что он оберегает их интересы, их собственность»¹.

От нарушений порядка, могущих выйти из недр самой земщины, от «межусобства», земские люди старались оградить себя взаимным крестоцелованием. По были и внешние враги у этого порядка. Из них грамота прежде всего и почти исключительно говорит о «польских и литовских людях», умышленных «Московское государство разорити и непоносительную и непорочную христианскую веру в свою богоненавидимую в литовскую веру превратити, и церкви божии осквернити, и чудотворныя иконы и целбоносныя мощи обругати, и Московское государство до конца разорити». На них грамота призывает идти «вскоре», выражая опасение, как бы в случае промедления они «верховых бы городов и низовых и досталь не разорили»; и прося воложжан выслать в Нижний зелья и свинцу, которых в Нижнем и в Казани было мало, грамота наставляет, чтобы это было сделано «тотчас, чтобы за тем походу, мешкоты и земской службе порухи не было».

Кроме поляков, был еще враг порядка — казаки, против которых так резко и определенно высказывались земские люди низовых городов в августе². Можно было бы ожидать, что теперь, когда в Нижнем уже составлялось новое ополчение, земские люди еще решительнее выскажутся против казаков³, быть может, прямо объявят им войну. Но обстоятельства момента не были благоприятны для этого. За Нижним не было еще такой военной силы, чтобы можно было вести борьбу сразу на два фронта: и против поляков и против казаков. Мы уже видели, как незначительны были собранные в Нижнем войска. Нужно еще иметь в виду, что они в различных частях не были одинаково надежны: так, среди смолян, столь хорошо принятых и так щедро наделенных жалованьем, нашлись все-таки люди с «воровским», — выражался тогдашним термином, — настроением⁴. Из городов, согласившихся уже принять участие в деле освобождения родины, не были еще привлечены в Нижний отряды, и только одна Казань известила о посылке сю к Пожарскому «передовых людей». Отношение громадной части страны к начатому Нижним делу оставалось еще невыясненным для его инициаторов. Меж тем настроение казаков Заруцкого не могло быть устойчиво — противопольским, и, раздраженные действиями земщины, они легко могли перейти на сторону поляков, с которыми были связаны некоторые из них еще службой в войске Самозванца

---

¹ К. Н. Бестужев-Рюмин, Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова — вторая часть, в Журн. Мин. нар. просв., 1887 г., авг., стр. 294.

² ААЭ, т. II, № 197.

³ Здесь разумеются, конечно, не все носившие название «казаки», а казаки по самому образу действий, группировавшиеся главным образом под начальством Заруцкого и Просовецких.

⁴ ИСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 120, 121.

п очень многие в отрядах Тушинского вора, с которыми Заруцкий, по одному польскому источнику, еще в августе 1611 г. непрочь был примириться и вел об этом переговоры¹. Приходилось считаться и с тем, что в некоторых городах сидели воеводы, приехавшие из подмосковного лагеря², что официально подмосковные воеводы считались правительством, распоряжения которого исполнялись в разных концах России и к которому с разных же сторон обращались с челобитными³.

При таких условиях нечего еще было думать об открытой борьбе с казаками. И грамота на Вологду не только не объявляла ее, но даже предполагала совместные с казаками военные действия против поляков. Призыв идти поскорее на последних под Москву сопровождался, между прочим, таким доводом в защиту естественности: «покаместа ратные люди стоят», разумеется под Москвой. По ратные люди подмосковных таборов, — это не было ни для кого тайной, — в значительном большинстве были казаки, руководимые при слабости Трубецкого Заруцким.

В программе ополчения не было даже пункта августовской программы — не пускать казаков в города⁴. Только чтобы успокоить земских людей, боявшихся «от казаков какого палогоу или иных конх воровских заводов», грамота уверяет: «как будем все верховые и пошзовые города в сходу, и мы всею землею о том совет учиним и дурна никакова вором делати не дадим». Под этим «дурном» разумеется и то, если «которые люди под Москвою или в которых городех похотят... Маринкою и сыном ее новую кровь... всчать». Но ведь унять разбоя и грабежи старалось официально и подмосковное правительство⁵. А в признании Маринки с сыном были повинны не только казаки, на что намекает и наша грамота словами «в которых городех» и о чем прямо свидетельствовала казанская грамота⁶.

---

¹ В копии записок Я. Сапеги, сделанной Рубинковским и не всегда (как, в частности, в данном месте) сходной с текстом записок, изданным А. Hirschberg, op. cit.; польский текст данного места в изд. Гиршберга, стр. 321—323 в прим., русский перевод в Сыне отечества, 1838 г., I, стр. 63.

² Ср. списки воевод на 7119 и 7120 гг. в Разр. зап. за См. вр., стр. 106 и 107; впрочем, в этих списках есть ошибки, и они нуждаются в проверке грамотами.

³ До последнего времени о правительственной деятельности Трубецкого и Заруцкого было очень немного материалов, разбросанных по разным изданиям. С. Б. Веселовским издано много новых в Актах подмосковных ополчений и Земского собора — Чтен. Общ. ист. и древн., 1911 г., кн. IV и отд.; отдельные данные в цит. уже Актах времени междоусобицы, о наградах служилым людям — в Четвертинках Смутного времени.

⁴ Другой пункт той же программы — не принимать новых воевод — был бы теперь, когда воеводы уже успели усесться на новых местах, несвоевременным, и не Нижнему, принявшему кн. Звенигородского, было ставить его.

⁵ А. И. Юшков, Акты, представленные в Разрядный приказ, Чтения 1898 г., кн. 3, № 311; Акты подмосковных ополчений Веселовского, № 21, 30, 59.

⁶ Курмышские акты, № 17.

С большими умолчаниями и не называя имен напоминала грамота историю первого земского ополчения: «изо всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были в великом собрание и в Москве польских и литовских людей, в Кремле и в Китае, осадили крепкою осадой, и после того ратные люди дворяне и дети боярские и всякие служилые люди многие из под Москвы розехались иные от бедности, а иные от казачья грабежу и налогу»¹. Ни словом не упомянула здесь грамота ни о роли Ляпунова, ни о гибели его. Не осмелилась она и укорить Заруцкого даже в связи с дважды упомянутым планом его посадить на московский престол «Маринкина сына», сказав об этом в такой неопределенной форме: «многие покупаются» или «которые люди под Москвою и в которых городех...»

Для восстановления желанного порядка нужно было создать авторитетное правительство, нужно было избрать царя. В то время кандидатов на московский престол было более чем достаточно. Нижегородская грамота резко отвергала те кандидатуры, в отрицательном отношении к которым земских людей можно было не сомневаться. «Маринки и сына ея и того Вора, который стоит под Псковым»², до смерти своей в государи на Московское государство не хотим, также что и литовского короля», — писали нижегородцы, но осторожно обходился молчанием Владислава, который имел еще, конечно, сторонников в стране не только среди боярства, и совсем не упоминали выдвинутую в Новгороде кандидатуру шведского королевича, хотя и обнаруживали особый интерес к Новгороду, прося вычегодцев «отписать подлинно», что у них «про Новгород Великой каких вестей». Не называя ни одного имени в качестве желательного кандидата (не для того ли, чтобы не вызвать весьма вредного для дела разделения в стране?) и предоставляя этот выбор воле божьей («кого бог даст»), грамота наставляла только на давно выдвинутом земщиной способе избрания царя — «всею землею»; впрочем, вероятно, для того чтобы скорее получить царя и с ним во главе быстрее добиться умиротворения страны, составители грамоты готовы были «всею землею» подменить собранием одних лишь «всех понизовых и верховых городов». Не связывала грамота, очевидно, умышленно, избрания царя обязательно с Москвой, не называла никакого другого города, где должно состояться царское избрание; по смыслу ее слов, оно совершится там, где соберется «вся земля», в полном или ограниченном понимании этого термина.

Таким образом, разбирая все пункты программы нового ополчения, мы видим, что главным был призыв, который прямо повторяется несколько раз и ясно чувствуется в других местах, — призыв к объединению всех земских людей на платформе, не вполне определенной в некоторых частях, не особенно широкой и недо-

¹ Текст взят из грамоты в Соль-Вычегодскую; в вологодской это место испорчено.

² В Нижнем во время написания грамоты, как видно из этих слов, еще не знали, что 4 декабря «пройде сквозе немец Вор во Псков», — ПСРЛ, т. IV, 1848 г., стр. 330.

статочию конкретною в отдельных пунктах, но зато общей для всей землицы, устранивающей возможность борьбы между различными в ней направлениями и оттенками политических настроений. Велико было, очевидно, стремление к умиротворению страны, сильна была жажда спокойствия и порядка у лиц, собравшихся в Нижнем, раз они старательно смигчали в грамоте острые вопросы, заботливо обходили спорные пункты, могущие вызвать разделение. Но вряд ли менее сильны были эти желания и вообще в пострадавшей стране. Правда, население севера, которому направлялось это воззвание, не везде испытало непосредственно на себе ужасы Смуты, но и оно хорошо чувствовало воцарившееся беззаконие, и оно сознавало опасность, грозящую отечеству, а значит и ему самому, и потому уже принесло немало жертв, приняв участие в борьбе против Тушина при Шуйском и в первом земском ополчении. Кроме того, здесь нижегородская грамота пошла по свежим еще следам сильного народного возбуждения, вызвавшего сказаниями о видениях в Нижнем и во Владимире ¹. Покаянием и постом готовились тогда жители севера, исполняя предписания сказаний, к чему-то великому, к подвигу, но не знали, в чем кроме морального самоочищения, он будет состоять. Теперь грамота из Нижнего звала их к активному действию против «врагов, борющихся и волнующих» страну, для восстановления на земле «тишины и благодетельного жития», что было обещано в одном из сказаний ².

Не одними только грамотами старались возбуждать страну собравшиеся в Нижнем. В Вологду с грамотой были посланы, очевидно, «для совету», представители ополчения и Нижнего: смолянцы К. Ал. Недовесков, Ив. Л. Угримов и нижегородец посадский человек Петр Оксенов, на Вычегду — четыре служилых человека и один посадский ³. Вероятно, подобные же группы представителей направлялись и в другие города. Так, несколько позже в Казань сочли нужным отправить с тою же целью — «о совете и о помочи Московского государства» — целое посольство: «Ив. Биркина да с ним властей» (из них «Ельшинский хронограф» называет протопопа Савву) и несколько человек смолян ⁴.

На этом казанском эпизоде стоит остановиться несколько подробнее. Иметь Казань всецело на своей стороне, получить полную уверенность в ее единомыслии с Нижним и сговориться с нею в подробностях о предстоящих действиях было весьма существенным для руководителей ополчения. Это был не просто крупный город, как мы уже видели; это был сильный и влиятельный центр обширного края, еще не успевшего вполне успокоиться после длительных волнений 1606—1610 гг. ⁵, — центр, могущий оказать воздействие на

¹ В Вычегде эти сказания были получены 9 октября — ААЭ, т. II, № 199.

² РИБ, т. XIII, ст. 241.

³ ААЭ, т. II, № 201, в конце грамоты; определить служебное положение Угримова мне не удалось. О посланных на Вычегду — в грамоте туда.

⁴ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 117; Изборник, стр. 354.

⁵ Еще осенью 1610 г. в этом крае было очень беспокойно — Акты времени междоусобия, стр. 2.

другие города района Казанского дворца. А если Свпяжек и Чебоксары, более далекие от Нижнего, высказывались сочувственно по отношению к новому земскому движению, то как раз в ближайших к Нижнему с востока и юга городах — Ядрине, Курмыше и Арзамасе — сидели совсем ненадежные воеводы — бывшие тушинцы или верные слуги подмосковных правителей — Вас. Кушников, Смирной Елагин и кн. Ив. Путятин, не думавшие присоединяться к земской рати¹. При таком положении Казань могла и должна была взять на себя обеспечение тыла для нового ополчения, особенно по уходе его из Нижнего. Добиться всего этого в Казани и было, повидимому, целью нижегородского посольства. Впрочем, на Биркина была возложена и специальная задача: собрать и привести в Нижний ратных людей из Казани², в которой в это время не было воевод и во главе управления стояли дьяки Никанор Шульгин и Ст. Дичков³.

Биркин (и, вероятно, все вообще посольство) выехал из Нижнего около 20 декабря⁴ и, значит, был в Казани в начале января⁵, но задержался здесь очень долго и пришел с казанским отрядом уже не в Нижний, а в Ярославль⁶. «Новый Летописец» объяснил это замедление тем, что Биркин примкнул к Шульгину, который «мыслит себе не благ совет: тому радовашеся, что Москва за литвою», и хотел «в Казани властвовать»⁷. Это обвинение Биркина и Шульгина в измене земскому делу усвоили и исследователи⁸. Но со-

¹ «Воровское» настроение этих воевод выясняется Курмышскими актами, особенно № 4, 12—14, 17; Кушников получил от Вора поместье — Арзамасские поместн. акты, № 244; Путятин попал на воеводство из-под Москвы от Трубецкого и Заруцкого — *ibid.*, № 293 и др., позже он признал и «цари Дмитрия» — *ibid.*, № 304—307. Нижегородец Мих. Соловцов, посланный на воеводство в Ядрин из-под Москвы на место Кушникова (А. до ю. б., т. II, № 168), или там совсем не был или скоро уехал.

² Биркин сам писал курмышскому воеводе из с. Мурашкина: «А мне бил челом Нижнева Новгорода всякие люди, чтоб мне ехати в Казань, для ратных людей», — Курмышские акты, № 3. Несколько иное освещение его миссии и всего посольства дал С. Ф. Платонов в Очерках Смуты, стр. 413.

³ Из воевод, сидевших в Казани в 7119 г., Б. Як. Болеский был убит весной 1611 г. (ср. ААЭ, т. II, № 170, I, и № 188; об его убийстве — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 105, но из грамоты в АЭЭ, т. II, № 170, I, ясно, что он убит не во время крестоцелования на имя «царя Дмитрия»). В. И. Морозов в июле 1611 г. пришел с казанским отрядом под Москву (Изборник, стр. 352), в 7120 г. был воеводой в Ярославле (Разр. записи за См. вр., стр. 107 и Акты подмоск. ополч. С. В. Веселовского, № 53—57).

⁴ 22 декабря Биркин был уже в Мурашкине, верст за 80 от Нижнего по дороге в Казань, — Курмышские акты, № 3 (дата грамоты «декабря в 12 день» или описки или опечатки, получена она была в Курмыше 24 декабря) 21 декабря «память» курмышским стрельцам и казакам писана только от Пожарского и Юдина — *ibid.*, № 2.

⁵ От Нижнего до Казани по сухому пути верст 400 (Волгой считается 399 верст. — С. А. Советов в Новом энцикл. словаре, т. XI, ст. 384), но Биркин еще заезжал в Мурашкино.

⁶ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 118—120.

⁷ *Ibid.*, стр. 117.

⁸ Например, Соловьев, История России, ч. II, изд. 2-е, ст. 1013—1014; Костомаров, Смутное время, т. III (1868), стр. 250; Д. И. Нловайский, *op. cit.*, стр. 224; Забелин даже в этой «измене» искал объяснения того, в чем это

ставитель «Летописца», кажется, именно потому, что знал уже о позднейшем поведении Биркина в Ярославле и о какой-то не вполне ясной для нас «измене» Шульгина по воцарении Михаила ¹, дал такое объяснение позднему прибытию казанского отряда. Ибо ведь как раз во время управления дьяков, в августе 1611 г., казанцы решительно заявляли, что они готовы стоять «на разорителей... христианския веры, на польских и на литовских людей и на русских воров»; в 120 г. (не знаем точно, когда) один из казанцев был «послан с грамотами из Казани о соединенье» в Вятку ², а когда в Нижнем начало составляться ополчение, имевшее целью борьбу с поляками, они делом подтвердили свое недавнее обещание, послава Пожарскому раньше других городов передовой отряд. И отряд этот пришел в Нижний; мы, правда, не знаем точно, когда ³, но, во всяком случае, еще во время пребывания здесь Пожарского ⁴ и, вероятно, до отправки в Ярославль кн. Лопаты-Пожарского, ибо об этом времени «Новый Летописец» прямо говорит, что, оставшись по уходе Лопаты-Пожарского в Нижнем ждать ратных людей из Казани, Пожарский и Минин так и не дождались их ⁵. И позже, во время пребывания в Казани Биркина, в начале февраля 1612 г., Шульгин не только извещал, что в Казани новый отряд готов идти «в Нижней на земскую службу тот час», но даже грозил походом на Курмыш, если курмышский воевода не пошлет ратных людей в Нижний ⁶. И, наконец, отряд, хотя и поздно, был все-таки сфор-

---

«сумявшиеся» Биркин на совете у воевод в Нижнем — Минин и Пожарский, изд. 3-е, стр. 24—25; осторожнее других высказался С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, изд. 2-е, стр. 413—414.

¹ По Повому Летописцу, совершенно определенно: Шульгин «без казанского совета» не хотел целовать креста новозбранному государю (ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 130), но документы свидетельствуют, что Пиканор со всем бывшим с ним казанским отрядом присягнул Михаилу, и остается непонятным, за что же казанцы посадили его потом в тюрьму (Дворцовые разряды, т. I, прилож., № 7, 32 и 36).

² ААЭ, т. II, № 197; то же в СГГр и Д, т. II, № 269; Четвертчинки Смутного времени, стр. 81 (о Соловцове).

³ Посланный в ноябрь отряд должен был прийти в Нижний не позднее середины декабря, если только не задержался в пути из-за жестоких морозов первой половины декабря того года (см. Заниски Маскевича во II ч. Сказаний совр. о Дим. Самозв., изд. 1859 г., стр. 83—84).

⁴ В Ярославле с Пожарским с самого начала апреля были «уже «Казанскаго государства князи и мурзы и татаровя» (по перечню «чинов» грамоты 7 апреля — ААЭ, т. II, № 203), и в Новгород с Татищевым были посланы, между прочим, представители «Казанского государства»: казанец Ст. Ив. Левашов и казанский мурза Кл. Инг. Муралеев (Действия Нижегород. арх. ком., Сборник, т. XI, № СХLIII), а Биркина с казанским отрядом в это время в Ярославле еще не было — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 119, и отсутствие его подписи под грамотой 7 апреля.

⁵ ПСРЛ, т. XIV, I, стр. 118.

⁶ Курмышские акты, № 17, получ. в Курмыше 9 февраля. Стоит отметить, что в другой казанской отписке, полученной курмышским воеводой тоже 9 февраля, ясно видно участие Биркина в составлении ее: «И мы с Мурашкина писали к вам, что с тех волостей (Мурашкинской и Лысковской) збирая всякия денежные доходы, велено отсылати в Нижней», — пишут из Казани (ibid., № 16), но об этом писал из Мурашкина в Курмыш Биркин (ibid., № 3).

мировап и послан с Биркиным во главе для присоединения к рати Пожарского, чего нельзя было бы ожидать от людей, изменивших уже отечеству и радовавшихся польскому владычеству. Не обвиняет Биркина в измене и говорящий о посылке его в Казань Болтиц; никаких упреков казанцам не встречается даже в поздней грамоте Пожарского, но, наоборот, они упоминаются с одобрением, если не с похвалою¹. Причины замедления Биркина лежали, кажется, совсем не во взглядах и желаниях его самого и Шульгина. Казань в 1611 г., не говоря уже о ее военной роли в царствование Шуйского, успела в феврале дать людей в отряд кн. Репнина, в июле прислать под Москву самостоятельный отряд с Морозовым во главе и в ноябре отправить передовых людей в Нижний², и ей трудно было теперь в короткий срок составить новый отряд уже со стороны личного состава его: нелегко было, вероятно, найти ратных людей. Затруднительно было и снарядить их ввиду пустоты казны казанской. Ее состояние летом 1611 г. ярко охарактеризовано в одной из казанских грамот: «А у нас в Казани денег в сборе нет, потому: всяких доходов с чуваш и с черемисы, с дворов ясачных и с вотчин оброчных денег не имано для смутного времени по три года ни одной деньги; и кабаки заперты были по многое время, и таможенных пошлин взято было не с чего, с Верху и с Низу ни из которых городов больших соляных и никаких судов не было»³. Поздно собравшись ввиду таких обстоятельств, Биркин потом был, вероятно, задержан еще весенней распутицей.

За время отсутствия Биркина планы руководителей ополчения подверглись существенным изменениям. В 20-х числах декабря в Нижнем еще собирались идти под Москву и даже требовали немедленной присылки из Курмыша дворян и детей боярских, стрельцов и казаков для этого похода, но в начале января отписки Пожарского курмышскому воеводе с приказом раздать деньги в жалование ратным людям уже не упоминает о походе к Москве, а в первой половине февраля даже и требование выслать ратных людей «на земскую службу в Нижней Новгород со всею службою тот час» не сопровождается, как это было в декабре, указанием: «а из Нижнева идти им с нами под Москву против литовских и польских людей»⁴. Этот отказ от похода для освобождения столицы стоял, повидимому, в связи с получением известий о событиях под Москвой⁵. Можно думать, что в начале января в Нижнем узнали

¹ Изборник, стр. 354; СГГр и Д, т. II, № 281.

² Об участии казанцев в отряде Репнина — ААЭ, т. II, № 183; о том, что казанцы были под Москвой и до прихода Морозова — *ibid.*, № 188; о двух других отрядах, посланных Казанью, только что была речь.

³ ААЭ, т. II, № 188. Имея перед глазами конкретные данные о Нижнем за это время, мы не будем видеть больших преувеличений: Смута в Казанском крае была продолжительнее, чем в Нижегородском.

⁴ *Ibid.*, № 1, 2, 11 (грамота получена в Курмыше 10 января) и 18 (получена в Курмыше 13 февраля).

⁵ По дошедшим до нас отрывкам междугородской переписки, например за 1611 г., можно видеть, что города старательно извещали друг друга обо всех полученных ими известиях (укажу для примера отписки, напечат.

о доставке провианта кремлевскому гарнизону из отряда Ходкевича¹, потом стало известно об отправке в Москву целого обоза из Ростова от сапежинцев, а в конце января могли в Нижнем знать и о поступлении на службу в Кремле пришедшего с ростовским обозом отряда Будилы² и о конфедерации части отряда Ходкевича и кремлевского гарнизона³; кроме того, вероятно, в январе же дошли вести и о начавшихся сношениях подмосковных воевод со псковским самозванцем, одним из первых дел которого по водворении его во Пскове (4 декабря) была посылка в подмосковные таборы атамана Гер. Попова⁴. Таким образом, в начале февраля в Нижнем, — можно с известной вероятностью предполагать, — знали, что, с одной стороны, кремлевский гарнизон состоял теперь в значительной части из свежих сил и был снабжен достаточным количеством провианта, что, с другой стороны, в казачьих таборах замышлялось новое «воровство» и что, наконец, вследствие конфедерации и несогласий среди поляков русскому делу под Москвой в это время никакой особой опасности не угрожало. При таких условиях поход к Москве мог не казаться уже столь выгодным, как раньше, и особенно необходимым и, наоборот, приобретал ту не-

в ААЭ, т. II, № 188). То же, хотя и в меньших размерах (но, быть может, это результат нашей бедности документами этой поры), наблюдается и в декабре 1611 г. — январе 1612 г. (см., например, известия в грамоте на Вологду — ААЭ, т. II, № 201; Курм. акты, № 12). Известия о событиях под Москвой могли разноситься по стране и уезжавшие из полков ратные люди (Курм. акты, № 7) и лица, рассылаемые со служебными поручениями; указу для примера местности или близкие к Нижнему или стоявшие уже в сношениях с ним: в декабре был в Курмышском у. отказчик из-под Москвы (Курм. акты, № 4), во второй половине декабря в Арзамасском у. был сборщик шуб (*Забелин*, Минин и Пожарский, изд. 3-е, прилож., № 5), тогда же был сборщик и в Ярославском у. (Акты подмоск. ополчений... *С. Б. Веселовского*, № 52, 53). Имеется указание о получении вестей о событиях под Москвой и в самом Нижнем (Курм. акты, № 7), о получении в нем грамот от подмосковных бояр (*ibid.*, № 6) и о приезде сюда, правда, уже во второй половине февраля, лица со служебным поручением (РИБ, т. II, № 189).

¹ Доставка была произведена в первой половине (8—14-го) декабря — Записки Маскевича, стр. 83—84; обоз был видимо, значительный, раз Маскевич один лишился пяти возов, отбитых русскими; по другому, польскому же, указанию, русские отбили у поляков в этот раз «несколько сот возов» — РИБ, т. I, стр. 283—284.

² Будила привез провиант 17 января, а 21-го поступил на службу — РИБ, т. I, стр. 286.

³ 4 января — Записки Маскевича, стр. 84—85, или 17 января (по ст. ст.) в документах конфедерации — Археографический сборник..., изд. при управл. Виленск. уч. окр., т. IV, № 78 и сл.

⁴ Из-под Москвы в ответ был послан во Псков Каз. Бегичев, о чем еще 26 января писали московские бояре — СГГр и Д, т. II, № 277 (новое изд. в Сборнике Имп. русск. истор. общ., т. 142, стр. 292—299, о Бегичеве — 295). Новый Летописец в своей заметке объединил разновременные факты: посылку Гер. Попова и целованье Вору, которое происходило в марте, — ААЭ, т. II, № 202; посылку во Псков Казарина Бегичева, относящуюся к декабрю-январю, как следует из боярской грамоты, и посылку туда же Ив. Плещеева, которого боярская грамота не называет и который выехал из-под Москвы в марте (ААЭ, т. II, № 282) и приехал во Псков 11 апреля. — ПСРЛ, т. IV, стр. 330, Текст Нового Летописца об этом в ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 115; ср. Изборник, стр. 354.

Выгодную сторону, что пришлось бы надолго связать войско осадой Москвы в опасной для одних и соблазнительной для других элементов его обстановке постоянного соприкосновения с готовыми прыснуть новому Вору казаками. А у ополчения, кроме освобождения родины от поляков, была, как мы видели, и другая не менее важная задача — объединение и умиротворение страны. Для достижения этой второй цели нужно было создать новое авторитетное и земское по духу, — в противовес подмосковному казачьему, — правительство. И обстоятельства в этот период складывались благоприятно для работы в этом направлении.

Число сочувствующих и содействующих Нижнему городов заметно возрастало. По словам «Нового Летописца», услышав о собрании ратных людей в Нижнем, приплы сюда раньше других «коломичи, потом резанцы», в числе первых поднявшиеся и при создании первого земского ополчения, коломичи, даже несмотря на противодействие сидевшего у них Вас. Сукина, верного еще в то время Сигизмунду¹. Позже пришли даже «из украинских городов многие люди и казаки и стрельцы, кои сидели на Москве при царе Василье», т. е. опять-таки сторонники земской, а не казачьей политики. И новоприбывшим отрядам, — свидетельствует тот же источник, — в Нижнем давали жалованье. Из других городов, в том числе и поморских, посылали к Пожарскому представителей на совет и многую казну»². По недостатку материалов мы не можем определенно датировать этих прибытий отрядов и присылок казны, но еще в 20-х числах декабря нижегородские сборщики писали курмышскому воеводе, что «все города согласились с Нижнем, понизовые и поморские и поволжские и Рязань, и всякие доходы посылают в Нижней Нов-город и хотят, прося у бога милости, поборать и умирать за благочестивую веру и за свои души»³. Кроме целых отрядов, приезжали в Нижний, повидимому, и отдельные лица из разных мест. Пожарский впоследствии свидетельствовал, что к нему в Нижний «учали... приезжати бояре, и воеводы, и стольники, и стряпчие, и дворяне большие, и дворяне и дети боярские... разных городов»⁴. За полным почти отсутствием данных о личном составе ополчения во время пребывания его в Нижнем нет возможности указать, кто именно из бояр и окольничих, стольников и стряпчих, известных по апрельским грамотам Пожарского, был у него еще в Нижнем. Но из «дворян больших» (т. е. московских), каковых не было во время составления грамоты на Вологду⁵, можно назвать кн. Дм. Петр. Лопату-Пожарского, посланного

¹ СГГр и Д, т. II, № 228 (та же отписка в ААЭ, т. II, № 176, III); теперь коломичам, вероятно, тяжело было от сидевшей в их городе Марины — РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1213.

² ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 117.

³ Курмышские акты, № 6. В согласии с Новым Летописцем и грамотой сборщиков и сам Пожарский позже указывал как присоединившиеся к Нижнему в то время Казанское государство, поволжские, поморские, замосковские и «многие» из «украинных» — СГГр и Д, т. II, № 281.

⁴ СГГр и Д, т. II, № 281.

⁵ Дворяне московские не названы в ее подробном перечне «чинов».

в Ярославль раньше ухода туда главной рати, и — с большей или меньшей степенью вероятности — кн. Ром. Петр. Пожарского и Ром. Ив. Гагарина, впервые упоминаемых во время стояния ополчения в Костроме. Быть может, в Нижний же приехал дьяк Андрей Подлесов, назначенный в Костроме дьяком в этот город. Если позволительно заключать на основании одного известного теперь примера дьяка Сем. Самсонова, то даже из подмосковных таборов, вероятно, в связи с начавшимися сношениями их воевод со псковским самозванцем, начали уезжать к Пожарскому люди с земским настроением¹.

Приток сил и средств с разных концов России ставил более прочно дело ополчения и вместе свидетельствовал, что составленная в Нижнем программа встречена в стране сочувственно, разделяется почти всюду земскими людьми. И в сознании всего этого, лица, стоявшие во главе ополчения, осмелились теперь на практике поставить отношения к казачьему правительству резче, чем оно было сформулировано в грамоте на Вологду. В противовес подмосковному правительству в Нижнем стали создавать новое земское правительство. Его функции начали выполнять власти ополчения².

Независимому от них курмышскому воеводе Пожарский и Юдин шлют категорический приказ выслать в Нижний на службу ратных людей, хотя подмосковные воеводы и предписывают ему отправить служилых людей «на земскую службу в Володимер»³. К себе в казну стягивают воеводы ополчения «все доходы» и с сел Курмышского уезда, хотя они должны бы были поступать в местную кассу и кассу центрального правительства, т. е. подмосковные приказы, а когда грамота «с Москвы от бояр» предписала курмышскому воеводе взять с мурашкинских откупщиков «наперед весь (откуп) сполна» и, вероятно, отправить его под Москву, то Пожарский и Юдин пишут ему, чтобы, «доправя» откупные деньги, он роздал их «ратным людям в жалованье»⁴, а ратные люди, по их же требованию, должны идти не под Москву в распоряжение Трубецкого и За-

¹ Где были первые трое непосредственно перед приездом в ополчение, неизвестно; их чин в Боярском списке 1611 г., стр. 90 и 91. Подлесов еще в феврале 1612 г., если верна догадка издателя о фамилии адресата, сидел в Шуге — Временник, кн. 17, смесь, стр. 4 (то же в Старинных актах... г. Пуи В. Борисова, № 6). Самсонов с июля по 23 января служил в подмосковных таборах — Акты подмоск. ополч., № 4 и 11, и О сыскных помест. и денежн... окладах, изд. А. Н. Зерцаловым в Чтен. общ. ист. и древн., 1900, кн. II, стр. 54. Упоминания всех четверых в ополчении — ПСРЛ, XIV, ч. I, стр. 118 и 119. Биографич. данные см. прилож.

² Эта «земская» деятельность ополчения в Нижнем долго оставалась вне внимания исследователей; долгое стояние его здесь объяснялось обычно сбором рати и ожиданием казанского отряда согласно указанию Нового Летописца хотя, если «власти» сообщили в Нижнем об «измене» Биркина и Шульгина, как передает тот же Летописец, ожидание казанцев являлось уже очень странным. Впервые она нашла себе освещение в Очерках Смуты С. Ф. Платонова, стр. 413.

³ Курмышские акты, № 1 и 12.

⁴ Ibid., № 3, 6 и 11.

руцкого, а в Нижний. К себе «для сыску» требуют они от курмышского воеводы «прислати... тот час» курмышан, обвиненных в разглашении «смутных» слухов¹. Возвращают они в состав Нижегородского уезда волости, отписанные в 7118 г. в Курмышский уезд². Наконец, Пожарский и Юдин сначала грозят в случае неисполнения их предписаний сменить воеводу, а потом и действительно, когда поведение его показалось им опасным для дела, шлют ему на смену надежного нижегородца³. Словом, из «Курмышских актов» выносится довольно определенное впечатление, что власти ополчения ведут себя как стоящее выше местных воевод правительство. И любопытно, что такое высокое положение вождя ополчения признают и посторонние элементы, не участвовавшие в его избрании, не обязывавшиеся «во всем быти послушным и покорливым» ему: курмышские дворяне и дети боярские, стрельцы и казаки Пожарскому жалуются на то, что воевода не выдает им жалованья⁴.

Для большей авторитетности власти ополчения старались создать в Нижнем и «совет всея земли». Еще в декабре, до отъезда в Казань Биркина, по указу воевод ополчения «для земского совету велено быть в Нижнем Нов-городе старостам и целовальникам и лутчим людям» из сел Княгинина, Шахманова, Мурашкина и Лыкова⁵. Припомним наряду с этим указанием свидетельство «Нового Летописца», что из городов посылали в Нижний к Пожарскому представителей «на совет». В феврале «совет всея земли» уже принимал участие в делах управления: вновь назначенный курмышским воеводой Дм. Сав. Жедринский пишет курмышанам, что ему «велено быть» в их городе воеводой «по совету всея земли»⁶. Конечно, в Нижнем в это время не было и не могло быть представителей действительно «всея земли», но характерно уже самое стремление создать их и придание такого широкого и очень популярного в последние годы Смуты названия исполненному иногородними представителями городскому совету Нижнего.

Как кажется, собравшиеся в Нижнем думали или даже принимали меры к тому, чтобы здесь же, в Нижнем, и увенчать здание нового правительства избранием главы его — царя. Слова Б. Синцова в подмосковных таборах о сношениях Курмыша с Казанью и с Нижним «про царский выбор» как будто имели реальное осно-

¹ Курмышские акты, № 7.

² Ibid., № 1. Основанием для своего распоряжения Пожарский и Юдин указывают, что волости, о которых шла речь, — Княгининская и Шахмановская — «изстари» ведались в Нижнем-Новгороде: это подтверждают и нижегородские воеводы (ibid., № 5) и нижегородская платежница 7116 г. (стр. 20 и 77 о первой волости и 3, 6 и 76 — о второй); но ссылка курмышского воеводы на грамоту 7118 г. была, повидимому, не выдумкой: староста с. Княгинина в Курмыш, а не в Нижний жалуется на «грабеж» Биркина (ibid., № 8).

³ Ibid., № 2, 17 и 18. Однако новому воеводе — Дм. Савв. Жедринскому — не удалось, повидимому, утвердиться в Курмыше: летом 1612 г. там все еще сидит тот же Смирной Вас. Елагин, с которым переписывался и Пожарский в декабре — феврале (ibid., № 22 и 23).

⁴ Ibid., № 1.

⁵ Ibid., № 6.

⁶ Ibid., № 19.

вание, а не были вздорным слухом. Слишком уже сильно известие об его поступке задело воевод ополчения, слишком уж рьяно взялись они за утешенье этой «смуты», точно Синцов в самом деле поведал их затаенную мысль, которую они, укрываясь от могущих помешать ее осуществлению, хотели провести в жизнь¹. Царь, избранный «всею землею», сильно содействовал бы объединению страны, борьбе с внешними и внутренними врагами. Выбор царя ставился на очередь еще грамотой на Вологду и связывался в ней с собранием только низовых и верховых городов, — очевидно, считали нужным посоветоваться с этим делом. Место выборов в грамоте не указывалось, но так как ополчения призывались сходитьсь в Нижнем, то в нем и могло произойти избрание. Не для царского ли избрания, между прочим, хотя, конечно, не только для этого, и старались организовать в Нижнем «Земский совет»?

Все рассмотренные сейчас действия воевод ополчения были в сущности скрытым вызовом подмосковным таборам. Но в Нижнем еще боялись или просто не хотели быть инициаторами открытого разрыва с казачьими, почти сплошь, остатками первого земского ополчения. В сношениях с курмышским воеводой Пожарский иногда, отдавая ему то или другое приказание, ссылается и на боярские приказы ему (курмышскому воеводе), но так изменяет исполнение их, что подмосковные бояре, пожалуй, предпочли бы, чтобы их повеления совсем не исполнялись². В самом Нижнем принимались к сведению боярские предписания, допускали и оказывали содействие приехавшему по делу из таборов человеку³. И вызов в открытой форме был брошен в конце концов Заруцким.

---

¹ Ibid., № 7, 9, 10.

² Выше приведен пример со сбором откупных денег; ссылался Пожарский на боярский приказ, и приказывал выдать жалованье ратным людям в декабре (ibid., № 1), но их требовал к себе в Нижний.

³ Ibid., № 6; РИБ, т. II, № 189.

Глава V

ПЕРЕХОД ОПОЛЧЕНИЯ В ЯРОСЛАВЛЬ

О нижегородском ополчении, особенно после того как из Нижнего были разосланы грамоты по городам и к Пожарскому с разных сторон потянулись ратные люди и повезли казну, стало широко известно не только друзьям и союзникам, но и врагам его. И если первые старались оказать возможное содействие новому начинанию земщины, то вторые, вполне естественно, должны были приложить все усилия, чтобы предотвратить грозящую им опасность.

Сидевшие в Кремле поляки и бояре-правители, сторонники Владислава, а частью тайные верноподданные Сигизмунда¹, повидимому, довольно поздно, может быть, в половине января², получили известия о нижегородском собрании ратных людей и о целях этого собрания. Оказать вооруженное противодействие ополчению эти враги его в данный момент не могли. В распоряжении бояр совсем не было военной силы, польский гарнизон не мог выйти из Москвы, если не хотел отдать столицу в руки Трубецкого и Заруцкого, Ходкевич имел под своей командой очень небольшой отряд, а конфедераты совсем не желали служить королю и едва согласились оставить часть своих товарищей в Москве в составе гарнизона до 14 (4) марта³.

При таких условиях оставалось прибегнуть к моральному воздействию на страну. Решено было с этой целью использовать чти-

¹ Таков в особенности кн. Ив. Сем. Куракин, которому король, «похваляючи службу ево», писал очевидно, вполне доверяя ему и надеясь на его содействие, «о новом крестном целованье, чтоб на Московском государстве привести всяких людей к крестному целованью на ево (Сигизмунда) имя» — Сборник Имп. русск. истор. общ., т. 137, стр. 19 (грамота эта хранилась в архиве Песольского приказа, но известна только по описи его в 1626/27 г.); другие сведения о кн. Куракине см. в Очерках Смуты *С. Ф. Платонова*, стр. 349 и прим. 187. Состав правящих бояр в это время определяется подписями под январскими грамотами, хотя далеко не все в них поименованные действительно играли роль в управлении — СГГр и Д, т. II, № 276 и 277 (переизданы по подлинникам в 142 т. Сборника Имп. русск. ист. общ., стр. 289—299).

² Припомним, что 17 января прибыл в Москву с обозом отряд Будилы из Ростова, близкого к району действия призывов Нижнего. Но у бояр были и сторонники в стране, как костромской воевода Ив. Петр. Шереметев, «службу и раденье» которого они похваляли в грамоте на Кострому (СГГр и Д, т. II, № 276). Из этой же грамоты видно, что бояре имели сношения с землей.

³ Записки Маскевича, стр. 84—86 и цит. выше акты конфедерации.

мый в пароде авторитет патриарха Гермогена. «Литовские люди», т. е. прежде всего Гонсевский, главный начальник в то время польского гарнизона¹, понудили бояр итти и требовать у заточенного патриарха, чтобы он написал, «чтоб не ходили под Московское государство». «Он же новый великий государь исповедник» не только отказался сделать это, но благословил из своей кельи тех, «которые идут на очищение» отечества, «а вы, — прибавил он боярам, — окаянные московские изменники, будьте прокляты». За этот отказ Гермогена начали «морить голодом», и 17 февраля 1612 г. он умер².

Можно думать, что бояре, конечно, не без давления со стороны поляков, пытались использовать и свой, уже мало значивший в стране, авторитет. Их известные январские воззвания имели, как кажется, целью, между прочим, противодействовать новому опасному с точки зрения «московского правительства» предпринятию земских людей и, хотя бы прекровенно, раскритиковать их нижегородскую программу. В самом деле, характерно уже, что все три дошедшие до нас воззвания бояр направлялись как раз в район успешного действия призывов Нижнего — в Кострому, Ярославль и Переславль-Залесский³. Любопытно и то, что грамота на Кострому, где воеводой был единомышленник бояр Ив. Петр. Шереметев, гораздо короче ярославской и тожественной с ней переславской, содержит меньше увещаний; очевидно, надеялись на воеводу. Да и самое содержание боярских грамот, особенно более пространых, хотя они и не упоминают прямо о нижегородском ополчении, о вожде его, а говорят, главным образом, о казаках, позволяет все-таки до известной степени видеть в них возражения на грамоты, шедшие из Нижнего.

Как бы в ответ на настойчивое стремление объединившихся вокруг Нижнего избрать «всею землею» нового государя, бояре усиленно подчеркивают и не раз напоминают данную уже присягу Владиславу и извещают, что отец уже отпустил его и они ждут прихода его «на его царьской престол к Москве с радостью вскоре». Бояре ведь понимали, что только избранный «всею землею» государь сможет явиться опасным соперником Владиславу, а не какой-нибудь сын Маринки или Сидорка псковской, провозглашаемые царями в подмосковных казачьих таборах.

Измученная страна жаждала мира и спокойствия, мечтала о водворении порядка. Дать все это ей и хотели Пожарский с единомышленниками. Но, по их плану, нужно очистить страну от врагов, а при этом неизбежно будет литься кровь и пустошиться отечество, необходимо известное самопожертвование. И бояре чуть не чрез

¹ О главной роли Гонсевского в гарнизоне в это время см., например, РИБ, т. I, ст. 288—289.

² ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 117. Различные указания на насильственную смерть Гермогена собраны в «Жизнеописании» его, сост. С. Ксенов, М. 1912. прим. на стр. 102—103.

³ Сборник Имп. русск. ист. общ., т. 142, стр. 289—299. Припомним, что Пожарский говорил о замосковских городах как о присоединившихся к Нижнему еще во время пребывания ополчения в этом городе, — СГГр и Д, т. II, № 281.

строчку повторяют о необходимости прекратить пустошение государства и пролитие «крестьянской крови» и навязчиво указывают простое, не требующее жертв средство, выставив его даже единственным: верно держаться Владислава, а без его и отца его милости «никакими обычаями в Московском государстве кровь крестьянская литись и Московское государство пустошиться не престанет».

Взывая к борьбе с врагами государства, грамоты Нижнего звали идти поскорее к Москве, «покаместа (там) ратные люди (т. е. почти исключительно казацкие ополченцы) стоят». Как бы в противовес этому, как бы желая сильнее запугать казаками, боярские воззвания яркими красками рисуют грабежи и разбои казаков и опять указывают: отделитесь от казаков, помните крестное целование и верно служите Владиславу, — он прекратит все бесчиния и насилия.

Восстание против поляков проповедовали из Нижнего. Но это — повторение истории Ляпунова. А его бояре характеризуют как «большого заводцу, от которого большая крестьянская кровь начала литись и Московское государство до конца пустошиться». Так обстоятельно, по пунктам, хотя и не называя имен, иногда через головы казаков или Ляпунова, отвечали бояре на нижегородские призывы.

Но почему же им было не сказать открыто? Потому, кажется, что выступать открыто перед земщиной с враждебной критикой земского начинания было бы плохой услугой делу Владислава; открытое обличение могло бы даже при недоверии многих к обличителям служить пропагандой идей Нижнего. Выгоднее было просто доказывать тяжесть и вместе неизбежность новых жертв, указывая легкое средство восстановления мира в стране. Своей цели — перетянуть на сторону Владислава измученную, искавшую выхода земщину — бояре могли надеяться достигнуть влиянием своего авторитета у одних, описанием ужасов, творимых казачеством, у других, представлением нового разоренья страны и нового кровопролития при попытке восстания — у третьих, соблазном достигнуть всего, ничем не жертвуя, — у четвертых ¹.

Боярские грамоты, повидимому, не произвели впечатления в стране и не повредили делу ополчения; только, может быть, их действию нужно приписать упорное нежелание Шереметева пустить ополчение в Кострому, причем на стороне воеводы стояла и часть жителей ². Гораздо опаснее для ополчения было то, что замыслил и пытался осуществить Заруцкий.

¹ Текст о боярских грамотах, большею частью дословно, взят мною из заметки «Одна из грамот кн. Пожарского», напеч. в Журн. мин. нар. просв. за 1912 г., № 12, стр. 245—247. Намерение противодействовать нижегородскому ополчению видел в боярских грамотах и *Забелин*, Минин и Пожарский, стр. 76. *Костомаров* относил получение в Москве сведений о нижегородском ополчении к февралю — Смутное время, т. III, стр. 249. *С. Ф. Платонов* на основании этих грамот заключал, что в Москве в это время еще не знали о нижегородском ополчении — Очерки Смуты, прим., 235.

² ИСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 118—119; об этом речь будет ниже.

Подмосковные воеводы узнали о движении в Нижнем и других городах под его руководством, вероятно, еще в начале ноября. Вряд ли укрылся от них уход к Пожарскому смолянин из Арзамаса, воевода и особенно стрельцы которого были единомышленниками Заруцкого¹, а также переход в Нижний ими же самими помещенных дороговужан и вязьмичей. А в первой половине декабря² под Москвой со слов курмышанина Бор. Синцова разнесся слух, что курмышский воевода ссылается «с Казанью да с Нижнем бездельными грамотами про царской выбор». Таборы очень резко реагировали на это известие: из-за него «учинилась была на Москве ссора и быть было курмышаном про то в наказаньи», и, повидимому, спасаясь от этого, курмышане вернулись в родной город. Позже под Москвой могли быть получены и более обстоятельные сведения о том, что происходит в Нижнем³. Собрание нового земского ополчения, хотя и намеревающегося идти к ним в помощь под Москву, однако обещающего уже «дурна никакова вора» (т. е. казакам) «делати» не давать и решительно отвергающего примериваемых в таборах в цари сына Марилки и Псковского вора, — собрание такого ополчения не могло, конечно, быть с радостью встречено казачьими воеводами. Правительственная же деятельность воевод ополчения, нарушавшая прерогативы Трубецкого и Заруцкого, еще более настраивала их к оказанию противодействия Пожарскому. Однако первое время они как будто ничего не предпринимали, по крайней мере, мы ничего не знаем об этом, и только с уходом саженинцев из Ростова открыли они военные действия.

Мы, к сожалению, не имеем точной даты этого ухода, но можем с известной долей вероятности относить его к концу января. Конфедерация поляков под Москвой, вполне естественно предположить, возбуждающе подействовала на саженинцев, а последовавший вскоре затем уход конфедератов и гетмана на запад⁴, ближе к литовской границе, вероятно, встревожил ростовский отряд, который, уже ослабленный уходом в Москву и поступлением там на службу Будилы с товарищами, оставался теперь один, вдали от своих, среди враждебного ему населения и, надо думать, уже был осведомлен о поднимавом Нижним национальном движении. Новости из-под Москвы, полученные саженинцами, очевидно, довольно скоро, — их обоз пришел в Москву как раз 17 января, — должны бы были побудить их поспешить из Ростова к своим. Неизвестно точно, когда Каминский с саженинцами пришел «на сход» к Ходкевичу под Волоколамск, в село Федоровское, и долго ли стояли здесь

¹ Курмышские акты, № 17.

² О нижеследующем уже 18 декабря сообщили курмышскому воеводе приехавшие «с Москвы из полков курмышские люди» — Курмышские акты, № 7.

³ Выше уже приводились указания на разъезды из полков сборщиков, отказчиков; они также могли привозить с собой или присылать в таборы новости о событиях в городах.

⁴ По Маскевичу, конфедераты 8 января вернулись в Рогачево, а 16-го отправились дальше; отъезд Ходкевича датирован 21 января в Истории ложного Димитрия.

сансжиныцы, по еще «зимним путем» они успели пройти в Литву ¹.

К такой же датировке ухода сансжиинцев — концом января — приводит и хронологический расчет последовавших за ним событий.

С уходом Каминского из Ростова, как правильно отметил еще Авраамий Палицын, «от Москвы и до Ярославля путь очистися» ². Этим и воспользовался Заруцкий, чтобы нанести сильнейший удар ненавистному для него нижегородскому ополчению. Получив известие об очищении поляками Ростова, он задумал подчинить своей власти север, становившийся базой для Пожарского, и с этой целью послал из-под Москвы казаков захватить Ярославль и предписал идти туда же и Андрею Просовецкому, сидевшему в это время во Владимире ³. Казаки овладели Ярославлем. Тогда ярославцы с большой успешностью отправили гонцов ⁴ к Пожарскому с известием о случившемся и об ожидаемом приходе Просовецкого и, вероятно, с просьбой о помощи.

Посылкой отряда казаков на Ярославль Заруцкий бросал уже открытый вызов земскому ополчению. И в Нижнем приняли этот вызов, и не могли не принять. Дело ведь шло не только о том, что нижегородская рать не сможет, если Ярославль останется в руках казаков, соединиться «с ярославцы». Нужно было спасать поморские города от казачьего вторжения, а значит и разгрома, и вместе с тем защищать собственное дело и существование, ибо сравнительно мало затронутый Смутою север мог больше всего послужить ополчению своей казной, а мы уже видели, какое важное значение имели деньги в организации ополчения. Итак, приходилось снова, на этот раз поневоле, менять план действий: оставив наладившуюся уже работу по устройству правительства, нужно было браться за оружие. «На скоро» снарядили отряд под начальством кн. Дм. Петр. Лопаты-Пожарского и дьяка Семейки Самсонова и им поручили «йти на спех в Ярославль», чтобы предупредить там Просовецкого ⁵. Эта посылка передового отряда состоялась приблизительно в конце первой половины февраля 1612 г. Думается, что в причинной связи с получением тревожного известия из Ярославля стоит повторенное Пожарским числа 10 февраля, после полуторамесячного молчания о том, предписание курмышанам выслать на «земскую службу в Нижний Новгород, со всею службою тотчас» ратных людей, причем подробно перечислены все группы этих ратных людей ⁶. Именно в это же время, 13—14 февраля,

¹ Записки Маскевича, стр. 84—86 и 91; РИБ, т. I, стр. 286, и т. XIII, изд. 2-е, ст. 1208. — Федоровская волость лежит к сегодо-западу от Волоколамска — см. карту при исследовании Ю. В. Готье, Замосковский край, под цифрой 9 в пределах Волоколамского у.; ср. стр. 555.

² РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1208.

³ Курмышские акты, № 12.

⁴ «Прибегоша», говорит о гонцах ред. Нового Летописца, изд. кн. Оболенским, Временник, кн. 17, ст. 146.

⁵ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, ст. 118.

⁶ Курмышские акты, № 18; грамота получена в Курмыше 13 февраля; о ратных людях шла речь и в январской (начала месяца) грамоте Пожарского, но в ней нет предписания выслать их в Нижний, — *ibid.*, № 11.

и Андрей Просовецкий вместо Владимира был в Суздале, очевидно, по дороге на Ярославль¹. Тем самым определяется приблизительно и время ухода сапезинцев и начала военных действий Заруцкого против земского ополчения. Ведь на передвижение казаков от Москвы до Ярославля (около 250 верст) и на передачу известий из-под Ростова в таборы (около 200 верст) и из Ярославля в Нижний (почти 400 верст), как бы быстро это ни делалось, ушло по меньшей мере дней 10—11, а мы еще не знаем, как скоро по уходе сапезинцев дали знать об этом Заруцкому.

После отправки передового отряда «князь Дмитрий и Кузьма» еще «много время» оставались в Нижнем. По сообщению «Нового Летописца», они поджидали ратных людей из Казани. Вряд ли дело было так просто. Очень вероятно, что Пожарский хотел выждать результатов похода Лопаты-Пожарского, ибо в случае неуспеха последнего немедленное движение ополчения в Ярославль в значительной степени утрачивало бы свое значение — иметь в своих руках главный ключ к Поморью. Тогда пришлось бы добывать Ярославль силой, а на это цужно было и время и большое войско, и вожди ополчения, так стремившиеся к бескровным победам, вероятно, призадумались бы, что им в таком случае делать. Ведь и Просовецкий, узнав, что Ярославль занят нижегородским отрядом, не пошел брать его приступом².

Но Лопата-Пожарский успешно выполнил данное ему поручение: успел войти в Ярославль раньше прихода туда Просовецкого, а бывших там казаков пересмал и посажал в тюрьму³. Получив об этом известие, двинулись в поход и главные силы ополчения. Болтин отметил, что это было «в великий пост», т. е. не раньше 23 февраля, когда он в 1612 г. начинался, вероятнее же около 5—10 марта, как нужно думать на основании дальнейшего рассказа «Нового Летописца»⁴.

Поход ополчения, довольно подробно описанный в этом «Летописце»⁵, был настоящим триумфом создателей и руководителей его. Торжественные встречи, иногда с поднесением даров вождям, присоединение новых отрядов, увеличение казны взносами со стороны городов, чрез которые проходило ополчение, — все это воочию убеждало в живейшем сочувствии их делу со стороны земских людей.

Первая остановка ополчения была в Балахне. Здесь к ополчению присоединились с «многими дворянами разных городов» Матвей

¹ Временник, кн. 17, смесь, стр. 4 (и в Старинных актах г. Шуи В. Борисова, № 6). Присутствие в Суздале обоих Просовецких во время похода главной рати Пожарского отмечает и Новый Летописец, стр. 419; грамоту во Владимир от 10 февраля подмосковные воеводы адресуют Исайлову, а не Просовецкому — Акты подмоск. ополч. С. Б. Веселовского, № 59 (стр. 75).

² ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 118.

³ Ibid.

⁴ Изборник, стр. 353—354. О начале поста — Н. Горбачевский, Археогр. календарь на две тысячи лет, Вил. на 1869, табл. № 22. В начале марта, вероятно, получилось и известие от Лопаты-Пожарского.

⁵ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 118—119.

Плещеев; бывший боярин Тушинского вора, он, однако, в ополчении Ляпунова очень недружелюбно относился к казакам; именно он посадил в воду 28 казаков, что вызвало сильное возмущение против Ляпунова. В Юрьевце в состав ополчения вошли новоприсоединившиеся юртовские татары. И первому и второму отряду дано было жалованье, — не забывает отметить «Новый Летописец»; горожане же и в том и другом городке дали «многую казну на подмогу».

Из Юрьевца ополчение пришло «на Решму» и здесь получило неприятную новость. Единомышленник и приятель Пожарского окольныйчик Арт. Вас. Измайлов¹ прислал из Владимира извещение, что под Москвою в таборах целовали крест псковскому самозванцу². По указанию троицкой грамоты, это крестоцелование происходило 2 марта³, и сведения о нем вряд ли могли достигнуть Решмы чрез Владимир (расстояние Москва — Решма не меньше 400 верст) ранее 10 марта; этим и определяется дата выступления Пожарского из Нижнего⁴.

Из Решмы ополчение, следуя по берегу Волги, пришло в Кинешму, где также получило «казну в подмогу»⁵. Далее в Плесе к Пожарскому явился костромичи предупредить его о том, что костромской воевода, уже названный выше Ив. Шереметев, не хочет пустить ополчение в город. Подойдя к Костроме, ополчение

¹ Биографические справки о нем и М. Плещееве см. прилож. 1.

² По ред. Нового Летописца, изд. кн. Оболенским, стр. 147.

³ ААЭ, т. II, № 202; по польскому известию — 5 марта, РИБ, т. I, стр. 286—287.

⁴ Новый Летописец сообщает, что здесь же, в Решме, Пожарский получил известие и о событиях, случившихся во Пскове по приезде туда Ив. Плещеева из таборов, включительно до послышки схваченного Вора под Москву, а также грамоту от Трубецкого и Заруцкого с раскаянием в крестоцеловании Псковскому вору, с извещением, что теперь, изведав «тое вражью прелесть», они отказались от него, и с просьбой идти к Москве, «не опасаяся», очевидно, каких-либо неприятностей со стороны казаков. Исследователи, излагавшие историю этого похода, отвергая первое известие как явно неправильное (Плещеев только 11 апреля приехал во Псков, а поимка Вора относится к 18—20 мая — ПСРЛ, т. IV, стр. 330, и, конечно, об этом никто еще не мог известить Пожарского в Решме), принимают, однако, второе — о письме подмосковных воевод (Соловьев, История России, ч. II, ст. 1016; Костомаров, Смутное время, т. III, стр. 251; Забелин, Минин и Пожарский, стр. 77) — и упрекают последних в явном обмане (Соловьев, 1020; Забелин, 79). Только С. Н. Кедров (Авраамий Палицын, стр. 138—139) объявил это место летописи анахронизмом, указывая что подмосковные воеводы, по свидетельству самого Пожарского, прислали повинную только 6 июня (СГГр и Д, т. II, № 28). Любопытно, что, излагая письмо Трубецкого и Заруцкого, будто бы полученное Пожарским в Решме, Голиков (Дополнение к Деяниям Петра Великого, т. II, стр. 282—283), а за ним и Соловьев цитируют два места из указанной грамоты Пожарского и берут из нее имя посланного — Корнилы (у Соловьева ошибочно «Кириллы») Чоголокова. Из текста Нового Летописца вполне очевидно, что составитель его по поводу письма Измайлова захотел свести воедино, — как он это в иных местах делает, — все сведения о дальнейшей судьбе псковского самозванца и об отношениях к нему подмосковных таборов и только очень неудачно вставил этот законченный рассказ в свое хронологическое построение.

⁵ По Новому Летописцу, ред. кн. Оболенского, стр. 147.

остановилось на посаде. В городе началось волнение: одни из горожан были единоподушны с воеводой, другие хотели соединиться с ополчением. Вторые взяли верх, и воевода едва не поплатился жизнью за свое упорство: его спас Пожарский. Конечно, Шереметев было опасно для дела ополчения оставить в Костроме, и Пожарский в ответ на просьбы костромичей, посоветовавшись с Кузьмой Мишиным, поставил здесь воеводой кн. Ром. Гагарина с дьяком Андр. Подлесовым, бывших здесь и в 7119 г. ¹ В Кострому же пришли к Пожарскому челобитчики из Суздаля с просьбой послать к ним в город воеводу и ратных людей, «чтобы Просовецкие (оба брата Андрей и Иван) Суздалию никакие пакости не зделали» ². Пожарский отправил туда кн. Ром. Петр. Пожарского с отрядом нижегородских и балахонских стрельцов. Это новое вооруженное выступление окончилось очень благоприятно для ополчения: казаки Просовецкого, повидимому, даже не дав битвы Ром. Пожарскому, бежали под Москву ³. Этим назначением воевод Пожарский снова показывал, что чувствует себя в положении правителя государства; таковым, очевидно, считали его и костромичи и суздальцы, просившие его назначить им воевод.

Получив и в Костроме «на подмогу многую казну», ополчение направилось в Ярославль и пришло туда еще «по зимнему пути» ⁴, вероятно, в самом конце марта ⁵. «С великою честью» приняли ярославцы своих избавителей и поднесли Пожарскому и Мишину «дары многия», от которых те, однако, отказались.

---

¹ Разр. Записи за См. время, стр. 106 и 257, и Боярский список 1611 г., стр. 90.

² Ив. Просовецкий был в Суздале воеводой — Курмышские акты, № 12; Андрей пришел сюда из Владимира в феврале, как показано выше.

³ О том, что Ром. Петр. Пожарский был в 7120 г. воеводой в Суздале, есть и документальное свидетельство — Акты подмоск. ополч., № 84.

⁴ Изборник, стр. 354.

⁵ В московской посольской практике считалось, что посольства зимой от Нижнего до Ярославля едут дней 12 — на такой срок им давался корм — Действия Нижегород. уч. арх. ком., Сборник, т. VIII, стр. 333. Ополчение шло, вероятно, медленнее, верст по 25 в день, как двигался Грозный летом 1552 г. с Муром в Казани (ПСРЛ, т. XIII, 2, стр. 495—496; в заметке И. Л. Милославского, Путь Иоанна Грозного... — Сборник Нижегород. арх. ком., XIII, вып. 2, неправильно передано известие о первом переходе) и как шел к Москве ярославский отряд в феврале 1611 г. (ААЭ, т. II, № 188, II, или СГГр и Д, т. II, № 241). При такой быстроте с остановками в городах поход должен был продолжаться около 20 дней.

Глава VI

ЗЕМСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ И ПОДМОСКОВНОЕ КАЗАЧЕСТВО

В Ярославле ополчение оставалось 4 месяца. Поход к Москве не стал на ближайшую очередь в планах вождей ополчения и после того, как им пришлось выступить на путь активных военных действий. И, очевидно, лишь стараясь оправдаться от упреков в медленности, раздававшихся из уст троицких властей¹, а может быть, и с других сторон, Пожарский писал в июне, что-де «из Ярославля хотели со всеми людьми идти под Москву», да помешала присяга подмосковных воевод псковскому самозванцу². Эта присяга, действительно, могла быть удобно выставляема как внешний предлог для задержки ополчения в Ярославле; но были и другие причины ее, лежавшие глубже; они, видимо, остались непонятными, например, властями Троицкой обители; не их выдвинул на первое место, хотя и сообщает о них, и «Новый Летописец», и выяснение их было делом исследователей, особенно С. Ф. Платонова. Указания на эти причины можно найти и в разосланной в начале апреля Пожарским грамоте³, но еще лучше раскрываются они в самой деятельности ополчения за время стоянья в Ярославле.

О походе под Москву совсем и не упоминает апрельская грамота, не зовет она сольвычегодцев немедленно идти на поляков, хотя и немало говорит в длинной вступительной части о неправдах «печестивого польского короля» и о насилиях «польских и литовских людей». Пожарский просит сольвычегодцев сообщить их мнение по вопросу о том, «как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным; чтоб нам, по совету всего государьства, vybrати общим советом государя, кого нам милосердый бог... даст; просит «для земского совету» прислать «вскоре» в Ярославль «изо всяких чинов людей человек по два» для решения вышеприведенного вопроса и других вопросов государственного бытия (между прочим и того, как стоять «против общих врагов, польских и литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь в госу-

¹ Авр. Палицын сообщает о трех посланках из Троице-Сергиева монастыря к Пожарскому с призывом спешить под Москву; тон рассказа Палицына неодобрительный по отношению к ополчению — РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1210—1212.

² СГГр II Д, т. II, № 281.

³ До нас дошла грамота «к Соли-Вычегоцкой» — ААЭ, т. II, № 203.

дарстве всчинают») и государственного строительства. Предлагает далее Пожарский «молити» бога, «чтоб нам православным христианом быти в любви и в совете безо всяких сердечных злоб»; просит отписать и «под Москву в полки», чтобы и там «от вора от Сидорки¹ отстали... и со всею землею тем розни не чинили», а были б «по прежнему в соединенье, и под Москвою стояли безотступно». Переходя к помощи, которую сольвычегодцы могли бы оказать ополчению, грамота просит выслать «ратным людям на жалованье» «денежную казну, что есть у Соли-Вычегодской в сборе», да, взирая на пример самопожертвования Нижнего, и «промеж себя обложить, что кому с себя дать на подмогу ратным людям», и для большей убедительности напоминает в заключение несчастную участь московских торговых людей. Таким образом, в прямой противоположности с тем планом действий, который составил для ополчения Костомаров, оно совсем не считало своей исключительной задачей «прогнать из Москвы чужестранцев» и разрушить тень русского правительства Владислава, чтобы «открыть путь к избранию царя из русских людей», и даже не ставило борьбу с поляками во главу угла своей ближайшей деятельности, а как раз хотело «усмирять смуту и умиротворять землю», что Костомаров считал «задачею повозбранного царя и его правительства, а не Пожарского»², и с этой целью умиротворенья и обеспечения безопасности выбрать царя «всею землею», не стесняясь наличием конкурентов.

Итак, идти под Москву немедленно не собирались в Ярославле. Да под Москвой и не происходило в это время ничего такого, что требовало бы обязательного и полезного военного вмешательства ополчения. Польский гарнизон уже опять голодал, и этот голод без всяких усилий, без всяких жертв со стороны ополчения подготавливал ему победу. Польские отряды, находившиеся вне Кремля, с большим трудом добывали в разоренном крае провиант, по не всегда удавалось им доставить в столицу и то, что они находили, так как многое отбивали у них «шишны». У Ходкевича был совсем небольшой отряд, и он не имел кем заменить желавших оставить тяжелую службу в Кремле жолнеров. Давно пропустив срок, назначенный конфедератам для смены их оставшихся в Москве товарищей, он только по настоянию самих конфедератов двинулся к столице, да и то шел медленно, поджидая прихода нового войска из Литвы. Только получив известие, что Струсь с новым отрядом уже в Можайске, Ходкевич подошел 31 мая к Москве. Прибытие чрез несколько дней Струся «с 3 000 голодного войска» не усилило, а ослабило поляков: вражда Гонсевского со Струсем копчилась тем, что первый покинул столицу, а с ним и значительная часть жолнеров удалась не только от Москвы, но и вообще из России. В Кремле остался полк Будпы, не насчитывавший в это время и

¹ Так называет псковского самозванца апрельская грамота Пожарского; Болтин говорит, что он был Матюшка, беглый дьякон из Москвы, из-за Нузы, — Изборник, стр. 354.

² Монографии и исследования, т. XIII, изд. 1881 г., стр. 432.

1 000 человек, и часть, — мы не знаем точно, какая, — отряда Струся под главным начальством последнего. Ходкевич остановился в Крайцареве и старался снабжать провиантом кремлевский гарнизон, но насколько ему было трудно добывать съестные припасы, свидетельствует уже тот факт, что в поисках их один из его отрядов забрался в Новгородский край, где и был разбит шведами. Призрак голода все время витал над осажденным Кремлем; внутренняя борьба на почве недовольства Струсем также ослабляла силу сопротивления поляков, и вдобавок изголодавшийся и недовольный отряд Будилы уже в половине июля потребовал, чтобы «к последнему дню августа» Ходкевич свел его со стен. Кроме голода, польскому гарнизону были постоянной угрозой и подмосковные казаки, которые нет-нет да и вступали в бой с ним или с подвозившими провиант отрядами, и не всегда в этих стычках счастье было на стороне поляков ¹.

Пожарский, связи которого с разными местами России, в том числе и близкими к району скитаний польских отрядов и к Москве, со времени перехода в Ярославль значительно окрепли ², конечно, был осведомлен о движениях поляков, наблюдал губительные действия голода и соперничества начальников у поляков и взаимное истребление под Москвой поляков и казаков и потому, занятый более важными и неотложными делами, мог не спешить на освобождение столицы.

Правда, летом, по верному указанию Костомарова ³, было бы сравнительно легко ввиду слабости поляков овладеть Москвой. Но не освобождение столицы, а очищение земли и лишь как часть этого и занятие Москвы, и притом очищение не от одних поляков, а от всех вообще врагов порядка, ставило своей задачей ополчение. Притом же и при слабости поляков отмечаемое иностранцами неумение русских брать крепости, вероятно, надолго задержало бы ополчение под стенами Китая и Кремля. Да, наконец, как можно было идти к Москве, где стояли объявившие войну ополчению казаки, оставив их же отряды в тылу? А занявшись борьбой с последними на севере, Пожарский вряд ли имел в апреле столь много сил, чтобы быть в состоянии двинуться одновременно и к Москве и под ее стенами биться не только с поляками, но и с казаками. Борьбу с казачеством Пожарский вел все время, пока ополчение стояло в Ярославле, и все время побеждал его, но большею частью не употребляя в дело оружия.

Уже занятие Ярославля и Суздаля в феврале и марте было большой победой ополчения над казаками. Значительный урон подмосковные воеводы причинили себе и сами присягой исковскому

---

¹ Зап. Маскевича, стр. 86—90; РИБ, т. I, ст. 278—314; Сказ. Кober-
жицкого в русск. пер. в Сыне отеч. за 1842 г., № 3, стр. 11—22; Хроника Пя-
сецкого — Памятн. древн. письм., LXVIII, стр. 51; *Костомаров*, Смутное
время, т. III (1868), стр. 269—271; Записки Божки Балыки в Киевской стар.,
1882 г., т. III, стр. 101—102.

² Об этом см. ниже.

³ Личности смутного времени, Вестн. Европы, 1871, июнь, стр. 503—506.

самозванцу. Это оттолкнуло от них в сторону земского ополчения многих в стране, еще колебавшихся в выборе того, к кому бы им примкнуть, или еще надеявшихся примирить казаков с земскими людьми. Даже в подмосковных таборах нашлись люди, не желавшие служить Сидорке и бежавшие к Пожарскому. По сообщению Б. Болтина, «многие боярские дети и стольники и стряпчие и дворяне и дети боярские и дьяки и подьячие и торговые добрые люди, видя что под Москвою у казаков учело делаться воровство, целовали крест Псковскому вору Матюшке», прибежали «испод Москвы из полков» в Ярославль ¹. И в подтверждение этого указания можно назвать несколько имен. Польский источник отметил, что во время присяги новому «Димитрию» некоторые воеводы, «стоявшие особыми таборами», как Мирон, Исаия Погожей и Шмялов, «не желая присягать и боясь поплатиться за это жизнью, убсжали в крепости» ². Из них второй несомненно Исаак Погожий, рында царя Василия, потом явившийся под Москву в рядах первого земского ополчения с особым отрядом. Мирон, по остроумной догадке Л. М. Сухотина, — Мирон Андреевич Вельяминов, также служивший Шуйскому, примкнувший к земскому движению 1611 г., остававшийся под Москвою еще в феврале 1612 г. В начале апреля оба они были уже в Ярославле и подписали грамоту 7 апреля в Соль-Вычегодскую ³. Может быть, из подмосковных же таборов приехал в Ярославль и Вас. Петр. Шереметев, также приложивший руку под названной сейчас грамотой ⁴.

Кроме того, присяга подмосковной рати Сидорке окончательно развязывала руки властям ополчения. Если раньше еще можно было до известной степени смотреть на казаков как на борцов за общее дело, как на «стоятелей» за православие против иповерной «литвы», то теперь с полной ясностью открылось их «воровское» направление; если раньше еще можно было считаться с подмосковными воеводами как с правителями страны, избранными «всею землею», то теперь они становились враждебными земщине боярами нового ложного «царя Димитрия Ивановича». Это новое и очень убедительное открытие истинного лица Зарудского и его единомышлен-

¹ Изборник, стр. 354.

² РИБ, т. I, стр. 287.

³ Об участии их в первом ополчении — Изборник, стр. 350—351, и Акты Моск. госуд., т. I, № 45 (список 3 ноября 7120 г. тех, кто оставался еще под Москвою); М. Вельяминов подписал и приговор 30 июня — *Забелин*, Минин и Пожарский, стр. 277; о пребывании его под Москвою в январе — Акты подмоск. ополч., № 51 и 56, в феврале — Четверткин См. вр., стр. 93. Апрельская грамота Пожарского — ААЭ, т. II, № 203. Л. М. Сухотин, Замечания на исследование П. Г. Любомирова «Очерк истории нижегор. ополч. 1611—1613 гг.», М. 1915, стр. 8) — Szmialow (Шмялов) может быть и действительно Имайлов, как думает Л. М. Сухотин, но едва ли Ив. Вас., которого не встречаем в числе участников первого ополчения и который летом и осенью 7119 и 7120 гг. был воеводой во Владимире (Акты подмоск. ополч., № 4, 122, 23 и 33), а скорее Тим. Вас., который с 30 июня по 3 ноября под Москвою был (Минин и Пожарский, стр. 277, и Акты Моск. гос., т. I, № 45), мог оставаться и позже.

⁴ Акты Моск. гос., т. I, № 45, и ААЭ, т. II, № 203.

ников, с одной стороны, обладание большими силами и большая уверенность в земщине — с другой, и объясняют появление нового тона по отношению к казакам в грамотах, разосланных из Ярославля вскоре по прибытии туда ополчения. В этих грамотах власти ополчения, уже нисколько не стеснясь, рассказывали замолчавшую в декабрьском воззвании историю Ляпунова, причем прямо приписывали его убийство «старым заводчикам великому злу» — тушинским атаманам и казакам во главе «с их начальником, с Иваном Заруцким»; открыто обличали казаков в «грабежах и убийствах» «в полках и по дорогам», которые они «учали совершать» по смерти Ляпунова; обвиняли Заруцкого в захвате и раздаче «советником» его — «дворяном и детям боярским,¹ и атаманом и казаком» городов, дворцовых сел, черных волостей и монастырских вотчин; даже присягу казаков с Трубецким и Заруцким во главе объясняли их желанием «по своему первому злому совету бояр и дворян и всяких чиноу людей и земских и уездных лутчих людей побити и животы разграбити и владети бы им по своему воровскому казацкому обычаю»¹. С такими людьми земщина, собравшаяся под знаменами Пожарского, не хотела иметь ничего общего. Для нее это были теперь не возможные союзники в борьбе с иноземцами, а враги, столь же ненавистные, как и поляки, но более опасные в данный момент. Однако даже и теперь руководители ополчения готовы были на соединение с подмосковной ратью при непременно условии отказа ее от Сидорки и от всякого иного «воровства», и, очевидно, в надежде на обращение хотя бы земских людей, еще оставшихся под Москвой, и части казаков (впоследствии эта надежда оправдалась) они просили города, в которые рассылалась апрельская грамота, «отписать... от себя под Москву, в полки, к боярам и ко всяким служивым людям, чтоб они от Вора от Сидорки отстали, и с нами и со всею землею тем розни не чинили и крови в государстве не вчиняли, и были по прежнему в соединенье, и под Москвою стояли безотступно». Но пока глубокая вражда разделяла земское и казачье ополчение.

Напрасно троицкие власти старались вскоре по приходе земского ополчения в Ярославль примирить его вожда с одним из казачьих воевод, кн. Трубецким, и потворить Пожарского идти к Москве, сообщая, что в подмосковном войске нет единодушия, что Трубецкой и другие «неволею», «бояся... смертного убийства», целовали крест исковскому самозванцу, что притесняемый «воровскими заводцами» Трубецкой «радеет соединенья» с новым ополчением, чтобы «промышлять» не только над поляками, но «и над теми враги, которые нынча завели смуту коначного для крестьянского кровопролития и межусобия»². Но в Ярославле, видимо, плохо верили

¹ ААЭ, т. II, № 203; стоит отметить, что в разграблении земельного фонда обвиняется только Заруцкий, а не оба подмосковных правителя.

² ААЭ, т. II, № 202; грамота писана, вероятно, вскоре по получении 28 марта просьбы Трубецкого звать ополчение под Москву. Любопытно, что, по словам одного польского источника, казаки и Заруцкого насильно вставили присягнуть Сидорке, — РИБ, т. I, стр. 287.

в искренность заверений Трубецкого, истинного тушинца. Он отъехал в Тушино после битвы на Ходынке (24 июля 1608 г.), был почтен от Вора сагом боярина и так держался своего государя, что не покинул его даже после его бегства из Тушина и неудачи под Москвою летом 1610 г. В Калуге пережил он и гибель «царя Димитрия», оставаясь там до самого похода к Москве весной 1611 г., и к нему, как и к Заруцкому, в полной мере были приложимы резко и метко обличавшие ложь их присяги Сидорке слова грамоты Пожарского: «при них колужской их царь убит и обезглавлен лежал всем на видение шесть недель». И после того сам Трубецкой вместе с Заруцким писал в Ярославль о присяге новому «царю Димитрию Ивановичу». Потому-то еще и в июне из Ярославля продолжали обвинять обоих подмосковных воевод, а не одного Заруцкого, в преступной присяге Сидорке¹. Да если бы руководители земского ополчения и поверили Трубецкому, они не могли считать наличность такого настроения у него особенно важным обстоятельством в данный момент, чтобы в зависимости от него менять свое отношение к подмосковным таборам. Ведь только в грамотах Трубецкой писался на первом месте, в действительности же всем руководил Заруцкий², а отношение последнего к собравшемуся в Ярославле ополчению было определенно враждебное.

Ни уверения Трубецкого, ни призывы тронских властей, которые кроме посылки упомянутой грамоты еще дважды чрез особых посланных³ умоляли Пожарского поспешить походом к Москве, не двинули ополчения из Ярославля. Руководители земской рати решили не трогать Заруцкого под Москвой, где казаки, говоря словами проф. Платонова, «были не только не вредны, но даже полезны для целей Пожарского тем, что парализовали польский гарнизон Москвы»⁴, и, можно добавить, отчасти отвлекали на себя внимание польских отрядов вне Москвы. Но нельзя было оставить в покое вражеские отряды, зашедшие в тыл и с фланга ополчения. К северу от Ярославля, в Пошехонье, стоял пришедший из-под Москвы Вас. Толстой; к западу Углич также был занят казаками, а «в Оптонове монастыре», — может быть, Антошине Николаевском, в 3 верстах от Краснохолма⁵, к северу от Бежецка, — расположились черкасы, один из отрядов Ходкевича. По совету «со всею ратью и со властью и с посадскими людьми» решено было про

¹ Об отъезде Трубецкого — Разр. за Смутное время, стр. 254 (на 177-й неверно «июня»), Изборник, стр. 341; о походе к Москве, например, ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 105, и Изборник, стр. 350; ярославские грамоты — ААЭ, т. II, № 203, и СГГр и Д, т. II, № 281.

² Арсений Елассонский в своих мемуарах даже не упоминает Трубецкого, сообщая, что по смерти Ляпунова начальниками были Заруцкий и Просоветский — А. Дмитриевский, Арх. Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории, Киев 1899, стр. 153.

³ Об этих посылках говорит Палицын — РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1210—1212.

⁴ «Московское правительство при первых Романовых» в «Статьях по русской истории», изд. 2-е, стр. 341.

⁵ Списки иерархов П. М. Строева, стр. 458.

гнать этих врагов из занятых ими мест. Из Ярославля был послан отряд под начальством князей Дм. Мамстр. Черкасского и Ив. Фед. Троекурова, а с ними в качестве «сходных» воевод должны были действовать кн. Сем. Вас. Прозоровский, кн. Дм. Петр. Пожарский-Лопата, Петр. Ив. Мансуров со своим отрядом с Вологды и Барай Кутумов с романовскими татарами. Черкасы, предупрежденные отбывавшим из отряда изменником смолянцем Юр. Потемкиным, уже раньше заляпавшим себя участием в убийстве Ляпунова, спешно ушли к рубежу, а Черкасский стал в Кашине. Казаки в Пошехонье были разбиты Лопатой-Пожарским, который также пришел затем в Кашин. Отсюда воеводы были направлены под Углич на казаков. Переход, во время боя четырех казацких атаманов на сторону земских воевод решил дело; казаки были разбиты наголову. Все это произошло, очевидно, еще в апреле, ибо 6 мая уже «стояли на Угличе кн. С. Прозоровский да Левонтей Вельяминов с казаками», присланные из Ярославля¹. Приблизительно в то же время жители Переяславля-Залесского обратились к начальникам ополчения с просьбой защитить их от притеснений Заруцкого. Посланный из Ярославля Ив. Фед. Наумов прогнал отсюда казаков и укрепился в этом весьма важном для ополчения, благодаря его положению на дороге из Москвы в Ярославль, городе. И эта важная победа над казаками относится к маю: от 23-го числа этого месяца известна расписка Наумова о получении денег с Федоровского монастыря под Переяславлем «по указу» Пожарского и за лошадей, «которые... велено взять для земские службы в Ярославль»². Кроме названных сейчас и ранее (Суздаль) пунктов, где укрепились воеводы от земского ополчения, из Ярославля, по словам грамоты Пожарского, посланной, судя по ее характеру, вскоре по получении 6 июня грамоты из-под Москвы, были разосланы отряды и по другим городам. Из них отправка ратных людей в Устюжну Железнопольскую, как и заботы о скорейшем построении нового «города» на Белоозере, очевидно, имели главной целью организацию обороны на случай нападения шведов, уже заявивших Тихвин. Расылка ратных людей по другим городам направлялась прежде всего против казаков. «Земские» войска появились в Твери, отказавшейся в числе других городов целовать крест Сидорке, в Ростове, подкрепили Измайлова во Владимире, были посланы в Троицкую обитель, в Касимов и «иные городы»³. Припомним, что еще южнее Касимова Рязань уже с декабря принадлежала к числу городов, верных земскому делу. Таким образом, за какие-нибудь полтора

¹ О военных действиях — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 119—120, и СГГр и Д, т. II, № 281; о Прозоровском в Угличе — АЮ, № 36; о Ю. Потемкине — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 111 и 113; раньше он верно служил Шуйскому и за Московское осадное сиденье получил часть поместья в вотчину — Акты Юшкова, № 296; сидел в осаде в Смоленске — Памятники обороны Смоленска, стр. 238; позже служил в Литве — АМГ, т. I, № 439 и 456.

² ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 121, и АЮ, № 219, II; о Федоровском мон. — Списки иерархов, стр. 693.

³ СГГр и Д, т. II, № 281; о Белоозере — ААЭ, т. II, № 206; о Твери — *ibid.*, № 202; о шведах в Тихвине — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 119.

два месяца, к концу мая, казаки не только были выбиты из занятых им на севере позиций, но и довольно плотным полукольцом земских отрядов от Твери до Рязани были стеснены на сравнительно небольшой территории под Москвой. Север, на который так стремились казаки, был закрыт для них. Да и на восток после занятия отрядом Пожарского Касимова пробраться становилось довольно трудно. В их руках оставался еще больше всего разоренный Смутой юг, но и там уже давно находились у ополчения союзники, присылавшие Пожарскому свои отряды. Еще в Нижний, как мы уже видели, пришли коломничи и ратные люди из каких-то украинских городов, а по утверждению апрельской грамоты из Троице-Сергиевой обители, еще Калуга, Серпухов, Тула также единодушно с земским ополчением¹. Таким образом, к лету 1612 г. подмосковные таборы оказались в критическом положении.

С самого своего возникновения земское ополчение стало сокращать пределы власти подмосковных воевод, начало лишать их казны и военных сил. И действия Заруцкого, кажется, лучше всего можно объяснить сознанием возрастающего бессилия наряду с ростом силы и авторитета ополчения и вместе с тем неумещающимся желанием играть видную роль, властвовать в стране по своему вкусу и склонностям. С целью одним ударом подорвать в корне опасное для него новое земское начинание послал он казачьи отряды на Ярославль, но ни тогда, ни позже, потерпев неудачу, не отважился открыть военные действия прямо против Пожарского, а только организовал оттянутое с декабря-января признание русским царем Псковского вора. Эта присяга Заруцкого, мечтавшего о том, чтобы править самому при номинальном царе — сыне Марини, эта его присяга какому-то Сидорке кажется попыткой его поддержать свой падающий авторитет, привлечь к себе страну именем «царя Димитрия» и добиться примирения с земским ополчением, предложив и ему принять признанного представителями «всей земли» под Московю государя. Ведь только с целью склонить к признанию «Димитрия» имело смысл извещать собравшихся в Ярославле «на очищение» родины земских людей о присяге этому государю таборов под Москвой². Но эта присяга лишь ухудшила положение Заруцкого. Только в отдельных городах на юге и востоке встретил признание новый «царь Димитрий»; из Зарайска, Воротынска, Тарусы, Болхова поступали челобития на его имя, в Арзамасе действовали воеводы его именем, в Курмыше ему служили ратные люди³. Но значительная, гораздо большая, часть страны попрежнему не желала иметь царем «ведомого вора», а в Ярославле новый шаг ка-

¹ О приходе в Нижний коломничей и людей украинских городов см. гл. IV, стр. 79; апрельская троицкая грамота — ААЭ, т. II, № 202.

² Об этом специальном извещении собравшихся в Ярославле писал Пожарский в июньской грамоте — СГГр и Д, т. II, № 281.

³ Об этих городах см. *Забелин*, Минин и Пожарский, прилож. VI; Акты подмоск. ополчений, № 66 и 67; Арзамасские поместные акты, № 304—308, и Курмышские акты, № 22; Первые месяцы царствования Мих. Фед., стр. 197.

зачьих вождей (там не отделили в этом вопросе Трубецкого от Заруцкого) был встречен уничтожающим обличеньем и резким осуждением, распространявшимися в грамотах по Руси и вырывшими еще глубже пропасть между Заруцким и земщиной. Даже среди стоявших под Москвой оказалось много не согласившихся присягнуть самозванцу; их уход к Пожарскому уже прямо ослаблял подмосковное ополчение. Но и среди оставшихся находилось, видимо, немало сомневавшихся в подлинности вновь воскресшего Дмитрия, не одобрявших присяги ему¹. Одних этих отказов и колебаний в самих таборах, очевидно, было достаточно для того, чтобы занять по отношению к только что признанному и уже оказавшемуся бесполезным «государю» прежнее выжидательное положение. Правда, его еще открыто не отвергли, но имя «царя Дмитрия» скоро, в марте уже, исчезло из грамот подмосковных воевод², и во Псков с целью «правда вора досмотреть» был послан, также в марте, Ив. Вас. Плещеев, который «у Калужского вора близок был» и потому мог авторитетнее других выяснить, он ли царствовал теперь во Пскове³. И как раз во время этого расследования земские отряды быстро гнали казаков с севера и мало-помалу окружали их под Москвой. Этими успешными действиями земщины не только выводилась окончательно из сферы власти и влияния подмосковных воевод значительная территория. Гораздо чувствительнее для последних были связанные с потерей этой, в большей части наиболее платежеспособной, территории, сокращение притока денежных средств, в которых все время испытывали они острую нужду⁴, и лишение громадного земельного фонда, служившего в руках правителя очень важным средством привлечения ратных и иных людей⁵. С обеднением казны не только останавливался приток новых сил в казачьи таборы,

¹ Даже Трубецкой, как уже отмечено выше, тайком присылал в Троицкую обитель известие, что он против нового самозванца.

² Грамоты подмосковного правительства от 9 и 13 марта писаны «По государеву цареву и в. кн. Дмитрею Ивановичу в. Р. указу», но от 17 марта уже от имени бояр только — *Забелин*) Минин и Пожарский, прилож. VI и VII. Акты подмоск. ополчений, № 66 и 69; здесь еще две мартовские грамоты с именем Дмитрия, но без числа — № 67 и 68.

В Масловском архиве, № 100, напечатана грамота Трубецкого и Заруцкого по указу царя Дмитрия Ивановича от 25 мая но именно дата-то и возбуждает сомнение: ведь уже 10 мая во Пскове начали принимать меры к тому, чтобы обессилить Вора, а 18 мая он был даже схвачен. Нет ли здесь ошибки в названии месяца?

³ Изборник, стр. 354. 28 марта троицкие власти уже получили известие, что Тверь не пустила к себе Плещеева, — ААЭ, т. II, № 202, 11 апреля он приехал уже во Псков — ПСРЛ, т. IV, стр. 330. — Второму самозванцу Плещеев стал особенно близок в Калуге, куда привез ему Марину, — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 94—95.

⁴ С. В. Веселовским напечатан в Актах подмосковных ополчений целый ряд предписаний и просьб подмосковных правителей воеводам и населению собрать все подати и налоги и высылать в Москве в казну, дать денег в запрос. собрать шубы «безо всякого мотчанья» и все с одним и тем же доводом: ратные люди бьют челом о жалованье «неотступно, а нам дати им нечево, а хотят от Москвы итти прочь» — № 6, 19, 28, 37 и др.

⁵ Достаточно вспомнить раздачи Сигизмунда и самого Заруцкого, которого так обвиняли за это из Ярославля.

но даже создавался отлив из них к Пожарскому, и не одних земских и приказных людей, которых влекли в Ярославль и симпатии и материальный интерес, но и казаков, в которых последний заглохнул, очевидно, социальную антипатию к земщине. Из первых для данного периода можно определенно указать на дьяка Гер. Мартыянова, еще 17 марта скреплявшего грамоту подмосковных воевод, а 18 июня подписывавшего указ Пожарского¹. Что же касается казаков, то июньская грамота Пожарского называет 14 новых для нас атаманов, пришедших в Ярославль, по ее словам, «из полков из-под Москвы»². Руководители земской рати охотно принимали на службу и казаков, давали им жалованье и хорошим «учреждением» привлекали новых голодных и раздетых товарищей их «из полков». Так шли параллельно два процесса: усиления земского ополчения и ослабления в его пользу подмосковного, казачьего.

В мае получилось известие и из Пскова от Плещеева, уверившегося в самозванстве нового Дмитрия и искавшего случая схватить его³. К Москве шли Ходкевич и Струсь⁴. Тогда в таборах решили искать примирения с земским ополчением, на этот раз не от него ожидая уступки, а сами уступая ему. 6 июня в Ярославль прибыло посольство от Трубецкого и Заруцкого с повинной грамотой. Казачьи вожди писали, что они, сыскав, «что во Пскове прямой Вор», «крест меж себя целовали» «тому Вору не служить», «Маринны и сына ее на Московское государство не хотети», а в соединенье со всеми стоять против польских и литовских людей. В этот же раз или отдельно подмосковные воеводы, очевидно, с целью расположить к себе Пожарского прислали ему жалованную грамоту на богатое село Ворошино (в Костромской губернии). Но холодно и с недоверием были встречены в Ярославле новые стремления Трубецкого и Заруцкого. От села Пожарский отказался, а на просьбу идти к Москве был дан ответ, что на помощь им идут⁵. Однако под Москву не шли, продолжали обличать подмосковных бояр, несмотря на их раскаяние, в ложной присяге Спдорке⁶ и даже, воспользовавшись благоприятным моментом, когда Трубецкий и Заруцкий сами открыто раскаялись в злом «воровстве» и известили об этом юг, признавший по их примеру нового Дмитрия,

¹ Акты подмоск. ополч., № 69, и Акты нижегор. Печерск. м-ря, изд. А. А. Титовым, стр. 43—44.

² СГГр и Д, т. II, № 281.

³ Уже 10 мая, чтобы лишить самозванца верных ему казаков, последних послали в Порхов; 18-го, почуяв гибель, Вор пытался бежать из Пскова, но дорогой был схвачен и привезен обратно — ПСРЛ, т. IV, стр. 330.

⁴ В конце мая — начале июня они были уже под Москвой, см. выше, стр. 95.

⁵ СГГр и Д, т. II, № 281, и ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 118 и 122 (составитель Нового Летописца раздвоил одно посольство тем, что рассказал о нем, совсем не у места, в первый раз, сообщая о новости, полученной Пожарским в Решме; ср. выше, стр. 92, прим. 4). О грамоте на с. Ворошино у А. Малиновского, Биографические сведения о кн. Д. М. Пожарском, М. 1817, без указания источника.

⁶ Обличения содержатся в той же грамоте, которая извещает о раскаянии Трубецкого и Заруцкого — СГГр и Д, т. II, № 281.

попытались перетянуть на свою сторону еще верные таборам южные города. В июне, вероятно, сейчас же после получения из-под Москвы покаянной грамоты, были разосланы по северским и украинским городам воззвания от земского ополчения ¹.

Эти воззвания составлены очень искусно, в полном соответствии с целью, которой ими старались достигнуть. Руководители ополчения не поскупились на обличения неправд и насилий казачьих по отношению к земщине, начиная от убийства Ляпуцова и кончая присягой Сидорке ², и рядом, как противоположность, изображали патриотическое самопожертвование земщины, собравшейся, не смотря на «грабежи и позоры» от казаков, вновь идти очищать Москву и только задержанной в Ярославле вероломной, вопреки данной ранее клятве, присягой новому Вору. Резко выдвинули они ослабление таборов, выразившееся в уходе из них «ко общему всея земли совету» в Ярославль не только воевод и дворян и детей боярских, но и атаманов и казаков, причем в число 17 атаманов, явившихся в Ярославль «из полков из-под Москвы», попали и три (из четырех), перешедшие на сторону земского ополчения под Угличем ³, и тут же отмечены успехи ополчения, занявшего своими отрядами ряд городов, подробно перечисленных с неизбежным «и иные». Преувеличенно обратив в победу в бою, и притом не просто над черкасами, но и над польскими и литовскими людьми, рассказали они случай под Антоповым монастырем и даже прибавили поход «на достальных черкас, которые стоят за Торжком» ⁴, но замолчали военные действия против казаков. Очевидно, из предосторожности даже переговоры с Новгородом изобразили, вопреки действительности, начавшимися по инициативе новгородского правительства ⁵. Призывная часть заключала слезное моление отстать от Вора, Маринки и ее сына, от которых отказались уже и подмосковные воеводы, и в соединении «со всею землею» стоять на польских и литовских людей (названные рядом в апрельской грамоте «русские воры» по понятным причинам опущены) и выбрать «общим советом» государя. Так, выдвигая отрицательные стороны поведения казаков и умалчивая о враждебных действиях против них земщины, старались руководители ополчения обратить в свою сторону умы, еще находившиеся под влиянием подмосковных таборов. И воззвания, невидимому, произвели надлежащее впечатле-

¹ Только что цит. грамота; она адресована в Путивль; северские и украинские города названы в примечании к ней в Древн. росс. вивл., т. XV, стр. 191.

² Сравнительно с апрельской грамотой — ААЭ, т. II, № 203 — против Заруцкого прибавлено еще обличение в присвоении денежной казны, привезенной из городов; разъезд дворян из-под Москвы объяснен уже не только тем, что они видели «неправедное начинание» казаков, но и «великою скудостью», которую им пришлось испытать, так как Заруцкий им казны не давал.

³ М. Чекушиников, Ф. Березкин и Б. Понов — ср. ИСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 120.

⁴ Об этом походе за Торжок и о битве с поляками не знают ни другие русские, ни польские источники.

⁵ О сношениях с Новгородом см. сл. главу.

ние: по крайней мере, еще до прихода к Москве самого Пожарского туда пришли «ратные люди из украинских городов». Правда, они пришли к Трубецкому, а не к самому Пожарскому, но, с одной стороны, и грамота затупевывала вражду между ярославским ополчением и подмосковным и даже позволяла заключать об их единодушии после отказа второго от псковского Сидорки и Марины с сыном, а, с другой стороны, новоприведших, очевидно, как людей совсем иных настроений, стал утеснять Заруцкий, и они за помощью обратились именно в Ярославль ¹.

Меж тем Заруцкий предпринял еще одну попытку разрушить земское ополчение, организовавши покушение на жизнь его вождя. Можно было бы усомниться в самом факте этого покушения на Пожарского, — настолько одиноко среди всех литературных и документальных источников стоит рассказ «Нового Летописца» о таком исключительном событии. Но обстоятельность рассказа с наименованием действующих лиц, и среди них таких, о которых имеются кое-какие сведения, заставляет отнести к данным «Летописца» с доверием. Дата покушения неизвестна, но из описания обстановки покушения — Пожарский шел осматривать «наряд», «которому итти под Москву», — можно заключать, что случилось оно перед отправлением передовых отрядов к Москве, а они были посланы, как увидим ниже, во второй половине июля ². На подробностях этого события, хорошо известного, нет надобности останавливаться. Покушение не удалось. Пожарский остался жив. Дело Заруцкого было проиграно.

Увеличение числа сторонников ярославского ополчения на юге, приход ратных людей оттуда к Москве создавали для таборов опасность быть окруженными с трех сторон и стесненными превосходящими силами земщины под столицей. Оставалось или бежать заблаговременно, что и сделал Заруцкий, или, оставшись под Москвой, капитулировать пред земскими людьми, что выбрал Трубецкой со своими единомышленниками. Так, за время ярославского стояния ополчение подготовило себе почти без открытых вооруженных столкновений победы не только в стране, но и в таборах под Москвой.

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 122.

² Из упоминаемых в Новом Летописце (стр. 121—122) участников покушения смольнянин Ив. Доводчиков сидел в осаде в Смоленске, известно и чествование его Сигизмунду — Памятники обороны Смоленска, стр. 77, 153, 243 и 249; другой «советник» присланных Заруцким казаков стрелец Шалда (Шалда — в Латухинской Степенной книге, см. Памятники нижегородск. движения, стр. 464. Ошалда — по ред. кн. Оболенского, стр. 150—151), очевидно, одно лицо со стрельцом Гр. Шалдой — Памяти. обор. Смол., стр. 190.

Глава VII

УСТРОЕНИЕ ЗЕМЛИ И СОЗДАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЯРОСЛАВЛЕ

Время стоянья земского ополчения в Ярославле было занято не только или даже главным образом не борьбою его с казачеством.

Мы уже видели, что еще в Нижнем власти ополчения приступили к организации земского правительства, что в апрельской грамоте Пожарского были поставлены на обсуждение земских людей вопросы о выборе государя и вообще о «стояньи» государства. И вот теперь в Ярославле, имея к тому возможность вследствие бездеятельности поляков и побед над казаками, руководители земского движения занялись решением стоявших перед ними вопросов организации и практическим осуществлением принятых решений. Четыре месяца пребывания ополчения в Ярославле прошли в напряженной работе над восстановлением порядка в стране, над созданием центральных правительственных учреждений, над собиранием сил и средств для самого ополчения. Эта сторона деятельности «освободителей отечества» почти совсем не отмечена авторами повестей, сказаний и записок о Смутном времени, и судить о ней, восстановить ее, — далеко не в полном виде, — можно только по отрывочным данным дошедшего до нас документального материала.

В период Ярославского стоянья ополчение не стало еще общеземским в полном смысле этого слова. К пачатому Нижним делу прикнули в это время и раньше Поморье и Сибирь, почти все замосковные города и значительная часть низовых. В состав ополчения вошли также изгнанники и беглецы с запада, из городов «от литовской Украйны»: смольяне, дорогобужане, вязьмичи, беляне; в рядах его были отряды и с юга, где и на местах находились сочувствующие его задачам ¹. Однако в большинстве города на юг и юго-запад от Москвы, а также некоторые к востоку от нее (Арзамас, Курмыш и, вероятно, Ядрин и Козьмодемьянск) признавали власть

---

¹ ААЭ, т. II, № 201, Курмышские акты, № 6; СГГр и Д, т. II, № 281 и 282; АИ, т. II, № 337; Новый Летописец, стр. 117—121; Действия Нижегород. уч. арх. ком., Сборник, т. XI (Памятники истории нижегор. движения в эпоху Смуты и земск. онолч. 1611—1612 гг.), № CXLIII и CXLIV (стр. 249—255).

подмосковных воевод¹. На северо-западе Новгород с его областью представлял особое «Новгородское государство», находившееся в каких-то не вполне определенных в то время отношениях со Швецией², а Псков и его пригороды, одно время связанные с подмосковным правительством единым «государем», а потом предоставленные самим себе, все время вели тяжелую борьбу и с «немцами» (шведами) и с польскими отрядами³. Южнее расположенный Торопец, о котором не знаем, какое правительство признавал он в то время, вел непрерывную борьбу против трех врагов: по словам его тогдашнего воеводы, «литовские и немецкие люди и русские воры прихаживали под город и к острогу беспрестани»⁴. Еще южнее, на запад от Москвы, лежала область, завоеванная Сигизмундом. На крайнем юго-востоке Астрахань имела, по сведениям московских бояр, не знаем, как долго, какого-то своего «Димитрия», а потом, вероятно, вошла в сношения с Заруцким⁵, а лежавшие выше нее на Волге городки Царицын, Саратов, Самара, забытые, повидимому, в тревогах разрухи, должны были одни бороться с осмелевшими, ввиду слабости русских, ногаями, которые даже летом 7119 г. приходили на рязанские уклады, в 7120 г. воевали Алатырский и Арзамасский уезды и которых весной 7121 г. снова ждали, по вестьям, в арзамасских местах; Саратов, повидимому, в эти годы даже временно перестал существовать⁶. При таком состоянии всей страны у земского ополчения нехватало бы сил на очищение и устройство государства, и руководители его, оставив пока в стороне не могущие оказать содействия ополчению и, наоборот, сами требующие помощи пограничные области, сосредоточили внимание главным образом на севере (от Москвы), но не упускали случая, как уже было отмечено в предыдущей главе, привлечь на свою сторону и юг, также свободный в это время от внешних врагов. Население очерченной выше территории, примкнувшей к ополчению, кроме далекой Сибири, уже

¹ Указание двух последних из cited в предыдущем примечании грамот Пожарского, говорящих о представительстве «ото всех рязанских» и «ото всех укладных городов», несомненное преувеличение сил ополчения; еще в июне—сентябре, по нашим отрывочным данным, на стороне подмосковного правительства были Болхов и Тула (Акты подмоск. ополчений, № 73—76), его грамоты имели силу в Рязанском и Серпейском у., в Рязске (Акты Юшкова, № 309—311); об Арзамасе — Арзам. поместн. акты, № 291—308 и 310 (о неисполнении предписания Пожарского), о других восточных городах — Курмышские акты, № 22.

² См. договор Новгорода с Делегарди — СГГр и Д, т. II, № 26; новый перевод со шведского в «Арсеньевских бумагах», изд. в V вып. Сборника Повгор. общ. любителей древн., 1911, стр. 3—11.

³ ПСРЛ, т. IV, стр. 330.

⁴ Четвертинки Смутного времени, стр. 252.

⁵ СГГр и Д, т. II, № 277. Как известно, после неудач на юге Заруцкий бежал в Астрахань.

⁶ О ногайских набегах — СГГр и Д, т. II, № 266, и Акты междоусобия, стр. 37—46; Архив кн. Баюшева, № 51, Памятн. снош. с Персией, т. II, стр. 164, и Арзам. поместн. акты, № 366 и 371; Дворц. разр., т. I, прилож. № 26. О Саратове — Памятн. снош. с Персией, т. II, стр. 220, 229, 241 (гарнизон его в Самаре с 7121 г.), и АИ, т. III, № 260 (упоминается «Саратовское неписище» весной 1614 г.).

дважды — при царе Василье и в эпоху первого земского ополчения — и притом более или менее объединенно выступало на защиту порядка. Эта определенная общность настроения и известная организованность облегчали, конечно, организаторскую работу руководителей ополчения. Но дела предстояло все-таки очень много.

Для установления порядка и внутреннего мира и упрочения их необходимо было прежде всего, чтобы само население не только желало, но и активно содействовало этому. Правда, вокруг ополчения довольно быстро и почти без всяких усилий со стороны его вождей объединилось больше половины тогдашней России, и, кажется, одной грамоты было достаточно, чтобы увеличить число его сторонников на юге; правда, из многих мест указанного района, а также с юга и с запада ополчение получало и материальную поддержку военной силой и деньгами, но все же не нужно слишком идеализировать тогдашнее настроение населения, не нужно преувеличивать его патриотическое самопожертвование. Понятно, что население не могло вдруг отказаться от укоренившихся, особенно в эпоху анархии и распада, привычек эгоистического поведения. И мы имеем достаточно примеров, подтверждающих это.

И в области настроения наряду с массой лиц, связывавших надежду на очищение и умиротворение отечества с земским ополчением, оставались еще и не освободившиеся от общественно вредного, парализующего действия пессимизма отчаяния. Литературным выражением его служит известный «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства», автор которого по-прежнему рекомендовал лишь нравственное обновление и усердную «с неутешными слезами и воздыханием и стенанием» молитву богу, чтобы он не предал населения «врагом в расхищение и в плен», и не только не звал к борьбе с врагами, но даже не упоминал о ней, хотя ему и было известно о собрании земских ратных людей в Ярославле и об их первых победах¹.

Наконец, не для всех еще даже на севере, не говоря уже о юге, была вполне ясной противоземская роль казаков и особенно подмосковного правительства; кое-кто из ратных людей северных городов в начале 1612 г., даже в марте, после присяги таборам Матюшке, может быть, и позже, продолжал служить под Москвой и получать пожалования за усердную службу².

При таких условиях Ярославским правителям для достижения поставленной цели нужно было, поддерживая бодрое, патриотическое настроение у своих единомышленников, побуждать к активному содействию пассивных сторонников, убеждать в необходи-

¹ С. Ф. Платонов показал, что составитель «Плача» пользовался, вероятно, поньской и уж во всяком случае апрельской грамотами Пожарского — Древнерусские сказания и повести о Смутном времени, изд. 2-е, Спб. 1913, стр. 140—144. Текст «Плача» в XIII т. РИБ, стр. 219—234, цит. слова на стр. 233—234.

² В отрывках книг только двух четей — Владимирской и Галицкой — можно найти четверых, пожалованных под Москвой в январе и феврале, и двоих — в марте 1612 г. — Четвертчики См. времени, стр. 47, 85, 106, 312, 58 и 325.

мостей жертв для спасения себя и отечества эгоистов, внушать надежду и доверие к своим силам отчаявшимся, разоблачать казацкую политику пред близорукими и неосведомленными, перетягивать на свою сторону стоявших в другом лагере. Всего этого они старались добиться при помощи грамот, главным образом так называемых окружных, и показали большое умение в каждом отдельном случае сообразоваться с обстоятельствами места и времени. Нужно вчитаться в текст грамот, разосланных из Ярославля в апреле по северным и в июне по южным городам, чтобы видеть, как искусно применительно к конкретной задаче они составлены. Выше был дан краткий анализ второй из них именно с указываемой здесь точки зрения¹. Здесь для иллюстрации высказанной мысли достаточно будет следующих сопоставлений: грамота на север, уже недружелюбный к казакам и еще более настраиваемый против них ею самою, говорила о предстоящем «стоянии», между прочим против «русских воров, которые новую кровь в государстве вчиняют», т. е. против казаков, а воззвание, имевшее целью привлечь к земскому ополчению симпатии державшихся Трубецкого и Заруцкого южных городов, дипломатично замалчивало открытые военные действия этого ополчения против казаков; первая прямо и резко обличала подмосковных воевод за присягу Сидорке; «как сатана омрачи очи их! при них Колужский их царь убит и безглавен лежал всем на видение шесть недель», вторая осторожно и безыменно упоминает о всем известной смерти Вора в Калуге и лежание его 6 недель². За отсутствием материала нельзя сказать, насколько достигали цели увещания, расхажившие из Ярославля, в каждом частном случае³, но то обстоятельство, что дело ополчения, хотя и не без шероховатостей, крепло и развивалось, свидетельствует, что усилия его руководителей в этом отношении были потрачены не напрасно. Впрочем, с другой стороны, связи населения с ополчением скреплялись скоро обнаруживавшимися благотворными для страны результатами конкретно правительственной деятельности ярославских властей.

Добиваясь единения, единодушия и содействия населения, — необходимых условий устройства государства, — Пожарский с товарищи в то же время усиленно работали и непосредственно над восстановлением порядка. Деятельность эта развивалась сразу по различным направлениям.

Большого внимания и усилий требовалось для восстановления государственного и гражданского порядка. За последние годы, когда единой признанной в стране и повелевающей ею центральной власти не существовало, на местах особенно сильно развилась самостоятельность населения, легко переходившая в самоуправство. Как это вполне естественно для эпохи распада государства, более близкие и понятные населению местные и даже чисто эгоистические

¹ См. гл. VI, стр. 104—105.

² Ср. соответственные места ААЭ, т. II, № 203, и СГГр и Д, т. II, № 281.

³ Выше, в главе VI (стр. 105), указаны гипотетически результаты грамоты к южным городам.

отдельных групп и лиц интересы выступили на первый план к явному ущербу для государственного целого. Государственные повинности, видимо, были основательно забыты населением: так, целый ряд северных, не подвергавшихся разорению, городов и областей — Вымь, Вятка, Соль-Вычегодская, Устюг — несколько лет не высылали хлебных запасов для ратных людей Сибири¹. Государственные сборы поступали очень туго и не только вследствие разорения края, как это мы видели в Нижнем и Казани, но и «за самовольством» населения в местах неразоренных, как Яренск, Вага; да и то, что собиралось в местных кассах, очень часто тратилось на удовлетворение местных нужд²; такое крайне важное дело, как постройка укреплений на Белоозере для защиты западной границы, тормозилось вследствие нежелания отдельных групп помочь в этом белозерцам³; даже указы ярославских правителей, если они затрагивали материальные интересы населения, не всегда приводились в исполнение⁴. Сильно распался за годы анархии и без того не особенно прочный общеправовой уклад жизни, ослабели и раньше не отличавшиеся крепостью гарантии безопасности личности и ее прав. Власти не только попрежнему, если не сильнее, притесняли, где могли, население⁵, но даже, «изождая» такое время, перестали считаться с жалованными грамотами прежних государей⁶. Не уступало властям и население. Не говоря уже о казачьих и разбойничьих шайках, сами мирные обыватели, посадские и крестьяне, увлекаемые возможностью легко и сравнительно безнаказанно поживиться, шли на грабеж и разбой вплоть до убийства⁷. Служилые люди отнимали друг у друга поместья, опираясь на жалованные грамоты, выпрошенные у Сигизмунда, или у бояр в Москве, или у Трубецкого и Заруцкого, а то и раньше в Тушине⁸.

¹ АИ, т. II, № 337.

² О Нижнем и Казани данные приводились выше — см. стр. 37 и 80; об Яренске — ААЭ, т. II, № 213; о Ваге — АИ, т. III, № 3. С. Б. Весселовский, Акты подмоск. ополчений, стр. V — VI.

³ Акты подмоск. ополчений, № 72; ААЭ, т. II, № 206.

⁴ Так, несмотря на приказ из Ярославля, назначенный в Тобольск воевода не получил жалованья «на Тотьме, в Перми Великой и у Соли Камской» — Четвертчики Смутн. вр., стр. 300—302.

⁵ Очень характерна жалоба арзамасцев на дьяка и подьячих — Памятники истории нижегород. движения, № CLIII; из Белозерского у. присылали выборных бить челом на воеводу — Акты подмоск. ополч., № 115; даже, воспользовавшись вдовством архиеп. кафедры в Суздале, архиеп. дети боярские и подьячий хозяйничали своскорыстно и тесня свою же братью — архиеп. детей боярских — в ее вотчине — А. до ю. б., т. II, № 230, VIII.

⁶ ААЭ, т. II, № 204 и 205 (последн. также и в Географич., историч. и статист. описаниях Соловецк. мон., ч. III, стр. 89—91).

⁷ Акты подмоск. ополчений, № 101; АЮ, № 50; Липинский, Углицкие акты, № 6. Географич., истор. и статист. опис. Солов. мон., ч. III, стр. 91—94; АИ, т. II, № 338 (также Акты гражд. расправы, т. I, № 91); Описание актов собрания гр. А. С. Уварова, отд. I, № 90 (также в Сборнике Муханова, изд. 2-е, № 139).

⁸ Эти правительства нередко совсем не проверяли, жив ли владелец поместья, просимого другим, кому служит он. В цит. списке пожалований Сигизмунда (АЗР, т. IV, № 183) есть не мало примеров возвращения поместий их прежним владельцам по их челобитьям. Там же много случаев пожа-

Имеются документальные свидетельства и о других более легких и обычных видах присвоения чужого имущества ¹.

Приведенные очень отрывочные и случайные данные, нарочно подобранные только о районе правительственной деятельности ярославских властей, позволяют все-таки составить некоторое представление о внутреннем распаде и разладе на территории, население которой во время Смуты выказало наибольшую приверженность к порядку.

Ополчению с его задачами очищения и устройства государства необходимо было подчинить своему влиянию и руководству деятельность местных миров и направлять ее в интересах целого; вопросом самого существования было для него сосредоточение в своих кассах возможно больших сумм, настоятельной потребностью страны было установление условий, более или менее благоприятных для возрождения сильно сокративших свои размеры за время Смуты земель, торговли и промыслов ². Для осуществления всего этого нужно было иметь на местах верных делу ополчению и снабженных достаточной силой проводников велений и стремлений его руководителей, нужен был вместе с тем и хорошо организованный, сильный и авторитетный центр. Меж тем местное управление находилось в расстройстве: где нехватало воевод или дьяков, где они не имели нужной им силы, а где эти должности были заняты лицами ненадежными или даже враждебными земскому ополчению. Что же касается центра, то он был только в виде силы — самого ополчения, но в смысле организованного правительства его в момент прихода Пожарского в Ярославль, можно сказать, не существовало.

Руководители земской рати быстро принялись за дело. Еще по дороге в Ярославль Пожарский, как мы уже видели, сменил воеводу и дьяка в Костроме и послал воеводу с отрядом в Суздаль ³. То же продолжалось и в Ярославле: воеводы из ополчения с отрядами появились на Устюжне в апреле ⁴, в Угличе — не позже начала мая ⁵ и в Переяславле-Залесском — в мае ⁶; на Белоозеро был послан в апреле дьяк ⁷, а позже, уже с дороги в Москву, еще

лований одному лицу владений другого (во II главе — см. стр. 41 — уже приводились подобные данные о нижегородцах). Из практики подмоск. правительства такие примеры также имеются: Акты Юшкова, № 299 и 308, Угличские акты Липинского, № 1 (о том же и № 2).

¹ АЮ, № 36; Акты подмоск. ополчений, 102, 103.

² Ю. В. Готье, Замосковский край в XVII в., гл. III; к сожалению, в собранном здесь материале нельзя выделить данных до 1612 г. См. также ниже.

³ Новый Летописец, стр. 119; Разр. записи за См. вр., стр. 107.

⁴ Акты подмоск. ополч., № 71—72. Дм. Погожий прислан был, видимо, в прибавку для ратных дел к бывшему здесь П. Загряжскому (Разр. зап. за См. вр., стр. 107).

⁵ СГГр и Д, т. II, № 281, и АЮ, № 36.

⁶ СГГр и Д. — *ibid.*, Новый Летописец, стр. 121; АЮ, № 219, II, и Разр. зап. за См. вр., стр. 107.

⁷ Акты подмоск. ополч., № 70.

воевода, вдобавок к бывшему там ¹; были назначены воеводы на смену старым в Тобольск, — неизвестно когда ², и, до июня, — в Ростов, повидимому, не имевшего тогда воеводы ³; кроме того, воеводы с отрядами были разосланы — до июня же — во Владимир, Кашии, Тверь, Касимов и «в иные города» ⁴. То обстоятельство, что в этом небольшом списке наряду с городами, пограничными для территории ополчения (Белозеро, Устюжна, Владимир, Касимов и др.), имеются и такие, как Кострома, Ростов, Тобольск, ясно свидетельствует, что при назначениях воевод в Ярославле во всяком случае имели в виду не только оборону и военные действия, — хотя и они должны были обеспечивать возможность мирной жизни и устроительской работы, — но и восстановление или устроение местного управления. Эта же цель, очевидно, имела в виду и при назначениях в пограничные города: у нас нет сведений о том, был ли вообще какой-нибудь воевода до присылки из Ярославля, например, в Касимове, о Капине же положительно знаем, что воеводы в нем в это время не было, а городу как раз в январе 1612 г., пришлось пережить разгром от «литовских людей» ⁵. Несомненно, водворению земского порядка служило замещение казачьих воевод земскими в Суздале и Переяславле; дьяк в Белозеро назначался прямо быть «у земских у всяких дел», и назначение сюда же специального ратного воеводы Образцова давало возможность больше «о всяком земском деле промышлять» бывшему уже там воеводе Чепчугову ⁶.

Одновременно с назначениями воевод в Ярославле энергично работали над организацией приказов. При крайней скудости материала, состоящей по отношению к данному вопросу не только в том, что известно мало грамот и других документов ярославского периода, но и в том, что многие из них не имеют дьячьих скреп и приписей, нельзя установить точно время и последовательность появления отдельных приказов и указать состав их. Но во всяком случае работа и в этой области была начата сейчас же по прибытии в Ярославль и велась так, что по возможности старались использовать специальное знакомство дьяков с тем или иным приказом.

¹ Новый Летописец, стр. 123. Вопреки этому свидетельству С. Б. Веселовский относит назначение Гр. Образцова к 18 ноября ссылаясь на грамоту, напечатанную им в Чтениях Общ. ист. и древн., 1907, кн. I, Смесь, стр. 30 (цит. Акты подмоск. ополч., стр. 100, в прим. к № 83). Но грамота эта только разграничивает компетенцию воевод, очевидно, ввиду каких-либо недоразумений между ними, а Образцов уже в конце сентября пришел на Вологду с Белоозера. Описание Вологодск. Спасо-Каменн. мон., Вол. 1885, стр. 42—44.

² Четвертчики См. вр., стр. 300 и сл.; Разр. записи за См. вр., стр. 168.

³ СГГр и Д, т. II, № 281. Ростов до конца января был в руках поляков (см. гл. V, стр. 89—90). Воеводой в этот город из Ярославля был послан, по-видимому, бояр. кн. Андр. Петр. Куракин — см. ниже.

⁴ СГГр и Д, т. II, № 281.

⁵ И. Я. Кункин, Город Кашии. Материалы для его истории, вып. I (в чтен. Общ. ист. и древн., 1903, кн. IV и отд.) № 1 и 17.

⁶ Цитаты из указанных уже грамот — Акты подмоск. ополч., № 70 и Чтен. Общ. ист. и древн., 1907, кн. I.

Под грамотой ополчения 7 апреля имеются между прочим подписи четырех дьяков: Сем. Самсонова, Ив. Болотникова, Андр. Вареева и Мих. Данилова, из которых Болотников занимал в то время должность городского дьяка в Ярославле¹. Кроме названных, в Ярославле находился тогда еще первый по времени дьяк в ополчении — Вас. Юдин. Этот последний, как показал уже С. В. Веселовский, и ведал вначале города Галицкой и Новгородской чети, но позже в Новгородской чети был посажен долго сидевший в ней раньше дьяком (1607–1611 гг.) Андрей Ивандов². Хорошо знавший по прежней дьячьей службе разрядные дела А. Вареев и некоторое время бывший в Разряде при Шуйском Мих. Данилов были и в Ярославле, повидимому, разрядными дьяками; может быть, их товарищем был и Сем. Самсонов, с именем которого нет грамот ярославского периода, но который позже в Москве сидел в Разряде³. Знарок поместного права и практики, дьяк Поместного приказа с 7113 почти непрерывно по 7120 г., Гер. Мартемьянов был поставлен в Ярославле во главе Поместного же приказа; товарищем он имел Фед. Лихачева⁴. Дьяк Семен Головин, очевидно, ведал Сибирь и, вероятно, вообще всю присоединившуюся к ополчению часть района Казанского дворца, в ведомстве которого состояла тогда Сибирь⁵. Известны еще Дворцовый приказ (Вольшой дворец) с дьяками Никиф. Емельяновым и Патрик. Пасоновым и даже особый Монастырский приказ с судьей Тим. Андр. Витовтовым и дьяком Никитой Дмитриевым⁶. Совсем недавно Л. М. Сухотиным указано на устройство ярославскими властями Денежного двора⁷. Вероятно, был создан в Ярославле и Посольский приказ; известны ведь сношения ополчения с «Новгородским государством», обращение к императору австрийскому; дьяком посольским, может быть,

¹ ААЭ, т. II, № 203. О службе Болотникова в Ярославле — Акты подмоск. ополч., № 53 и 57 (январь 1612 г.) и Акты времени междоусобицы, стр. 57 и 58 (август 1612 г.). Биографич. справки о всех этих и ниженазванных дьяках — см. прилож. 1.

² С. В. Веселовский, Акты подмоск. ополч., стр. XI—XII, кроме указ. здесь грамоты Ивановым подписана грамота на Двину же от 4 июля — АИ, т. II, № 338.

³ С подписью Вареева грамота на Белоозеро по поводу постройки укрепления — ААЭ, т. II, № 206, от 5 мая; с именем Данилова — о назначении дьяка на Белоозеро от 14 апреля — Акты подмоск. ополч., № 70; и о невзятии ратных людей и запасов с Солигалицких вотчин Симонова мон. — АИ, т. II, № 336 (то же в Описании актов собрания гр. А. С. Уварова, ЛИ, отд. I, № 89). О Самсонове в Разряде в Москве в 121 г., например, Четвертинки См. вр., по указателю.

⁴ Акты нижегородского Печерского мон., изд. А. А. Титовым, стр. 43—44 (18 июня); подпись Мартемьянова еще под грамотой 22 июля — Акты Юшкова, № 308.

⁵ Со скрепой Головина грамота на Верхотурье от 26 мая — АИ, т. II, № 337, за его же приписью присланы были в Верхотурье списки с новгородских грамот — Чтен. в Общ. ист. и древн., 1905 г., кн. IV, смесь, № 8.

⁶ О Дворцовом приказе — Акты подмоск. ополч., № 72, и на стр. 169 под № 40 (16 июня и 10 июля); о Монастырском — А. до ю. б., т. II, № 230 VIII (12 июля), и ААЭ, т. II, № 209 (25 июля).

⁷ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (столбцы Печатного приказа), М. 1915, стр. XVIII и 19 (№ 246).

и в Ярославле был Савва Романчуков, который на походе к Москве вел переговоры с «цемчином» Як. Шавом и с конца 1612 г. прямо указывается в Посольском приказе ¹. Документально неизвестно, были ли в Ярославле еще какие-нибудь приказы с другими дяками или же в ведении только что названных; не знаем мы даже и имен иных, кроме отмеченных, дяков в ополчении. Но при скудости материала приведенные данные, свидетельствуя об энергичной организационной работе руководителей ополчения, дают некоторую почву для предположения, что в Ярославле были устроены и некоторые другие приказы, необходимые для ополчения, как Судный приказ, остальные чети и др., только до нас не дошло о них никаких положительных свидетельств.

Вновь созданным приказам пришлось действовать в крайне неблагоприятной обстановке — в период еще не закончившейся организации их, без архивов и даже документов текущего делопроизводства, вроде десятиц, прихода-расходных книг и пр., с едва ли достаточным количеством приказных. И все же при содействии на местах воевод и населения ярославские правители при помощи этих приказов сумели развить энергичную деятельность в области устройства самого ополчения, управления и устройства страны.

Силы ополчения продолжали возрастать и в Ярославле. Кроме известных уже нам составных частей основной рати, с которой Пожарский выступил из Нижнего, и кроме названных в своем месте отрядов, присоединившихся по дороге ², а также ярославцев, можно указать целый ряд повоевавших. Во время военных действий против казаков в распоряжении Пожарского были отряды из Романова мурзы Кутумова и с Вологды П. Мансурова, в составе отряда которого были и галичане; позже вологжане и галичане пришли с Пожарским под Москву, и участие их в очищении Москвы засвидетельствовано пожалованиями им в 121 г. и позже за подмошковые службы 120 и 121 гг. ³. В апреле пришел в Ярославль сибирский царевич Араслан «с сибирскою многою ратью с татары и с казаки и стрельцы», — как говорит грамота Пожарского в Новгород ⁴. На основании этого же дипломатического документа можно заключить, что к концу апреля успели собраться в Ярославле отряды служилых людей из нескольких западных замосковных городов:

¹ О сношениях ополчения ниже. Упом. Романчукова в Актах времени междоусобицы, стр. 52 и 53, и Актах подмоск. ополчений, стр. 170—171.

² См. выше, гл. III, IV и V.

³ СГГр и Д, т. II, № 281; АИ, т. II, № 336. Вологда называется в числе городов, от лица которых посланы представители в первое посольство в Новгород. — Памятн. ист. нижегор. движ., № CXLIII и CXLIV. О пожалованиях вологжанам — Кормленная книга Костромской чети в XV т. РИБ, стр. 71 и 134; Четверткин Смутн. вр., стр. 86, 96, 112, 145, 157 и 301. О галичанам — Кормл. кн. Костр. чети, стр. 8; изд. *Зерцаловым* материалы в Чтен. Общ. ист. и древн., 1900, кн. II, стр. 35—39, 42 и 43, и Четверткин См. вр. стр. 82—83, 87, 99—100, 128, 134, 142—143, 155, 156, 181, 182, 283—284, 319, 324, 325, 328—330 (сведения частью повторяются).

⁴ Памятн. ист. нижег. движ., № CXLIV, и его подпись под тогда же посланной грамотой Делегарди, № CXLIII.

твери, Кашина, Углича, Торжка, Старицы, из разоренных Ржевы, Волока-Ламского, Зубцова, Можайска. Даже более далекие и более разоренные беляне (дворяне и дети боярские города Белой, или Белого, из городов «от литовской Украйны») были уже в это время в составе ополчения. И косвенным подтверждением этого указания может служить вытекающее из известных теперь очень отрывочных и частью поздних данных об одних лишь четвертиках и всего трех четах свидетельство о присутствии под Москвою осенью 1612 г. дворян всех этих городов (нет сведений только о Торжке), очевидно, пришедших сюда из Ярославля с Пожарским, ибо в рати Трубецкого земских людей почти не было ¹. Указанная грамота в Новгород, вероятно, с дипломатическим преувеличением и без определенных указаний, говорит, что один из членов посольства посылается и «ото всех поморских городов». В цитируемом месте речь идет о представителях от городского дворянства ², и оно дает основание полагать, что в Ярославле в это время были какие-то служилые люди из поморских городов, но нет никаких данных, которые позволяли бы решить вопрос, были ли это выбранные в «совет», созданный в Ярославле, или то были отряды, хотя бы небольшие; во всяком случае в ополчении Поморье, почти совсем не имевшее дворянско-служилого элемента, было представлено главным образом даточными людьми и, может быть, еще стрельцами ³. Вполне вероятно, что дворянские отряды с территории, присоединившейся к ополчению, а, может быть, из других мест, приходили в Ярославль и после апреля. По крайней мере, в указанных выше материалах о четвертиках при всей их отрывочности находим по нескольку человек детей боярских Луха, Клипа, Дмитрова и некоторых других городов, пожалованных за подмосковные службы 120 и 121 (1612) гг.

¹ Выше цит. грамоты; о белянах в Ярославле еще и Четвертики См. вр., стр. 257. В цитируемых ниже изданиях о четвертиках имеем довольно большую, но все-таки начиная с оклада в 20 рублей (и ниже), часть Кормленной книги Костромской чети, законченной составлением в 7135 г., меньшие доли книг Галицкой чети 7121—7125 гг. и очень небольшие отрывки книги Владимирской чети; о чети Устюжской совсем нет никаких данных; Новгородская четь, сколько известно, четвертиков не имела (см. ст. С. Б. Веселовского, Приказный строй управления в Моск. госуд. в III т. Русской истории в очерках и статьях под ред. М. В. Довнар-Запольского). О дворянах и детях боярских тверичах — Кормл. книга Костр. чети, стр. 97 и 98; Четвертики Смутн. врем., 49 и 314; о кашинцах — Кормл. книга Костр. чети, стр. 138 и 156; Четвертики, 66; об угличанах — 17 стр. первой и 330 — второй; о служ. людях Старицы и Волока-Ламского — Четвертики, стр. 141 и 200, а Зубцова — Кормл. кн. Костр. чети, 41 (все единичные, вероятно, по отрывочности и специфичности материалов случая); о дворянах Ржевы Володимирской — Кормл. кн. Костр. чети, 26 и 128, и материалы *Зерцало*, 41; о можайчанах — 60 и 173 стр. в Кормл. кн. Костр. чети и 63, 64, 92, 99, 107—108, 118 (и 137), 152, 165, 177 и 188 в Четвертиках.

² Выше идет речь о столичных чинах, ниже — о служилых татарах, иноземцах и посадских.

³ М. М. Богословский, Земское самоуправление на русск. севере, т. I, стр. 98. Имеется документальное свидетельство о сборе даточных людей — АИ, т. II. № 336 (то же в Описании актов, собр. гр. А. С. Уварова, АИ, М. 1905, отд. I, № 89), см. о нем ниже.

или получивших, все равно за какие службы, награды «при боярех» в 121 (1612 — 1613) г.¹

Но не одни дворяне и дети боярские собирались под знамена Пожарского. На службу в Ярославль шли и другие служилые люди. Кроме названных выше романовских и сибирских татар, казаков и стрельцов из Сибири, были в составе ополчения татары касимовские, темпиковские, кадомские, алатырские и шацкие², были и иноземцы и не только нижегородские³. Города посылали, очевидно, к Пожарскому отряды стрельцов⁴. Продолжали вступать в земское ополчение и казаки не только полка ки. Прозоровского, но из враждебного отряда под Угличем и даже «из полков из-под Москвы»⁵. Наконец, кроме людей воинских были собраны для ополчения и даточные: известно, что их, и в немалом количестве — по 44 человека с сохи — велено было собрать с монастырских вотчин⁶; исходя из естественного желания руководителей ополчения иметь под рукою возможно большие силы, можно полагать, что предписание это, с вариациями в количестве, распространялось не на одни вотчины монастырей, но крайней мере, в местах не разоренных. В некоторых местностях, может быть, сбор даточных для ополчения заменялся сбором их для пополнения местных гарнизонов: так, с Двинской земли были посланы ратные люди (даточные с крестьян) в Каргополь, с Шуи суздальский воевода взял «с посаду даточных в Суздаль 5 человек да носошных два человека»; и одним из оснований в пользу освобождения вотчинки Симонова монастыря от дачи ратных людей помимо разоренья его архимандрит выставлял то, что «с тое вотчинки, с их (монастырской) доли стоят у них на Вологде... два человека»⁷.

Нет достаточных данных, чтобы с точностью определить численность всей рати, собравшейся в Ярославле, и соотношение частей ее. Только величину казачьего отряда можно учесть с некоторым приближением. Июньская грамота на юг называет имена 17 атаманов, вошедших со своими станицами к этому времени в состав зем-

¹ О лушанах — Кормл. книга Костр. четв. стр. 17: Четвертчики Смутн. времени, стр. 64 и 326; о клинниках — стр. 8 и 89—90 первой; о дмитровцах — стр. 1 и 15 первой и 114 и 286 вторых. Мною намеренно выбраны города, служилые люди которых не значатся в списке бывших с Трубецким под Москвою от 3 ноября 1611 г. (АМГ, т. I, № 45) и среди пожалованных «при боярех» в 120 г.

² Памятники истории нижегор. движ. выше цит. апрельские грамоты.

³ Ibid.; посланный в Новгород Ив. Гр. Погаливский, или Гр. Ив. Погачевский, не встречается в списках нижегор. иноземцев, как и 5 иноземцев, пожалованных «при боярех», — Четвертчики, стр. 111, 139 и 273.

⁴ Стрельцы всегда упоминаются в перечнях чинов ополчения. Известно, что 100 стрельцов осталось в Ярославле из отряда Биркина, — Новый Летописец, стр. 120.

⁵ О казаках Прозоровского — Акты подмоск. ополч., № 53, АЮ. № 36; об остальном см. выше, гл. VI, стр. 102—103.

⁶ АИ, т. II, № 336.

⁷ С. Б. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег, прилож. № 8; Акты подмоск. ополч., № 84, и АИ, т. II, № 336.

ского ополчения¹. Указание «и иные», заканчивающее этот перечень, вряд ли скрывает за собой много неназванных имен. В интересах эффекта, которого старались добиться этой грамотой, важно было дать в ней по возможности полный список. И из других источников² знаем только еще трех атаманов полка Пожарского, но из них лишь один перешел на службу к Пожарскому до составления этой грамоты, а двое других, может, и позже³. О величине казачьих станиц имеется довольно много сведений. Так, Евст. Петров, один из атаманов полка Пожарского, в начале 1613 г. имел под своим началом 200 казаков. Но его станица, видимо, исключительная по величине. По крайней мере, у двух атаманов, посланных из ополчения с Образцовым на Белоозеро, было лишь у обоих 200 человек; у семи атаманов, коим было велено в 1612—1613 гг. собирать кормы на Балахне, числилось 1 140 казаков, т. е. по 163 на атамана в среднем; станица Андр. Шилова состояла из 130 человек, а Як. Моисеева — всего из 75 казаков; в 1615 г. под Смоленском две самые большие станицы насчитывали 149 и 145 казаков, еще у двух атаманов было 113 у одного и 102 — у другого, отряды остальных не имели в своем составе сотни человек⁴. Соответственно этим данным и можно, кажется, без особенно значительной погрешности считать, что в Ярославле собралось около 3 000 казаков. Эта цифра, как увидим ниже, будет находиться в согласии и со сведениями о числе казаков в Москве в ноябре 1612 г. Что же касается земской рати, то определить ее величину даже и с таким приближением нельзя. Можно только предполагать, руководствуясь некоторыми побочными соображениями, что если еще в Нижнем в октябре из одних лишь местных сил и пришедших со стороны смольнян, дорогобужан и вязьмичей Пожарский мог составить отряд тысячи в три, то после присоединения и в Нижнем, и по дороге, и в самом Ярославле отрядов из целого ряда городов в ополчении собралось, несмотря на рассылку воевод с ратными людьми на постоянную службу в наиболее опасные пункты, вероятно, около 10 тыс. человек разного рода служилых людей, не считая даточных и казаков. Ведь известно, что Пожарский на походе к Москве, осведомленный, по всей вероятности, о численности войска Ходкевича, у которого

¹ СГГр и Д, т. II, № 281. О многих из названных здесь атаманов имеются и другие свидетельства, например, Дворц. разр., т. I, ст. 1054, 1161; АМГ, т. I, № 52 и 55; Акты подмоск. ополч., № 97 и 99; Новый Летописец, стр. 120.

² Новый Летописец, стр. 120 — Олешка Кухтин, перешедший в ополчение под Угличем; Дворц. разр., т. I, ст. 1054 и 1160.

³ Можно указать еще двух казачьих атаманов «полку Пожарского» — Як. Моисеева (Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 116) и Кир. Малыгина (Дворц. Разр., т. I, ст. 1190), но также не известно, когда они вошли в рать Пожарского. — Данной здесь приблизительной цифры новые сведения не могут более или менее значительно изменить (позднейшее примечание автора. — Н. Р.).

⁴ Дворц. разр., т. I, ст. 1054, 1114—1115; ААЭ, т. II, № 218 и 216, I и II; определенное указание на 130 человек в станице Шилова дает неизданный еще акт из хранящейся в Археограф. ком. коллекции Строева — по описи М. Г. Курдюмова (Летопись занятий Археогр. ком., вып. XVII, стр. 379), отд. LX, Росписи, № 6; Книги разрядные, т. I, ст. 92—94.

было до 12 тыс., счел все-таки возможным отослать довольно значительный (в 600—700 человек) отряд на Белоозеро. По данным более поздним — 1632 г., одних дворян и детей боярских в городах, присоединившихся с областью к общеземскому делу или только приславших отряды в ополчение, можно насчитать свыше 8 000 человек, но мы совсем не знаем, в большинстве случаев, какие поправки в цифры 1632 г. нужно внести для 1612 г. и, главное, сколь многие из бывших тогда налицо вошли в рать Пожарского. Относительно же стрельцов можно думать, что из отряда Пожарского была главным образом, если не исключительно, та 1 000 стрельцов, которая в ноябре 1612 г. стояла в Москве, ибо в войске Трубецкого, судя по указаниям пожалованных при нем и бывших при нем сотников стрелецких, стрельцов было очень немного¹. Во всяком случае ратных людей в Ярославле с прибытием Пожарского оказалось так много, что они не могли разместиться в городе и на посадах; для них были выстроены два особых лагеря, и все-таки теснота и скученность были столь велики, что в мае вспыхнула эпидемия, Впрочем, скоро прекратившаяся².

Собирая рать, руководители ополчения старались обеспечить ее всем необходимым. «Наряду» собрано было в Ярославле, очевидно, довольно много, так что Пожарский счел возможным отправить 12 писалей в суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь³. Конечно, были приняты меры к сосредоточению в Ярославле достаточного количества боевых припасов, хотя в наших стрывочных данных и не сохранилось сведений об этом⁴. Велено было брать «для земские службы в Ярославль», т. е., очевидно, для надобностей ополчения, лошадей, не знаем, со всех ли земель или только монастырских, со всей ли территории или с части ее⁵; предписывалось править, судя по аналогии с фактами ближайшего будущего, в определенных размерах с сохи «запас всякой» «корм людской и конской»⁶; занасали, повидимому, и материал для одежды⁷.

¹ О войске Ходкевича и стрельцах в Москве см. ниже. Данные 1632 г. в не раз цит. Сметном списке 140 г. — Военно-историч. вестник, 1910, № 9—10, стр. 60—61 и сл. В ноябрьском списке 1611 г. у Трубецкого указаны всего два сотника (АМГ, т. I, 45), и числе пожалованных в 120 г. тоже два других (Четвертчики Смутн. врем., стр. 44 и 56), но один из них саратовский, а мы уже знаем, что саратовские стрельцы были в Самаре (см. стр. 107, прим. 6).

² С. Серебряников. Кн. Дм. Мих. Пожарский и нижегород. гражданин К. М. Сухоруков в Ярославле в 1612 г., в Ярославском литературном сборнике 1850 г., Яр. 1851, стр. 46, 50—51.

³ «Суздаль и его достопамятности» (Труды Владим. Арх. ком., кн. 14, стр. 48).

⁴ Поставщиком зелья и свинца и раньше и позже была Вологда; другие города, видимо, испытывали нужду в них — АЭ, т. II, № 201; Доп. к АИ, т. I, № 175.

⁵ Документ говорит о вотчине Федоровского под Перемышлем-Залесским монастырем, но сбор, видимо, посолный — АЮ, № 219, II.

⁶ Цит. АИ, т. II, № 336; сбор запасов был назначен вообще с черных сох, как видно из более поздней грамоты по тому же поводу — *ibid.*, № 339, о количестве припасов, взымавшихся с сохи позже — в декабре-январе, — см. АЮ, № 339, VII.

⁷ Сукнами наряду с деньгами награждали Пожарский и Минин послов из-под Москвы — Новый Летописец, стр. 122, 123.

Не меньше заботились ярославские правители о вознаграждении ратных людей. В руках Пожарского был теперь значительный земельный фонд, который и был пущен, по, кажется, с большой осторожностью и эконоимей¹, в раздачу служилым людям. Смольнянам, как бы во исполнение соответственной статьи приговора 30 июня 1611 г. и взамен неудачного первого искомещения, начали давать поместья². Кроме того, в Ярославле, — не знаю, по отпущению ли только к участникам ополчения или же захватывая более широкий круг дворянства, — было произведено верстанье денежными и поместными окладами дворян и детей боярских, ранее не верстанных³, давались поместья лицам, их не имевшим⁴, назначались придачи за новые службы уже поверстанным⁵, наконец, принимались по челобитьям потерпевших меры к возвращению старым владельцам поместий, упрощенных другими по ложным челобитьям какому-нибудь правительству⁶. Но осталось и денежное жалованье. Казаков, видимо, предпочитали наделять деньгами и хлебом довольствием и даже, идя в этом отношении дальше Ляпуновского приговора, отбирали у них полученные ими раньше поместья⁷. Деньги же, кроме содержания, получали и стрельцы⁸. Разоренных и оставшихся без поместий белян Пожарский и Минин поверстали, как раньше смольнян, дорогобужан и вязьмичей, высоким денежным жалованьем: «большой статье по 27 рублей, а другой по 26 рублей, а третьей по 24 рубли»⁹. Вероятно, как-нибудь также были поверстаны и можанчане, официально вместе со смольнянами, дорогобужанами, вязьмичами и белянами признанные разоренными еще приговором 30 июня 1611 г.¹⁰

Таким образом, и при наличности земли на жалованье ратным людям требовались значительные денежные средства. Нужны были они и на содержание приказов и пр. Суммы, собранные Мининым

¹ См. характерное в смысле осторожности предписание о даче в счет поместья Скрышеву реки — Акты Печерск. монастыря, стр. 43—44. Экономия сказалась в отобрании казачьих поместий — см. сейчас же ниже.

² Четвертчики См. вр., стр. 270—272; искомещение смольнян предусматривалось 18-й статьей приговора 30 июня—Минин и Пожарский, стр. 272—273.

³ Четвертчики Смутн. вр., стр. 195 (здесь и указание на утерявшиеся уже к 1614 г. «верстанные списки» ярославские) и 208.

⁴ Акты Печерск. мон., стр. 43—44.

⁵ Четвертчики, стр. 314.

⁶ Акты Юшкова, № 308; А. до ю. б., т. II, № 232; *Липинский*, Углинские акты, № 1 и 2 (относятся уже к началу сентября).

⁷ Четвертчики См. врем., стр. 270—272; Вас. Хромов (Хромой?) и Вас. Савельев одно и то же лицо (Акты подм. ополч., № 97); год дачи ему поместья кн. Трубецким указан неперно: нужно 7120. О денежном жалованье казакам говорит и грамота-ответ иностранцам — СГГр и Д, т. II, № 285. В силу 17-й (по делению Забелина) статьи приговора 30 июня старые казаки могли при желании получать поместья — Минин и Пожарский, стр. 275. Вас. Хромой называется в июньской грамоте Пожарского в числе атаманов, приехавших в Ярославль из-под Москвы — СГГр и Д, т. II, № 281.

⁸ Это был обычный способ их вознаграждения; см. также цит. № 285, II т., СГГр и Д.

⁹ Четвертчики См. вр., стр. 257.

¹⁰ Минин и Пожарский, стр. 273.

в Нижнем и по дороге в Ярославль, сразу же были исчерпаны: сейчас же по приходе в Ярославль Пожарский жаловался в грамоте 7 апреля, что деньги, бывшие в Нижнем, уже «розданы дворянам и детям боярским и всяким ратным людям», а новоприезжим, также бьющим челом «всей земле о денежном жаловании», уже «дати нечего»¹. И для удовлетворения нужды ярославские правители энергично старались сосредоточить поскорее в своих кассах все текущие государственные сборы, старались взыскать где можно, и недоимки прошлых лет², убедительно просили они жертвовать по примеру нижегородцев, сверх обязательных окладных денег³. Но плохое ли или медленное поступление сборов, или слабый приток пожертвований⁴, или же, наоборот, слишком значительные траты, не покрывавшиеся всеми сметными и сверхсметными доходами, или же, вернее, все эти обстоятельства вместе заставили и в Ярославле прибегнуть к ставшему уже обычным в Смутное время средству — пригудительному займу. В Соловецком архиве хранится до сих пор неизданная расписка Пожарского в займе денег у этого богатого монастыря⁵.

Так разнообразны были меры, принятые руководителями ополчения для обеспечения ратных людей. Старец Авраамий (Палицын) с нескрываемым порицанием осудил эти заботы об «учреждении» войска в Ярославле, в то время как под Москвой «все (?) от голода» изнемогали⁶. Но благодаря им земская рать оказалась под Москвой в очень хорошем состоянии, что с злобною завистью и отметили наголодавшиеся и обносившиеся казаки Трубецкого в своем отказе помочь земским людям в бою с Ходкевичем: «богати пришли из Ярославля, — говорили, по словам летописца, казаки, — и сами одни отстоятся от атмана»⁷. Кроме того, «учреждение» рати незаметно сливалось с устройением страны, поскольку, по крайней мере, оно было землеустройством главенствовавшего тогда дворянского элемента.

К устройению же государства устройство рати приводило и с другой стороны. Сборы натурой и деньгами, даточные люди взимались

¹ ААЭ, т. II, № 203.

² Акты подмоск. ополч., № 119, на стр. 164—170. На основании этого материала можно предполагать, что в Галицкий у. были посланы специальные сборщики, налоги собирались еще до окончания года, взыскивались и недоимки за 7119 г.

³ Призыв к ним в цит. апрельской «окружной» грамоте — ААЭ, т. II, № 203.

⁴ Судя по грамоте в Яренск от 4-го октября, из этого города (да и только ли из этого?), несмотря на многократные напоминания, «ничего не присылавали» в ополчение даже из таможенных, оброчных и прочих доходов; в этой же грамоте и новый призыв к жертвованию «сверх окладных денег» — ААЭ, т. II, № 213.

⁵ Об этом сообщил проф. И. А. Шляпкин на общем собрании Общества любителей древней письмен. 7 января 1900 г. — См. отчет Общ. за 1899—1900 гг., стр. 16. Здесь же указание на расписки Скопина-Шуйского; известны займы, в Троице-Серг. мон. Бориса Годунова, Самозванца и Шуйского — РИБ, т. XIII, изд. 2-е, стр. 1175—1176.

⁶ РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1211.

⁷ Новый Летописец, стр. 124.

по старому сошному письму. Но за время Смуты во многих местах, где действовали власти ополчения, особенно в Замосковном крае и на территории понизовых городов, сильно сократились размеры напаш «в живущем», заметно уменьшилось население в городах и уездах, пала торговля. Выше уже приводились данные о Нижнем и его уезде, об оскудении Казани и разоренье Суздальского уезда. Можно прибавить еще несколько конкретных примеров: в самом Суздале на 97 дворов жилых (из них 19 дворов нищих) приходилось 311 запустевших, благодаря чему против прежнего дозора 7081 г. убыло 2 сохи без чети сохи и осталось всего полсохи; в Твери вместо $3\frac{17}{32}$ сохи по письму 7097 г. оказалось в 121 г. всего $\frac{9}{16}$ сохи; в вотчинных, поместных и монастырских землях Владимирского уезда из 22 почти сох старого оклада осталось к 122 г. менее 5 сох; в Бежецком-Верху из 12 деревень с. Шаблыкина в марте 1613 г. лишь 5 было «со крестьяны», остальные 7 совершенно запустели¹. При таком состоянии названных и других, конечно, мест на остававшихся тяглецов возлагалось весьма тяжелое бремя, и даже при желании быть аккуратными плательщиками, что, как уже отмечалось выше, далеко не было общераспространенным, они должны были копить недомжки. И, конечно, не одна сравнительно благополучная Озадская волость (Бежецкого уезда), не только Шуйский посад присылали в Ярославль своих уполномоченных «бить челом «о пусте... о дозоре или о грамоте, чтобы велили взять с живущих вытей, а не с пустых денежные доходы и к городовому делу»². Перед ярославскими правителями вставал вопрос о новом дозоре и письме земли. И они не отступили перед трудностями этой весьма нужной, но и очень сложной, требующей массу времени, сил и средств работы, и повели ее, являясь в этом, как и во многом другом, продолжателями Ляпунова. Имеются указания, что в 120 г. был произведен дозор в Кинешемском уезде, летом 1612 г. в Бежецком-Верху «дозирали и писали поместные и вотчинные земли живущее и пустое», в 120 г. были дозрены посад Суздаля и посад и уезд Торжка, а в конце 120 или в начале 121 г. еще и посад Шуй; продолжением этой работы является дозор вотчин и поместий в Арзамасском уезде в 121 г., но по боярскому указу, а также многократно цитированный на первых страницах «Очерка» дозор поместных и вотчинных земель Нижегородского уезда, произведенный хотя и при царе Михаиле, но в 121 г. и в силу боярского приговора³, и другие позднейшие.

¹ О Нижнем, Казани и Сузд. у. см. выше, стр. 37—40, 80 и 70; о Суздале — *И. Д. Чечулин*, Города Московск. госуд. в XVI в., стр. 79, прим. (то же в 14-й кн. Трудов Влад. уч. арх. ком., стр. 11); о Твери и Владим. у. — *С. Б. Веселовский*, Сошное письмо, т. I, стр. 208 и 212; о Шаблыкине — *С. Шумаков*, Обзор грамот Коллегии Экономии, вып. I, М. 1899, стр. 26.

² Акты подмоск. ополчений, № 84 и 115.

³ О Кинешемском у. — Акты *Юшкова*, № 304 (дата документа неверна: нужно 7121 г.), и Л. до ю. б., т. I, № 21; о Бежецком дозоре указание в работе проф. *Д. В. Цветаева*, Избрание Михаила Федоровича Романова на царство, М. 1913, стр. 59, и фототип. табл. II; о Суздале см. выше; о посаде Шуй — Акты подмоск. ополчений, № 84 и стр. XI прим. (ср. *В. Борисов*, Описание г. Шуй, М. 1851, стр. 10—13); Об Арзамасском у. — Арзамасские поместные

В заключение обзора правительственной деятельности ярославских властей нужно остановиться еще на некоторых сторонах ее, которые направлялись на удовлетворение насущных потребностей населения и своими положительными для него результатами должны были возбудить особое сочувствие и признательность этому правительству. Многие факты из этой области уже были приведены с другими целями в разных местах этой и предыдущей глав, и их нужно только собрать воедино. Вскоре после прихода в Ярославль руководители ополчения принялись за организацию обороны на западной границе на случай нападений со стороны шведов: предприняли и очень торопили постройку «города» на Велоозере, выслали отряд «для оберегання» на Устюжну, пополнили даточными людьми гарнизон Каргополя ¹. В то же время старались задержать наступление шведов дипломатическими переговорами с Делагарди и Новгородом и достигли успеха ². Предохраняя всем этим страну от нового вторжения иноземцев, Пожарский с товарищи своими действиями против казаков очищал и ограждал территорию земского ополчения от казачьих насилиев и грабежей ³. Приняты были меры к очищению страны и от разбойнических шаек: так, новидному, к ярославскому периоду относится высылка «по приговору Пожарского с боярами» «в Соловки для самого тяжкого тюремного заключения» атамана одной из таких шаек П. Отяева, бывшего спальника Тушинского вора ⁴. Защите прав и их восстановлению служили административная и судебная деятельности руководителей земщины в ответ на постоянные общие пожелания и частные просьбы в челобитях, в большом количестве из разных мест от групп и отдельных лиц стекавшихся в Ярославль. В числе челобитчиков и монастыри, сменявшие у сильной власти получить подтверждение старых жалованных грамот или выпрашивающие какие-нибудь льготы «для их разорения» и пр., и дети боярские Суздальской архиепископии, добывающиеся управы на свою же братью — детей боярских и подьячего, учинившихся сильными, здесь и дворяне, стремящиеся вернуть несправедливо отнятые у них поместья, и старец Стефан (в мире известный царь Симеон Бекбулатович), моливший из-за «нужды великой» в Соловках перевести его в Кириллов монастырь, и посадские, и крестьяне со своими разнообразными нуждами,

акты, № 383, 386 и др.; о Торжке — С. Б. Веселовский, Сошное письмо, т. II, стр. 633; здесь же и о дозорах 119 г., — например, Углича, Твери, Ярославля, стр. 636, 632, 642.

¹ СГГр и Д, т. II, № 281; ААЭ, II, № 206; Акты подмоск. ополч., № 70—72; С. Б. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег, прилож. № 8.

² О переговорах этих речь будет ниже.

³ О борьбе с казаками см. гл. VI.

⁴ Арх. Досифей, Географич., историч. и статистич. описание Соловецкого мон., ч. I, М. 1836, стр. 119, и М. Колчин, Ссылные и заключенные в острог Соловецкого мон. в XVI—XIX в., М. 1908, стр. 55; авторы писали по документам Соловецкого архива; грамота о ссылке Отяева не напечатана, но по отсутствию имени Трубещного рядом с Пожарским ее нужно относить ко времени до соединения ополчений. О службе Отяева у Вора — Арзамасские поместные акты, № 277.

действительными, а иногда и мнимыми¹. Особенно характерным является цитированный уже наказ Озадской волости уполномоченным, посланным в Ярославль бить челом кн. Пожарскому о нуждах волости. Кроме уже отмеченной просьбы о дозоре или о правяже всех сборов и новинностей с живущего, ходоки должны были жаловаться на рыбных целовальников, «что они не слушают государевых грамот», просить каких-то «рыбных» грамот (вероятно, определивших их оброки и новинности) и отстаивать старую жалованную грамоту или просить новой. Наконец, они должны были «жаловаться на дворцового приказного, Ф. Вахромеева, и на стрельцов, «что они убийства учинили много...», «да и на воеводу на Ст. Н. Ченчугова», — заключает посыльная перечисление своих нужд². Так и чувствуется, что за время безвластия много обид, неправд и насилий претерпело население, и у авторитетного воеводы сильного ополчения искало оно теперь правосудия, внимания к нуждам и горю своему. И в общем получало желаемое. В Ярославле челобиття разбирались; дело решалось или здесь же или в случаях сложных, как в делах земельных и подобных, посылался кто-либо для исследования обстоятельств на месте³. Конечно, эта мелкая, повседневная-правительственная работа отнимала много времени и сил у руководителей ополчения, но была далеко не излишней. Благодаря всей их организационной и правительственной работе, в том числе и этой будничной, мало-помалу жизнь на территории ополчения начала входить в свое нормальное русло. Мы имеем объективный показатель начинавшегося успокоения в виде торговли, столь чуткой к благоприятным или неблагоприятным для нее обстоятельствам. Торговые обороты в стране за 7120 г. значительно возросли по сравнению с оборотами предшествующего года: по крайней мере, сборы одной из крупнейших таможен, нижегородской, за 7120 г. более чем в полтора раза превосходят сборы 7119 г. (6 500 с лишком рублей вместо 3 800 с небольшим), и это еще при тех неблагоприятных условиях, что в первую половину 7120 г. в разных местах Замошного края хозяйничали польские отряды и разъезжали пайки казаков, что, с другой стороны, торгового движения вниз по Волге ниже Казани, очевидно, не было вследствие восстания ногаев и бунта в Астрахани⁴.

Кто же руководил всей этой громадной, как я старался показать, работой, произведенной за четыре месяца ярославского стоянья?

¹ ААЭ, т. II, № 204, 205, 209; АН, т. II, № 336, 338; А. до ю. б., т. II, № 230, VIII; Акты Юшкова, № 308, и др.

² Наказ крестьян приведен здесь в передаче С. Б. Веселовского, Акты подмошк. ополч., стр. XI.

³ Сразу же из Ярославля шли, например, подтверждения жалованных грамот, приказ о переводе старца Стефана, очевидно, приказы о дозоре, но, например, в ответ на челобитые детей боярских сузд. архиепископа был послан для расследования Мис. Соловцов и пр. Источники указаны выше.

⁴ О размере таможенных сборов — Нижегород. платежницы 7116 и 7120 гг., изд. С. Б. Веселовским, стр. 150, ср. выше, гл. I, стр. 13. О польских отрядах см. гл. IV; о казаках в гл. IV, V и VI; о ногаях и Астрахани в начале настоящей главы

Из кого состояло ярославское правительство? Как оно само было организовано?

Все грамоты, исходявшие от ярославского правительства, обязательно называют одно лицо из состава его — стольника и воеводу кн. Дм. Мих. Пожарского, или просто, без чинов, Дмитрия Пожарского. Это был главный вождь собравшегося в Ярославле ополчения, первый член организованного при нем, или в нем, земского правительства. Каково было его положение, его отношение ко «всей земле», каковы были размеры его власти? Вопреки мнению П. Н. Милюкова, мне кажется, нет оснований полагать, что договор первого земского ополчения с Трубецким (обычно его называют Липуновским. — П. Л.) сохранил свою обязательность и для преемников обеих сторон: для второго земского ополчения с Пожарским¹. Нет никаких положительных свидетельств ни о переизбрании Пожарского в Ярославле, ни о том, что при переизбрании или без него он был связан каким-либо «приговором»². Титул правителя: «по избранию всех чинов людей (или в более пространной форме: «по избранию всея земли Московского государства всяких чинов людей») у ратных и у земских дел стольник и воевода...»³, в котором П. Н. Милюков, подметив, что «это — буквальное повторение вступительных выражений договора с Трубецким», увидел указание «на формальный акт выбора», необходимо сопровождавшийся и письменным документом, «приговором», — этот титул и был только, как правильно назвал его сам же исследователь, «торжественным титулом». Самое употребление его исключительно в грамотах повгородскому правительству, австрийскому императору, начальникам отряда иностранцев, предлагавшим свои услуги ополчению, и южным городам, державшимся подмосковного правительства⁴, и отсутствие его даже в торжественных «окружных» грамотах, распространенных внутри территории, присоединившейся к ополчению, —

¹ Очерки по истории русской культуры, ч. III, вып. 1, Спб. 1901, стр. 83—84; раньше — на стр. 78 — мнение это высказано в менее категорической форме: об обязательствах, «продиктованных» служилым классом Пожарскому, «мы можем догадываться»; на стр. 85 мысль о возобновлении договора и об обязательности его для Пожарского изложена опять с оговорками: «не знаем, возобновлен ли был этот договор формально с Пожарским», но во всяком случае он «считал себя связанным некоторыми и притом важнейшими постановлениями старого договора».

² Я говорю о переизбрании, ибо не имел же в виду П. Н. Милюков избрание Пожарского в Нижнем: для установления этого факта нет надобности ссылаться на такое вообще ненадежное свидетельство, как титулатура: он засвидетельствован и Болтиным, и Палицыным, и автором Нового Летописца (Изборник, стр. 353; РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1208; ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 116); избирала тогда Пожарского не «вся земля», а только нижегородцы, и не он им давал обязательство, а они дали Минину приговор с обещанием быть послушными властям ополчения — см. гл. III.

³ Еще вариант, более многословный: «по избранию всех чинов людей Российского государства в нынешнее настоящее время того великого государства многочисленного войска у ратных и у земских дел...»

⁴ Памятники истории нижегород. движ., № СХLIII и СХLIV; Доп. к АИ, т. I, № 164; Памятники диплом. сношений древней России с державами иностр., т. II, Спб. 1852, ст. 1407—1432; СГГр и Д, т. II, № 285 и 281.

оба эти обстоятельства достаточно говорят за то, что пышный титул Пожарского — явление того же порядка, что и высокие, по лицепылым реальному значению и совершенно неупотребительные в делах внутренних звания наместников тверского, коломенского и пр., дававшиеся московским дипломатам, очевидно, вследствие желания импонировать самым титулом. Впрочем, может быть, в данном случае помимо требований, если так можно выразиться, дипломатического «этикета» имели в виду и самым титулом вояды внушить нужную для ополчения мысль, будто за Пожарским стояла действительно «вся» земля, «все» Московское государство.

Точно так же из того, что руководители второго земского ополчения в своей деятельности в известной части осуществили предположенное к исполнению приговором первого ополчения, едва ли возможно заключить об обязательности для них этого приговора. Ведь положение с того времени почти не изменилось: нужды страны остались те же, только стали еще острее чувствоваться, тот же служилый класс собирался в Ярославле и с теми же, конечно, требованиями. И деятельность, имевшая в виду удовлетворение этих нужд и требований, должна была соответствовать их старой формулировке. С приговором 30 июня в Ярославле, конечно, считались, им, может быть, руководствовались, как определенно выработанной земской программой¹, но не боялись и отклоняться от него и видоизменять его. Не говоря уже о том, что мы ничего не знаем об осуществлении, например, первых же статей приговора об отобраании расхищенных в последние годы «черных волостей и монастырских сел»², мы уже видели выше нарушение этого приговора в отношении казачьих поместий; не было выполнено в точности и предписание об испомещении в первую очередь дворян и детей боярских, беспоместных по причине «литовского разоренья»³.

Пожарский еще в Нижнем зарекомендовал себя проводником определенной земской политики, еще там принимал он меры к собиранию около себя выборных от земли «для совету», и было бы странно от него в Ярославле требовать этого. С другой стороны, отсутствие в нем той властности, тех диктаторских замашек, которые так характерны для Ляпунова, и отсутствие вместе с тем подозрительных радетелей за земские интересы — Трубецкого

---

¹ Правда, в ней больше всего внимания было уделено большому и самому важному для дворянства вопросу о земле, но был сформулирован и ряд общих земских требований.

² Уже позже, по взятии Москвы, Трубецкой и Пожарский «по совету всеа земли» приняли меры по отписанию дворцовых сел (но все-таки не черных) — Дворц. разр., т. I, прилож. № 12. Вопрос об излишних землях у бояр и служилых людей занимал еще и правительство царя Михаила.

³ Хотя, как выше уже отмечено, испомещение смольнян и было начато в Ярославле, но не было закончено еще и к исходу 1612 г. — см. Доп. к АИ, т. I, № 173, и Акты подмошк. ополч., № 90 (любопытно, что испоместить смольнян в Белозерском у. велено было в дворцовых селах), а меж тем и в Ярославле, как мы видели, и под Москвой, и в Москве в то же время верстали, награждали придами и не потерпевших разорения от Литвы.

и Зарудского — делало излишним «конституционные» гарантии для земщины, подчеркивание ее уже признанных и проводимых на практике прав на участие в решении дел. Пожарский, — такое впечатление складывается при чтении источников, — поставленный официально над ополчением, над «советом всея земли», почти слился с этим ополчением, поставил себя в ряды «Земского совета» стал «первым между равными» в группе «начальников» в этом совете, сказал бы я, если бы можно было назвать равными и боярина и какого-нибудь стряпчего, а то и дворянина московского. Благодаря такому положению вождя, конечно, дело второго земского ополчения было более делом общественным в противоположность первому, которое было больше делом личностей, прежде всего Ляпунова, но зато и трудно, почти невозможно определить широту власти Пожарского, еще труднее в общем деле ополчения выделить его роль, уяснить сферу и степень его личной работы и личного влияния.

Рядом с Пожарским стоял «выборный человек» Кузьма Минин, почти не упоминаемый в грамотах, но правильно выдвигаемый литературными памятниками¹. Свой большой практический ум купца и твердую волю он, повидимому, вложил в организацию финансовой части ополчения, его главного жизненного перва².

Пожарский и Минин действовали не одни. Еще Костомаров отметил стремление Пожарского в Ярославле «окружить себя Земским собором, правильно избранным»³, а С. Ф. Платонов показал, что его желание осуществилось, и «в Ярославле в самом деле сформировался собор правильного состава»⁴. На этом то соборе и нужно теперь остановиться, отметить некоторое своеобразие его, выяснить по возможности личный состав.

«Для того чтобы отличить Земский собор от иного рода собраний или скопищ, надобно помнить, что собор слагался из трех необходимых составных частей» из «Освященного собора русской церкви», который «включался в собор Земский как отдельная его часть» и подавал «свой голос особо от прочих групп соборных участников», Боярской думы, участвовавшей «в занятиях собора

¹ В документах имеем только подпись за Минина в апрельской грамоте (ААЭ, т. II, № 203) и указание в одном более позднем прошении белянина (Четвертики См. времени, стр. 257). Из литературных сказаний больше всего упоминаний о нем в Новом Летописце.

² Ср. постоянные упоминания его в связи с дачей жалованья в Новом Летописце, стр. 118, 122, и в приведенной челобитной белянина (Четвертики См. вр., стр. 257). Его финансовые способности признало и правительство царя Михаила; ему был поручен сбор первой пятины «в Москве с гостей, гостинной и суконой сотен и с черных сотен и слобод» — С. Б. Веселовский, Семь сборов, стр. 26.

³ Смутное время, т. III, стр. 254.

⁴ К истории московских земских соборов в Статьях по русской истории, изд. 2-е, СПб. 1921, стр. 311. Первоначально соображения о сформировании Земского собора в Ярославле и его составе были изложены С. Ф. Платоновым в статье Заметки по истории моск. земск. соборов (в Журн. Мин. нар. просв., 1883, март) и полнее развиты на страницах Очерков Смуты, во 2-м издании, стр. 418—421.

в качестве руководящего органа, не смешиваясь с массой собора, а как бы возвышаясь над нею», и земских людей, «представлявших собою различные группы населения и различные местности государства»¹.

Начнем с Освященного собора.

Ростовский митрополит Кирилл был единственным епископом в так называемом ярославском Освященном соборе. Руководители ополчения, очевидно, мало заботились о полноте его, не пригласили в Ярославль даже ближайшего владыку, архиепископа Сильвестра из Вологды. Да и присутствие Кирилла, очевидно, не считалось ни необходимым для законности состава правительства «всей земли», ни даже особенно существенным для полноты его: ведь, уходя из Ярославля, Пожарский не взял с собою ростовского митрополита под Москву и не вызвал его к себе, когда не удалось заместить Крутицкую кафедру². Что же касается духовенства несинеконского сапа, то нет никаких положительных свидетельств в пользу того, что в Ярославль собрались представители его из других городов для участия в Освященном соборе возглавляемом Кириллом. Самый же термин «Освященный собор», только однажды в известных теперь источниках употребленный по отношению к бывшим при Кирилле «властям»³, обозначает, вероятнее всего, только местное, ярославское, духовенство. В таком именно смысле та же грамота говорит об Освященном соборе в Вологде при Сильвестре; в других того же периода грамотах упоминается такой же собор при Ефреме в Казани, в самом Ярославле до приезда Кирилла, в Нижнем, Костроме, Перми, даже Велоозере — в отсутствии епископа⁴.

Какую же роль Кирилл и «священство» при нем и до него играли в ярославском правительстве? «Новый Летописец» отмечает участие «властей» вместе со всею ратью и с посадскими людьми в обсуждении вопроса о том, как быть с казаками и что делать по отношению к шведам. Тот же источник сообщает, что с участием Кирилла было постановлено отпустить новгородских послов и вместе с ними отправить И. Секирина с грамотами. Наконец и самый вызов престарелого, ушедшего на покой митрополита «Летописец» объяснил необходимостью иметь авторитетное лицо, к которому можно было бы при расприх «прибегнути» и которое могло бы спорящих

¹ Цит. статья С. Ф. Платонова, К истор. моск. земск. соб., стр. 283.

² От 24 августа известна ставленная грамота, писанная в Ярославле и собственноручно подписанная Кириллом — Акты П. М. Строева, хранящ. в Археогр. ком., по описи М. Г. Курдюмова (Летопись занятий, вып. XVII) в группе «Ставленных», № 15 (для определения почерка Кирилла ср. его подписи в фототипич. изд. Утвержденной грамоты об избрании... Михаила Федоровича). Не упоминает Кирилла и вообще какого-нибудь епископа Авраамий Палицын в очень обстоятельном описании крестного хода по освобождению Москвы — РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1228—1231. В Москве Кирилл действует лишь с 1613 г., когда приехал на избирательный собор.

³ А. до ю. б., т. II, № 191.

⁴ Кроме только что указ. грамоты, см. еще ААЭ, т. II, № 179, 188, II и III, 215; АИ, т. II, № 324 и др.

начальников «розсудити». Все эти данные литературного памятника, единственного, сохранившего указания на участие духовенства в общих делах «всех земли», скорее позволяют предполагать выступления «властей» лишь в случаях экстраординарных, чем заставляют думать, что духовенство было неперменной составной частью ярославского правительства и принимало постоянное участие в его работе. В документальных материалах имеется всего одно упоминание ярославского Освященного собора, и притом в грамоте, писанной уже из-под Москвы, и в словах, говорящих исключительно о религиозной функции его — о благословении рати на поход к столице¹. Ни одна из грамот ярославского периода, так подробно перечисляющих «чины», от которых они писаны, не упоминает «властей» в своем перечне, ни слова не говорит о них в тексте. Ни одной подписи лиц духовного сана нет среди 50 рукоприкладств грамоты 7 апреля из Ярославля, хотя как раз под ярославской отпиской 1611 г. на первом месте стоят подписи духовенства черного и белого². Даже грамоты в Новгород с Татищевым и с Секириным, в решении посольства которых, по словам «Нового Летописца», принимали участие «власти» в первом случае и Кирилл во втором, — даже и эти грамоты ни словом не упоминают ни об Освященном соборе и вообще о духовенстве, ни о Кирилле, несмотря на то, что из Новгорода писал в Ярославль от себя особую грамоту митрополит Исидор, которому отвечали также отдельно³. Это молчание об Освященном соборе ярославских грамот особенно резко выступает при сопоставлении их с грамотами также «безгосударного» Собора 1613 г., в которых имя того же Кирилла и указание Освященного собора стоят в самом челе⁴. Мы даже ничего не знаем о «церковном управлении» Кирилла и его совета, о его сношениях «по важнейшим делам с казанским митрополитом Ефремом»⁵, наоборот, прочтение просьбы Ефрему о постановлении игумена Исании митрополитом на Крутицы не дает ни малейшего намека на участие в решении этого церковного вопроса Кирилла и «властей»⁶. При таких данных осторожнее будет не настаивать на организации в Ярославле «Освященного собора русской церкви», хотя бы и упрощенного состава (с одним епископом), в качестве одной из «необходимых составных частей» «всех земли».

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 119—121, и цит. выше А. до ю. б., т. II, № 191.

² Ср. ААЭ, т. II, № 203 и № 188, II.

³ Грамоты в Новгород — Памятн. ист. нижегор. движ., № СХLIII и СХLIV (с Татищевым); Доп. к АИ, т. I, № 164 (Исидору с Секириным); грамота Исидора — СГГр и Д, т. II, № 278.

⁴ См. например, грамоту Трубецкому на Вагу (Минин и Пожарский, прилож. 2, без имени Кирилла в титуле, но с его подписью) — Акты под-моск. ополч., № 106 и 107.

⁵ Слова проф. Платонова из цит. статьи К истории московских земских соборов, стр. 312.

⁶ В этой грамоте Ефрему (СГГр и Д, т. II, № 283) перечень чинов не называется ни «властей», ни «Освященного собора», ни даже Кирилла при руководителях ополчения; приговор об Исании — решение «совеста всех земли», состоявшееся, очевидно, еще в Ярославле.

Приблизительно то же приходится сказать и о Боярской думе в Ярославле. Теперь известны четыре лица с думными чинами, своими подписями засвидетельствовавшие присутствие свое в Ярославле. Это — бывший в тот год воеводой в этом городе боярин Вас. Петр. Морозов, еще два боярина-князя: Вл. Тим. Долгорукий, и Андр. Петр. Куракин, и окольныйчий Сем. Вас. Головин¹. И по отношению к носителям думных чинов руководители земского ополчения не проявили особого рвения к собранию их в Ярославле в большем количестве, хотя это и было возможно. Не были вызваны для присутствия в «совете всея земли» даже воеводствовавшие неподалеку во Владимире и Вологде верные слуги царя Василия — окольныечичи Арт. Петр. Измайлов и кн. Гр. Бор. Долгорукий, даже живший, повидимому, в это время в Троице-Сергиевой обители думный дворянин Вас. Бор. Сукин, а при желании можно было привлечь и еще кое-кого из живших далее². Больше того. Есть основание думать, что и из небольшого числа бояр одни кн. Куракин еще из Ярославля был назначен на воеводство в Ростов³.

Такое отношение к боярам вовсе не было следствием какой-либо особой враждебности к ним ополчения. Правда, своим поведением в годы Смуты бояре, говоря вообще, способствовали падению авторитета и известного ореола, связанных с боярским саном в глазах обывателей. Конец 1610 и начало 1611 г., когда масса уже готовилась к борьбе с поляками, а большинство руководителей бояр держалось Владислава и даже Сигизмунда, были временем наибольшего падения уважения к боярству. Тогда по отношению к нему стали возможны резкое осуждение, извительные и оскорбительные эпитеты, которые можно читать в появившейся как раз на грани 1610—1611 гг. «Новой повести». Однако и ее автор, весьма враждебно относящийся к «кривителям» и «изменщикам» боярам, выделил все-таки группу верных отечеству, которые, впрочем, по его мнению, «не могут ничево учинити и не смеют стати». Но эта резко противобоярская повесть, кажется, не получила широкого распространения: до сих пор известен единственный список ее⁴, да скоро стало и излишне распространять ее, когда призыв ее к борь-

¹ Они подписали грамоту 7 апреля (кроме Куракина) — ААЭ, т. II, № 203; подписи Морозова, Головина и за Куракина под грамотой Делагарди — Памятники нижегород. движения, № СХІІІ.

² Об Измайлове — Акты подмоск. ополчений, № 59, и ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 118; о Долгоруком — ААЭ, т. II, № 210; о Сукине — ААЭ, т. II, № 202; можно было бы вызвать из Устюга-Великого думного дворянина Гавр. Григ. Нушкина — ААЭ, т. II, № 199, 208 и 210.

³ Из июньской грамоты Пожарского видно, что воевода в Ростове был послан еще до ее составления — СГГр и Д, т. II, № 281. Во всяком случае с сентября 1612 г. Куракин был уже ростовским воеводой — Четверткин Смутн. врем., стр. 271 (оставался он здесь и позже — Разр. зап. за См. вр., стр. 108). Но если Куракин уехал в Ростов и с уходом Пожарского под Москву, и тогда характерно, что его не удержали при ополчении.

⁴ Текст «Новой повести» в РИБ, т. XIII, ст. 187—218, о рукописи — *ibid.*, предисловие, стр. XI; о датировке ее — С. Ф. Платонов, Древнерусские сказания и повести о Смутн. врем., изд. 2-е, Спб. 1913, стр. 118.

бе с поляками, поддержанный более высокими авторитетами (Гермогеном, Ляпуновым), уже встретил отклик в широком народном движении. А с началом этого последнего некоторые бояре, сидевшие по городам, также выступили вместе с народом: упомянутые выше Морозов и Измайлов, а также Мих. Нагой¹.

Равнодушие к количеству лиц думного чина в ополчении объясняется, естественнее всего, просто тем, что не считали необходимым иметь их как можно больше, не стремились создавать при ополчении настоящую думу Боярскую.

Три-четыре названных выше лица с думными чинами не могли, конечно, составить думы Боярской. На существование ее при ополчении в Ярославле нет никаких указаний в источниках. Но неоднократно отмечается в них особая группа — «начальники», как называет ее «Новый Летописец», «бояре и воеводы и Дмитрий Пожарской с товарищи», как говорят о ней, определяя ее состав, официальные документы ярославских властей. Было бы крайне важно знать точно, кто входил в эту группу, занимавшую, как видно из всех упоминаний о ней в источниках, руководящее положение в ополчении, державшую в своих руках управление страной. Но списка «товарищей Пожарского» мы не имеем и, кроме «бояр», а также дьяков, — необходимых и здесь в их обычной роли делопроизводителей, — остальных можно было бы называть лишь предположительно.

Для удобства обсуждения вопросов и быстроты действий такая группа не должна быть очень значительной. Небольшой она и была, очевидно, в ополчении. По крайней мере, из описания приема Як. Шава, — уже на походе к Москве, в Переяславле-Залесском, — видно, что в коллегию «начальников» входили даже не все стольники, стряпчие и дворяне московские. Грамоту, привезенную Шавом, слушали сначала «бояре и воеводы и стольник и воевода кн. Дм. Мих. Пожарский», а потом велели ее «честь чашником и стольником и дворяном большим и дворяном из городов и всяких чинов людям»². То же нужно предположить и для времени ярославского стоянья, так как количество стольников, стряпчих и дворян московских в ополчении было очень велико для того, чтобы все они без ущерба для дела могли быть включены в группу «товарищей» Пожарского. При всей отрывочности и случайности наших материалов все же можно насчитать их 40 или более человек таких, которые пробыли то или иное время в Ярославле: 19 — 20 стольников: Вас. Ив. Бутурлина, Ив. и Вас. Петр. Шереметевых, Матв. Ив. Плещеева, князей Петра Ив. Пронского, Вас. Ив. Турецина, Алексея Мих. Львова, а также Ив. Вас. Морозова, Бор. Мих. Салтыкова, Алексея Степ. Собакина, Ив. Ив. Чепчугова и Влад. Игн. Татищева, подписавших грамоту 7 апреля; вероятно, кн. Богд. Фед. Долгорукого, подпись которого в напечатанном списке гра-

¹ Об участии в первом ополчении Морозова — ААЭ, т. II, № 170; АИ, т. II, № 329; Изборник, стр. 352, и др.; Об Измайлове — ААЭ, т. II, № 179, 183, 188 и пр.; о Нагой — СГГр и Д, т. II, № 238.

² Акты времени междоусобицы, стр. 55.

моты оказалась без фамилии: «князь Богдан князь (ошибка: нужно «княж») Федоров (т. е. сын); кн. Фед. Сем. Куракина, приложившего руку за боярина кн. А. П. Куракина под грамотой в Новгород в конце апреля; известных уже нам ратных воевод ополчения князей Дм. Мамстр. Черкасского, Ив. Фед. Троекурова, Сем. Вас. Прозоровского и товарища последнего Леонт. Андр. Вельямппова; кн. Ив. Петр. Буйносова-Ростовского, посланного на воеводство в Тобольск, и, наконец, кн. Аф. Вас. Лобанова-Ростовского, о службе которого в Ярославле узнаем из его челобитья царю Михаилу ¹; 4 стряпчих: братьев Ис. и Дм. Сем. Погожих, Андр. Петр. Совина (Савина) и, по всей вероятности, кн. Петра Ром. Борятинского, которые все подписали грамоту 7 апреля ², и; наконец, 17—19 дво-

¹ О подписях первых — в ААЭ, т. II, № 203; о Куракине — Памятники нижегородск. движения, стр. 250; о ратных воеводах см. выше, стр. 100; об Ив. Ростовском — Разр. записи за См. вр., стр. 168, ср. Четвертчики См. вр., стр. 300—303; челобитье Лобанова-Ростовского — АМГ, т. I, № 74. Чин и отчество у большинства устанавливались по Боярскому списку 1611 г. и Докладной выписи 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях (Чтен. в Общ. ист. и древн., 1895, кн. I). — Относительно подписи «кн. Богдан кн. Федоров» нужно заметить, что князей Федоровых в источниках этого времени не встречается, и признать, что «Федоров» — отчество. В Боярском списке 1611 г. имеются два князя Богдана Федорова: Долгорукий — стольник (стр. 80), и Волконский — дворянин московский (стр. 91), но о втором нет более поздних сведений, меж тем первый — близкий родственник боярина кн. Влад. Тим. Долгорукого, участника ополчения (Известия Русск. генеал. общ., т. 2, Спб. 1903, отд. II, стр. 17—25), а родственные связи играли громадную роль при группировках в Смуту, — и, кроме того, пожалован «при боярех», значит, в 121 г., а эти пожалованные в значительной части были в ополчении Пожарского. — Родственные связи, пожалования «при боярех» и, кроме того, данные из биографии вообще принимались в расчет при отсутствии противоположений для разрешения некоторых сомнений относительно того или иного лица, например Вас. Бутурлина грамоты 7 апреля.

² Подписи — в ААЭ, т. II, № 203; отчество и чин первых трех — в Боярском списке 1611 г. Борятинский в нем не значится и впервые встречается с чином стряпчего в 7123 г. — РИБ, т. XXVIII, стр. 397—398, но помещение его в числе первых стряпчих в «Книге» 7124 г. — АМГ, т. I, № 108, стр. 141 — заставляет думать, что он получил свой чин давно и в Боярском списке 1611 г. пропущен случайно — С. Авалиани предполагает в Петре Борятинском грамоты 7 апреля кн. Петра Ив., участника соборов 1566 и 1598 гг., но мне не удалось найти каких бы то ни было сведений о службе его даже за первые годы XVII в.; данные о нем собраны в заметке о нем в Русском биограф. словаре, в добавление можно указать Разр. записи за См. время, стр. 103—104, 125 и 164 (о 7099 г.). Кстати заметить, в работе Авалиани, специально посвященной «представительству на земских соборах XVI в. и начала XVII в.» (в книге Земские соборы, Одесса 1910, стр. 74—78), вообще состав ярославского собора выяснен очень неудовлетворительно. Не говоря уже о том, что 19 подписей из 50 оставлены без уяснения, кому они принадлежали (к 29, так или иначе отмеченным автором, нужно присоединить еще подписи Пожарского и Минина), и в их числе подписи даже таких лиц, как Ив. и Вас. Шереметевы, Матвей Плещеев, не говоря и о том, что справка о Семене Вас. Головине ничего не прибавляет к данным грамоты, ибо он и подписался окольным, — нужно еще отметить, что Авалиани нередко без необходимости взамен возможных и более ценных справок о прошлом приводит данные только из будущего служебного положения, например о дьяках Варееве и Самсонове, об Ив. Нелюб. Огареве; мало дает отметка о кн. Туренине: «едва ли это участник соборов 1566 и 1598 гг.»; странно предполагать в Мих. Данилове,

ряп московских: Мир. Андр. Вельяминова, князей Ив. Ник. Одоевского, Фед. Ив. Волконского и Алексея Гр. Долгорукого, Ив. Никиф. Чепчугова, Нелюба Вас. и Ив. Нелюб. Огаревых, Ив. Вас. Щелкалова, Макс. Ив. Радилова и Петра Ст. Навокина, рукоприкладства которых имеются под той же грамотой; упоминавшихся уже ранее кн. Дм. Петр. Лопату-Пожарского и Гр. Фед. Образцова; затем Лукьяна Ив. Мясного, пришедшего с Биркиным из Казани, Наума Мих. Плещеева, посланного в товарищах с Буйновым в Тобольск, Бор. Ст. Собакина, посланного дозрять Кинешемский уезд, Мих. Самс. Дмитриева и кн. Ив. Андр. Хованского, упоминаемых в связи с походом к Москве; вероятно, в Ярославле были и кн. Фед. Андр. Татев и Сем. Колтовской, впервые отмеченные в ополчении в середине августа на походе к столице ¹. Кроме того, вероятно, дворянами московскими были Фед. Ив. Погожий, подписавший грамоту 7 апреля, Тим. Андр. Витовтов, судья Монастырского приказа Ст. Лаз. Татищев, поставленный во главе первого посольства в Новгород, Перф. Ив. Секирин, глава второго посольства, и Ив. Фед. Наумов, назначенный воеводою в Переяславль Залесский ².

с именем которого как дьяка известны, как мы видели выше, грамоты из Ярославля, своеземца из Нижнего (вероятно, опечатка: цитируемое место писцовой книги говорит об иноземцах, каковые в Нижнем действительно были).

¹ Грамота 7 апреля и источники для определения отчества и чина указаны выше. — О Мясном, Дмитриеве и Хованском — Новый Летописец, стр. 119—120 и 122; о Науме Плещееве — Четвертчики См. вр., стр. 300—303; о Собакине — А. до ю. б., т. I, № 21, и Акты Юшкова, № 304 (с неверным годом; нужно 7121); о Татеве и Колтовском — Акты времени междоусар., стр. 60 (ср. Летопись Двинская, изд. А. А. Тимовым, стр. 16 с неточной датой) и 53; выяснить, какой это был Колтовской, Васильевич или Михайлович, мне не удалось, но оба они в Боярском списке 1611 г. значатся дворянами московскими (стр. 92). — В этом же списке два дворянина кн. Ал. Долгоруких: Васильевич и Григорьевич, но о первом нет дальнейших сведений, а второй получил придачу «при боярех» (Докл. выписи, стр. 16) и родственник кн. Влад. Тим. Долгорукого (цит. завещ. его в Известиях Русского генеал. общ., т. 2, отд. II, стр. 17—25).

² Все пятеро не значатся ни в Боярском списке, ни в Докладн. выписи, но записаны (кроме умершего Витовтова) дворянами московскими в «Книге» 7124 г. (АМГ, т. I, № 108, стр. 146 и 145), хотя и в конце списка, однако среди таких, кои имеются и в Боярском списке 1611 г., так что в нем могли быть опущены случайно или даже намеренно. Последнее кажется вероятным относительно Погожего, в конце 1611 г. схваченного поляками «в измене» (АЗР, т. IV, № 209, стр. 482); он еще в 1598 г. был жильцом — ААЭ, т. II, № 7, стр. 45 и 52. Татищев обозначен дворянином московским и в октябре 7123 г. — РИБ, т. XXVIII, стр. 375; в 1610 г. он был еще городовым дворянином с Дмитриева — АЗР, т. IV, № 182 (и Сборник И. русск. ист. общ., т. 142, стр. 183), но из Ярославля отправлен во главе посольства, одним из членов которого был жилец — Памятники истории нижегород. движ., стр. 249. Витовтов с 7115 г. был думным дьяком (Акты времени Шуйского, стр. 264. Разр. зап. аа Смуту, стр. 87) и, оставив дьячью службу, конечно, имел чин не ниже дворянина московского, на что указывает и должность его. — Секирин с 1719 г. также занимал места, заставляющие думать, что он числился уже в столичном дворянстве: вторым воеводой при первом окольничем Ив. Петр. Головине (АЮ, № 339) или позже, в 1722 г., при стольнике кн. Ал. Львове — Дв. разр., т. I, стр. 123. Наумов в 1598 г. был еще дворянином городовым из «выбора» — ААЭ, т. II, № 7, стр. 44 и 52, по тушинской службе он был даже боярином, — например, сборник кн. Хилкова, № 12, XLIV, LX.

Так определяется личный состав высших разрядов столичного дворянства в ополчении по известным теперь источникам. Однако именно ввиду случайностей указаний того или иного деятеля трудно думать, что мы знаем далеко не всех стольников, стряпчих и дворян московских, бывших в Ярославле. И, конечно, включение всех их в группу «начальников» сделало бы ее чересчур громоздкой. Не понавшие в «товарищи» Пожарского, повидимому, все входили в состав «всея земли», как видно из приведенного места описания приезда Як. Шава. А при таких условиях группа «начальников» в общих собраниях «всея земли», не имея таких резких отличительных признаков, какими обладала Боярская дума в виде думных чинов своих членов, в виде особого устройства и независимого от собора, особыми условиями и раньше собора вызванного к жизни, существования, — эта группа не отделялась, как Боярская дума, от остальной массы членов, а только выделялась в ней, была не отдельной частью, а лишь группой в едином целом «всея земли».

Духовенство, — кажется, в некоторых случаях, — и «начальники» — постоянно — составляли, вероятно, очень небольшую долю членов «всея земли». Только что указано, что в составе ее были и остальные находившиеся в данный момент в ополчении стольники, стряпчие и дворяне московские. Более численная, вероятно, в ополчении группа «дворовых людей — жильцов», от которой был особый представитель в посольстве Татищева, была представлена в собраниях «всея земли», надо думать, лишь несколькими выборными. Может быть, к числу последних и принадлежали двое известных нам: Ив. Гавр. Чириков, член посольства Татищева, и Вас. Фед. Михалков, подписавший грамоту 7 апреля ¹.

Главную же по численности массу во «всей земле» составляли очевидно, «земские люди». Они были предметом особых забот для руководителей ополчения, их более всего старались привлечь в организуемое при ополчении представительство земли. Мы уже видели попытки в этом направлении еще в Нижнем. И вскоре по прибытии в Ярославль Пожарский обратился к населению стоявшей на стороне ополчения области с новой просьбой: «пожаловати прислати в Ярославль изо всяких чинов человека по два». Ту же просьбу прислать «для общего земского совета изо всяких чинов человека по два и по три» повторил он несколько позже, в июне, в грамотах к южным городам, призывая их к соединению «со всею землею» ².

Не знаем, как отозвалась земля на призывы Пожарского, но собрать в Ярославле представителей всех чинов, повидимому, не

¹ О Чирикове — Памятники истории нижегор. движ., стр. 249, где указано и его звание. Подпись Михалкова — ААЭ, т. II, № 203 — без отчества, но в источниках за ближайшие годы встречается один Вас. Михалков — Федорович, чин которого в Дв. разр., т. I, ст. 1148. В родословной Михалковых найдем и второго Вас., младшего брата названного выше, но он, судя по всему, был в 1612 г. еще не в «совершенных летах» — Старина и Новизна, кн. XVII, 1914 г., «Из архива Михалковых».

² ААЭ, т. II, № 203, и СГГр и Д, т. II, № 281.

удалось. Так, трудно уследить по известным теперь источникам присутствие в ярославском совете выборных от крестьян, — не говорю уже помещичьих, — по даже черпосопных. Не называются они в весьма подробных перечнях чинов ярославских грамот, если не предполагать их в числе упоминаемых в конце «всяких (или «всяких жилецких») людей», но следует иметь в виду, что те же грамоты в обращениях называют «уездных людей», — термин, не встречающийся в перечнях чинов ополчения и обозначающий, очевидно, крестьян. Не было от крестьянства представителя и в довольно людном посольстве в Новгород Ст. Татищева ¹.

Совершенно определенно устанавливается участие в ярославском Земском совете посадских людей. Уже в той же апрельской грамоте, которая содержала просьбу о выборных «изо всех чинов», все 12 последних подписей принадлежат представителям посада, но, кажется, только ярославского. По крайней мере, подписавшие эту грамоту Гр. Никитинков и Ст. Лыткин — уже известные нам торговые люди-ярославцы, Матюшка Исаков, в 1613 г. был таможенным головой в Ярославле: «Надейко Ондреев», очевидно, гость Надея Андр. Светешников, один из крупнейших торговых людей в Ярославле; Павлик Леонтьев и Онтонец Иванов подписали и ярославскую (городскую) грамоту начала 1611 г. «Богданец», подписавшийся одним именем на грамоте 7 апреля, очевидно, тождествен с Богданцем Шайкиным грамоты 1611 г. ². Но, по словам «Нового Летописца», к Пожарскому вскоре по приходе его в Ярославль начали презирать посадские и из других городов, и в посольстве Татищева ярославец посадский человек Як. Неустроев ехал в качестве представителя уже «от гостей и от посадских людей всех городов». Из «Нового Летописца» же известно, что посадские люди (конечно, не все, а лишь представители их) «думали» с Пожарским и Мининым, «со всею ратью и со властью» о борьбе с казаками и посольстве в Новгород; принимали они участие в суде над покушавшимся на жизнь Пожарского ³ и, очевидно, в других делах, рассматривавшихся в совете.

¹ Памятники истории нижегород. движ., № CXLIII и CXLIV.

² О первых двух — см. стр. 64; об Исакове — Сборник кн. Хилкова, № 67 и подпись его в ААЭ, т. II, № 188, II; о Светешникове — «Сборник Хилкова», № 67; РИБ, т. IX, стр. 2, 21—23, 25 и др.; грамота 1611 г. из Ярославля — ААЭ, т. II, 188, II. В ней есть два Иванка, один из которых, — но уже без фамилии, — может быть, подписал и грамоту 7 апреля. Отсутствие в грамоте 1611 г. подписей остальных лиц, подписавших грамоту 7 апреля, — Пвашки Ступина, Ивашки Истомина, Смирки Боброва и Нестерки, не может само по себе служить основанием для категорического вывода, что они не ярославцы, — вывода, сделанного *И. А. Стратоновым* (Заметки по истории земских соборов Моск. Руси, Казань 1912, стр. 89). Не знаю также, о каких это 15 человеках Стратонов считает возможным «утверждать... что они посадские люди из разных... городов» (*ibid.*); среди остальных 38 подписей грамоты 7 апреля нет ни одного, как мы видели выше, посадского человека. — В цитированной уже работе С. Авалиани 11 из 12 подписей посадских людей остались совсем не раскрытыми, а «Онтонец Иванов» отмечен без указания оснований стрельцом.

³ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 119 и 121; Памятники истории нижегород. движ., № CXLIV.

Представители «всей рати», указываемой «Новым Летописцем» в качестве постоянного коллективного советника Пожарского «с то-варыщи», когда они действуют не одни, или иначе — представители дворян и детей боярских городовых и различных групп мелкого служилого люда, старательно перечисляемых в торжественных грамотах ополчения, — были самым численным элементом в составе организованного при Пожарском совета. Известным показателем их количества может служить то, что в посольстве Татищева 11 человек из 16 были представителями городского дворянства разных местностей ¹.

Представительство от служилых групп легче всего можно было и организовать.

Если даже города и не присылали в Ярославский совет специальных выборных от местного дворянства, то можно было устроить выборы в Ярославле или по старой практике взять в качестве представителей дворян «из wyboru» в отрядах, пришедших из разных городов. И в этом последнем случае в совете не только были бы представлены достаточно полно разные местности территории ополчения, но имелись бы представители и городов, и западных и южных ². Очевидно, и националы (татары) и иноземцы, от которых специальные лица (3 человека) ездили в Новгород с Татищевым ³, имели представителей в правительстве ярославском, которые также могли быть выбранными в самом ополчении. По аналогии с Собором 1613 г., можно полагать, что и остальные слои служилых людей, постоянно упоминаемые в ярославских грамотах, — казаки, стрельцы, пушкарни, — имели выборных или должностных (атаманов, сотников) представителей в составе «всея земли».

Для полноты указаний остается еще отметить, что дьяки, так малочисленные в ополчении, входили в правительство, очевидно, в полном составе. И под грамотой 7 апреля среди других рукоприкладств имеются, как уже показано выше, 4 дьячих подписи.

Таким образом, хотя в ярославском совете и не было представителей буквально всей земли, однако он мог именовать себя «всею землею» с большим правом, чем все другие собрания эпохи Смуты (кроме Собора 1613 г.), присвоивавшие себе это наименование. Все же с точки зрения современной научной теории и ярославский совет «всея земли» вряд ли может быть назван — ввиду указанных особенностей его состава — «Земским собором правильного состава». Ближе, чем к нормальному Земскому собору, подходит он к совету Ляпуновского ополчения, но значительно превосходит его представительством и различными слоями населения и различных местностей государства ⁴. С другой стороны, в отношении широты полномочий

¹ ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 119—122, и цит. Памятники, № CXLIII и CXLIV.

² На основании сведений об отрядах, входивших в состав ополчения; о них речь была выше.

³ Цит. номера Памятн. истории нижегород. движения.

⁴ В Ляпуновском совете совсем не заметно участия духовенства и посадских, но «бояр» в нем было столько же: Трубецкой и Заруцкий, признанные

совет второго земского ополчения, как и первого, превосходит обычные земские соборы. От имени и при участии «всех земель» велелся сношения с Новгородом и Делгарди о воцарении на Руси Карла Филиппа Шведского и о других вопросах; «вся земля» решает вопрос о борьбе с казаками, судит покушавшихся на Пожарского; «по совету всех земель» даются поместья, посылаются воеводы, назначаются дозоры и пр. Словом, «вся земля» в Ярославле была верховною властью в стране. Таким «полномочным народным собранием» считали «московские сословия» в Ярославле и иностранцы, что отметил уже С. Ф. Платонов¹.

Приведенные сведения о составе «совета всех земель» с ясностью свидетельствуют, что ярославское правительство было преимущественно правительством создавших ополчение средних классов: посадских людей и рядового дворянства, с преобладанием последнего. Даже и в высших слоях служилых людей было не много представителей родовитой аристократии, как Бутурлины, Шереметевы, Морозовы, кн. Куракины и некоторые другие. Более характерны и для этих слоев такие, как Собакины, совсем недавно пробившиеся в столичное дворянство, Погожины, по официальному признанию, «люди перодословные, дети боярские обильные», Наумовы, «перодословные и худые люди», истари живавшие на пашне на Рязани², и подобные, стоявшие, конечно, ближе к городскому дворянству, чем к родовитым верхам.

Стремления и нужды средних классов правительство ополчения и старалось, как мы видели, удовлетворять. Выше уже указывалось на известную однородность политического настроения слоев, создавших и составлявших ополчение; их экономические программы не встречались в резком противоречии; казачество было слабо в сравнении с земщиной, состояло отчасти из старых, верных Шуйскому казаков³, было достаточно хорошо обеспечено и, видимо, пока не чувствовало опасности от земских людей, разшло к ним на службу, — всем этим исключалась возможность серьезных, угрожающих распадом или разладом, принципиальных столкновений в массе ополчения и членов «совета всех земель». С другой стороны, приходилось уже отмечать, что присоединение к ополчению больше определялось практическим учетом выгоды его, чем вызывалось

в своих тушинских чинах «всею землею», окольный А. Измайлов и думный дворянин Прок. Ляпунов — см. подписи под приговором 30 июня.

¹ Очерки Смуты, изд. 2-е, стр. 421. К приведенному здесь месту из Петра можно прибавить подобное же обозначение ярославского совета у Делгарди в донесении королю — цит. Памятники ист. нижнегор. движ., № СХLV (то же в Арсеньевских шведских бумагах, II и в V вып. Сборника Новгор. общ. любителей древности).

² Ал. Собакин еще в 7113 г. мещовец, очевидно, попал в московские чины, будучи пожалован за сунуч о бое у Орла, в котором и сам был ранен, — Разрядн. зап. за Смуту. вр., стр. 238. О Погожих — там же, стр. 26 (и Дворц. разрядн., т. I, ст. 119), О Наумовых — *Н. П. Лихачев*, Разрядные дьяки XVI в., 1888, стр. 400. Ни Собакины, ни Наумовы не встречаются в «тысячной книге» 1550 г. и в «списке бояр» и пр. 7085 г. — АМГ, т. I, № 26).

³ Такие пришли, вспомним это, к Пожарскому в Нижний — Новый летописец, стр. 117.

патриотическим воодушевлением. Этим в достаточной степени объясняются свары и смуты в ополчении, отмеченные Палицыным и составителем «Нового Летописца»¹, возникавшие, вероятно, на почве мелких интриг, недовольства разными мелочами военно-походной жизни и т. п. Но были и другого рода разногласия, пропавшие в массу с верхов, рождавшиеся в среде «начальников». Конечно, среди лиц разных характеров и настроений, поставленных волею судьбы во главе ответственного и нервирующего дела и к тому же не имевших над собой властного и для всех авторитетного руководителя, — в такой группе вполне возможны, особенно при московских привычках, чисто личные столкновения по разным поводам, также передававшиеся в массу. Таков известный случай с Биркиным, ссору которого с вождями ополчения и уход из Ярославля правильнее всего объяснять вместе с Костомаровым личными мотивами — оскорбленным честолюбием человека, увидевшего свое место около Пожарского занятым².

Но неизбежны были в ярославском правительстве столкновения и на почве политических взглядов или хотя бы настроений. Из биографических справок о более крупных деятелях ополчения в Ярославле можно видеть, что все «бояре» были верными слугами царя Василия Шуйского, трое из них даже в думные чины свои пожалованы им — кн. Долгорукий и Морозов в бояре, Сем. Головин — в окошечники³. Царю Василию служили и все известные нам дьяки ополчения; только относительно Саввы Романчукова, «написанного», в дьяки «при литве», т. е. в конце 1610 г., не знаем, где он служил в предшествующее время, хотя не встречаем его и среди тушинцев⁴. Сторонники Шуйского преобладали и среди перечисленных выше стольников, стряпчих и дворян московских, но тут же были и такие яркие тушинцы, как кн. Дм. Мамстр. Черкасский, служивший при Воре и в Калуге, Ив. Фед. Наумов, Матв. Плещеев; впрочем, последний определенным сторонником земщины, как мы видели, заявил себя еще в первом ополчении, в котором вообще принимали участие многие из собравшихся во втором, как Бутурлин, Мир. Вельяминов, Исаак и Фед. Погоские и др.⁵. Несомненно, резко враждебное отношение к полякам было основным и господствующим в ополчении; но, повидимому, были в нем и сторонники водарения на Москве Владислава или даже Сигизмунда: по крайней мере, такими

¹ РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1212, и Новый Летописец, стр. 120.

² ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 119—120; «хотиху быти в начальниках», — говорит Новый Летописец о Биркине. Позже Биркин, как увидим ниже, был на Избирательном соборе в Москве. Костомаров, Смутное время, т. III, стр. 254—255.

³ Справки о службе см. в приложении. О пожалованиях Долгорукого — Древн. рос. вивл., т. XX, стр. 80, Морозова — Разр. записи за См. вр., стр. 96, 119 и 159, Головина — там же, стр. 215 и 225.

⁴ Биограф. справки в приложении. О Романчукове — Боярский список 1611 г., стр. 86.

⁵ О Наумове и Плещееве уже шла речь; о Черкасском — Разр. записи за Смутн. вр., стр. 254; Изборник, стр. 341, и ААЭ, т. II, № 182. Данные об участниках Ляпуновского ополчения в приговоре 30 июня (у Забелина, Мниси и Пожарский, стр. 277), в Изборнике, стр. 350—351, ААЭ, т. II, № 188, II.

выставляет грамота Пожарского, — уже из-под Москвы, — братьев Ив. и Вас. Шереметевых¹. Однако объединенная противоположным построением значительнейшая группа деятелей ополчения не была единой внутри: в ней были и сторонники осуществления планов Ляпунова о выборе в цари шведского королевича, во главе которых стояли, повидимому, Вас. Бутурлин и сам Пожарский², были, конечно, и ждавшие осуществления заветов Гермогена о государе из русских родов³. Боровшиеся недавно из-за власти и влияния боярские партии имели в Ярославле своих членов или сторонников. К партии Шуйских принадлежали Чепчуговы, из которых Ив. Ник. был «царице (Шуйского) брат», Сем. Вас. Головин — шурип Скопина-Шуйского, пользовавшийся большим влиянием на молодого воеводу; к ней же, очевидно, примыкал и князь-боярин Долгорукий, человек, близкий царю Василию, как можно думать на основании разрядов, и, вероятно, его родня⁴. Из Романовского круга здесь были их мало влиятельные среди крупных родовитых дельцов на Москве, но, надо думать, более заметные в демократической обстановке ополчения родственники и свойственники «Никитичей» и близкие им кн. Дм. Черкасский, кн. Ив. Троекуров, Бор. Салтыков, Погожие, Михалков и, вероятно, другие⁵. К менее обследованному кружку Голицыных принадлежал, очевидно, кн. Татев; большим поклонником кн. Вас. Вас. Голицына выказал себя Пожарский, а у него в ополчении была родня — кн. Хованский, Лопата-Пожарский⁶. Вполне понятно поэтому, что при реше-

¹ А. до ю. б., т. II, № 191; Ив. Шереметев, напомним, был тот воевода на Костроме, которому писали о Владиславе бояре и который не хотел пустить в город земского ополчения. Пожарский в своей грамоте обвинял обоих Шереметевых в поднимании казаков на земщину, «чтоб литва на Москве сидели».

² Бутурлин именно и вел первоначально переговоры о воцарении на Москве шведского королевича — ААЭ, т. II, № 193; не раз отмечаются его близкие отношения со шведами, например, Новый Летописец, стр. 113—114, Акты времени правления Шуйского, № 91, стр. 117. О Пожарском речь будет после. Сильной партией в пользу шведов только и можно объяснить характер переговоров, о которых ниже.

³ Гермоген, по указанию Жолкевского, называл в качестве кандидатов кн. Вас. Голицына и Мих. Романова — Записки, изд. 2-е, 1871, стр. 74—75. Мысль о царе «из своих прирощенных бояр» имела сторонников в стране — ААЭ, т. II, № 180.

⁴ О Чепчугове — АИ, т. II, № 310, и Русский архив, 1914, № 2, ст. Л. М. Савелова, Страница из истории Смутного времени. О Головине — Изборник, стр. 342. О Долгоруком — Разр. зап. за См. вр., стр. 92, 95, 98 и др.

⁵ О родине и свойстве Романовых см. Сборник материалов для истории предков царя Михаила Федоровича Романова, изд. Костромской архивной ком., т. I и II. Салтыков с братом «жили» с Марфой и Михаилом Федоровичем в Ипатьевском мон., когда туда прибыло соборное посольство, — Изборник, стр. 357. О Михалкове и Погожих цит. уже Архив Михалковых в XVII кн. Старины и Новизны; о Погожих еще интереснейшее замечание одного из них (об опале на него вместе с Ал. Ник. Романовым) у Е. Д. Сташевского, Земле-владение моск. дворянства, М. 1911, стр. 26—27 (Ал. Ник. был женат на Ульяне Погожей — цит. Сборник материалов, II, стр. 82—83).

⁶ Интересные замечания о связях Татевых с Голицыными в заметке Д. Ф. Кобеко, Князья Татевы и Голицыны (Извест. Русск. генеал. общ., вып. 3 и отд.). Слова Пожарского о Голицыне — ААЭ, т. II, № 210, II; о родстве Пожарского с Хованским — Акты времени правления Шуйского, № 38, и Из

нии различных вопросов внутренней и внешней политики в ополчении возникало не мало разногласий и споров. Особенно резко должны были столкнуться разные мнения при обсуждении большого для страны вопроса о выборах царя.

Необходимость скорейшего избрания государя ясно сознавалась руководителями ополчения еще в Нижнем. Нужда в государе и теперь не сделалась менее настоятельной. По мнению собравшегося в Ярославле «совета всея земли», отсутствие государя угрожает разорением государству. И в первой же грамоте из Ярославля, разосланной по городам в начале апреля, предлагалось «земле» высказаться по вопросу: «как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударными?» и «совет свой» по этому поводу прислать с выборными «ото всех чинов». Вопрос о кандидате еще оставался открытым («кого бог даст») ¹. Но скоро, раньше, чем могли быть получены ответы из городов, его пришлось решать в конкретной форме.

В апреле же ярославские власти получили известие с Белозера о том, что новгородцы особой грамотой приглашали белозерцев соединиться с «Новгородским государством» под властью шведского королевича, которого король дает России в цари ². Нужно заметить, что речь о воцарении на Руси шведского королевича шла впервые в переговорах Вас. Ив. Бутурлина с Делагарди под Новгородом весной 1611 г.; кандидатура шведская принципиально была принята Ляпуновским ополчением, было снаряжено уже посольство к королю для окончательного решения вопроса, но со взятием Новгорода шведами и смертью Ляпунова дело заглохло ³.

Мы уже видели, что еще в Нижнем власти ополчения интересовались тем, что происходило в Новгороде Великом. Теперь предстояло определить свое отношение к принятой уже Новгородом кандидатуре в государя всея Руси шведского королевича.

Побудителем для ярославского правительства к скорейшему решению вопроса послужило другое известие, гласившее, что шведы идут на восток и уже достигли Тихвина ⁴. Вести войну кроме поляков и казаков еще со шведами у ополчения не хватало бы сил. Меж тем избрание королевича в цари не только избавляло страну от нового опасного врага, но и давало полное основание рассчитывать на помощь против поляков со стороны врага Сигизмунда — короля шведского. И вот в совете ополчения, конечно, не без споров, было решено признать себя в этом вопросе преемником первого ополчения, признать обязательным для себя, своим, его «приговор»

собр. актов кн. Хованских (в Чтен. Общ. ист. и древн., 1913, кн. IV, смесь, стр. 34—37).

¹ ААЭ, т. II, № 203.

² Памятники истории нижегор. движ., № CXLIV.

³ Подробности см. у *Костомарова*, Смутное время, т. III, стр. 195—205, в новейшем труде *Г. А. Замятина*, К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол, Юрьев 1913, стр. 7—18. См. также статью *Н. Almqvist*, Die Zarenwahl des Jahres 1613 в *Zeitschrift für Osteuropäische Geschichte*, B. III, H. 2, стр. 165—168.

⁴ Новый Летоисец, стр. 119.

о королевиче ¹, на который ссылалось в своем приглашении новгородское правительство, и продолжить прерванные переговоры.

В Новгород в самом конце апреля было отправлено целое посольство во главе с бывшим членом «великого посольства» к Сигизмунду Ст. Лаз. Татищевым ². Но теперь предполагалось вести дело не прямо со шведами, а с Новгородом, который был вынужден уже согласиться на воцарение шведского королевича и отправил в Стокгольм своих послов решить этот вопрос в переговорах с королем ³. К Делагарди с Татищевым было послано только извещение о посольстве, содержащее и просьбу дать «опасной лист» для послов. Направлялось посольство к воеводе новгородскому боярину кн. Ив. Ник. Одоевскому с товарищи, и к дворянам и детям боярским, и пр. Из грамоты им узнаем, что больше всего интересовало ярославский совет «всяя земли». В Ярославле хотели знать «подлинно по статьям» договор, заключенный новгородцами с Делагарди, и то, «по тому укреплению Яков (т. е. Делагарди) по ся места на своем слове стоит-ли?» Относительно государя Пожарский с товарищи спрашивали, «как... на новгородском государстве государю быть?... как ему свой царской престол правити и люди свои розсужати и ото врагов обороняти и всякие дела делати?», и, представляя, что вопрос о вероисповедании будущего царя, конечно, решен в смысле необходимости для него принять православие, прямо ставили вопрос о том, «где ему и в котором городе креститися в папу православную крестьянскую веру греческого закона?» Заранее не довольствуясь одним письменным ответом, ярославские правители просили прислать «для прямого ведома и договору Новгородского государства изво властей и изво всяких чинов человека по два и по три»; обещали, поговорив с этими выборными, послать к королю послов «ото всея земли», но при этом, не скрываясь, высказывали опасения, как бы король шведский не поступил по отношению к Новгороду, как Сигизмунд к России. Выставляя себя правительством всей страны, ярославские власти указывали новгородским, чтобы эти последние не обращались больше к отдельным городам. В конце грамоты, настаивая на скорейшем отпуске посланных и присылке выборных, еще раз откровенно заявляли о своих сомнениях: промедление в том или другом деле со стороны новгородцев Пожарский с товарищи готовы были принять за знак того, что у Новгорода «с Яковом (Делагарди) о государе и государственных и о земских и о всяких делах договор неучищен» ⁴. Таким обра-

¹ «Мы и ныне того своего приговору держимся», — писали позже ярославские власти в Новгород — Дон. к АИ, т. I, № 164.

² Имена посланных в грамотах Делагарди и Одоевскому; первая датирована апрелем, но без числа, вторую почему-то издатели датировали маем — цит. Нам. ист. инж. движ., № СХLIII и СХLIV. В посольстве к Сигизмунду Татищев состоял в группе городских дворян, от Дмитрова (АЗР, т. IV, № 182).

³ О сношениях Новгорода с королем — с привлечением новых материалов — см. в указанной работе Г. А. Замятина, гл. II, стр. 20—33.

⁴ Памятники истории нижегород. движения, № СХLIV. Грамоты ярославского правительства Одоевскому и Делагарди, впервые изданные Нижегород.

зом, признав возможной и даже желательной кандидатуру шведского королевича на русский престол, ярославский совет отнесся к ней, наученный опытом прошлого, с надлежащей осторожностью. сумел сразу занять вполне определенную и в то же время лучшую из возможных позицию: с ясностью формулировал он для себя условия, осуществление которых (по отношению к религии) открыло бы королевичу путь к трону, и вместе решил ждать от короля известных шагов, которые засвидетельствовали бы об его искреннем желании дать России царя и помочь ей в ее бедах.

12 мая ярославское посольство прибыло в Новгород, 19-го было отпущено обратно с «опасными листами» и с обещанием прислать «посланиников Новгородцкого государства изо всяких чинов людей из Новгорода... со всем полным письмом... вскоре» и 1 июня возвратилось в Ярославль¹. Во время пребывания в Новгороде Татищев с товарищи постарались собрать сведения по интересующим «совет вся земли» вопросам, уяснить положение русских в Новгороде под шведской властью. И собранные сведения и полученные в Новгороде впечатления были благоприятны для шведской кандидатуры: «в роспросе» послы сказали, что в Новгороде от шведов «христианской вере никакой парухи и православным крестьяном разорения никакова нет, а живут по прежнему безо всякое скорби», что задержка в присылке королевича в Новгород произошла вследствие смерти короля, но что все-таки младший сын покойного Карл-Филипп «по прошению Новгородцкого государства будет в Великом Новгороде вскоре, а деетца на всей воле Новгородцкого государства людей»².

Такие известия, конечно, упрочивали кандидатуру Филиппа. И ярославский совет, еще более склонившийся теперь на его сторону, решил объявить своего кандидата в цари стране, очень искусно рекомендуя его не от себя лично, а от лица новгородских властей или цитированными показаниями Татищева с товарищи, и просил снова прислать к приезду новгородских послов совет свой «о таковом великом деле»³. Но и на этот раз вопрос о Филиппе

уч. арх. ком. в начале 1912 г., оставались до тех пор неизвестными исследователям; их не знали и Г. А. Замiatин (на стр. 41 он даже пишет, что эти грамоты «до нашего времени не дошли») и Almqvist.

¹ ААЭ, т. II, № 208, I, II и III (то же в СГГр и Д, т. II, № 278—280).

² СГГр и Д, т. II, № 282. Составитель Нового Летописца, смотрящий на сношения ополчения с Новгородом с усвоенной позже официальной точки зрения как на чисто дипломатический ход, имевший целью лишь задержать шведов, нейтрализовать их, не постеснялся в соответствии с этим переделать заявление Татищева в такой форме: «Отнюдь в Нове городе добра нечего ждати» (стр. 119). Точку зрения Нового Летописца принимали до последнего времени все исследователи, кроме Маркевича, который «готов (был) скорее верить словам грамоты кн. Пожарского, чем показанию Нового Летописца» (Избрание на царство Мих. Федор. Романова, Журн. Мин. нар. просв., 1891, сент., стр. 184—185). В последнее время в духе Маркевича, но с большей определенностью высказался ряд исследователей — см. А. Е. Пресняков, Московское государство первой половины XVII в. в сборнике «Три века», т. I, стр. 26, и цит. работы Замiatина и Almqvist.

³ СГГр и Д, т. II, № 282 (грамота в Тобольск); Чтен. в Общ. ист. и древн., 1905 г., кн. IV, смесь, стр. 65 (по грамоте на Верхотурье); ААЭ, т. II, № 208

пришлось решать ярославскому совету, не получив ответов из многих, если не всех, городов.

В 20-х числах июня в Ярославль прибыло посольство из Новгорода, и между 24 и 29-м ¹ состоялось официальное обсуждение вопроса об избрании Филиппа на всероссийский престол. Мне нет надобности излагать подробно эти многократно рассказанные переговоры. Остановлюсь лишь на некоторых пунктах. Представитель Новгорода кн. Оболенский, желая оградить сограждан от упреков в измене, в самовольном отделении от Московского государства (в чем Пожарский и упрекнул-таки новгородцев), не преминул упомянуть об услуге, оказанной Швецией Руси при царе Василье, о переговорах Бутурлина, веденных по поручению первого земского ополчения, намекая на то, что пора осуществить на деле приговор его о королевиче. В ответ на указание, что «уже близко году» прошло со времени обещания короля отпустить сына, а «королевич в Новгород не бывал», Оболенский выставил причины замедления: смерть отца и войну с Данией, выразил надежду, что королевич уже прибыл в Выборг или скоро будет там, и отрицал возможность вероломства со стороны короля. Представитель ополчения Пожарский стоял на старой точке зрения: «вся земля» «с радостью» готова прислать в Новгород полномочных послов для решения вопроса об избрании королевича, но раньше Филипп должен прибыть в Новгород и принять православие; печальная участь кн. В. Голицына с товарищи удерживает ее от снаряжения посольства в Швецию опасением повторения той же истории. В конце «речей» новгородский уполномоченный, задетый за живое указанием, что «вся земля» не хочет иметь государя неправославной веры, с большою силою ответил, что и новгородцы «от истинныя православныя веры не отпали», что они и королевичу будут бить челом, чтобы он был православной веры, что неправославного государя и они не хотят и готовы помереть за «истинную веру» ².

Если к заявлениям Оболенского прибавить еще категорические указания присланной с ним из Новгорода грамоты, что новгородцы во всем стоят неподвижно, что обид им «от немецких людей никаких нет», что они со шведами живут «в любви», что «церкви божьи не разорены и вера крестьянская стоит нерушима по прежнему» ³,

(с приложением новгородских грамот, по северным городам); были извещены и южные города — СГГр и Д, т. II, № 281.

¹ Эту дату первоначально установил Д. П. Голохвастов, опираясь на слова новгородского уполномоченного о королевиче, что «он пришел на Ивань-день (24 июня) в Выбор, или кончае на Петров день (29 июня) будет», в ст. Ответ на рецензии и критику «Замечаний» об осаде Троицкой лавры, в Москвитяине, 1844, т. IV, № 7 (вторая часть), стр. 161. Дата в грамоте, сохранившей речи при переговорах (ААЭ, т. II, № 210), — 26 июля, конечно, описка вместо «июня». Такой же опиской является дата отъезда новгородских послов из Новгорода — 8 июля — в письме Делагарди (оно было издано *Almqvist, Le monde oriental*, 1907; по-русски в Памятниках истории нижегородского движения, № СXLV, и в Арсеньевских бумагах, изд. в V вып. Сборника Новгор. общ. любит. древн., № II).

² ААЭ, т. II, № 210.

³ Доп. к АИ, т. I, № 164.

то можно сказать, что в ответ на все свои сомнения и опасения ярославское правительство получило от новгородцев торжественные уверения, что опасаться нечего. И в ответной грамоте новгородским властям ярославские правители, почти совсем сдаваясь на призывы новгородцев и заявляя им: «от всего, господа, мы от вашего от доброго совету не прочь», не соглашались только отправить посольство в Швецию и просили митрополита Исидора и Одоевского с товарищи от себя написать государыне и королю, чтобы они поскорее отпустили королевича в Новгород, куда и из Ярославля тотчас по его прибытии вышлют послов «со всем с полным договором». Желая побудить новгородцев как можно энергичнее добиваться скорейшего прибытия королевича и вместе с тем сложить с себя ответственность за возможность неприятных для новгородцев последствий его замедления и развязать себе руки в этом случае, ярославское правительство предупреждало, что заявление посланников и грамоты относительно прибытия королевича в ближайшем будущем («по летнему пути, вскоре») слышали «многие всяких чинов люди» «изо всех городов», и потому, если королевич «не будет», то «во всех городех о том всякие люди будут в сумненье», и, намекая на возможность, даже пожалуй, неизбежность при таких условиях избрания в цари кого-нибудь другого, сейчас же прибавляло: «а нам без государя быти невозможно, сами ведаете, что такому великому государству без государя долгое время стоять нельзя»¹.

Грамоты, привезенные кн. Оболенским с товарищи, кроме предложений о Филиппе содержали еще просьбы о возвращении новгородцев, бежавших на территорию ополчения от новгородского взятия, об отпуске жен и детей лиц, находящихся теперь в Новгородском государстве, о вольной торговле на обе стороны (просьба, существенная для Новгорода ввиду постоянного недостатка в нем хлеба) и, наконец, о возвращении двух шведов, отпущенных под Москву в 119 г. (речь идет, очевидно, об «Анце Пухове» и «Анце Маке», присланных к Ляпунову от Делагарди), и захваченных «в языцех» «немецких» и русских людей. Ярославские власти охотно соглашались исполнить пункты второй и третий при условии взаимности, обещали сыскать «двух немчинов» и отпускать «языков» по их желанию, причем просили сделать то же и новгородских правителей, но относительно отпуска бежавших дворян и детей боярских и всяких людей отлагали решение вопроса до тех пор, «как о большем деле (т. е. об избрании Филиппа) послы договор учинят». Со своей стороны, правительство «всея земли» в заботах о западной границе предлагало, «покаместа королевич Карло Филипп будет в Великий Новгород», жить взаимно в мире и любви, не чинить никаких задоров и обид друг другу в пограничных областях и, сообщая, что послало «во все города, которые сошлись» с новгородскими местами, соответственные указания, просили и Одоевского с товарищи сделать то же. Для заключения договора «о покое крестьянском» из Ярославля 26—

¹ Там же.

27 июля вместе с возвращавшимися новгородскими уполномоченными послали Перф. Ив. Секерина, Фед. Конд. Шинкина и подьячего Девятого Русникова ¹. Этим и закончились пока сношения с Новгородом.

Благодаря им ярославские власти выиграли время, в течение которого успели собрать больше сил и несколько укрепить угрожаемую западную границу, и приостановили наступление шведов. Вместе с тем в этих переговорах совершенно серьезно и прочно была поставлена кандидатура на русский престол королевича Карла-Филиппа. И если предварительные переговоры о нем не перешли в конкретное обсуждение условий его избрания, то лишь потому, что Филипп медлил прибытием в Новгород. Совершенно так же смотрел на это дело и Делагарди, во всяком случае желавший добра Швеции и королевской семье. 13 августа, по возвращении новгородских послов и приходе ярославских уполномоченных, он писал королю в совершенно категорической форме, что «все (собравшиеся в Ярославле) желают» иметь Филиппа царем московским, и даже прибавлял, что «кн. Д. Пожарский, равно как и некоторые другие знатные бояре (ему, Делагарди) особенно и доверенно писали, что важнейшие бояре, теперь находящиеся во всей стране, все между собой сговорились и согласились, чтобы не иметь никакого другого государя» кроме Филиппа. Посему и Делагарди в соответствии с настояниями ярославских властей указывал на необходимость выполнить данное обещание о присылке королевича хотя бы «осенью и до наступления этой зимы» «на границу», мотивируя это возможностью, в случае промедления возникновения «в стране каких-либо беспорядков и отпадений простых людей, потому что эта страна не может долго быть без правительства» ².

В заключение остается отметить еще сношения ярославского правительства с Австрией. Ища помощи против поляков, Пожарский с товарищи воспользовались проездом через Ярославль возвращавшегося с персидским посольством австрийского подданного Юсуфа Грегоровича и отправили с ним к императору немецкого переводчика Еремея Еремеева с грамотою. В ней, упомянув о постоянной дружбе между московскими и австрийскими государями и о помощи, оказанной царем Федором императору, они излагали, не останавливаясь перед искажениями и измышлениями фактов ³, историю русско-польских отношений со времен царя Бориса с под-

¹ Доп. к АИ, т. I, № 164. Грамота датирована 26 июля. Из письма Делагарди королю от 23 (13) августа видно, что новгородские посланные с ярославскими уполномоченными прибыли в Новгород около 10 августа («на этих днях», — пишет Делагарди); издания письма указаны выше.

² Письмо Делагарди выше уже цитировано; шведский дипломат только не сообщил королю истинных причин отказа ярославских властей отправить посольство в Швецию.

³ Так, изложение Самозванца приписано съехавшимся отовсюду служилым людям, избиение при этом поляков («немногих») объясняется тем, что они вступились за Самозванца; инициативе Сигизмунда приписано появление второго Дмитрия, по приказу будто бы Сигизмунда к нему пришли Ружинский, Сапега и другие поляки и т. д.

черкиванием корректного и строго законного поведения русских и непрерывных нарушений договоров и крестоцелований со стороны Сигизмунда; очень ловко ставили на основании так описанного поведения польского короля общедипломатический вопрос: «и как меж вас, великих государей, вперед опричь крестного целования какому укреплению быти?» и просили денежной помощи и дипломатического воздействия на Сигизмунда¹. В грамоте нет даже намеков на готовность русских взять себе в цари принца императорского дома. Но, оказываясь, в переговорах с Пожарским Юсуф указал, что цесарь помирят Россию с Польшей вечным миром, если русские «похотят на Московское государство цесарева брата Максимилиана». Пожарский ответил, что на Москве принца «примут с великою радостию». Император, осведомленный об этом, за отказом Максимилиана предложил через особого посланника выбрать в цари своего племянника. По Россия тогда уже имела царем Мих. Фед. Романова и отказалась, конечно, вести переговоры об австрийском принце. Послам же, поехавшим к императору с извещением о воцарении Михаила Федоровича, было показано, если будут вопросы, говорить, что о Максимилиане, может быть, «приказывал с Юсуфом кн. Дм. Пожарской без совету всей земли Московского государства или будет... Юсуф или переводчик Еремей сами собою затеяли, хотячи цесарского величества жалование какое вымапить»². Так ликвидировалась австрийская кандидатура. Впрочем, она и для ярославских властей была в стадии дипломатического хода, о котором даже не уведомили страну и которым прежде всего хотели добиться скорейшего и более энергичного вмешательства Австрии. И просьба о помощи, сопровождаемая такими полуобещаниями, не оказалась безуспешной. Когда в апреле 1613 г. посол от Земского собора Ден. Оладыин приехал в Варшаву, там уже был цесарев посол с поручением упротить Сигизмунда, чтобы он «Московского государства разорятати и крови крестьянские проливати не велел»³.

¹ Памятники диплом. сношений России с державами иностранными, т. II, Спб. 1852, ст. 1408—1429; тут же, ст. 1429—1432, грамота, извещавшая об отправке австрийского посла морем.

² Там же, ст. 1004—1007, и СГГр и Д, т. III, № 15. Об этих сношениях с Австрией была заметка М. А. Коркунова, О грамоте Земской думы 1612 г. в Известиях Имп. академии наук по отдел. русск. яз. и слов., т. I, Спб. 1852, ст. 189—192.

³ Сборник Имп. русск. ист. общ., т. 142, стр. 404.

Глава VIII

ПОХОД К МОСКВЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕЕ

Долговременное пребывание Пожарского в Ярославле доставило много беспокойства троицким властям. Имея свой план спасения отечества, план, в котором на первом месте стояло скорейшее очищение столицы, они не хотели понимать всей важности созидательной работы ярославского правительства и с самого появления Пожарского в Ярославле торопили его идти к Москве. Но ни их грамота с этим призывом, ни двукратное посольство не убедили руководителей ополчения оставить начатую работу и идти в союзе с казаками освобождать царствующий град. Не действовали также на них и сообщаемые из Троицкой лавры сведения о Ходкевиче, о котором в Ярославле знали, надо думать, не меньше чем у Троицы. Но в монастыре, видимо, очень боялись прихода гетмана, и когда услышали, что он готов скоро устремиться «к шествию пути», труд заставить Пожарского с товарищи послушаться совета взял на себя сам келарь монастыря Авраамий Палицын. 28 июня отправился он в Ярославль и там поучал и начальников и все воинство «от божественных писаний» и умолял спешить под Москву. Действительно, через некоторое время ополчение начало передвигаться к столице. Палицын, любивший выставить себя и родную обитель в центре событий и активными двигателями их, приписал решение вождей ополчения выступить действием своих убеждений¹. Вероятнее, что в Ярославле получили свои сведения о движении Ходкевича с большим обозом и значительными свежими силами² и на основании собственной оценки положения решили предупредить гетмана под Москвою. Во всяком случае только дней через 10 после поучений Палицына, во второй половине июля,

¹ Сказание Палицына в XIII т. РИБ, изд. 2-е, ст. 1209—1212; первая грамота из монастыря Пожарскому в Ярославль напечатана в ААЭ, т. II, № 202; она относится, очевидно, к началу апреля: события 28 марта рассказываются как прошедшее.

² Костомаров на основании польских источников показывает у Ходкевича очень большой отряд, вероятно около 12 тыс. человек: одних казаков, например, в нем было 8 000 человек; величина обоза определяется несколько уже тем, что казаки отбили 400 возов — Смутное время, т. III, стр. 273 (прим.) и 276. Показания дневника сидевших в Кремле, что у Ходкевича было всего 15 хоругвей пехоты и несколько сот всадников, очевидно, неверны: численным преобладанием русских они только и объясняли поражение гетмана — РИБ, т. I, ст. 318—324.

из Ярославля были отправлены Мих. Самс. Дмитриев и Фед. Леванов «со многую ратью», по словам «Нового Летописца», с 400 всадников, — по точному указанию польского источника. Воеводам велено было идти наспех и под Москвой стать не с казаками, а особым острожком у Петровских ворот, что они и исполнили. Первый отряд ярославский прибыл к Москве 24 июля (3 августа н. ст.), а через девять дней, 2 (12) августа, уже прибыл под начальством кн. Д. П. Лопаты-Пожарского второй отряд, состоявший из 700 всадников и устроивший себе острожек у Тверских ворот, также отдельно от казаков¹.

Меж тем под Москвой в конце июля разыгрались знаменательные события. Еще до прихода Дмитриева в полк к кн. Трубецкому явились ратные люди из украинских городов. Утеснение от Заруцкого заставило их послать в Ярославль к Пожарскому Ив. Кондырева и Ив. Бегичева с просьбой идти под Москву, «не мешкая, чтобы им и досталось от казаков не погинути». Едва обласканные и обнадеженные Пожарским ходоки вернулись в таборы, как Заруцкий со своими казаками решил «побить их». Только в укрепленном лагере Дмитриева нашли они себе спасенье, а «украинские люди, — добавляет «Летописец», — побегоша вси по своим градом»². Так Заруцкий лишний раз продемонстрировал свое отношение к земщине. Приблизительно тогда же и Трубецкой, может быть, поощренный присутствием отряда Дмитриева, осмелился, наконец, на деле показать свою склонность стоять если не за земское, то, во всяком случае, за русское дело. Русские источники («Новый Летописец», Палицын) объясняют бегство Заруцкого из-под Москвы только тем, что он осознал, что его господству с приходом земского ополчения наступает конец. Но польские сообщают еще дополнительные любопытные данные. Очевидно, окончательно уверившись в том, что Пожарский не желает иметь с ним никакого дела, Заруцкий завел сношения с Ходкевичем. Хмелевский, один из поляков, служивших в таборах, разоблачил его перед Трубецким. Сам Трубецкой и значительная часть казаков возмущались таким предательством Заруцкого. Посредники в сношениях его с Ходкевичем погибли от пыток, а Заруцкий, увидевшей, что его рискованный шаг не был одобрен даже казаками и осужден его сотоварищем Трубецким, что к тому же под Москвой ему угрожает земское ополчение, 28 июля, увлекши с собой «мало не половину

¹ Новый Летописец, стр. 122; Записки Божки Балыки, Киевская Старица, 1882 г. III, стр. 102—103; РИБ, т. I, ст. 316—317; приведенным здесь цифровым данным о русских отрядах можно верить скорее, чем голословным заявлениям Нового Летописца, поляки были склонны преувеличивать русские силы под Москвой (ibid., ст. 319); Палицын объединил обе посылки и перепутал отчество и фамилию воеводы первого отряда — ст. 1212—1213. Он сообщает также о битве, которую Заруцкий дал Лопате-Пожарскому. Не спутал ли он? Не нужно ли здесь видеть погрома украинских людей? Дело в том, что, по совершенно определенному указанию польского источника, Заруцкий бежал за 5 дней до прихода Лопаты-Пожарского — РИБ, т. I, ст. 316—317. Говорить о высылке казаков навстречу Пожарскому, как Соловьев, История России, ч. II, ст. 1025, не позволяет текст Палицына.

² ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 122.

войска», вероятно около 2 500 человек, паболее «воровских» казаков, но и кое-кого из дворян южных городов, бежал в Коломну, где соединился с Мариной, а потом, ограбив Коломну, ушел дальше на юг — в Михайлов ¹.

Накануне того дня, в который Заруцкий бежал из-под Москвы, выступил в поход к столице и сам Пожарский с ополчением ². По дороге, разославши по городам сборщиков с приказанием «всех ратных достальных людей забивати в полки» и поручивши рать кн. И. А. Хованскому и Мишину, он отправился в Суздаль к гробам родителей и догнал медленно двигавшееся ополчение в Ростове. Сюда из-под Москвы приехали Кручина Внуков с товарищи с официальным поручением от Трубецкого к Пожарскому еще раз просить его спешить к Москве и с тайным намерением выяснить отношение земского ополчения к ним, казакам. Вероятно, эти же послы принесли и известие о бегстве Заруцкого. В связи ли с получением такой вести, позволявшей не ожидать под Москвой особого сопротивления, или ввиду подошедших из городов подкреплений Пожарский решился несколько ослабить рать и, по тревожным вестям о движении «литовских и воровских людей» на север, отправил «для обереганья» на Белоозеро второго воеводу, Гр. Образцова, с отрядом человек в 600—700 ³. Пожарский и Мишин повели ополчение дальше и, не доходя Перемышля-Залесского, получили новое неприятное известие, доставившее им немало лиших хлопот.

¹ Новый Летописец, стр. 123; *Палицын*, ст. 1212—1213; *Соловьев*, ор. cit., ст. 1026; *Костомаров*, ор. cit., стр. 266; дата бегства Заруцкого — в РИБ, т. I, ст. 316—317. О количестве ушедших с ним казаков можно заключать потому, что еще в начале апреля, после неудачного для него боя под Перемышлем-Рязанским (Новый Летописец, стр. 128) и когда от него уже стали убегать, иногда большими группами, ратные люди, переходя на сторону земского правительства царя Михаила, у него еще было казаков «тысячи две» — Дворц. разр., т. I, прилож. № 27. О дворянах, бывших у Заруцкого, — *ibid.*, № 18, 19, 22 (ср. 29), 27 и 31; Кормл. книга Костр. четв., стр. 124 (о Чулкове), и Первые месяцы царствования Мих. Фед., стр. 134 (№ 412), 181—182 (№ 641) и X (общий перечень).

² Дату выступления вывел *Забелин* (Мишин и Пожарский, стр. 86), руководствуясь указанием Нового Летописца, что в первый день ополчение прошло только «семь поприщ», и грамотой митр. Ефрему, писанной 29 июля на Шенуцком (Шенецком, или Шепуцком) яму, в 29 верстах, как показал *Голожаствов* (ор. cit., стр. 163—164), от Ярославля.

³ О посылке Образцова именно «для обереганья от литовских и воровских людей» имеем свидетельство от самих стрельцов его отряда — Акты подмоск. ополчений, № 99, на стр. 121. Впрочем, «литва и воры», успели разграбить Белоозеро еще до посылки Образцова — в Оспожино заговейно и четверг, т. е. 30 июля, — там же, № 114, на стр. 147; ср. *Н. Горбачевский*, цит. Календарь, табл. № 22. Численность отряда Образцова определена приблизительно по данным об его составе: было послано на Белоозеро 4 атамана с их станицами, рота иноземцев и не меньше 80 стрельцов — Дв. разр., I, ст. 1054; Доп. к АИ, т. I, № 165; ААЭ, т. II, № 218, и Акты подмоск. ополч., № 99, на стр. 121. Новый Летописец, выдерживая свою точку зрения на русско-шведские отношения этого времени, и посылку Образцова объяснил целями обороны от «немецких людей» — стр. 122—123. *Костомаров* почему-то ко времени Ростовской остановки относил и посылку под Москву Дмитриева — Смутное время, т. III, стр. 265.

Двинские воеводы предупреждали Пожарского, что ими направлен в ополчение «Шкотские земли немчин Яков Шав» с товарищи, приехавший «к бояром и ко всей земле перед большими послы» о каком-то «добром совете» от имени трех иноземных воевод с отрядом до 90 человек. Уже привезенное Шавом известие, что прибывший до него в ополчение «немчин» был агентом Миниска и вез грамоты к Марине, заставило насторожиться и по отношению к новому странному послу. Назначенный к нему пристав получил наказ несколько задержать его в пути и привезти в Переяславль «на вечер, как столник и воевода князь Дмитрий Михайлович с полки Переяславль пройдут, чтоб немцом полков не видеть». На приеме Шаву у «начальников» выяснилось, что он приехал предложить московским людям услуги сборного отряда западноевропейских любителей подвигов и приключений. Но то обстоятельство, что в этом отряде «объявился» и хорошо известный па Москве «французенин» Як. Маржерет, которого за последнюю его службу в войске Жолковского считали теперь в ополчении агентом Сигизмунда, внушало большие подозрения по отношению и к его неизвестным соотарицам. «Вся земля», которой было передано решение этого дела, определила, «что наемные ратные неметские люди не надобет», так как, — откровенно заявляла она, — «найму дать нечего да и верить им (немцам) нельзя» из-за Маржерета. Грамота, данная в ответ Шаву, уже «на стану у Троицы в Сергееве монастыре», куда ополчение пришло 14 августа, облекала прямой и грубый ответ «всей земли» в уклончивую и вежливую дипломатическую форму. Похваляя «доброхотство» иностранцев, но в то же время с удивлением отмечая объединение их с Маржеретом, грамота недвусмысленно намекала, что им нечего надеяться на хорошее жалованье, если бы услуги их и были приняты, ибо де, — с известною гордостью, но и уклонением от истины замечала она, — все собираемые с земли доходы идут на жалованье только стрельцам и казакам, а бояре и дворяне сами быются «за свое отечество без жалованья», и прямо заявляла, что наемные люди теперь русским не надобны, ибо, объединенные, они и одни управятся с поляками. Обещая в случае нужды прислать к предупредительным иноземцам уполномоченных для найма ратных людей, грамота участливо советовала им теперь не ходить в Россию и «себе своим проходом убытков не чинити», но в то же время на случай, если бы они все-таки решили поехать в Архангельск, предупреждала, что руководители ополчения отпускают к этому городу «на бережение ратных многих людей», выставляя, однако, эту меру направленной против одного Маржерета, собирающегося, по мнению писавших грамоту, чинить зло Московскому государству «по умышлению и по приказу польского Жигимонта короля и панов рад».

Однако нужно было не только ликвидировать данный неприятный случай, но и предупредить возможность подобных в дальнейшем. Пропуск подозрительного немчина без расспроса его, без предупреждения властей земли, словом, без обычного московского «береженья», был большой «оплошкой» двинских воеводы и дьяка,

«оплошкой», которую в воеводе кн. Изв. Гр. Долгоруком руководители ополчения склонны были извинить его молодостью, а в дьяке Путиле Григорьеве хотели объяснить «нерадением», «пьянством» и тем, что он «мужик простой, столько (сколько нужно в дипломатических делах) не знает». И для надлежащего руководства администрацией в важном городе был назначен первым воеводой кн. Фед. Андр. Татев¹.

Придя в Троице-Сергиев монастырь, ополчение предполагало постоять здесь некоторое время, чтобы договором утвердиться с казаками, от которых опасались всяких заводов и умышлений на жизнь Пожарского. Осторожность вполне понятная. В земской рати, по выделении на Белоозеро четырех казачьих станиц, оставалось еще около 2½ тыс. казаков, в большинстве не так давно перешедших в нее из подмосковных таборов или из отряда под Угличем. Мало или во всяком случае недостаточно преданные земскому делу, эти казаки, встретившись со своими товарищами из полка Трубецкого, могли под влиянием последних вернуться к прежним привычкам, могли, особенно в случае содействия Трубецкого, вместе с его казаками стать в оппозиционное или прямо враждебное отношение к земщине. У Трубецкого было, вероятно, свыше 2½ тыс. казаков². Таким образом, объединенный казачий отряд тысяч в пять с небольшим человек явился бы серьезной угрозой для земских людей, особенно в виду надвигающегося Ходкевича. И договор с Трубецким и его полком должен был дать известную гарантию безопасности Пожарскому и его рати, служить некоторым обеспечением внутреннего мира в объединяющемся на основании этого договора лагере русских под Москвою. Однако было не до уговора. Из-под Москвы приехали дворяне и дети боярские с известием о скором приходе Ходкевича. Пожарский отправил вперед кн. Туренина, приказав ему стать у Чертольских ворот, а затем двинулся и сам, переночевал на Яузе, в пяти верстах от Москвы, и, наконец, 20 августа подошел к столице и расположился станом у Арбатских ворот. Едва успели построить острог и окопаться рвом, как разведчики 21 августа сообщили, что Ходкевич уже прошел Вязему — село в 40 верстах от Москвы³. В тот же день гетман подошел к столице и остановился на Поклонной горе.

Силы русских и поляков, сколько можно судить по приведенным выше данным и соображениям, были приблизительно равны⁴.

¹ Дело о приезде Як. Шава издано С. К. Богоявленским в Актах времени междоусобицы, стр. 51—61. Грамота-ответ иноземцам давно известна — СГГр и Д, т. II, № 285. О Татеве — в Актах междоусобицы, стр. 60, и Летопись Двинская, стр. 16, с неверным указанием года. О приходе к Троице — РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1214.

² Численность полка Трубецкого определяется данными о войске, ушедшем с Заруцким, которая составляла «мало не половину» всей подмосковной рати; не нужно забывать, что в войске Трубецкого были и земские люди.

³ *Голохвастов*, цит. статья (Москвитянин, 1844, т. IV, № 7, стр. 162 и прим. 2).

⁴ Убыль от посылки отряда с Образцовым Пожарский, вероятно, с лихвой, пополнял подошедшими из городов отрядами. У поляков не нужно забывать кремлевского гарнизона. Дневник осажденных, чтобы без урона для

Но положение русских было тем невыгодно, что в случае вылазки из Кремля они оказывались меж двух огней, а главное — две их рати, и стоя рядом, оставались разъединенными взаимным недоверием и враждой.

Еще когда Пожарский стоял на Яузе, Трубецкой «безпрестани», по выражению «Нового Летописца», присылал к нему, предлагая остановиться в его укрепленном лагере. На другой день Трубецкой сам выехал навстречу Пожарскому и снова звал его с ополчением в свой острог. Но сосредоточение всего войска на восточной стороне от Кремля, в Замоскворечье, где был лагерь Трубецкого, было невыгодно уже тем, что оставляло для Ходкевича совершенно свободным путь к Кремлю с запада, откуда по Смоленской дороге гетман и наступал; меж тем, становясь у Арбатских ворот, Пожарский составлял своими отрядами преграду Ходкевичу. Кроме того, земское ополчение категорически репало: «отнюдь вместе с казаками не стаивать», пока не был заключен договор о взаимных отношениях. Трубецкой и казаки были раздражены таким отношением к ним земщины, и когда на другой день, 22 августа, Ходкевич со всеми своими силами обрушился на рать Пожарского и когда на нее же бросился сделавший вылазку кремлевский гарнизон, то казаки, несмотря на серьезность, даже критичность положения земской рати, отказались помогать «богатым» ополченцам. Но пять отборных конных сотен, отряженных еще до боя Пожарским Трубецкому, и некоторые казачьи атаманы ¹ «самовольством», без разрешения Трубецкого устремились на помощь земскому ополчению, и поляки вынуждены были отступить с большим уропом. Однако ночью Ходкевичу удалось с помощью русского изменника Гр. Орлова ² доставить помощь осажденным в лице 600 (или 500, по польскому источнику) гайдуков, пробравшихся в Москву. Переправившись 23-го на другой берег Москвы-реки, «где русские не столь хорошо укрепились», гетман произвел 24-го вторую попытку пробиться к Кремлю и доставить таким образом осажденным провиант и провести в Кремль свежие силы. Натиск поляков был так силен, что отряды из ополчения Пожарского, переправленные им в соответствии с передвижением Ходкевича на другой берег, вынуждены были вернуться обратно, а казаки Трубецкого ушли в свой лагерь. Но и на этот раз решительное выступление казаков, поднятых речали Авраамия Палицына, и неожиданный удар Минина с отборными сотнями смешали поляков и решили бой в пользу русских. Ходке-

---

чести объяснить поражение Ходкевича, значительно преуменьшил его силы, указав у него только 15 хоругвей польской пехоты и несколько сот всадников и не упомянув даже о казаках, и в то же время сильно преувеличил количество русских войск: «несколько десятков тысяч» конницы и, кроме того, «большое число стрельцов» — РИБ, т. I, ст. 318—319.

¹ Один из этих атаманов — Аф. Коломна — участник июньского посольства из таборов в Ярославль — СГГр и Д, т. II, № 281.

² Не одно ли это лицо с Гр. Н. Орловым, получившим по челобитью на имя Сигизмунда и Владислава поместье Пожарского в 1610 г.? — СГГр и Д, т. II, № 267; полностью дело об этом пожалованье напечатано Л. М. Сухотинным в *Земельн. пожал.* при Владиславе, стр. 54—56.

вич за два дня битвы — и по русским и по польским источникам — понес значительные потери людьми; кроме того, казаки захватили 400 возов из его обоза. Ему теперь ничего не оставалось делать, как идти снова собирать провиант и набирать новые силы, и 28 августа, передав осажденным просьбу потерпеть еще три недели, пока он вернется, гетман ушел от Москвы на запад ¹.

Под Москвой против сидевших в Кремле и Китай-городе поляков остались два русских ополчения, далеко не примиренные друг с другом. Была даже произведена попытка со стороны искусственно подогреть враждебность казаков к земскому ополчению. Согласно единственному и вряд ли вполне беспристрастному источнику — грамоте из ополчения Пожарского к епископу Сильвестру на Вологду — дело представляется в следующем виде: 5 сентября под Москву в лагерь Трубецкого приехали Ив. и Вас. Шереметевы и, соединившись со старыми тушинцами кн. Гр. Шаховским, Ив. Плещеевым и кн. Ив. Засекиным ², начали побуждать казаков убить Пожарского, разогнать земское ополчение и идти грабить Ярославль, Вологду и другие города; при этом целью тушинцев, по словам грамоты, было добиться того, «чтоб литва в Москве сидели, а им бы по своему таборскому воровскому начинанию вся совершати, и государство разорити и православных христиан побивати». Факт агитации среди казаков, очевидно, нужно признать, но особого успеха она не имела. Дальше «великих», по словам грамоты грабежей и убийств в полках и по дорогам казаки не пошли. Таким образом, если в общем поведение казаков продолжало внушать опасения земской рати, то все-таки в нем были заметны и утешительные признаки. Затем власти Троице-Сергиевой лавры, давно старавшиеся примирить Пожарского с Трубецким, сделали еще одну попытку воздействовать на вождей обоих ополчений в пользу соглашения. На этот раз присланное из Троицы послание, риторическое и неисполненное текстов, но с искренним чувством глубокого сожаления по поводу неуместной и вредной, с точки зрения писавших, вражды двух лагерей освободителей отечества, «последние двема князем Дмитрием о соединении и о любви» ³, оказалось,

¹ О событиях от стоянья у Троицы до бегства гетмана — Нов. Летописец, стр. 123—126; РИБ, т. I, ст. 317—326, и т. XIII, изд. 2-е, ст. 1214—1223; Хроника Иасацкого — Пам. пр. письменности, т. XVIII, стр. 51—52; История Кобержицкого в «Сыне отеч.», 1842, № 3, стр. 12—13; Мемуары Арсения Елассонского, стр. 158—159, с неверной датой второго боя; ААЭ, т. II, № 213 (по этой грамоте Трубецкого и Пожарского русские с Ходкевичем «бились четыре дни и четыре ночи, не сходя с лошадей»). Наиболее обстоятельное изложение событий этих 10—11 дней у *Забелина*, Минин и Пожарский, изд. 3-е, стр. 87—100; но с точкой зрения автора на действия Трубецкого, в которых он видел явную и умышленную измену русскому делу, очень трудно согласиться; не считал, видимо, изменником Трубецкого и Пожарский, раз посылал ему из своего отряда 5 сотен.

² О Шереметевых и Плещееве уже была речь; о тушинской службе Шаховского и Засекина, например, Сборник кн. Хилкова, № 12, LVII, LIX и VII.

³ ААЭ, т. II, № 219. *Костомаров* относил послание ко времени после освобождения Москвы — Смутное время, т. III, стр. 291; хотя нет сведений о взаимной вражде князей в ту пору.

повидимому, не бесплодным. В последние числа сентября уговор с казаками был, наконец, заключен, и ополчения слились, по крайней мере, своими правительствами, воедино. «По челобитью и по приговору всех чинов людей» Трубецкой и Пожарский «стали во единачестве», соединили свои разряды и другие приказы и поставили их на нейтральном месте — на Неглиме. Грамоты от единого правительства должны были теперь писаться от имени обоих воевод, причем имя Трубецкого, как боярина, становилось на первое место. Извещая землю о своем объединении, воеводы даже предупреждали: «а которые грамоты учнут приходить к вам, от кого-нибудь от одного, и вы б тем грамотам не верили»¹. Документальные источники позволяют довольно точно установить дату этого соединения ополчений. От 20 сентября имеется отдельная грамота от Трубецкого², от 25 сентября сохранились две грамоты от одного Пожарского³, но в сентябре же, к сожалению, без числа, па Углич писали уже Трубецкой и Пожарский вместе⁴.

Объединение ополчений само по себе значительно увеличивало если не силы русских, то значение, действенность их сил. Подходили к Москве и новые отряды, поднимавшие численность осаждающей рати; по крайней мере, известен отряд кн. Тюфякина, пришедшего из северских городов⁵. Еще до объединения, к 22 сентября (2 октября н. ст.) у Пожарского была готова батарея у Пущечного двора, и даже раньше русские забрасывали ядрами крепость, пробовали штурмовать поляков⁶. Очевидно, в октябре, вследствие слухов о скором новом приходе гетмана Трубецкой и Пожарский укрепили свои позиции извне: от Москвы-реки и до нее же заплели плетни, засыпали их землею, прокопали глубокий ров⁷. Таким образом, если бы и пришел теперь Ходкевич, ему было бы значительно труднее подать помощь осажденным или доставить им провиант. Но Ходкевич и не приходил. Поляки, сидевшие в Кремле, напрасно слали просьбы о помощи и гетману и королю⁸; никто не являлся на их зов. Недостаток провианта, остро ощущавшийся еще в августе, становился настоящим голодом. Еще, повидимому, в сентябре, вскоре по уходе гетмана, поляки, не желая кормить из своих очень скромных запасов лишние голодные рты, выгнали из Кремля жен, детей, стариков даже родню сидевших с ними бояр, предварительно

¹ ААЭ, т. II, № 214 и одновременно посланная от «всех чинов людей» № 215; грамоты не имеют даты посылки, но едва ли правильно отнесены издателями к концу октября — началу ноября.

² Акты Юшкова, № 311.

³ АИ, т. II, № 339; в самом акте, в том виде, как он издан, нет отметки числа и месяца, но в Книге копийной Симонова монастыря эта грамота датирована 25 сентября. — Н. Попов, Собрание рукописей Моск. Симон. мон. (в Чтен. Общ. ист. и древн., 1910, кн. II, стр. 129); Арзам. поместные акты, № 315.

⁴ Угличские акты Лнинского, № 3; грамота от 2 октября от обоих воевод издана в Арзам. пом. актах, № 319; от 4 октября давно известна — ААЭ, т. II, № 213.

⁵ РИБ, т. I, ст. 339.

⁶ То же, ст. 326, 339, 347; ср. ААЭ, т. II, № 214 и 215.

⁷ Новый летописец, стр. 126.

⁸ РИБ, т. I, ст. 325—326, 339—347.

обобрава их; отбирали и у оставшихся с ними русских провиант и всякие ценные вещи и одежду¹. Эти драгоценности частных лиц и, вероятно, государственные некоторое время давали полякам возможность добывать себе провиант от осаждающих. Среди последних нашлись корыстолюбцы, которые за «злато, серебро и жемчуги», спускаемые поляками по почам в корзинах, снабжали их с помощью тех же корзины хлебом. Но скоро эта торговля была раскрыта, виновные были наказаны², а поляки оказались окончательно во власти голода. Русские от перебежчиков знали о печальном положении польского гарнизона³. Не желая напрасно тратить время и проливать кровь и надеясь, что крайность положения заставит поляков подумать о собственном спасении, Пожарский еще 10—11 сентября обратился к рыцарству с письмом, «в котором убеждал их сдаться», обещая сохранить им жизнь и даже свободное для желающих возвращение на родину. Поляки ответили гордым и вместе дерзким отказом. 13 сентября русские попытались взять Москву приступом, но поляки отбили их⁴. Еще больше месяца стояли воеводы под крепостью, очевидно, надеясь, что голод сам вынудит поляков сдаться. Действительно, поляки дошли до того, что ели трупы умерших, убивали и поедали пленных, товарищей и даже родных⁵, но не хотели сдаваться, надеясь на помощь короля или гетмана. Очевидно, подготавливая новый приступ, русские начали вести подкоп под Китай-город, но поляки успели поменшать работам в самом начале. Однако голод, ставший совершенно непереносимым после обильного снега, покрывшего «последнюю пшцу — увидшую траву», делал свое дело⁶, и полякам поневоле пришлось думать о сдаче. По свидетельству сидевшего с ними Божки Ба-

¹ Цит. мемуары Арсения Елассонского, стр. 159—160, конечно, дата 23 августа неверна, но у архиепископа и отступление Ходкевича отнесено к 22 августа; очевидно, первое следовало за вторым через очень непродолжительное время. Высылку женщин и детей относят ко времени между уходом Ходкевича и взятием Китай-города, — также Повесть кн. П. М. Катырева-Ростовского (РИБ, т. XIII, ст. 615 и 702), и Новый Летоисеце, ред. кн. Оболенского (Временник, кн. 17, стр. 157). По Запискам Болтина, выходит даже, что женщины и дети были выпущены до боя с гетманом (Изборник, стр. 356); по Новому Летоисецу, обычной ред., это было по взятии Китай-города (стр. 126). Изложение очевидца Арсения кажется наиболее вероятным.

² Изложение о снабжении поляков хлебом представляет небольшую вставку в текст Сказания Палицына в одной из рукописей Церковно-археол. музея при Киевск. дух. акад.; она опубликована С. Ф. Платоновым в 7 вып. Действий Нижнег. арх. ком., т. I, стр. 278 (также во 2-м изд. Древнерусск. сказаний и повестей о Смутном врем., стр. 447).

³ ААЭ, т. II, № 214; знание это видно и в письме Пожарского полякам с предложением сдаться — РИБ, т. I, ст. 326. О сдачах отдельных лиц говорят и польские источники — *ibid.*, ст. 350 и 360; Акты Междун., стр. 76.

⁴ РИБ т. I, ст. 326—339; ответ поляков на предложение Пожарского датирован 21-м (т. е. 11-м ст. ст.) сентября, потому и по общей хронологической канве дневника 25 сентября перед сообщением о письме Пожарского, очевидно, описка.

⁵ Об ужасах голода говорят все источники; особенно яркие данные в жит. дневнике осажденных — РИБ, т. I, ст. 348—350, и в Записках Божки Балыки, Киевск. стар., 1882, т. III, стр. 103—104.

⁶ РИБ, т. I, ст. 350—351 и 360, Записки Б. Балыки, стр. 104.

лыки, находящему подтверждение и в показаниях бывшего в это время в лагере осаждающих новгородского посла Б. Дубровского, поляки уже выразили желание начать переговоры, стороны обменялись заложниками, и 22 октября утром на одной стороне Китай русские уполномоченные занимались с польскими выработкой условий сдачи, когда с другой стороны казаки и земские люди устремились на приступ. Сильно уменьшившиеся в числе и обессиленные от голода поляки не могли оказать серьезного сопротивления, и после непродолжительного боя Китай оказался в руках русских¹. Со взятием Китая были сочтены дни и Кремля. Три дня прошли в переговорах, в которых принимали участие и сидевшие в Кремле бояре. 26 октября был подписан и скреплен крестным целованием договор, который, с одной стороны, обеспечивал полякам жизнь, с другой — устанавливал отобрание в казну «у бояр и у окольных и у дванов и у всяких людей, которые у литвы сидели в Москве», имевшейся у них «государевы казны или какие земские». В тот же день из Кремля были выпущены бояре, с честью принятые земским ополчением, а 27 вышли и поляки: полк Струся в лагерь Трубецкого, Будила со своим полком в лагерь Пожарского. Вопреки договору казаки перебили почти всех попавших к ним поляков, были убиты и среди попавших к земским людям. Чтобы закончить речь о пленных, остается указать, что потом оставшиеся в живых были разосланы по городам и в иных из них, как в Галиче, также были побиты населением.

27 октября русские вступили в разоренную столицу. Началось очищение улиц и особенно храмов, а в ближайший воскресный день — 1 ноября — состоялся торжественный крестный ход с благодарственным за освобождение Москвы богослужением².

¹ Там же, стр. 104—105, и Арсеньевские шведские бумаги в V вып. Сборника Новгородск. общ. любит. древн., стр. 17. Дубровский приехал под Москву 6 октября, выехал обратно в Новгород в середине декабря — Доп. к АИ, т. I, № 166, и указ. стр. Арсеньевских бумаг. Дата взятия Китая — 22 октября — указана прямо числом (например, в цит. Доп. к АИ, т. I, № 166, с опиской в месяце: сентября вместо октября), именем св. Аверкия (например, Новый Летописец, стр. 126) или днем недели — четверг (в мемуарах Арсения Елассонского, стр. 162) — во многих, почти во всех, источниках. Дневник осажденных говорит, однако, о двух отбитых приступах 1 и 4 ноября — 22 и 25 октября — РИБ, т. I, стр. 351. Участие земских людей в «Китайском взятии» устанавливается массой пожалований за эту службу, см., например, Четвергички Смутн. врем., по указателю.

² Об участии бояр в договоре — Новые акты Смутного времени, № 80. Первый пункт договора в мемуарах Арсения, стр. 162, и в дневнике осажденных, ст. 352; второй — в Акт. подмоск. ополч., № 112. Столб. б. Арх. Оруж. палаты, опис. А. Успенским, вып. I, М. 1912, № 2, стр. 1. В XVII в. «Приговор боярской, как литовские люди город Кремль здали 121-го году» хранился в архиве Разряда, например, значится среди дел, спасенных от пожара 1626 г. — И. И. Лизачев, Разрядные дьяки XVI в., СПб. 1888, прилож., стр. 53. — Об освобождении Кремля вообще — Новый Летописец, стр. 127, мемуары Арсения, стр. 162, записки Б. Балыки, стр. 105, и РИБ, т. I, ст. 351—354. Выход бояр датирован 26 октября, а поляков и вместе вступление русских — 27 октября в грамоте на Белоозеро от 6 ноября — цит. Новые акты Смутн. врем., № 80; 27-е же (с опиской в месяце: ноября вместо октября) указывают днем очищения Москвы — Дворц. разр., т. I, ст. 9; 26-е, как день окон-

Но в самой столице дни радости скоро сменились днями печали и тревоги. Казаки по освобождении Москвы снова начали так буйно и настоятельно требовать жалования, что у них с дворянами, старавшимися защитить от их насилий начальников, «едва без крови пройде». Власти ополчения, очевидно, не имея никаких запасных средств для раздачи казакам, отдавали им отобранное у пленных имущество и принялись за розыски хранившейся в Москве государственной казны. Хозяинничавшие до того в столице «друзья великого короля» Сигизмунда — Андронов, Ив. Безобразов и Ив. Чичерин после пыток были отданы за пристава, а Тимофей Савин, Степ. Соловецкий и Бажен Замочников умерли от пыток. Казна была найдена, много денег из нее было роздано «воинам и казакам», и «весь народ успокоился», — заключает свой рассказ об этом эпизоде архиепископ Арсений, непосредственный свидетель событий¹.

Казаки старались удовлетворить не только с тем, чтобы удержать их от новых насилий и грабежей в стране и столице. Они были теперь главной защитой Москвы. Земские ратные люди, считая свою роль со взятием «царствующего града» оконченной, начали, по московскому обычаю, разъезжаться из полков по домам, а часть их была послана на службу в города и с разными поручениями². Меж тем с запада грозила серьезная опасность. Сигизмунд, давно обещавший боярам прислать Владислава, наконец собрался идти с ним сам, летом прибыл в Вильну, а в октябре был уже в Смоленске. С ним было только «два отряда немецкой пехоты». Рыцарство, стоявшее в Смоленске, отказалось следовать за королем, и только после его ухода 1 200 человек конницы решили присоединиться к нему и догнали его уже в Вязьме. Здесь Сигизмунд дождался Ходкевича с остатками его отряда и, по совету гетмана, решился с такими слабыми силами идти в глубь Московии, надеясь на содействие верных ему бояр. О сдаче Кремля он не знал и спешил теперь помочь несчастным осажденным. Не подозревали о походе короля и сидевшие уже в Москве русские, как вдруг под стенами ее были пойманы вязьмичи — дети боярские, приехавшие с грамотами от короля к «ли-

чания переговоров, отметил и Б. Балыка; дату более поздней — от 15 ноября — грамоты к митроп. Исидору «в город вошли октября в 26 день» (Доп. к АП, т. I, № 166), принятую многими исследователями, нужно признать неточной. О торжественном церковном ходе «в день недельный» — у Палицына, РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1228—1231; ближайшее воскресенье было 1 ноября — Н. Горбачевский, указ. Календарь, табл. № 22. Известительные грамоты об освобождении столицы — Нов. акты Смутн. вр., № 80, и СГГр и Д, т. II, № 288 (также в РИБ, т. II, № 101). Выяснению вопроса «о времени сдачи поляками русским Кремля в 1612 г.» были посвящены специальные работы П. Каванского в Чтен. Общ. ист. и древн., 1869, кн. III, и А. Кондратьева в Журн. Мин. нар. просв., 1877, № 4; у них собраны указания всех известных тогда источников; выводы первого: сдача Кремля 26 октября, а торжественное вступление русских 1 ноября; второй те же события датирует и 23 и 26 октября.

¹ Мемуары Арсения, стр. 164—166; Записки Б. Балыки, стр. 105; РИБ, т. I, стр. 353; Новый Летописец, стр. 127; А. Hirschberg, Polska a Moskwa стр. 363—364 (показания Ив. Философова).

² Известна посылка отряда в Устюжну — Четверткин См. вр., стр. 194, ср. для датировки Акты подмоск. ополч., № 123; о поручениях в показании Богд. Дубровского, неоднократно цит. выше.

товским людям» и боярам. От неожиданного известия, что Сигизмунд уже в Вязьме, «начальники и все ратные люди начаша быти в великой ужаси». Москва совсем не была приспособлена для осады: в ней не было запасов, значительная часть ратных людей успела разъехаться из полков. Спешно были разосланы грамоты по городам с просьбами выслать ратных людей. Ненависть к полякам и нежелание иметь Владислава царем были так сильны, что, несмотря на неблагоприятные условия, решено было защищаться до крайности. К счастью для русских, Сигизмунд со своими малыми силами не мог достигнуть никаких успехов. Добровольно города не открывали ему ворот, брать их приступом нехватало войска. Потерпев неудачу под первым уже городом — Погорелым Городищем, — король, как бы следуя совету воеводы этой крепости добиться признания в Москве, отправил 28 октября к столице панов Зборовского и Млоцкого и из московских людей окольного кн. Дан. Ив. Мезецкого и дьяка Ив. Грамотина с тысячным отрядом «объявити московским людям всем свой господарской приход» и «зговаривати Москвы, чтобы приняли королевича на царство». Потерпев еще чувствительные потери под Волоком-Ламским, гарнизон которого храбро отбил три приступа королевского войска, Сигизмунд остановился неподалеку в селе Федоровском, где и получил в конце ноября донесение от своих послов под Москву. Вести были неутешительные. Москвичи отказались вступить в переговоры с посланными, учинили задор и бой с подъехавшими к Москве тремя сотнями поляков. Взятый в плен в этой стычке смолянин Ив. Философов показал, что желающие Владислава бояре даже не смеют говорить об этом, боясь господствующих в городе казаков, у которых есть свои кандидаты на престол. Численность кремлевского гарнизона (4 500 казаков, тысячи две дворян и 1 000 стрельцов) была достаточно велика, так что с силами Сигизмунда трудно было надеяться на успех в военных действиях. Такие известия из-под Москвы, явное нежелание русских по другим городам принять королевича, начавшиеся дожди и морозы побудили Сигизмунда отказаться на сей раз добыть Московию и повернуть из села Федоровского обратно в Польшу. Убежавший по дороге от короля кн. Мезецкий привез в Москву известие об его отступлении. «Вовсех же городех радость бысть велия» по поводу избавления от врагов¹. Теперь с большею безопасностью и большим спокойствием можно было сосредоточиться на внутренних делах освобожденного, хотя и не вполне еще, отечества.

¹ Новый Летописец, стр. 127—128; История Кюбержицкого, стр. 15—17; Хроника Писецкого, стр. 52—53; А. Hirschberg, op. cit., стр. 361—364; Мемуары Арсения, стр. 163—164. О подъезде трех сотен поляков к Москве — Разр. записи за Смутное вр., стр. 63; здесь же и в Дворц. разр., т. I, ст. 8, о бегстве Мезецкого. — Источник «эпической редакции» показаний Философова в Новом Летописце, — очевидно, его челобитная царю Михаилу, изданная Е. Сталевским в прилож. к исследованию Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. I, Киев 1913; но в такой же «эпической редакции» показания Философова были известны и руководителям ополчения еще в декабре 1612 г. — Сборник Новгор. общ. любителей древн., вып. V, стр. 20.

Глава IX

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОД МОСКВОЙ И В МОСКВЕ И НОВЫЙ СОСТАВ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Руководители ополчения под Москвой и в Москве были заняты не только осадой столицы и, по взятии, подготовкой защиты ее от надвигавшегося Сигизмунда. Одновременно и позже ими принимались меры по обороне страны от других неприятелей и продолжалась организационная и текущая административная работа. Остановимся сначала на первых.

Мы уже знаем, что еще летом один польско-литовский отряд проник на север и разорил Белоозеро¹. В сентябре, когда Ходкевич после поражения под Москвою возвращался обратно к литовской границе, уже вблизи последней от него отделился Наливайко со своими запорожцами и кое-какие группы польско-литовских наездников. Их намерением было пробраться в Поморье, где можно было найти богатую и плохо защищенную, ввиду сосредоточения русских сил под Москвою, добычу. Впрочем, Наливайко с главными силами пока задержался у границы, может быть, в связи со сборами в поход Сигизмунда. Но часть черкас и польско-литовских людей тогда же успела прокрасться незамеченной за Волгу, соединилась с скопившимися там русскими «ворами», и сообщая «безвестно изгоном» напали они 22 сентября на богатую торговую Вологду. Момент и место нападения были выбраны очень удачно. После летних успехов Пожарского население севера, кроме западных, ближайших к «Новгородскому государству», уездов, чувствовало себя в безопасности. Печальная участь Белоозера, может быть, ввиду единичности факта и западного положения города, не произвела надлежащего впечатления. Так, на Вологде в момент нападения «воровских людей» «воеводским нерадением и оилошеством» (шляпством их, как говорится ниже в том же донесении) не было не только «отъезжих караулов», но даже стражи на башнях и остроге, «большие ворота были незамкнуты», а стоявшие у других «немногие люди» «не слышали, как литовские люди в город вошли». При таком положении охраны вполне понятны и удача похода и успех нападения. Три дня хозяйничали «литовские люди» в Вологде: разгромили и «выжгли до основания город и посады», пограбили и ближайшие

¹ См. выше, стр. 148, прим. 3.

окрестности, например, Спасо-Прилуцкий монастырь, перебили многих жителей, в том числе убили одного из воевод, околичного кн. Гр. Бор. Долгорукого, и дьяка Ист. Карташева, другой воевода и часть горожан искали спасения в бегстве. Захватив богатую добычу, «литва и черкасы» так же быстро и исчезли, как и появились; «прошли назад резвым же делом», по словам современного документа, к Можайску и Вязьме, откуда и приходили¹.

Вологодский разгром вызвал на севере движение. Характерно что молва обвинила в разорении Вологды стрельцов, которых подмосковные воеводы послали на Вагу «для запасов», настолько невероятным казалось появление «литовских людей» в этом крае. Города старались разузнать и извещали друг друга о том, что случилось. И правители под Москвой, узнав уж в начале октября о нападении на Вологду, спешили известить об этом северные города и напомнить им о необходимости «жити с великим береженьем, город и острог укрепить...», чтобы литовские люди безвестно не пришли и дурна какова пад городом не учинили», опровергая и слух о стрельцах. И некоторые города стали уже теперь «себя остерегать». На Вологде спешно местными силами строили новый острог и копали ров².

Но для активной борьбы с вторгнувшимися врагами были нужны больше чем только местные силы. Еще летом, как мы уже видели, на север был послан «для оберегашья от литовских и воровских людей» Гр. Образцов. Он, по вологодским вестям, довольно скоро, уже 29 сентября прибыл на Вологду со всем своим отрядом и стоял здесь несколько дней, впрочем, не принеся пользы, так как «воровские люди» успели уже уйти, а в деле восстановления порядка он не поладил с местными властями. Однако отряда Образцова также было недостаточно. И предводители ополчения, как только им «про вологодское разорение ведомо учинилось», тотчас послали за литвою и за черкасы к Вологде наскоро кн. Фед. Андр. Елецкого с товарищи, «а с ними дворян и детей боярских розных городов многих ратных людей». Но действовать на севере Елецкому не пришлось. Он только «еще в Ярославль пришел, а те литва и черкасы» уже «с Вологды прошли назад» с большою поспешностью. За октябрь новых известий о нападениях не поступало, меж тем силы военные были нужны под Московью, могли понадобиться во всякий момент где-нибудь в другом месте, и было бы неблагоприятно без особой надобности усылать их далеко на север. И еще около середины ноября сибирский царевич Араслан и кн. Елецкий продолжали готовиться в Ярослав-

¹ Новый Летописец, стр. 126; *П. Савваитов*, Описание вологод. Спасо-Каменного Духова мон., СПб. 1860, прилож. III (и Волог. епарх. вед., 1865, № 20), и печатаемая в прилож. грамота Трубецкого и Пожарского в Сольвычегодск.

² Указ. грамота в Сольвычегодск — ААЭ, т. II, № 213 (грамота в Яренск от 4 октября); о постройке острога на Вологде в челоуиты Спасо-Прилуцкого мон. — Сборник стар. бумаг, хранящ. в музее П. И. Щукина, ч. IV, М. 1898, стр. 26—28 (в ААЭ, т. III, № 15, напечатана более поздняя челоуитная того же монастыря, но с теми же сведениями).

ле к походу «на воров на казаков», как они сами писали на Белоозере ¹.

Октябрь прошел для севера спокойно. Но в поябре, как бы в качестве предостережений о новых намерениях русских «воровских» казаков, черкас и литвы, шли вести о грабежах Нагибы в Пошехонском уезде и о погроме запорожцами с Песоцким во главе «московских казаков» недалеко от Торжка ². Позже, когда Сигизмунд в Волоколамске узнал о неудаче своих посланцев под Москвою, он «отпустил в войну» против русских из своего войска полковника Яцкого с отрядом в 1 000 человек. Вместе с тем были развязаны руки и Наливайке. Теперь, когда надежды на воцарение Владислава в Москве, собственно, уже окончательно рухнули, разорение России являлось не грабежом подданных королевича, а борьбою с враждебным народом. И вот вслед за Песоцким Наливайко и Яцкий, вероятно, тем же путем: мимо Торжка и Старицы, потянулись на север и там одновременно, а частью и вместе с русскими «ворами» начали новое в гораздо больших размерах опустошение. Силы врагов достигали теперь тысяч восьми человек, и действовали они несколькими отрядами ³.

С начала декабря отряд Песоцкого побывал на Белоозере, под Кирилловым монастырем, где потерпел поражение, под Каргополом; в это же время «литовские люди» были на Чароде; Белоозерский и Каргопольский уезды были наводнены разорителями и в конце декабря и в январе, потом часть их направилась к Холмогорам. Сам Наливайко был под Старицей, Устюжной, стоял в новгородских пределах. Яцкий 22 января разорил Сольвычегодск, но потом был жестоко побит устюжанами и прогнан к югу; остатки его отряда были, вероятно, в феврале, разбиты уже в Кадомском уезде. Другие отряды действовали в Капшинском, Угличском, Костромском уездах, под Весью Егонской, Тотьмой, Солигаличем. И везде по пути их шествия оставался тяжелый след в виде сожженных посадок, сел и деревень, разоренных и посеченных жителей. Так север, который руководители земского ополчения так старались оберечь от подмосковных казаков, как главный источник своих ресурсов, ста-

¹ Время прибытия Образцова на Вологду устанавливается пометой о получении грамоты в А. до ю. б., т. II, № 191; об его пребывании — цит. челобитие Спасо-Прилуцкого мон. в Сборнике бумаг *П. И. Щукина*, ч. IV, стр. 26—28; *П. И. Савваитов*, Опис. волог. Спасо-Кам. мон., прилож. III; Доп. к АИ, т. I, № 165 (и А. до ю. б., т. II, № 193). Об Елецком в указ. грамоте в Сольвычегодск; отписка его и Араслана на Белоозеро — ААЭ, т. II, № 218.

² О Песоцком — Доп. к АИ, т. I, № 168; о Нагибе — ААЭ, т. II, № 218. Этот Нагиба не одно ли лицо с казаком Нагибой, у которого некоторое время был до своего самозванства Илейка и который потом сидел с Болотниковым в Туле и с атаманом Нагибой Жегулиным, пришедшим к Пожарскому из-под Москвы? (ААЭ, т. II, № 81, и СГГр и Д, т. II, № 281; позднейших сведений о Жегулине сыскать не удалось).

³ Об Яцком — АМГ, т. I, № 260; о Наливайке — Доп. к АИ, т. I, № 179. Припоминая, что у Наливайки во время похода к Москве было 8 000 казаков, признаем правдоподобными указания на севере 7 000—6000 черкас — Доп. к АИ, т. I, № 172, и Арсеньевские бумаги, стр. 21; а кроме них, действовал Яцкий и русские «воровские» казаки.

новился добычей верно выбравших момент зарубежных польско-литовских и частью русских грабителей ¹.

Перед лицом опасности привыкшее в самостоятельности население севера само при содействии воевод или даже без него принимало меры к ограждению своей безопасности: напимались стрельцы, собирались даточные, устраивались сторожи и засеки, для защиты Холмогор была даже выстроена крепость ².

Но одному населению не под силу было справиться с черкасами. Положение дел на севере требовало немедленной помощи. Из разоренных и угрожаемых городов шли под Москву просьбы о военных припасах, о ратных людях. Удовлетворяя первые, Трубецкой и Пожарский, сами получавшие зелье и свипец из Вологды, приказывали вологодским воеводам, рассылать из их запасов «зелейной казны» по городам и засекам, в ней нуждавшимся. К январю уже и на Вологде свища и зелья стало мало, а новые запасы с Холмогор еще не успели прибыть, и приходилось в меньших размерах удовлетворять заявления новых просителей ³.

Старались воеводы ополчения оказать северным городам сильную помощь и ратными людьми. По освобождении Москвы, по не знаю точно когда, в Устюжну Железнопольскую были посланы на службу к кн. Анд. Вас. Сицкому московские дворяне, жильцы и дворяне и дети боярские разных городов. В начале декабря собирались идти в помощь к Кириллову монастырю Барай мурза Кутумов из Романова и кн. Ф. Елецкий из Ярославля, а около середины декабря из Ярославля же к Вологде ждали «с большими людьми» Ив. Петр. Шереметева. Но сборы в Ярославле продолжались очень долго. Очевидно, ратные люди, присланные из-под Москвы с Елецким, когда они оказались не особенно нужными для похода на север, но необходимыми под столицей в связи с вестями о Сигизмунде, были вытребованы обратно. С Шереметевым уже должны были идти, по словам его собственной отписки, все местные люди: ярославцы, костромичи, галичане, пошехонцы дворяне и дети боярские и романовские татары, которых, повидимому, еще надо было собрать ⁴. Но в зимний поход ратные люди всегда шли крайне

¹ Доп. к АИ, т. I, № 168—174, 178 и 179; Акты времени междоусобицы, стр. 64; Чтен. в Общ. ист. и древн., 1886, кн. 1, смесь, стр. 1; И. К. Степановский, Вологодская старина, Вол. 1890, стр. 36, 33 и 379, 363—365, 416; АМГ, т. I, № 260; Четвертчики Смутн. вр., стр. 211 (о Костр. у.); АИ, т. II, № 343. Описанию похода черкас и борьбе с ними посвящена особая статья, основанная, между прочим, на архивных материалах Н. Н. Ардашева, Из истории XVII в. Очищение русской земли, в Журн. Мин. нар. просв., 1898, № 6, но с немалым числом хронологических ошибок.

² О наеме стрельцов на Устюжье — Акты подмоск. ополч., № 123, на Белоозере — *ibid.*, № 111 и 113 (на стр. 147 и 152); о сборе даточных в Вологду — АЮ, № 341, I и II, и указ. челоб. Спасо-Ирил. мон. — Сборник Шуйкина, ч. IV, стр. 26—28; в Белозерск. у. — Акты подмоск. ополч., № 78 и 83; о за-сенах ААЭ, т. II, № 217; о мерах защиты Холмогор в заметке Д. Мерула, Холмогоры в Смутное время, — «Русь», 1883, № 16.

³ О челобитных, например, указ. Чтен. в Общ. ист. и древн., 1886, кн. I, смесь, стр. 1; о зелье — Доп. к АИ, т. I, № 175.

⁴ Четвертчики Смутн. врем., стр. 194 (о Сицком); Доп. к АИ, т. I, № 171 и 172 (об Елецком и Шереметеве). Об отозвании обратно ратных людей,

неохотно, а теперь, когда опасность грозила и их собственным поместьям, вызвать их на службу было еще труднее. Елецкий и Шереметев дальше Ярославля так и не бывали ¹. Однако количество бойцов с разорителями все же возросло за счет московских войск. Повидимому, когда опасность от Сигизмунда миновала, с Москвы была отправлена часть смолян в Белозерский уезд для искомещения, по вместе, очевидно, и для борьбы с «ворами». К концу декабря смоляны были уже на месте и принимали участие в обороне края ². Наконец, в первой половине января в Вологду прибыл для похода «против польских и литовских людей и русских воров» царевич Араслан с беспоместными дворянами разных городов, с татарами и казаками, а в феврале — Кутумов с казаками и романовскими татарами. Отряды, их были кажется, довольно велики; по крайней мере, Кутумов требовал провианта на 1 200 человек, но пользы принесли они немного. Предводители их, явившись в Вологду, больше внимания уделяли, как видно, впрочем, из челобития потерпевших, выколачиванию (в буквальном смысле слова — «с правежу») денег, разного рода продуктов и пр. с разоренных крестьян, на долю которых выпала тяжелая повинность давать содержание этим отрядам, чем борьбе с продолжавшими свою разрушительную работу черкасами и поляками. Царевич Араслан даже отказался послать ратных людей из своего отряда в Каргополь, не считаясь ни с просьбами воеводы, который не мог проехать в назначенный ему город из-за литовских людей, ни с возможностью полного разгрома этого города ³. Известно только, что девять казачьих атаманов с казаками, татарами и поляками (очевидно, служилыми иноземцами), надо полагать, из отряда сибирского царевича или Кутумова, «ходили за литовскими людьми, которые были в белозерских местах и в поморских городах», а когда «про литовских людей вести потипели», они пришли — не позже середины марта — в Бежецкий уезд ⁴.

присланных с Елецким, заставляет заключать и то, что в октябре и ноябре воеводы требовали присылки служилых людей даже из Белоозера, — Акты подмоск. ополч., № 99 (на стр. 121, требование получено «в великое промежовинье», т. е. до заговенья на рождественский пост 14 ноября) и № 80.

¹ Нет никаких сведений о действиях Елецкого и Шереметева на севере.

² Доп. к АИ, т. I, № 173, 178.

³ Первое упом. об Араслане в Вологде 14 января — АЮ, № 339, VII; затем Сборник Шукина, ч. V, стр. 146; первое хронологически челобитие на него и Кутумова здесь же, стр. 88—89, более поздние — тот же Сборник, ч. IV, стр. 26—28, и ААЭ, т. III, № 15; о каргопольском воеводе — Чтен. в Общ. ист. и древн., 1886, кн. I, смесь, стр. 1.

⁴ Дворц. разр., т. I, ст. 1053. Пожарский, как мы видели, в Ярославле и по пути к Москве заботливо собирал в ряды ополчения ратных людей и едва ли он оставил в тылу более или менее крупные отряды казаков — элемента не особенно надежного; вернее предполагать, что он вел их к Москве. На этом основании и можно думать, что эти атаманы попали на север из Москвы в отряде Араслана или Кутумова; других посылок на север не известно. То обстоятельство, что среди этих девяти атаманов нет ни одного из известных нам 20 атаманов, бывших в рати Пожарского, заставляет думать, что хотя часть их была из «полку» кн. Трубецкого.

Местных сил и присланных отрядов было недостаточно для сокрушения прорвавшихся на север поляков и черкас, и борьба с ними затянулась надолго. Однако нельзя упрекать Трубецкого и Пожарского за недостаточную помощь северу. Силы, находившиеся в их распоряжении, были не особенно значительны, и приходилось с большой осмотрительностью распределять их в это трудное время, когда опасности грозили государству не только на севере, но и с других сторон.

На юге Заруцкий, засевший после бегства из-под Москвы в Михайлове, решил, повидимому, воспользоваться благоприятным моментом в связи с походом Сигизмунда, попробовать снова добиться власти и влияния и двинулся на Переяславль-Рязанский, направившись, очевидно, к Москве. К счастью для защитников государства, воевода переяславский разбил его наголову под стенами города ¹. Однако движение Заруцкого обеспокоило вождей ополчения; его малейший успех привлек бы к нему новые толпы казаков, которых немало было на юге и которые в большинстве еще не успели, повидимому, определить своего отношения к новым событиям под Москвою ². И, видимо, сейчас же по вестям о попытке энергичного сторожника «Маршники» и «воронка», с Москвы отправили в Переяславль Мирона Вельяминова со свияжскими дворянами, и детьми боярскими, и татарами, присланными Никан. Шульгиным ³.

Тревожные вести приходили и с крайнего юго-запада. Там 6 декабря поляки овладели Путивлем. Вероятно, еще в декабре, в Москве получили об этом известие и, очевидно сейчас же, предписали рыльскому воеводе идти с путивльцами, рылянами и черниговцами добывать Путивль обратно на русскую сторону ⁴. В этот далекий от центра и близкий к полякам край даже не послали отряда из Москвы.

Приблизительно в январе узнали, надо полагать, в Москве о неудачах каких-то русских отрядов под Белым, Велижем и Усвятом, а несколько позже о попытке, также не сопровождавшейся успехом, поляков под начальством Гонсевского захватить Осташков ⁵. Воеводы-правители, конечно, ожидали, что в близком будущем предстоит серьезная борьба с поляками по всему фронту.

¹ Новый Летописец, стр. 123 и 128. Ставить движение Заруцкого в связь с походом короля можно, основываясь на хронологической канве Нового Летописца и времени послыки Вельяминова — см. ниже.

² В марте и апреле казаки здесь частью присягали царю Михаилу, частью шли на службу к Заруцкому — Дворц. разр., т. I, прилож., № 3, 18, 27.

³ Дворц. разр., т. I, прилож. № 1 и ст. 1057. Вельяминов был в Переяславле, вероятно, уже в декабре — Акты подмосковн. ополч., № 108.

⁴ Дату взятия Путивля узнаем из одного довольно позднего — 1729 г. — показания бывшего посадского этого города, но он должен был хорошо помнить этот день: это взятие — начало его злключения — АМГ, т. I, № 137 — 18 марта в Москве было получено сообщение рыльского воеводы о походе его к Путивлю (Дворц. разр., т. I, прилож., № 25), а из другого, более подробного, донесения воеводы (ibid., № 43) видно, что он был в 10 верстах от Путивля еще в 20-х числах февраля. Отсчитывая от этой даты время на устройство «осады» в Рыльске и сбор ратных людей трех уездов и на доставку боярского предписания в Рыльск, получим начало января, если не декабрь, для послыки этого предписания из Москвы.

⁵ Археографич. сборник, т. VII, № 48.

Но помню запада внушал тревогу и восток. Непокойно было, как уже отмечалось, на нижней и средней Волге; получались, вероятно, вести и из Сибири о начавшемся еще летом движении среди сибирских народов против русских ¹.

Наконец, даже в центре в январе, может быть, в связи с движением «литовских людей» к югу от Волги, опасались какого-то нападения и посылали к Владимиру ратных людей с Вас. Ив. Бутурлиным и Ив. Вас. Измайловым во главе ².

И воеводы ополчения, правильно учитывая обстоятельства, начали заранее готовиться к военным действиям. Старались они запастись в Москве «зелейную казну», которую выписывали из Вологды, заботились о сборе с городов «к московскому наряду к стрельбе пушечных запасов» — льна, холста, смолы ³. В Москве, повидимому, набирали стрельцов для службы в столице или переводили сюда сотни и приказы стрелецкие из других городов ⁴. Принимали меры и к пополнению редевших рядов ополчения. Еще «в великое промежговинье», т. е. до 14 ноября, на Белоозере было получено боярское требование выслать в Москву 80 стрельцов. А сейчас же по очищении столицы в грамоте от 6 ноября, извещавшей о сдаче поляков, было уже повое предписание выслать к Москве служилых людей «з годовыми запасы на службу» ⁵. Вполне естественно думать, что подобные приказы были посланы и в другие города: ведь Белозерск лежал недалеко от границы Новгородской. По вестям о приходе Спигизмунда встревоженные воеводы снова начали писать «в Казань и в иные города» о скорейшей присылке ратных людей. И вопреки уверениям «Нового Летописца» мы знаем, что Никанор Шульгин прислал отряд свияжан и сам с казанскими людьми выступил к Москве еще в начале декабря, но почему-то задержался в пути и в Араамасе получил известие об избрании

---

¹ О Поволжье см. стр. 107; о Сибири — РИБ, т. II, № 100; Акты времени междоусобицы, стр. 61—64; АИ, т. III, № 6, и ААЭ, т. III, № 78.

² До 12 января на службу к названным воеводам были отправлены араамасы — Араам. поместн. акты, № 361; в конце января Бутурлин и Измайлов были во Владимире — см. печатаемую в прилож. грамоту в Шую от 9 марта 1613 г.

³ Доп. к АИ, т. I, № 175, АЮ, № 339 (факт мартовский, но по распоряжению, конечно, более раннему) и Акты Юшкова, № 313 (тот же документ в Синбирском сборнике, 1845, отд. Родословная роспись рода Кикиных, стр. 21); Акты подмоск. ополчений, № 108 — о Переяславле-Рязанском, но грамоты о сборе «пушечных запасов» посылались и по другим городам; собирали их и на севере — не раз указ. челобитье Спасо-Прилуцкого мон. в Сборнике старинных бумаг Шукина, ч. IV, стр. 26—28, и в Шуге, где подьячий, сбиравший в марте, написал в отписке, что это делалось по приговору Трубецкого и Пожарского, — см. эту отписку в прилож.

⁴ В ноябре, по показаниям Философова, на Москве было всего 1 000 стрельцов, т. е. два приказа; к началу мая здесь упоминается трое голов стрелецких — Дворц. разр., т. I, прилож. № 60, и Первые месяцы царств. Мих. Федор., стр. 7, 14, 15; в июне — шестеро — то же, стр. 131—132; нормой в ближайшем прошлом было 5 приказов — АИ, т. II, № 355.

⁵ Акты подмоск. ополч., № 99, см. челобитья стрельцов на стр. 121 и № 80.

Михаила¹. Надо полагать, что не одна Казань отзывалась на призывы правителей. Так, освободивши (частью даже освобождая) Москву, воеводы ополчения начали и другое, более обширное, дело — «очищение русской земли», осуществить которое — и не в короткий срок — выпало на долю уже правительства царя Михаила.

Интересы военные же и интересы порядка заставляли воевод ополчения попрежнему (для Пожарского) уделять много времени и труда на заботы о содержании и вознаграждении ратных людей. Правда, земскую рать нужно было только поддерживать в том благоустроенном виде, в каком она пришла под Москву, и это, как дело до известной степени налаженное, не требовало особенно больших усилий, хотя, конечно, давалось и не совсем легко. Но обеспечение всем необходимым полуголодной и подураздетой армии Трубецкого тысячи в три человека² было новой и серьезной задачей. На первое время совместного стоянья под Москвой рать Трубецкого запаслась пишевым продовольствием, захватив громадный (в 400 возов) обоз Ходкевича. По соединении ополчений, конечно, и на «полк» кн. Трубецкого распределялись разного рода запасы и шубы, которые продолжали взимать посощно с крестьян, посадских людей и с монастырских вотчин. Население, однако, и теперь не считало своим долгом доставлять все это войску, или, по крайней мере, доставлять своевременно: из ополчения приходилось посылать сборщиков и даже особые отряды³. По взятии столицы земские ратные люди стали разъезжаться по домам, но казаки обоих отрядов численностью около 4 500 человек в ноябре и, вероятно, несколько меньше в следующие месяцы оставались в Москве⁴. Чтобы «держать в повиновении и порядке казаков», надо было обеспечить их кормами, «чтобы казаки

¹ Новый Летописец, стр. 127. По отношению к Шульгину составитель Летописца не стесняется, как уже отмечалось, отклоняться от истины. Об его отрядах — Дворц. разр., т. I, ст. 1055—1057 и 1121—1122; срок выступления определяется указанием, что к началу марта кончались взятые на 3 месяца запасы.

² См. выше, стр. 150; для сентября нужно учесть урон в боях с Ходкевичем, а потом — за время осады.

³ Описание актов собр. гр. А. С. Уварова, АИ, отд. I, № 92; Акты подмоск. ополч., № 84; Сборник стар. бумаг И. И. Шукина, ч. IV, стр. 26—28; В. Ворисов, Описание г. Шуи, стр. 10—13, и печат. в прилож. грамота в Сольвычегодск.

⁴ Указанную Ив. Философовым цифру казаков в Москве в конце ноября — «полпята тысячи человек» (А. Hirschberg, op. cit., стр. 363) — нужно принять достаточно правильной. У Трубецкого, за исключением земских людей его рати, казаков носле подмосковных боев осталось, надо думать, около двух с половиной тысяч; у Пожарского, который отослал 4 атаманов на Белоозеро и которому пришлось выдержать главные удары Ходкевича, — вероятно, тысячи две казаков. — С. Ф. Платонов обосновал полную вероятность цифры Философова, исходя из данных о числе казаков в марте-апреле 1613 г. («Моск. правительство при первых Романовых», в «Статьях по русск. ист.», изд. 2-е, стр. 347). Показания Дубровского, что в Москве в ноябре-декабре было 11 тыс. одних старых казаков и несколько тысяч в «беспорядочных отрядах» (Арх. бумаги, стр. 17), должны быть признаны в силу приведенных соображений весьма преувеличивающими численность казачества. — Выше уже высказывалось предположение, что по уходе посланцев Сигизмунда часть казаков была отпавлена с Арасланом и Кутумовым на север — стр. 162.

с земския службы с голоду не разберелися и земскому великому делу поруки некоторые не учинилось», как формулировали положенные дела боярские грамоты этого времени¹. Сбор запасов и шуб, может быть, в целях скорейшего получения их, поручался самим казакам: той или иной станице или сразу нескольким по челобитью отводилась волость, вотчины какого-нибудь монастыря или даже целый уезд, и в назначенные места посылался с подробным наказом небольшой казачий отряд, который и собирал своим собратьям запасы на 2—4 месяца вперед². Такая мера, может быть, тяжелая для населения, оказалась благодетельной для спокойствия в столице: за декабрь, январь, февраль и март не имеется сведения о казачьих насилиях и разбоях в Москве и ее окрестностях³. А те «грабежи и убийства», о которых «с великим гневом и со слезами» говорил на Соборе в Сергиевом монастыре 26 апреля царь Михаил⁴, были, кажется, в значительной степени результатом истощения кормов у казаков и задержки в доставке им нового запаса из-за правительственной путаницы, вызванной тем, что Земский собор и бояре в Москве и царь Михаил в Ярославле по одним и тем же делам, между прочим и о кормах, отдавали приказы независимо друг от друга и иногда прямо противоположные. Возможность пограбить облегчалась для казаков тем, что служилые люди к этому времени разъехались из Москвы по деревням или к царю. И при всем том среди казаков нашлось уже немало вернувшихся к «старому воровскому обычаю»; большинство же атаманов и казаков, подтвердив свое обещание верно служить государю, принимало меры против «воров-шарповщиков» из своей братии⁵.

Кроме пищевых продуктов и шуб, воеводам ополчения для ратных же людей прежде всего и на другие потребности нужны были и большие денежные средства. Мы уже видели, как настоятельно и с угрозами требовали жалованья казаки. Своим порядком, но, вероятно, в увеличенных размерах за долгую и кончившуюся успешно службу, нужно было вознаградить стрельцов. Как раз в месяцы правления Трубецкого и Пожарского были поверстаны денеж-

¹ Первые слова в кавычках — из цит. статьи С. Ф. Платонова, стр. та же, вторые — из ААЭ, т. II, № 216, I.

² ААЭ, т. II, № 216, I и II; ср. АЮ, № 216, XIII, и Сборник Щукина, ч. IV, стр. 26—28; АИ, т. II, 343 (сбор с освобожденных от податей и кормов сел Симонова мон.).

³ Хронологически неопределенное и сильно приукрашенное («И бысть во всей России мятеж велик и нестроение злейши и первого») указание на казачьи грабежи и бесчинства у Палицына (РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1233), очевидно, относится к отмеченным выше (гл. VIII, в конце) октябрьско-ноябрьским событиям, ибо и Палицын рассказывает об этом нестроении раньше, чем о собрании Собора, во время действий которого, по его же словам, атаманы и казаки оказались единодушными с дворянами, детьми боярскими и гостями (*ibid.*, ст. 1235).

⁴ Дворц. разр., т. I, ст. 1162, фактический материал этих жалоб — *ibid.*, ст. 1159—1162.

⁵ О распоряжениях — Дворц. разр., I, прилож. № 24, 26, 30, 44 (в послед. о кормах и между прочим казачьих); о разъезде служилых людей — там же, № 37 и 38; об отношении казаков к «ворам» — там же, № 60.

ным жалованьем и, хотя не целиком получили ого дьяки по приказам¹. Наконец, не говоря уже о текущих расходах по тем же приказам и вообще по управлению и экстренных по устройству в разоренной Москве, пужно еще пметь в виду награды дворянской массе рати, которой правители особенно усердно занялись по устройению в Москве, с половины декабря². Правда, для этих служивых людей средством награждения и обеспечения, по прежнему и обычному, была земля, которую раздавали и теперь в виде поместных и вотчинных дач и придач отдельным лицам и определенным группам: так, часть смолян была испомещена в Белозерском уезде, дорогобужан и вязьмичей — в Ярополчи³. Однако много указаний имеем и на денежные награды дворянам. Только по материалам о четвертчиках трех четей (нет данных об Устюжской), очень неполным и поздним (так, Кормленая книга Костромской чети писана после пожара 1626 г. и нанечатанный отрывок ее начинается с оклада в 20 рублей, а вышние, более интересные для нас, неизвестны), можно все-таки насчитать около 600 человек, «пушонных» при Трубецком и Пожарском в четь или получивших придачи к четвертному окладу, хотя, конечно, далеко не все получили тогда же эти новые оклады⁴. Но награды мелкому дворянству не были исключительно

¹ Четвертчики См. вр., отд. V, № 5 (стр. 243) и 7 (стр. 244); в челобитье Витовтова год дачи жалованья поставлен, видимо, неверно: дьяк Ал. Божин был в Переяславле-Рязанском в 7121 г., а в 7120 г. там был дьяком сначала Ст. Пустошкин, потом Як. Демидов — Акты подмоск. ополч., № 108 и 110; 24; 63 и 64; о подьячих — Перв. мес. правл. Мих. Фед., стр. 24—25, 26, но и 2, 7, 9—10, 16 и 18.

² По материалам о четвертчиках в указанных уже изданиях можно насчитать только десятка полтора-два пожалований из чети с 1 октября до 15 декабря на 600 почти — за следующие два с половиной месяца.

³ Русск. библ., т. I, 1833 (изд. *Н. Полевым*), № 8 (новая грамота на старую вотчину); Действия Нижегород. арх. ком., т. VI, в заметке *С. Шумакова*, Отголоски См. времени, стр. III, грамота на поместье; Акты *Юшкова*, № 312, тоже грамота на поместье, Чтен. Общ. ист. и древн., 1913, кн. IV, смесь, стр. 33—34, на вотчину, — все четыре до декабря 1612 г.; Акты *Юшкова*, № 314; Чтен. Общ. ист. и древн., 1869, кн. III, смесь, стр. 1—3, и *Забелин*, Минин и Пожарский, прилож. III (грамота Трубецкому), — все три грамоты на вотчины от Земского собора. Много указаний на дачи поместий и вотчин и «при боярех» высшим чинам в Докладной выписке 1613 г. (Чтен. Общ. ист. и древн., 1895, кн. I). Выражение «при боярех» в ней, очевидно, обозначает правительство Трубцкого и Пожарского: об этом достаточно свидетельствует тот факт, что награжденными оказались почти все участники второго земского ополчения. Можно указать еще на пожалования вотчин по «боярским» грамотам четырем нижегородцам (Сборник Ниж. арх. ком., т. VI, стр. 135, 139, 142 и 147), на широкую раздачу земли и местным дворянам, московским чинам в Арзамасск. у. — Арзам. ном. акты, № 319—370, 372, 378 и 379 (частью двойные указания). О верстанье смолян — Доп. к АИ, т. I, № 173, и Акты подмоск. ополч., № 90, о дорогобужанах и вязьмичах — Сборник Щукина, ч. I, М. 1896, стр. 95—96; Дворц. разр., т. I, прилож. № 47.

⁴ Материалы изданы *А. Н. Зерцаловым* в Чтен. Общ. ист. и древн., 1900, кн. II, и в РИБ, т. XV (Кормл. книга Костромск. чети), и *Л. М. Сухотиным* в «Чтениях» же за 1912 г., кн. II и отд. Характер записей не дает возможности заключить, кто и сколько получил, но из случаев самого начала царствования Михаила Федоровича знаем, что назначенные на специальную службу (посольство, воеводство и под.) обычно получали и деньги, хотя и не целиком, например, Первые месяцы правления Мих. Фед., стр. 4; Чтен. См.

и даже главным образом четвертными: имеются указания на раздачу денежного жалованья дворянам и детям боярским, получавшим его «с городом»¹, а для таких наградой и была прежде всего выдача им так редко им попадавшего денежного жалованья, хотя бы «в полы их окладов».

Расходы в ополчении возрастали, по доходы, поступавшие в казну, оставались очень невеликими. Отсутствие денег было, кажется, хронической болезнью касс ополчения. Много энергии как мы видели, пришлось затратить на сбор денег в Ярославле. Но вот пришло ополчение под Москву, и уже в начале октября оказалось, что «которые деньги были в привозе, и те розданы ратным людям на жалованье», и в ответ на новые челобитья воеводам уже опять «дать нечего», а без жалованья «многие ратные люди хотят итти с земския службы розно». И снова по городам пошли просьбы — теперь уже от Трубецкого и Пожарского — собрать как можно скорее «всякие денежные доходы» и выслать их к Москве в полки². Не знаем, сколько рвения пробудили эти грамоты в нерадивых плательщиках, но во всяком случае в конце октября воеводы, очевидно, не имели достаточных сумм для удовлетворения казаков, раз они так энергично, с пытками, принялись за розыски государственной казны и только раздачей ее добились спокойствия в Москве. А потом снова шли призывы к населению, и для более энергичного собирания денежных доходов ехали специальные сборщики³. И все-таки средств в Москве нехватало. Напрасно воеводы старались прекратить вносивший беспорядок способ дачи жалованья в городах. Сделав соответственное постановление 21 ноября, они, однако, сами вынуждены были, очевидно по недостатку денег в центральных кассах, нарушать его⁴. В некоторых же городах нехватало своих средств на покрытие местных нужд, и приходилось в ущерб приказным кассам отдавать им сборы с других городов⁵.

Так с трудом, в тяжелых условиях налаживалось в устрояемом после Смуты государстве ратное и финансовое дело.

времени, стр. 252, 265 и др. Примеры дачи четвертного жалованья «при боярех» — Акты подмоск. опол., № 97, и РИБ, т. XXVII, ст. 83.

¹ Жалованье получили, например, арзамасцы — Арзам. поместн. акты, № 361; кашинцы — Четв. См. вр., стр. 246; указания на выдачи жалованья дворянам и детям боярским (последние-то все получают «с городом») в Актах подмоск. ополч., № 92, 107 и 109.

² Известна грамота в Яренск от 4 октября, из которой и взяты цитированные выше слова, — ААЭ, т. II, № 213.

³ Новый призыв в печат. в прилож. грамоте в Сольвычегодск; о сборщиках — Акты подмоск. ополч., № 88; АИ, т. III, № 3; Памятники истории нижегород. движения, № CLII.

⁴ Акты подмоск. ополч., № 87 и 97; Четвертчики См. вр., стр. 242, 275, (отд. V, № 3 и 48).

⁵ Акты коллекции *Борисова*, хранящ. в Археограф. комиссии (по описи М. Г. Курдюмова, № 1), грамота суздальского воеводы кн. Ром. Пожарского в Шую об уплате откупных за кабак денег в Суздале «на жалованье ратным людям», — грамота датирована 20 сентября; позже с шуян в Суздаль требовали хлеб для стрельцов (№ 2 той же коллекции); обе грамоты печатаются в прилож.

Занятые военными действиями и делами военного управления, воеводы ополчения не оставляли без внимания и гражданского. Теперь, по соединении ополчений, власть ставшего единым правительством подмосковного, а затем московского распространялась уже на всю Россию за исключением пограничных областей на западе, Новгорода и крайнего юго-восточного Поволжья. Расширился район, увеличилась и работа. Она вместе с тем и осложнилась. Сильно разоренный юг с населением иного склада, иного настроения, чем на севере от Москвы ¹, с массой казачества, подбираемого и возбуждаемого Заруцким, требовал в такой критический период особенной осторожности, несколько иных способов действия, чем на севере, чтобы приобрести и сохранить симпатии населения. По отрывочным данным трудно уяснить особенность приемов управления югом в это время, но, во всяком случае, думается, не случайностью сохранности и несохранности ² объясняется отсутствие указаний на требования Трубецким и Пожарским из южных городов особых денежных сборов, хлебных запасов, ратных людей, на посылку туда специальных сборщиков ³. И это как раз тогда, когда север — опора ополчения — разорался «литовскими людьми».

Но расширив и усложнив задачи управления, соединение ополчений дало и лучшие средства управления. Теперь под руками у воевод был, повидимому, полный комплект приказов: в ополчении Трубецкого известны не отмечаемые в Ярославле у Пожарского Ямской приказ, Владимирская, Ярославская и Устюжская чети; по соединении ополчений упоминается еще Земский двор ⁴. Количество дьяков в этих приказах оказалось вдруг двойным, и лишь постепенно силы были распределены более равномерно. Так, в Поместном приказе грамоты начала октября называют обоих ярославских дьяков — Мартемьянова и Лихачева, но с 9 октября Лихачев не упоминается в этом приказе, повидимому, переведен в Большой Приход, где встречаем его в наших источниках 19 марта; с другой

¹ Состав и настроение населения юга лучше всего следить по соответствующим местам Очерков Смуты *С. Ф. Платонова*. Юг, именно, дал значительный горючий материал, вспыхнувший в Смуту; с юга шли к Москве и дворяне если не с требованиями, то с желаниями перемен в политическом и даже социальном строе.

² Вообще-то грамоты на юг и с юга имеются — Акты подмоск. ополч., № 79, 81, 91, 92, 96, 98, 100.

³ Известно лишь требование, кажется, необременительное для населения, о доставке холста, льна и смолы для наряда — Акты подмоск. ополч., № 108. Еще в конце февраля и начале марта авторитетом Земского собора и царя пришлось давать приказы о сборах обычных налогов — *ibid.*, № 107, 109, 110.

⁴ О приказах Трубецкого: Ямском — Акты Рязанского края *Пискарева*, № 21; Владим. чети — Акты подмоск. ополч., № 1, 6, 7 и др.; Ярославской — там же, № 2, 8 и др.; Устюжской — Волог. губ. вед., 1855, 26, стр. 227—228. О Земском дворе — *А. П. Барсуков*, Род Шереметевых, т. II, стр. 300—301, и на фототипии, причем текст и дата в исследовании не точны, АЮ, № 118; Географ., историч. и статист. описание Солов. м-ря, ч. III, стр. 94; пером. *Нектарий*, Историч. опис. Иосифова Волокол. м-ря, М. 1887, стр. 45; СГГр и Д, т. II, № 297 и ср. Разр. зап. за См. вр., стр. 109.

стороны, из поместных дьяков Трубецкого — Шушерина и Ив. Шевырева — последний после 16 октября более не упоминается, и к середине ноября окончательно определился состав Поместного приказа: думный дьяк Ф. Дм. Шушерин, Гер. Мартемьянов и сидевший в 120 г. — до середины марта — в Разряде у Трубецкого и Зарудского Ник. Новокщенов¹. По вступлении ополчения в Москву приказы получили, наконец, и столь нужные им в работе архивы, хотя и в довольно печальном виде². И теперь деятельность центральных учреждений можно было считать в общем более или менее налаженной.

Труднее и медленнее налаживалось местное управление. В 7121 г. были проведены обычные смена и рассылка воевод по городам, причем в известных случаях ясно заметно стремление посадить верных земскому делу людей: так, в важный, особенно теперь, город на юге — Калугу — был послан окольныйчй Арт. Вас. Измайлов, которого во Владимире заменил Тим. Вас. Измайлов, в Арзамас на место подозрительного Путятина послан кн. П. Львов; в других — желание усилить местную власть, как в Устюжне Железнополюской, куда прислан первым воеводой кн. Андр. Вас. Сицкий, в Брянске, где кн. Ив. Мих. Долгорукому придан П. Воейков³. Впрочем, во многих городах еще не хватало воевод⁴.

Хуже всего обстояло дело с порядком на местах, с отношением населения к требованиям центральной власти. Не раз уже приходилось отмечать желание избыть тяготы государственной, не платить разных налогов и сборов, не исполнять приказов. Можно для полноты указать еще, что случалось сборщикам, посланным из ополчения, встречаться с обычным (но волокитным) противодействием воевод⁵; городовым воеводам приходилось наткаться на неповиновение населения, надеявшегося на защиту сильного человека⁶, как и ратным воеводам не всегда удавалось справиться с самовольством подчиненных⁷. Непорядки и насилие прошлого, конечно, не были еще ликвидированы, и неизбежно

¹ Упоминание Мартемьянова и Лихачева — в Арзам. пом. актах, № 321—323 и 325; 9 октября назван один Мартемьянов — № 326; 16 октября Лихачев вычеркнут в грамоте — № 331; о Шушерине и Шевыреве — здесь же, № 337 и 341 (последняя только о Шушерине); Новокщенов — в № 342, все трое окончательного состава — № 350 и др. Биограф. справки об этих дьяках см. в прилож.

² Позже часто встречаются жалобы на «подранные» или пропавшие документы приказного делопроизводства.

³ Об Измайловых см. Акты подмоск. ополч., № 79, 97, 98, 109, 110, о Львове — Арзам. пом. акты, № 310 и сл.; о Сицком — Акты подмоск. ополч. — № 123; о Воейкове — Четв. См. вр., стр. 361. Примеры обычных смен воевод — в Ярославль вместо В. П. Морозова и Н. М. Пушкина послан кн. И. Н. Одоевский (Акты подмоск. ополч., № 53 и Углицкие акты, № 6), в Каргополь вместо А. И. Зюзина Ив. Дашков (Чтения, 1886, кн. I, смесь).

⁴ Дворц. разр., т. I, прилож. № 24.

⁵ Четв. Общ. ист. и древн., 1905, кн. IV, смесь, стр. 65—67; речь идет о нижегор. воеводе, кн. Звенигородском.

⁶ Акты подмоск. ополч., № 79.

⁷ Из отряда Образцова «своим произволением» остались на Велюде пноземцы — Дон. к АИ, т. I, № 165, и ААЭ, т. II, № 248.

из разных мест шли челобитные о нуждах и жалобы на обиды¹. Одну из них, очень интересную именно для этого момента, дающую оценку казаков со стороны земских людей, хочется отметить особо. Казачий атаман Аф. Коломна, один из тех четырех, которые «самовольством» пошли на помощь ополчению Пожарского в критическую минуту битвы с Ходкевичем 22 августа, жаловался боярам, что местные власти не считаются с жалованной грамотой, обелившей его место, и что один сын боярский, придя к его матушке «печатать занасинику», «позорил и ласел» ее «всякою неподобною ласю», говорил ей: «сын-де твой, стоя под Москвою, ворует, шарпает». И — по крайней мере, в черновике грамоты — бояре, давая атаману новую обелившую грамоту, сочли нужным вступить за честь его и отметили, что «с поличным его ни с каким не приваживали, и не выимывали ничего», что, наоборот, он верно служит родине, «езде с польскими и с литовскими людьми (бился) явственню и языки приваживал»².

Из новых начинаний восвод объединенного ополчения можно отметить попытку водворить порядок в дворцовом хозяйстве. Когда вопрос о выборе государя стал уже на ближайшей очереди и в Москву прибыл, очевидно, для участия в Земском соборе, митрополит Кирилл, хотя заседания Собора, повидимому, еще не начались, Трубецкой и Пожарский с благословения Кирилла и «по совету всея земли» послали «отписывать» на государев обиход разданных, вероятно, разным лицам «дворцовых сел пашенных и посонных и оброчных»³. В том же документе, откуда почерпнется это сведение, дано указание на то, что мера эта проводилась в жизнь, что в марте уже пострадавшие от этой «отписки» стольники дворяне и дети боярские «докучали» государю своими челобитными. Но нельзя думать, чтобы результаты этой «отписки» были очень велики. Одиною рукою давая приказание отбирать дворцовые села (очевидно, розданные прежними правительствами), другою те же бояре и «вся земля» широко раздавали их в награду, по крайней мере, высшим слоям служилого класса⁴.

Свои постановления и распоряжения Трубецкой и Пожарский почти всегда сопровождали указанием «по совету всея земли».

¹ Ряд челобитных и жалоб в Актах подмоск. ополч., № 81, 84, 88, 91, 92, 94, 96, 98, 100—103; Сборник старинных бумаг Щукина, ч. I, стр. 92—94 и 95—96, а также ранее цитир. АО, № 36, 50.

Интересные данные о разладе на местах содержатся в неизд. Белозерских актах из колл. Археогр. комиссии, с которыми мне удалось познакомиться по копиям М. А. Остроумовой.

² Акты подмоск. ополч., № 91.

³ Дворц. разр., т. I, прилож. № 12. Основанием для отнесения этого распоряжения ко времени до открытия Земского собора служат слова этой соборной грамоты: «и до нас, холопей твоих, послал...» Или это «до нас» пишут бояре, не бывшие на первых январских заседаниях Собора?—И. А. Стратонов в своей цитированной работе о земских соборах, не считаясь с упоминанием в приведенном отрывке Трубецкого, приводил это известие в числе доказательств существования Земского собора в Ярославле — *op. cit.*, стр. 88.

⁴ Много примеров этой раздачи в цит. Докладной выписке 1613 г., почти на каждой странице. «Из дворцовых сел» были испомещены в Белозерском у. смоляне, в Ярополчи — дорогобужане и вязьмичи.

Но вся земля, на авторитет которой опирались сначала Пожарский один, а потом Трубецкой и Пожарский под Москвой и в Москве в последние месяцы 1612 г., значительно отличалась по своему составу от Земского совета, действовавшего при втором ополчении в Ярославле. Мне уже приходилось отмечать, что митрополит Кирилл не был взят Пожарским под Москву. Нужно сказать больше: вообще за указанный период нет никаких следов участия духовенства в делах правительственных, присутствия членов его в «совете вся земли». Совершенно не видно также и представителей посада и тем более «уездных людей» — крестьян — в этом совете. Только одни различные разряды служилых людей называют грамоты этого периода в перечнях чинов, от имени которых они написаны или которые представляются действующими под Москвой и — после — в Москве ¹. С представительством исключительно военно-служилого класса, в том числе и казаков, которых по соединении с Трубецким стало, очевидно, больше в «совете вся земли», этот совет второго ополчения стал теперь совершенно похож на совет при троеначальниках в 1611 году.

Упростившись в отношении социального состава, «вся земля» заметно изменилась и в отношении личного состава представителей служилых людей. По недостатку документов нельзя дать более или менее приблизительно полного списка лиц, входивших в состав правительства в последние месяцы 1612 г. Но единственная грамота этого периода с несколькими подписями и другие данные все же могут достаточно иллюстрировать высказанное положение. Названная грамота — это отписка разных чинов людей по поводу приращения Пожарского с Трубецким ². Грамоту эту подписали известные нам по Ярославлю Вас. Бутурлин ³, кн. Вас. Туренин, Ив. Шереметев, боярин кн. Вл. Тим. Долгорукий, Мих. Дмитриев, Матв. Плещеев и, повидимому, кн. Дм. Черкасский ⁴. Из повых, впервые встречающихся здесь лиц, — стольник Ив. Вас. Измайлов, дворянин московский кн. Андр. Вас. Сицкий и дьяк Ив. Ефанов служили в свое время Шуйскому ⁵. Наоборот, Фед. (не знаю, Кир.

¹ А. до ю. б., т. II, № 192 (начало сентября, до соединения с Трубецким); ААЭ, т. II, № 215 (вскоре по соединении); Доп. к АИ, т. I, № 166 (от 15 ноября); упоминаемые в грамотах «всяких чинов люди» не доказывают присутствия посадских и иных невоенных представителей: не так совсем указывали их ярославские грамоты.

² ААЭ, т. II, № 215. Грамота писана в первой половине октября; упоминаемые в ней туры в трех местах были готовы к 8 октября, как видно из дневника осажденных, — РИБ, т. I, ст. 347 и 351.

³ Но, может быть, имеем здесь подписи двух В. Бутурлиных (грамота с дефектом); тогда второй, очевидно, Вас. Матв., стольник царя Василия, в 7119 г. воевода суздальский (Разр. зап. за См. вр., стр. 88 и 217).

⁴ В грамоте на первом месте подпись Вас. Бутурлина «во князь Дмитреево место», фамилия отсутствует. Но о Черкасском мы знаем, что он был под Москвою, — Акты времени междоусобия, стр. 76, потом в Москве — подпись опять за него того же Бутурлина на жалованной грамоте Трубецкому — *Забелин*, Минин и Пожарский, стр. 282.

⁵ В Ив. Измайлове грамоты решаюсь видеть Ив. Вас., который, как мы уже видели, имел отношение к ополчению и пожалован, кроме того,

или Сав.) и Никпф. Юрьев. Плещеевы, стольник Мих. Матв. Бутурлин и Дан. Микулин — все очень заметные тушинцы¹. Иван Вас. Козлов — голова стрелецкий, служивший царю Василию, а в последнее время в полку Трубецкого под Москвою². Нет никаких данных о политическом прошлом Дм. Головина, очевидно стольника³, и остальных четырех подписавших грамоту: Ив. Зыбина, Лавр. Новокищенова, Беркуда Блудова и Прокоф. Соковина, которые, кажется, все были городовыми дворянами⁴. Конечно, количество новых лиц в составе «всех земли» даже из среды московских чинов было значительно больше, но нам они документально не известны, кроме стоявшего по главе Земского двора дворянина московского Ив. Мих. Ласкирева⁵. Вместе с тем нужно отметить и отсут-

«при боярех» — цит. Докладн. выпись 121 г., стр. 10. Кн. А. Сицкого (без отчества) отождествляю с А. Вас., а не Даниловичем, так как первый из ополчения послан в Устюжну и пожалован «при боярех» (Докл. выпись, стр. 17), о втором же за это время совсем не имею сведений. Справки биограф. о Сицком, как и об Ефанове, см. в прилож.

¹ Фед. Кирил. Плещеев — один из виднейших тушинцев, окольный Вора, а по Московской службе стряпчий в Боярском списке 1611 г. и стольник в Докл. выписи (не пожалован ли в стольники царем Михаилом?); биограф. справки см. в прилож.; Фед. Сав. также причастен к Тушину — АИ, т. II, № 195, и РИБ, т. II, № 175, 5; по московской службе он в 7124 г. числился в дворянах больших — АМГ, т. I, № 108, на стр. 143. Никпф. Плещеев — племянник Наума Плещеева — Четв. См. вр., стр. 303; об его тушинской службе — АИ, т. II, № 131, и Сборник кн. Хилкова, № 12, XXV и XXVI; в 119 г. он был жильцом — Четв. См. вр., стр. 193, «при литве» пожалован в стольники — Боярский список, стр. 82, но при царе Михаиле даже в 124 г. писан в дворянах московских — АМГ, т. I, № 108, стр. 143. — Мих. Бутурлина грамоты решаюсь отождествить с Мих. Матв., который позже отразил Заруцкого в Переяславле-Рязанском — Новый Летописец, стр. 128, и пожалован «при боярех» — Докл. выпись, стр. 8; он же, очевидно, подписал грамоту Трубецкому на Вагу — *Забелин*, назв. соч., стр. 282; об его связи с Воротом — Разр. зап. за См. вр., стр. 217 и 256—257. Дан. Микулин, повилкомому, одно лицо с «дворянином Дан. Андр. Микулиным», приехавшим только по смерти Вора, в январе 1611 г., и не в Москву, а к Сапеге из Калуги, вместе с другими сподвижниками Вора, — СГГр и Д, т. II, № 237 (то же, ААЭ, т. II, № 182, II). Чин его, — вероятно, какой-нибудь сын боярский или жилец; в Боярском списке и Докл. выписи его нет.

² Козлов служил при Шуйском головой стрелецким — Разр. зап. за См. вр., стр. 46, и Четв. См. вр., стр. 311; в «великом посольстве» попал он под Смоленск и уехал, получив жалованную грамоту, — АЗР, т. IV, № 182, 183, ДССХV (стр. 400). О подмоск. его службе — АМГ, т. I, № 45.

³ Ни звание, ни отчество Головина в грамоте не обозначены; известны стольник Дм. Вл. Головин — Боярский список, стр. 81, и Докл. выпись, стр. 11, и стольник же Дм. Ив. (если здесь нет ошибки в отчестве) в списке нетчиков в апреле 1613 г. — Дворц. разр., т. I, ст. 1147; о прошлом его и о дальнейшей службе собрать сведений не удалось.

⁴ Прок. Соковин — лихвинец — РИБ, т. XV, стр. 39; это отец знаменитых в старообрядчестве боярыни Морозовой и кн. Урусовой; справки о дальнейшей его службе у Н. Н. *Кашкина*, Родословные разведки, т. I, СПб. 1912, стр. 325—326 и др. О других трудно утверждать определенно, каких они городов; во всяком случае в просмотренных мною материалах не встречалось таких лиц в чине жильца и выше.

⁵ О службе Ласкирева в ополчении — см. выше, стр. 169; в 1593 г. он в воеводах на Двине — Летопись Двинская, стр. 14; в 7113 г. служил в Астрахани — Четв. См. вр., стр. 40; в 7114 г. — Шуйскому — Разр. зап. за См., стр. 178 и 219.

стве многих из входивших и состав «всех земли» в Ярославле из московских чинов: боярина кн. А. П. Куракина, сидевшего в это время на воеводстве в Ростове, стольника кн. Ив. Петр. Буйносова-Ростовского и дворян московских кн. Ив. Ник. Одоевского, кн. Фед. Андр. Татеева, Гр. Образцова, Н. Плещеева, Н. Нащокина и Вор. Собакина, разосланных в качестве воевод или дворников по городам ¹.

Очень видную роль в обычной правительственной работе, в управлении страной и в устроении ее, которые так сильно занимали воевод ополчения, играли, конечно дьяки. Их состав значительно пополнился. Небольшая группа бывших в Ярославле дьяков, еще уменьшившаяся уходом из приказов Вас. Юдина, Никиф. Емельянова и, очевидно, Мих. Данилова ², прямо потонула в массе новых дельцов, в значительной части только что перед этим сидевших в приказах Трубецкого. Утратилось и прежнее удивительное единство политического настроения приказных руководителей, поскольку о нем можно судить на основании биографических, чисто внешних, послужных данных. Прошлое вновь появившихся в приказах Пожарского дьяков было чрезвычайно разнообразным. Выше были уже названы сидевшие в Поместном приказе вместе с Гер. Мартемьяновым Фед. Шумерин, прошедший, может быть, через Тушинно, и верный дьяк Шуйского Ник. Новокщенов. Теперь нужно еще отметить, ограничиваясь только упоминаемыми в документах эпохи правления Трубецкого и Пожарского, в Разряде думного дьяка Сид. Васильева, миновавшего Тушинно и службу в Москве при поляках, дьяка Трубецкого и Заруцкого Мерк. Любученинова и (с 15 декабря) Ив. Булыгина рядом с ярославскими А. Вареевым и (с января) С. Самсоновым ³; в Посольском приказе выше старого С. Романчукова крупного тушинского дельца Н. Третьякова ⁴; сидевших на Земском дворе тушинца Аф. Царевского и служившего Шуйскому Дорогу Хвизцкого ⁵; старого московского дьяка Гуляя Золотарева и, кажется, начинавшего дьячью службу Ив. Софопова, оказавшихся в Большом дворце товарищами Патр. Насонова под главенством уже названного Сыдавного Васильева ⁶; старого дьяка и,

¹ Одоевский, повидимому, остался с самого ухода ополчения воеводой в Ярославле — Акты времени междоусобицы, стр. 57—58 (август), и Углицкие акты, № 6 (декабрь). Нащокин к декабрю был воеводой в Перми — СГГр и Д, т. II, № 288. О других речь уже была — см. выше, стр. 129—132.

² Юдин в половине декабря 1612 г. получил отпуск в Нижний, а потом, в марте, был уже дьяком в Ярославле (Акты подмоск. ополч., № 85, и Дворц. разр., т. I, прилож. № 15). Емельянов в 1612 г. был дьяком у Соли-Галицкой (Акты подмоск. ополч., № 119, док. 80, 97 и др.; они относятся к маю-июню, но воевода, с которым был Емельянов, в Соли-Галицкой с ноября уже — там же, док. 46) и под Москвой и в Москве не упоминается. Мих. Данилов, о котором также нет никаких сведений за первую половину 121 г., остался, очевидно, в Ярославле — Дв. разр., т. I, прил. № 53.

³ О разрядных дьяках главный материал в книгах четей; биогр. справки о них и следующих в прилож.

⁴ Акты подмоск. ополч., № 119, док. 46, и Дон. к АИ, т. I, № 166.

⁵ Материалы о них были указаны ранее — см. стр. 169, прим. 4.

⁶ ААЭ, т. II, № 216; Н. Насонов здесь не назван, но он вновь в Больш. дворце с названными 17 марта — Первые месяцы царствования Мих. Фед., стр. 3, 10, 11 и др.

видимо, хорошего патриота Аф. Евдокимова в Казанском дворце вместе с Сем. Головинным¹; верного Шуйскому, по служившего и при поляках Мих. Бегичева взамен Вас. Юдина в Галицкой чети, дьяка царя Бориса и первого ополчения Гр. Витовтова во Владимирской чети и дьяка Трубецкого и Заруцкого Ал. Витовтова в Устюжской чети²; наконец вышедшего в дьяки при Шуйском, «векормленника» знаменитого Авраамия Палицына, Ив. Озерского³.

Приведенные данные позволяют, кажется, отметить две черточки, характерные для правящей среды ополчения в последние месяцы 1612 г. Раньше мне приходилось уже останавливаться на известном демократизме состава правительства в Ярославле. Теперь в связи с происшедшими в его составе переменами оно стало еще более демократическим. В этом отношении очень характерны отсутствие подписей городских дворян на ярославской грамоте 7 апреля и наличие их на октябрьской из-под Москвы на Белоозеро. Вместе с тем тушинские элементы получили теперь большее, чем в Ярославле, значение; они имели теперь и признанного главу — правителя кн. Трубецкого. Если наряду с этим вспомнить, что в ноябре казаки составляли около $\frac{3}{5}$ московского гарнизона, то для нас станет понятно, почему это представители земских людей, с почетом принявшие бояр при выходе их из Кремля⁴ и постаравшиеся даже вперед защитить их от возможных упреков⁵, в то же время всех их, еще не разобрав, насколько и кто из них погрешил пред страной в сношениях с поляками, «в Думу не пропускали»⁶. Резко враждебное отношение к боярам со стороны казаков очевидно, не встретило единодушного осуждения в среде правительства, вероятно, даже нашло в ней сочувствующих. Настоять на своем мнении представители земщины и не могли по неимению нужной для этого силы и, вероятно, не хотели, не желая создавать серьезного конфликта в такой критический момент, тем более что и репутации некоторых из бояр были действительно не совсем чисты⁷.

«Вся земля» упрощенного состава считалась все-таки достаточно авторитетной для разрешения вопросов текущей правительственной

¹ За подписью Евдокимова грамоты в АИ, т. II, № 341 и 342, и в Материалах историч. и юрид. района бывш. приказа Казанского дворца, т. I, Архив кн. Баюшева, Каз. 1882, стр. 53—54; Сем. Головин указан в Каз. дворце с 9 марта — Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 2, 78, 81.

² О Бегичеве — Акты подмоск. ополч., № 86—87 и др.; о Гр. Витовтове — там же, № 81, 92 и др.; об Алексее Витовтове печат. в прилож. грам. в Соль-Вычегодскую. — В Новгородской чети попрежнему А. Иванов и с ним Савва Романчуков — ААЭ, т. II, № 213.

³ Акты подмоск. ополч., № 84; по единичному упоминанию трудно определить приказ.

⁴ Новый Летописец, стр. 127.

⁵ Акты подмосковных ополчений, № 80.

⁶ Показание Ив. Философова из цит. изд. Гиршберга. И Арсений Еласонский подтверждает, что «бразды правления» были в это время в руках только Трубецкого и Пожарского и что бояре «подчинились им», — *op. cit.*, стр. 164.

⁷ Об этом ниже.

работы и руководства ею. Но было бы верхом политической нецелесообразности ввиду тогдашних обстоятельств такой «всей земле» предоставить решение и «великого государственного и земского дела» — избрание государя. Вполне правильным и естественным поэтому был ответ из Москвы на повторное предложение новгородского правительства быть вместе с Новгородом «под единым кровом государя королевича Карлуса Филиппа Карлусовича»: «нам пыне (этого дела), не обослався и не учиня совету и договору... со всеми городами Российского царствия, со всякими людьми от мала и до велика, одним учинити нельзя»¹. В этих словах нет, конечно, отказа от Филиппа, как передал ответ Новгороду «Новый Летописец»², не видно и замаскированной оттяжки решения вопроса о Филиппе на неопределенное время, как предполагает проф. Д. В. Цветаев³. В той же грамоте в конце имеется просьба к новгородцам «наскоро нам ведомо учинити», как только королевич прибудет в Новгород, и обещание послать тогда послов «с полным договором». Таким образом, препятствием попрежнему оставался неприезд кандидата. Меры же для скорейшего составления полномочного для выбора царя собрания «всей земли» были приняты немедленно, частью даже, как видно из той же грамоты в Новгород, еще до ее написания⁴.

Сами воеводы прекрасно понимали и продолжали повторять, что Московскому государству «без государя нисколько быть невозможно»⁵. «Народ требовал царя», когда Пожарский шел к Москве⁶. В столице, по освобождении ее, с воеводами говорили и советовали

---

¹ Доп. к АИ, т. I, № 166, грамота датирована 15 ноября; посол новгородский Богд. Дубровский приехал под Москву 6 октября. Г. А. Замiatин (в цит. работе, стр. 74—75) объясняет этот отказ решить дело сейчас же тем, что «всей земли» с воеводами-правителями не было; но мы имеем грамоты со ссылками на «совет всей земли» от 26 октября и 10 декабря, чтобы не называть многих других (Сборник Ниж. арх. ком., т. VI, отд. I, стр. 111, и ААЭ, т. II, № 216).

² По его изложению, Дубровскому прямо «отказана сие: тово у нас и на уме нет, чтоб нам взяти иноземца на Московское государство», и пр., стр. 128—129.

³ Избрание Мих. Фед. Романова на царство, стр. 15, в Журн. Мин. юстиции, 1913, кн. I, и отдельно с незначительными изменениями, цитирую по отд. изд. Проф. Цветаев обращает внимание на упоминание Сибири в числе трех местностей, с которыми считали нужным снестись по этому поводу воеводы, а вызывать из Сибири выборных было не в обычае, и грамоты туда о Соборе не известно (ibid., прим.). Но Сибирь извещали о кандидатуре Филиппа, могли писать и теперь о присылке выборных; отсутствие упоминаний о созыве Собора в грамоте, извещавшей об освобождении Москвы, ничего еще не говорит против того, что позже были посланы и приглашения на Собор; так было, например, с Белоозером (Акты подмоск. ополч., № 80 и 82). На текст Дворц. разр. (т. I, ст. 10) нельзя ссылаться в доказательство того, что в Сибирь не писали: здесь не названы, например, Рязанские города, замосковные (если их не видеть в «Московском государстве»), но есть обобщение «во все города». Да и не значила, конечно, цит. фраза, что до прибытия выборных из Сибири дело не будет решаться.

⁴ В города уже писали о присылке по 10 человек «для государственных и земских дел», — говорит грамота.

⁵ Акты подмоск. ополч., № 82.

⁶ Вестн. Европы, 1868, кн. I, стр. 235, из письма Ис. Массы.

об избрании царя «бояре, и окольные, и чашники, и стольники и дворяне большие, и стряпчие, и жильцы, и дворяне из городов и всяких чинов люди». На этих совещаниях и было решено «из городов взять к доброму совету ко обираю с посаду и с уезду» по десяти человек, «которые бы были добры, разумны и постоянны». Был и срок учинен — «Николин день осенней (т. е. 6 декабря) нынешнего года»¹. И вот еще в первой половине ноября по городам пошли грамоты из Москвы с горячим призывом прислать выборных, а ко «властям» и именитым людям, как Строгановым, особые приглашения приехать в Москву «для великого земского дела»². Но призывы получались поздно, особенно на севере, и к 6 декабря не успели бы приехать выборные даже из неособенно далеких городов³. И в конце ноября — начале декабря посланы были новые призывы с просьбой прислать в Москву выборных людей «тотчас наскоро» и «сроку им не давать нисколько»⁴.

В январе, а может быть, и в декабре⁵, начали приезжать в Москву выборные с мест.

---

¹ Акты подмоск. ополч., № 82 и 89; цит. грамота в Новгород — Доп. к АИ, т. I, № 166; Арсеньевские бумаги, № IV, стр. 19; А. А. Тимов, Рукописи слав. и русские, принадл. И. А. Вахrameеву, вып. IV, № 276 (грамота на Углич.); с Соли-Вычегодской почему-то просили прислать 5 человек только; может быть, потому, что считали представителями усольцев и приглашаемых сверх этих пяти человек четвертых Строгановых? — Печат. в прилож. грамота.

² Наиболее ранней является печатаемая в прилож. грамота в Соль-Вычегодскую от 13 ноября; в ней обещание: «а к вам, Строгановым, вперед отпишем»; об особом приглашении «властям» в указ. грамоте на Углич; в Вологодской архиерейской канцелярской конторе еще в начале XIX в. хранилась грамота с приглашением на собор «архиепископу Ахридскому на Вологде» Нектарию — Н. Суворов, Описание волог. кафедр. Софийского собора, М. 1863, стр. 63, со ссылкой на рукоп. сочинение Евгения (Болховитина).

³ На Белоозере, например, грамота от 19 ноября была получена только 4 декабря — Акты подмоск. ополч., № 82.

⁴ Указание на повторный призыв в № 89 Актов подмоск. ополч., откуда взяты и цит. слова; второй является и грамота в Осташков в собрании Арсеньевских бумаг; очевидно, второй была и грамота в Углич от 13 декабря.

⁵ «У генваре почали зежчати на обирание царя нового», отметил в своих «Записках» сидевший в это время в Москве, вероятно, за приставом, Божка Балыка — цит. изд., стр. 105.

СОСТАВ ЗЕМСКОГО СОБОРА В ПЕРИОД ИЗБРАННЯ ЦАРЯ И ОБСТАНОВКА, В КОТОРОЙ ШЛА ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

На Земском соборе после долгой и упорной борьбы между сторонниками разных кандидатов на престол 7 февраля был намечен, а 21-го провозглашен царем московским и всея Руси Михаил Федорович Романов. Но если так хорошо известен из источников результат избирательной кампаний, то самый ход ее, причины, в силу которых были отвергнуты все другие кандидаты и был избран именно юноша Михаил, освещены в них весьма слабо. А вопрос о том, как, т. е. на условиях или без всяких условий, и если с условиями, то с какими, был предложен венец московский, по свойству источников до сих пор еще не решен и, вероятно, еще не скоро будет разрешен в совершенно категорической форме исследователями, хотя уже более полвека занимаются они царским избранием 1613 г.¹

Для того чтобы лучше представлять себе историю этого избрания, чтобы иметь возможность высказать, хотя бы в отдельных слу-

¹ Интересную критико-библиографическую статью об исторической литературе по «вопросу об избрании М. Ф. Романова» дал недавно С. Ф. Платонов — Журн. Мин. нар. просв., 1913, кн. II. Перечни посвященных той же теме работ есть у проф. Д. В. Цветаева в цитированной брошюре и более подробный — в диссертации Е. Сташевского, Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. I, Киев 1913, стр. 62, в прим. — Перечни эти начинаются статьей Н. А. Лавровского, появившейся в 1852 г. Но еще за 9 лет до этого вопрос об ограничении власти Михаила Федоровича был поставлен и решен (без всякого научного аппарата, даже без всяких ссылок на источники) в положительном смысле известным генеалогом и — позже — политическим эмигрантом кн. П. Долгоруким в его Notice sur les principales familles de la Russie, изд. в Париже в 1843 г. под псевдонимом «le comte d'Almagro» (на стр. 30—31). Впоследствии Долгорукий не раз возвращался к этому вопросу, излагал обстоятельства избрания подробнее, указывая свои источники (Страленберга, Манштейна, Татищева, Котошихина), — La vérité sur la Russie, Paris 1860, стр. 161—163, и на стр. 165—167 о роли Филарета в восстановлении самодержавия, Des reformes en Russie, Paris 1862, в историческ. обзоре, стр. 235—248, О перемене образа правления в России, Leipzig 1862, стр. 114—115, ср. стр. 49. Любопытно, что другой эмигрант, Ник. Ив. Тургенев, считал что избрание царя Михаила «было совершенно безусловное» (Взгляд на дела России, стр. 8; мне не удалось видеть этой книги, цитирую его слова по ниже приводимой статье Долгорукого). Долгорукий в своем листке «Правдивый» (№ 4, от 31 мая 1862 г., на стр. 28) резко и грубо обличал Тургенева в незнании источников, в «сильном» желании угодить петербургскому правительству.

чаях, только чисто гипотетические суждения по выдвигаемым ею вопросам, весьма важно выяснить предварительно, насколько это возможно, состав Собора и взгляды или даже настроения его членов, а также и ту обстановку, в которой Собору пришлось действовать.

Земский собор 1613 г. по справедливости уже давно признан исследователями наиболее многолюдным и особенно полным в смысле представительства на нем различных местностей и социальных групп Московского государства. Официальный документ Собора об его деятельности по избранию царя — Утвержденная грамота — не дает полных и верных сведений об его составе во время избирательной кампании. Рукоприкладства к ней начали собирать лишь с мая 1613 г., когда многие члены Собора могли разъехаться ¹, а, с другой стороны, могли прибыть на соборные заседания новые лица, не бывшие в январе и феврале, и продолжали это делать несколько лет, не принимая при этом во внимание, участвовал ли тот или иной подписывающий грамоту в выборах царя. Поэтому рукоприкладства эти сами по себе не могут в большинстве случаев служить доказательством того, что данное лицо было на Соборе во время царского избрания ².

Рукоприкладства выборных представителей от разных городов и областей России принадлежат действительно членам Собора, бывшим в большинстве на нем в период избирательной борьбы. Но имеющееся в этих рукоприкладах сравнительно незначительное количество (около 100) имен выборных далеко не соответствует действительно бывшему на Соборе числу их. Об этом можно судить уже по самому характеру рукоприкладств. В них очень часто подписи одного лица покрывает собой целую группу выборных, и нередко не только того же социального положения, какого был и сам подписавшийся, но и других, иногда даже и другого города ³. И теперь мы знаем только из столбцов Печатного приказа 15 новых имен выборных и все от городов, представители которых подписывали Утвержденную грамоту ⁴.

¹ Утвержденная грамота «уложена бысть и написана» «месяца мая в день» (число опущено) — Утвержденная грамота в изд. 1906 г., под ред. С. А. Белокурова, стр. 74 (в дальнейшем все ссылки на это изд.). В числе подписей есть брянского протопопа «в брянчан, которые во Брянске, т. е. уже уехали, место 169—166-е.

² Вопросу о рукоприкладах посвящено особое приложение, к которому и отсылаю за доказательствами и подробностями.

³ Например, от Устюжны Железнопольской «игумен Антоней, и выборных дворян, и посадских и уездных людей место руку приложил» (рукопр. 177—196 по изд. 1906 г.) или посадский Козмодемьянска Гр. Иванов «и в чебоксарцов выборных людей детей боярских, и стрельцов и посадских людей место руку приложил» (230—183); мценянин Кун. Огарков расписался за дворян и детей боярских, посадских и уездных людей, присланных из Черни и Новосила (178—197-е и 180—199-е). Количество примеров можно было бы сильно увеличить.

⁴ Столбцы Печ. прик., изд. Л. М. Сухоным. Первые месяцы царств. Мих. Федор.; в предисловии им перечислены 14 новых лиц (стр. XV), к ним нужно прибавить Лопатина с Соловы — отд. II, № 284.

Мы уже знаем, что воеводы-правители просили прислать для «государева обирания» по 10 человек выборных от каждого города с его уездом. И есть основания думать, что население, вполне оценивая всю важность предстоящего Собора, постаралось в полной мере исполнить обращения к нему просьбы. От нижегородских выборных имеем подписи двух дворян, причем один из них расписался и за товарищей своих, а другой и за брата — сотника стрелецкого, протопопа Саввы, одного стрельца, приложившего руку за всех выборных стрельцов, и одного посадского Сам. Богомолова, который также «и в товарищей своих место руку приложил». Но знаем, что кроме Саввы от Нижнего было на Соборе еще три представителя от духовенства и кроме Богомолова еще 11 человек с посада ¹. Таким образом, общее число выборных от Нижнего на Соборе, очевидно, превышало 20. Точно так же от Тулы знаем по упоминаниям в подписях 8 человек одних дворян и детей боярских и при этом один из них руку приложил все-таки за дворян же и детей боярских (очевидно, его товарищ, подписавший выше, перечислил еще не всех выборных этой группы), а также за посадских и уездных людей ². Из маленького степного Оскола было прислано 5 казацких атаманов, известные нам сын боярский и поп Богдан, но последний — единственный, подписавший Утвержденную грамоту, — руку приложил за детей боярских (значит, их не один), казаков и стрельцов (последние по именам неизвестны ³). Еще один пример. По данным подписей, известны имена трех выборных дворян и четырех лиц духовного сана от Брянска, но один из последних дал подпись и «в Брянцен, которые во Брянске», т. е., очевидно, успели уехать до составления грамоты, «дворян и детей боярских, посадских, пупкарей, затишников, стрельцов и в уездных людей место» ⁴. Эти данные убедительно свидетельствуют, что выборные были присланы не только в меру, указанную в приглашениях, но и свыше меры. Характер подписей — за товарищей, а то и за всех представителей данного города и его уезда — позволяет думать, что большое количество выборных было не исключением, а скорее общим правилом. Население, очевидно, проявило большой интерес к выборам царя, позаботилось о том, чтобы его голос влиятельнее звучал на Соборе, для чего и прислало достаточное количество представителей от разных слоев. Это впечатление от источника важно подчеркнуть и для дальнейшего.

Утвержденная грамота не только не дает удовлетворяющего нас списка лиц, принимавших участие на Соборе 1613 г. в качестве вы-

¹ Утвержденная грамота, рукоприкладства за № 192, 193—238, 221—233, 222—234, 223—235, и Дворц. разр. т. I, прилож. № 13, прим.

² Утвержденная грамота, подписи 164—161-я и 165—162-я; о том, что Дьяков — второй из подписавшихся — дворянин, см. РИБ, т. XV, стр. 131 в Кормл. книге Костр. четн. и т. XXVIII, ст. 32.

³ Указанн. стр. предисловия Л. М. Сухотина в Перв. месяц. царств. Мих. Фед. и 195—208-е рукоприкладство в Утвержденной грамоте.

⁴ Утвержденная грамота, 166—163, 167—164, 169—166, 234—174 и 235—175. Упомянутый в 167—164-м рукоприкладстве брянчанин Ив. Сем. Безобразов — дворянин — Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 136 и 93.

борных от городов, но и не сохранила, — что гораздо важнее, — полного перечня городов, представители которых были на этом Соборе. Известно, что до 7 февраля на Соборе присутствовала целая группа детей боярских из Торонца, уехавшая потом домой¹. Не знаем, были ли в составе собрания еще другие представители этого города, вернулись ли после хоть некоторые из уехавших, но во всяком случае среди рукоприкладств нашего документа нет ни одного от или за торопчан. Знаем также, что на Белоозере еще к концу декабря были уже избраны по просьбе «бояр» «для доброго совету» протопоп, посадские и уездные люди, и воевода только справлялся у игумена Кириллова монастыря, когда он поедет к Москве, чтобы с ним вместе послать и выборных. Правда, можно думать, что из-за «литовских людей» они запоздали к началу Собора или даже прибыли в Москву к последним заседаниям, но все-таки прибыли, сколько можно судить по тому, что товарищ их — игумен Кирилло-Белоозерский Матфей — приехал в Москву и участвовал в венчании Михаила Федоровича на царство. И его подпись имеется в Утвержденной грамоте; о них нет даже упоминания². Совсем уже трудно себе представить при общем живом отношении населения к выбору царя, чтобы такие города, как Балахна, Галич, Кострома, Переяславль-Залесский, Суздаль, принимавшие деятельное участие в организации второго ополчения или ему очень обязанные помощью против казаков, — чтобы такие города по каким-то причинам отказались принять участие в заключительном акте общенационального дела. Больше того. Мы можем довольно определенно говорить о выборных дворянах, по крайней мере, от Галича и Костромы: в составе челобитчиков государю под Москвою от Земского собора были между прочим от Галича Смирной-Свицын и от Костромы И. Хрипунов, оба получившие четвертые награды в январе и феврале³. Но подписей выборных от этих городов или за них нет среди рукоприкладств грамоты. Весьма вероятно, что на Соборе были и выборные от служилых людей Смоленска, Дорогобужа и Белой, входивших, как мы уже видели, в состав ополчения; имеется под грамотой и подпись жильца И. В. Наумова за выборных дворян от их соседей, а для части и товарищей по скитанью, вязьмичей, по указанным на три остальных города, очевидно, по случайности, нет. Выборы

¹ Археогр. сборник, т. VII, № 48. Гонсевский поймал несколько человек из этой группы; очевидно, она была значительна.

² Грамота воеводы. — Акты подмоск. ополч., № 89; о Матфее — СГГр и Д, т. III, № 16, на стр. 77, и рукоприкладство 17—15-е. В прилож. я стараюсь обосновать мысль, что подписи «властей» (почти всех представителей) принадлежат к числу наиболее ранних.

³ Дворц. разр., т. I, прилож. № 60, и Чтен. общ. ист. и древн., 1900 г., кн. II, материалы А. Н. Зерцалова, стр. 35 и 30. Дворянину-галичанину приписывается в полудесятилетнем хронографе первое выступление с «выписью» относительно «сродства» Михаила Федоровича с угасшей династией Рюрика — *Забелин*, назв. работа, прилож. XVII. Не мешает также иметь в виду, что в составе Овсищенного собора были из Суздаля епископ и архимандрит, из Костромы архимандрит и игумен (подписи 4, 25, 15—16 и 19-я). Имеются подписи духовных лиц из Свяжска, Боровска и Волока-Ламского (13, 23 и 24-я), а подписей выборных от этих городов нет.

от этих городов, в частности от Смоленска, было легко устроить в самой Москве, где в январе-феврале оставалось еще очень много, сколько можно судить даже только по пожалованиям им из чети, непристроженных бесоместных скитальцев¹. Количество недоумелый можно было бы и увеличить, но и приведенные примеры, кажутся, уже достаточно показывают, что к тем 47 городам и областям, которые упоминаются в рукоприкладствах Утвержденной грамоты², можно прибавить еще целый ряд городов, в ней не отмеченных. Слагается в результате совершенно определенное представление, что действительно вся Россия за исключением далеких углов Сибири, Новгородской и Псковской областей, Астрахани и, вероятно, некоторых южных городов, находившихся во власти Заруцкого³, имела своих представителей на избирательном Соборе 1613 г. В соответствии с этим и можно без риска большой ошибки предполагать, что выборных от городов присутствовало на нем свыше 600 человек⁴.

Не менее, а скорее более полно, чем местности, были представлены на Соборе различные слои провинциального населения тогдашней Руси. Воеводы просили выслать «на договор обожьем и о земском о большом деле» выборных «изо всяких чинов людей». Население всецело удовлетворило и этому желанию своих правителей. Из рукоприкладств Утвержденной грамоты видно, что на Соборе были представители белого и черного духовенства, дворян и детей боярских, разных разрядов мелкого военнотруженика: стрельцов, пушкарей, затишников, служилых татар и, вероятно, иноземцев (относительно которых, впрочем, нет указаний), ата-

¹ Рукоприкладство Наумова за вязничей 183—169-е. О пожалованиях смолянам см., например, указанные материалы А. И. Зерцалова, стр. 9—30, Четв. См. Вр., по указателю.

² Перечень 43 городов в алфавитном порядке дан П. Г. Васенко в его книге Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича, Сиб. 1913, ст. 215, прим. 27. Но им, как правильно отметил проф. Цветаев (op. cit., стр. 22, прим. к стр. 21), пропущены Кадом, Старица и Тюмень; нужно прибавить еще Двинскую область, за посадских и уездных выборных которой подписался выборный же игумен Антониева Сийского монастыря (233—187). — Тюмень проф. Цветаев считает городом не сибирским, а одним из расположенных «на нижней оборонительной линии» (loc. cit.), но такого города не известно. Основанием для него послужило очевидно, то, что подписался за выборных Тюмени кадомский выборный мирза Василий, но имеется и другой пример, где старичанин расписался за брянчанина (167—164). Очень вероятно, что эти тюменские выборные прибыли не из Сибири, а из названного выше (в гл. VII) отряда царевича сибирского Араслана, но представляли все-таки частичку Сибири. — Мы знаем, что в январе 1613 г. в Москве были еще сибирские казаки, и из документа, который говорит о них, не видно, все ли находившиеся тогда в столице были отпущены в Сибирь, — ААЭ, т. II, № 221.

³ В начале VII главы уже приходилось отмечать печальное состояние Псковской области в это время; под грамотой нет подписей ни от Пскова, ни от пригородов его области. Приходилось уже говорить и о Новгороде, об Астрахани и действительных Заруцкого. От Сибири, как выше показано, были представители из Тюмени.

⁴ К такому же выводу пришел и проф. Цветаев, op. cit., стр. 22. Проф. Платонов определял, но скромным расчетам, количество городских представителей в 500 человек — Заметки по истории московских Земских соборов в Статьях по русской истории, изд. 2-е, стр. 13.

манов и казаков, посадских людей и уездных людей, т. е. черносошных, а по мнению некоторых исследователей ¹, даже и частновладельческих крестьян.

Выше уже показано, что известные нам по именам представители городов едва ли составляют даже одну шестую всего их количества. Остальных мы совсем не знаем; не знаем даже приблизительного распределения их по главным группам и не можем судить об этом по подписям, в которых вполне естественно преобладание духовенства и дворянства ², как более грамотных и более высоких по положению в социальном строе групп местных людей. Но отсутствие этих сведений не имеет существенного значения для попытки проникнуть в настроение народных представителей. Все равно за очень редкими исключениями мы и тогда, зная всех выборных, как теперь, имея всего около сотни их имен, не могли бы собрать данных для политических биографий этих в громадном большинстве самых «обычных» людей. Та же небольшая горсточка лиц, о которых мы располагаем кое-какими справками, заставляет все-таки думать, что эта — выборная — часть Собора в общем верно отразила тогдашнюю уездную Россию, еще смятенную, еще не изжившую недавнего прошлого, хотя в массе уже зараженную сильным желанием скорейшего восстановления порядка, возвращения обычных условий жизни, что должно явиться с царем. Среди выборных есть представители и «воровского» настроения — уже известный нам бывший арзамасский воевода, а теперь выборный от Арзамаса кн. Ив. Сем. Путятин ³. Есть и старавшиеся использовать щедрость Сигизмунда в раздаче не принадлежавшей ему земли, впрочем, использовавшие ее в период, когда это не было особенно зазорно, когда многие били челом королю под Смоленском — после присяги Владиславу, но до начала восстания против поляков; таковы брянчане Тютчев и Балтин, Крекшин из Серпейска ⁴. Но значительнее если не количеством, то характером деяний люди, верно служившие Шуйскому или страдавшие за верность ему. Таков протопоп брянский Алексей, которому пришлось от «воровства» спастись в Москву без жены и детей, «душею и телом», по образному выражению. Другой протопоп — Дмитрий из Зарайска — укреплял мужество Пожарского в тяжелую пору борьбы с тушинцами, третий — Савва, известный деятель нижегородского ополчения ⁵. Казанец Пр. Врас-

¹ В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. III, стр. 246; И. А. Стратонов, *op. cit.*, стр. 93—94. Основанием служит упоминание уездных людей и среди представителей южных уездов — Серпейского, Новосильского, Брянского.

² По подсчету проф. Цветаева (*op. cit.*, стр. 20, прим. 2), из 84 лиц, «известных по своему общественному положению», на долю «средних слоев служилого класса» приходится 42 (50%), духовенства 26 (больше 30%), посадских — всего 7 и приборных — 5 человек.

³ Подпись Путятина 229—207-я; справки о нем довольно многочисленны, см. в прилож.

⁴ Их упоминание в Утвержденной грамоте — 166—163 и 163—172, о пожалованиях — АЗР, т. IV, № 183, стр. 377, 374 и 377.

⁵ Их рукоприкладства 169—166-е, 172—191-е и 221—233-е; данные об Алексее в его челобитной — Первые мес. царств. Мих. Фед., стр. 120, о Дмитрии — Новый Летописец, стр. 99; о Савве речь уже была.

ский в сфере дипломатии — постоянный посол к нагаям, нижегородец Мисюрь Соловцов в области военной — участник борьбы с Болотниковым и один из деятельных голов в трудном походе Шереметева по Волге, — служили царю Василью; иные, как тот же Соловцов, Бегичев и Кондырев с Калуги, Свиныни из Галича, входили в состав земских ополчений ¹.

В отношении к выбору царя светских выборных от городов и уездов, кроме атаманов и казаков, можно, конечно, довольно условно объединить в общей характеристике. Эти рядовые обыватели разных, иногда далеких от Москвы (вроде Двины, Вятки, Рыльска, Белгорода), углов России, явившиеся теперь в столицу для решения вопроса о том, кому быть царем на Москве, вряд ли приехали с определенной или определенными кандидатурами. Провинциалы, не влиятельные каждый отдельно и даже небольшими местными группами, вероятно, робевшие в присутствии важных столичных особ, они старались найти для себя авторитет, за который можно было бы укрыться, советов которого можно было бы послушаться в таком великом деле. Но единого и тем более коллективного авторитета в то время не было. Боярская дума, точнее члены ее, почтение и уважение к которым, хотя и колебалось за годы Смуты, однако были еще очень сильны в земских людях ², и близкие к ним столичные чины сами, как увидим ниже, разбились на несколько групп, враждебных друг другу. По этим же группам, наверное, распределились постепенно и городские выборные, примыкая к выдвигавшей того кандидата, которого данный представитель знал по соседству, по службе, деловым сношениям, или даже был связан с ним родством или свойством, или просто в пользу которого его успел расположить речами, обещаниями, а то и подарками тот или иной агитатор. Но играли в выборе кандидатов известную роль и политические взгляды и настроения избирателей; принимались, вероятно, последними в рас-

---

¹ О службе Врасского — Акты времени правления царя Василия Шуйского, изд. А. М. Гневушев, стр. 158—206, 221—234; Акты времени междоусобицы, стр. 8—37 — в Утверж. грам. 174—195. О Соловцове — Изборник, стр. 334 и 339; А. до ю. б., т. II, № 230, V — VIII и 168, подпись его 192 (только в архивском экз.). О Кондыреве и Бегичеве — Новый Летописец, стр. 122, рукоприкладства их 157 и 158-е. О Свиныне — в указ. раннее материалах *Зерцалова*.

² Об отношениях земских людей к боярам была уже речь — стр. 129—130. К тому, что там сказано, нужно еще прибавить, что тяжелые условия, особенно в последние месяцы, подневольного сиденья в Москве постепенно внушали мысль о страданиях бояр. И в результате почетный прием их при выходе из Кремля и цитированная уже (см. стр. 175) грамота, выставлявшая их раны и тюремные заключения. — Ближе к моему, но с несколько иным оттенком трактованы отношения к боярам земщины в речи акад. М. А. Дьяконова, Избрание Михаила Федоровича на царство (стр. 11—21). Отмечу маленькую неточность: на стр. 356 Изборника речь идет об оставлении бояр поневоле в Москве после выпуска из Кремля женщин и детей осенью 1612г., так что вряд ли можно эти слова приводить в подтверждение того, что вообще бояре сидели поневоле (в цит. речи, стр. 13, прим. 1). Вряд ли удобно вообще пользоваться для характеристики взгляда на бояр и их сиденье официальными, после амнистии составленными документами, как Утверженная грамота, Дворц. разряды, а также и Сказанием Палицына.

чет и возможные платформы, возможные направления в политике в случае воцарения того или другого кандидата, направления, о которых можно было до известной степени заключать на основании биографий и самого положения выдвинутых кандидатов. При всем различии по социальному положению в воззрениях значительной части представителей городов и уездов можно с большою вероятностью предполагать нечто общее, достаточно определенное и устойчивое. Совершенно неприемлемым был для этих членов Собора сын Маринкии, которого еще осенью 1611 г., по указанию патриарха Гермогена, обзывались «па государство не хотети» пославшие их. Чуждым, пожалуй, даже страпанинцам должен был казаться большинству этих рядовых обывателей чужеземец, и, не говоря уже о ставшем ненавистным Владиславе, кандидатура Филиппа, надо думать, находила среди них немного сторонников, и то, вероятно, преимущественно из бывших членов «вся земли» при Ляпунове или Пожарском, или их ополчений. Милее всего этой многочисленной группе членов Собора был царь из своих, из русских боярских родов¹. Но и по отношению к русским кандидатам вполне естественно было ожидать, по крайней мере, от представителей дворянства, большой осторожности, даже недоверия к таким кандидатам, за которыми могло чувствоваться покушение на интересы этого класса или просто небрежение к ним².

Общими для городских и уездных выборных были и основные пожелания, наиболее нужды, о которых они готовы были бить челом новоизбранному государю или заявить на Соборе до избрания, как такие тяжкие общественные болезни страны, которые должно постараться устроить правительству всякого возможного царя. Эти пожелания — водворение мира и порядка, как в общей форме заявили их средние классы в грамотах второго ополчения. Это — устранение злоупотреблений разного рода властей и всяческих насилий частных лиц, устранение путем лучшего устройства (собственно восстановления старого) управления и более тщательной («всякими мерами») постановки розыска, праведный суд с ограждением неприкосновенности родственников виновного и с особой осторожностью в применении смертной казни и ссылки³ и забвение со стороны стоящих у кормила правления всякой недружбы, т. е. своего рода амнистия, — как эти нужды более определенно формулированы в юридическом документе — приговоре первого ополчения. Конечно, при выяснении других нужд выступили бы не

¹ Весною 1611 г. игумен Соловецкого монастыря совершенно определенно писал шведам, что в Соловецком мон., Сумском остроге и во всей Поморской области «единомышленно» решили: «не хотим никого иноверцов на Московское государство...», опроче своих приращенных бояр Московского государства»; он даже уверял о таком же решении на Москве у патриарха с боярами и городами — ЛАЭ, т. II, № 180.

² Дворянство южных городов, как известно, примкнуло даже к восстанию холодов и крестьян по воцарении Шуйского в значительной степени из опасения его олигархической (в пользу княжат) политики — С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, стр. 247—249.

³ Здесь сказалось, конечно, впечатление от тайных казней и частых ссылки, практиковавшихся при царях Борисе и Василе.

только классовые отдельных социальных слоев, но даже и чисто местные интересы, ставящие друг против друга отдельные группы, например, дворян и крестьян. Но и заявление подобных частных пожеланий было бы, кажется, совершенно неуместным и недопустимым на избирательном Соборе, где решалось общее «божие и земское великое дело».

Было у этих представителей населения, выбитого из колеи привычной жизни совершенно неожиданно для него нахлынувшими событиями Смуты, и еще одно общее — тяготение к старине, к тем старым порядкам, при которых было возможно более или менее «тихо и безмятежно жить». Это тяготение, чувствуемое во всех выступлениях средних классов, нашло себе и определенное выражение, правда, по сравнительно некрошному, по жизненному вопросу о земле в том же Ляпуновском приговоре. Размеры поместий боярских он определял (в первой статье), «примеряся к прежним большим бояром, как было при прежних российских прирожденных государех», т. е. ставил за образец порядки не времени управления Шуйского, даже и не Годунова, но эпохи царей Ивана и Федора. В связи с этим тяготением или одним из выражений его было и широко распространенное, очень живучее и сильное желание, или, лучше сказать, мечтание, иметь «прирожденного», «от корене российских государей», государя. Это оно помогло народу так легко поверить таинственной истории о спасении царевича Дмитрия и в значительной степени доставило победу «истинному царскому сыну» над сыном государя избранного. И если не только царские и церковные увещания, даже открытие мощей и канонизация царевича не могли истребить в населении веру в спасшегося царя Дмитрия, то потому между прочим, что жива была мечта, на время сбывшаяся, о «прирожденном» государе. Она сыграла известную роль и в признании простыми людьми Тушинского вора ¹. Не умерла она и после. Выборные от городов и уездов принесли ее в своих душах на избирательный Собор, и она должна быть учтена при характеристике (в некоторой мере гипотетической) настроения этой преобладающей массы избирателей.

Атаманы и казаки, упоминаемые в рукоприкладствах Утвержденной грамоты, как правильно отметил Ил. Г. Васенко ², были представителями городских казаков южных городов. Но присутствовали, конечно, на Соборе и выборные от стоявших в Москве станиц казачьих. Отсутствие их подписей верно объяснено тем же исследователем: ко времени подписания грамоты эти станицы были уже в значительной части разосланы из Москвы ³. Эти казаки выбор-

¹ Известно, что сравнительно легко вначале переходили на сторону Вора и не испытывавшие мнений Шуйского замосковные города.

² *Op. cit.*, стр. 215—216, прим. 36. К упомянутым здесь городам, среди представителей которых были атаманы или казаки (Белгороду, Ливнам и Рыльску), нужно прибавить еще Оскол (иодн. 195—208-я); об атаманах с Оскола еще в Первых месяц. царствования Мих. Феод., стр. 44—45.

³ Казаков с марта усиленно посылали на службу и на юг, и под Исков и под Смоленск — см. Дворц. разр., т. I, прилож. № 5, 6, а Утвержденная грамота, как уже отмечено, составлена в мае.

ные были на Соборе выразителями мнений и требований своих собратий, воздействовавших на Собор и извне. Поэтому о роли казаков лучше говорить в связи с выяснением обстановки, в которой Собору пришлось действовать.

Выборное духовенство действовало на Соборе, вероятно, под руководством или даже по указанию Освященного собора. Поэтому лучше в оценке значения объединить эти группы. По подписям мы знаем 26 выборных представителей духовенства, но на Соборе было их, очевидно, больше: выше уже отмечалось, что, например, от Нижнего-Новгорода, кроме подписавшего грамоту протопопа Саввы, были на Соборе еще три священника. Что касается членов Собора из духовенства по положению, то рукоприкладства Утвержденной грамоты не дают о них точных сведений. С одной стороны, не были на Соборе давшие подписи на грамоте митрополит Ефрем казанский, только в мае прибывший в Москву с государем, и митрополит сарский и подонский Иона, вероятно, только в 1722 г. поставленный на эту кафедру¹. Но, с другой стороны, в состав Освященного собора в январе-феврале в Москве мы должны включить, кроме 30 лиц, приложивших руки к грамоте, еще не подписавших ее, по всей вероятности, архиепископа охридского Нектария, которого, как мы уже видели, особой грамотой приглашали на Собор и который в июне, во всяком случае, был в Москве², — и — уже совершенно положительно — архимандритов Дионисия (Троице-Сергиева монастыря) и Иосифа (Новоспасского монастыря), подписавших грамоту Собора кн. Трубецкому, протопопов Благовещенского и Архангельского соборов, вошедших, как и архимандрит Иосиф, в состав соборного посольства к царю в Кострому³. Таким образом, в составе Освященного

¹ Подписи назв. митрополитов 1 и 3-я. Об Ефреме — Дворц. разр., т. I, ст. 1123 (в марте ему писали из Москвы в Казань), 1162 (на походе с государем), 1214 (то же, 1—2 мая). Об Ионе не упоминается ни в описании собора, ни в описании венчания царя (июль 1613 г. — СГГр и Д, т. III, № 16), нет его подписей ни под грамотой Земского собора Трубецкому — январь 1613 г., ни под грамотой духовенства Строгановым — 24 мая 1613 г. (*Забелин*, указ. соч., прилож. II, и ААЭ, т. III, № 4); первое документальное свидетельство о нем, которое мне удалось найти, это его грамота от 21 января 1614 г. — *И. Херсонский*, *Летопись Макара*. Ужж. мон., вын. I, Костр. 1888, стр. 14. И почти все грамоты от Земского собора говорят только о Кирилле, только об одном митрополите — например, Акты подмоск. ополч. № 106 и 107, Дворц. разр., т. I, прилож., № 1—3, 66—67.

² О Нектарии в Москве — *И. Суворов*, Описание волог. кафедр. Софийского собора, М. 1863, прилож. 40, стр. 175—178; но Сильвестр с Вологды, — а Нектарий, как мы знаем, в 1612 г. жил в Вологде, — был в Москве еще до 20 февраля — АЮ, № 118; кажется вероятным, что приехали владыки вместе. Сделавшись 25 или 26 июня (Суворов в назв. раб. указывает 25-е, в другой — Историч. сведения об перархах древнепермской и вологодской еп. в Волог. епарх. вед., 1865, № 20, стр. 791—795, в примеч., — 26-е) архиеп. вологодским, Нектарий в этом чине приложил к Утвержденной грамоте свою печать; теперь, сколько можно судить по фототипическому воспроизведению Утвержденной грамоты (изд. 1904 г.), имя архиепископа прочесть трудно; в 7123 г. его читали «Макарий», думаю, ошибочно по плохому состоянию печати вместо «Нектарий»; Макарий хиротонисан только 9 февраля 1617 г. — *Строев*, Списки перархов, стр. 731.

³ Грамота Трубецкому указана выше. Об участниках соборного посоль-

собора можно считать не менее 35 человек. Вместе с выборными представителями духовенства «власти» являлись на Земском соборе довольно значительной группой. Она, вероятно, лучше всех других организованная, спаянная подчинением низших авторитету высших, выступавшая в силу этого единодушно, должна была иметь значительное влияние на дела. Духовенство только под давлением, только уступая необходимости согласилось бы на кандидата-иоверца и, конечно, при непременном условии крещения его в православие. Духовенство особенно хорошо должно было помнить противодействие Гермогена присяге Владиславу¹. По вопросам политическим духовенство обычно отказывалось на Соборах высказывать свое суждение, заявляя, что его дело не мирское, а божие. Но консервативное по существу, несколько не терпевшее, а, наоборот, хорошо устроившееся в лице архиепископов и монастырей при старом досмутном порядке и много претерпевшее и от «мятежных человек» и от власти царей, которым далеко не сочувствовало², за годы Смуты, оно, конечно, всей душой было за возврат к прежним, отпавшим в далекое прошлое порядкам государственного управления и вообще государственной жизни.

Данные Утвержденной грамоты относительно московских чинов еще менее удовлетворительны, чем о выборных и «властях».

Прежде всего поражает совершенное отсутствие подписей гостей, участие которых в Соборе, в «великом посольстве» на Кострому засвидетельствовано не только текстом самой же Утвержденной грамоты, но и другими документами³. Трудно с определенностью сказать, как велика была эта группа членов Собора, но можно предполагать, что не особенно многочисленна. Неблагоприятная для торговых и финансовых операций обстановка в столице, находившейся с осени 1610 г. на военном, а с весны 1611 г. на осадном положении, должна была побуждать гостей уезжать из Москвы, и еще

ства — Дворц. разр., т. I, ст. 30, имя архим. новоспасского — ст. 1165 и др. Об участии Иосифа в заседании 21 февраля см. ниже. Под грамотой Трубецкому есть еще рукоприкладство келаря Спасского ярославского мон. Порфирия; не знаю, был ли он членом по положению или по избранию.

¹ Жолкевский в своих записках сообщает, что осенью 1610 г. Гермоген побуждал народ избрать в цари или кн. Вас. Голицына или сына Филаретова (по 2 изд. 1871 г., стр. 74—75). Напомню сообщение Соловецкого игумена о решении выбрать государя из «прирожденных бояр» — ААЭ, т. II, № 180.

² Много было такого в деятельности царя Бориса, что не могло нравиться духовенству; здесь не место говорить об этом. Достаточно отметить результаты: духовенство не меньше других групп приняло участие в очернении памяти создателя патриаршества в России. — И Шуйский уже своими принудительными позаимствованиями из монастырей вызвал глухое недовольство в духовном чине; с этим царем «стропотно» беседовал и патриарх Гермоген. И симпатии к царю Василию после насильственного низвержения его создавались в значительной степени ввиду горших зол, последовавших за этим, — обычное психологическое явление.

³ Утвержденная грамота, стр. 43—45, 47, 74; см. еще, например, Дворц. разряды, т. I, прилож. № 6, 8, 9, и др. Отмечу кстати, что среди рукоприкладств грамоты нет также подписи и «выборного человека ото всего Московскаго государства» К. Минина или за него.

в апреле часть их не успела вернуться на родные пенелница¹. Гости, присутствовавшие на Соборе, в большинстве, вероятно, принадлежали к тому же национально-консервативному направлению, которое было преобладающим и среди выборных членов Собора.

Очень невелики наши сведения о группах жильцов и дворовых (дворцовых) людей, присутствовавших на Соборе. Первая была, очевидно, довольно численна, раз даже в составе соборного посольства к царю Михаилу жильцы упоминаются во множественном числе², хотя по рукоприкладствам Утвержденной грамоты можно указать лишь одного Ил. Вас. Паумова, да и тот расписался не за себя, а за вязьмичей³. И дворовые люди, также во множественном числе отмеченные в заключительной фразе Утвержденной грамоты, едва ли были представлены только двумя ключниками Фед. Красным и Богд. Хомутовым, подписавшими, по может быть и позже, Утвержденную грамоту⁴.

Что касается дяков, то рукоприкладства лиц этого чина в Утвержденной грамоте, большей частью очень поздние, сделанные в 7124—7125 гг., эти рукоприкладства совсем не могут свидетельствовать о составе дячьей группы на Земском соборе в период выборов царя. Выше мною был приведен список дяков по приказам в Москве за январь-февраль 1613 г.⁵ Конечно, он неполон, но он, во всяком случае, включает в себя всех наиболее крупных дяков, бывших в то время в Москве. Не имеем возможности установить, все ли сидевшие в приказах дяки или, что кажется более вероятным, только

¹ Указания на оставшихся еще в городах в апреле — Дворц. разр., т. I, ст. 1174—1175, и *Е. Сташевский*, Очерки по истории царств. Мих. Фед., т. I, Киев, 1913, стр. 137, прим. 3. Но часть гостей сидела в Кремле с поляками — РИБ, т. II, № 95; Палицын упоминает и гостей в числе вышедших из Кремля по взятии русскими Китай-города — РИБ, т. XIII, 2-е изд., ст. 1228. — На соборе 1598 г., при обстановке совершенно мирной, были 21 гость и 15 старост гостиной, суконой и др. сотен — ААЭ, т. II, № 7 (по перечню в тексте грамоты).

² Дворц. разр., т. I, ст. 17—18. Даже в составе «встречи» государя 1 мая было трое жильцов: Ив. Ст. Колотовской. Пут. Федор. Резанов, или Рязанов (в источнике или описка или опечатка «Розанов»; такой фамилии памятники этого времени не знают: Резанов, очевидно, бывший стряпчий Вора — Сборник кн. Хилкова, № 12, VII, и АИ, т. II, № 108), и Дан. Сем. Змеев — Дворц. разр., т. I, ст. 1189. В «нетах» 25 апреля 1613 г. помечено только 37 жильцов: очевидно, их собралось к этому времени много — ст. 1147—1148.

³ Подпись Наумова 183—169-я. Может быть, к жильцам же нужно отнести Ос. Грязного (125—148-я), Макс. Титова (только в экз. Оружейной палаты — 139-я) и Никиф. Грекова (154—155-я), служебного положения которых мне не удалось установить, но их подписи, вероятно, поздние и не могут устанавливать участия их в Соборе.

⁴ Фед. Красный (подп. 153—154-я) назначен путным ключником на хлебный двор Сигизмундом (АЗР, т. IV, № 183, DCXXIX и DCCXVII), в 7122 г. он был погребным ключником (РИБ, т. IX, стр. 176 и 206 и т. XXVIII, ст. 6), в 7125 г. стряпчим Сытного дворца (Кормл. книга Костр. чети, в РИБ, т. XV, стр. 108); повиному, он был одним из руководителей восстания против Тушина в Юрьевце-Повольском — Новый Летописец, стр. 86; ААЭ, т. II, № 104, II. О Богд. Хомутове данные за 7121 и 7126 гг. — Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 12, и Акты писц. дела, т. I, № 70.

⁵ См. выше, стр. 174—175.

некоторые, старшие, были привлечены к участию в выборах царя. Но и не столько в самих соборных заседаниях, где влияние дьяков едва ли могло быть очень сильным, сколько вне Собора они могли играть значительную роль в избирательной борьбе. И члены Собора и не присутствовавшие в его заседаниях приказные дельцы с большим удобством, а иные и с хорошим умением могли вести агитацию среди членов Собора и среди разного собравшегося на Московский люд. В приказах постоянно по всяким делам толпился народ; по своей службе в Москве, Тушине, ополчениях дьяки хорошо знали отдельных кандидатов и были близки к ним; приказным, наконец, скорее, чем кому другому, стали известны компрометирующие некоторых из возможных кандидатов и их видных сторонников документы, найденные в приказах в Москве¹. Судя по их прошлому, дьяки были, как мы уже видели, разных лагерей, и, вероятно, каждый кандидат на престол нашел среди них деятельных сотрудников.

Очень разновременные и частью очень поздние подписи представителей высших групп столичного дворянства — дворян московских, стряпчих и стольников — также не могут служить источником для определения состава этих групп на Соборе в течение царского выбора. Судя по тому, в каком большом количестве были приглашены на Собор выборные представители городов и уездов, как широко — даже не принадлежавших к иерархии русской церкви — старались собрать «властей», мы будем, кажется, ближе к истине, если предположим, что к участию в Земском соборе в записываемый нас период были привлечены все столичные дворяне, имевшие возможность приехать в Москву, т. е. не сидевшие по воеводствам, не находившиеся в плену и т. д. И у них самих можно подметить стремление попасть в Москву или — несколько позже — к государю, как только позволяли обстоятельства и служба. Так, стряпчий (литовского пожалования, но еще носивший в это время свое новое звание) Андр. Фед. Палицын, не ранее второй половины февраля сменивший с воеводства в Угличе, в апреле был уже в Москве². Точно так же дворянин московский Ал. Ив. Зюзин, смогший лишь в феврале выехать из Каргополя, где был до того воеводой, потом известен как член, очевидно, соборного посольства к царю³. Вообще к 25 апреля в нетах оказалось лишь двое стольников — Вас. Матв. Бутурлин и Дм. Ив. Головин — и трое стряпчих — Ник. Ив. Ласки-

---

¹ Об этих документах речь будет ниже.

² Палицын простым дворянином Деревской пятины попал в «великое посольство» к Сигизмунду (АЗР, т. IV, № 182) и вернулся стряпчим (СГГр и Д, т. II, № 212, и Боярский список 1611 г., стр. 84). С сентября по 14 февраля 1721 г. он воеводствовал в Угличе — Угличские акты Липинского, № 1—8; 30 апреля назначен собором встречать царя — Дворц. разр., т. I, ст. 1189.

³ О воеводстве Зюзина — Акты времени междун., стр. 64, и Дон. к АИ т. I, № 169; назначенный ему на смену Ив. Дашков только 30 января смог выехать с Вологды — Чтен. общ. ист. и древн., 1886, кн. I, смесь, стр. 1. Упоминание его в посольстве — Дворц. разр., т. I, ст. 1173.

рев, Ив. Андр. Крюков и Ив. Ив. Воейков (дворяне московские в этом списке совсем не писаны) ¹.

Сопоставляя данные о столичном дворянстве «Боярского списка 1611 г.» и «Книги», в которой писаны бояре, окольные и т. д., 7124 г. и принимая во внимание, что Собором заканчивался безгосударственный период, в течение которого убыль не могла пополняться новыми пожалованиями, мы приходим к предположению, что цифры первого — при всей его неполноте — ближе к действительности начала 1613 г. Таким образом, пред воцарением Михаила Федоровича по спискам числилось в круглых цифрах около 100 стольников, 50 стряпчих и не менее 200 дворян московских ². Трудно сказать, сколько точно из них было в январе-феврале 1613 г. на воеводских постах. Из 150 приблизительно городов тогдашней России — я отбрасываю занятые неприятелем — мы знаем воевод приблизительно в одной трети, и притом во многих из них воеводы были не из московских чинов. Во всяком случае в соборных заседаниях не присутствовали из подписавших Утвержденную грамоту стольники кн. Ив. Мих. Катырев-Ростовский и кн. Ив. П. Буйносов-Ростовский, дворяне кн. Ром. П. Пожарский и, вероятно, кн. Ив. Ник. Одоевский ³. Из неподписавших укажу лишь определенно известных в качестве городских или ратных воевод: стольников кн. Ив. Ив. Одоевского, Мир. Андр. Вельяминова, Тим. Вас. Измайлова, кн. Гр. Вас. Тюфякина, П. Вас. Волинского, стряпчих кн. Ив. Мих. Долгорукого и Андр. Фед. Па-

¹ Дворц. разр., т. I, прилож. № 48.

² Цифры взяты несколько меньше, чем в Боярском списке, а для стряпчих ближе к данным «Книги» 7124 г.

³ Кн. Катырев-Ростовский в 1612 г. был воеводой в Тобольске (например, РИБ, т. II, № 100, июль; последняя грамота от него с упоминанием 1 ноября получена в Москве 31 марта — Акты междуцарствия, стр. 80) и лишь зимою, очевидно, после 1 ноября, сменен Буйносовым-Ростовским, посланным, как мы уже знаем, из Ярославля (Древн. рос. вивл., изд. 2-е, т. III, стр. 129, и Разр. записи за См. вр., стр. 168), и приехал в Москву уже после царского венчания: он первый в Боярском списке 1611 г. стольник и дядя царя Михаила по жене (Сборник материалов по истории предков царя Мих. Феод. Ром., ч. II, стр. 98) не упоминается ни в чине венчания, ни на торжественных обедах этих дней. — Кн. Ром. Пожарский сидел в это время воеводой в Суздале — Описание актов собрания гр. А. С. Уварова, отд. I, № 91 и 92; Акты подмоск. ополч., № 84, и Дворц. разр., т. I, стр. 92, 1111. — Кн. Ив. Ник. Одоевский был, как мы видели, в 7121 г. воеводой в Ярославле; текст грамоты, из которой получаем более позднее указание, посланной 5 декабря из Москвы в Углич (Угличские акты, № 6), заставляет предполагать, что воеводы рассчитывали на длительное пребывание кн. Ивана в Ярославле: угличскому воеводе предписывается изловить лихих людей и отослать их на суд в Ярославль к кн. Одоевскому. В середине марта вместо Одоевского в Ярославле были кн. Ив. Андр. Хованский и окольный Сем. Вас. Головин — Акты междуц., стр. 68; смена произведена, вероятно, по окончании Собора, для более торжественной встречи в Ярославле царя: во всяком случае дьяк, приехавший с новыми воеводами, Вас. Юдин, в половине декабря получил только отпуск из чети в Нижний — Акты подмоск. ополч., № 85. Одоевский подписывал грамоту уже в чине боярина (подп. 39—38-я); Буйносов-Ростовский, написанный в Боярском списке стольником (стр. 79), при царе Михаиле считался дворянином (Докл. выпись, стр. 15) и в этом чине подписывал Утвержденную грамоту — подп. 156—160-я (без чина, а стольники и стряпчие писались с чином).

лицына, дворян московских кн. Ив. Фед. Хованского, Ник. Дм. Вельяминова, кн. Андр. Вас. Сицкого, Ив. Мих. Пушкина, Ст. Ник. Чепчугова, кн. П. Мих. Львова, кн. Ник. Н. Борятинского, Гр. Гр. Пушкина, кн. Фед. Андр. Татеева, Ник. Мих. Пушкина, кн. П. Ахамашукова-Черкасского, Ив. Конст. Карамышева, кн. Аф. Фед. Гагарина, Ив. Петр. Вельяминова, Андр. Сем. Алябьева, П. Ст. Нащокина, Фед. Ал. Годунова, Наума Мих. Плещеева, кн. Вас. Ром. Борятинского, кн. Ал. Андр. Хованского, Фед. Леонт. и П. Ив. Бутурлиных¹. Не присутствовали также находившиеся

¹ Ив. Ив. Одоевский и Гр. Гр. Пушкин были воеводами на Вологде — АЮ, № 339, II — VI и IX и 343, I. Мир. Вельяминов, посланный на юг против Заруцкого в декабре (см. выше стр. 163), оставался там и в марте и позже — Дворц. разр., т. I, прилож. № 1, 22, 27 и др. Тим. Измайлов все это время был воеводой во Владимире — Акты подмоск. ополч., № 97 п 109, и Дворц. разр., т. I, ст. 45—51; Гр. Тюфякин в Туле — Акты подмоск. ополч., № 110, и Дворц. разр., т. I, прилож. № 47; Волынский в Соли-Галицкой — Акты подмоск. ополч., стр. 170—171 и 177—178. Ив. Долгорукий сидел в Брянске с 7120 г. и до зимы 7122 г. — Масловский архив, вып. 1 (в Чтен. Общ. ист. и древн., 1916, кн. II), № 103, 104, 115, Четвертчики Смутн. врем., стр. 245, 246, 261. О Палицыне речь только что была ранее. Ив. Фед. Хованский и Н. Вельяминов воеводствовали во Пскове 7120—7122 гг. — Разр. за См. время, стр. 106; ПСРЛ, т. IV, стр. 330; Дворц. разр., I, прилож. № 6 и ст. 151, и АМГ, т. I, № 65—67 и 73. А. Сицкий, посланный в Устюжну, оставался там до 7122 г. — Акты подмоск. ополч., № 123; Доп. к АИ, т. I, № 179 и т. II, № 2; Дворц. разр., т. I, ст. 151. Ив. Пушкин с 7120 г. и до апреля 7121 г. воеводой в Бежецком-Верху — Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 76, и Дворц. разр., т. I, прилож. № 44. Ст. Чепчугов даже до начала 7122 г. на Белоозере — Акты подмоск. ополч., № 70, 82, 89, 90, 95, 99, п Доп. к АИ, т. II, № 2 и 7, I и II. — Львов весь 7121 г. с маленьким перерывом пробыл в Арзамасе — Арз. пом. акты, № 310—366, 369 и 376—389, и Дворц. разр., т. I, прилож. № 44. — Кн. Н. Борятинский в 7121 и 7122 гг. был воеводой на Коломне — Акты подмоск. ополч., № 91; Разр. зап. за См. вр., стр. 25, и Дворц. разр., т. I, ст. 145. Татеев, как мы видели, был послан в Холмогоры еще в августе 7120 г. и лишь «в начале царства Мих. Фед.» сменен Ник. Пушкиным (Лет. Двинская, стр. 16), выехавшим к месту служения, очевидно, задолго до воцаренья Михаила (к дате смены см. и Акты гражд. расправы, т. I, № 91). Ахамашуков-Черкасский месяцы соборных заседаний провел в Галиче — Акты подмоск. ополч., № 87 и 88 и стр. 185—186. Ив. Карамышев в Волоке-Ламском — Новый Летописец, стр. 128; Акты подмоск. ополч., № 110, и Дворц. разр., т. I, прилож. № 7 Аф. Гагарин в Зарайске — Акты подмоск. ополч., № 92 и 110, и Дворц. разр., т. I, прилож. № 18, 20, 27. Ив. Вельяминов в Кадоме — АМГ, т. I, № 260. Алябев давно сидел воеводой в Нижнем, откуда выбыл не ранее апреля — Дворц. разр. т. I, прилож. № 14. Нащокин, бывший в Перми с осени 7121 г., так и умер там в 7122 г. — АИ, т. III, № 7 и 8. Годунову 16 марта 7121 г. писали в Пелымь — ААЭ, т. III, № 336; он, значит, не мог быть в январе и феврале в Москве. Н. Плещеев вместе с Буйновым был в Тобольске. Кн. В. Борятинский был воеводой в Твери — Акты подмоск. ополч., № 110; Четверт. См. врем., стр. 242 и 247; Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 105; Разр. за Смутн. вр., 25. От Ал. Хованского 12 марта была получена в Москве отписка из Белева — Дворц. разр., т. I, прил. № 5. Фед. Бутурлин в январе — марте был в Боровске — Акты подмоск. ополч., № 96, и Дворц. разр., т. I, прилож. № 3. П. Бутурлин «по прежнему» боярскому приговору утвержден царем из Ярославля воеводой в Алатыре — Дворц. разр. т. I, прил. № 44. Чин всех устанавливался по Боярскому списку и Докл. выписи, кроме четырех последних, которые, очевидно, в Боярском списке пропущены, ибо в «Книге» 7124 г. значатся Хованский первым. Бутурлины и кн. Вас. Борятинский недалеко от начала.

в плену с Филаретом и Голицыным стольник Борис Ив. Пушкин и дворяне кн. Як. Петр. Борятинский и Богд. Глебов¹, очевидно, и называвшие выше петчики. Кроме того, если точно выражение Б. Болтина, что с Михаилом Федоровичем «жили» в Ипатьевском монастыре Бор. и Мих. Салтыковы, то и они, надо думать, уехали из Москвы еще до Собора².

Данный список отсутствовавших, конечно, далеко не полон уже в силу материалов, по которым он составлен, и трудно даже предполагать, сколь велика была вообще группа отсутствовавших, хотя по всем данным едва ли достигала половины всего количества столичного дворянства этого времени³. Таким образом, можно полагать что около 250 стольников, стряпчих и дворян московских было в январе и феврале в Москве и принимало участие в соборных заседаниях. В их число мы с несомненностью можем отнести неподписавших, однако, Утвержденную грамоту уже известных нам стольников Вас. Ив. Бутурлина, кн. П. Ив. Пронского, Мих. Матв. Бутурлина, кн. Ив. Фед. Троекурова, Влад. Игн. Татищева, стряпчего Ив. Ив. Биркина и дворян кн. Фед. Ив. Волконского и Ив. Ласкирева, а также стольников кн. Ив. Андр. Голицына и Андр. Арт. Измайлова и стряпчего П. Ал. Загряжского⁴. Из упомянутых в рукоприкладствах Утвержденной грамоты членами Собора во вся-

¹ О них — АЗР, т. IV, № 182, и Сборник И. рус. ист. общ., т. 142, стр. 182 и 370—371 (также СГГр и Д, т. III, № 8, и Изборник, стр. 347—348 и 366).

² Изборник, стр. 357; следует иметь в виду, что Болтин в общем отличается большою точностью своих показаний.

³ Напомню еще раз, что по тогдашним же сведениям во многих городах воевод не было. О крупных городах почти о всех данные есть и использованы для этого списка и списка бояр. Нетчиков, как мы видели, оказалось очень мало.

⁴ Бутурлины, Пронский, Биркин и Голицын подписали грамоту от Собора Трубецкому. Троекуров и Татищев входили в посольство от Собора в Кострому к Михаилу — Дворц. разр., т. I, прилож. №№ — о первом 10—12 и 25, о втором 21. Ласкирев — первый судья Земского двора. Волконский был приставом у Фед. Андреевича и назначен встречать государя под Москвою — Акты междун., стр. 65—66, и Дворц. разр., т. I, ст. 1189. Измайлов и Загряжский вместе с Вас. Бутурлиным 11 февраля дали «сказку» в Разряде о службе См. Свинына — Чтен. Общ. ист. и древн., 1900, кн. II, материалы *Зерцалова*, стр. 35, а Загряжский и сам 18 февраля получил приказ из чети — Четверткин См. вр., стр. 280. Чин впервые встречающихся по Боярскому списку: о Голицыне — стр. 80, Измайлове — 82, Загряжском — 83. — Подпись Бутурлина без отчества, но Вас. Матв. как раз в списке нетчиков. Пронский входил и в состав назначенных встречать государя под Москвою — Дворц. разр., т. I, ст. 1189: фамилия в источнике отсутствует, но решаюсь поставить ее, так как во всех перечнях стольников Боярского списка 1611 г., Докладной выписи 1613 г. и «Книги» 7124 г. есть только один кн. Петр Иван. сын — именно Пронский. Во всех названных источниках среди московских чинов один только Мих. Бутурлин — нап. — В пользу того, что подпись Ивана Биркина без чина и отчества принадлежит именно стряпчему Ив. Ив. Биркину, а не известному в царствование Михаила Федоровича Ив. Вас. Биркину, говорит то обстоятельство, что подписи светских лиц под грамотой Трубецкому принадлежат все столичным чинам, а Ив. Вас. Биркин даже и в 7124 г. не принадлежал, по видимому, к ним; его нет в Боярском списке этого года — АМГ, т. I, № 108. Андр. Измайлов в указанных выше источниках также лишь один. Другой П. Загряжский — Иванович — во время Собора был вместе с Андр. Сидким в Устюжне (см. выше).

ком случае были стольники князя — Дм. Мих. Пожарский, Дм. М. Черкасский, Ал. Мих. Львов, Юр. Янш. Сулепов, вероятно, стряпчий чином Игн. Ист. Михнев и дворяне кн. Фед. Петр. Борятинский и Мих. Ост. Пушкин¹. С большою долею вероятности можно считать членами Собора назначенных им встречать государя около столицы стольников кн. Вас. Сем. Куракина, кн. Бор. Андр. Хилкова, Ив. Ив. Бутурлина, Фед. Вас. и Ст. Дм. Волынского, стряпчих П. Дан. Исленьева и Ал. Богд. Воейкова и дворян Мих. Самс. Дмитриева и кн. Мих. Ив. Солнцева-Засекина². Но, конечно, кроме только что названных, было гораздо больше присутствовавших, о которых определенных сведений мы не имеем; и, вероятно, не все они съехались к началу соборных заседаний, но прибывали и в течение их.

И по количеству и особенно в силу высокого положения ее большею частью притом же родовитых членов эта группа должна была иметь определенное влияние на Соборе. У нее были и данные, позволявшие ей воспользоваться таким положением и действительно оказывать влияние. Близкая к боярам и игравшая некоторую роль в управлении государством и в обычное время, эта группа столичного дворянства (конечно, не поголовно) за последние годы принимала близкое участие в разных лагерях в попытках восстановления порядка. Это дало возможность членам ее приобрести большой вкус к политике, не только к управлению, но даже к устройству государства, усвоить определенные политические взгляды, помогло ей вырабатывать и известные приемы действия и воздействия на обычных рядовых сотрудников. Конечно, воззрения членов этой группы далеко не были однородны. Наоборот, у них можно видеть (по отношению к ним можно говорить более определенно, ибо известны хоть в отрывках биографии их) наибольшее расхождение, чем у какой-либо другой группы из рассматриваемых раньше, кроме дьяков. Среди них можно было встретить и приверженцев, конечно, тайных по условиям времени, Владислава, и сторонников приглашения Филиппа, и поборников избрания царя из русских родов, и, вероятно, защитников самодержавства государева, и, несомненно, поклонников государственной мысли договоров о Владиславе. Трудно сказать, как распределялись их симпатии между русскими кандидатами, ибо здесь должны были сказаться не только политические взгляды, но и родственные связи, позволявшие надеяться на достижение наилучшего положения при родственнике или свойственнике. Но вполне можно предполагать, что столичное дворянство или, по край-

¹ Все эти лица значатся в подписях на соборной грамоте Трубецкому; чин их и отчества по Боярскому списку 1611 г. или Докладной выписи; только Михнев в них не записан и впервые встречается в «Книге» 7124 г. (стр. 142; фамилия его напечатана неверно — Михков, Мяжкой: ни Михковых, ни Мяжких не встречаем в московских чинах этого времени), но с таким окладом, который говорит о давней службе его.

² Дворц. разр., т. I, ст. 1189; кроме них, в этой группе еще названные выше Пронский, Палицын, М. Пушкин и Фед. Волконский. Под Утвержденной грамотой имеются рукоприкладства только Пушкина, Воейкова и за Солнцева. Дмитриев — известный нам воевода ополчения Пожарского.

ней мере, группа наиболее видных, привыкших к властвованию членов его при всем расхождении их постарается в той или иной форме закрепить или хотя бы удержать свое влиятельное положение и при новом государе.

Еще более сильным, чем столичного дворянства, должно было быть на Соборе влияние бояр. При отмеченном выше отношении к боярству член Думы уже потому, что он был боярин или окольничий, независимо от его заслуг и талантов, имел большой авторитет в глазах рядовых членов Собора, и тем более боярин видный и послуживший родные. Единодушное же выступление группы бояр, солидарных в каком-нибудь вопросе, должно было производить особенно сильное впечатление. Оттого весьма важно выяснить, кто из членов Боярской думы принимал участие в заседаниях Собора в период избирательной кампании.

Показания Ив. Философова Сигизмундовым посланцам и стольника Ив. Ив. Чепчугова, московского дворянина Ник. Ост. Пушкина и романовца Фоки Дурова — Делагарди в 1614 г. согласно утверждают, что вышедшие из Кремля бояре, очевидно, оскорбленные тем, что их «в Думу не принимают», и чувствуя к себе враждебное отношение, поспешили уехать из Москвы под предлогом богомолья¹. Эти показания и еще давно известное место Утвержденной грамоты, говорящее, что «по бояр в города по князя Федора Ивановича Мстиславского с товарищи» послали уже после 7 февраля², и дали основания исследователям утверждать, что избрание Михаила Федоровича совершилось в отсутствие бояр (исключение делалось только для Фед. Ив. Шереметева). Но нельзя ли проверить, действительно ли все сидевшие в осаде бояре разъехались из Москвы? ³ Это раз, а второе: отъезд в ноябре сам по себе совсем не обозначал и не был связан с невозвращением в столицу в январе, даже в декабре.

В исследовании этого вопроса рукоприкладства Утвержденной грамоты не могут быть нашим руководителем. В ней на первом месте после Освященного собора стоит подпись кн. Фед. Ив. Мстиславского, а ее текст устанавливает несомненное отсутствие его на первой избирательной сессии Собора. Кто же были его «товарищи», которые также не были в это время в Москве? Кто из бояр не участвовал совсем в царском избрании и, наоборот, входил в состав избирательного Собора в течение всей его работы?

В той же самой грамоте, в которой воеводы ополчения извещали об освобождении ими Москвы и рассказывали о «цвое», в которой сидели в Кремле бояре, есть обещание написать «подлинно» между прочим о том, «кто из бояр и изо всяких чинов на Москве как жил

¹ А. Hirschberg, *op. cit.*, стр. 363; Арсеньевские бумаги, стр. 29—30. Отъезд у некоторых мог быть вызван просто потребностью отдохнуть после долгой и тягостной жизни в крепости.

² Утвержденная грамота, стр. 43—44.

³ По показаниям Богд. Дубровского, уехавшего из Москвы около середины декабря, только часть сидевших в Кремле бояр, и притом будто бы с особенными поручениями, разъехалась по городам — Арсеньев. бумаги, стр. 17—18.

и нужу и тесноту терпел», по вместе и о том, «кто с польскими и с литовскими людьми в одном совете был»¹. Очевидно, был произведен или скорее предполагался (грамота писана 6 поября) розыск о московских сидельцах. При розыске было пайдено на Москве очень много документов недавнего прошлого. Из них те, которые свидетельствовали о сношениях Думы с Сигизмундом, вряд ли были приняты во внимание при установлении того, кто был единомышленником поляков: ведь было известно, что бояре неволею сидели, значит неволею же могли и писать королю. Но тем ценнее были индивидуальные документы, обличавшие, в какие отношения отдельные члены Думы волею становились к «нечестивому Жигимонту». Вероятно, в руки воеводам попал «лист» Сигизмунда на имя кн. Ив. Сем. Куракина, в котором король, «похваляючи службу ево», писал ему «о новом крестном целованье, чтоб на Московском государстве привести всяких людей к крестному целованью на ево (Сигизмунда) имя». Не остались тайной и челобитье того же князя, — «верноподданного», как он обозначил себя в нем, Сигизмундова — на имя короля о поместье, писанное уже после «московского разоренья», и жалованные грамоты ему от короля на поместье и о выдаче ему 300 рублей за верную службу. Не изгладилось, конечно, из памяти и активное с войском выступление единственного из бояр Куракина против первого земского ополчения². Все это делало кн. Ивана очень подозрительным в глазах правителей и «всей земли», а для него самого было, конечно, вполне убедительным доводом за то, чтобы поскорей уехать из Москвы и не возвращаться в нее без приглашенья. Была в приказе Посольском и грамота Сигизмунда кн. Ив. Мих. Воротыньскому с похвалой за то, «что он королю и сыну сво Владиславу Жигимонтовичю служит правдою и с великим радением», и другая грамота ему же и тоже от Сигизмунда, жалованная, правда, на его же отнятую было ранее вотчину, по относящаяся ко второй половине 7120 г., когда в разгар общественной борьбы против поляков было особенно зазорно получать милости от самого ненавистного врага России. Но, главное, обе грамоты свидетельствовали о решительном повороте в отношениях короля к этому недавно еще крамольному с точки зрения поляков боярину и потому в глазах патриотов набрасывали на Воротыньского очень нехорошую тень³.

¹ Акты подмоск. ополч., № 80. Ив. Философов, очевидно, неверно перedal или что-нибудь спутал, когда говорил, что о боярах «писали в города... пускать их в думу или нет»; таких вопросов нет в грамотах городам.

² Сборник И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 19; Земельные пожал. при Владиславе, стр. 50—53; СГГр и Д, т. II, № 259 и 260; об его действиях против первого ополчения — ААЭ, т. II, № 179, I.

³ С октября 1610 г. Воротынский по подозрению в сношениях с Пр. Ляпуновым сидел за приставом (РИБ, т. I, стр. 690—693, ср. АЗР, т. IV, № 209, стр. 480—481; ААЭ, т. II, № 170, I) и не был, очевидно, освобожден еще и в начале 1612 г. (его подписи нет под январскими грамотами московских бояр — СГГр и Д, т. II, № 276 и 277, и Сборник И. рус. ист. общ., т. 142, стр. 289—299). Жалованная ему 7120 г. — тот же Сборник, т. 137, стр. 33 (для даты — 31-я), ср. АЗР, т. IV, стр. 325 (об отдаче этой вотчины Салтыкову); похвальная без всякой даты — в том же Сборнике, т. 137, стр. 19. Не успел ли он реабилитировать себя перед королем по уходе из Москвы

Под подозрением, очевидно, оказался и кн. Бор. Мих. Лыков, уже в августе 1611 г. выпрашивавший и получавший от Сигизмунда щедрые земельные пожалования (3 578 четей)¹. Таким образом, можно думать, что и эти оба князя предпочли не появляться очень скоро в Москве.

Из сидевших в Кремле остался в Москве видный боярин Ф. Ив. Шереметев. К нему, кажется, благосклонно отнеслись воеводы-правители, давшие ему место в Кремле. Очень может быть, что он оставался и за тем, чтобы дать отчет по Казенному двору, во главе которого стоял во время осады². Если последнее предположение верно, — а оно достаточно вероятно, — то есть некоторые основания полагать, что был оставлен с тою же целью отчета и товарищ его по заведыванию Казенным двором окольничий (боярин по «литовской» службе) кн. Гр. Петр. Ромодановский, отношения которого к Сигизмунду были далеко не чисты с русской точки зрения³. Кн. Ив. Вас. Голицын, не просивший, повидимому, и не получивший ни одной милости от польского короля и, наоборот, кажется, весь 1612 год до самого занятия Москвы русскими просидевший за приставом, брат убитого в «московское разоренье», 19 марта 1611 г., кн. Андрея и страдавшего за русское дело в польском плену кн. Василья, конечно, возбуждал не подозрение и вражду, а, наоборот, только особенное уважение к себе в сердцах воевод, «всей земли» и народа⁴. Если он и уехал из Москвы в ноябре, может быть, действительно для обычного по избавлении от опасности богомолья, то вполне безопасно мог вернуться в столицу в декабре-январе, когда,

засадившего его за пристава Гонсевского, а это было в июне 1612 г. (см. выше, стр. 95—96). Во всяком случае при освобождении Москвы он за приставом не сидел — Акты подмоск. ополч., № 80.

¹ Земельные пожалования в Моск. государстве при царе Владиславе, стр. 83—86 (одна из Сигизмундовых грамот была ранее напечатана в СГГр и Д, т. II, № 270).

² А. И. Барсуков, Род Шереметевых, т. II, стр. 300—301 и фототипия; РИБ, т. II, № 95 и 96. О жалованной грамоте ему от Сигизмунда 4 мая 1611 г. на 3 000 четей за его «прямую» службу — АЗР, т. IV, № 183, стр. 407 (DCCLXII)—в моск. архивах следов, видимо, не было, да и сама грамота заподозрена, и, кажется, основательно, как ловкий ход бросить тень на Шереметева, заставить думать о богатых наградах остающимся верными королю — Н. С. Беляев, По повелю одного из источников Смутн. врем., Старина и Новизна, кн. XVII, М. 1914, стр. 45—56 (о грамоте Шереметеву на стр. 52—53).

³ О получении им сана боярина от Сигизмунда — Боярский список, стр. 75, и СГГр и Д, т. II, № 218, «лист» 63. После специальной поездки под Смоленск он пожалован от короля окладом в 2 000 четей — СГГр и Д, т. II, № 220 (грамоту доставил он сам 3 февраля 1611 г., ср. там же, № 218, «лист» 70). Очевидно, вскоре он 500 четей и получил; в июле 1611 г. к этому прибавилось еще 1 000 по челобитью Владиславу — Земельн. пожал. при Владиславе, стр. 53—54. Неизвестно, знали ли в московских приказах о щедром пожаловании его «за многие службы и за нужу и за терпенье» Сигизмундом в августе 1612 г. — АЗР, т. IV, № 183, DCCXCVII. Об его службе в Москве во время осады см. предыдущ. прим.

⁴ Ив. Голицын не подписывал январских боярских грамот, очевидно потому, что уже сидел в заключенье, из которого освобожден по взятии Москвы — Акты подмоск. ополч., № 80. Об убийстве князя Андрея см., например, ААЭ, т. II, № 188, V.

как увидим, не было уже и такого резкого преобладания казаков над земскими людьми, как в ноябре. Есть известие, идущее от названных выше Чепчугова, Пушкина и Дурова, что еще до созыва Собора желание видеть на московском престоле кн. Ивана Голицына высказывали очень многие на Москве¹. Трудно указать кого-нибудь из влиятельных лиц, бывших в это время в столице, кто вел бы агитацию за князя Ивана, не вернее ли приписать этот успех его личным усилиям? Не было оснований жить вдали от Москвы в такое время, когда в столице репался вопрос о будущем государе, и боярину Ив. Ник. Романову, также не отмеченному ни единой милостью короля и, вероятно, бывшему у поляков на подозрении из-за упорного стоянья за русские интересы его брата митрополита Филарета. А от «всей земли» в период боярского правленья, т. е. не позже февраля, он получил, — к сожалению, неизвестна точная дата пожалованья, — волость и два села². Наконец, сидевший в Кремле с боярами окольничий Фед. Вас. Головин, тоже не значащийся в многоименных списках лиц, пожалованных Сигизмундом и от имени Владислава, также был в Москве в начале 1613 г. и занимался даже верстаньем служилых людей, а в марте в составе соборного посольства поехал в Кострому³. Мог участвовать в заседаниях Собора и просидевший в Кремле до сдачи его кн. Андр. Вас. Трубец-

¹ Арсеньевские бумаги, стр. 30; по их словам, некоторые предлагали бросить жребий между кн. Дм. Трубецким, кн. Ив. Голицыным и Мих. Романовым.

² После договора с Жолневским и убеждений Гермогена согласиться на вступление польского войска в Москву для защиты ее от Вора (АЗР, т. IV, № 209, стр. 477). Ив. Никитич, кажется, не принимал энергичного участия в делах. Отзыв о нем Гонсевского, как о «человеке добром и правдивом» (АЗР, т. IV, № 209, стр. 476—477), относится к осени 1610 г. и во всяком случае только выражает мнение Гонсевского; каково было положение Ив. Ник. по отъезде из Москвы этого начальника польского гарнизона, неизвестно, но отсутствие указаний на пожалованья Романову от Сигизмунда вряд ли чисто случайное. Пожалованье ему земель «при боярех» (Докл. выпись, стр. 1), конечно, не может служить решительным свидетельством в пользу присутствия его на Соборе до 7 февраля, но обнаруживает расположение к нему «всей земли», даже если состоялось по избрании в государя его племянника.

³ По резолюции 5 августа 7121 (1613) г. велено было жильцу Гр. Юр. Кукарину дать денежный оклад его, «что ему учинено во 121 году по верстанью окольничего Ф. В. Головина да дьяка Посника Парфеньева», — РИБ, т. XV; Кормл. книга Костр. четв. стр. 98. Имеются еще указания (также без точной даты, но до 7122 г.) на верстанье им смолян и брянчан, получавших жалование «с городом», — РИБ, т. XXVIII, стр. 435, 449 и 488 (в последнем случае с ним назван и тот же дьяк И. Парфеньев). Из материалов о четвертиках видно, что в 7121 г. верстанье жильцов и смолян, как и других служилых людей, особенно энергично велось в декабре — феврале. В марте и апреле Ф. В. Головина и не было в Москве как члена посольства к государю. — Дворц. разр., т. I, стр. 17 и др. и 7122 и сл. — о приходе государя и вместе с ним посольства. — Прошлое Головина не давало повода устранять его от дел: он верно служил Шуйскому, от которого получил и сан окольничего, и, как уже сказано, не получал милостей от Сигизмунда и Владислава (об его службе см. Разр. зап. за См. вр., 87, 90, 91, 13—16, 122, 176, 99, 103, 223, 224 и др.; позже известны еще его подписи под грамотами послам и Шейну о сдаче Смоленска — АИ, т. II, № 321 и 322).

кой, очень мало заметный среди бояр Смутного времени и не отмеченный милостями Сигизмунда ¹.

Из остальных членов боярской коллегии, известных нам по январским грамотам 1612 г., боярин Мих. Ал. Нагой с января 1613 г. был воеводой в Устюге и, значит, не был вообще на Соборе ²; окольныйчй Ив. Петр. Головин был, видимо, болен и умер в 7121 г., может быть, до Собора ³. Все же остальные думные люди по пожалованиям Вора или Сигизмунда — окольныйчй Тим. Вас. Грязной, думный дворянин Ив. Ром. Безобразов, думные дьяки Ст. Соловецкий, П. Третьяков и Ив. Чичерин и не подписывавший грамот 1612 г. думный дворянин Фед. Ив. Андронов — не были призваны в думных чинах земским правительством; Безобразов, Андронов и Чичерин, как уже отмечалось, попали за пристава, а Соловецкий даже умер от пытки по вступлении в столицу ополчения ⁴.

Но кроме сидевших в Кремле бояр в 7121 г. в Думе числилось еще несколько членов. Из последних, не говоря уже о находившихся в польском плену кн. Ив. Ив. Шуйском, кн. Вас. Вас. Голицыне и Мих. Бор. Шеине и сидевшем в Новгороде кн. Ив. Ник. Одоевском, на Соборе не присутствовали воевода астраханский окольныйчй кн. Ив. Дм. Хворостинин и воеводы далекой Сибири боярин Матв. Мих. и окольныйчй Ст. Ст. Годуновы, а также записавшие воеводские посты в более близких городах — бояре кн. Андр. Петр. Куракин и Андр. Ал. Нагой в Ростове, окольныйчй Ник. Вас. Годунов в Уфе и Арт. Вас. Измайлов в Калуге и еще писавшийся в то время

¹ О нем только известно, что в бояре он пожалован царем Борисом в год вступления на престол, в 1599 г. судил одно местническое дело, в 1607 г., во время царского похода под Тулу, оставался в числе немногих в Москве и в 1610 г. принимал участие в переговорах с Жолкевским — Древн. рос. вивл., изд. 2-е, т. XX, стр. 70; *Н. П. Лихачев*, Разрядные дьяки, стр. 516; Разр. зап. за См. вр., стр. 88 и 145, и АЭР, т. IV, № 209, стр. 477. В январе 1612 г. он подписывал известные боярские грамоты. По взятии Москвы воеводы ополчения дали ему грамоту на поместье в Арзамасском у. (Арзам. пом. акты, № 343, от 17 ноября), но почему-то он все-таки не владел им, судя по Докладн. выписи (стр. 1). При царе Михаиле он, повидимому, все время оставался в Москве, где и упоминается в конце 1614 г. и в сент. 1618 г. (СГГр и Д, т. III, № 24 — его печать на декабрьской грамоте — и № 40), но почему-то не значится в «Книге» 7124 г. и не подписывал Утвержденной грамоты.

² Об его воеводах на Устюге — *Н. К. Степановский*, Вологодская старина, стр. 416 (здесь нет фамилии и он титулован князем) и 503; в Устюге, он оставался и в 7122 г. — Дворц. разр., т. I, стр. 151, и Вологод. губ. вед., 1851 г., № 39, в статье Описание Великоустюгск. Успенск. собора приводится грамота ему.

³ Головин сам не подписывал январских грамот; не по болезни ли? Год смерти его — в Древн. рос. вивл., изд. 2-е, т. XX, стр. 88.

⁴ Когда получил околичество Грязной, из источников неясно: без этого чина он фигурирует во всех документах по май 7119 г. включительно («Земельные пожалов. при Владиславе, стр. 64—66; АЭР, т. IV, № 183, Л. ССХХIII, СДLXXXVI, DCCLI и DCCCLXIV»), но писан в окольныхчй в Боярском списке, в котором отметка: «119-го г. января», — стр. 77; при царе Михаиле он в 7124 г. значился дворянином московским и выше, повидимому, не бывал. Сведений о нем за 1613 г. отыскать не удалось. — Об остальных речь была выше: о Третьякове — в IX гл., о Безобразове, Андронове, Соловецком и Чичерине — в конце VIII гл., стр. 156.

околыничим кн. Вас. Андр. Звенигородский в Нижнем ¹. Вероятно, не был на соборных заседаниях и околыничий кн. Влад. Ив. Мосальский, указываемый в 7121 г. на воеводстве в Кашине ². Наконец, единственный дворянин в Думе Гавр. Григ. Пушкин во всяком случае не присутствовал на Соборе до 7 февраля, а весьма вероятно и вообще не был на нем ³.

Остальные бояре из не сидевших в Москве с литвою, свободные от воеводских обязанностей, кажется, все были привлечены к участию в заседаниях Собора ⁴. Так, очевидно, были на нем боярин кн. Вл. Тим. Долгорукий, подписывавший, как мы уже видели, грамоту на Белоозеро о примирении Пожарского с Трубецким и в марте посланный от Собора приводить к крестному целованию нижегородцев, боярин Вас. Петр. Морозов, объявивший 21 февраля народу об избрании в цари Романова, а потом вместе с кн. Воротыньским стоявший во главе второй встречи государю, и боярин кн. Вл. Ив. Бахтеяров-Ростовский, член посольства на Кострому. Двое последних подписали Утвержденную грамоту и все были пожалованы землями еще до воцарения Михаила Федоровича ⁵. По всей

¹ О Хворостинине — Боярский список 7119 г., стр. 76: он в Астрахани и убит в 7122 г. — АИ, т. III, стр. 21. — О Годуновых наиболее поздние документальные указания от декабря 1612 г. — СГГр и Д, т. II, № 228, и АИ, т. II, № 341, но они оставались в Тюмени и Верхотурье и в 7122 г. — Дворц. разр., т. I, ст. 154. — Нагой и Куракин указаны в Ростове вместе в сентябре 7121 г. — Четвертч. См. вр., стр. 271, но Нагой оставался там и в 7122 г. — Дворц. Разр., т. I, ст. 149, и Столбцы б. архива Оруж. палаты, № 21, а Куракин уехал оттуда, кажется, не ранее 7122 г.: по крайней мере, он значится ростовским воеводой в общем списке воевод 7121 г. (Разр. за См. вр., стр. 108), а, сколько удалось проверить иным материалом этот и др. списки 7121 г., они имеют в виду во всяком случае время с воцарения Михаила (см., например, ниже об Уфе). — Н. Годунов помечен «на Уфе» в Боярском списке 1611 г. (стр. 76) и сменен кн. Бор. Хилковым не ранее июня — Разр. зап. за См. вр., стр. 26; 1 мая Хилков, как мы видели, встречал государя под Москвою — Дворц. разр., т. I, ст. 1189. Об Измайлове — Акты подмоск. ополч. № 79, 98, 109, 110; Столбцы б. архива Оруж. пал., № 6 и др. О Звенигородском — Чтен. Общ. ист. и древн., 1905, кн. IV, смесь, № 9, и Дворц. разр., т. I, прилож. № 14.

² Мы совсем не знаем, когда был назначен в Кашии Мосальский, указание его в общем списке воевод 7121 г. (Разр. зап. за См. вр., стр. 25; он в Кашии и в 7122 г. — АИГ, т. I, № 68) само еще не говорит, по высказанным выше соображениям, против возможности его присутствия в Москве, но очень характерен его пропуск в Докладной выписи, составленной весной 1613 г.: очевидно, его давно не было в Москве, как и других, в этой выписи не значащихся.

³ Пушкин летом 1612 г. был воеводой в Устюге — ААЭ, т. II, № 199, 200, 208, 210, и Нагой, очевидно, прислан сменить его; в январе 1613 г. Пушкин еще действует в Устюге против «литовских людей» (*Степановский*, назв. раб., стр. 416) и приехал, кажется, прямо к царю в Ярославль (пожалован царем — по Докл. выписи, стр. 4) и в Москве упоминается в первый раз в июле — Дворц. разр., т. I, ст. 96. Думн. дворяне В. Б. Сукин и П. Ф. Стрешнев умерли в 7121 г. — Древн. росс. вивл., изд. 2-е, т. XX, стр. 88.

⁴ По указанию Дворц. разр., на Собор приехали из городов и бояре — т. I, ст. 12 (в Утвержденной грамоте — стр. 42 — «и бояре, и околыничие»).

⁵ Их подписи 42—44 и 51-я, подпись Долгорукова отсутствует, очевидно, случайно: по возвращении из Нижнего он был в Москве, вероятно, около года — Дворц. разр., т. I, стр. 120 и 170. О земельном пожаловании их —

вероятности, присутствовали на Соборе окольные Сем. Вас. Головин, известный нам член ярославского правительства, позже, в феврале-марте, назначенный вторым воеводой в Ярославль, и кн. Дан. Ив. Мезецкий, бегством от короля в последний поход его загладивший, вероятно, в глазах народа свой небольшой грех пред родиной — участие в походе Сигизмунда 1612 г. — и назначенный во вторую встречу государю от Собора. Подписи обоих также имеются на Утвержденной грамоте, а Головин был награжден и землею «при боярех»¹. Кроме того, к числу бояр должен быть отнесен один из воевод ополчения — кн. Дм. Тим. Трубецкой, тушинский боярский сын которого молчаливо был признан за ним и «всею землею» и позже царем Михаилом². Наконец, в Думе боярской этого времени был и один думный дьяк — известный уже нам Сид. Васильев.

Таким образом, в результате рассмотрения всего наличного к моменту воцарения Михаила Федоровича состава Думы боярской можно сделать вывод, что на первых заседаниях Собора до 7 февраля Дума была представлена 10—12 членами ее, а к 21-му их съехалось, вероятно, 15—16 человек.

Мне нет надобности останавливаться здесь на выяснении политических взглядов и настроений боярской группы. Пришлось бы повторить в общем то же, что выше сказано о группе столичных чинов, с двумя ограничениями: среди бояр, присутствовавших на Соборе до 7 февраля, не было определенных, хотя бы и тайных, сторонников польского королевича, за исключением разве кн. Ромодановского, присутствие которого, однако, можно только предполагать, но не утверждать; нельзя также среди членов Думы боярской указать и желавших воцарения Карла-Филиппа Шведского, но они более определенно делили свои симпатии между кандидатами из русских родов.

При таком сложном и разнородном составе Собора, при значительной разнице до противоположности взглядов и настроений его членов, особенно внимательной знати, естественно заранее ожидать на Соборе горячих споров, упорной борьбы между сторонниками разных кандидатов, защитниками разных программ. Но Собор действовал не изолированно. Московское население и московский гарнизон не меньше, вероятно, членов Собора интересовались выборами государя и старались воздействовать на избирателей в желательном для себя направлении; отсюда и вытекает необходимость выяснять обстановку, в которой Собору пришлось действовать.

Не было ли вне Собора такой силы, которая свела к нулю или почти к нулю, всю самостоятельную деятельность Собора, заставила

Докл. выпись, стр. 2. Об их посылках — Дворц., разр., т. I, ст. 1086, 1088. (и 1185, 1189) и 17. О Морозове 21 февраля — РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1236.

¹ О Головине — подпись его 52-я, пожалование ему земли — Докл. выпись, стр. 3; о назначении его воеводой см. выше замечания о кн. И. Н. Одоевском; о Мезецком см. стр. 156—157, его подпись в Утвержденной грамоте 50-я.

² В этом отношении Трубецкой единственный среди тушинцев.

его просто сообразоваться со своим решением? Есть источники, которые определенно и указывают такую силу в лице стоявших в Москве казаков. Но с большой осторожностью нужно отнестись к этим сведениям. Особенностью их является то, что они или исходят прямо от иностранцев или прошли чрез руки иностранцев, и притом в обоих случаях таких, которые не были сами в Москве во время избрания, но по своему положению были очень заинтересованы в том, что происходило в русской столице, в царском избрании. И нужно постараться в этих сведениях очистить истину от посторонних волею или неволею занесенных туда примесей.

«Посадили твоего сына, — говорил в 1615 г. литовский канцлер Лев Сапега митрополиту Филарету в приезде русских послов, — посадили твоего сына на Московское государство государем одне казаки донцы»¹. Польский дипломат, раздраженный неудачей воцарения на Москве Владислава, знавший из достоверных источников о казачьем засилье на Москве незадолго до избрания Михаила², хотел уколоть митрополита, отца государя, и послов, верноподданных своего царя, указанием такого странного, чтобы не сказать большего, источника власти царя Михаила. И понятно, что в ответ на горячие возражения послов Сапега «не молил ничево»³. Он и сам хорошо знал, что он сказал больше того, на что имел основание в своих источниках, и молчаливо признал, что его слова — обычное дипломатическое преувеличение⁴.

Другие сведения об исключительном влиянии казаков на выбор государя — их целый ряд, — это известные из донесений Делагарди показания русских, прибывших, кроме одного, из Москвы в Новгород по своей воле или в качестве пленников⁵. Донесения шведского полководца и дипломата представляют из себя не протоколы допросов, а вольную передачу им показаний, данных в ответ на его вопросы, как формулированные, остается неизвестным⁶, и посят

¹ Сборник II. рус. ист. общ., т. 142, стр. 564.

² Разумею показание Философова, о котором речь будет ниже.

³ Цит. том. Сборника II. рус. ист. общ., стр. 565.

⁴ Не останавливаясь на почти тождественном заявлении, сделанном в конце 1615 г. Ал. Гонсевским русским послам; оно, очевидно, плод тех же сведений и подобных же намерений, какие были и у Сапег, и может свидетельствовать об единомыслии в этом вопросе польских дипломатов, но едва ли удостоверяет повторением без доказательств тех же слов факт, в который они верили или показывали вид, что верит. Слова Гонсевского приведены в Истории России *Соловьева*, часть II (изд. 1896 г.), ст. 1084. Для характеристики положения русской науки интересно отметить, что редактор IV тома АЗР (выш. в 1851 г.) придворный протопоп *Иоанн Григорович* почел за лучшее опустить в речи Гонсевского упоминание о казаках (стр. 488).

⁵ Арсеньевские бумаги, VI, VII, IX, X; впрочем, первое представляет передачу письма и рассказа сразу; показания Калитина, приехавшего из Искова (IX), отличаются в вопросе о казаках от остальных. Но здесь же напечатан отрывок новгородской грамоты королевичу, писанной, конечно, на основании тех же данных, которые были у Делагарди, и вполне в духе трех его, кроме IX, донесений (VIII). Очевидно, пользуясь теми же сведениями, и *Э. Горн* писал в начале 1614 г., что «казаки в московских столпах сильнейшии». — *Доп. к АИ*, т. II, № 12, стр. 30.

⁶ О том, что показания русских не свободны рассказы, а ответы на вопросы, можно совершенно определенно заключить из самой формы передачи

на себе явные следы его личного взгляда на вещи. Делагарди, как мы видели из его собственного письма королю в августе 1612 г., был уверен в том, что «важнейшие бояре» России «все между собой сговорились и согласились, чтобы не иметь никакого другого государя», кроме Карла-Филиппа, шведского королевича¹. Грамота от Трубецкого и Пожарского, привезенная в Новгород 18 (8-го ст. ст.) января, и особенно показания привезшего ее Богд. Дубровского, а затем двух купцов, выехавших из Москвы не позже 15—20 января, из которых первый сообщил о намерении бояр, а вторые даже о решении Собора просить в царя Карла, только укрепляли в нем эту уверенность². Избрание Михаила поэтому явилось для него большой неожиданностью. Но те же показания Дубровского и купцов дали ему ключ для объяснения этого происшествия: первый сообщил ему поразительно громадную цифру казаков, бывших в Москве (11 тыс. одних «лучших и старших» да еще «несколько тысяч» в «безпорядочных отрядах»!), а вторые добавили, что как раз казаки и «пожелали в великие князья боярина по имени князь Михаил Федорович Романов», который потом и оказался царем московским. Создавалась простая, ясная и еще оставляющая надежду на воцарение Филиппа схема: бояре желали королевича, но казаки силой заставили их выбрать своего кандидата — Романова. Эту схему и видно в показаниях лиц, которые должны были чувствовать силу и власть Делагарди, как «слуга» (очевидно, холоп) Ф. Боборыкина, пленник — неизвестный по имени дворянин и пленные же Чепчугов, Ник. Пушклин и Ф. Дуров. «Московские простые люди и казаки по собственному желанию и без общего согласия других земских чинов выбрали» царем М. Ф. Романова, а «знатнейшие русские в Москве весьма желают прибытия» Филиппа, — докладывал первый в середине июля 1613 г.; «упомянутый сын Федора, признанный московскими казаками их великим князем, по их просьбам принял этот титул»; «бояре должны согласоваться с волей казаков, потому что они очень сильны», но сами по себе «бояре в Москве и в других соседних городах очень желали бы прибытия» в Россию Карла-Филиппа, — подтверждал другой в сентябре 1613 г.; казаки и чернь наставлявшие, ворвавшись в Кремль, на немедленном избрании Михаила, «не хотели ни на один час отойти от Кремля, пока Дума и земские чины в тот же день не присягнут ему», и боярам пришлось подчиниться, —

показаний Калитина (IX) и Чепчугова с товарищи (X), разнесенных по рубрикам. Отсутствие формулировки вопросов также обстоятельство очень существенное. Известно, что вопросы могут быть очень руководящими или даже наводящими для отвечающего, особенно если последний зависит от спрашивающего.

¹ Сборн. Ниж. арх. ком., т. XI, № CXLV (стр. 255—256).

² Разумеется уже цитированная грамота от 15 ноября — Доп. к АИ, т. I, № 166. Показания Дубровского и купцов — в Арсеньевск. бумагах стр. 18 и 22. Расстояние Москва — Новгород Богд. Дубровский зимою проехал дней в 30 (Делагарди писал о нем через 6 дней после его прибытия, что он пять недель назад выехал из Москвы, — там же, стр. 16, 17 и 19 ред. прим.), но он ехал чересчур долго; холоп Болотникова летом употребил на переезд всего 17—18 дней (там же, стр. 22), купцы зимою могли ехать быстрее, а они прибыли в Новгород до 10 (1 ст. ст.) февраля.

показывали трети в июле 1614 г., и если в их показаниях нет речи о желании бояр и теперь еще иметь царем Филиппа, то, очевидно, потому, что в этом успел уж разочароваться и сам Делагарди¹. Но все-таки и в этих показаниях, как видим, наряду с казаками действуют «московские простые люди», или «чернь». А по словам новгородского сына боярского Ник. Калитина, бывшего члена новгородского посольства в Стокгольм, т. е. человека в Новгороде совершенно свободного и не ощущавшего особенно сильного давления авторитета Делагарди, за Михаила Федоровича «подали свои голоса» «некоторые князья, бояре и казаки, как и простые люди»². Помимо указанной явной зависимости от взглядов самого Делагарди показания русских в его донесениях требуют особой осторожности еще и потому, что дававшие их не могли быть, и действительно не были, хорошо осведомлены об обстоятельствах избрания Михаила. Ведь Делагарди получил свои сведения от бежавшего из Москвы холопа, очевидно, сидевшего там вместе со своим господином за приставом³, от какого-то дворянина или сына боярского, может быть, и не бывшего совсем в Москве во время избрания государя и во всяком случае плохо осведомленного о происходившем в Москве даже в июле 1613 г.; от Калитина, захваченного в плен на обратном пути из Стокгольма, куда он выехал еще в начале 1612 г. и бежавшего из Пскова в родной Новгород⁴. А показания более осведомленных столичника Чепчугова с товарищи, из которых один — Фока Дуров — несомненно, а два другие весьма вероятно были членами избравшего царя Собора⁵, были, как видно, очень плохо редакци-

¹ Арс. бумаги, стр. 23, 25 и 30—31. Очевидно, на основании этих же сведений и новгородская грамота 1613 г. сообщала: «казаки без согласия бояр, воевод, дворян и лучших людей всех чинов своим воровством поставили государем» Михаила Романова, — *ibid.*, стр. 25.

² *Ibid.*, стр. 25—26.

³ В показании этого самого слуги отмечено, что его господин новгородский посол в Москву Ф. Боборыкин «удерживался в Москве против его желания», — *ibid.*, стр. 24.

⁴ Сведения о Калитине — *ibid.*, стр. 25—26, в замечаниях издателей. Укажу примеры неточностей в показаниях этих лиц. Первый сообщал о посылке тайных гонцов к польскому королю кн. Трубецким и Шереметевым, действовавшими с согласия и дяди государева Пв. Романова, за что все эти бояре «лишены, своих прежних должностей и властей» (стр. 23), — явно неверное известие. Второй, выехавши из Москвы в августе 1613 г., однако, утверждал, что Михаил еще не коронован (стр. 25), хотя коронация совершена еще 11 июля (Дворц. разр., т. I, ст. 95, в тексте «июня» — ошибка, ибо память св. Михаила Малюина, имя которого носил государь, празднуется 12 июля, а «государев ангел» был на другой день после венчания на царство — *ibid.*, стр. 100). — Калитин, кажется, правильно сообщил о распределении голосов знати за и против Михаила Романова (стр. 26—27; ср. замечание С. Ф. Платонова в предисловии — *ibid.*, стр. X), но соединил разные моменты избирательной борьбы — до 7 февраля, когда шла речь о Филиппе, но не было на Соборе Мстиславского, а также, наверное, Куракина и Лыкова, и перед 21 февраля, когда были эти бояре, но кандидатура Филиппа уже не обсуждалась (обо всем этом см. ниже), дал фантастические сведения об отделении от Москвы Казани и Астрахани под управлением Воротынского (правда лишь, что Воротынский был тогда воеводой в Казани).

⁵ Дуров на Соборе был выборным от Романова — рукопр. 209—222-в. Чепчугов и Пушкин принадлежали к столичному дворянству.

рованы Делагарди: пеужели могли члены Собора сообщить ему, что заседания Собора продолжались чуть ли не один только день, что Черкасский отправлен под Смоленск, как только на Москве «Дума и земские чины» присягнули Михаилу?

Понятно, что такие сомнительные свидетельства нельзя класть в основу при разрешении интересующего нас вопроса.

Совсем иное впечатление производят показания Ив. Филофова, записанные опытным приказным дельцом Ив. Тар. Грамотиным. Слова только что взятого в стычке под Москвой смолянина из состава столичного гарнизона: на Москве «во всем казаки бояром и дворяном сильны, делают, что хотят», подкреплены совершенно определенной справкой о распределении сил гарнизона: «дворяне и дети боярские разбегались по поместьям, а на Москве» «их осталось... всего тысячи з две... да стрельцов с тысячу человек», меж тем как казаков в столице было «попняты тысячи (4 500) человек»¹. Но эти сведения относятся к ноябрю 1612 г. Позже и настроение казаков и соотношение сил в Москве изменились.

Мне уже приходилось отмечать, что после раздачи жалованья и благодаря организации доставки провианта и одежды казаки утихли², и до апреля не слышно жалоб на их насилие и грабежи в столице и ее окрестностях. Но падение воинственного настроения казаков стоит отчасти в связи и с падением преобладания их в Москве.

У нас нет никаких указаний на то, чтобы с ноября до марта число казаков в столице увеличивалось. Наоборот, можно предполагать, что оно несколько уменьшилось в зависимости от посылки нескольких атаманов с их станицами на север против черкас³. Но примем, что их было все те же «попняты тысячи человек», что и в ноябре. Количество же земских служилых людей за это время сильно увеличилось. Уже приезд в столицу нескольких сотен выборных на Собор должен был усилить и морально и физически земскую часть московского гарнизона. Не остались, как мы видели, совершенно тщетными и просьбы воевод прислать к Москве служилых людей. Наконец, вполне можно полагать, что за эти месяцы (декабрь — февраль) в Москву наехало немало дворян и по своей

¹ А. Hirschberg, Polska a Moskwa, стр. 363.

² Если верить Б. Дубровскому, то казаки еще в декабре или даже в ноябре согласились на очень невыгодное для многих из них разделение на старых и новоприборных — Арс. бумаги, стр. 17. Это уже обозначает некоторую сдачу позиций.

³ В данных за март и апрель есть указания на присутствие в Москве 2 323 казаков, посланных 19 марта в заокские города, 200 человек, отправленных в марте же во Псков, 1 140 человек, коим даны кормы на Балахне, т. е. всего 3 663 человека; но упоминаются еще казаки и атаманы помимо указанных отрядов, так что можно считать всего до 4 000 человек или несколько больше, — Дворц. разр., т. 1, ст. 1052, 1054, 1055, 1115, 1160, 1190. Но ведь в марте и апреле, после выборов государя, в Москву, вероятно, шли новые казацкие отряды с юга; о небольших группах мы имеем прямые указания, например Дворц. разр., т. 1, прилож. № 3; Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 8, 182.

воле, по крайней мере, из ближайших городов¹. Зимой в поместьях не было особенного дела, а в столицу привлекали не только желание услышать, а то и принять участие в разрешении волнующего всех вопроса о государе, но и возможность выхлопотать денежную или земельную придачу в этот период щедрой раздачи пожалований, о которой, конечно, очень скоро стало известно в городах. Во всяком случае давшие о четвертиках заставляют предполагать присутствие в Москве в эти месяцы значительного количества жильцов, дворян и детей боярских городовых, приехавших ли добровольно, явившихся ли на службу, или оставшихся из ополчения. Выше уже указывалось, что по отрывочным и частью довольно поздним данным можно насчитать до 600 человек, получивших пожалования из чети. Еще больше, конечно, было получивших жалованье «с городом», так как эта группа в каждом городе в несколько раз превосходила незначительную кучку четвертичков. Да и данные о четвертиках заставляют предполагать большее, чем 600 пожалованных, количество дворян в Москве. Ведь раньше, чем составить приговор по челобитью, дьяк производил «сыск»: ему в приказе сослуживцы просителя — «жильцы и дворяне и дети боярские розных городов» — подтверждали показания челобитья о службах просившего². Подобные дела начала царствования Михаила Федоровича дают достаточные указания на то, что в сыску не было «круговой поруки», т. е. того, чтобы целая группа дворян подавала челобитья и в сыске члены ее друг за друга ручались; наоборот, преобладают свидетельства лиц, не бывших в это время челом. Нужно иметь также в виду, что среди получивших в это время те или иные награды почти не встречаются известные нам члены Собора³, что многие из четвертичков в эти месяцы награждались за старые службы⁴, т. е., очевидно, не все входили в состав ополчения. Наконец, необходимо упомянуть еще о присутствии в Москве в это время значительной части высших чинов столичного дворянства: стольников, стряпчих и дворян москов-

---

¹ О дворянах «живших на Москве за своими дель», — Дворц. разр., т. I, стр. 1127.

² Укажу примеры сохранившихся упоминаний о таких челобитьях — Четвертички См. вр., стр. 219, 223; очевидно, то же бывало и в других случаях пожалований, известных нам по кратким записям в позднейших книгах четей. Примеры указаний сыска из кратких записей — Кормл. книга Костр. чети, стр. 96 (в сыску 9 человек), 64 (11 человек), 142 (8 человек); Четв. См. вр., стр. 95 и 154 (по 5 человек), 139 («сыскав олексинцы дворяны и детми боярскими») и др.

³ Из 60 приблизительно известных из подписей дворян и детей боярских — членов Собора — можно указать в числе получивших награды Ст. Княжегорского из Нижнего (РИБ, т. XV; Кормл. кн. Костр. чети, стр. 173), тулянина Юр. Ивлева, Р. Мясоедова из Соловы, Сем. Ф. Глебова из Мещовска (Четв. См. вр., стр. 114, 110 и 256).

⁴ Например, Кормл. кн. Костр. чети, стр. 83 (Базину), 90 (Костливецу), 110 (Скоритину и др.; Четвертч. См. вр., стр. 230 и 321 (Облезову), 184 (Турину) и пр. Есть примеры дач за службу отца — материалы *Зерцалова* в Чтениях, 1900, кн. II, стр. 41 (Голенищеву); Кормл. кн. Костр. чети, стр. 61 (Васкову) и др. Много случаев без указания, за что жалуются награда.

ских, не занятых службой в городах, о пополнении стрелецких приказов столицы¹. Общее впечатление от всех этих данных таково, что во время заседаний Собора в Москве было со стрельцами не 3 000 человек служилых людей, как в поябре, а значительно больше; число их если не превзошло число казаков, то во всяком случае сравнялось с ним².

Нужно остановиться еще на одной группе населения, также сыгравшей роль в избрании государя и усиливавшей собою значение земских людей. Разумею мелкий торговый и ремесленный люд Москвы. Овладевши столицей, воеводы сейчас же в грамотах выразили просьбы, чтобы из городов «московских всяких жилицких людей... выслали па житье к Москве»³. Но, надо думать, и независимо от этих стараний власти московское население, разбежавшееся в 1611—1612 гг., и само в это время устремилось в столицу. Здесь должна была действовать не только тяга к родному насиженному месту. Обстройка Москвы, начавшей возрождаться после пожаров и разрушений⁴, скопление в ней значительного количества войск, съезд выборных и добровольцев из городов к Собору — все это возбуждало надежды на работу для ремесленников, на барышни для торговцев. А собравшись в столице, они не остались простыми зрителями и в выборах государя. Эти низшие слои московского населения, «чернь», по презрительному выражению многих свидетелей, втянутые в борьбу верхов еще при воцарении Федора, привлеченные, правда, в роли пассивной молящей толпы к решению вопроса о замещении престола в 1598 г., по смерти царя Бориса стали принимать все более заметное участие во всех важнейших событиях: в смещениях и признаниях государей, в бунтах против Шуйского, в восстании против поляков. Не обошлось без них и царское избрание 1613 года. Мы уже видели в показаниях русских Делагарди «московских простых людей», «чернь», действующую вместе и единодушно с казаками. Но это единение было случайным, единение на определенном кандидате и лишь с частью казаков. По существу же посадское население Москвы должно быть отнесено к врагам казаков и в случае каких-либо столкновений их с земскими людьми действовало бы на стороне этих последних. Московская «чернь»,

¹ См. выше стр. 164.

² Масся, бывший в Москве в 1614 г., даже говорит об избрании царя «воинством», которое он отделяет от казаков, т. е. служилыми людьми, конечно, преувеличив их силу и значение, — Вест. Евр., 1868, кн. I, стр. 234. — Не нужно смущаться указанием бояр в апреле, что «дворяне и дети боярские на Москве немногие», Наоборот их же объяснение этого обстоятельства заставляет предполагать, что еще недавно их было много в столице: «столники, и стряпчие, и дворяне, и жильцы все у государя» (в грамоте смягчено это место), «а многие розехались по деревням», очевидно, успевши выхлопотать денежное жалованье или поместную придачу — Дворц. разр., т. I, ст. 1126 и 1128.

³ Акты подмоск. ополч., № 80 — грамота на Белоозеро от 6 ноября. Дворц. разр., т. I, ст. 1174 — указание на ту же заботу правителей в общей форме.

⁴ Изборник, стр. 356; об этом же говорят и данные Земского двора на места в Кремле, цитированные выше в IX гл., стр. 169, пр. 40.

отказавшаяся даже по свержении Шуйского от Вора, теперь не приняла бы, конечно, «ворешка», ибо лучше других на себе испытала, что значит господство скрытого за ним Зарудского. Вряд ли можно было пайти среди нее и сторонников Владислава, через которого ей уже пришлось так много потерпеть. Далеки ей были Филипп Шведский. Но это торговое и ремесленное население столицы хорошо знало «своих» бояр, имело с ними связи и из их среды охотнее всего избрало бы себе государя.

Таким образом, в обстановке, при которой протекала деятельность Собора, не было места засилью казаков. Они не могли, не имели сил оказать па избирательное собрание решающего влияния, если оно паправлялось в сторону, противоположную интересам дворянства и посадских людей. Но все-таки казаки были значительной силой на Москве, и с ними в известной мере пужно было считаться Земскому собору.

Каковы же были их настроения в это время, их планы по вопросу о государе?

Ив. Философов говорил в ноябре, что казаки, чувствуя свои силы, «примеривали» в царя «Филаретова сына и воровского колужского». Из показаний Чепчугова и его товарищей знаем, что еще до начала заседаний Собора обозначались и пашли сторонников кандидатуры кн. Дм. Трубецкого, кп. Ив. Голицына и того же Михаила Романова¹. «Марипкин сын», «воренок», был истинный и давний казачий кандидат на московский престол. Вполне естественно, что в ноябре, созная свою силу, казаки вновь выдвинули его. Вполне вероятно также, что и задумавший воцариться воевода казачий кп. Трубецкой нашел немало сторонников среди казачества своего, а может быть, и кп. Пожарского полков. Один из виднейших княжат кн. Голицын вряд ли мог встретить сочувствующих своей кандидатуре среди самого демократического и наиболее определенно враждебно настроенного против бояр, сидевших в Москве, слоя населения — казаков. Но и «Филаретов сын», член одного из знатнейших боярских родов, был, вероятно, выдвинут казаками не по их собственной инициативе, а был занесен в казачью среду со стороны и только принят ею. Доводы, которые, по показаниям Чепчугова с товарищи, приводились казаками в пользу необходимости избрания Михаила², думается, сами говорят за то, что с чужого голоса говорили о нем казаки. Вряд ли эти люди — одни еще недавно ратававшие где-нибудь па Диком Поле, па Дону, другие сидевшие где-нибудь «во крестьянх» или бывшие холопами, во всяком случае очень далекие и от чтения летописей и от правительственной среды, — вряд ли такие люди сами от себя могли указывать и па близкое родство выдвигаемого ими кандидата царю Федору и па поручение последним перед смертью царства отцу

¹ А. Hirschberg, стр. 363; Арсен. бумаги, стр. 30.

² В этой части их показания достаточно правдоподобны и находят себе параллели в других источниках: выдвижение казаками родства Михаила Федоровича с угасшей династией отмечено и в полулегендарном хронографе кн. Оболенского — *Забелин*, Минин и Пожарский, прилож. XVII, стр. 299—300.

Михаила¹. Более вероятным кажется, что они повторяли все это за теми, кто вел с ними беседы о «Филаретовом сыне».

Можно догадываться и о том, как проникла в казачьи круги мысль о воцарении Михаила Ромацова и кто на них воздействовал в этом направлении. Тушинские связи «нареченного патриарха» помогли его сыну в казачьей среде, но не так, что казаки, зная Филарета, сами выдвинули кандидатуру Михаила Федоровича. Тушинцы, особенно дьяки, близкие к Филарету и имевшие в то же время связи с казаками и пользовавшиеся в их среде большим, чем другие лица из земских, доверием, могли удобно вести в казачьих полках агитацию за сына тушинского патриарха².

Но одна агитация сама по себе не могла бы достигнуть значительных результатов. Для людей с определенным казачьим, «воровским» настроением Михаил Романов, стоявший на противоположном от них конце социальной лестницы и не имевший с ними решительно ничего общего, не мог быть желательным кандидатом в цари, и для них, думается, очень малую цену имело и то, что он был племянник царя Федора и сын тушинского патриарха. И агитация в течение нескольких недель вряд ли смогла бы преодолеть социальную антипатию или даже ненависть. Появление среди казаков сторонников воцарения Михаила Федоровича открывает перед нами любопытный уклон в части казачества в сторону земщины. Происхождение его не представляет чего-либо загадочного. Значительная часть бывших в это время в Москве казаков за время пребывания среди земских людей в Ярославле и под столицей в полку Пожарского не могла остаться совершенно вне сферы влияния земских идей и настроений, тем более что заботы земского правительства об их жалованье и продовольствии должны были делать казаков податливыми для этого влияния. То же, но в меньшем объеме происходило, очевидно, и среди казачьих станиц полка кн. Трубецкого. Уже то, что его казаки остались под Москвой, говорит в пользу того, что, по крайней мере в борьбе с иноземным врагом, они почувствовали себя ближе к земщине, чем к Заруцкому. Уход с последним наиболее крайних, беспокойных элементов облегчал

¹ Не мешает припомнить, что со времени смерти царицы Анастасии, связавшей род Романовых с домом Рюрика, прошло уже больше 50 лет, младший брат ее известный Никита Романович скончался более 25 лет назад, даже с кончины царя Федора минуло почти 15 лет. Что могло сохраниться в памяти людей, далеких от Москвы, о таких давних событиях?

² В историографии господствует иное освещение выдвигания кандидатуры Михаила Ромацова казаками. Проф. С. Ф. Платонов указал в объяснение этого на то, что Михаил — «сын бывшего тушинского патриарха» («Моск. правит. при первых Романовых», стр. 348). В противоположность ему П. Г. Васенко, не придавая важного значения тушинским воспоминаниям, настаивает на значении родства Михаила с царем Федором и популярности среди казаков Никиты Романовича (op. cit., стр. 124 и прим. 25, стр. 132—134 и прим. 64 и 65 к гл. VI, ср. также стр. 47—49). Проф. Д. В. Цветаев объединяет и ту и другую точку зрения (op. cit., стр. 53). Однако одних этих воспоминаний о Тушине и о родстве, кажется, еще очень недостаточно для того, чтобы голытьба казачья выдвинула сама кандидатуру представителя одной из первых семей нетитулованного боярства.

возможность земского влияния среди оставшихся, в общем более мирных. Конечно, процесс этот совершался очень медленно и почти незаметно и не в одинаковой мере захватывал все слои казачества¹, однако с течением времени все усиливался. Два конечных момента его хорошо отразились в донесениях Делагарди. Летом 1612 г. он в соответствии с тем, что мы знаем и из русских источников и, конечно, по русским же сведениям, сообщал королю, что «часть простой и неразумной черни и особенно отчаянные и беспокорные казаки» (вероятно, разумеются стоявшие под Москвой и мародерствовавшие в стране) не желали в это время «никакого пастирского правительства, но желали бы поставить такого правителя, при котором они могли бы свободно грабить». Но во время заседаний избирательного Собора, по словам Чепчугова и его товарищей, вполне правдоподобным не в отношении установления факта давления казаков на Собор, а в смысле характеристики господствующего среди них настроения, казаки настаивали на немедленном избрании государя, чтобы знать, кому они служат и кто должен награждать их за службу². Поворот от планов иметь своего, казачьего правителя к требованию государя от Земского собора и от намерений жить грабежом к службе государевой очень значителен. Конечно, резкая разница в формулировках в значительной степени результат присутствия и отсутствия Заруцкого со своими сподвижниками, но во всяком случае в январе-феврале 1613 г. налицо некоторое земское течение в казачестве, бывшем на Москве, захватившее не всех казаков, как можно бы думать на основании кратких слов донесения Делагарди, а только более или менее значительную часть их³. Вот для этих-то казаков из кандидатов, вы-

¹ Мы уже выше видели, что настроения казаков Трубецкого по взятии Москвы было неземского характера.

² Памятники истории нижегород. движения, изд. в XI т. Сборника Нижегород. арх. ком., № CXLV, на стр. 256, и Арсеньевские бумаги, стр. 30. Наличие этого довода в пользу скорейшего избрания государя, как кажется, говорит отчасти также за действия в их среде агитаторов, ловко использовавших их стремление к жалованью и винуивших им, что от государя скорее, чем от бояр-правителей, они смогут добиться удовлетворения.

³ Есть и другие доказательства, что земское настроение среди казаков было довольно сильно. В ближайшие годы (1613—1615) значительная часть бывших в 1612 г. на Москве казаков, в том числе и полку Трубецкого, верно служила государю и стране под Тихвином, Новгородом, Смоленском и др., хотя шансов все-таки не мало оставшихся или вернувшихся к своим прежним «воровским» привычкам, см., например, цитированные данные о кн. Прозоровском, а также АМГ, т. I, № 47, 52—55, 57—59 и др., Разр. записи, т. I, стр. 92—94 и др. О верной службе многих атаманов и их станиц говорят и царские награды им—РИБ, т. IX, Приходо-расходные книги Казенного приказа 1613—1614 гг., стр. 53, 157, 158, 164, 211, 222, 286, 345, и нек. др. — М. Дьяконов в академической речи «Избрание Михаила Федоровича на царство» (цит. по отд. оттиску) подчеркнул «воровское» настроение казаков (стр. 24—25). Но оно не было свойственно всему казачеству в целом, как видно из приводимых им же данных: очевидно, грабителей было меньшинство, а оставшиеся верными долгу и присяге атаманы решают «сыскивать» воров и объявлять их властям. С другой стороны, можно указать, что грабежи и утеснение мирному населению чинили и не одни казаки, — см., например, Сборник Щукина, ч. I, стр. 92—96.

двинутых в земской среде, и был наиболее желателен по тушинским и, может быть, иным воспоминаниям и напоминаниям Михаил Федорович Романов ¹.

Таким образом, при изменившемся соотношении сил казаки не только не могли по своему количеству сыграть решающую роль в избирательной борьбе, но еще сами разделились на три главные группы, из которых одна выдвигала «Марипкина сына», другая стояла за Трубецкого и третья примкнула к сторонникам Михаила Романова. При этом первая, самая крайняя и истинно-«воровская», явным образом уже заранее была обречена на поражение и, кажется, потерпела его еще до Собора. «Воренок», очевидно, совсем не принимался в расчет остальными элементами московского населения и гарнизона, раз шли речи о жребии только между Трубецким, Голицыным и Романовым.

Итак, в обстановке, в которой пришлось действовать Собору, не было чего-либо, серьезно угрожающего земскому делу. Вполне можно предполагать, что давления извне на Собор производились, но они, во-первых, в значительной части не шли вразрез с настроением преобладающей массы членов собрания, а, во-вторых, не парализовали, как сейчас увидим, деятельности Собора, не мешали ему долго и сравнительно свободно обсуждать вопрос о царском избрании, оценивать достоинства и недостатки разных кандидатов.

---

¹ Трудно поверить словам Философова, что казаки в ноябре говорили, «чтоб обрать кого из русских бояр»; сам же он называет одного «Филаретова сына». Не перенес ли он на казаков думы дворян и детей боярских, о планах и настроении которых нет специальной речи в его показаниях? Все-таки боярские роды вообще-то были далеки даже казакам, затронутым земским влиянием.

Глава XI

ИЗБРАНИЕ ЦАРЯ И ПРЕКРАЩЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ТРУБЕЦКОГО И ПОЖАРСКОГО

Заседания Земского собора открылись в первой половине января, хотя к этому времени едва ли успели съехаться все члены Собора по выборам или по положению¹. Особенно вероятным представляется отсутствие вначале выборных от многих северных, заволжских уездов, где как раз в декабре и январе действовали «литовские люди» и русские «воры».

Раньше чем приступили к избранию царя, был назначен строгий трехдневный пост и моление².

По словам официального источника, «всепредрый, в троицы славимый бог наш» по молитвам богородицы и святых, «не хотя видети всего православного хрестьянства в конечной погибели», а православнои веры в обругании, «по своему человеколюбию» внушил всем «единомышленной не возвратной (не розвратпой) совет», и все православные христиане «яко едиными усты воишаху», чтобы быть

---

¹ До 7 февраля «по многие дни» происходили совещания членов Собора, — свидетельствует официальный источник — Утверженная грамота, стр. 43. — Купцы, дававшие 10 (1) февраля показания Делегарди и выехавшие из Москвы вряд ли позже 15—20 января (см. выше стр. 203, прим. 2), говорили шведскому полководцу, что в Москве «недавно (по отношению к их отъезду из нее, конечно) был созван» Собор — Арсеньевские бумаги, стр. 22. К этому они прибавили, что бояре на этом Соборе отклонили кандидатуру Мих. Романова. Не является ли их последнее сообщение их собственным осмыслением того факта, что Собор начал и во время их пребывания в Москве только и занимался кандидатурами иноземцев, хотя и не успел еще вынести о них своего решения? К 25 января, как кажется, с иноземцами было уже покончено: по крайней мере, грамота от этого числа Руцкому говорила о решении бояр, воевод и всяких чинов всего Российского государства не иметь государем короля или королевича польского — Сборник Имп. рус. ист. общ., т. 142, стр. 307—309 (моск. ответ в польском переводе). — М. А. Дьяконов в цит. речи (стр. 5—6), отмечая, что из отдаленных городов выборные не могли попасть в Москву «раньше половины января», склонен отодвигать начало заседаний Собора к 20-м числам января. Но ведь Собор мог начать, и, вероятно, начал действовать и не при полном составе выборных. Что же касается вторичной грамоты в Осташков, то Дубровский привез, очевидно, копию, которую мог снять гораздо раньше отъезда из Москвы, и еще нельзя, как кажется, относительно нее категорически сказать, что она попала в Осташков «не раньше начала января».

² Сказание Палицына, РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1233—1234.

на Владимирском и Московском государстве государем Михаилу Федоровичу Романову¹. Однако по некоторым указаниям мы знаем, что объявлению «единомышленного совета всех городов всяких людей» предшествовали дни горячих споров. Начались они на первых же деловых заседаниях Собора.

Приступая к избранию государя, Собор, очевидно, должен был прежде всего определить свое отношение к Владиславу, которому как-никак присягала Русская земля, и к Карлу-Филиппу, который считался уже государем в Новгородской области и о воцарении которого на Москве давно уже велись переговоры.

Недавняя попытка Сигизмунда насильственно заставить Москву принять на царство Владислава сделала окончательно неприемлемой кандидатуру последнего, усилила и без того весьма значительное раздражение против Польши и ее домогательств. Воеводы ополчения, заявившего в одном из первых своих воззваний резко отрицательное отношение к замыслам Сигизмунда воцариться на Руси, поспешили внести в число отвергаемых кандидатов и его сына, закрепив взаимной, очевидно, между членами «всей земли», клятвой свой отказ от него². В такой атмосфере крайней враждебности к Сигизмунду, а через него и к Владиславу, и тайные сторонники королевича, надо думать, не осмеливались выступать на Соборе с предложениями его в цари, и очевидно, с полным единодушием, отчасти лишь внешним, вслед за воеводами-правителями и Земский собор окончательно отверг Владислава³.

Но не так легко и гладко был решен вопрос о шведском королевиче. На основании всего, что известно об отношениях второго ополчения к кандидатуре Карла-Филиппа, кажется вполне вероятным, что новый посол Фед. Боборыкин, приехавший в январе из Швеции чрез Новгород с известием, что королевич скоро будет отпущен в Россию, что король уже поручил ему озабиться устройством к началу 1613 г. встречи Филиппу в Выборге из уполномоченных от Новгорода, Москвы и других городов, «был в Москве хорошо принят», как сообщали Делагарди прибывшие в Новгород из столицы купцы⁴. Они даже прибавили, что воевода Торжка

¹ Утверженная грамота, стр. 42—43 и 49.

² Арсеньевские бумаги, IV (грамота восвод в Осташков), стр. 19—20.

³ Поляки и после неудачного похода Сигизмунда не потеряли еще надежды видеть Владислава государем на Москве. Еще 21 января в Москве была получена грамота на имя Трубецкого и Пожарского от пана Руцкого из Вязьмы о том, чтобы русские добились челом королю и сыну его. Однако эта грамота, исполненная «непристойных и непотребных слов», могла привести только к противоположному результату. Если «лист» Руцкого был получен в Москве еще до решения вопроса о Владиславе на Соборе, то он должен был еще более возбудить против надменных поляков всех русских. Во всяком случае в ответе, писанном 25 января, кажется, уже после отказа Собора от Владислава, как только что указано, категорически заявлялось о нежелании иметь государем короля и королевича. — Сборник Имп. рус. ист. общ., т. 142, стр. 307—309.

⁴ О миссии Фед. Боборыкина — Г. А. Замiatин, К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611—1616), стр. 26, 90. Показания купцов — в Арс. бумагах, стр. 22. Боборыкин, видимо, очень спешил:

кн. Мих. Белосельский предложил себя в члены посольства к Филиппу и что из Москвы ему ответили разрешением готовиться «к прибытию других послов»¹. Однако даже и Делагарди не особенно верил в это посольство и заключил допесение о показаниях кунцов фразой: «Правда ли это, покажет время». И его недоверие на этот раз вполне оправдалось. На Земском соборе вокруг кандидатуры шведского королевича возникли жаркие споры. Можно поверить позднейшему указанию, что в пользу Филиппа горячо ратовал кн. Пожарский², и доводы, приведенные в этом свидетельстве, как высказанные Пожарским, представляются совершенно правдоподобными. Вождь земщины говорил, что лучше всего стоять на прежнем постановлении — не выбирать в цари никого из русских, «так как с ними не было никакого счастья и удачи», что, отвергнув предлагаемого в цари шведского королевича, правители и избиратели «получат себе на шею шведов», кроме поляков, а «Московское царство при настоящих обстоятельствах не может бороться» сразу и с теми и с другими, что ему вообще «без чужой помощи никак нельзя будет стоять против врагов и оборонять страну»³. Однако сильны были и доводы противников. Захват Новгорода шведами во всяком случае не свидетельствовал о добром расположении их к русским; столь долгое откладывание давно обещанного отпуска королевича в Россию внушало опасения и подозрения. Очень ловко воспользовались противники Филиппа и советом, данным России как раз покойным теперь шведским королем, очевидно, в момент после низложения Шуйского, когда были совершенно определенные польские симпатии у московского правительства, — не избирать в государи польского королевича и «иных ни из которых чужих государств», а выбрать кого-нибудь «из Российского государ-

18 декабря он был отпущен королем, а 26 декабря был уже в Новгороде (даты приведены на лит. стр. работы *Замятина*); можно думать, основываясь на этом, что и в Москву он прибыл с большей, чем обычно бывало, быстротой, т. е. вероятно, еще до 10 января.

¹ В Торжке в это время воеводой действительно был кн. Мих. Вас. Белосельский — Разр. зап. за См. вр., стр. 25, и Акты подмоск. ополч., № 33 и 110.

² Хочется думать, что на положении кн. Пожарского в царствование Михаила Федоровича отразилось его поведение на избирательном Соборе; ведь пожалование его в бояре действительно можно рассматривать, как «уступку» земщине (*Забелин*, *op. cit.*, стр. 125); но и став боярином, Пожарский не пользовался особым влиянием на дела (*С. Ф. Платонов*, *Моск. правительство при первых Романовых* в цит. изд., стр. 393).

³ Доводы взяты из показаний Калитина — Арс. бумаги, стр. 27. (Те же самые приводятся и в показаниях кунцов в феврале 1613 г. — там же, стр. 21). Нельзя совсем принять того, что их высказывал Пожарский уже после избрания в цари Михаила Федоровича. — В первой части вложенные Калитиным в уста Пожарского соображения являются исторической справкой и подтверждаются всем, что известно о настроении москвичей во время сведения с престола царя Василия: тогда говорили: «он, государь, несчастлив» (*Соловьев*, II, 921), «не хотим своего брата слушать; ратные люди не боятся его, и не слушают и не служат ему» (*ПСРЛ*, т. V, стр. 60; см. еще Разр. зап. за См. вр., стр. 19 и 56; грамоты бояр об оставлении Шуйским престола — ААЭ, т. II, № 162). Вторая часть доводов явно вытекала из тогдашнего весьма тяжелого положения России.

ства родов»¹. Но кроме соображений политических, против иноземца говорило и сильно выраженное и обостренное под впечатлением побед над поляками национальное настроение членов Собора и элементов, воздействовавших на них извне. И в результате кандидатура Филиппа на русский престол была отвергнута, и, вероятно, значительным большинством. Состоялось первое соборное решение: «литовского и свийского короля и их детей, за их многие неправды, и иных некоторых земель людей на Московское государство не избирать». К этой чисто отрицательной формуле было еще добавлено: «и Маришки с сыном не хотеть»², и тем в торжественной и авторитетной форме был окончательно решен вопрос и о давно отвергнутом земщиной казачьем кандидате³.

С принятием этого постановления должна была произойти некоторая перегруппировка сил на Соборе и во вне его. Членам Собора, сторонникам иноземных кандидатов, если только они хотели оказывать в дальнейшем возможное влияние на выборы, надо было выбрать из менее желательных им русских кандидатов наиболее подходящего для каждого. Крайняя левая казачества вне Собора, лишенная последней надежды, по тем же соображениям перешла, вероятно, в ряды сторонников кн. Трубецкого, более приемлемого для нее из всех остальных нам известных кандидатов.

Поговорив далее «о царевичах, которые служат в Московском государстве»⁴, конечно, лишь из приличия, «ради их великой чести», — ибо кому же серьезно могла прийти мысль посадить на московский престол какого-нибудь сибирского или темниковского татарского царевича? — Собор перешел к кандидатам из московских боярских родов. В Москве наступили дни чрезвычайного возбуждения. Агитация, начало которой нужно относить еще к концу 1612 г., теперь, с приближением решительного момента, стала особенно напряженной. В средствах воздействия при вербовке сторонников, видимо, не стеснялись: «мнози от вельмож, — от-

¹ Эти соображения (кроме указаний на неприяезд королевича) изложены в грамоте бояр, посланной в Новгород в 1615 г.; выдержка из нее напечатана по черновику *Замыслиым*, оп. cit., стр. 82—84. Ссылка на грамоту шведского короля имеется и в Утвержденной грамоте (стр. 43) с любопытными для характеристики составления ее вариантами: король писал уже не «во многие города», как сообщали бояре, а «в Московское государство к митрополитом, и к архиепископом, и к епископом и ко всему освященному собору, и к бояром, и окольныхчим, и ко всяким людем всего Российскаго царствия» и советовал при этом не просто избрать, «изыскав из русских родов», но изыскав такого, «хтоб прежним великим природным государем... был в родстве». Конечно, первая форма бояр ближе к истине передает содержание шведского совета.

² Дворц. разр., т. I, стр. 13.

³ М. А. Дьяконов в цит. речи полагает, что все вышеназванные кандидатуры не обсуждались на Соборе, «были заранее исключены», и Земскому собору предстояло «лишь санкционировать принятое (до его созыва) решение», стр. 27 и 21. Однако приведенные выше данные склоняют к мысли, что, по крайней мере, о Филиппе разговоры были. За то, что решение об иноземцах состоялось раньше обсуждения кандидатур из русских родов, говорит цит. грамота 1615 г., также грамота от 25 февраля по городам — Дворц. разр., т. I, стр. 47—48.

⁴ Дворц. разр., т. I, стр. 13.

метил позднейший бытописатель, — желаючи царем быти, подкунахуся, многим дающе и обещающе многие дары»¹. Споры о кандидатах на Соборе и вне его стали особенно страстны. Кандидатур было выдвинуто, как можно думать на основании приведенных слов летописца, довольно много и «койждо хотяше по своей мысли деяти, койждо про коево говоряше»². Наши источники сохранили, очевидно, имена только части кандидатов, но зато наиболее видных, шансы которых и нужно по возможности определить.

Относительно кандидатуры кн. Ф. И. Мстиславского, о которой говорил А. И. Маркевич, основываясь в сущности только на «исключительном местническом значении» князя Федора³, нет известий в дошедших до нас источниках. Но если его имя и было названо какими-нибудь его приятелями, то было встречено вряд ли сочувственно. На кн. Мстиславского, первоприсутствующего члена Боярской думы, прежде других и больше других падала ответственность за все антипатриотические действия боярского правительства, задолго продолжавшиеся и не всегда, повидимому, со стороны Мстиславского, подневольные сношения с Сигизмундом. В массе населения было вероятно, немало людей, считавших его изменником и предателем⁴. Очень удобно было его противникам, особенно в отсутствии Мстиславского, ссылаться на двукратный и решительный, с угрозой уйти в монастырь, отказ его от престола ранее⁵.

У Страленберга имеется указание на кандидатуру кн. Воротынского и кн. Шуйского. Они даже, по его словам, вместе с кн. Голицыным получили «большинство голосов» на Соборе⁶. Но последнему утверждению автора-иностранца, черпавшего материал для

¹ Новый Летописец, редакция кн. Оболенского — Временник, кн. XVII, стр. 160—161; в более распространенной редакции его об этом говорится так: «иные убо подкунахуся и засылаху, хотяше не в свою степеню» — ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 129. Свидетельством о подкупах может служить, хотя и позднее и неверное в отношении Пожарского, заявление Лар. Сумина, что Пожарскому «воцаренье» «стало в 20 тысяч» («Сыскное дело о ссоре межевых судей стольн. кн. Вас. Больш. Ромодановского и двор. Лар. Сумина» в Чтен. Общ. ист. и древн., 1848, № 7); оно исходит от современника Собора, и, может быть, члена его, и показывает, что в 30-х годах (дело относится к 1635—1639 гг.) знали о подкупах и других денежных расходах стремившихся к престолу кандидатов. — Лар. Сумин в 1611 г. был стольником — Боярский список, стр. 82, и Н. П. Лихачев, Сборник актов, СПб. 1895, стр. 74.

² ПСРЛ, т. XIV, ч. 1, стр. 129.

³ «Избрание на царство Михаила Федоровича Романова» в Журн. Мин. нар. проsv. за 1891 г., сентябрь и октябрь; цит. место в сентябрьской книжке, стр. 187.

⁴ «Предателем» называет его, например, неизвестный, «списавший» в 120 г. евангелие, в послесловии — Журн. Мин. нар. проsv., 1837, март, отд. «Разные известия», стр. 720—721.

⁵ Маржерет свидетельствует о предложении короны Мстиславскому уже после венчания Шуйского — Сказание соврем. о Димитрии Самозванце, ч. 1, 1859, стр. 307; речь о нем шла и по низложению Шуйского — Записки Жолкевского, изд. 2-е, стр. 70, — но он опять отказался.

⁶ Цитирую по переводу, данному А. И. Маркевичем при статье — окт. книжка, стр. 405. Не мешает отметить, что указание Страленбергом Голицына нашло себе подтверждение в цит. уже показание Ченчугова с товарищи. Это повышает до известной степени доверие к Страленбергу.

своей работы в этой части из предания уже в начале XVIII в., очень трудно поверить. Воротынский, как мы видели, был довольно сильно скомпрометирован грамотой «о верной службе» Сигизмунду. От избрания в государи Шуйского должно было удерживать простое благоразумие. Выбор в цари человека, не только отсутствовавшего, но находившегося пленником в руках враждебного польского короля, совсем не обещал восстановления мира и порядка, а, наоборот, сулил продолжение и даже усиление «разрухи»¹.

Кандидатура кн. Ив. Голицына действительно могла собрать много голосов на Соборе и немало сторонников среди посадского населения столицы. За него говорили, вероятно, не столько его личные качества, о которых мы ничего не знаем², сколько знатность рода и патриотическое поведение отчасти его самого и гораздо больше его братьев в тяжелую пору начала борьбы, словесной и оружием, с притязаниями Сигизмунда и господством поляков. На князя Ивана, очевидно, перенесли свои симпатии все те, кто в 1610 г. в царствование Шуйского и по низложению его выдвигал кандидатуру его старшего брата Василия³. Но принадлежность его к группе княжат могла служить камнем преткновения для городского дворянства, которому естественно было опасаться боярской политики от такого государя.

Выше уже было отмечено, что еще до Собора была выдвинута кандидатура кн. Трубецкого. Сильный поддержкой значительной части казаков и сослуживцев по Тушину, этот тушинский боярин должен был казаться мало желательным на престоле для преобладающей на Соборе земщины. Впрочем, у него были почитатели в стране и помимо казаков: вспомним, как хорошо к нему относились патриотически настроенные «власти» Троице-Сергиева монастыря; весьма почтительно говорит о «благочестивом» князе и неизвестный нам, также патриотически думающий «писатель» евангелия 7120 г.; многие, вероятно, смотрели на него как на верного служителя родине, освободителя Москвы⁴.

Сохранилось случайное известие, что «воцарялся» на Москве и воевода земского ополчения кн. Дм. Мих. Пожарский. Мы не знаем,

¹ Неизвестно, знали ли в это время в Москве о смерти бывшего царя Василия и кн. Дмитрия Шуйского (они умерли 12 и 17 сентября 1612 г. — *Д. В. Цветаев*, Царь Василий Шуйский и места погребения его в Польше, т. I, стр. 93). Но если шла речь и о возвращении на престол Василия, то и о нем нужно сказать то же. На Шуйском, очевидно, очень мало сосредоточивалось внимание Собора, если его даже не упомянули в ряду других пленников в отпуске Д. Аладына, отправленного для разрешения вопроса об обмене пленными (Сборник Имп. русск. ист. общ., т. 142, стр. 310—311).

² Во всяком случае, когда был на Москве старший и, очевидно, наиболее одаренный князь Василий, он заслуживал своей заметной фигурой братьев.

³ О планах воцарения вместо Шуйского кн. Вас. Голицына см. у *С. Ф. Платонов*, Очерки Смуты, стр. 337—338, 339—340, 344—346; есть известия, что он был очень серьезным соперником Шуйского и при самом воцарении его, — *ibid.*, стр. 228.

⁴ Кроме приведенного выше показания Чепчугова, Пушкина и Дурова, о кандидатуре Трубецкого имел сведения из какой-то рукописи Аф. Ф. Бычков — *Костомаров*, Смутное время, т. III, стр. 306, прим. О троичских властях шла речь в «Очерке»: приписка на евангелии цит. выше.

сам ли он выставил свою кандидатуру или, — что кажется более вероятным, — ее выдвигали другие, но во всяком случае гласно заявленное в специфической обстановке местнического спора указание, что это «воцаренье» «стало ему в двадцать тысячъ», не заслуживает доверия: сказавший это в пылу спора и ссоры Лар. Сумин, оправдываясь на суде, отрекся от всей своей речи о Пожарском, обозвал «ноклепом» приписание ему этих слов ¹. Князь Дмитрий пользовался, вероятно, большими симпатиями среди земских служилых и тяглых людей. Но у него, надо думать, немалого врагов было между казаками, в особенности полка Трубецкого. Кроме того, к Пожарскому, члену хотя и княжеского, но очень захудалого рода, впервые в лице именно князя Дмитрия, поднявшегося до самых верхов московских служилых людей и поставленного народным движением выше бояр и с большею властью, неодобрительно, вероятно, относились и родовитые и влиятельные представители московских чинов и Думы боярской.

Наиболее благоприятно во всех группах членов Собора, гарнизона и населения постоянного и временного Москвы была поставлена кандидатура Михаила Федоровича Ромапова ². Личные свойства этого 16-летнего юноши, который еще не успел и обнаружить их и который был лично известен, вероятно, только немногим из присутствовавших на Соборе, не играли при этом, кажется, никакой роли. Важно было положение его и его фамилии. Духовенству Михаил был особенно дорог, как кандидат, выдвинутый патриархом Гермогеном, но оно, надо думать, учитывало и то, что его (духовенства) положение должно будет стать лучше при государе, отец которого инок, хотя и невольный, и уже митрополит, и мать — инокиня. Ромаповых не меньше, чем Голицыных, Воротынских и иных, знали на Москве. Благодаря вотчинам и поместьям, разбросанным по разным уездам Руси ³, бояре Ромаповы были из

¹ Сыскное дело о ссоре межевых судей стольника кн. Вас. Большого Ромодановского и дворянина Лар. Сумина — Чтен. Общ. ист. и древн., 1848, № 7. Сумин, как выше показано, современник Земского собора 1613 г. и, может быть, член его как стольник. И народ шел о предложении престола Пожарскому — Песни, собр. *П. В. Киреевским*, вып. VII, М. 1868, стр. 21—23.

² Нет никаких указаний на то, чтобы выдвигалась кандидатура другого члена этой фамилии, дяди Михаила — Ивана Никитича. Но вообще данные об избирательной кампании производят впечатление, что на Соборе говорили не о родах, а об определенных лицах из московских боярских родов. Об Иване Никитиче, может быть, и речи не было. Во всяком случае для избрания его разве только очень маленькое значение имело его участие в семибоярщине и пр., и уже совсем не играла роли служба Ивана Никитича Самозванцу (всему этому большое значение приписывает *Маркевич*, *op. cit.*, стр. 199, прим. 2; в последнее время об этом писал *Пл. Гр. Васенко*, *op. cit.*, стр. 135). Большой развитый паралич дяди Михаила уже по физическому состоянию был мало пригоден стать государем. — Об его болезни еще во время ссылки его писал государю пристав его: «А изменник твой, государев, Иван Романов болен старою болезнию, рукою не владеет, на ногу маленько пристукает» — АН, № 38, т. II, XVI.

³ Наиболее обстоятельные справки, частью по неизданным материалам, о землевладении Романовых приведены в VIII главе цит. работы проф. *Д. В. Цветаева*, стр. 54—60; большой (но не весь) печатный материал по то-

вестны, вероятно, большому числу приехавших на Собор или просто в столицу уездных людей. В числе представителей с юга могли быть и помнявшие или знавшие по рассказам деда Михаила, попавшего и в народную песню, Никиту Романовича, много поработавшего еще при Грозном над устройством обороны южной окраины и служилого класса здешних мест¹. Лицами, проводившими в царя молодого Романова, были воскрешены, очевидно, или разглашены рассказы о том, что царь Федор, умирая, передал или очень хотел передать свой скипетр — символ власти — Федору Никитичу, отцу Михаила²; не без пользы можно было напомнить и о гонении на Романовых от давно уже потерявшего любовь народную царя Бориса³. Принадлежность Михаила Федоровича не к высшему, а ко второму слою боярства, не к потомкам удельных князей, считавших лишь себя настоящими, «прирожденными» правителями Русской земли, советниками государя и мечтавшими о возврате утерянного влияния, а к роду старинных слуг московского князя, потом царя, вновь выдвинувшихся особенно заметно в период борьбы Грозного с князьями, в период демократизации Думы⁴, — такое происхождение Михаила делало его в глазах дворянства помимо всего остального более желательным кандидатом, чем кого-либо из княжат. Кроме того, в среде городского дворянства и близких к нему слоев столичного у Михаила были свойственники: Погожины, Михалковы, Шестовы, Грязные⁵, которые и могли действовать в его пользу среди дворян. Сторонники избрания сына Филаретова были, как мы уже видели, и не в малом количестве и в рядах казаков. Среди высших чинов служилого класса и членов Думы Романовы также имели родственников: Фед. Ив. Шереметева, кн. Черкасских, Сицких, Троекуровых⁶, чтобы назвать более видных.

му же вопросу собран *М. Я. Кожесниковым* в работе «Земельные владения дома Романовых в XVI и XVII ст.», Спб. 1913.

¹ О Никите Романовиче см. у *П. Г. Васенко*, *op. cit.*, стр. 43—56.

² Слухи об этом желании Федора записали в разных редакциях *Бер* (Сказания соврем. о Димитрии Самозв., ч. I, 1859, стр. 13—14) и *Масса* (Сказания Массы и Геркмана, стр. 56).

³ О деле Романовых важнейшие источники — *АИ*, т. II, № 38 и *ПСРЛ*, т. XIV, ч. I, стр. 52—54. О том, как впоследствии оценивалось это гонение на Романовых при Годунове, можно получить представление из Сказания чутного к настроениям верхов Авраамия Палицына, по словам которого, «сих ради Никитичев Юрьевых вскоре... и за всего мира безумное молчание, еже о истине к царю не смеюще глаголати о неповинных погибели, омрачи господь небо облаки...» и пр. — *РИБ*, т. XIII, ст. 479 (первая редакция Сказания), ср. *ibid.*, изд. 2-е, ст. 977 (окончат. редакция).

⁴ Как известно, с начала XV в. в среду московского боярства проникает титулованный элемент и постепенно становится преобладающим; но к концу царствования Грозного сильнее стали заметны нетитулованные элементы и появилось много дворян думных.

⁵ Из архива Михалковых в XVII кн. Старины и Новизны.

⁶ Сборник материалов по истории предков царя Мих. Фед. Романова, ч. II, стр. 90—91. Из Черкасских близким родственником Романовых — двоюродным братом Михаила Федоровича — был лишь кн. Ив. Борис., но, по словам издателя Духовного завета кн. Дм. Мамстр. Черкасского, подтверждаемых и впечатлениями от источников, Черкасские все держались близко друг к другу, да Дм. Мамстр. через свою тетку — жену Грозного — нахо-

А они, паверное, припмали разного рода меры к проведению на престол Михаила ¹. А его молодость могла склонять на его сторону и других бояр и вообще власть имущих и желающих иметь, особенно, когда стала выясняться его большая популярность в массах. Как бы ни относиться к вопросу о достоверности известного письма Шереметева, во всяком случае в оглашенном Мельниковым отрывке его очень метко и верно намечены перспективы, открывающиеся для «владущих» с воцарением «Миши Романова», который был «еще молод и разумом еще не дошел» и потому боярам «будет поваден» ².

Однако далеко не сразу голоса всех, даже большинства, были поданы за Михаила Федоровича. Уже много дней шли совещания о царском избрании, но по образной характеристике этих заседаний в одной записи, «дела толикия вещь утвердити не могут и всеу мятутся сему и овам» ³. Обсуждения кандидатур не были, впрочем, совсем безрезультатны. Одна за другой, можно полагать, отпадали кандидатуры малопопулярных лиц, и крепло положение сильных кандидатов. И вот к 7 февраля, очевидно, обнаружилось, что наибольшие шансы на избрание имеет молодой Романов ⁴. Но вместе с М. А. Дьяконовым «можно догадываться, что результаты избирательной борьбы, поскольку они выяснились до 7 февраля, почитались не вполне надежными» ⁵. Наиболее серьезными конкурен-

---

дился и в далеком свойстве с Романовыми — Летопись ист. родосл. общ., 1907, вып. IV, заметка Г. С. III на стр. 24, сопровождающая опубликование названной духовной.

¹ О значительной роли на Соборе Ф. Ив. Шереметева имел сведения из предания и неизвестных теперь документов *Страленберг*, цит. изд., стр. 404—407. *П. Г. Васенко* в цит. работе совершенно отрицает агитацию за и со стороны Романовых (стр. 131—132).

² Этот отрывок в неточной и грубой форме впервые опубликован со слов Мельникова *Костомаровым*, *Смутное время*, т. III, стр. 294, прим., потом в редакции, данной самим *Мельниковым*, который писал вместе с тем, что письмо это видел у Погодина, напечатано *А. Барсуковым* во II томе «Рода Шереметевых», стр. 311 и прим. 415. Для решения вопроса о подлинности письма вряд ли может быть принимаемо совершенно бездоказательное заявление убеждения в его подложности *А. Барсукова*. Гораздо важнее отметить молчание *Погодина*, боровшегося «не на живот, а на смерть с историческими ересями». Самый же стиль отрывка заставляет отнестись к нему с известным доверием.

³ Разр. зап. за См. время, стр. 63. Текст этот очень близок к Повести кн. И. М. Катырева-Ростовского (РИБ, т. XIII, ст. 618 и 706), но в этой последней нет очень выразительных слов «всеу мятутся сему и овам».

⁴ В этом отношении интересно, что 2 февраля Собор решил послать в Польшу гонца—Ден. Аладына с целью добиться освобождения из плена Филарета, Голицына и др.—Сборник И. рус. ист. общ., т. 142, стр. 310—311.

⁵ Цит. речь, стр. 32. Отмечу, что в весьма тщательно отредактированной Утвержденной грамоте (см. цит. выше примеры с выбрасыванием противоположения Михаилом себя «прирожденным государем», с особым изложением совета шведского короля о выборе русского (в царя) совсем не говорится, чтобы Михаил Федорович был избран до 7-го, хотя бы в какой-нибудь предварительной форме, а только что «по многне дни о том говорили всякие люди всего Российского царствия с великим шумом и плачем, чтобы на Московское государство обрати его великого государя Михаила Федоровича вскоре» (стр. 43).

тами Михаила Федоровича были, сколько можно предполагать, Голицыны и Трубецкой¹, и, думается, не только «для укрепления», но и для выяснения окончательное решение вопроса было отложено до 21 февраля². Разрешить сомнения и колебания членов Собора было предоставлено стране. По городам, «оприч дальних», «послали тайно, во всяких людех мысли их про государское обирание проводить, верных и богобоязных людей, кого хотят государем царем на Московское государство во всех городах»³. Кроме того, важно было дожидаться прибытия запоздавших выборных из дальних уездов. Вместе с тем для придания большей авторитетности и большей внушительности акту избрания были вызваны «на спех» к Москве отсутствовавшие до сих пор кн. Ф. И. Мстиславский с товарищи⁴. Наконец, можно думать, — хотя в источниках XVII в. и нет на это прямых указаний, — что хотели заранее осведомиться об отношении к возможному избраннику у самого наиболее вероятного кандидата, жившего в это время вдали от Москвы, в Костромском уезде⁵. Ведь отказ Михаила после того, как он будет избран, грозил стране повым и, пожалуй, более сильным взрывом анархии.

На первой неделе великого поста Собор снова занялся царским избранием. Опять возникли споры. К этому времени и нужно отнести то разделение голосов первостепенной знати, о котором знаем из показаний Калитина; при этом из вновь прибывших бояр в пользу Михаила высказался его родственник кн. Бор. Лыков, против — Мстиславский и Куракин⁶. Однако с мест приносились известия,

¹ Припомним показание Чепчугова с товарищи, что между этими тремя кандидатами предлагали бросить жребий.

² О том, что решение вопроса отложено до 21 февраля, сообщили Гонсевскому схваченные им торопецкие дворяне, возвращавшиеся с Собора домой — Археограф. сборник, т. VII, № 48.

³ Утверженная грамота, стр. 44. Очевидно, с целью «проводить» ехали домой и торопчане, пойманные Гонсевским, о которых только что упоминалось.

⁴ Утверженная грамота, стр. 44.

⁵ Намеком на это может служить указание Чепчугова с товарищи, что бояре, когда толпа настаивала на немедленном выборе царя, «желали отложить решение вопроса» до приезда в Москву Михаила, «чтобы можно было еще лучше подумать над этим», — Арс. бумаги, стр. 30—31. См. также ниже. О переговорах между Шереметьевым и Марфой много говорит *Страленберг* (ор. cit, стр. 405—406), но подробности его рассказа не представляются вероятными.

⁶ О 7 февраля упоминает только Утверженная грамота; в остальных источниках дело представляется так, что споры и колебания шли без перерывов до самого 21 февраля, см., например, Повести Катырева-Ростовского — РИБ, т. XIII, ст. 618 и 706; грамоту от Собора по городам о царском избрании — Дворц. разр., т. I, ст. 48—49. Из Сказания Палицына совершенно ясно, что заседания были непосредственно перед 21 февраля — ст. 1234—1236. К показаниям Калитина, как уже отмечено выше, нужно отнестись с осторожностью; во всяком случае кн. Изв. Бор. Черкасский (у Калитина в имени ошибка — Вас.) должен быть отнесен к числу сторонников Михаила Романова, своего родственника, — Черкасский был первым, кого пожаловал новый царь в бояре, — Дворц. разр., т. I, ст. 95—96. Цит. место показаний Калитина — в Арсеньевск. бумагах, стр. 26—27.

что население высказывается в пользу Михаила Романова¹. На его сторону, очевидно, все больше и больше склонялись и собравшиеся в столице всякие служилые и посадские люди, и в столь естественном нетерпении, тяготясь уже затянувшимися выборными рассуждениями Собора, они старались сказать свое слово по поводу избрания в более влияющей на членов высокого собрания форме. По словам состоявшего членом Собора Авраамия Палицына, к нему на подворье Сергиева монастыря в Москве приходили «многие дворяне и дети боярские, и гости многих разных городов, и атаманы и казаки» и открывали ему «совет свой и благое изволение» о желательности видеть на престоле московском Михаила Федоровича; приносили они Палицыну и «писания» об этом и просили возвестить о сем «державствующим тогда боярам и воеводам»². Вероятно, применялись меры и более решительного воздействия на Собор, вплоть до прихода шумной толпы к месту заседаний его и предъявления ему своих требований³. И вот отчасти под таким давлением, но гораздо более уже окончательно подготовленный предшествующим обсуждением кандидатур, Собор на заседании в неделю православия, 21 февраля, приступил к окончательному разрешению вопроса о царе, положив «завещание, да не отступят от места того, прежде даже изберется царь Московскому царству». По обычаю каждый «чиин» в письменной форме представил свое мнение. Избрание Михаила было уже достаточно подготовлено за долгий период избирательной борьбы. Ответы с мест и настояния московского населения и гарнизона заставили смолкнуть голоса его противников. В интересах прочности власти будущего государя весьма важно было полное единодушие в его избрании. И «писания» галицкого дворянина и атамана с Дону, посадских людей и духовного чина оказались содержащими одно желание иметь царем «прирожденного» государя Михаила Федоровича Романова, и весь Собор «яко едиными усты» провозгласил его государем. Желая получить одобрение своего выбора со стороны с нетерпением ждавшего результатов народа, Собор послал на Лобное место архиепископа Феодорита, келаря Авраамия (Палицына), архимандрита Новоспасского монастыря Иосифа и боярина Вас. П. Морозова⁴.

2 марта из Москвы отправилось к новозбранному царю торжественное посольство от Собора во главе с Феодоритом, архиепископом рязанским, боярами Фед. Ив. Шереметевым и кн. Вл. Ив. Бахтеяровым-Ростовским и окольными Фед. Вас. Головиным. Послы

---

¹ «От Калуги и от северских градов о избрании Михаила Федоровича... принесено бысть писание к Москве в то же время калуским гостем, См. Судовниковым с товарищи» — Сказание Палицына, ст. 1237. Подпись Судовникова имеется под Утвержденной грамотой — 161—167.

² РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1235.

³ Об этом мы знаем из показаний Чепчугова с товарищи — Арсеньевск. бумаги, стр. 30—31.

⁴ РИБ, т. XIII, изд. 2, стр. 618 и 706, 1236—1237; цит. хронограф кн. Оболенского; Утвержденная грамота, стр. 44—47; Дворц. разр., т. I, стр. 14—17, 49—51; о присяге в городах — *ibid.*, прилож. № 1, 2, 3, 7, 14.

должны были бить челом государю, чтобы он пожаловал приять избрание. 13 марта посольство прибыло в Кострому, а 14-го в Костромском Ипатьевском монастыре Михаил Федорович принял его. После обычных, требовавшихся тогдашним этикетом, отказов, с одной стороны, и «слезных молений» — с другой, Марфа согласилась благословить своего сына на царство; он принял из рук архиепископа Феодорита «царский посох», знак царской власти, и стал государем московским¹.

В каких же размерах пользовался властью избранный Собором царь? Была ли она в каком-нибудь отношении и чем-нибудь ограничена? Мы подходим к самому смутному из вопросов касательно царского избрания 1613 г.

Существует целый ряд свидетельств об ограничениях Михаила Федоровича, но из них лишь два XVII в. (в Псковском сказании «о бедах и скорбях и напастьях» и у Котошихина), остальные принадлежат XVIII в. (Страленберг, Татищев, Фоккеродт, Шмидт-Физельдек)². Мне нет надобности останавливаться на разборе этих показаний; они многократно цитировались и критически оценивались в работах исследователей, особенно А. И. Маркевича и

---

¹ Мы в сущности не знаем речей, которыми обменивалось посольство с Михаилом и его матерью. Известные из Утвержденной грамоты речи той и другой стороны «почти все... дословно взяты из грамоты 1598 г.» об избрании Бориса Годунова, как это отметил еще в 1883 г. С. Ф. Платонов в *Заметках по истории Моск. Земск. соб.* (в цитир. «Статьях по русск. ист.», стр. 11—12, в прим. 2) и наглядно показал в своем издании С. А. Белокурова (стр. 51—67; общее замечание в предисловии, стр. 6). Очевидно, в этих отказах и молениях было больше шаблона и этикета, чем оригинальности и искренности. Выделяется только один «отказ» Марфы с конкретными указаниями на тяжесть венца русского в это время, особенно для Михаила, отец которого находился в польском плену (стр. 53—54 по изд. С. А. Белокурова). Но не были ли эти доводы выдвинуты еще раньше, во время предварительных переговоров? По крайней мере, ссылку на Филарета заранее предвидел наказ послам, дававший и ответ на нее (ср. Утвержденную грамоту, стр. 54, и Дворц. разр., т. I, стр. 42—43, или СГГр и Д, т. III, № 6).

² Псковское сказание напечатано в ПСРЛ, т. V, стр. 55—66, об ограничении на стр. 64. У Котошихина известие о «записи» царя Михаила в VIII гл. (в 3-м изд. 1884 г., стр. 141—142). Перевод соответствующего места из Страленберга (1730 г.) дан в приложении к цит. статье А. И. Маркевича. *Татищев* высказался по этому поводу в записке «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным 1730 г.», напечатанной в сборнике «Утро», 1859 г.; слова о Михаиле на стр. 373. Сочинение *Фоккеродта*, Россия при Петре Великом (1737) в русском переводе издано в Чтен. Общ. ист. и древн., 1874, кн. II; относящееся к нашему вопросу место на стр. 21—22. Слова Шмидта-Физельдека приведены А. И. Маркевичем во второй части его статьи (стр. 379); сочинение его было издано в 1777—1784 гг. в Риге.

Только для полноты можно упомянуть совершенно не имеющее самостоятельного значения известие «Дополнения» Мемуаров *Маништейна* (изд. впервые в 1771 г. в Лейпциге; об ограничении на стр. 577—579); оно с некоторыми пропусками (о законодательстве и войне и мире) почти буквально повторяет Фоккеродта. — Любопытно отметить, что первый русский перевод Мемуаров *Маништейна* (1810 г., пер. Глинки) появился без «Дополнения», во втором (1823 г., Т. Мальгина) оно было, но с пропуском условий, предложенных Михаилу (см. т. II, стр. 338—339), и только в третьем (1875 г.) дано целиком.

С. Ф. Платонова¹. Разногласия названных источников даже в существенном, малая вероятность или полная невероятность сообщаемых ими подробностей при отсутствии официальных известий достаточно объясняют и осторожное отношение к этим частным и очень поздним (кроме Псковского сказания) показаниям со стороны ученых и значительное разнообразие ответов этих последних на вопрос об ограничении власти первого царя из дома Романовых².

Обстановка царского избрания 1613 г. в том виде, как она рисуется на основании известных теперь источников, не заключает в себе чего-либо решительно не допускающего возможности ограничений власти царя Михаила. Потому можно с некоторым доверием отнестись хотя бы только к общей всем приведенным свидетельствам основе. Ведь при всей разнице настроений и целей и враждебно относящийся к «владущим» и плохо осведомленный о мо-

---

¹ А. И. Маркевич во второй половине цит. статьи (Журн. Мин. нар. просв., 1891, октябрь) дал анализ всех свидетельств об ограничении с точки зрения выяснения степени их самостоятельности и вероятности их показаний. С. Ф. Платонов (в статье Моск. правительство при первых Романовых) преимущественно остановился на выяснении общественно-политических воззрений неизвестного автора Псковского сказания и отметил влияние на известия XVIII в. конституционных мечтаний верхов русского общества еще со времен Петра Великого. Отдельные замечания об источниках встречаются и у других исследователей. Свидетельства XVII в. всеми признаются самостоятельными по отношению друг к другу. Невозможно установить зависимость от них и известия XVIII в. Связь между двумя первыми в XVIII в. и почти одновременно появившимися показаниями Страленберга и Татищева Маркевич считал трудно доказуемой (стр. 389). Не решают, думается, вопросы и указания Д. И. Иловайского (Смутное время, стр. 321) и Е. Статеевского (ор. cit., стр. 65. прим. 1). Сообщал ли Татищев сведения Страленбергу или из его труда сам их заимствовал, и в том и в другом случае одинаково мало понятна разница между приводимыми у Страленберга условиями, предложенными Михаилом, и сближением его «записи» с записью Шуйского у Татищева. Вряд ли можно категорически говорить, что Фоккеродт «заимствовал» данные у Страленберга (Маркевич, стр. 376), и тем более, что он «повторял» Страленберга, ставя его на одну доску с автором Дополнения к Мемуарам Маштейна (С. Ф. Платонов, стр. 358). Сходство, но и существенные различия их показаний, пожалуй, с большим основанием заставляют предполагать, что долго живший в России и хорошо знавший русский язык Фоккеродт заимствовал прямо из того же источника, из которого и Страленберг, — из жившего среди русской знати и оживленного в эти годы политическими вопросами предания. Нет ничего невероятного и в том, что из предания же, а не у предшественников-литераторов почерпнул свои сведения и Шмидт-Физельдек, тем более что его изображение дела разнится и от Страленберга и от Фоккеродта.

² Большинство высказанных мнений сведено и сгруппировано в цит. труде Е. Статеевского, стр. 62 и сл. Можно прибавить еще взгляд Ф. В. Гларановского высказанный в цит. речи Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии (Журн. Мин. юст., май, 1913 г.); по его мнению, «не может быть речи о записи как о действительном государственном акте с юридически обязательной силой»; «Земский собор не предьявил избранному царю никаких ограничений»; могла быть лишь «некоторая негласная придворная сделка», которая «состоялась за кулисами Земского собора» (стр. 32—34); и Ю. В. Готье (в речи Избрание на царство Мих. Фед. Романова, Чтен. Общ. ист. и древн., 1913, кн. IV), который допускает возможность «какого-нибудь обещания, негласно данного Михаилу», но вообще-то считает это «потерянным фактом» русской истории.

сковских событиях демократ-пскович, и недостаточно знавший историю родины, о которой он рассказывал пытливому шведу, беглый подьячий Котопшихин, и бессознательно вписавшие свои воззрения и понимание в смутное предание, уже подвергшееся обработке мечтавших об ограничении власти государя русских вельмож, авторы-иностранцы XVIII в., и любивший старину и много занимавшийся ею борец против «затейки верховников» Татищев — все они согласно утверждают, что при избрании Михаила произошло что-то, касавшееся размеров власти нового царя или способов осуществления ее. Особенно интересны в этом отношении первое и последнее свидетельства. Для обличения «владущих» одинаково или даже более благодарный материал представляло бы и чисто фактическое своеволие их при юном, не имевшем «еще толика разума, еже управлять землею», государе. Однако автор сказания говорил, очевидно, по дошедшим до него слухам, что вельможи «лестию» уловили царя: «первие егда на царство посадиша, и к роте приведоша», и сообщает даже, в чем состояло клятвенное обещание Михаила Федоровича: не казнить виновных «вельможеска роду и боярска», а только «рассылати в затоки». Для целей записки Татищева было бы очень ценным иметь возможность говорить о неограниченности Михаила: получилось бы прекрасное противопоставление царствования государя, избрание которого «было порядочно всенародное» и без всяких записей, эпохе управления царей Бориса и Василия, избранных «порочно»: в избрании первого «было принуждение», в избрании второго — «коварство», и притом еще с последнего была взята «запись, которою вся власть у государя отнималась в пользу бояр, и результатом этого «безпутства» было «крайнее государство разорение». И если при всем том Татищев говорил все-таки о «записи» царя Михаила, вследствие которой «он не мог ничего учинить», то, очевидно, был приведен к необходимости отметить это достаточными доводами в пользу ограничений власти и правильно избранного царя ¹.

Что же именно произошло по отношению к царской власти в 1613 г.? Ответить на этот вопрос при отмеченном выше характере источников можно только предположительным построением, выбирая из разнородных показаний то, что кажется более соответствующим обстоятельствам момента.

Наличие ограничительных стремлений в среде боярства, понимая этот термин в широком смысле, т. е. включая в состав его не только членов Думы, но и близкие к ним круги верхов столичного дворянства, в среде «владущих», по удачному выражению Псковского сказания, не подлежит сомнению. Однако трудно пове-

¹ Едва ли можно свидетельство Татищева объяснить вместе с проф. Платоновым тем, что он просто «верил в справедливость ходивших в его время рассказов о существовании ограничительной записи царя Михаила Федоровича» (С. Ф. Платонов, *op. cit.*, стр. 358). Поверить в неприятное, нежелательное вообще очень нелегко. Тем труднее было бы знакомому с летописями и другими источниками Татищеву поверить одному преданию, явно окрашенному в то время олигархическими стремлениями «верховников», с которыми он боролся.

рить в закулисную сделку бояр с Михаилом Федоровичем, в смысле которой истолковал со своей партийной точки зрения дошедшие до него неясные слухи демократ-пскович¹. Когда могла бы быть заключена такая сделка? После 14 марта принявший уже предложенную ему от «всей земли» без всяких условий корону и даже после 21 февраля не изъявивший еще своего согласия, но избранный уже без ограничений власти Земским собором царь не имел бы никаких побудительных мотивов соглашаться на какие-нибудь требования бояр, только что принимавших участие в избрании его без условий на Соборе. И в период избирательной кампании положение Михаила Федоровича резко отличалось от положения Шуйского перед воцарением. В 1613 г. престолом распоряжался не кружок заговорщиков, а Земский собор. И на нем и в Москве, как мы видели, сторонниками Михаила была значительная и все возрастающая часть средних классов и низов, тогда как из среды «владущих», разделяя их на группы, выдвигался ряд кандидатов. Но если бы, и объединившись, бояре попытались тайно от Собора взять с Михаила заранее какие-нибудь обязательства, то он (конечно, действовали бы руководители его), осведомленный о положении дел, имел бы полную возможность противиться их намерениям, выжидая решения вопроса на Соборе.

Более вероятным кажется, что Михаилу Федоровичу были предъявлены известные пожелания (или требования, — это оставим пока в стороне) от имени Земского собора. В определении их содержания едва ли можно пойти за Страленбергом и Фоккеродтом, записавшими настоящие конституционные хартии, согласно которым действовать будто бы обещал или клялся царь Михаил; от них слишком вест мыслью XVIII в. Ближе к истине, к духу начала XVII в. стоят менее отчетливые, но и менее «конституционные» намеки Псковского сказания, широкое и суммарное указание Котошихина, лаконичное известие Татищева. Пользуясь указанными выше настроением и стремлениями преобладающей массы членов Собора, руководящая группа, очевидно, предложила выработать челобитье будущему или уже избранному царю² о нуждах страны. Эта обычная форма обращения к государю не могла встретить возражений в соборании, а обстоятельства тогдашнего момента сами

---

¹ Вспомним, что на Соборе 1613 г. не было представителей от Пскова и его области. — Позволяющие также говорить о боярском ограничении указания Страленберга на совещании Шереметева с «сенаторами и воеводами» и особенно Фоккеродта на то, что знатнейшие составили «между собою род сената, который называли Собором» и в котором имели «место и голос» «не только бояре, но и все другие, находившиеся в высшей государственной службе» («владущии»), вполне объясняются недостаточными знаниями авторов о составе Собора 1613 г. и настроением хранильницы предания — русской знати.

² Мы не знаем, когда вырабатывались «условия» царю. Указания Страленберга и Фоккеродта на предварительное, до обсуждения кандидатур, составление их не являются ли просто их пониманием хода событий? Для Собора же, пожалуй, важнее и естественнее было бы раньше решить коренной вопрос — выбрать царя, а потом уже заниматься обсуждением челобитья.

постоянно побуждали прибегнуть к этому способу осведомления имеющего вступить на престол нового правителя с желаниями населения, с его тяготами и нуждами. Общее и одинаково дорогое для всех групп населения и давно вошедшее в программу земских людей требование «праведного суда», надо думать, раньше других и совершенно единодушно было заявлено для внесения в это челобитие. Желательность ограждения от наказаний и взысканий родных и близких виновного, назначения наказаний лишь по суду и прекращения казней «без суда и без вины» — так приблизительно формулировались пункты о суде. Вполне естественным было внесение в челобитную и другого, также касавшегося всех слоев населения от верха до низу, пожелания, чтобы царем по примеру «всей земли» было забыто, оставлено без отлучения поведение в прошлом принесших раскаяние, а также все причиненные ему и его родне обиды и несправедливости¹. Это было одним из важных условий успокоения страны и могло послужить залогом примирения с новой властью еще не сложивших оружия «воров». Наконец, вероятно, от группы «владущих» исходило предложение, чтобы царь правил по старине, чтобы он «мыслил о всяких делах (и прежде всего восходивших до него судебных) з бояры и з думными людьми сопча»². При умелой постановке и этот пункт вряд ли мог вызвать много возражений в среде Земского собора. Хотя им обеспечивалось постоянное участие в верховном управлении только членам Думы, однако удовлетворенными до известной степени могли чувствовать себя и столичные дворяне. В Думу еще со времен Грозного стали проникать в заметном количестве и люди «худородные». На осно-

¹ Подобный пункт имеется только у Страленберга, но он был очень уместен в челобитие от Собора, кончавшего со Смутным, «безгосударным» временем и начинавшим новый период устройства после него. — Вспомним, что подобное же требование было поставлено «треноначальникам» в приговоре 30 июня 1611 г.

² Всего вероятнее, что именно приблизительно в такой малоопределенной и вместе чрезмерно широкой форме определялись отношения между царем и Думой в челобитье, без подробных указаний, что может быть предоставлено компетенции одного государя и что он обязательно должен решать с думными людьми. Это должно было выработаться на практике, «по старине и пошлине», по удобству и требованиям жизни. — О справедливости царя с Земским собором, которое выдвигалось многими исследователями, начиная с кн. Долгорукого, совсем нет известий в источниках. Упомянутый Фоккеродтом собор — совсем не Земский собор, а лишь собрание бояр и других лиц, занимавших высшие посты (т. е. только одних «владущих»). И действительная роль соборов даже в первые годы царствования Михаила, как теперь можно считать окончательно выясненным, не дает оснований заключать об ограничении ими власти царя, о постоянном их участии в управлении — см. статьи А. Н. Заозерского. К вопросу о составе и значении Земских соборов в Ижур. Мин. нар. просв., 1909, № 6, и земские соборы — в сборнике «Три века», т. I. Да и самая мысль о правлении царя с Земским собором показалась бы политической ересью, польским новшеством, консервативной по существу массе членов избиравшего царя собрания. Необыкновенно широкие права «всей земли» при Ляпунове и Пожарском мыслились принадлежащими ей только по отношению к временному, чрезвычайному правительству безгосударного времени, но не при обладателе царства, законном, волею божиею поставленном государе, как это отметил уже в цит. речи Ф. В. Тароновский (стр. 12—14).

вания этого, ввиду сильно уменьшившегося в последние годы состава Думы и обычных при вступлении на престол нового государя пожалований думными чинами, иные из верхов дворянства, не только стоявшие на очереди по родовому положению, но и выдвигнувшиеся своими заслугами, могли надеяться сами стать членами совета государства. Для других шла речь об обещавшем им выгоды укреплении положения их родных и близких. Наконец, всем им этот пункт был дорог и другой стороной своей, которая являлась ценной и для иных групп членов Собора. Единичный режим Годунова и — в значительной мере — Шуйского, если и правивших «с бояры», то лишь со «своими» (главным образом с родней), но не с Думой, порою, особенно при опалах, давал себя тяжело чувствовать не только верховным боярам; и участие думных людей в управлении могло казаться известным ограждением от своеволия, позволяло вернее, чем при одном обещании царя, рассчитывать на разрешение в желательном направлении большого вопроса о «праведном суде». А в предупреждение и ослабление нареканий и возражений против правления бояр с царем, если они раздавались от непричастных к власти членов Собора, очень удобно, играя на отмеченном выше тяготении средних классов (и сочувствия этому у духовенства) к порядкам времен «прирожденных государей», можно было выдвигать указание, что в данном случае и имеется в виду восстановление старины в той форме, в какой ее понимали или хотели понимать по контрасту с тягостными годами Смуты¹. И консерватизм массы должен был облегчить прохождение этого пункта о правлении царя «з бояры и з думными людьми сопча». Таким образом, в соборном челобитье, как приблизительно его можно восстановить по данным XVII в., видны настойчивое и упорное старание о прекращении произвола, забота о введении царской власти в законные рамки, желание вернуться к старым, как их тогда понимали, способам действий царя в Думе, стремление к примирению, прощению ошибок и проступков в эпоху общего шатания и разлада. В этих пределах и в этом смысле и можно говорить о попытке этим челобитьем ограничить царскую власть.

В каком же виде были предложены Михаилу Федоровичу эти «пункты»? Едва ли и в этом вопросе соответствуют истине показания Страленберга и Фоккеродта, что только принятие выработанных Собором условий открывало дорогу к трону. Такая постановка дела совершенно понятия по отношению к иноземцам и, главное, иноверцам Владиславу и Карлу-Филиппу, когда прежде всего речь шла о переходе их в православие, когда приходилось думать об обеспечении от нежелательных воздействий сложившихся обычаев, социально-политического уклада жизни государства. Но

¹ Ключевский с обычной меткостью указал уже, что «люди, добивавшиеся» договора с государем, «часто ссылались на старину, вводя небывалую, повидимому, новизну, так настойчиво твердили о политической старине. Они, повидимому, и сами не сознавали хорошенько, как круто переламывали они старый порядок, превращая отношение исторически привычное в отношение юридически обязательное» (Боярская дума, изд. 3-е, стр. 382).

предъявление в подобной форме соборных «пунктов» царю из русских при тогдашних воззрениях на происхождение и высоту царской власти кажется весьма мало вероятным¹. Скорее всего от Собора направлялось к Михаилу Федоровичу именно челобитье, выражались просьбы, не больше. Однако, являясь выражением авторитетного мнения избравшего царя Земского собора, это челобитье получало большую внутреннюю, моральную обязательность, и царь Михаил увидел себя вынужденным дать обещание исполнить пожелания «вся земли»². И закрепленные царским обещанием эти пожелания проводились в жизнь. И в практике верховного управления при Михаиле можно видеть применение установленных челобитьем способов действий царя по определенному кругу дел с Думой. Сташевским была опубликована дворянская челобитная 7149 г., на основании которой можно заключать, что «бояре по сто двадцать осмой год в полате сидели» о «земских больших спорных делах»: по искам о беглых крестьянах, о насильственных захватах поместий и вотчин и др.³. О значительной роли бояр могут свидетельствовать «приговоры» Думы об утаенных поместьях и вотчинах и даже, повидимому, о сборе второй пятины⁴.

При данном выше понимании ограничения царской власти при избрании Михаила Федоровича едва ли доказательством отсутствия «записи» могут служить «резкий тон» шедших от царя боярам приказов еще до приезда его в столицу и малая самостоятельность бояр в управлении. Царь и с ограничением остался верховным правителем и обладателем государства, а бояре, и получившие после обещания Михаила определенное право на участие в управлении, все же являлись слугами его, а не равно с ним поставленными правителями. Не опровергает сделанного построения и никем и ничем не стесненное право царя на пожалования земель и чинов, которое Михаил Федорович начал проявлять если еще не в Костроме, то уже в Ярославле. Не об ограничении жалующей и милующей власти царя думали на Соборе, а об обуздании карающей воли его, особенно карающей в формах, коими пользовался, например,

¹ Ниже мы увидим, что не только до получения согласия от Михаила Федоровича, но даже раньше, чем выехало к нему из Москвы посольство, он был уже признан правящим, от его имени уже писались грамоты.

² Вместе с *А. И. Маркевичем* нужно признать, что «записи», о которой говорят Котошихин и Татищев, в смысле акта, подписанного государем, не было; тем же автором был уже высказан и взгляд, что от Собора царю могла быть предъявлена только «челобитная», вовсе не ставящая его избрание в зависимость от обещания исполнять или не исполнять заявленные Собором желания» (ор. cit., стр. 371—374).

³ *Е. Сташевский*, ор. cit., стр. 75—76.

⁴ Первый — в Материалах по истории делопроизводства Поместн. приказа по Волог. у. в. XVII в., вып. I, Спб. 1906, стр. 154; о втором — *С. Б. Веселовский*, Семь сборов запросных и пятинных денег, стр. 58—59; интересно, что приведенную здесь формулу «указали есмь» в Перми поняли как «по твоему государеву указу бояре приговорили», — ср. ААО, т. III, № 70, и Акты Соликамские из коллекций Археограф. ком. (по описи *М. Г. Курдюмова* в 21 вып. Летописи занятий, в прилож. к основной колл., № 31). Первая и третья пятины назначены соборным приговором, о чем прямо и говорится в грамотах, — цит. работа *С. Б. Веселовского*, стр. 26—27 и 60—61.

царь Василий, «халавший», по образному выражению Палицына, «обоюду, не ведаю что», и правых и виноватых¹. Не имеет ценности довода против ограничения и молчание других, особенно официальных, источников. В первом из них — Утвержденной грамоте — с большим старанием проводившем ту точку зрения, что Михаил Федорович был избран лишь по воле божией и по родству с прирощенными государями, и замолчавшей даже все споры о кандидатах на Соборе, — в таком документе было бы совсем неуместно говорить о крайнем проявлении «многомятежного человеческого хотения» — о стремлении поставить известные рамки власти царя. Да для Утвержденной грамоты, как и для самого Собора, главная суть всего происшедшего на соборных заседаниях была в том, что был, наконец, дан стране законный, «всею землею» избранный государь; остальное было не так существенно². Идеальную точку зрения Утвержденной грамоты в целостности усвоил и автор первого, под непосредственным впечатлением Смуты написанного краткого очерка ее событий в «Хронографе 1617 г.». И здесь не нашли себе отражения даже все колебания и разделения на Соборе при выборах государя; радость получившей законного правителя и с ним возвращавшей давно желанный покой страны одна царит в этом рассказе об избрании. Для царя эпизод с челобитьем Собора не был, конечно, приятным воспоминанием, и это, вероятно, обязывало соблюдать особую осторожность при описании избрания Михаила. И одного этого достаточно для объяснения молчания автора так называемой «Повести кн. Ив. Мих. Катырева» и стоявшего по возвращении Филарета на линии опалы Авраамия Палицына, лишь намекнувших на какие-то трения при избрании. Только близкий к царскому или патриаршему двору составитель «Нового Летописца» осмелился сказать больше других, бросив боярам, разделившим с царем власть (о чем и он не упомянул, конечно), обвинение в подкупах избирателей в целях добиться престола. Но слухи об ограничении власти царя ходили. И, кажется, именно услышав о том, что Михаил Федорович правил с боярами в силу данного им обещания, враг «владущих» пскович и создал свою теорию об уловлении ими лестью молодого царя. От предшествующего поколения слышал о «записи» царя Михаила и приказный подьячий Котошихин, передавший в своем, несомненно ошибочном, обобщении об ограничении власти всех государей после Ивана Васильевича довольно верно, повидимому, суть челобитья царю Михаилу.

¹ Приведенные соображения выдвинуты С. Ф. Платоновым «в пользу того предположения, что царь Михаил чувствовал себя лично совершенно независимым от боярства и от Собора» (Моск. правит. при первых Романовых, стр. 375—379).

² Молчанию Утвержденной грамоты об ограничении особое значение придает Ф. В. Тарановский, именно из него выводящий, «что официальной ограничительной записи, выданной при соборном избрании, вне всякого сомнения не было» (op. cit., стр. 32—33). Кн. Долгорукий ее молчание объяснил тем, что Филарет велел переписать ее с нужными ему выпусками; Д. И. Плавильский думает, что грамота об ограничении «просто уничтожилась» как потерявшая ценность документа (op. cit., стр. 322).

Избраишем государя «всею землею» закончило свое дело воз-
никшее по инициативе Нижнего ополчение и создавшее последним
правительство. Остается выяснить точнее, когда именно кончились
чрезвычайные полномочия Пожарского (и вместе Трубецкого),
каковой момент и нужно считать формальным концом истории ни-
жегородского ополчения.

Собор 1613 г. занимался до 21 февраля не исключительно из-
браишем царя: мы знаем жалованные грамоты от имени Собора;
по его постановлению от 2 февраля снаряжался в Польшу Ден. Ала-
дын с предложением об обмене пленными; вероятно, приходилось
ему решать и другие важные дела ¹. Однако Земский собор не ли-
шил и даже, повидимому, не ограничил полномочий Трубецкого
и Пожарского. И в январе и в феврале попрежнему к боярам-пра-
вителям, а не Собору несло свои челобитные население; от Трубец-
кого и Пожарского шли предписания приказам и воеводам, и сло-
вами: «по указу (или по приговору) бояр и воевод, боярина кн.
Дм. Т. Трубецкого и стольника и воеводы кн. Дм. М. Пожарского»
начинались исходившие от правителей в Москве, и от воевод, и
других должностных лиц по городам бумаги; и Ружцкому на его
«лист» ответ был писан от имени тех же Трубецкого и Пожарского ².
21 февраля был, наконец, избран царь, и раньше чем успело вы-
ехать из Москвы посольство к Михаилу Федоровичу с предложе-
нием и вместе просьбой запясть стол московский, 27 февраля в писан-
ных от лица Собора грамотах о денежных сборах уже находилось
предписание дешиги присылать к Москве, «ко государю царю Ми-
хаилу Федоровичу», а от 3 марта — за 11 дней до того, как избран-
ный царь дал свое официальное согласие, — имеются грамоты,
писанные уже от «царя и великого князя Михаила Федоровича всея
Руссии» ³. Таким образом, еще задолго до 14 марта Михаил Федоро-
вич был уже признан воцарившимся на Москве. А раз был царь,
должно было прекратиться правление временных, на безгосударное
время поставленных воевод-правителей. При царе в период его
отсутствия дела должен был вести обычный орган — Боярская
дума. И она появляется в документах этих дней рядом с Освящен-
ным собором. Так Соборное посольство писало из Костромы 17 марта
в Москву «властям» и боярам — кн. Мстиславскому с товарищи,
т. е. уже знало о том, что Дума вступила в отправлении своих обя-
занностей, а от 15 и 20 марта сохранялись и донесения царю из
Москвы от имени Кирилла со «властями» и Мстиславского с това-
рищи о побеге и поимке Андропова и о посылке Аладыина в Польшу ⁴.

¹ Уже цит. грамоты Трубецкому и Лихареву (нанечат. в Минине и По-
жарском *Забелина* и Чтен. *Общ. ист. и древн.*, 1869, кн. III); о посольстве
Аладыина — в 142 т. *Сборника Имп. рус. ист. общ.*, стр. 310 и сл.

² Документы уже цитировались ранее; отмечу лишь более поздние;
Акты подмоск. ополч., № 105—19 февраля и АЮ, № 118—20 февраля. От-
вет Ружцкому от 25 января в *Сборнике Имп. рус. ист. общ.*, т. 142, стр. 307—
309; Ружцкий и сам писал на имя Трубецкого и Пожарского.

³ Акты подмоск. ополч., № 106 и 108.

⁴ Грамота посольства — в *Дворц. разр.*, т. I прилож. № 4 (на нее уже
указывал *И. Г. Васенко*, *op. cit.*, стр. 157 и прим. 6 и 10 к этой — VIII — гл.);

Однако не избрание царя было моментом смены Трубецкого и Пожарского Мстиславским с товарищи. Уже давно известна грамота от воевод-правителей в Галич от 22 февраля ¹. Присматриваясь к записям в книгах четей пожалований за конец февраля, заметим, что дачи и придачи не только 21 и 22, но и 24 и 25 февраля отмечены как назначенные «при боярех» или «по боярскому приговору», а начиная с 26 февраля идут пометы «по государеву указу» ². Первые два термина, как видно из сравнения с записями более ранних пожалований, обозначали приказы правителей Трубецкого и Пожарского; именем государя, как видно из сопоставления этого наблюдения с цитированными выше документами, покрывались приговоры Боярской думы. Не умею объяснить, почему царь, которому еще 21 февраля присягала столица, был признан начавшим править государством только с 26 февраля ³, но во всяком случае не день царского избрания, а 25 февраля было днем конца правления Трубецкого и Пожарского и вместе с тем концом истории нижегородского ополчения.

донесение об Андронове — в Актах времени междоусобия, стр. 65—66, об Аладьине опубликовано С. А. Белокуровым в 142 т. Сборника Имп. рус. ист. общ., стр. 384—386.

¹ АИ, т. II, № 343.

² Четвертчики Смутн. времени, стр. 50, 52 (22 февраля), 309 (24 февраля), 149, 162 (25 февраля), 95 (26 февраля) и 137 (27 февраля).

³ Официального согласия Михаила Федоровича, как мы видели, не ждали, чтобы считать его воцарившимся; может быть, ждали известий о присяге новоизбранному царю, хотя бы в ближайших городах; грамоты в города о состоявшемся избрании известны от 25 февраля — Дворц. разр., т. I, ст. 47—48.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение первое

ГРАМОТЫ

Все грамоты печатаются с сохранением правописания оригиналов; в отличие от их текста раскрыты титла и расставлены прописные буквы и знаки препинания. В круглых скобках помещены отсутствующие в оригиналах буквы и слова ¹.

№ 1. ГРАМОТА ИЗ НИЖНЕГО НА ВЫЧЕГДУ 7120 г.

Список с нижегородские отписки, что привез Дмитрий Савич Жедринской с товарищи в 120-м году.

На Вычегду архимаритом, и игуменом, и протопопом, и попом, и дьяконом, и всему Освещенному собору, и господам воеводе Ивану Микифоровичю ² и дворяном, и детем боярским, и всяким служивым людям, и земским старостам, и таможенным головам, и всяким посацким жилецким людям Дмитрий Пожарской, Иван Биркиц, Василей Юдин, и дворяня и дети боярские Нижнево Новагорода, и смолянны, и дорогобуженя, и вязмичи, (и) иных многих городов дворяня и дети боярские, и головы литовские и стрельцкие, и литва, и немцы, и земьские старосты, и таможенные головы, и все посацкие люди Нижнево Новагорода, и стрелцы, и пушкари, и затинщики, и всякие служилые и жилецкие люди челом быт. За умножение греха всего православного христианства воздвижися на нас праведный гнев божий и в долгое время не преста даже и до нынешнего времени; по христову словеси, востали мнози лжехристи, и в их прелести смятись вся земля наша и бысть разорение ея велия мерзосна ³ и пуста злохитроу кознию вселукавого диявола, врага и супостата роду человеческого; конечную пагубу

¹ Изменения в правописании внесены в соответствии с действующими правилами археографического воспроизведения текстов. Указанные автором собрания Археографической комиссии хранятся в настоящее время в Ленинград. отд. Ин-та истории Акад. Наук. — *Ред.*

² Чепчугову.

³ В грамоте на Вологду — ААЭ, т. II, № 201 — это место читается так: «и бысть в разорении явлюю мерзостию...»

наносит, еже бы ему своими угодники богохулными еретики, похищенными волки все христоименитое стадо роспудити, и украсти, и погубити. Самы убо весте ¹, что по общему греху всех нас православных крестьян учинилась междоусобная брань в Росиском государстве немалое время по навету искони человеконенавидимого сатаны; и такую меж нами рознь усмотря, похищники нашего спасения полские и литовские люди умыслили ² Московское государство разорити и ясныя и ясную непоручную крестьянскую веру в свою богом несправдливую в люторскую веру превратити, и церкви божии осквернити, и чудотворные иконы и целбоносные мощи обругати, и Московское государство до конца разорити. И за грех всего православного крестьянства господь бог праведным своим судом и гневом их злокозненному умыслу попустил совершитца: царственный преименитый град Москву лестию и преступлением крестным до основания разорили, и неисчетного народу христианского от великих чинов и до малых степеней всеядному мечю предали, и необоримого столпа и твердого адаманта святейшего Ермогена, патриарха московского и всеа Русии, с престола вселенского низвергнули, и неизчетныя беды нанесли роду крестьянскому. И такую неправду ³ и разоренье видя, все города Московского государства, сослався меж себя, утвердились на том крестным целованьем, чтоб быти нам всем, православным крестьяном, в любви и в соединении, и прежнево междоусобства не всчинати ⁴ и Московское государство от врагов наших, от полских и литовских людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному христианству отнюдь не чинити, и своим произволом на Московское государство государя без совету всей земли не обирати; а как всеильныи(и) херувимскии(и) владыко по премножеству щедрот своих останок рода христианского помиловал и избавил бы от всеядного меча, от полских и литовских людей, и нам было, всему христоименитому народу, просити у него, преблаго(го) бога, с воздыханием и слезами милости, чтоб нам дал на Московское государство государя благочестива, подобна прежним природным христианским государем. И вам то самим извесно, что изо всех городов Московского государства дворяне и дети боярские под Москвою были в великом собранье и в Москве полских и литовских людей в Кремле и в Китае осадили крепкою осадой, и после того ратные люди: дворяня и дети боярские и всякие служилые люди многие из под Москвы розехались, иные от бедности, а иные от казачья грабежу и налогу; а как дворяня и дети боярские из под Москвы розехали, и для временныя сладости, грабежей и похищенья многие покушающа, чтоб паче Маринке з законопреступным сыном ее быти на Московском государстве или ложным вором, антихристовым предтечам, чтоб им волю отца своего сатаны исполнити и грабежам бы.

¹ В рук. «веси».

² В рук. «умыслили».

³ В рук. «такою неправдо».

⁴ В рук. вместе — «невсчинати».

я блуду, и иным неподобным богом ненавидимым делам не престати ¹,
А то вам самим извесцо же, что литовские люди многие замосков-
ные города ныне около Московского государства воюют, и в уездах,
в селех и в деревнях запасы пасут и хотят иррозити в Москву
к литовским людям. А пишут к нам из верховых городов, чтоб нам
прислать к ним в помощь ратных людей. И ныне мы, Нижнево Нова-
города всякие люди, сослався с Казанью и со всеми понизовыми
и с поволскими города и собрався со многими ратными людьми, видя
Московскому государству и верховым городом от полских и ли-
товских людей конечное разоренье, прося у бога милости, идем
все головами своими в помощь Московскому государству с нами,
со князем Дмитрием да с Иваном. Да к нам же в Нижней приехали
из Арзамаза смольняи, и дорогобуженя, и вязмичи, и иных розных
многих городов дворяня и дети боярские. И мы, всякие люди Ниж-
него Новгорода, посоветовав меж себя, приговорили животы свои
и дома с ними розделити, жалованье им и подмогу дати, а дав им
жалованье и подмогу, посылаем их в помощь Московскому государ-
ству на полских и литовских людей с нижегородскими и иных го-
родов ратными людьми вместе. И вам бы, господа, вычегжаком,
дворяном и детем боярским, и стрелцом, и всяким ратным людям
поминити обещанье свое, на чем все животворящий крест целовали,
что было за надежды нашии дом пречистые и за целбоносные мощи
великих московских чудотворцов и за пепорочную крестьянскую
веру против врагов наших полских и литовских людей до смерти
своей стояти, и ныне бы ити всем на полских людей вскоре до тех
мест, покаместа ратные люди под Москвою стоят, чтоб литовские
люди Московскому государству конечные погибели не навели и
верховых бы и понизовых городов и досталь не разорили. А толко
мы (над полскими) и над литовскими людьми понску чинити не учтем
и вскоре на них не поидем, а нашим будет нераденьем ² учинитца
конечное разоренье Московскому государству и угаснет корень
христианские веры, изпразнитца крест христов и благоление церк-
вей божиих, которой ответ дадим в страши(й) день суда христово.
еже толико множественново пароду крестьянсково и пощадит ³
и врагом креста христово, полским и литовским людям в плен
и в расхищенье предати? А будет, господа, вы, дворяня и дети
боярские и всякие служилые люди, опасаетись от казаков какова
налогу или иных каких воровских заводов, и вам бы однолично
того не опасатца: как будем все верховые и понизовые города в
сходе, и мы всею землею о том совет учиним и дурна никакова
вором делати не дадим; а самим вам извесцо, что покровением бо-
жиим по ся места мы к дурну ни х какому не приставали да и впе-
ред дурна никакова не похотим. А однолично бы вам с нами быти
в одном совете и ратным (людem) на полских и литовских людей
итти вместе, чтоб казаки по прежнему низовые рати своим воров-

¹ В рук. «непрестати».

² В рук. «нараденьем».

³ В ААЭ, т. II, № 201; правильное: — «не пощадив».

ством, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкиным сыном не разгонили. А пишут нам из всех городов и ожидают, как пойдут ваши и наши ратные люди, и оне все с нашими ратными ¹ людьми пойдут головами своими, и учиним совет о всяком земском деле, утвердимся крестным целованьем. И вам бы, господа, потому уже всяким людям сходитца с нашими ратными людьми вместе и быти с нами в одном совете. А как мы будем с вами в сходе, и мы учнем над полскими и литовскими людьми промышляти вместе, заодно, сколько милосердый бог помочи подаст, и о всяком земском деле учиним крепкой совет; и которые либо под Москвою или в которых городех похотят какое дурно учинити или Маринкою с сыном ее похотят новую кровь счать, и мы им дурна никакова чинити не дадим. А мы, всякие люди Нижнево Новогорода, утвердились на том и к Москве к бояром и ко всей земле писали, что Маринки и сына ее и тово Вора, которой стоит подо Исковым до смерти своей в государи на Московское государство не хотети, так же, что и литовсково короля. Да гонил с Коломны астороханьской сотник Топило Есинов в Асторохань с смутными грамотами. Да к нам же писали из Казани, что изымали в Казани кызыльбашсково посла с Маринкиными же смутными грамотами, а писала была она в кызылбаша о смуте же, хотя всчати новую кровь. И мы, с тех грамот синсав списки, послали в Ярославль и на Кострому. И вам бы к Москве ко всей земле писати, чтоб они про такие Маринкины воровские заводы сыскали, чтоб в Московском государстве новой крови не всчала. А к вам будут учнут приходить с Коломны от Маринки какие смутные грамоты, и вам бы их однолично не верити и стояти бы вам в твердости разума своего крепко и неподвижно. Да и во все бы вам верховые города от себя писати о утвержение и о совете, чтобы всех городов всякие люди от нашего совету не отставали и ратные бы люди у них были в зборе и сходились бы с нами вместе на полских и литовских людей и были с нами в одном совете. А мы, свестися с Казан(ь)ю и с понизовыми города и собрався со многими ратными людьми, прося у бога милости, идем на полских и на литовских людей, которые ныне стоят под Суздалем. А из Казани, из Свиляжского и из Чебоксар, из всех понизовых городов к нам писали, что они идут на земскую службу все головами своими, а передовых людей из Казани голов и з стрелцами к нам послали и будут к нам вскоре. А как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею землею выберем на Московское государство государя, ково нам бог даст. А что у нас на Вычегде каких вестей, и на чем у вас земской и о ратном деле договор, и где вам с нами сходитца, и вам бы о всем о том отписать к нам подлинно вскоре, чтобы нам про ваш совет и про ратных людей поход было ведомо. А мы к вам послали дворян Дмитрея Савича Жедринсково, Семена Офонасьевича Бартенева да детей боярских Нехорошово Зубатово да Степана Макарева да посацково человека Дмитрея Халстова. А что у вас про Новгород Великой каких вестей, и вам

¹ В рук. «ратными» было написано и второй раз, но зачеркнуто.

бы про то отписати к нам подлинно. Да и в Нов бы город Великий вам от себя отписати, что казанские и мы Нижнево Новагорода и все поизовых городов всякие ратные служилые люди идут все в помощь Московскому государству головами своими.

[Издается по списку, входящему в состав известного сборника грамот Смутного времени Ал. Ермолаева в Публ. библ., шифра 0 IV 17; док. 37 на лл. 458—469 об.].

№ 2. ГРАМОТА ТРУБЕЦКОГО И ПОЖАРСКОГО В СОЛЬ-ВЫЧЕГОДСКУЮ 11 НОЯБРЯ 1612 г.

Список з боярские грамоты московские

К Соле Вычегодской воеводе господам князь Григорью Иваловичю Гогарину да Максиму Яковлевичу да Микит(е) Григорьевичю да Ондрию да Петру Семеновичям Строгановым да земским посацким и волостным судьям и старостам и целовалником и всем посацким и уездным и всяким жилецким людям Московского государства боярин и воевода Дмитрей Трубецкой да столник и воевода Дмитрей Пожарской с товарищи челом бьют.

Писали к нам ты, воевода князь Григорей Иванович, и вы, усолцы посадские люди и волостные, с усолцом с Пятунюю с Цепизубовым, что ведомо вам учинилось от устюжаппина от посацкого человека от Харито... ¹ коросова про Вологду ² выжгли и высекли, а сказал оп вам, будто то воровство зделалось от стрелцов, которые посланы от нас, бояр и воевод, на Вагу для запасов, и вы послали на Вологду подлинно проведати, какие люди приходили к Вологде, чтоб от тех воров и у вас в поморских ³ городех смута какая не учинилась. А ты, князь Григорей Иванович, и земские люди, поговоря с Максимом и с Никитою и с Оondreем и Петром, к нам с тою вестью прислали, что пролыгаютца воры нашим боярским именем, и пам бы к вам о всем об том отписати. И вы то учинили доброе дело, пишети к нам радетельно, себя остерегаете ⁴. А нам, всей земле, про вологодское разорение допрямо тогда ж ведомо, да и у вас те вести давпо есть, что приходили на Вологду волчие наши неприятели и поругатели крестьянской вере полские и литовские люди и черкасы изгопом из литовских же полков из Можайского и из Вяземского уезда безвестно резвые люди. А как нам про вологодское разорение ведомо учинилось, и мы тотчас послали за литвою и за черкасы к Вологде наскоро столника и воеводу князя Федора Одреевича Елецкого с товарищи, а с ним дворян и детей боярских розных городов многих ратных людей, и велим ⁵ над ними промышляти, сколько бог помочи подаст. И князь Федор как еще въ Ярославль пришел, а те литва и черкасы с Вологды прошли назад рез-

¹ В оригинале оторван кусочек.

² Очевидно, далее пропущено несколько слов.

³ В оригинале «в Пороских».

⁴ Или «пишети к нам, радетельно себя остерегаете»?

⁵ Так в оригинале; вероятно, в подлиннике было «велели».

вым же делом, к Можайску и к Вязме. А о том вологодском разорении мы, бояре и воеводы и всех чинов и всякие люди, что по грехом крестьянская многая кровь пролилась, поскорбели, а ныне пишем к вам радостно и об(ъ)являем неизреченную милость божью и пречистые его богоматери и великих чудотворцов московских помощью и заступлением, а потом уповая на милость бож(и)ю, мы, бояре и воеводы и всех чинов да и всякие ратные и жилищные люди радением и промыслом и службою Московского государства достигли: первое, октября в 22 дне ¹ Китай город взяли приступом и полских и литовских людей и немца, которые были на городе и в Китае жыли, всех побили; а в Кремле городе сели было, да видя от нас и ото всех ратных людей тесноту и пад городом промысел, учали и ис Кремля города здаватца в третий день, наперед себя выпустили бояр московских, а опосле и сами здались все полские и литовские люди: староста пан Струц, и полковники, и шляхта, и гайдуки; и из города мы их вывели, и розданы у нас, бояр и воевод, по полком для береженья, а Московское государство ² очистилось и учало быть в православие по прежнему нашему крестьянскому обычаю. И увидя милость божью ³ и пречыстыя богородицы и московских чудотворцов, мы, бояря и воеводы и всех членов и всякие ратные и жыльщные люди, которые были с нами под Москвою и стояли за православную веру, радуясь, пришед в дом пречыстыя богородицы в соборную церковь к чеспой ея чудотворной иконе Владимирской и к великим чудотворцом московским митрополитом: к Петру и к Алексею и Ионе, и за неизреченную премогу ю милость творцу своему и владыке всесилному в троицы славимому богу нашему и пречистой его богоматере нашей крестьянской помощнице и заступнице и великим московским чудотворцам: Петру и Алексею и Ионе хвалу воздали, молебны пели со властью и со всем собором и по всем церквам по многие дни; да и ныне молим бога и пречистую богородицу, чтоб вперед Московское государство строилось и было в покое и в тишине, и нам бы, пачалным, потом и всяким людям, быти меж собою всем в совете и в любви. И вы б, господа, потому ж молили бога и пречистую богородицу о такой щедрой милости, велели пети молебны в соборной церкви и по всем храмом на посаде и в уезде з звоном по три дни; и о земских бы естя и о всяких делех радели и промыслили вместе, и к нам к Москве о всяких делех писали почасту, и совет держали с нами о сем по прежнему, покаместа нам всем бог даст на Московское государство государя по совету всей земли. А для земсково вопчево дела прислали б естя к нам усолцов пяти человек посацких уездных людей добрых ото всех посацких и волостных людей опричь вас, Строгановых; а к вам, Строгановым, вперед отпишем, как вам к Москве быти. Или будет и ныне кто похочет из вас для земсково дела ехати, и вы б потому ж отпустили. А быти бы тем людям к Москве на срок на

¹ Так в оригинале вместо «день».

² В оригинале не дописано «государь».

³ Далее идет почерк иной или иного характера (более небрежный).

Никколип день осенний нынешнего 121 году или ранее Николина дни по тому ж, как велели есмя быти из ыных городов для земскова дела к тому же сроку. А денежные б естя четвертные доходы, кабацкие и таможенные денги прошлог(о) 120 и нынешнег(о) 121 году, что у вас в зборе есть, и оброчные и данные денги собрав тот же час с посаду и с уездом, всякие окладные и неокладные¹ доходы, прислали к нам с теми ж людьми или с старосты и с целовальники, чтоб вам одполично о том порадети и раденье свое к нам и ко всем ратным людям показати для их великие службы и пужы, з денежною казною на жалованье всяким служилым людям прислати вскоре безо всякаго мотчанья.

Писапа на Москве, лета 7121-го ноября в 11 день.

У грамоты печать Росийского Московского государства бояр и воевод и всей земли орел одпоглавой. По ставом припись дияка Алексея Витовтова.

[Издается по современному списку, хранящемуся в числе «Актов Соликамских» из собраний Археограф. ком.; по описи М. Г. Курдюмова в 21 вып. «Летописи запятый», в прилож. к основной массе «Соликамских актов», № 29].

№ 3. ПАМЯТЬ СУЗДАЛЬСКОГО ВОЕВОДЫ ШУЙСКИМ КАБАЦКИМ ОТКУПЩИКАМ 20 СЕНТ. 1612 г.

Лета 7121-го сентября в 20 де(нь).

По указу Московского государства бояр и воевод и по грамоте столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского и по совету всяя земли от воеводы от князя Романа Петровича Пожарского кабатцким откупщиком старосте Филиппу Васильеву с товарищи. Откупили есте в полкех у бояр и воевод и у столника и воеводы у князя Дмитрея Михайловича Пожарского в Шуге на посаде кабака на нынешней 121-й год за триста рублей², и грамота о том в Шуге³ к воеводе ко князю Ивану Давыдовичю прислана, что велено вам в Шуге на посаде кабака держати, а откупные вам денги платити на три сроки по грамоте: первой срок декабря в 1 де(нь) заплатити вам сто рублей, другой срок заплатити сто рублей марта в 1 де(нь), третье сто заплати(ти) вам и кабака отказати до своего откупного сроку за два месяца. А откупные денги по грамоте столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского платити вам велено в Галицкой чети дияку Васил(ь)ю Июдину. И как к вам ся паша памят(ь) придет, и вы б в Шуге на посаде кабака за собою держали, а откупные денги привозили бы есте в Суздал(ь) к воеводе ко князю Роману Петровичю Пожарскому с товарищи на жаловав(ь)е ратным людям, и вам в тех денгах велят дати отпис(ь).

К сему наказу воевода князь Роман Петрович Пожарской печать свою приложил.

¹ «И неокладные» в оригинале написано два раза.

² «За триста рублей» вписано над строкой.

³ «В Шуге» вписано над строкой.

[Подлинник, на двух листках, черная печать сохранилась. Подклейте: «Дияк Добрыня Семенов». Из коллекции Борисова в Археогр. ком.; по описи М. Г. Курдюмова — «Летоп. занятий», вып. XXVI, № 1].

№ 4. ЦАРСКАЯ ГРАМОТА В ШУЮ 9 МАРТА 1613 г.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси в (Шую) Ивану Яковлевичю Блохину. Били нам челом шуяне посадски(е) люди, земской староста Трофимко Дубовиков и во всех шуян посадских людей место, а сказал: приезжают дей к ним в Шую наши посланники, и гонцы, и казаки, и стрелцы, и всякие ратные люди и в ныне города, и по дорогам их шуян посадских и приезжих торговых всяких людей грабят и на торгу в Шую лошади отнимают, и оттово всякие люди с торгу бегают, а у них, шуян, (ратн)ые люди кормы свои и конские и подводы емлют насилством и те дей подводы у них проводят, и оттово им продажа чинитца великая, и оттово де они, шуяна и уездные люди, боясь насилства, на торг не ездят, а им де для своих промыслов ездити по городом и в уезды нелзе, и оттого де насилства промыслу своего отстали; да пих же де, посадских людей, дворяне и дети боярские розных городов, и суздальцы и их люди емлют на Москве зазывные грамоты в ысех, и в том де им продажа чинитца великая: да в нынешнем де во 121-м году генваря в 29 де(нь) прислан из Володимера от чапника нашего и воеводы от Василья Бутурлина да от столника и воеводы от Ивана Измайлова с товарищи Неудача Малцов для подымных и лавочных денег, а те деи подымные и лавочные денги Неудача Малцов, собрав, отвез в Володимер; да в нынешнем же во 121-м году присланы из Суздаля от князя Романа Пожарского грамоты, а велено взять с Шуи с посаду с чети сохи сто пятьдесят чети ржи, сто пятьдесят чети овса, а собрав тот хлеб, велено привезти в Суздал(ь) ко князю Роману Пожарскому стрелцом Микифоровы сотни Михайлова, и им де того хлеба платити невозможно, и нам бы их пожаловати для их бедности и разорения, того хлеба правит(ь) на них не велети. И будет так, как нам староста Трофимко Дубовиков и во всех шуян посадских людей место бил челом, и как к тебе ся паша грамота придет, и ты б на шуянах, на посадских людех для их бедности и разоренья ржи и овса в Суздал(ь) правити не велел и ото всяких обид и насилства и от наших посланников и гонцов и от сторонних людей оберегал, чтоб им насилства и продажи никакие ни от ково ¹ не было; а которые люди привозят по шуян, по посадских людей, зазывные грамоты в ысех, а по тем грамотам давати их на поруки, а за поруками присылати к Москве, и ты б по тем грамотам в ысцовых ысех шуян, посадских людей, на поруки не давал, а судил бы еси шуян, посадских людей, в ысцовых ысех в Шую и с судных дел пошлинные денги записывал, а на расходы бы еси тех денег не давал, а присылал к нам, к Москве,

¹ В подлиннике — гово.

в Галицкую четъ; а которое будет судное дело вершити тебе не мочно и ты б то судное дело за своею печатью прислал к нам, к Москве, и велел то судное дело отдати в Галицкой чети дьяку нашему Михайлу Бегичеву.

Писана на Москве лета 7121 марта 9 де(нь).

На обороте: В Шую Ивану Яковича Блохину.

Ниже другим почерком: 121-го марта в 17 де(нь) привез государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоту шуянин У...т¹ Федоров.

Далее другими чернилами и третьим почерком: 25 алтын Трофимко Дубовиков.

[Издается по подлиннику — в той же коллекции Борисова, № 2; он на двух листках, по склейке скрепа: «Днак Михайло Бегичев». Акт кое-где порван; в испорченных местах текст дан по находящейся здесь же современной копии.]

№ 5. ОТПИСКА В ПОЛУЧЕНИИ С ШУИ ПУШЕЧНЫХ ЗАПАСОВ МАРТА 1613 г.

Лета 7121 г. марта в день². По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по приговору и по наказу боярина и воеводы князя Дмитрея Тимофеевича Трубецког(о) да столника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарског(о) за приписью дьяка Михайла Бегичева подъячей Михайло Неверов взял у шуян, посацких людей, у старосты Ил(ь)и Овдокимова с товарищи на пушечну... бу³ против иных платежниц с чети сохи по розводу сошного писма против уезду всяких земель двенатцать аршин холстов лняных и посконных, девять пятков лну и поскони, пятнатцать гривенок смолы, в том им и отпись дал. А отпись писал яз, Михайло, своею рукою.

[Издается по подлиннику; в той же коллекции Борисова, № 3, столбец второй.]

¹ Имя привезшего не разобрано.

² Для числа оставлено место.

³ Вырвано; должно быть, — «пушечную стрельбу».

Приложение второе

О РУКОПРИКЛАДСТВАХ НА «УТВЕРЖЕННОЙ ГРАМОТЕ»

До самого последнего времени главнейшим и почти единственным источником для выяснения личного состава избирательного Собора 1613 г. были рукоприкладства на обратной стороне «Утвержденной грамоты об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова», хотя специальному критическому обследованию с точки зрения пригодности их для названной цели они и не были подвергнуты.

Лицевая сторона нашего документа — текст его давно уже стал предметом особого изучения. Давно уже — в 1883 г. — С. Ф. Платоновым было указано на заимствования в тексте Утвержденной грамоты 1613 г. из избирательной грамоты Бориса Годунова, из наказа посольству в Кострому и его известительной грамоты¹. Теперь благодаря работе С. А. Белокурова мы знаем и другие источники Утвержденной грамоты, знакомы с первоначальным проектом ее, имеем очень отчетливое издание с указанием мельчайших отличий текста обоих экземпляров грамоты и ее источников и проекта. Тот же исследователь дал нам и подробное описание внешнего вида обоих экземпляров, их бумаги с измерениями всех листов и т. д.². Все это позволяет теперь надлежащим образом оценивать текст Утвержденной грамоты как источник для истории царского «обирания» 1613 г.

Меж тем обратная сторона — рукоприкладства остаются без исследования. «Собственноручные» подписи, печати (высших духовных особ) вызвали к себе такое доверие у ученых, что как бы усыпили в них необходимость особой критической работы над этим материалом. Даже весьма страшные, нигде более в современных Утвержденной грамоте материалах не встречающиеся, фамилии некоторых очень видных лиц, вроде окольного Фед. Лунина, стольников кн. Фед. и Петра Ипатьевых, кн. Юр. Липецкого (так они печатались в самом авторитетном до 1904 г. издании — в I томе Собр. гос. грам. и дог.), как-то не возбуждали недоумений, не будили критической настороженности к источнику; несоответствие

¹ Заметки по истории московских земских соборов в Статьях по русск. истории, изд. 2-е, стр. 11—12, в прим. 2.

² Предисловие к изд. грамоты 1904 и 1906 гг.

числа подписей и печатей (5 и 7) архиепископов и епископов совсем не останавливало внимания пользовавшихся грамотой.

Вопроса о том, все ли упомянутые в рукоприкладствах были членами Собора, не ставилось. Молчаливо, но категорически было признано, что названы там действительно участники царского «обирания», и во всех случаях, когда давались биографии лиц, значившихся на обороте Утвержденной грамоты, обязательно отмечалось, что такой-то был членом Собора, избравшего в царя Михаила Федоровича. Если не ошибаюсь, мне первому пришлось поставить этот вопрос. Но гриппоз источник был так силен, что и я лишь в случаях уже явных противопоказаний решался вычеркнуть того или иного рукоприкладчика из числа членов Собора. «Презумпция участия» подписавших Утвержденную грамоту и для меня во время писания «Очерка» (для «Журнала Мин. нар. просв.») стояла совершенно твердо.

Решая без обсуждения один важнейший для оценки рукоприкладств вопрос о принадлежности их именно участникам Собора, исследователи не осветили до конца и историю собрания подписей. Давно уже было обращено внимание на то, что некоторые члены Собора, — пользуясь обычной терминологией, — подписали Утвержденную грамоту с чинами, полученными ими уже после составления этого документа, иногда на довольно большое время. И вот, например, Дм. Ив. Иловайский в примечаниях к VI главе своего «Смутного времени Московского государства», имеясь основываясь на указанных случаях, делал вывод, что «грамота сочинялась и редактировалась довольно долгое время, причем соборные подписи ее могли также прикладываться разновременно» (стр. 314), но не обосновал, как следует, и не развивал этой мысли. Позже С. А. Белокуров в предисловии к изданиям Утвержденной грамоты 1904 (большого размера, фототипическое) и 1906 гг. подробнее остановился на вопросе о собрании подписей, доказывал, что они давались и в 1614 и в 1615 гг., определял, хотя и не во всех случаях верно, время подписывания грамоты несколькими лицами. Наконец, в самое последнее время этого вопроса коснулся Л. М. Сухотин в рецензии на мой «Очерк» и в противоположность предшественникам признал наиболее вероятным, «что подписи собирались в самые первые месяцы после избрания царя, может быть, в апреле или мае (когда грамота была готова)». В обоснование своего взгляда Л. М. Сухотин указывал на то, что кн. Ал. Сицкий и кн. Гр. Ромодановский могли подписать грамоту *боярами* до пожалования их царем Михаилом, первый как боярин Вора, второй как пожалованный «при литве»; Пожарский и Черкасский подписались с новым сапом «до официальной сказки», так как «выполне вероятно, что о предстоявшем пожаловании в бояре знали раньше»; наконец, относительно *боярина* кн. Ив. Хованского «нет ничего невероятного», что и у него «могли быть претензии на боярский сап» как у человека, выдвинувшегося службой Шуйскому и во втором ополчении и занимавшего посты выше *окольного* Сем. Головина (в Ярославле)¹.

¹ Цитир. «Замечания», стр. 12 в прим.

Считая более правильным взгляд Д. И. Иловайского и С. А. Белокурова, замечу здесь же по поводу соображений Л. М. Сухотина, что, во-первых, все перечисленные лица не боярами, а okolничим (Ромодановский), стольниками (Черкасский и Пожарский) и дворянами (Хованский и Сицкий) писаны в другом официальном документе, составленном приблизительно одновременно с Утвержденной грамотой, — в не раз цитированной «Докладной выписи 7121 г.»; что вообще боярами до сказки не именуется нигде ни один из них при царе Михаиле, когда не были признаны тушинские и сигизмундовы пожалования (исключение Трубецкой для первых и кое-кто из мелких людей — для вторых), а противоположных указаний можно было бы привести очень много; что было бы чрезвычайно странным, чтобы им разрешено было почему-то на документе особой важности писаться с чином, им в данный момент не принадлежавшим; что, наконец, Л. М. Сухотин не исчерпал всех подписавшихся с новыми званиями, например, ничего не сказал о боярах Б. М. Салтыкове, кн. Ив. Одоевском и некоторых других. Нужно признать, что Утвержденную грамоту каждый подписывал в том чине, каким обладал в момент подписания.

При переработке «Очерка» для отдельного издания и я, частью во исполнение пожелания Л. М. Сухотина, занялся датировкой рукоприкладств и в результате пришел к выводу, уже формулированному выше на страницах «Очерка». Здесь я и постараюсь изложить свои наблюдения и обосновать высказанные в «Очерке» суждения.

Но прежде чем перейти к этому, считаю не лишним остановиться еще на одном мнении относительно Утвержденной грамоты, совершенно обесценивающим этот документ и делающим ненужной кропотливую работу по датировке рукоприкладств. Это мнение кн. П. Долгорукова, который, как я уже указывал в «Очерке», объявил, что Филарет, восстанавливая самодержавие, приказал переписать и переделать в нужном ему духе Утвержденную грамоту. В случае справедливости мысли Долгорукого мы имели бы в Утвержденной грамоте с тем текстом, какой дошел до нас, очень поздний (не ранее 1619 г.) документ и совсем иначе должны были бы относиться к ней.

То обстоятельство, что оба экземпляра грамоты писаны на одной и той же бумаге, что архивский экземпляр писан одним почерком и, очевидно, в короткий срок, заставляет признать, что если при Филарете что-нибудь делали с Утвержденной грамотой, то не изымали из нее отдельные листы или части их и заменяли новыми с иным текстом¹, а именно всю целиком переписали вновь, переделав изложение, как угодно было патриарху. Но в таком случае новыми являются и все рукоприкладства: они или сплошь подделаны, ибо переписаны не одной рукой, как это бывает в копиях, или же

---

¹ Мы знаем, что часть текста Утвержденной грамоты была переделана по ее написанию, но это было сделано сейчас же, ибо воспользовались для вставки той же бумагой и той же рукой — см. предисл. С. А. Белокурова, стр. 5.

частью подделаны, частью собраны вновь. Подделку во всяком случае нужно признать, если принимать мнение Долгорукого, для подписей лиц уже умерших, а их было не мало. Даже если предположить, что Филарет занялся Утвержденной грамотой в первые же месяцы по возвращении, то ведь и к этому времени уже не было в живых, например, митрополита казанского Ефрема, архиепископов Феодорита рязанского и Герасима суздальского, епископов Сильвестра и Иосифа, архимандритов Павла (Симонова монастыря) и Феодосия (нижегородского Печерского монастыря), подписи коих имеются на Утвержденной грамоте ¹, боярина кн. Андр. Петр. Куракина (впрочем, за него руку приложил окольный Фед. Головин), дьяка, скрепившего по склейкам оба экземпляра Утвержденной грамоты, П. Третьякова ² п др. За них, не оговаривая этого, очевидно, подписывались иные лица. Кто-то другой должен был расписаться именем и боярина кн. Ив. Сем. Куракина, бывшего тогда воеводой в далеком Тобольске ³. Примеров необходимой подделки рукоприкладств можно было бы привести и еще несколько, и количество их должно все более возрастать, если мы будем отодвигать момент «персписки» Утвержденной грамоты все далее. Между тем в тех случаях, когда возможно сравнение подписей одних и тех же лиц в Утвержденной грамоте и других документах, например, боярских грамотах января 1612 г. (Собр. гос. грам. и дог., т. II, стр. 582), на жалованной Трубецкому января 1613 г. (воспроизведены фототипически при статье Н. П. Лихачева в III т. «Нумизматического сборника» — «Земская печать Московского государства в Смутное время»), то находящие себе параллели подписи Утвержденной грамоты вообще и в частности из вышеназванных рукоприкладства архиепископа Феодорита, архимандрита Павла и Ив. Куракина, по крайней мере, на неопытный взгляд неспециалиста, не возбуждают сомнений относительно своей подлинности.

Далее. Если предполагать не сплошную подделку подписей (это было бы удобнее, чтобы не вызывать лишних разговоров), а новое собрание их, по крайней мере, от тех, кто оставался в живых, то почему одних, и очень многих, заставляли, очевидно, подписываться со старыми чинами, в коих они состояли во время цар-

¹ Их рукоприкладства 1, 4, 5, 7, 8, 12 и 16—17-е; об их кончинах у *Строева*, Списки иерархов, ст. 287, 656, 415, 379, 1031, 151 и 610.

² Куракин умер в 7123 г. — Древн. рос. вивл., над. 2-е, т. XX, стр. 89, см. под этим годом; Третьякова не стало между 16 мая 1618 г., когда им подписана подтверждающая грамота Вожеова. Спасск. мон. (Обзор грам. Колл. экон. С. А. Шумакова, вып. II, стр. 39—40), и 13 июня того же года, которым помечена грамота в Арзамас об его поместье, данная по челобитью его вдовы — Арзам. поместные акты, № 408. Рукоприкладство за Куракина — 40-е; о скрепе Третьякова — в копии 1736 г. (в издании С. А. Белокурова, стр. 9, прим. 3); об экземпляре Оружейной палаты — также в прим. к рукоприкладствам на стр. 78, прим. 1 и 5, 81, 83, 86 и 92 — на всех прим. 1 об архивском экземпляре.

³ Ив. Сем. Куракин послан в Тобольск в 123 г. (Дворц. разр., т. I, ст. 195, и Кн. разр., т. I, ст. 80) и оставался там до 25 мая 1629 г. (Древн. рос. вивл., над. 2-е, т. III, стр. 132, и ряд документов, например, в РИБ, т. II, № 110, 254, I, VIII); его рукоприкладство 44—43-е.

ского «обирающа», другим позволяли воспользоваться вновь полученными званиями? Примеры последних приведены выше при изложении и разборе мнения Л. М. Сухотина. С другой стороны, в 1619 г., например, Арсений был архиепископом не архангельским, как в 1613 г. и в Утвержденной грамоте (подп. 6-я), а суздальским, Матфей (подп. 17—15-я) не игуменом Кирилло-Белозерского монастыря, а митрополитом казанским¹; Данил Мезецкий был уже боярином, а подпись его с чином окольного (подп. 50-я); боярами были кн. А. В. Лобанов-Ростовский и кн. Юр. Сулешов, хотя в Утвержденной грамоте первый подписался чапником (подп. 50-я), второй без обозначения чина, но среди стольников, а не бояр (подп. 62—66-я); Сем. Фед. Глебов и кн. Ив. Путятин были уже дворянами московскими, а написались выборными, первый с Мещовска, второй из Арзамаса² и т. д. Наконец, «переписка» грамоты неизбежно влекла за собой и подделку привешенных к ней печатей духовных лиц, всех или, по крайней мере, 5 умерших, а из живых архиепископу Арсению необходимо было воспользоваться своей старой, едва ли хранившейся, печатью с титулом архиепископа архангельского.

Таким образом, «переписка» Утвержденной грамоты при Филарете представляется делом очень сложным, требующим участия даже при сплошной подделке нескольких лиц, а при новом собирании подписей очень многих. Нужно ли и удобно ли было патриарху Филарету, даже с точки зрения кн. Долгорукого, действовать так почти или совсем явно в деликатном, требующем тайны предприятии? Не проще ли было, восстановив фактически самодержавие, предоставить лежать в типичном архивном документе, даже если в нем были какие-нибудь обличающие патриарха в нарушении клятв или обещаний указания на ограничения власти его сына, или же тайно помочь исчезнуть неприятному свидетельству?

Итак, доказать «переписку» Утвержденной грамоты, кажется, совершенно невозможно и, наоборот, принятие такого предположения ведет к целому ряду едва ли разрешимых недоумений и противоречий, да и трудно обосновать самую необходимость такой «переписки», особенно если принять во внимание, что у нас нет решительно никаких указаний, чтобы в Утвержденной грамоте говорилось об ограничениях власти царя Михаила. Мы должны оставаться при том общераспространенном убеждении, что перед нами подлинный документ. Значит, рукоприкладства на обороте — это собственноручные или, в случаях подписей за другого, по просьбе данного лица и в его присутствии данные подписи тех именно лиц, о которых они говорят, сделанные на грамоте, которая была при-

¹ Об Арсении см. его биографию в работе А. Дмитриевского, *Архиеп. Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории*, Киев 1899, стр. 39 и сл. О поставлении Матфея — в Доп. к Дворц. разр., изд. Забелиным, Чтен. Общ. ист. и древн., 1882, I, стр. 40.

² Мезецкому боярство сказано 1 октября 1618 г. — Дворц. разр., т. I, стр. 299; Лобанову-Ростовскому и Сулешову — 2 февраля 1615 г. — там же, стр. 170. Глебов и Путятин значатся дворянами московскими уже в «Книге» 7124 г. — АМГ, т. I, № 108, стр. 145 (Глебов) и 146 (Путятин).

готовлена (в двух экземплярах) для подписывающа в мае 1613 г. К этому прибавим ранее сделанный вывод, что подписывавшиеся обозначали тот чин, если они это делали, который носили в момент рукоприкладства, и теперь можем приступить к выяснению датировки рукоприкладств.

С. А. Белокуров в предисловии к Утвержденной грамоте привел указ о том, в каком порядке должны были «прикладывати руки к Утвержденной грамоте» отдельные группы членов Собора, и показал, что он был соблюден, хотя и не вполне. Он же обратил внимание и на пробелы между рукоприкладствами, так и оставшиеся незаполненными, как на свидетельство того, «что для каждой категории чинов было оставлено особое место»¹. Эти пробелы, эти назначенные для групп места и обнаруживают, что собрание подписей велось не так, чтобы «члены Собора» в какой-нибудь сравнительно короткий срок подписывали грамоту в строго установленной очереди: сначала первая группа вся целиком, затем только вторая, лишь после нее третья и т. д. Нет, наоборот. Очевидно, в одни и те же дни попеременно между собой могли являться для подписи члены разных групп, но каждый прикладывал руку на месте, отведенном для его группы (хотя в отношении места, как увидим ниже, были и отступления). Таким образом, подписка Утвержденной грамоты могла быть начата даже в один и тот же день членами разных групп, и продолжение собрания подписей или прекращение этого в одной группе ничем не было связано с другими.

По группам я и буду рассматривать рукоприкладства.

Первые места на обороте Утвержденной грамоты занимают 32 рукоприкладства членов Освященного собора. Естественным является предположение, что эти подписи и даны первыми. Однако обосновать можно лишь менее определенное положение, что эти подписи принадлежат к числу ранних, да и то не все. Выше, на страницах «Очерка»², я уже указывал, что в данных за 7121 г. нет никаких указаний на митрополита Иону сарского. Конечно, вообще-то нельзя делать заключений из молчания источников, но когда митрополит не упоминается в связи с историей избирательного Собора, со встречей давножданного царя, в описании царского венчания, в котором, конечно, принимал бы участие заместитель патриарха, то молчание источников становится показательным, и мы вправе отнестись с сомнением к недокументированной отметке Строева, что Иона поставлен в митрополиты «в начале 1613 г.»³. В «Очерке» же я привел и самый ранний документ с именем Ионы, как митрополита, 21 янв. 1614 г. Очевидно, не ранее 7122 г. дана была подпись Ионы. Что же касается остальных семи владык, то все они в мае 1613 г. были в Москве и подписали грамоту Строгановым, хотя и не датированную, по посланную вместе с царской грамотой от 24 мая⁴. Шесть из них указываются в Москве и раньше

¹ Стр. 4, прим., стр. 12 и на ней прим 2.

² См. стр. 187.

³ Списки иерархов, ст. 1035.

⁴ ЛАЭ, т. III, № 4, ср. № 3.

и определенно названы в качестве принимавших участие в венчании царя¹; только об Иосифе, епископе коломенском, нет нищих, кроме грамоты Строгановым, определенных указаний². Таким образом, была возможность именно в мае подписать епископам и Утвержденную грамоту. С другой стороны, нельзя и отодвинуть далеко рукоприкладства этих лиц. Так, архиепископ Арсений, всюду ранее обозначавший себя или обозначавшийся архиепископом архангельским, т. е. Архангельского собора в Москве³, уже грамоту Строгановым подписывал как «архиепископ архангельский и тверский и кашинский», т. е. уже был предназначен к замещению пустовавшей кафедры тверской и летом 7122 г. во всяком случае был уже на месте повой службы⁴. Сильвестр, поставленный во епископа корельского и лишь самозванно именовавший себя архиепископом вологодским, подписал Утвержденную грамоту своим настоящим званием — «епископ корельский и ореский», но 25 или 26 июня был перемещен на псковскую кафедру и епископом псковским именуется в «чине венчания» царя Михаила⁵. Осенью 1613 г. Сильвестр выехал во Псков, 28 октября был уже там и в Москву, очевидно, более не возвращался; в июле 1614 г. Псков оказался в осаде, причем владыка оставался с паствой и во Пскове умер 1 декабря 1614 г.⁶.

¹ Кирилл, митр. ростовский, упоминается во всех грамотах Земского собора; он, архиепископ Феодорит рязанский, и Арсений архангельский подписали жалованную грамоту Трубецкому; Феодорит же 21 февраля объявлял народу имя новоизбранного царя, а потом во главе соборного посольства поехал в Кострому (см. выше, стр. 222) и вернулся уже вместе с царем и митроп. Ефремом 2 мая (Дворц. разр., т. I, прилож. № 66 и 67); Герасим, архиеп. суздальский — встречал царя под Москвою (там же и ст. 88); Сильвестр к 20 февраля был уже в Москве и также встречал 1 мая государя (АЮ, № 118, и его письмо о встрече Михаила — Волог. епарх. вед., 1865, № 20, стр. 800—801, см. также ниже). О царском венчании — СГГр и Д, т. III, № 16; здесь все участвовавшие епископы названы или по именам или по титулам, как архиепископы суздальский, рязанский, архангельский.

² Затрудняюсь признать доказательством присутствия Иосифа постоянное упоминание *епископов* (множ. число, хотя кроме Иосифа тогда был всего один Сильвестр) и в грамотах Земского собора, и в только что цит. письме Сильвестра, и в «чине венчания» Михаила Федоровича; ведь здесь могла невольно проскользнуть обычная формула.

³ См., например, СГГр и Д, т. II, № 93 (1605 г.); АИ, т. II, № 355 (с пояснениями «у царских гробов», «и служит завсегда по родителям государьских», 1610 г.); Сборник. Имп. рус. ист. общ., т. 142, стр. 277—281 (1611 г.). грамота Трубецкому 1613 г.

⁴ РИБ, т. XXVIII, ст. 36, 43—45, а также указанная выше работа А. Дмитриевского, стр. 37—39.

⁵ О поставлении Сильвестра см. Списки иерархов, ст. 1051; его именуют архиеп. вологодским, например А. до Ю. б., т. II, № 191 и 193; АЮ, № 118; сам он титулует себя архиеп., например Волог. епарх. вед., 1865, № 20, стр. 799—801, две грамоты, Летоис. Зан. Археогр. ком., вып. II, Вологодские акты, № 1 и 2. О незаконности этого титулования и о назначении его во Псков — указ. номер Волог. епарх. вед., стр. 791—792, прим., и 794 в статье Н. Суворова, Историч. сведения об иерархах древнерусск. и волог. еп. и в его же работе Описание волог. каф. Софийского собора, № 1863, стр. 175—178 (прилож. 40).

⁶ О приезде его во Псков — ПСРЛ, т. IV (1843 г.), стр. 330; об осаде Пскова — Дворц. разр., т. I, ст. 186—188, 208—210, и Повесть о приходе-

Смерть митрополита Ефрема (26 декабря 1613 г.) давно уже стала опорным пунктом в датировке рукоприкладств вообще; теперь мы видим, что есть и иные, ведущие ближе к цели. Отодвигать далеко рукоприкладства епископов, как уже указано выше, не позволяют и кончины Герасима суздальского (вероятно, в 1615 г.) и Феодорита рязанского (10 сентября 1617 г.)¹.

Все восемь владык не только подписали Утвержденную грамоту, но и приложили к ней свои печати. Но печати есть и лишние сравнительно с рукоприкладствами, одна архиепископская и одна епископская. На обеих в их современном состоянии, судя по фотографии², можно прочесть титул приложивших их — архиепископа вологодского и епископа астраханского, имен же разобрать, мне, по крайней мере, не удалось. В 1723 г., когда с архивского, гораздо лучше сохранившегося, экземпляра грамоты снимали копию, были срисованы и печати, причем имена архиепископа вологодского и епископа астраханского были прочтены как Макарий³. Мне думается, что здесь ошибка. Прочитав более ясный и теперь последний слог в именах, подставили начало произвольно, взяв обычное имя Макарий вместо не столь частого Ануфрий для астраханского епископа и совсем уже редкого Нектарий — для архиепископа вологодского. Действительно. В тексте «Очерка» я уже упоминал, что Нектария, тогда еще архиепископа охридского, приглашали на избирательный Собор, что он 25 или 26 июня был назначен архиепископом вологодским. Принимал он участие и в венчании царя и оставался в Москве, во всяком случае, до лета 1614 г.⁴. Естественно и было ему приложить свою печать к грамоте, у которой места, очевидно, были оставлены. Меж тем Макарий был поставлен архиепископом вологодским только 9 февраля 1617 г.⁵, и приложение им печати было бы очень поздним. Еще более сомнительным кажется данное в конии 1723 г. чтение имени астраханского епископа. Макарий поставлен архиепископом Астрахани 13 января 1629 г., меж тем печать, как это видно по букве, сделанной из шпура, епископская⁶, и, кроме того, второй экземпляр Утвержденной грамоты, хранящийся ныне в Оружейной палате, к 1629 г. уже успел

нии швейцарского короля с немцами под град Исков в Чтен. Общ. ист. и древн., 1869, кн. 1, смесь, стр. 3—8. О Сильвестре еще с упом. и смерти — РИБ, т. XXVIII, ст. 783—785; точная дата у *Строева*, ст. 379.

¹ *Строев*, Списки иерархов, ст. 636 (ср. цит. работу Дмитриевского, стр. 38—39) и 415.

² Мне не было возможности пользоваться оригиналами грамоты.

³ Цит. печатное изд., стр. 9; фототип., последн. таблица.

⁴ Работы *Суворова*, что выше были цит. для Сильвестра, стр. те же; волог. епарх. вед., 1865, № 5, стр. 173—176—два челобитья Нектария царю без дат, но в первом упом. «нынешний 121 г.»; по первому—царская грамота на Двину от 8 августа 121 г. в колл. Саввантова из собр. Археограф. ком., № 19, здесь же — № 20 — отписка Нектарию в Москву, писанная в январе 1614 г.; еще ряд отписок ему же с Вологды, кончая июнем, — в РИБ, т. II, № 190.

⁵ Доп. к Дворц. разр., стр. 89 (Чтен. Общ. ист. и древн., 1882, I) и Списки иерархов, ст. 731.

⁶ Впрочем, по своему изображению — благословляющей руки — она как будто архиепископская.

сильно пострадать от пожара 1626 г., так что у нее все печати «растопились», а было и здесь три епископских печати, из которых одна и приходится на долю астраханского владыки. До Макария же после умершего еще в 1606 г. Феодосия кафедру в Астрахани занимал Ануфрий, поставленный 15 февраля 1615 г.¹ Ему, очевидно, и принадлежит третья епископская печать.

На вопрос, почему же Нектарий и Ануфрий не подписали Утвержденной грамоты, как это сделал митрополит Пона, ответить не умею. Впрочем, таких педоуменных вопросов по поводу рукоприкладств можно поставить и еще несколько.

Перехожу к подписям остальных членов Освященного собора: архимандритов, игуменов и келарей. Из 24 их подписей 18 принадлежат приезжим (келаря Троице-Сергиева монастыря можно причислить к московским). Эти последние в общем реже приезжали в Москву, чем епископы, и естественно было властям воспользоваться первым же случаем, чтобы заставить их приложить руки к Утвержденной грамоте. Но только относительно 13 из всех подписавших можно определенно говорить, что они были в столице весной и летом 1613 г. — это архимандриты Арсений Чудова монастыря, Павел Симонова, Корпилий из Свияжска, Сергей Андронников монастыря, Кирилл Пинатьевский, Феофил из Ярославля и Митрофан из Суздаля, игумены Матвей белозерский, Арсений костромской и Пётр ростовский и оба келаря — Авраамий (Палицын) и Мисаил Чудова монастыря²; относительно трех можно с большою вероятностью утверждать, что они лично подавали в это же время челобитья в Москве — архимандрит Феодосий из Нижнего, и Трифон с Рязани, и игумен московского Богоявленского «из Ветошьнова ряду» монастыря Симеон³. Все названные 16 лиц и могли подписать грамоту летом 1613 г. Но у нас нет данных решительно отрицать эту возможность и для остальных. Вместе с тем одна из подписей только и могла быть дана в ближайшие за составлением Утвержденной грамоты месяцы — Павла, архимандрита Симонова монастыря, ибо к началу ноября 1613 г. архимандритом здесь был уже Принарх⁴. Далее, если только правильно предположение, что подписи

¹ Об астрах. владыках — Списки иерархов, ст. 309—310. О том, что Макарий был архиепископом, см., например, АИ, т. III, № 154, стр. 267; док. данных об Ануфрии не нашел, но по «записке» конца Смуты в Астрахани полагается епископ — АИ, т. II, № 355. Об экз. Оруж. палаты см. печ. изд., стр. 8—9, и СГГр и Д, т. I, стр. 636.

² Четверо подписывали грамоту Строгановым, 10 упоминаются в «чине венчания» царя; 8 подписали и грамоту Трубецкому. К числу последних принадлежит и Сергей андронниковский, более нигде не упоминаемый, но как московский архимандрит, очевидно, оставшийся в Москве, и Феофил ярославский, в марте возвращавшийся в Ярославль, а потом снова выезжавший в Москву, сколько можно судить по полученным им жалованным грамотам, — см. Историч. акты яросл. Спасского мон., т. I, 1896, № 70, 71, 72, и Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 163; его подпись есть и на грамоте Строгановым.

³ Об их челобитьях — Перв. месяцы..., стр. 59, 84 и 76.

⁴ О Павле — АИ, т. II, № 339 и 343, грамота Трубецкому, «чин венчания», и Н. П. Попов, Описание рукоп. Симон. мон. в Чтен. Общ. ист. и древн., 1910, кн. II, стр. 117 (август 1613 г.); об Принархе — В. Пассек, Истор. опис. моск. Симон. мон., М. 1843, стр. 146 и сл.

старались собрать поскорей, то именно летом должен был подписывать архимандрит Феодосий из Нижнего, ибо в начале сентября он был уже в своем монастыре; к октябрю успел возвратиться в родную обитель и Матвей белозерский; в ноябре был у себя в Прилуцком монастыре и игумен Кирилл¹. Наконец, для датировки этих рукоприкладств нужно иметь в виду, что о Сергии, архимандрите Андроникова монастыря, нет сведений позже 1614 г. и что игумен Белозерского монастыря Матфей 7 февраля 1615 г. был поставлен в митрополиты Казани².

Отсутствие подписей архимандритов Дионисия Троице-Сергиева монастыря и Иосифа Новоспасского монастыря, о которых речь была уже на страницах «Очерка», и Макария из Казани, упоминаемого дважды в «чине венчания» царя Михаила, явным образом свидетельствует о случайности выбора лиц, скреплявших грамоту; по крайней мере, по поводу этих и других лиц, о которых ниже, трудно привести какие-нибудь основания для их устранения или неприглашения.

Следующая группа рукоприкладств принадлежит боярам, для которых, как отметил уже С. А. Белокуров, было отведено особое место отдельно от окольничих. Подписи бояр датируются с большой определенностью.

В первой же строке третьей, последней направо, стоит подпись *боярина* кн. Ал. Юр. Сицкого. Сицкий пожалован в бояре только 25 марта 1615 г. и мог подписать Утвержденную грамоту или вскоре вслед за пожалованием до сентября 1615 г., когда он отправился в посольстве под Смоленск, или уже по возвращении из-под Смоленска как-нибудь в конце 7124 г., ибо 16 июня только еще последовал указ об отпуске его к Москве и вместе о назначении на его и другие места новых воевод³. Подпись Сицкого уже была отмечена в отношении датировки С. А. Белокуровым. Однако Л. М. Сухотин, считая, что если относить к 1615 г. подпись Сицкого (и Ромодановского и за Хованского), «то и остальные подписи на грамоте (бояр, по крайней мере) следует датировать тем же временем», постарался, чтобы избежать затруднений в датировке других подписей, ответить, так сказать, эту подпись указавшем, что и до 25 марта 1615 г. Сицкий мог подписаться боярином как боярин Вора. Я уже отмечал выше, что, однако, Сицкий нигде не титулуется боярином в 7121—7123 гг. до самого сказанья ему боярства⁴. Но, кроме того, подпись его не может решать вопроса о датировке других подписей. Не говорю уже о митрополите Ефреме, который подписался вообще первым

¹ РИБ, т. II, № 189, Доп., к АИ, т. II, № 10; АЮ, № 343, III, 339, XI.

² Строев. Списки иерархов, ст. 170, Чтен. Общ. ист. и древн., 1882, кн. I, Доп. к Дворц. разр., ст. 40.

³ Дворц. разр., т. I, ст. 174, 180, 187 и 197 (и Книги разр., т. I, ст. 89). 198, 227 (и Кн. разр., т. I, ст. 94); о последующем пребывании в Москве — там же, ст. 270, 310, 356 и др.

⁴ Уже указ. ранее Докл. выпись, стр. 17; Разр. зап. за См. время, стр. 25; Дворц. разр., т. I, ст. 151; РИБ, т. XXVIII, ст. 777 и др.

и, значит, если уже заключать из местоположения рукоприкладств, должен был сделать это во всяком случае ранее Сицкого; не говорю и о «провинциальных выборщиках», так как и они ввиду отведения мест для подписей заранее могли подписывать (и действительно подписывали) грамоту ранее Сицкого. Но даже и подписи бояр не датируются рукоприкладством Сицкого; он подписался на оставшемся свободном месте, как сейчас увидим. Только относительно подписей, левее в той же строке расположенных, бояр-князей Мстиславского и Голицына подпись Сицкого заставляет сделать вывод, что они даны до нее. Но когда же? Когда даны ниже расположенные рукоприкладства? Ключ к решению этого вопроса для части подписей дает третье, крайнее направо в третьей строке рукоприкладство боярина кн. Ив. Одоевского.

Боярин Одоевский, подписавший Утвержденную грамоту, не мог быть боярином кн. Ив. Ник. Большим Одоевским. Этот последний, воевода Новгорода во время захвата его шведами, оставался здесь до самой смерти, последовавшей в 7124 г., до освобождения Новгорода¹. А кн. Ив. Ник. Меньшой Одоевский — в противовес построению Л. М. Сухотина, — как кажется, не имел к 7121 г. никаких «претензий на боярский сан», никогда за Смугу и в 7121 г. не титуловался боярином и, главное, совсем не мог подписывать Утверженной грамоты «в апреле или в начале мая»: только 14 апреля Собор вынес постановление о составлении грамоты, а Одоевский ранее назначенный в поход против Заруцкого, уже 17 или 19 апреля «отпущен с Москвы» и вернулся обратно едва ли ранее августа². Только 6 декабря 1613 г. кн. Одоевский был пожалован в бояре, в феврале ему была сказана «плавная» (т. е. на судах) служба под Астрахань опять на Заруцкого, и в самом конце марта он снова покинул Москву. Очистив Астрахань, кн. Одоевский остался в ней воеводой и в этом 7122 и в следующем 7123 г. и, вероятно, лишь в конце этого года сменил кн. Андр. Андр. Хованским³. Но и после этого до 7126 г. он совсем не упоминается в источниках. Так как эту судьбу разделяют с ним и два сотоварища по походу и воеводству — окольный Сем. Вас. Головин и дьяк Вас. Юдин, то причина молчания о них, очевидно, общая для всех и как-нибудь связана с их службой. Разгадку дает указание Дворцовых разрядов, что в 7124 г. «посланы в сыск» в Астрахань кн. Ив. Мих. Боря-

¹ Об его действиях в Новгороде в годы с 1611 г. см. в работе Г. А. Замiatина, К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол. Год смерти — в Древн. рос. вивл., изд. 2-е, т. XX, стр. 90; последнее известие о нем в просмотр. мною материалах относится к марту 1616 г., когда он уже «лежал при смерти больной в постеле», — Сборник. Имп. рус. ист. общ., т. 24, стр. 352, стр. 37, где отчество его дано неверно.

² О службе его в связи с историей второго земского ополчения шла речь в «Очерке». О походе на Заруцкого — Дворц. разр., т. I, стр. 91—95, и прилож. № 27, 31, 37, 38, 47 и 49, и Разр. зап. за См. время, стр. 208—209. О соборном постановлении — Утвержденная грамота, стр. 70—72.

³ Дворц. разр., т. I, стр. 120, 122 и 123; РИБ, т. XXVIII, стр. 69, 101, т. IX, стр. 83 и т. II, № 107; Дворц. разр., т. I, стр. 137—138, 153 и 193; для даты смены еще 178 (сменивший его Хованский в мае еще в Москве).

типский и дьяк Ив. Сукин¹. Предполагаю, что это «сыск» о каких-нибудь непорядках в управлении только что смещенных воевод вследствие допесения повых или жалобы жителей. Следствие, или даже и показание, или же опала государева и являются, думаю, причиной молчания источников. Признанные невинными или прощенные государем Одоевский с товарищи с 7126 г. вновь несут службу государеву. Отодвигать к этому — 7126 г. — подпись Одоевского было бы чрезвычайно смелым, и едва ли можно оправдать такой поздний срок другими подписями. Если же эта датировка неприемлема, то остаются для нее только зимние месяцы 7122 г.

Но подпись Одоевского — крайняя справа — предполагает сделанными ранее две левее расположенные в той же строке подписи. И если Фед. Ив. Шереметев мог в любой момент за 7—10 месяцев со времени составления грамоты до подписи ее Одоевским руку приложить, то кн. Ив. Мих. Воротынский имел возможность сделать то же лишь в первые месяцы по «уложению» грамоты, ибо еще в 7121 г. и, повидимому, до венчания государева уехал на воеводство в Казань и оттуда был «взят к Москве для литовского посольства» лишь к концу 7123 г.² А раз рукоприкладство Воротынского датируется маем-июнем 1613 г., то к этим же месяцам нужно отнести и единственную во второй строке подпись кн. Дм. Тим. Трубецкого, который и сам почти весь 7122 год провел вне Москвы³, и обе первые в первой строке (Мстиславского и Голицына). Таким образом, получаем вывод, что и бояре пачали подписывать Утвержденную грамоту в первое же время по ее изготовлении.

Четвертая строка боярских подписей занята одною — окольничего Фед. Вас. Головина за боярина кн. Андр. Петр. Куракина и уж заодно и за себя. Куракин в 7121 г. был воеводой в Ростове и разве в конце года мог прибыть в Москву, но затем оставался в столице, кажется, до самой кончины в 7123 г., до декабря. В эти годы был в Москве и Фед. Головин⁴. Однако следующие рукоприкладаства ведут к предположению, что подпись дана скорее в начале указанного срока, чем в конце его.

¹ Первые упоминания Одоевского, Головина и Юдина — Дворц. разр., т. I, ст. 300, 304 и 419 (на ст. 358 о Юдине ошибочно, ср. СГГр и Д, т. III, № 40); о сыске — там же, ст. 208.

² 1 мая Воротынский встречал под Москвою государя (Дворц. разр., т. I, ст. 88 и прилож. № 60—63, 66), но в «чине венчания» не упоминается. О воеводстве его и посольстве — Разр. зап. за См. вр., стр. 26; Изборник, стр. 360 и 362; Дворц. разр., т. I, ст. 152, 187 и 197; С. Б. Веселовский, Семь сборов, прилож. № 42, 43, 46—49 и 51.

³ Трубецкой в августе был назначен, а в сентябре «отпущен» под Новгород — Дворц. разр., т. I, ст. 104 и 107, 115—117; Изборник, стр. 358—359; РИБ, т. XXVIII, 92; Четв. См. врем., стр. 247. Вновь упом. в Москве в октябре 7123 г. — Дворц. разр., т. I, ст. 157; 12 июля 7122 г. «золотые» посланы ему за службу — РИБ, XXVIII, ст. 765.

⁴ О Куракине см. выше, стр. 200, прим. 1; Древн. Росс. вивл., т. XX, изд. 2-е, стр. 89. О Головине — РИБ, т. IX, стр. 522; Дворц. разр., т. I, ст. 122, 142, 170, 175—176 и др. В грамоте польским панам от имени бояр, писанной в декабре 1614 г., назван в числе приложивших печати Головин и отсутствует (очевидно, уже умер) Куракин — СГГр и Д, т. III, № 24, и Сборник Имп. Рус. ист. общ., т. 142, подписи на стр. 493 и 494.

Следующая, пятая, строка занята рукоприкладствами — слева направо — Пожарского, Вас. П. Морозова и Бор. Салтыкова. Пожарский получил сан боярина 11 июля 1613 г. и оставался в Москве, повидимому, без продолжительных отлучек до июня 1615 г. Но вторая подпись Морозова, который 28 апреля того же 1615 г. уже приехал на воеводство во Псков, где оставался до февраля-марта 1616 г., заставляет датировать предыдущую — Пожарского — или временем до апреля 1615 г. или же после сентября этого года, когда Пожарский мог вернуться в Москву ¹. Однако находящаяся ниже, в шестой строке и непосредственно под рукоприкладством Пожарского, подпись кн. Ив. Сем. Куракина, данная, очевидно, позже, требует первой, а никак не второй датировки, ибо в конце 7123 г. Куракин уже уехал на воеводство в Тобольск и с этого времени совсем не упоминается в Москве ².

Однако вернемся еще раз к пятой строке. Едва ли случайно последней в строке оказалась подпись Салтыкова, который позже Морозова и Пожарского стал боярином — 6 декабря 1613 г. Хотя он мог, конечно, и позже дать свою подпись ³, однако невольно рождается предположение, не даны ли были левее расположенные в той же строке подписи Пожарского и Морозова до сказанья боярства Салтыкову. Такой более ранней датировке нет никаких противопоказаний в боярских рукоприкладствах, и, наоборот, она находилась бы в полном согласии со всей историей собиранья подписей. Ведь пригласили же Одоевского, ставшего боярином в один день с Салтыковым, дать свою подпись вскоре по получении им сана боярина!

Если рассмотренные до сих пор подписи можно, а в значительной части и необходимо, отнести к 7121 и 7122 гг., то подписи, следующие за рукоприкладством кн. Ив. Куракина, наоборот, поздние. Действительно, рядом с Куракиным, но правее подписался боярин кн. Гр. Петр. Ромодановский (получивший новое звание только 25 декабря 1615 г.) ⁴. Второй термин, не позже которого была дана эта подпись, определяется следующей, занявшей конец шестой и всю седьмую строку, подписью Пожарского за боярина кн. Ив. Андр. Хованского. Вопреки предположению Л. М. Сухотина эта подпись, оставляя в стороне чин, не могла быть дана в апреле-мае 1613 г., если только не предположить подписки за отсутствующим

¹ В июне 1615 г. Пожарский послан на Лисовского и лишь осенью по болезни должен был прекратить борьбу с ним — Дворц. разр., т. I, ст. 181; Кн. разр., т. I, ст. 48—61 и 95; Новый Летописец, стр. 136—137, и Четв. См. вр., стр. 119—120, 129, 131, 183—185 и др. В марте 7124 г. он уже во главе комиссии по сбору третьей пятины — Семь сборов, стр. 61. О Морозове — Дворц. разр., т. I, ст. 183—184, 208—210 и ПСРЛ, т. IV (1843 г.), стр. 331.

² 19 марта 7123 г. Куракин еще в Москве, но в том же году назначен в Тобольск, куда прибыл к 24 января и где оставался по 25 мая 1620 г. — Дворц. разр., т. I, ст. 172 и 195; Древн. рос. вивл., изд. 2-е, т. III, стр. 132. А после не попал ли он в тюрьму, в которой сидел и в 7135 г.? — РИБ, т. IX, стр. 459.

³ Дворц. разр., т. I, ст. 120; вне Москвы в ближайшие годы не служил.

⁴ Дворц. разр., т. I, ст. 208.

ших, а это еще надо было бы доказать. Весь 7121 г. с марта и начало 7122 г. Хованский сидел воеводой в Ярославле. Боярство он получил 2 апреля 1615 г., но не успел приложить руку к Утвержденной грамоте, как в апреле же был назначен воеводой под Смоленск и вернулся в Москву лишь в апреле следующего года. В столице Хованский пробыл несколько больше года, в июне 1617 г. был назначен воеводой в Новгород, куда вскоре и отправился и где оставался 7126 и 7127 гг.¹ Ко второму пребыванию его в Москве и пужно отнести подписи за него в Утвержденной грамоте, ибо только в этом случае до него мог расписаться Ромодановский; Пожарский же в это время также был в Москве. Таким образом, между 25 декабря 1615 г. и июнем 1617 г. даны подписи Ромодановского и Хованского. В те же годы, в зависимости от того, когда именно Пожарский расписался за Хованского, могли быть даны и две последние боярские подписи: кн. Ив. Бор. Черкасского и Ив. Ник. Романова, которые за эти годы нигде на службах вне Москвы не указываются. Отодвигать боярские подписи далее 7125 г., хотя бы только две последние, едва ли возможно. Рукоприкладства в других группах дают известные основания к утверждению, что позже 7125 г. подписи к «Утвержденной грамоте» уже не собирались.

Подписи трех окольных и вместе с ними одного боярина кн. Вл. Ив. Бахтеярова-Ростовского, широко и свободно размещенные на большом сравнительно с их количеством пространстве, мало связывают друг друга в отношении датировки. Первой поместилась подпись окольного Арт. Вас. Измайлова, хотя дана она могла быть и позже других и во всяком случае не в 7121 г., в течение которого Измайлов был воеводой в Калуге. Не знаю, был ли он в Москве сейчас же по отъезде из Калуги, — положительных данных об этом нет, — но если и был, то недолго, так как в конце 1613 г. он уже действовал против «воровских» людей на севере и в январе—марте стоял в Вологде. 17 апреля 1614 г. Измайлов впервые указывается в Москве и остается в ней за исключением немногих дней, занятых походом на казаков (в конце 1614 г.), до сентября 1615 (7124) г. Следующий, 7124, год Измайлов провел под Смоленском, но с сентября 7125 г. вновь встречаем его в Москве². Таким

¹ Акты времени междущ., стр. 68—69; Дворц. разр., т. I, прил. № 15 и ст. 157—176 (сообщение о сказанье ему боярства 14 марта — ст. 170 одной редакции — едва ли можно принять против остальных семи); 197—198 (и Кн. разр., т. I, 90—91; ср. также РИБ, т. XXVIII, ст. 336, а потому «июни» в сп. Д., ст. 179, неверно), 220, 270 и 413; Кн. разр., т. I, ст. 311 и сл. (здесь приведен наказ с датой 1 июня, потому 8-е в Дворц. разр., т. I, ст. 277, неточно); АМГ, т. I, № 200, и Дворц. разр., т. I, ст. 342 и 415; Кн. разр., т. I, ст. 615—620.

² О службе Измайлова в Калуге см. выше, стр. 200, прим. 1, сверх того Разр. зап. за См. время, стр. 264; Четв. См.вр., стр. 251, и Акты писцового дела, т. I, № 3. О походе на Севере — Семь сборов заир. и пят. денег, прил. № 2, Чтен. Общ. ист. и древн., 1897, кн. I, смесь, стр. 1; АИ, т. II, № 56, и РИБ, т. II, № 190, I и III. О московской и смоленской службе — Дворц. разр., т. I, ст. 129, 132, 159, 165—167 (и Кн. разр., т. I, ст. 28—29), 170, 187, 197, 207—208, 227; РИБ, т. XXVIII, ст. 785—787, и снова Дворц. разр., ст. 253, 271, 281—283 и т. д.; Акты писц. д., т. I, № 49 и др.

образом, для его подписи возможны разные моменты 7122, 7123 и 7125 гг.

Подпись окольного кн. Дан. Ив. Мезецкого, расположенная непосредственно под рукоприкладством Измайлова, могла быть сделана и ранее, чем Измайлова: ведь этот последний мог вынести свою подпись и вверх на свободное пространство. У Мезецкого и была такая возможность: он до конца сентября 1613 г. был в Москве. Впрочем, естественнее, судя по местоположению, полагать, что Мезецкий подписался позже Измайлова. В таком случае рукоприкладство окольного Мезецкого сделано не ранее сентября 7123 г., когда Мезецкий вместе с Трубецким вернулся из похода под Новгородом, и не позднее сентября 7126 г., ибо 1 октября кн. Дан. Ив. было сказано боярство. Однако и из этих трех лет Мезецкий менее половины провел в Москве. В июле 7123 г. он был послан для переговоров со шведскими уполномоченными и не ранее марта 7124 г. вернулся в столицу, добившись в первый раз перемирия. В июне того же года русский посол уже возобновил сношения со шведами и в результате долгой борьбы и торговли заключил мир, однако сам не сразу поехал к царю Михаилу, так как был назначен временно воеводой в возвращенный России Новгород. 16 июня 7125 г. был назначен преемник ему — боярин кн. Ив. Андр. Хованский, но он к 13 августа не добрался еще до Боровичей. Очевидно, смена Мезецкого совершилась не ранее конца августа, и едва ли до середины сентября мог попасть он снова в Москву¹. Однако если только не считать, что подпись Мезецкого вставлена между уже бывшими до нее подписями Измайлова и Бахтеярова, — а для такого предположения у нас нет оснований, — то в сентябре 7126 г. Мезецкий не подписывался, ибо боярин Бахтеяров-Ростовский, приложивший руку ниже и, повидимому, позже его, был в это время уже в могиле (умер в 7125 г.). Этой последней малоопределенной датой и устанавливается с большою вероятностью срок, не позже которого подписался Мезецкий: май 7124 г.

Для подписи боярина Бахтеярова-Ростовского, третьей в вертикальном ряду слева, один термин уже указан; остается установить второй. Кн. Ростовский был в Москве в 7121 г.: он ездил, как мы знаем, в составе соборного посольства в Кострому. Но «Утвержденную грамоту» он подписывал, очевидно, не в этом году; иначе чем объяснить, что его подпись не среди тех боярских, которые даны в 7121 г., а совсем отдельно? В том же 7121 г. Бахтеяров-Ростовский был назначен воеводой в Нижний-Новгород, а от 8 сентября 7122 г. известна и царская грамота в этот город на имя боярина Ростов-

¹ О походе под Новгород материалы уже приведены были, когда шла речь о Трубецком. Далее о Мезецком см. РИБ, т. XXVIII, ст. 283—284, 515, 268; Дворц. разр., т. 1, ст. 168—169, 171, 176, 178 (на ст. 161 и 203 о посылке на съезд неточно); СГГр и Д, т. III, № 24; Дворц. разр., т. I, ст. 206, 220, 224, 227, 271—272; Кн. разр., т. I, ст. 311 и сл. (в Дворц. разр., ст. 288, дата неверна?); Семь сборов, прил. № 58; АМГ, т. I, № 200, и Дворц. разр., т. I, ст. 299. О переговорах со шведами — у Соловьева, кн. II, ст. 1113—1124.

ского. Можно даже утверждать, что не позже июля он уже прибыл в Нижний. Дело в том, что одновременно с кн. Ростовским в Нижний были назначены новые и второй воевода и дьяк. Бывший до того в этом городе известный уже нам дьяк Вас. Семенов, который, по общему правилу, мог уехать, лишь сдав дела заместителю, в начале августа был уже в Москве приказным дьяком. И с лета 7121 г. кн. Бахтеяров-Ростовский оставался в Нижнем до августа 7124 г.¹ Таким образом, только в 7125 г. он и мог подписать Утвержденную грамоту.

С большою точностью датируется помещенная в стороне от других, единственная с правой стороны, подпись окольного Сем. Вас. Головина. С марта 7121 г. и по октябрь 7122 г. он был воеводой в Ярославле, затем, очевидно, приехал в Москву, но в марте 7122 г. отправился в «плавную» службу под Астрахань с Одоевским и разделял с ним, как выше и сказано уже, и дальнейшую судьбу².

Разбор рукоприкладств бояр и окольных показывает, что подписи на Утвержденной грамоте собирались со времени ее составления по 7125 г. включительно. Подписи эти подтверждают и наблюдение, сделанное ранее о случайности их: с одной стороны, и в этих группах к рукоприкладству были приглашены и не присутствовавшие на Соборе во время выборов царя, как Измайлов, А. Куракин, с другой стороны, почему-то не было предложено подписать этот весьма важный документ, например, боярам — князьям Бор. Мих. Лыкову, Вл. Тим. Долгорукову и др. Оба эти вывода о разновременности подписей и случайном составе подписывавших подтверждаются и данными следующей группы подписей.

Ниже следующего за подписями окольных рукоприклада кравчего Мих. Салтыкова идут подписи стольников, стряпчих, дворян московских и дьяков. Для удобства рассмотрения и в соответствии с выяснением состава Собора я выделяю дьячьи рукоприклады особо, тем более, что в экземпляре Оружейной палаты как раз перед подписью Ив. Болотникова, за которым в этом экземпляре и следуют остальные подписи дьяков, имеется широкий пробел.

Можно предполагать, что в начале особые места были отведены и для стольников и для стряпчих; по крайней мере, сразу бросается в глаза сосредоточение в двух местах по несколько подписей лиц одного чина³, тогда как между ними и ниже второго подписи лиц разных чинов идут без всякого порядка. Кроме того, небольшим

¹ Об участии Бахтеярова-Ростовского в посольстве от Собора речь уже была. О воеводстве его в Нижнем конечные даты — Разр. зап. за Смутное время, стр. 26, и РИБ, т. II, № 189, и Дворц. разр., т. I, ст. 240, и ААЭ, т. III, № 83. О Вас. Семенове — Дворц. разр., т. I, прил. № 14, и цит. не раз. Материалы А. К. Кабанова, № 97. Имеем даже указание, что Бахтеяров в 7121 г. писал государю из Нижнего, но без обозначения месяца, и в позднейшей описи архивных дел — Сборник И. Рус. ист. общ., т. 142, стр. 20.

² О воеводстве в Ярославле см. данные о Хованском. Дата смены уславливается по данным о новом дьяке (вместе с новыми воеводами) Любученинове: он по 20 сентября еще в Разряде — РИБ, т. XV; Кормл. кн. Костр. чети, стр. 65 и 112. О «плавной» службе и пр. см. об Одоевском.

³ В печати. изд. подписи 58—68 и 94—101-я по арх. экзemplиру.

пробелом была отделена подпись кравчего; позже на этом пробеле кн. Вас. Туренин руку приложил за Дм. Черкасского и за себя (за себя, как ниже увидим, в другой уже раз). Действительно. С предположением С. А. Белокурова, что за Черкасского расписался другой, «потому что его не было в Москве»¹, очень трудно согласиться по двум основаниям. Во-первых, подпись другого требовалась и в случае присутствия Черкасского. Мы уже имели два случая, когда за Черкасского расписывался Вас. Бутурлин (на грамотах о примирении Пожарского с Трубецким и жалованной Трубецкому); есть и другие примеры, когда он сам брал следуемые ему деньги, а руку за него прикладывали другие². Очевидно, кн. Черкасский был просто неграмотен. С другой стороны, кажется очень маловероятным, чтобы на документе чрезвычайной важности были разрешены рукоприкладства за отсутствующих: обычно ведь они не практиковались. Таким образом, нужно поискать время, в которое на Москве были и Черкасский и Туренин. Черкасский в июле 7121 г. был отправлен в поход под Смоленск. Число выступления в поход неизвестно, но может быть определено с достаточной приближительностью. Известно, что Черкасскому было предписано идти сначала на Калугу и очистить от литовских людей меншовские и серпейские места. Далее вслед за отступавшим неприятелем Черкасский направился к западу, освободил Вязьму, потом Дорогобуж и отсюда двинулся на север, к городу Белой (или Белому), к которому и подошел 9 августа. Совершить такой большой поход, и притом имея впереди себя неприятеля, едва ли возможно было скорее, чем в месяц. Припомним, что в летние же месяцы за год перед этим Пожарский от Ярославля до Москвы, — путь более короткий, чем сделанный Черкасским, и притом обеспеченный от чьего-нибудь нападения, — сделал все-таки в 25 дней. А раз так, то выход Черкасского из Москвы нужно относить к первым числам июля³. Меж тем от Туренина, сидевшего воеводой в Торопце, в самом конце июня приезжали на Москву с отписками. Очевидно, смена его А. Сидким произведена не ранее июля, а скорее даже в августе, судя по тому, что пожалован он был за Торопецкое осадное сиденье только 19 декабря 1613 г.⁴ Таким образом, в 1613 г. Туренин и Черкасский, наверное, не встретились в Москве, и нужно искать другое время. Черкасский вернулся из-под Смоленска в июне 7123 г. и оставался в Москве, очевидно, до конца 7125 г. В эти годы, и как раз с июня 7123 г., не раз указывается в Москве и Туренин, хотя бывал на службе и вне Москвы: в октябре-ноябре

¹ Утверж. грам., стр. 15, прим. 8.

² Четвертки Смутн. вр., стр. 3, 297—298.

³ О походе Черкасского — Дворц. разр., т. I, ст. 101—103 (причем в датировании получения отписки белевского воеводы о приходе литвы 30 июля, «июля» или описки или опечатка вместо «июня»), — РИБ, т. XXVIII, ст. 374 и др.; АЛЭ, т. III, № 12. О походе Пожарского см. стр. 148—150.

⁴ Разр. Зап. за Смутное время, стр. 25; Перв. месяцы царств. Мих. Федор., стр. 32, 56, 95, 137, 141; Четв. См. врем., стр. 63, 188, 322; РИБ, т. IX, стр. 206.

7124 г. — в походе на Лисовского, с весны 7124 г., до зимы 7125 г. — воеводой во Мценске, с апреля 7125 г. и, очевидно, до конца года — в Переяславле-Рязанском¹. Таким образом, занимающая нас подпись дана во всяком случае не ранее июня 7123 г. Меж тем под ней рукоприкладство чашника кп. Аф. Вас. Лобанова-Ростовского, который в этом чине состоял лишь до 2 февраля 7123 г., когда ему сказано боярство². Все это и заставляет признать подпись за Черкасского вставленной на пробеле, отделявшем члена Думы кравчего от возглавляемых чашником чинов московских.

При первом же взгляде на многочисленные рукоприкладства столничных дворян становятся ясным, что даны они в разное время; видно, как одни вставляли свои подписи между строками, другие по незначительности места располагали коротенькую подпись в две строчки, третьи отыскивали себе незанятые кусочки в разных местах обоих экземпляров грамоты³. Но разобраться во всем этом, датировать все эти рукоприкладства и расставить их в порядке подписывания почти или совсем нет возможности при доступных теперь очень скудных материалах. Относительно некоторых подписей нельзя даже сказать определенно, кому они принадлежат, например, подпись стольника Ив. Пушкина (67—70-я), так как известны два стольника Пушкиных с этим именем; в других случаях в просмотренных мною изданиях не нашлось сведений о службах в Москве или вне ее за интересующие нас годы того или другого рукоприкладчика, например, кп. Сем. Борятинского (подп. 120—109-я), стряпчего Ем. Бутурлина (подп. 85—88-я) и др.; о некоторых лицах вообще не удалось найти никаких сведений, кроме имеющегося в Утвержденной грамоте рукоприкладства, например, о стряпчих Ив. Головине и Фед. Колединском (подп. 97 и 100-я; последний, впрочем, отмечен и в «Боярск. списке» 1611 г., стр. 83, но это не имеет для данной цели значения), о Никиф. Грекове (подп. 154—155-я), о Макс. Титове (только в экз. Оружейной палаты, подп. 139-я); не говорю уже о том, что даже когда имеются нужные для нашей работы данные, то они почти всегда чрезвычайно отрывочны. При таком положении дела я в дальнейшем остановлюсь лишь на некоторых наиболее характерных рукоприкладствах, достаточных для обоснования того отношения к этой группе подписей, которое проявлено на страницах «Очерка».

Непосредственно под рукоприкладством чашника идет — в вертикальном ряду слева — несколько подписей стольников. И место,

¹ О Черкасском — Дворц. разр., т. I, ст. 179—180, 286, 308, 324, 331, 332, и Кн. разр., т. I, 357—367 (ср. 373 и сл.), 448, 451, 457—458, и сл., 491—492, 497, 504. О Туренине — Дворц. разр., т. I, ст. 199—203, 211—214, 256—257, 264, 267—269, 270 и 292; Кн. разр., т. I, ст. 100—116, 118—123, 135 и сл., 246—254, 271—272, 274—275 и сл.; АИ, т. III, № 64.

² Лобанов-Ростовский назван чашником уже в Докладной выписи 7121 г., стр. 4; о пожаловании в бояре — Дворц. разр., т. I, ст. 170.

³ Об этом дает сведения и печатное изд. С. А. Белокурова, см. прим. 1 на стр. 80, подписи 80—57-я, 82—104-я, 106—134-я и др. (указываю, по принятой издателем системе, место в обоих экз.); в две коротеньких строчки в арх. экз. подписались С. Прозоровский, стряпчий кн. Ф. Мезецкой.

которое они занимают, и отсутствие среди них подписей лиц иного чина заставляют видеть в этой группе подписей первую по времени (кроме, вероятно, одновременно с ней отмеченной выше группы стряпчих) среди подписей столничного дворянства. Однако и указанные здесь столтники подписывали Утвержденную грамоту, по всем данным, не ранее осени 7122 г. В самом деле. При попытке отнести начало собрания подписей столльников к 7121 г. мы встречаемся прежде всего с таким недоумением. В известиях о встрече царя Михаила под Москвой 1 мая, и о торжественных обедах 11, 12 и 13 июля, и в «чине венчания» царского упоминаются 15 столльников, и притом в большинстве первостепенных, значащихся в начале общих списков столльников, — это кн. Вас. Сем. Куракин, кн. Бор. Андр. Хилков, Ив. Ив. Бутурлин, кн. Петр Ив. Пронский, Фед. Вас. Волинский, Ст. Дм. Волинский, кн. Юр. Еши. Сулешев, Вас. Ив. Бутурлин, кн. Ив. Фед. Троекуров, Лев Аф. Плещеев, кн. Ал. Мих. Львов, Ив. Вас. Морозов, кн. Вас. Петр. Ахамашуков-Черкасский, Вас. Матв. Бутурлин и Ал-андр Мих. Нагой ¹. И из них лишь двое — кн. Львов, как раз не из первостепенных, и кн. Сулешев, подпись за которого того же Львова, как третья в строке, могла быть и более поздней, — лишь двое имеются в рукоприкладствах интересующей нас группы. Едва ли отсутствие подписей остальных можно объяснять одной случайностью. Меж тем, если собрание подписей столльников было начато не ранее ноября 7122 г., отсутствие рукоприкладств (в данном месте) многих из названных выше лиц станет совершенно понятным. Еще в 7121 г. значатся воеводами в Уфе кн. Бор. Хилков, «у Архангельского» и в Холмогорах кн. П. Пронский, на Воронеже кн. В. Черкасский, в августе того же 7121 г. послан на воеводство в Коломну Ф. Волинский, в 7122 г. воеводой шадским указан Вас. Матв. Бутурлин, в сентябре 7122 г. уехал под Белую кн. Троекуров, вероятно, вскоре после 10 октября отправился собирать ратных людей в Ярославле, чтобы идти потом на помощь Трубецкому, Вас. Ив. Бутурлин ² и, наконец, Ст. Дм. Волинский, если нет здесь ошибки в отчестве, очевидно, умер, так как после 1 мая 1613 г. совсем не упоминается. С другой стороны, только осенью 7122 г. впервые упоминаются, и именно в Москве, столтники Ив. (Аф.) Плещеев, подпись которого на первом месте после чапника, и братья Борис и Глеб Морозовы ³; только к 7122 г. или даже в 7122 г., как уже по-

¹ Дворц. разр., т. I, ст. 1189, 99—101, и СГГр и Д, т. III, № 16.

² Разр. зап. за См. вр., стр. 25 и 26, и Дворц. разр., т. I, ст. 145, 146, 150 и 152 о первых пяти (о Волинском еще — Четв. См. вр., стр. 243); о Троекурове — Дворц. разр., т. I, ст. 104, но ср. ААЭ, т. III, № 12; о Вас. Ив. Бутурлине — там же, ст. 107—109, ср. 117—118, и Изборник, стр. 358—359 (в Дворц. разр., т. I, ст. 129, Вас. Ив. указан ошибочно, как на ст. 154 Ф. Волинский в Сургуте, — он уехал отсюда еще в 7120 г. — Акты времени междуцар., стр. 46, 48, 50 и 61).

³ Дворц. разр., т. I, ст. 118, и РИБ, т. IX, стр. 226, но ср. 163, 185 и 61, ср. 184 и др. В Боярском списке 1611 г. и в Докл. выписи 7121 г. всех троих не значится.

казано выше, приехал в Москву из Торонца кн. В. Туренин, который подписался в третьей строке, ниже рукоприкладства Гл. Морозова; был в названные месяцы в Москве и кн. А. Львов¹, подпись которого сейчас же под туренинской. Вместе с тем все названные сейчас рукоприкладства нельзя и отодвинуть далеко вперед. 9 апреля 7123 г. Ив. Аф. Плещееву велено быть уже в чашниках. Сулешев, за которого Львов расписался в третьей строке на последнем месте вправо, т. е. после Морозовых, 2 февраля 7123 г. стал уже боярином². Но подпись Львова за него и за себя (в четвертой строке первая) могли быть сделаны не позже февраля 7122 г., ибо в этом месяце Львов был назначен «в войну» «в Литовской земле», а вернулся в Москву уже только в 7124 г. Туренин в июне 7122 г. должен был выехать на воеводство в Самару и вернуться, повидимому, только через год³. Наконец, против подписей Туренина и Львова правее расположена двустрочная подпись кн. Сем. Прозоровского, а за нею на третьем месте Леонтия Вельяминова, которые также даны в 7122 г. Еще из Ярославля в апреле 7121 г. они были «отпущены» царем «и до Исков на немецких людей», т. е. против шведов, и оставались в походе во всяком случае до ноября 7122 г. Лишь в конце декабря и в апреле этого года они указываются в Москве, но летом того же 7122 г. Вельяминов, очевидно, вновь назначен под Тихвин, и наказ комиссии, посланной угоривать «воровавших» казаков, от 4 сентября 7123 г., в последний раз упоминает о Леонте. Вельяминове; очевидно, он вскоре и был убит или умер⁴. А его подпись необходимо предполагает сделанными до нее рукоприкладства и Прозоровского, и Туренина, и Львова.

В подтверждение вывода о датировке первых подписей стольников идет и то, что вообще среди всех подписей от и за представителей столичного дворянства мне не пришлось найти ни одной, относительно которой можно было бы доказать, что она сделана именно в 7121 г., а не в другое время. И, наоборот не только в начале, но и в других местах имеются рукоприкладства, которые не могли быть даны в 7121 г. Такова подпись Фед. (Ив.) Погожего (122—114-я), который не позже апреля сменил в Угличе Андр. Палицына и оставался здесь до апреля 7122 г., а потом еще отпущивался в поход на «воровских» казаков⁵. Такова же, очевидно, подпись Солового Протасьева (за кн. Мих. Солицева и за себя 118—108-я

¹ Дворц. разр., т. I, ст. 109—110 и 123.

² Там же, ст. 176 и 170.

³ Там же, т. I, ст. 123, 192, 205, и Четв. См. врем., стр. 220 и 234 о первом, и Дворц. разр., т. I, ст. 152 и 180, АИ, т. III, № 34 и 42 (ср. Памяти. диплом. и торг. снош. с Персией, т. II, стр. 251 и 410) — о втором.

⁴ Дворц. разр., т. I, прилож. № 40, 44, 52 и 62, ст. 90—91, 95, 129; РИБ, т. XXVIII, ст. 758, и т. IX, стр. 212—213; Доп. к АИ, т. II, № 7, I: ААЭ, т. III, № 12; Кн. разр., т. I, ст. 4—9 (тот же наказ в СГГр и Д, т. III, № 22).

⁵ Разр. зап. за Смутн. время, стр. 25; Угличские акты *Липинского*, № 9—11, и ср. данные о Палицыне, здесь же, № 2—8, и Дворц. разр., т. I, прилож. № 60; АМГ, т. I, № 68, и АИ, т. III, № 13. Подпись его на Утвержденной грамоте дана, как ясно видно на фототипии, на случайно свободном месте.

и 147-я), который совсем не был на Земском соборе в период избрания и числился тогда в выборе по Мещере; в Москву приехал он в качестве сеунщика от Мир. Вельяминова из Переяславля-Рязанского в марте, а в начале мая назначен послом в Турцию, откуда вернулся лишь в начале 1615 г.; повидимому, за это посольство он и написан по московскому списку и лишь тогда мог приложить руку в группе московских чинов¹.

Таким образом, в качестве общего вывода необходимо принять, что подписи столичного дворянства стали собирать только в конце 1613 г. Но, начав, вели это собрание в течение 7122 г., по крайней мере, повидимому, довольно энергично. Подписи, которые нужно датировать 7122 г., встречаются не только вначале. Так, подпись 92—84-я, по печатному изданию грамоты, принадлежит Ив. Чемоданову, не обозначившему своего чина. Без обозначения чина обычно писали себя и записывались в книгах дворяне московские. Действительно, в источниках этого времени встречается лишь один Ив. Чемоданов, по отчеству Иванович. Он в «Боярском списке» 1611 г. и записан в числе дворян московских. В 7122 г. Чемоданов был как раз в Москве и опять-таки в первом случае упомянут без обозначения чина, но как-то в мае-июне этого же года ему велено быть «в стряпчих с ключем», и с тех пор он пишется уже с чином стряпчего². Подпись Чемоданова — вторая в строке, очевидно, требует отнесения к 7122 г., и первой в этой строке подпись стольн. Ив. (Вас.) Морозова, относительно которого противоречащих такой датировке указаний нет. Если даже и точно известие лишь одной из восьми рукописей, по которым напечатаны Дворцовые разряды, что он в 7122 г. был воеводой на Белой, то мы совсем не знаем, когда он был туда назначен и когда уехал из Москвы, но самая весть о взятии Белой в Москве получена лишь 12 сентября 7122 г.³.

Другая подпись, которую нужно отнести к 7122 г., расположена в архивском экземпляре ниже отмеченной выше группы рукоприкладств одних стряпчих, а в экземпляре Оружейной палаты выше нее и принадлежит тоже стряпчему Ст. (Як.) Милюкову (подп. 109—86-я). Ему в мае-июне 7122 г. государь велел быть «в стряпчих с ключем», т. е. заведующим Мастерской палатой, а когда он стал местничаться с Конст. Михалковым, государь «велел ему есть ста-

¹ Боярский список 1611 г., стр. 98; Разр. зап. за См. вр., стр. 244, и Дворц. разр., т. I, прил. № 1; Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 15 и 16; Памяти. снош. с Персией, т. II, стр. 330; Дворц. разр., т. I, ст. 105—106 и 167; АМГ, т. I, № 108, на стр. 145, и Четв. См. вр., стр. 235.

² Боярский список 1611 г., стр. 90; Дворц. разр., т. I, ст. 130 и 132.

³ И в Боярском списке 1611 г. и в Докл. выписи 7121 г. имеется лишь один стольник Ив. Морозов — Васильевич (стр. 79 и 6), также и Дворц. разр. знают одного Ив. В. Морозова. О воеводстве на Белой — Дворц. разр., т. I, ст. 148, и Четв. Смутн. врем., стр. 86, но ср. здесь же стр. 188 и Дворц. разр., ст. 190, АЛЭ, т. III, № 12. Морозов не мог быть оставлен на Белой Черкасским, ибо с Черкасским в походе не было совсем стольников, кроме товарища его Мих. Бутурлина, — Дворц. разр., т. I, 101—102; РИБ, т. XXVIII, ст. 371—373 и сл.

вить», т. е. пожаловал его в стольники, с каковым чином он позже и встречается ¹.

Начатое в 7122 г. собрание подписей столичного дворянства продолжалось по 7125 г. включительно. Выше уже указано, что не ранее 7123 г. дана подпись Солового Протасьева. Не ранее конца 7124 г. мог руку приложить кн. Ив. Буйносов-Ростовский, известный уже нам тобольский воевода, ибо он оставался на этом посту до 24 января указанного года ². Не ранее 7125 г. расписался Моис. Глебов, так как с 7121 г. до октября 7125 г. включительно был воеводой на Двине ³. Очевидно, не ранее 7124 г. была дана подпись стольника кн. Фомы Мезецкого, который в «Книге» боярской 7124 г. еще значится стряпчим и впервые с чином стольника упоминается в апреле 7125 г. ⁴.

7125 год был, очевидно, последним годом собрания подписей рассматриваемой группы. Характерно уже, что все отмеченные сейчас поздние подписи расположены (сужу по архивскому экземпляру) или на концах строк, как Солового Протасьева и Глебова, или явно вставлены между строк, как стольническая Мезецкого, или отнесены на пробел перед группой выборных от уездов и городов, как кн. Ив. Буйносова. Все это является показателем того, что места уже были заполнены. С другой стороны, мне не удалось обнаружить ни одного рукоприкладства, которое необходимо было бы датировать 7126 г. или каким-нибудь более поздним.

Сравнительно поздним началом собрания подписей и тем, что при этом, очевидно, не старались приглашать одних участников царского избрания, и объясняется наличие на Утвержденной грамоте рукоприкладств лиц, не бывших даже на Соборе в январе и феврале 1613 г. К числу таковых в занимающей нас теперь группе, кроме указанных в «Очерке» (стр. 191) и названного выше С. Про-

¹ Милюков — стряпчий в Боярском списке, стр. 83, Чтен. общ. ист. и древн., 1900, кн. II; материалы *Зерцалова*, стр. 54, РИБ, т. IX, стр. 257 (март 7122 г.); о новом пожаловании — Дворц. разр., т. I, ст. 132; Милюков — стольник — Столбцы б. архива Оруж. палаты, вып. I, № 116, и «Книга» 124 г. в АМГ, т. I, № 108, стр. 140. У С. А. Белокурова в предислов. к Утвержденной грамоте ошибочно отмечено, будто Милюков носил звание стряпчего только с 7122 г., со ссылкой на цит. место Дворц. разр., — стр. 15 и прим. 8 на ней.

² Разр. зап. за См. вр., стр. 168; заместителем его в Тобольске был кн. Ив. Сем. Куракин, о котором см. выше.

³ Разр. зап. за См. вр., стр. 26 и 263; АМГ, т. I, № 56; Семь сборов запросных и пятинных денег, прилож. № 3, 8, 16, 20, 34, 37, 39, 40; Дворц. разр., т. I, ст. 245; РИБ, т. XXVIII, 196 и 240; Пронский, товарищем которого был Глебов, еще 24 октября 7125 г. получил на Двине царскую грамоту, а в апреле уже в Москве — ААЭ, т. III, № 70, и Дворц. разр., I, ст. 271.

⁴ В Утвержденной грамоте две подписи кн. Ф. Мезецкого: с чином стряпчего — 77—76-я и стольника — 82—104-я, но и документы и генеалогии (Ю. В. Татищев в Известиях Русск. генеал. общ., т. II, стр. 48—71, Фома — на стр. 70) знают лишь одного — кн. Фому Дм. Мезецкого, который, значит, расписался два раза. Он писан стряпчим в Боярском списке 1611 г. — стр. 83, и в «Книге» 7124 г. — АМГ, т. I, № 108, стр. 141; стольником — в Дворц. разр., т. I, ст. 271 (то же в Кн. разр., т. I, ст. 309), и позже.

тасьева, пужно отнести еще Ив. Чичерина, который по взятии Москвы русскими был отдан за пристава и вновь появляется на государственной службе, кажется, только в 7124 г.¹

Перехожу к подписям дьяков. Они все, кроме подписи думного дьяка Сид. Васильева, — по ее я оставляю в стороне, — без обозначения чина рукоприкладчика. Первые пять из них, которые можно признать с первого взгляда дьяческими, расположены попеременно с подписями столичных дворян с преобладанием последних, и лишь две из пяти занимают первые места в строках (я имею в виду архивский экземпляр грамоты и в нем подписи 108, 110, 114, 116 и 119-ю). Самое расположение этих рукоприкладств говорит уже за то, что они давались приблизительно в одно время с соседними, т. е. в пределах 7122—7125 гг. И в данных о четырех из этих дьяков — Шуперине, Шинове, Болотникове и Насонове — нет никаких противопоказаний такой датировке; она для них вполне возможна². Но в таком случае подпись Шанилова (119-я) дана не ранее 7123 г., и притом он в это время уже не был дьяком. Еще в августе 7121 г. он писался думным дьяком и с этим чином подписал бы, конечно, Утверждающую грамоту, если бы подписывал ее в 7122 г. В следующем году он, оставив дьячью службу, получил звание дворянина московского и в этом чине, очевидно, подписался в ином документе³.

Большую определенность датировки выясняет другая группа дьячьих подписей, расположенная ниже и в таком месте, где подписи дьяков преобладают. Я имею в виду рукоприкладства — по печатному изданию 127-е, 148-е — по архивскому экземпляру грамоты. И здесь большинство дьячьих подписей на вторых и третьих местах в строках, причем первые заняты рукоприкладствами дворян: Е. Телешева, кн. Ром. Пожарского, Вас. Коробкина. Фед. Апраксин расписался первым в строке, но сделал это, очевидно, не ранее 7124 г., ибо о службе его в 7121 г. совсем не имеем сведений, и во всяком случае она едва ли протекала в приказе, скорее в Муроме, где он был и в 7122 и 7123 гг., и только в 7124 г., не знаю, когда именно, отпущен к Москве, где потом и си-

¹ См. выше, стр. 156. Первые известия о его службе — Кн. разр., т. I, стр. 119, 122 и др.; Дворц. разр., т. I, стр. 211, 213, 214 и далее; указание Дворц. разр., что в 7121 г. Чичерин был послан в Персию, неверно; посланы были Мих. Тиханов и подьячий Ан. Бухаров — Памятн. снош. с Персией, т. II, стр. 151—312; а Чичерин и именно с Мих. Борятинским поехал в Персию в 7126 г. — Дворц. разр., т. I, стр. 311—312 и 325; в 7121 и 7122 гг. Мих. Борятинский был воеводой в Новгороде-Северском — Разр. зап. за См. вр., стр. 25; Четв. См. врем., стр. 247—248, 265—266. Дворц. разр., т. I, стр. 148 и 192.

² Три названных дьяка сидели по приказам все эти годы непрерывно, а также и в 7121 г. и после 7125 г. Ив. Болотников не был в Москве первые четыре месяца 7124 г. — Дворц. разр., т. I, стр. 187, 207—208; РИБ, т. XVIII, стр. 786 и 787.

³ Акты междунар., стр. 80; РИБ, т. IX, стр. 20, 21, 23 и 25; Нам. снош. с Персией, т. II, стр. 360; РИБ, т. XVIII, стр. 497 (не дьяк); в 7124 г. в Казан. дворце уже Третьяков — Нам. снош. с Персией, т. II, стр. 438.

дел в Казанском дворце ¹. Первой в строке стоит и подпись А. Варева, но он еще в 7121 г. уехал с воеводами в Нижний-Новгород и служил там до зимы 7124 г., когда был назначен, и, вероятно, прямо из Нижнего поехал с Сулешевым усмирять «заворовавшую» черемису и лишь к лету 7124 г. попал вновь в Москву ².

Навстречу сделанным пока наблюдениям идут и другие. При сопоставлении списков дьяков, подписавших Утвержденную грамоту, с одной стороны, и бывших в Москве в 7121 и 7122 гг. — с другой, сразу бросается в глаза отсутствие в первом очень многих из значащихся во втором. А биографические справки о таких отсутствующих показывают, почему их имен не встречаем в Утвержденной грамоте. Мерк. Любученинов в октябре 7122 г. назначен дьяком в Ярославль и там умер в 7124 г.; Ив. Ефанов уже в сентябре 7122 г. оказывается дьяком в Вологде и хотя в 124 г. он и «отпущен», однако ни в Москве, ни вне ее мною не был позже отыскан; Ив. Булыгин в июле 7122 г. приехал на дьячье место в Тобольск и там оставался до 7128 г. ³. Судьба Вас. Юдина нам уже известна по связи его служебной и в Ярославле (в 7121—7122 гг.) и в Астрахани (7122—7123 гг.) с окольным Сем. Вас. Головиным. Аф. Евдокимов не упоминается позже 3 апреля 7123 г., Гр. Витовтов после 21 апреля 7122 г., об Андр. Иванове последнее указание 28 марта 7124 г. ⁴. Возможно, что найдутся данные и несколько более поздние об Евдокимове и Иванове, по указанные годы (для Витовтова и месяц), очевидно, последние в их приказной деятельности.

С другой стороны, на обороте Утвержденной грамоты встречаем рукоприкладства таких дьяков, которые в 7121 и даже в 7122 г. не были приказными дьяками. М. Поздеев после удаления его с места дьяка в Костроме в 7120 г. оставался жить в этом городе и в 7121 г., пока не был арестован по делу Андропова; очевидно,

---

¹ Дворц. разр., т. I, ст. 144, 188, 203, 240; Памятн. снош. с Персней, т. II, ст. 331, 399, 402; ААЭ, т. III, 86; СГГр и Д, т. III, № 35 и др. позднейшие.

² О назначении его в Нижний см. в данных о Бахтеярове-Ростовском; в последний раз при царе он указан 25 апреля — Дворц. разр., т. I, прил. № 48 (его скрепа). О назначении с Сулешевым ср. РИБ, т. XXVIII, ст. 239; Дворц. разр., т. I, ст. 205; АМГ, т. I, № 200, и Памятн. снош. с Персней, т. II, стр. 406—407; о службе в Москве — Угличские акты *Липинского*, № 17; Четв. См. вр., стр. 293—294 и др.

³ О Любученинове посл. данные о службе в Разряде сентябрьские — РИБ, т. XV; Кормл. книга Костр. чети., стр. 65 и 112; Четв. См. врем., стр. 103, 173; Дворц. разр., т. I, ст. 149, 189, 238—239. Об Ефанове на Вологде — В. Н. *Сторожев*, Материалы для истории делопроизв. Поместн. прик. по Волог. у., стр. 320, 321 и др.; Дворц. разр., т. I, ст. 150, 189 и 238 (ср. Кн. разр., т. I, ст. 180); Семь сборов запросн. и пят. денег, прил. № 60. О Булыгине — Разр. зап. за См. время, стр. 168; Дворц. разр., т. I, 195, 248, 297, 350 и 427; СГГр и Д, т. III, № 54.

⁴ Об Евдокимове за 7123 г. — Четв. См. врем., стр. 67 и 154; Кормл. книга Костр. чети, стр. 2, 17, 39, 113, 55; Семь сборов запр. и пятинн. денег, прил. № 9. О Гр. Витовтове точнее всего по приходу-расходной книге Владимир. чети — РИБ, т. XXVIII, последняя дата «при Витовтове» на ст. 114; с 22 апреля новый дьяк Мих. Огарков — ст. 1—2, заголовок. Об Иванове — Арзам. поместные акты, № 399; 6 августа 7124 г. в Нижегород. чети старшим дьяком уже Ал. Витовтов — там же, № 403.

вны за ним не нашли, и с сентября 7122 г., но не ранее, он служил в Разряде. Ив. Васильев в 7121 г. служил дяком во Владимире и лишь с апреля 7122 г. упоминается как дяк Стрелецкого приказа. Мих. Огарков до конца 7121 г. был дяком в Галиче; с 22 апреля 7122 г. он во главе Владимирской чети ¹. Мих. Данилов весной 1613 г. вместе с Сол. Протасьевым послан в Турцию и вернулся приблизительно в середине 7123 г., а к концу года служил в Разряде ². Сем. Зеленой упоминается в первый раз в марте 7123 г., и притом в известии о посылке его на Тулу, где он оставался и часть, не знаю какую, 7124 г., прежде чем вернулся в Москву ³. Вулгак Милованов, торговый человек гостиной сотни, каковым его знаем по документам почти до конца 7122 г., только с января 7123 г. встречается в чине дяка в Казенном приказе ⁴. Богд. Капкин, еще в конце августа 7123 г. бывший «справным» подьячим Вольного двorca, лишь с июня 7124 г. известен как дяк ⁵.

Приведенные сейчас данные о подписывавших и пеносписывавших Утвержденную грамоту в связи с ранее сделанным указанием, что на первых местах в строках оказались из дячьих такие подписи, как Фед. Апраксина и А. Вареева, сделанные в последние месяцы 7124 г. (Вареева), и приводят к выводу, что дячьи подписи стали собирать лишь в конце 7124 г. И собиране это, видимо, продолжалось недолго. Как-то в первые месяцы 7125 г. Сем. Зеленой уехал на дячье место на Двину, где он оставался до 7130 г.; 25 мая назначен, а 1 июля выехал с послом в Стокгольм, откуда вернулся лишь 3 марта 7127 г. В. Кашкин; в июне назначен, а в июле отправился с Хованским в Новгород А. Вареев и там пробыл до 7127 г. включительно; в конце июля или в начале августа 7125 г. отбыл со Ст. Вольнским в Англию М. Поздеев, вернувшийся, по видимому, в 7127 г. ⁶. И нужно заметить, что все до одного дяки,

¹ О первом — Разр. зап. за См. время, стр. 107; Новый Летописец, стр. 119; Акты времени междуч., стр. 71, 73, 76—80; Четв. См. вр., стр. 71, 183, 54, 144 и ряд др. О втором — Акты подмоск. ополч., № 97, 109, 110; Четв. См. вр., стр. 270; ААЭ, т. III, № 34; РИБ, т. IX, стр. 315. О третьем — Акты подмоск. ополч., № 87, 88 и 119, док. 54 и 107; о нем в чети — см. о Гр. Витовтове.

² О службе в Разряде — РИБ, т. XV, Кормл. кн. Костр. чети, стр. 31 (о 7123 г.) и стр. 187 и 204 (о 7124 и 7134 гг., промежуточные годы опускаю).

³ Дворц. разр., т. I, ст. 172; СГГр и Д, т. III, № 27; РИБ, т. XXVIII, ст. 355, и т. XV, стр. 136; Акты писц. дела, т. I, № 238; ААЭ, т. III, № 78.

⁴ Как торговый человек он известен с 7108 г. — Памятн. снош. с Персией, т. II, стр. 134—135; о 7122 г. — РИБ, т. XXVIII, ст. 57, и т. IX, стр. 328—329 и 129; дяк — РИБ, т. XXVIII, ст. 254 и 264; цит. Материалы по ист. делопроизв. Пом. прик. по Волог. у., стр. 212. Считаю его подпись по месту, ею занимаемому, дячьей; подписи гостей и торговых людей гостинои сотни отсутствуют на Утвержденной грамоте 1613 г.

⁵ С. Шумаков, Обзор грам. Колл. экон., вып. 3, стр. 66—67; ААЭ, т. III, № 300; АИ, т. III, № 69.

⁶ Время приезда Зеленого с новыми воеводами на Двину датируется тем, что 24 октября 7125 г. царскую грамоту туда получали еще старые воеводы — Пронский с товарищи — ААЭ, т. III, № 70, а 22 апреля Пронский уже в Москве — Дворц. разр., т. I, ст. 271. О службе Зеленого в Архангельске — там же, ст. 295, 348, 424, 485. О Кашкине — см. Н. Кашкин, Родосл. разведки,

подписавшие Утвержденную грамоту, последние месяцы 7124 г. и часть, а то и весь 7125 г. провели на службе в приказах в Москве. И наоборот нет в нашем документе рукоприкладств тех, кто в это время был вне Москвы, например, Ив. Софонова, который был под Смоленском, Ник. Новокщенова и Добр. Семенова, посланных с Дан. Мезецким для переговоров со шведами, а потом оставшихся в Новгороде¹. Таким образом, немногими месяцами 7124 и 7125 гг. трудно датировать, по крайней мере, большую часть дьячьих рукоприкладств. И с такой датировкой их вполне согласуются и имеющиеся данные о других лицах, подписи которых среди или после дьячьих. Так, Вас. Коробьину, бывшему воеводой в Путивле, как раз в 7124 г. велено быть к Москве, и вновь на воеводство он назначен в 7127 г. Еф. Телепнев, заведывавший Денежным двором, все это время был в Москве. Очевидно, без перерывов служил на Хлебном дворе Богд. Хомутов, о котором имеются данные за 7121 и 7126 гг.². Мог после дьяков в 7124 или 7125 г. расписаться Фед. Сем. Пушкин, который был тогда судьей Ямского приказа; в 124 г. был отозван в Москву из Твери Фед. Янов; был в Москве в 7125 г. и Ив. Чичерин³.

При большой определенности периода собирания дьячьих подписей, при их довольно значительном количестве и, очевидно, отсутствии в этом отношении ограничений, случайность приглашения и неприглашения подписывать Утвержденную грамоту характеризует и группу дьячьих рукоприкладств. Так, почему-то нет на Утвержденной грамоте подписей Сем. Головина и Гер. Мартемьянова, бывших в Москве непрерывно в 7121—7125 гг., Вас. Семенова, состоявшего в Нижегородской чети все эти годы с конца 7121 г.⁴, и др.

Ниже всех, последними, расположены на обороте Утвержденной грамоты рукоприкладства выборных от городов и уездов «Российского царствия»; однако по времени они принадлежат к числу первых. Во исполнение плана, данного в самой грамоте, чтобы вы-

т. II, стр. 201 и 203 (по арх. матер.). О Варееве — Дворц. разр., т. I, ст. 177, 288, 342 и 415, ср. выше о Мезецком. О Поздееве — там же, ст. 286, и РИБ, т. XXVIII, ст. 664—665; вновь в Москве в 7127 г., о котором, например, там же, ст. 686 и 691 и др.

¹ Дворц. разр., т. I, 198, 227, 250, 255, 273; Кн. разр., т. I, 91, 94, 211—240; в Москве в 7126 г. — Дворц. разр., 339. О Новокщенове и Семенове см. материалы о Дан. Мезецком.

² Дворц. разр. т. I, ст. 244 и 421 о Коробьине; о Телепневе — хотя бы РИБ, т. XXVIII, ст. 517, 521, 782, 793; о Хомутове — Перв. месяцы царств. Мих. Фед., стр. 12; Акты исц. дела, т. I, № 70.

³ О Пушкине — РИБ, т. XXVIII, 278, 304, 332, 511, 555, 589, 596 и 651; о Янове — Дворц. разр., т. I, ст. 238 и 233; о Чичерине — там же, ст. 281.

⁴ О Головине, — например, Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 2, 78, 81; Четв. См. врем., стр. 259 и сл. по указателю до 307; о Мартемьянове, — например, Арзам. поместн. акты, № 369, 372, 381, 393, 397, 401, 405, 408; Масловский архив, вып. I (в Чтен. Общ. ист. и древн., 1916, кн. II), № 110, 115, 137, 150, 157, цит. Материалы для ист. делопр. Пом. пр., стр. 298—299, 308, 198, 248—249 и др.; о Семенове — цит. Материалы А. К. Кабанова, № 97; Арз. пом. акты, № 389, 398, 400; Акты времени правления царя Вас. Шуйского, № 44 и 45 (подтверждения); Акты исц. дела, т. I, № 13, 17, 61, 74.

борные люди к грамоте успели «руки свои приложить на большое утверждение и единомыслие», необходимо было спешить с собираньем подписей сейчас же по изготовлении Утвержденной грамоты, пока не все еще успели уехать из Москвы. И некоторые справки о подписавших наш документ обосновывают это положение.

Об одних из подписавшихся в группе представителей от городов и уездов мы знаем, что они были в Москве в период выборов царя или даже более определенно — входили в состав Земского собора и, очевидно, оставались в столице и позже. Из духовных особ можно назвать Авраамия, игумена Богоявленского монастыря на Коломне, и Иону, архимандрита Борисоглебского монастыря в Торжке (подп. 205—189-я и 186—201-я), которые приложили руки и к не раз уже упомянутой соборной жалованной грамоте Трубецкому. Из представителей посада назову гости с Калуги См. Судовщикова (подп. 161—167-я), об участии которого в соборных заседаниях уже приходилось говорить ¹. Из дворян городских засвидетельствовано присутствие на Москве в январе и феврале 1613 г. Фендрика Дьякова и Юр. Иевлева с Тулы, Ст. Княжегорского из Нижнего и Андр. Чортова из Мценска ². Другие известны по более поздним упоминаниям о них. Так, с казанцем Пр. Врасским, очевидно, попавшим к царю в соборном посольстве, государь из Ярославля прислал в Москву одну из грамот ³; протопоп нижегородский Савва с попами и посадскими людьми, имена которых из рукоприкладств грамоты нам неизвестны, били челом о позволении «царские очи видеть» ⁴; не названные по именам «вятчане выборные люди» в начале мая поднесли государю и матери его три сорока соболей да 50 золотых ⁵. Наконец, третьи весною и летом 1613 г. подавали государю челобитья, иногда даже указывая в них, что они присланы в Москву «для царского обиранья», как протопоп брянский Алексей, кадомский мурза Вас. Черментеев (в Утвержденной грамоте без фамилии) и рязанец Андр. Хирин, чаще без таких указаний, как архимандрит Савватий из Перемышля, дворяне разных городов — Ив. Сем. Безобразов, Ив. Брехов, Андр. Гр. Змеев, Гр. Дм. Крекшин, Ив. Фед. Паркин, Ст. Стрешнев и Ив. Черемисинов ⁶. Напомним, что по таким же челобитьям весны и лета 1613 г. нам стали известны и некоторые не названные в рукоприкладах члены Земского собора. Приведенными данными уста-

¹ См. выше, стр. 222, прим. 1.

² О них — РИБ, т. XV, стр. 131 и 173 (в Кормл. книге Костр. чети), и Четв. Смутн. врем., стр. 114 и 126; их имена в рукоприкладах 165—162, 164—161, 193—237 и 202—185-м.

³ Дворц. разр., т. I, прилож. № 44, рукопр. 174—195-е.

⁴ Дворц. разр., т. I, прилож. № 13, рукопр. 221—233-е.

⁵ Перв. месяцы царств. Мих. Фед., стр. 13; рукопр. вятских выборных — 216—228, 217—229, 218—230 и 219—231-е.

⁶ О челобитях — Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 120, 82, 78, 185, 93 и 136, 80, 147, 141, 57 и 167 (и Четв. См. вр., стр. 66), 102 и 114. 76—77 и 124 (ср. Четв. См. вр., стр. 138—139), рукоприкл. 169—166, 199—213, 227—205, 208—219, 167—164, 175—193, 179—198, 163—172, 182—168, 203—188, 171—177-е.

навивается возможность для названных там лиц подписать Утвержденную грамоту вскоре по ее изготовлении. Но вместе с тем этими же справками устанавливается такая же возможность и для других подписавших грамоту и названных в ее рукоприкладах выборных из городов. Такой вывод становится необходимым для всякого, видевшего фототипию Утвержденной грамоты. Ведь кроме первых пяти рукоприкладств (и неключая рукоприкладств, попавшие на пробелы, Макс. Родилова и Ив. Селонского, дворян московских)¹, все остальные составляют две группы, разделенные пробелом после рукоприкладства 171-го по архивскому экземпляру. Каждая из них представляет непрерывную цепь рукоприкладств: лишь только кончается одно, сейчас же, без перерыва, в той же строке, все равно в середине или в конце ее, начинается другое. Совершенно ясно, что они давались в один и короткий срок, и из них нельзя выделить ни одного, данного через годы или даже месяцы после других, тем более что они сплошь все занимают разные места в обоих экземплярах грамоты.

Установленная возможность другими справками обращается в необходимость в зависимости от только что указанной взаимной связанности этих рукоприкладств. Уже в 7122 г. упомянутые в интересующих нас рукоприкладствах лица стали разъезжаться из Москвы по своим делам или на службу. Из духовных лиц укажу на зарайского протопола Дмитрия, который в мае 7122 г. *приезжал* в Москву, т. е. до того был у себя в Зарайске². Из посадских представителей имеем сведения о нижегородце Самышке Богомолове, который в январе 1614 г. в Нижнем подписывал челобитье царю, и о См. Судовникове, который, кажется, уже в феврале 7122 г. и во всяком случае в апреле 7123 г. был у себя в Калуге³. Несколько больше данных о дворянах. Так, кн. Ив. Путятин, названный в грамоте первым из четырех выборных арзамасцев-дворян, в десятином списке арзамасцев начала 7122 г. уже не записан (может быть, уже стал дворянином московским, каковым его знает «Книга» 124 г.) и в этом же году был воеводой в Урижуме⁴. Мисюрь Соловцов в 7122 г. ездил со служебным поручением в Соловецкий монастырь, а в 7123 и 7124 гг. сидел воеводой в Царицыне⁵. Казанец Беляница Юзюин в 7122—7126 гг. был воеводой в далеком Березове⁶. Ф. Арцыбушев, Гр. Дм. Крекшин и Фед. Полтев в 7122 г.

¹ См. Болрский список 1611 г., стр. 94 и 87, и «Книгу» 124 г., стр. 145. и 143.

² РИБ, т. IX, стр. 297, рукопр. 172—191-е.

³ Памяти. снош. с Персией, т. II, 198; РИБ, т. XXVIII, ст. 8 и 333, рукопр. 222—234-е и 161—167-е.

⁴ В Болрском списке 1611 г. Путятин третьим в выборе по Арзамасу, стр. 100. Десятный список 7122 г. в Арзам. пом. актах, № 390; «Книга» 7124 г. в АГМ, т. I, № 108, о Путятине стр. 146, о воеводстве — Дворц. разр., т. I, ст. 152, рукоприкл. 229—207-е.

⁵ Географ., истор. и статист. описание Солов. мон., ч. III, стр. 98, и Дворц. разр., I, стр. 193 и 246; рукопр. 192-е (только в арх. экз.).

⁶ ААЭ, III, № 42, и Дворц. разр., т. I, ст. 196, 248, 297 и 350; рукопр. 174—195-е.

служили под Смоленском, а Фока Ратм. Дуров, отправившийся в поход против шведов, уже в июле 7122 г. был пленником в Новгороде¹. Собирая справки о таких маленьких, на московский взгляд, людях, как большинство названных в рукоприкладствах выборных от городов, очень трудно. Но и приведенных данных, как раз касающихся таких лиц, рукоприкладства коих расположены в разных местах, кажется достаточно, чтобы показать, что датировать последнюю группу рукоприкладств Утвержденной грамоты даже 7122 годом нельзя.

На основании того, что среди этих рукоприкладств, и опять-таки в разных местах, имеются подписи несомненных членов Собора 1613 г., мы с очень большой вероятностью и остальных, здесь подписавшихся, можем признать присланными из городов «для государева обирания»; но это не значит, конечно, что все они и принимали участие в выборах: иные могли приехать в Москву и позже.

Подведем итоги исследованию.

1) Рукоприкладства на Утвержденной грамоте собирались в течение 7121—7125 гг., причем к 7121 г. относятся рукоприкладства членов Освященного собора (вероятно, все, кроме митрополита Ионы), часть боярских и все «провинциальных выборных».

2) При собирании рукоприкладств не старались приглашать подписывать грамоту только членов Собора, а потому

3) сами по себе рукоприкладства эти не определяют состава Собора в период выборов царя.

---

¹ РИБ, т. XXVIII, ст. 383, 413 и 371, п. Арсеньевские бумаги, стр. 29—30, рукопр. 215-е (только в экз. Оруж. палаты), 163—172-е, 209—222-е.

Приложение третье

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Эти справки имеют целью прежде всего помочь уяснению политических настроений деятелей нижегородского ополчения. Потому они даются главным образом именно об участниках ополчения и приводятся преимущественно за последние годы Смутного времени. Отсутствие справок о ком-либо из деятелей ополчения означает, что в моем распоряжении не было иных, чем приведенные в «Очерке», сведений.

Не приведено здесь совсем справок о крупнейших боярах московских, вроде Мстиславского, Фед. Шереметева и др., так как, во-первых, их положение в момент выступления их в истории ополчения — в период Собора 1613 г. — в некоторой мере обрисовано в «Очерке», а главным образом потому, что роль их в событиях Смуты, их политические настроения выяснены в «Очерках по истории смуты» С. Ф. Платонова.

Алябьев, Андр. Сем., известен как дьяк Галицкой чети при царе Борисе и Самозванце, но принимал участие и в военных действиях; в 1605 г. был послан с большим нарядом под Кромь; при Самозванце он упоминается еще в «первой встрече» польским послам в день царской свадьбы. Не знаю, оставался ли он в чети при царе Василии (во всяком случае в январе 7115 г. в Галицкой чети сидел Мих. Бегичев), но еще дьяком назван он в числе сопровождавших царя в поход на Тулу. С осени 7117 г. Алябьев уже вторым воеводой в Нижнем. О деятельности его за этот и следующие годы рассказано в «Очерке». Отмечу только, что в «Дневнике Сапег» сообщается о попытке его двинуться дальше из Муром к Касимову, близ которого он потерпел будто бы жестокое поражение; русские источники молчат об этом. О службе Алябьева при царе Михаиле сведения очень скудны: в 7126 г. он был в числе «обезжигих голов для огней» в Китай-городе, а в 7127 г. указан воеводой на Вологде. См. Четв. См. вр., 2—7 и др., Акты подмоск. ополч., № 119, док. 1—4, ААЭ, т. II, № 39, Разр. зап. за См. вр., 3 и 155, 81 и 137, 87 и 144; о службе в Нижнем ссылки «Очерка»; Polska a Moskwa, 221; Двор. разр., 1, 339 и 418. Монография о нем, сост. Ф. В. Алябьевым и дополн. Б. И. Алябьевым (Труды Влад. учен. арх. ком., кн. 15, 1913 г.), совсем не оправдывает данного ей названия и не заслуживает внимания.

Бахтеяров-Ростовский, кн., Влад. Ив., начавший службу еще при Грозном (записан в дворянах в списке 7085 г.), совсем мало заметен в Смутное время. В 7105—7107 гг. он был воеводой Тюмени, в далекой Сибири, в 7110 г. — воеводой же на юге, в Белгороде, а в 7112 г. был послан с Ив. Мих. Бутурлиным «Кумыцкую землю овладеть»; воеводы московские овладели Тарками; вскоре при разгроме русских Бахтеяров попал в плен, но в 7116 г. был уже в Москве. Женитьба царя Василия на княжне Буйносовой открыла ее родственнику, к тому же считавшему себя выше Буйносовых по родовому положению, дорогу в Думу государеву: 2 февраля 7116 г. ему сразу было сказано боярство. Но местническое положение захудалого князя Ростовского было так плохо, что стоявший у сказки ему боярства А. Ф. Нагой, сам невысокой «породы», добился записи этого сказанья «не в место», и при этом кн. Влад. «ничего об оборопи государю не бил». Позже Бахтеяров попал как-то поневоле в Тушину (по одному известию, привезен был из Астрахани, но когда и зачем он оказался в Астрахани, не знаю), откуда бежал в Москву в конце декабря 1609 г. Весь 1610 г. он провел, очевидно, в столице: его подписи имеются под боярскими грамотами послам и Шейну о сдаче Смоленска королю. Летом 1611 г. кн. Влад. был воеводой во Владимире; где он был в 1612 г., мне неизвестно, но во всяком случае, боярские воззвания января 1612 г. не имеют его рукоприкладства. Дальнейшие сведения о нем до самой смерти приведены в «Очерке» и во втором приложении. См. Акты Моск. гос., I, № 26. РИБ, II, № 60; АИ, II, № 8, 321 и 322; Сибирск. сборник, М. 1845; Разрядная книга, стр. 147; Изборник, 321 и 323; Нов. Летоп., 58; Разр. зап. за См. вр., 130, 210—211 и 218, 104 и 125, 164 и 165, 189, 223. Дворц. разр., I, 325; ААЭ, II, № 155; Акты времени правл. Шуйского, № 68; Акты подмоск. ополч., № 4; дальнейший материал в соотв. местах «Очерка» и второго приложения.

Бегичев, Мих. Петр., сначала сын боярский, смольнянин, при Шуйском дьяк (в январе 7115 г. указ. в Галицкой чети); в декабре 7119 г. назначен Сигизмундом, несмотря на то, что значился в списке верных Шуйскому дьяков с указанием, что «дьячество ему дано за шептанье», в Казанский дворец; в Москве он служил, однако, видимо, очень недолго, ибо в «Боярск. списке» 7119 г. совсем не значится; с декабря 7121 г. он снова в Галицкой чети. — Акты подм. ополч., № 119, док. 4, 6, 7 и 48; *Н. П. Лихачев*, Разрядные дьяки, прилож., стр. 69; АИ, II, № 310, СГГр и Д, II, № 218, лист 33 и АЗР, IV, № 183, стр. 399; Четв. См. вр., стр. 241—242.

Болотников, Ив., в 7112 г. состоял в подьячих Новгородской чети, в 7118 г., все еще будучи подьячим, дозировал Усолокской уезд, но к концу царствования Шуйского, повидимому, получил место дьяка на Старом Земском дворе; Сигизмунд в декабре или январе 7119 г. назначил на его место другого. С образованием нового правительства под Москвою Болотников ведал здесь Устюжскую четь, но к январю 7120 г. был уже дьяком в Ярославле, где и оставался едва ли не до конца февраля 7121 г. Приехав затем, очевидно, на короткий срок, в Москву, он вскоре явился к государю в Ярославль

и в грамоте 22 апреля 7121 г. уже называется первым дьяком в Большом дворце. Служба его при царе Михаиле продолжалась еще долгие годы. См. Четв. См. вр., 22 и 25; Акты писц. дела, I, № 125; СГГр и Д, II, № 218 (ср. 219; АИ, II, 314, и АЗР, IV, № 183, ДССЛ; в Разр. зан. за См., 46, очевидно, вместо 7115 г. должен стоять по отношению к Болотникову 7118 или 7119 г., как и на стр. 107 вместо 7119 нужно для ярославских воевод 7120 г.); Волог. губ. вед., 1855 г., № 26, стр. 227—228; Акты подм. ополч., № 53 и 57; ААЭ, II, № 203; Акты врем. междущ., 57—58; Углицк. акты, № 6; Дв. разр., I, ст. 67 и 1140 (ср. 1087 и Акты врем. междущ., 68 и 71).

Борятинский, кн., Фед. Петр., начавший службу при Грозном, по своей неродословности не выделялся на московской службе; бывал на воеводствах в Ельце в 7113 г., в Ивангороде (вторым) при Самозванце, но когда он перешел в Тушино, здесь среди худородных советников Вора сразу выдвинулся, получил сан боярина и важный пост воеводы в Ярославле в 1608—1609 гг.; продолжал он служить «царю Димитрию» и тогда, как тот сидел уже в Калуге: в это время Борятинский был воеводой Новгорода Северского. О службе его в 1611—1612 гг. не имею данных, но, вероятно, он служил во втором ополчении и был пожалован «при боярех». Потом был членом Земского собора 1613 г. и служил царю Михаилу в чине дворянина московского. — Акты Моск. гос., I, стр. 41 и 143; Разр. за См., 4, и 199, 72, 133 и др. 40 и 74, 84, 140 и 205; Сборн. кн. Хилкова, № 12, VI, IX, X, XII — XIV, XXI, XXIII, XXVII, XLV, LI и № 15; АИ, II, № 155 и 280; Акты времени Шуйского, № 55; Докл. выпись 7121 г., стр. 18, рукопр. кн. на грамоте Трубецкому.

Буйносов-Ростовский, кн., Ив. Петр., как и другие Ростовские, становится заметным при Шуйском благодаря родству с царем, бывает в рындах, даже носит звание кравчего. Из Ярославля летом 1612 г. был послан, как мы уже знаем, в Тобольск и вернулся лишь к концу 7124 г.; царю Михаилу служил со званием дворянина московского. — Разр. за См., 28, 76 и пр., 12 и 45, 122, 123, 176, 252, 223 и 224: в 7112 г. его оклад всего 20 рублей. — Четв. См. вр., 14; дальн. материал в «Очерке» и втором прилож.

Бульгин, Ив., дьяк., в 7120 г. осенью в Переяславле-Залесском, в 7121 г. с 15 дек. в Разряде в Москве, а с марта указывается в Челобитенном приказе; летом 7122 г. был уже в Тобольске. — Боярск. сп., 86; Акты подм. ополч., № 23 и 33, 85, 97, 104, и много указ. в Четв. См. вр. — по указ.; Церв. мес. царств. Мих. Фед., 2, 26, 31, 199 и др.

Бутурлин, Вас. Ив.; заметный уже при царе Борисе и при Самозванце, он при Шуйском играет крупную роль: он — чапник и один из видных придворных, но и ратный воевода, действовавший против Болотникова, Лисовского, помогавший Фед. Шереметеву и участвовавший в походе против Жолковского. Служивший царю Василию, очевидно, не за страх, а прежде всего за совесть, по сознанию, Бутурлин раскрыл ему заговор Крюка-Колычева. К царствованию Шуйского относится и знакомство Бутурлина со шведами: он во Владимире встречал и дарил послов Делагарди. По низло-

жении Шуйского Бутурлин недолго оставался верноподданным Владислава; еще Жолкевский стоял в столице, а чапшик царя Василия вступил уже в сношения с враждебным недавно его государю Пр. Ляпуновым; вернувшись от него с Рязани, готовил в столице восстание, действуя, — это характерно для Бутурлина, — среди «немецкой» пехоты, был открыт, подвергнут будто бы даже пытке и во всем признан. Неудивительно, что потом он оказался в рядах земского ополчения, был вскоре послан «начальниками», очевидно, Ляпуновым, по позднейшему официозному рассказу, «Новгорода оберегати» (вторым воеводой сюда), но, как это выясняется по другим источникам, для осуществления близкого Ляпунову и ему плана о воцарении на Москве шведского королевича. В его ссылках и съездах с «немцами», о которых с таким осуждением говорит «Новый Летописец», дело было поставлено так прочно, что власти ополчения уже назначали послов к королю для окончательных переговоров. Но Ляпунов погиб, Новгород попал в руки шведов, а Бутурлин, по изображению того же «Летописца», не прищипавший никаких мер к противодействию и, наоборот, выграбивший лавки на Торговой стороне, получив от «друзей»-шведов «весь свой живот», уехал под Москву. Однако ему было не место среди казачьих руководителей. Уже в конце сентября он принимает участие в совете в Троице-Сергиевой обители по вопросу о созые снова земских ратных людей, хотя бы официально и в помощь Трубецкому и Заруцкому, едет с соответственным поручением во Владимир и низовые города, и к началу апреля он уже в Ярославле у Пожарского. Мы уже знаем, что с ополчением он пришел снова к Москве, временно отряжался во Владимир в январе 1613 г., но ранее и позже был в столице, принимал участие и, наверное, играл роль в соборных заседаниях, отставая, можно догадываться, шведскую кандидатуру. Правительство царя Михаила жестоко послало его на войну со шведами; при отступлении от Бронниц он умер как-то летом 1614 г. О местническом положении Бутурлина достаточно говорят его отказы, признанные царями, быть с боярином кн. Бор. Лыковым и околышчим кн. Дан. Ив. Мезецким. — Разр. за См., 238, 77 и 81, 134 и 137, 10 и 43, 89 и 146, 14, 48, 93 и др., 16, 50 и 100, 18 и 54, 102, 124 и 163, 255, 224, 225; Сказ. соврем. о Дмитрии Самозв., т. II, 1859 г., стр. 216. Polska a Moskwa, 186, 190—191, 283; Акты времени Шуйск., стр. 117, 150—153; Четв. См. вр., 111, 192, 193, 217; Записки Жолкевского, прилож. № 27; АЗР, т. IV, стр. 439 и 480 (или Сборн. И. русск. ист. общ., т. 142, стр. 554); Нов. Летоц., стр. 110, 113—114, 132; Изборник, стр. 341, 342, 355, 358—350; АИ, II, 331; ААЭ, II, № 193; Памятники ист. нижег. движ., CXLIIV, Г. А. Замятин, К вопр. об избрании Карла-Фил., стр. 14—18; РИБ, т. XIII, изд. 2, ст. 1206—1207; далее в «Очерке» и втором прилож.

Вареев, Андрей, дьяк Шуйского, сидевший с 1607 г. в Разряде, в котором оставался и при боярах в Москве, кажется, весь 7119 г.; одновременно с 7119 г. был он некоторое время и на Казенном дворе: к началу апреля 7120 г. он в Ярославле у Пожарского, потом под

Москвою и в Москве в Разряде, а в марте в соборном посольстве к царю. — *И. П. Лихачев*, Разр. дьяки, стр. 534; Разр. за См. вр., 143 и 214, 224, 236 и 237. Земельн. пожал. при Владиславе, 10—11, 45 и 55; РИБ, т. II, № 95, IV; Четв. См. вр., стр. 103, 114 и ряд др.; Дворц. разр., I, ст. 67—68 и 1148; далее во втором прилож.

Васильев, Сыдавный, дьяк, служивший царю Василию Шуйскому с июля 7114 г. во дворце, в походах и на дипломатическом поприще; Сем. Вас. Головин и он заключили со шведскими уполномоченными известный довод о помощи со стороны Швеции царю Василию. Осенью 1610 г. Сыд. Васильев в «великом посольстве» отправился под Смоленск, но уже в декабре, добившись грамоты на новое поместье взамен взятого у него, получил от Сигизмунда отпуск. Не знаю, служил ли он затем в Москве или под Москвою. В сентябре 7120 г. он, по решению совета в Сергиевой обители, послан вместе с Вас. Ив. Бутурлиным во Владимир и низовые города с призывом «о помощи на иноплемennых». В феврале и марте этого года он сидел в Разряде у Трубецкого (и, кажется, в это время впервые именуется думным), а потом, не знаю когда, перешел к Пожарскому, во всяком случае еще до соединения ополчений скреплял он грамоты земского воеводы. По соединении ополчений и позже при царе Михаиле он, кажется, до самой смерти стоял во главе Разряда и Большого дворца. — Материалы *А. К. Кабанова*, № 67; Акты врем. Шуйского, № 4, 25, 30, 53; Разр. за См., 45, 86, 89, 94 и др. о том же, 21 и 57, и 65 и др.; СГГриД, т. II, 166, 201, 205 и 206; АЗР, IV, № 182 и 183 (стр. 392); Сборн. И. русск. ист. общ., т. 142, стр. 126—263 (особ. 211 и 212); РИБ, т. XIII, изд. 2, ст. 1206—1207; Чтения Общ. ист. и др., 1900, II, материалы *Зерцалова*, стр. 50, 35 и др.; Четв. См. вр., 57, 55, 52 и др. о 7120 г. и масса за 7121 г. — 63, 111, 74, и по 7126 г. — 306 стр., о службе при царе Михаиле и др. материалы.

Вельяминов, Леонт. Андр., служил Шуйскому, назначался в рынды; в Боярском списке 1611 г. в стольниках; уже в марте 1611 г. московские правители распоряжаются данным ему Шуйским поместьем, очевидно, считая его изменником Владиславу, и сам Вельяминов с отрядом из Новгорода бьется с «литовскими людьми» у Старой Руссы; о его службе в ополчении и при царе Михаиле речь шла в «Очерке» и втором прилож. — Разр. за См., 121, 174 и 247; Боярск. список, стр. 81; Земельные пожалов. при Владиславе, 17—20; Четв. См. вр., 228, ААЭ, II, № 183.

Вельяминов, Митрофан Андр., в чине жильца подписывал Утвержденную грамоту царя Бориса; не знаю, подвергся ли он репрессиям, обрушившимся на Вельяминовых при Шуйском, но в Тушине он не был и даже громил «воровские» отряды в сентябре 1610 г. В декабре этого же года Сигизмунд дал ему грамоту на новое поместье, но с началом движения против поляков Вельяминов примкнул к нему, с особым полком был под Москвою до самой присяги Исковскому вору, которая заставила его, земского человека, перейти в новое земское ополчение Пожарского. — ААЭ, II, № 7, стр. 45; РИБ, I, 698 и 287; АЗР, IV, стр. 395, др. материалы, см. стр. 97, прим. 3.

Витовтов, Алексей, дьяк, приезжал от Трубецкого и Заруцкого в Ярославль к Пожарскому с грамотой, содержавшей их отказ от Псковского самозванца и просьбы о помощи; в 7121 г. служил в Москве в Устюжской чети, в начале царствования Михаила послан в Англию; возвратившись оттуда, был дьяком в Разбойном приказе, в начале 7124 г. был с Воротыньским под Смоленском, а с конца этого года стал главным дьяком Нижегородской чети; смена его Грамотным 5 апреля 7126 г. и сыск, обнаруживший злоупотребления его, окончили его службу; позже мне не удалось найти о нем сведений. — СГГр и Д, II, 281; грамота № 2 в перв. прилож. «Очерка»; *А. И. Заозерский*, К характеристике моск. дипломатии XVII в. в Сборнике статей, посвящ. С. Ф. Платонову, стр. 335—355; Дв. разр., I, 187, 197, 308; РИБ, XXVIII, 306, 254, 273 и др., 787, 514, 521—522; ААЭ, III, № 70; Семь сборов запр. и пят. денег, № 60; Арзам. пом. акты, № 403; Акты инсц. дела, I, № 22, 23, 68, 37 и 71; *С. Б. Веселовский*, Сошное письмо, II, стр. 161—163 и пек. др. упоминающ.

Витовтов, Григ., дьяк., сидевший, по одному указанию, в Разряде при царе Борисе, в первом ополчении ведал Владимирскую и Ярославскую чети, по соединении Трубецкого с Пожарским указывается только во Владимирской; в ней же и при царе Михаиле по апрель 7122 г. — Разр. за См., 113 и 195 (не ошибочно ли вместо Тимофея Витовтова?); Акты подмоск. ополч., № 1, 2, 39 и 67, 77, 81, 92, 109; Четв. См. вр., 244, 245; Столбцы б. Архива Оруж. палаты, № 1, 10, посл. 24; РИБ, XXVIII, 1—3, 114 и др.

Витовтов, Тим. Андр., в 7107—7108 гг. был дьяком в Тобольске, а с начала 7110 г. в Разряде вторым, а при Шуйском, с 7115 г., во всяком случае, первым и думным, весной 7117 г. он, очевидно, в опале, был уже дьяком в Свияжске, где оставался и в 7119 г.; летом этого года, впрочем, уже после гибели Ляпунова, Витовтов служит под Москвою, но недолго (уном. в августе-октябре), а летом 7120 г. он стоит во главе Монастырского приказа в Ярославле. О дальнейшей его службе у меня сведений нет, но в 7123 г. он, видимо, жив: уном. его крестьянин. — Др. росс. вивл., изд. 2-е, т. III, стр. 113; *Н. И. Лихачев*, Разр. дьяки, стр. 189, прим. 3, 515, прим. 2; *Н. И. Кашкин*, Родосл. разведки, II, стр. 6—8; Масловский архив, вып. I, № 80 и 98; Разр. за См., 113, 78, 116 и 135, 87, 144; Акты врем. Шуйского, стр. 264 и № 32; Акты междущ., стр. 201; Четв. См. вр., стр. 48 и 53, 103, 127, 130; Акты подмоск. ополч., № 13 и 31; ААЭ, II, № 209; А. до ю. б., II, № 230, VIII; РИБ, т. XXVIII, 311.

Волконский, кн., Фед. Ив., бывавший в воеводах еще при царе Борисе в эпоху борьбы с Самозванцем, служил Шуйскому, но принимал деятельное участие и в насильственном пострижении его в монашество; осенью 7119 г. он был воеводой в Суздале, затем, очевидно, в Костроме, откуда в феврале выступил под Москву для борьбы с поляками; после гибели Ляпунова Волконский, повидимому, уехал: по крайней мере, его нет в ноябрьском списке бывших под Москвою с Трубецким; в начале апреля 7120 г. он уже во

втором земском ополчении в Ярославле; повидимому, был на Соборе 1613 г. — Разр. за См., 27, 75 и др., 132 и 211, 14, 48 и др., 19 и 56, 58 и 235; ААЭ, II, № 198 (ср. «Очерк», стр. 70, прим. 3), 183 и 188; АИ, II, 327; СГГр и Д, II, 242; Изборник, 350; Боярский список, 1611 г., стр. 91, дальн. в «Очерке».

Волынский, Фед. Вас., упоминается на службе еще при царе Борисе; при Шуйском в 7114 г. назначен в украинный разряд под Кромь, а в 7116 г. послан на воеводство в далекий Сургут, где и оставался до февраля-марта 7120 г. По возвращении из Сибири, может быть, входил во второе ополчение, пожалован «при боярех» землею и, видимо, участвовал в царском избрании. — Разр. за См., 28 и 76, 79 и 141, 49, 94, 175 и 250; Акты времени Шуйск., № 63, 67, 108—117; Акты врем. междун., стр. 3, 46, 48 (ср. 50, 61); РИБ, II, № 90, грам. I и 2; Боярск. список, стр. 80, и Докл. выпись 7121 г., стр. 9.

Гагарин, кн., Ром. Ив., в 7110 г. был воеводой в Путивле, в 7113 г. головой в Смоленске. При Шуйском Гагарин сначала служил царю, участвовал в походе против Волотникова, но в тяжелую пору московской осады вместе с Сунбуловым и Тим. Грязным учинил бунт с требованием «царя Василия переменить» и, потерпев неудачу, вместе с сотоварищами отъехал в Тушино. Однако тушинская среда и тушинские настроения оказались для него неприемлемыми, и он уже в мае с раскаянием вернулся в Москву, и царь «вину ему отдал». В 7119 г. он был некоторое время воеводой на Костроме; на это же место был он назначен и Пожарским; Гагарин служил и при царе Михаиле. — Синоб. сборник., Разр. кн., стр. 148; Разр. за См., 194, 9, 42, 85, 88, 145 и др.; Нов. Лет., 87; *Карамзин*, Ист. гос. рос., т. XII, прим. 361 (ср. *С. Ф. Платонов*, Очерки Смуты, стр. 322, 333 и 334 и прим. 172); о воев. на Костроме см. «Очерк», стр. 93 (ср. кн. Фед. Ив. Волконский).

Головин, Сем. Вас., шуриин молодого воеводы кн. Мих. Скопина-Шуйского, на которого имел, очевидно, большое влияние (например, в Новгород Скопин взял с собой немпогих, «кого пожаловал шуриин ево»), известен прежде всего заключением договора со шведами, потом походом в передовом отряде Скопина к Москве. За эту службу царь Василий пожаловал его «на велик день», т. е. на пасху, 8 апреля 7118 г., в околышнице; в «Очерке» отмечено участие его в «совете всея земли» в Ярославле и в Земском соборе 1613 г., во втором прилож. о первых годах службы его при царе Михаиле. — Разр. за См., 16, 17, 50, 51, 53—54, 100, 104, 126, 215, 225, 223; Изборник, стр. 342; Нов. Летоп., 84, 86, 89 и 90; Акты врем. Шуйского, № 67 (см. также докум. мат. о Сыд. Васильеве).

Головин, Сем. Влад., дьяк, бывший при Скопине-Шуйском в Новгороде, потом в отряде Сем. Вас. Головина; по грамоте Сигизмунда от 6 декабря (нов. ст.) 7119 г. ему назначено поместье в Юрьевском уезде, но потом Головин считался в «измене» московским правительством, которое в июле отдало его поместье Гр. Ромодановскому; других данных о службе его в первом земском ополчении не встретил, о втором — в «Очерке». — ААЭ, II, № 154; АЮ, 216, VII

и IX; АЗР, IV, № 183, DCLXXIV, стр. 394, и Зем. пожал. при Влад., ст. 53—54.

Головин, Фед. Вас., стольник еще царя Ивана (по списку 7085г.), при Годунове был в удалении от двора на воеводствах в мелких городках—в Царево-Кокшайске (7110 г.), в Сургуте (7111—7113 гг.), но и при Шуйском, став окольничим (в 7115 г.) и постоянно принимая участие в походах и битвах, он все-таки не играл крупной роли. По низложению Шуйского Головин оставался все время в Москве, но также самым рядовым членом правительства, известным только потому, что «рука» его есть и на грамотах с убеждением Шеина и др. сдать Смоленск Сигизмунду и на известных нам боярских воззваниях конца января 1612 г.; к чести для него не встречаем его имени среди пожалованных Сигизмундом и от имени Владислава; это — свидетельство об его известной честности, тогда как рукоприкладства лишь показатель отсутствия мужества. Такое прошлое открыло ему возможность перейти по взятии Москвы в состав нового земского правительства, впрочем, опять на незаметную, чисто служебную роль (верстать служилых людей), и он избран в состав посольства к царю. — Акты Моск. гос., I, № 26; Синоб. сборн.; Разр. кн., стр. 148; Др. росс. вивл., изд. 2-е, т. III, стр. 117, и Обзорение столбцов и книг Сибирск. приказа, ч. III, стр. 214. Разр. за См., 87, 122, 176, 90, 91, 13, 14, 15, 16, 99, 103, 223, 224 и др.; АИ, II, 321 и 322; СГГр и Д, II, 176 и 177 (те же грам. в Сборн. И. русск. ист. общ., т. 142, стр. 222—231 и 289—299).

Данилов, Мих., дьяк; о службе его до Ярославля известно лишь, что в 7115 г. он был в Разряде и что в сентябре 7120 г. по решению совета «прилучившихся» в обители св. Сергия бояр, дворян и дьяков послан с боярином кн. Андр. Петр. Куракиным «для збора ратных людей» в замосковные и поморские города. — Разр. за См., стр. 46, и РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1206.

Дмитриев, Мих. Самс., значится в числе дворян в 7085 г. в 7110 г. был первым дворянином в свите послов в Польшу Салтыкова и Власьева, в 7114 г. при Шуйском воеводствовал в Воронеже, в 7119 г. весною стоял во Ржеве, очевидно, назначенный из подмосковного ополчения; подошедшие к городу «литовские люди» вынудили Дмитриева отойти. Об участии Дмитриева во втором ополчении и, вероятно, в Земском соборе 1613 г. была речь в «Очерке». Здесь кстати отметить недолгую службу его царю Михаилу: в 122 г. он был воеводой в Темникове, осенью 7124 г. ходил вместе с другими за Лисовским, но без удачи, весною назначен в украинный разряд в Новосиль, а к осени 7125 г. был во Мценске; вскоре в бою с «литовскими людьми» под Болховым Дмитриев был убит. — Акты Моск. гос., I, № 26; Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 107 и 169, и Пов. Летоп., 55; Разр. за См., 83 и 139; Чтения Общ. ист. и др., 1915, кн. III, смесь, № 2; Дв. разр., I, 523 (и АИ, III, № 11), 201—203, 211, 257 и 258.

Дмитриев, Никита, в 7115—7117 г. дворцовый дьяк Шуйского, зимою 7118 г. послан в Корелу, а в 7120 г., как нам уже известно,

в Монастырском приказе в Ярославле. — Акты врем. Шуйского, № 53, док. 2; АИ, II, № 156 и 286; Разр. за См., 53.

Долгорукий, кн., Алексей Григ., дворянин московский в списке 7085 г. и в Утвержденной грамоте царя Бориса, был одним из воевод, действовавших против Самозванца; но в походе его к Туле кн. Ал. уже один из его воевод; при Шуйском Долгорукий принимал участие в борьбе с ратями Болотникова и Лисовским, преуспевал на службе, доведя свое жалованье с 15 рублей в 7112 г. до 90 в 7118 г. О службе его за следующие годы до появления в Ярославле у Пожарского нет данных. — Акты Моск. гос., I, № 26; ААЭ, II, № 7; Разр. за См., 131, 30, 73, 7, 83, 91, 95; Четв. См. вр., 20 и 308; Боярский список 1611 г., стр. 88. В том списке два двор. кн. Ал. Долгоруких, но об Ал. Вас. нет других сведений, Ал. Гр. пожалован «при боярех» (докл. выпись, 16); это пожалование и заставляет считать именно Ал. Гр. того Ал. Долгорукова без отчества, который подписал грамоту 7 апреля в Ярославле.

Долгорукий, кн., Влад. Тим., служил еще при Грозном (дворянин по списку 7085 г.), при царе Борисе был воеводой в прикавказском городке Койсе, которую после разгрома Тарок сам сжег и ушел на Терек. О службе его при Самозванце не имею данных. Шуйскому был, видимо, близок: пожалован им сразу в бояре, — честь чрезвычайная для захудалого князя, — и получил большой поместный оклад — 1 100 четей; бывал у царя за столом в числе немногих, на царской свадьбе был «у постели» (тоже свидетельство близких отношений); в 7118 г. был судьей Монастырского приказа, бывал и в ратных воеводах без особого успеха, а при защите Коломны даже попал в плен к Лисовскому. Во время изложения Шуйского и в первые месяцы правления бояр Долгорукий, повидимому, был во Пскове и Новгороде, но потом приехал в столицу, где прикладывал руку к грамотам о сдаче Смоленска. Не знаю, долго ли оставался он в Москве, но во всяком случае на январских 1612 г. грамотах его подписи нет. Весною того же года Долгорукий был уже в Ярославле у Пожарского. — Акты Моск. гос., I, № 26; Изборник, 322—323; Нов. Летоц., 46, 58, 80, 81; Разр. за См., 12, 14, 92, 119, 95, 98, 103, 123, 223, 18, 215 и др.; Материалы А. К. Кабанова, № 103; Н. П. Попов, Опис. рукоп. Моск. Симон. мон. в Чтен. Общ. ист. и др., 1910, II, стр. 131; Др. рос. вивл., изд. 2-е, т. XX, под 7115 г.; Арзам. ном. акты, № 210 и 220; СГГри и Д, II, № 209; АИ, II, № 321 и 322 (и Сборн. Имп. русск. ист. общ., т. 142, стр. 114, 225 и 230).

Долгорукий, кн., Гр. Бор., в 7113 г. при царе Борисе был вторым воеводой в Курске, но вскоре перешел на сторону «царевича Димитрия» и защищал от Мстиславского Рыльск; Самозванец награждал его саном окольничего, держал при дворе, поручая такие деликатные дела, как приглашение к себе Симеона Бекбулатовича. Однако близость к Самозванцу не помешала кн. Григ. сохранить положение и при дворе царя Василия, которому он служил и мечом (известная оборона Троице-Сергиева монастыря велась под его руководством). В 7120 г. Григ. Бор. был некоторое время воеводой на Двине, весною, очевидно, переведен на Вологду, где и убит «литвою» 22 сен-

тября 7121 г. — Разр. за См., 26 и 76, 73 и 203, 40 и 178, 82 и 138, 87, 89, 95, 97, 117 и др.; Нов. Летоп., 62, 82; Сказание Палицына во 2-м изд. XIII т. РИБ, 1034 и сл.; Летопись Двинская, стр. 16, Акты гражд. распр., I, № 61; Семь сборов запр. и пят. денег, прил. 8 (ср. ААЭ, II, 205); Акты междуц., 59; А. до ю. б., II, № 191; о гибели его в «Очерке», стр. 159.

Евдокимов, Аф. Жданов, р 7114 и 7115 г. дьяк в Казани, в 7116 г. назначен был с кн. Ив. Вас. Голицыным идти на смену Фед. Ив. Шереметеву с товарищи, но Голицын «дале Казани на низ не пошел», очевидно, из-за бывших на Волге движений казачьих. В 7119 г. Евдокимов, очевидно, служил в Москве, но когда выяснились господство в ней поляков и планы Сигизмунда, уехал в Казань, привезя 7 января вести, пошедшие потом по стране, о положении дел в столице. От Трубецкого и Заруцкого в 7120 г. (не позже декабря) он получил поместье, что заставляет предполагать службу его в первом ополчении. С 7121 г. по март 7123 г. он был дьяком Казанского дворца и в 7123 г. с К. Мининым собирал пятину с торговых людей в Москве. — Акты врем. Шуйского, № 3 и стр. 187 (ср. Изборник, 339); Грамоты и акты Вятск. Успенск. Триф. мон. 1580—1764, собр. и изд. А. В-ным (*Верещагиным*) в Труд. Вятск арх. ком., 1906, вып. I—II, № 12; СГРр и Д, II, 224; Курмыпские акты, № 4; об остальном в «Очерке», втором прил., и Семь сборов запр. и пят. денег, прил. 9.

Елецкий, кн., Фед. Андр.; рында царя Бориса и Самозванца, оп служил и Шуйскому. В 7118 г. послан в Царево-Займище, там был осажден поляками, сдаваясь, подписал договор с Жолкевским о воцарении на Москве Владислава и послан гетманом к Сигизмунду под Смоленск, где успел добиться грамоты, утверждавшей за ним вотчины и поместья его отца. Присягавший Владиславу кн. Елецкий не захотел служить Сигизмунду, примкнув к объединившейся в первом земском ополчении стороне деятелей; с конца 7119 г. был он воеводой в Боровске и сносился с подмосковным правительством, к весне он отправился в какой-то «Северский поход», очевидно, против поляков. Для борьбы с «литовскими людьми» он был послан осенью 7121 г. и из второго ополчения. — Разр. за См., 27, 74, 7, 10, 18, 54 и 55; Записки Жолкевского, изд. 1871 г., стр. 44 и сл., 63—64 и прилож. № 24 и 25 (СГРр и Д, II, 204; Сборн. И. русск. ист. общ., т. 142, стр. 89); АЗР, IV, № 183, СЛП (стр. 340); Акты подмоск. ополч., № 20, 22, 23, 56, 75; Перв. мес. царств. Мих. Фед., стр. 197; Боярский список 1611 г., стр. 78.

Емельянов, Никиф., дьяк, бывший при Шуйском в Холмогорах (в 7118 г.), потом сидевший в Большом дворце в Ярославле в 7120 г., а в 7121 г. — городovým дьяком в Соли Галицкой; при царе Михаиле в 7123 и 7124 гг. был дьяком в Арзамасе, где и умер (до апреля 7124 г.). — АЮ, № 25, и Летопись Двинская, стр. 16; далее см. «Очерк», стр. 113—114; Дв. разр., I, 188 и 239; Арзам. пом. акты, № 392—395, 398—399.

Ефанов, Ив. Яковл., упоминается в 7101 г. в качестве «справного» подъячего Поместного приказа, в этом чине он был и писцом Рома-

новского уезда; с 14 февраля 7103 г. и до конца 7113 г. Ефатов состоял уже дьяком Поместного приказа; где он служил затем, мне неизвестно, во всяком случае не в своем приказе; в 7118 г. при Шуйском он сидел в Новгородском разряде (Новгор. четв?) и, кажется, вновь в Поместном, в 7119 г. некоторое время был дьяком в Романове, летом — снова в Поместном приказе под Москвою, но к началу 7120 г. он оказывается в Ярославле, также ненадолго (не далее декабря); затем мы встречаем его вновь под Москвою, но неизвестно, сидел ли он тогда в приказе или нет; с весны 7121 г. и по 7124 г. Ефатов городовым дьяком в Вологде; дальнейших сведений о нем мне не удалось найти. — Арзам. пом. акты, № 417 (420?), 437, 455, 113 и др., 189 (ср. 192), затем 235, 291; Акты писц. дела, I, № 248. Масловский архив, I, № 70, 80, 86; АИ, II, № 49; Четв. См. вр., стр. 1, 8 и 15; Акты, врем. Шуйского, № 47; Акты времени междоусобиц., предисл. IV; Чтен. общ. ист. и др., 1863, IV, смесь, стр. 9, Разр. за См., 106; Акты подмоск. ополч., № 23 и 33, ср. 53; ААЭ, II, № 215; о дальнейшем во втором прилож.

Звенигородский, кн., Вас. Андр., строитель стен смоленских, в 7110 г. с Гр. Микулиным был на польском рубеже для установления грани «межи Чернигова и Путивля», в 7113—7115 гг. вторым воеводой в Смоленске (при Ив. Сем. Куракине); упоминается на службе московской и в 7116 г., но за последние годы царствования Шуйского сведений о кн. Вас. нет; очевидно, именно к этим годам относится более позднее указание, что при царе Василье Звенигородские были «в закоснеенье и отосланы». Не стоит ли эта опала в связи с тем, что свойственник их Мих. Гл. Салтыков перешел в Тушино и был там одним из главных руководителей? Но сам кн. Вас. в Тушине, как кажется, не был. С присягой Владиславу для Звенигородских благодаря связям с одним из творцов февральского договора о королевиче — Мих. Салтыковым — открылась дорога к почестям: кн. Вас. и брат его Федор были назначены указами Сигизмунда в Думу окольничими и получили обратно старую вотчину, отдавшую было (не Шуйским ли?) кн. Токмакову. Однако опять определенных данных об активной деятельности, даже об участии в боярском правительстве в Москве кн. Вас. Андр. нет. В 7120 г. он оказался воеводой в Нижнем, где и присягал царю Михаилу. Возвращенный с лишением окольничества в ряды московского дворянства, но и пожалованный в числе сравнительно немногих новым царем в первые же месяцы по принятии престола, Звенигородский незаметен в кругу служивших Михаилу Федоровичу и упоминается только как воевода в Коломне в 7123 и 7124 гг. — ААЭ, I, № 365; Собрн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 6 и 175, 198—200, 287—290, 601; Разр. за См., 41, 74, 204, 84 и 140, 107; АЮ, № 338; АИ, II, 306, III; СГГр и Д, II, № 218, «листы» 40 и 41; АЗР, IV, № 183, DCXXII и DCLXX (стр. 389 и 394). О воеводстве в Нижнем в «Очерке», 59, 170, прим. 5 и 200; Докл. выпись 7121 г., 15; Дв. разр., I, 190 и 250; РИБ, XV (Кормл. Костр. четв.), 47, и Акты писц. дела, I, № 33. — Я оставил в стороне данные ранее 1595 г. (собр. уже Г. А. Власьевым, Потомство Рюрика, т. I, ч. 1, стр. 568) главным образом потому,

что в 70 и 80-х годах XVI в. действовали, повидимому, два кн. Звенигородских с именем Вас. Андр. или же другой кн. Вас., не будущий «окольный»; но крайней мере, *С. Б. Веселовский* отмечает в «Сошном письме» (т. II, стр. 591), что известный писец Двинской земли в 7096—7097 гг. Вас. Андр. Звенигородский умер, не окончив письма; упоминание Двинской летописи (стр. 13) об его пострижении и кончине в Соловецком монастыре могло бы быть истолковано и как заметка о факте более позднем, чем письмо, лишь вместе с указанием его ксатати помещенная.

Золотарев, Гуляй, дьяк Конюшенного приказа в 7112 и 7115 гг., позже, «при литве», но до «московского разоренья», дворцовый дьяк в Москве и дворцовый же с конца 1612 г. — Четв. См. вр., I, 7, 14 и др.; Разр. за См., 87 и 144; АЮ, № 216, XII и Земельн. пожал. в Моск. госуд. при царе Владиславе, стр. 81—82; ААЭ, II, 216 и Перв. мес. царств. Мих. Федор., 3, 11, 12, 28.

Иванов, Андрей, дьяк. Повидимому, он при царе Федоре ездил с Гр. Напокиным в Царьград, будучи еще подьячим, очевидно, Посольского приказа. При Самозванце, уже став дьяком, Иванов участвовал в приеме польских послов в Москве и предназначался в послы на польский сейм 1606 г. Шуйский по воцарении возложил на кн. Гр. Волконского и Иванова трудную миссию истолковать майские события в Москве и предотвратить грозивший разрыв с Польшей. За удачное исполнение поручения Иванов пожалован денежной и поместной придачами (20 рублей и 100 четей). С конца 7115 г. он состоит дьяком в Новгородской чети, но привлекается и к дипломатическим делам: является активным участником переговоров с польскими послами в 7116 г. Сигизмунд грамотой 4 декабря (нов. ст.) 1610 г. назначил его «большим» дьяком Новгородской чети, и Иванов до конца февраля 1611 г. оставался в Москве. Служил ли он при боярах и после «московского разоренья» или перешел в земское правительство Ляпунова, неизвестно. Снова встречаем его уже только в Ярославле у Пожарского все в Новгородской же чети, в которой он и оставался старшим до смерти в 7124 г. — СГГр и Д, II, № 62 и 108; Разр. за См., 77, 81, 8, 121, 247; Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 192, 193—372 (о посольстве в Польшу), 426 и ряд др. по 725; Акты врем. Шуйского, № 18, 22, 23, 44, 45, 103; Материалы *А. К. Кабанова*, № 100—102. АЮ, № 216, XI; Акты междун., стр. 4; АЗР, IV, 183, DCXXVIII, стр. 392; *Макарий*, еп. арханг., Истор. сведения об Антониеве Сийск. мон. в Чтен. Общ. ист. и др., 1878, кн. III, стр. 43—44; Сборн. кн. Хилкова, № 48; об арзам. и др. поместьях Иванова — Арз. пом. акты, № 223, 229—231, 310, 337 и 400; о службе его в ополчении и при царе Михаиле см. в «Очерке» и втором прилож.

Измайлов, Арт. Вас., дворянин московский в год воцарения Бориса Годунова, он в этом звании и служил ему. Но от Самозванца, на сторону которого перешел рано, Измайлов получил звание думного, был у него дворецким и вообще одним из довольно близких ему людей. Однако это не помешало Арт. Вас. служить и Шуйскому и ратным воеводой и при дворе; при царе Василии

он стал уже окопничим (2 февраля 1608 г.), считался в числе «больших», т. е., очевидно, влиятельных, бояр его; Измайловых даже называли «временниками» при Шуйском. С воцарением Владислава Арт. Измайлов в ноябре успел получить от Сигизмунда грамоты сначала на одно поместье, потом на другое, так как первое было занято «ворами». Но как только началось национальное движение против поляков, Измайлов, сидевший тогда на воеводстве во Владимире, стал одним из руководителей его, с особым отрядом пошел к Москве, подписал приговор 30 июня и оставался в таборах, очевидно, до конца 7119 г. Считая его «изменником», Сигизмунд из поместий его давал другим, отдал и место его дворовое с уцелевшей от пожара одною палатою в Каменном городе в Москве. Возобладание в ополчении казачьих вождей, очевидно, оттолкнуло Арт. Вас.: с февраля 7120 г. он уже вновь на воеводстве во Владимире, скоро входит в сношения с Пожарским, которому сообщает о признании под Москвою псковского «царя Димитрия». С осени 7121 г. Измайлов переведен воеводою в Калугу, в которой и оставался до начала 7122 г. — ААЭ, II, № 7, 183, 188, II; Разр. за См., 131 и 210; 5, 73, 77, 79, 81; 9, 87, 89, 102 и 118, 147, 97, 19, 223, 58 и 59, 107, 25 и 108, 264; Нов. Летоп., 73, 74, 105, 109, 118; Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 426, 478—479; АИ, II, № 212, 303, 306, 332, АЗР, IV, 183, DIV и DLIV, DCCLXV; Забелин, Мишин и Пожарский, прилож. 1; СГГр и Д, II, № 218 («лист» 30), 238, 239, 244; Акты подмоск. ополч., № 59, 79, 98, 110; см. также во втором прилож.

Измайловы, Ив. и Тим. Вас., младшие братья Артемия Вас., они прошли в Смутное время чрез те же лагеря, что и их старший брат. Ив. Вас. прямо указывается рыцарем Самозванца еще на походе его к Москве; вероятно, служил «царю Димитрию» и Тим. Вас. Затем оба служили Шуйскому в течение всего его царствования; В период общего в стране признания Владислава оба брата получили в ноябре жалованные грамоты от Сигизмунда на поместья (Тим. только на ранее ему принадлежавшие, Ив. — на новые), а Ив. и на оруженничество. Но в январе-феврале 1611 г. Сигизмунд уже назначил оруженничим Льва Плещеева, приказав Ив. Измайлова послать в Сибирь, распоряжался их поместьем как «изменническим». Действительно, братья изменили Владиславу и в рядах ополчения добивались освобождения Москвы от поляков: Тим. подписал приговор 30 июня и значится в списке бывших с Трубецким по 2 ноября 7120 г. под Москвою, Ив. с конца 7119 г. от ополчения был воеводою во Владимире. Позже Ив. Вас. был под Москвою в объединенном ополчении Пожарского и Трубецкого, Тим. в 7121 г. сидел на воеводстве во Владимире. — Разр. за См., 73 и 203, 12 и 45, 91, 94, 17 и 215, 223, 224; Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 378; АЗР, IV, 183, CDXCVI, DV, DCCLI, DXVII; СГГр и Д, II, № 218, л. 15 и 30; Боярский список 1611 г., стр. 80; Акты подмоск. ополч., № 4, 122, 23, 33, 97, 109; Забелин, Мишин и Пожарский, прилож. 1; Акты Моск. гос., I, № 45, Докл. вышесл. 7121 г., стр. 10.

Исленьев, Петр Дан., с 7117 или с конца 7116 г. и до июля 7120 г. во всяком случае был воеводой в Пелым; 30 апреля 7121 г. в числе других стряпчих назначен встречать государя, потом в том же году воеводой в Ливны. — Разр. за См., 49, 122 и др., 25; Акты времени Шуйского, № 56, 59—62, 118 и для ср. о 7116 г. № 58; РИБ, II, № 100; Акты междц., 61—63; Дв. разр., I, прилож. № 60.

Куракин, кн., Андр. Петр., пожалованный в бояре при вступлении на престол Федора Ивановича, сидевший при царе Борисе во Владимирском судном приказе (упом. в 7108 г.); употреблявшийся при Самозванце для верстанья служилых людей (в Костроме) и разбора местнических дел, кн. Андрей совсем незаметен в событиях разгара Смуты. Назначенный в начале царствования Шуйского в Новгород, он просидел там до конца его правления, хотя и обнаружил полную неспособность к управлению во время разыгравшихся там беспорядков в 1608 г., когда городом управлял, по уверению его сотоварища дьяка Ив. Тимофеева, один господь бог. Нет сведений о том, где был Куракин в 7119 г. Осенью 7120 г. он принимал участие в совете о спасении родины в Троице-Сергиевом монастыре и поехал потом собирать ратных людей по замосковным городам. Весною этого года был в Ярославле у Пожарского, потом назначен на воеводство в спокойный, неугрожаемый Ростов, откуда выбыл в 7122 г. В 7123 г. престарелый кн. Андр. Петр. умер. — Др. росс. вивл., т. XX (2-е изд.), стр. 61 и 89; Старинные акты, служащ. преимун. дополн. к опис. г. Шуй, № 1; Разр. за См., 6 и 79, 34, и 75—76, 11, 140, 93, 96, 101, 108 и др.; СГГр и Д, II, 93; Акты времени Шуйского, № 60, 81; Доп. к АИ, I, № 155; РИБ, т. XIII, 2-е изд., ст. 418—428, 392—395 (о повгор. событиях), 1205—1206; о дальн. в «Очерке», стр. 129 и 199 и во втором прилож.

Левашов, Фед. Вас., сначала кузьмодемьянский жилец, потом арзамасец, числившийся в 1611 г. уже в «выборе», один из немногих дворян Арзамаса остался в Тушинскую смуту верен Шуйскому, вместе с Анд. Сем. Алябьевым действовал против тушинцев в районе под Владимиром весною 1609 г. и получил похвальную грамоту и часть поместья в вотчину от царя Василия. После встречаем его в рядах второго ополчения в Ярославле, откуда он с Дмитриевым послан под Москву. — Арзам. пом. акты, № 105, 212, 215, 233, 251, 309, 318—320, 336, 365, 348, 405, Боярский список 1611 г., стр. 100, Сборник кн. Хилкова, № 12, LVI и № 32, а также выше, стр. 147—148.

Лихачев, Фед. Фед., подьячий в 7112 г., дьяк в Калуге в 7115 г., он в 7117 г. упоминается в Москве в Стрелецком приказе; в Москве служил он и в конце 7118 г. и начале 7119 г., но оставался ли он там после «Московского разоренья», мне не известно; летом в 7120 г. он сидел в Поместном приказе у Пожарского в Ярославле, потом под Москвою, позже в Большом дворце, а в апреле 1613 г. назначен царем в Казань. — Четв. См. вр., 27; Разр. за См., 142 и 213; АИ, III, № 92, V; РИБ, II, № 96; далее см. стр. 113 и 169 и прилож. второе. Биограф. данные о Лихачеве собраны *Н. Н. Лихачевым*

в Генеалогической истории одной поменичьей библиотеки, СПб. 1913 (и в Русском библиофиле, 1913, кн. V), стр. 14—16.

Лобанов-Ростовский, кн., Аф. Вас., служил царю Василию: бывал в рысках, сидел в осаде в Москве, участвовал в походе на Лисовского в 1610 г.; был он и в первом земском ополчении в полку Трубецкого, в бою с Ходкевичем в сентябре 7120 г. попал в плен и, выкупившись чрез полгода, вновь принял участие в борьбе за Москву, прибыв к ней с Пожарским из Ярославля; бился второй раз с Ходкевичем, был и в числе бравших Китай-город. Почти все сведения об его службе из его челобитья царю Михаилу в 7122 г. — Акты Моск. гос., I, № 74; кроме того, Сборн. II. русск. ист. общ., т. 137, стр. 637, и Акты *Юшкова*, № 288 и 290.

Львов, кн., Алексей Мих., стольник царя Шуйского, служил в 7118 г. воеводой в Нижнем; в числе ранних — в сентябре 1610 г. — добился он жалованной грамоты от Сигизмунда на целую Пурецкую волость; в записи этой грамоты титулован думным дворянином, но это, очевидно, ошибка: думное дворянство было бы для него «утерькой», ибо давалось большею частью «худородным», да и в Боярском списке 1611 г. кн. Львов записан в стольниках. Позже он, очевидно, вошел в первое земское ополчение и из-под Москвы посылался с кн. Дм. Черкасским зимою 7120 г. за Наливайкой, который тогда взял Алексин. К апрелю 7120 г. Львов был уже в ополчении Пожарского в Ярославле. — Акты времени Шуйского, стр. 159 и 188—198; Изборник, 345, и Нижегород. Летописец в изд. *Гацисского*, стр. 43; АЗР, IV, 183, ССЛІ (стр. 349), и Боярский список, стр. 81; Разр. за См., 107, ср. там же 217.

Любученинов, Меркурий Папфил., в 7119 г. в чине подьячего «писал» Двину, с весны 7120 г. сидел в Разряде у Трубецкого под Москвою, оставаясь там и в сентябре 7121 г., и по соединении ополчений, и до конца сентября 7122 г., когда уехал на дьячье место в Ярославль, где и умер в 7124 г. — Летопись Двинская, стр. 16, Масловск. архив, I, № 100; Чтения Общ. ист. и др., 1900, II; материалы *Зерцалова*, стр. 52—54, 38, 31 и др., 45, 34; Четв. См. вр., 43 и 112, 44, 48 и др., 55 и 153, 309, 144, 154, 103, 173 и др.; Кормл. книга Костр. чети, стр. 25, 65, 112 и др.; Акты подмоск. ополч., № 86 и 96; Акты *Юшкова*, № 311; Перв. месяцы царств. Мих. Фед., 2, 143, 183 и 199; Дв. разр., I, 149, 189 и 238—239; для отчества — Доп. к АИ, I, № 16.

Мансуров, Петр Ив., служил Шуйскому, в 7118 г. послан оберегать Вятку от «воров»; в марте 7119 г. он с галицкими людьми шел к Москве для борьбы с поляками. В 7120 г. летом из-под Москвы ему пишут в Романов как местному воеводе; видимо, он и сидел здесь ранее, присланный правителями первого ополчения, но теперь он, признавая уже ярославское правительство, был с ратными людьми на Вологде; дальнейшие сведения о нем уже времени царя Михаила. — Разр. за См., 96, 122, 161 и 186; Акты времени Шуйского, № 43; ААЭ, II, № 150, 183 и 188; *С. Шумаков*, Сотницы, вып. VII, стр. 2—3; АИ, II, № 336 (и Собр. актов гр. Уварова, I, № 89); СГГр и Д, II, № 281.

Мартемьянов, Герас., сидел в Поместном приказе непрерывно с начала царствования Самозванца и до «московского разоренья», но при Шуйском был некоторое время (указ. в январе 7116 г.) еще в Устюжской и Галицкой чети. Уйдя из Москвы, может быть, в самые дни мартовских битв на ее улицах, он скоро оказался дьяком Поместного же приказа в слагавшемся под Москвою повом земском правительстве и здесь служил до марта 7120 г. Но, вероятно, вскоре после присяги казаков в таборах Псковскому вору Мартемьянов оставил службу под Москвою. Летом 7120 г. он уже у Пожарского в Ярославле все в знакомом ему Поместном приказе, в котором продолжал сидеть весь 7121 г. и ряд лет при царе Михаиле. — Арзам. пом. акты, № 191, 192, 210, 282, 283, 298, 303, 309, 378, 393, 408 и ряд др.; Масловск. архив, I, № 86, 99, 157 и др.; Акты *Юикова*, № 287, 289, 299, 300, 308, 312; Земельн. пожал. при Владиславе, стр. 31, 37, 6, 98, 4, 81—82, 18, 23, 10 и 43 (посл. дата в Москве у бояр — 15 марта 1611 г.) и ряд др. изданий; об Устюжской чети — Акты времени Шуйского, № 20; о Галицкой — Акты подмоск. ополч., № 119, док. 5; о времени перехода в Ярославль см. выше, стр. 103.

Мезецкий, кн., Дан. Ив., чашник при царе Борисе, он при Самозванце сначала попал на воеводство в далекий Белгород, но потом возвращен в Москву и даже с чином кравчего принял участие в обедах по случаю свадьбы «царя Димитрия». Царю Василию он в течение всего царствования служил верно, преимущественно ратным воеводой, но иногда и в дипломатии, и 6 декабря 7116 г. пожалован чином окольного. По низложении Шуйского он принимал участие в переговорах с Жолкевским под Москвою о воцарении на Руси Владислава, а потом в составе «великого посольства» поехал под Смоленск к Сигизмунду и им за песговорчивость вместе с Филаретом и кн. Вас. Вас. Голицыным «отослан в Польшу». Однако осенью 1612 г. кн. Дан. согласился идти с королем к Москве и был им послан с Волока уговаривать столицу принять Владислава. После неудачи этого предприятия Мезецкий на обратном пути «утек» к боярам. — Разр за См., 3, 29; 6, 30; 7, 40—41; 81, 9—13 (46 и 96 о дате), 14—16, 18—22, 42, 63, 174 и 175 и мн. др.; Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 644—645, 647 и 649; т. 142, стр. 93 и сл., 131 и сл.; АЗР, IV, № 182 и 183, CDLVII (только возвращение отданного было Грамотину его поместья, 30 (20) октября; о дальн. см. выше, стр. 157 и 201 и прилож. второе).

Михнев, Игн. Ермол., и Истомин, снальник Вора, служивший ему до самой его гибели; в январе 1611 г. он с Дм. Черкасским приехал к Яну Сапеге прямо из Калуги; позже был членом Земского собора 1613 г. — Арзам. пом. акты, № 266 и 278, СГГр и Д, II, № 237 и «Очерк», стр. 194. Тождество упоминаемых в источниках Игн. Ермол. и Игн. Истомина устанавливается данными о воеводстве его в Ливнах в 7124 г. — Дворц. разр., I, 244, и Кн. разр., I, 192—193.

Морозов, Вас. Петр., при царе Борисе был в сентябре-октябре 7109 г. воеводою во Мценске и по возвращении в Москву пожалован

в окольных; в 7112 г. Морозов встречал королевича датского, жениха Ксении, в 7113 г. — один из воевод, действовавших против Самозванца. Во время царствования этого последнего Морозов совсем пезаметец. Но при Шуйском он — участник борьбы с Болотниковым и переговоров с польскими послами, получил звание боярина (6 декабря 1607 г.) и с весны 1608 г. назначен первым воеводой в Казань, где и руководил борьбой с тушниками. В Казани Морозов оставался и по низложении Шуйского; ему пришлось здесь целовать крест «царю Димитрию Ивановичу» 9 января 7119 г., в чем Казань, очевидно, выражала свое нежелание быть под рукой Сигизмунда. Но Вора уже не было в живых в то время, когда казанцы захотели стать его подданными. Вести об этом и о начале национального движения против поляков направили энергию воевод и жителей в другую сторону; уже в феврале-марте в отряде кн. Репнина казанцы шли к Москве, а в конце июля, уже после гибели Ляпунова, сюда пришел и Морозов, один из немногих членов Думы, открыто примкнувших к делу освобождения родины. Из ополчения он уехал потом на воеводство в Ярославль, где и вошел в состав нового совета «всея земли». — Сибб. сборник; Разр. кн., стр. 141, 149; Др. рос. вивл., изд. 2-е., XX, 61, 83; Разр. за Смутн. вр., 28, 29 и 115, 72; 178, 219; 11 и 43, 89, 90, 96, 121, 175 и 248, 250; 92, 97; Акты врем. Шуйск., № 27, 99; Сборн. кн. Хилкова, № 21; ААЭ, II, № 114, II, 170, 171, 183 и 188; АИ, II, 271, 329; СГГр и Д, II, № 224, 225, 242, 244, 256 и 261; Изборник, 352; Нов. Летоц., 113; Акты подмоск. ополч., № 53, 57. Далее в «Очерке»¹.

Морозов, Ив. Вас., сын предшествоющего, стольник. Хотя отец совсем не упоминается в числе пожалованных Сигизмундом, Ив. Вас. вместе с братом Петром добился от короля грамоты сначала (20—10 ноября) на село Яковцево, бывшее кн. Ив. Ив. Шуйского, потом, когда оно было отдано кн. Ив. Сем. Куракину, на поместья Мих. Нагого, изменника с точки зрения поляков, но настоящего гражданина в глазах русских, призывавшего Ляпунова к Москве. Впрочем, это было до начала открытого восстания против поляков. В Ярославле в 1612 г. отец и сын находились в рядах ополчения Пожарского. — Боярский список 1611 г., 79. Четв. См. вр., 2; АЗР, IV, № 183, DLV и DCCLII; о Нагом, здесь же, стр. 484 и 485.

Насонов, Патрикей, в 7115 г. был подьячим в Угличе, в 7118 г. при Шуйском и в 7119 г. при боярах сидел подьячим же в Большом приходе; в 7120 г. у Пожарского в Ярославле, потом в 7121 г. в Москве был уже дьяком в Большом дворце. — Акты врем. Шуйского, стр. 62; Акты подмоск. ополч., стр. 161 и 164, 168—169 и № 85; Перв. мес. правл. Мих. Фед., стр. 83, 10, 11 и др.

Наумов, Ив. Фед.; человек «худородный», родом с Рязани, бывший в 1598 г. в «выборе; он, попав в Тушино, получил сан боярина и был одним из самых энергичных воевод Вора, действовал в пределах костромских и ярославских в 1609 г. О службе его

¹ См. в Прилож. — Новые материалы для истории Смутного времени, стр. 300 (Ред.)

в 1610 и 1611 гг. сведений нет. Весною 1612 г. Паумов был послан Пожарским на воеводство в Переяславль-Залесский, позже служил царю Михаилу. — *П. П. Лихачев*, Разр. дьяки, стр. 400; ААЭ, II, № 7, стр. 44, и 52, и № 123, I; Сборн. кн. Хилкова, № 12, XLIV, LXIII, LXIX; АИ, II, № 155, 228, 239, 249, 248; Акты врем. Шуйского, № 36; Нов. Летоп., 121; АЮ, 219, II.

Нащокин, Петр Степ., служил еще в 7112 г., но, видимо, был городовым дворянином-четвертчиком с маленьким окладом; в 7119 г. он уже дворянин московский и воевода на Вычегде. В 7120 г. он, очевидно, был не у дел и, проживая в Вологде осенью этого года, сообщал новости своему «кормильцу» Макс. Як. Строганову. Весною 7120 г. Нащокин был в Ярославле у Пожарского, в 7121 г. был воеводой в Перми, где и умер в 7122 г. как-нибудь в декабре-январе. — Четв. См. вр., 34; Боярский список 1611 г., стр. 94; АИ, II, № 292, и т. III, № 7, 8; Волог. губ. вед. 1853 г., № 29; ААЭ, II, 203, 221, и III, № 5; СГГр и Д, II, № 288.

Новокищев, Никол., подьячий Новгородского разряда в 7112 г., дьяк на Двине в 7115 г., он в последний год царствования Шуйского и при боярах до «московского разорения» сидел в Поместном приказе. Потом Новокищев перешел на службу в ополчение, приговор которого 30 июня он и подписал, был здесь одновременно и разрядным и поместным дьяком, но не знаю, до конца ли, ибо после марта 7120 г. не упоминается. В 7121 г., по соединении ополчений, Новокищев уже только дьяк Поместного приказа. — Четв. См. вр., 28; Летоп. Движская, стр. 15 (фамилия неверна), и Акты врем. Шуйского, № 11, 77, 80; сборник Щукина, ч. V, стр. 86—87; Земельн. пожал. при Владисл., стр. 6, 10, 37 и 66, 81, 18, 23 и 43; *Забелин*, Минин и Пожарский, прил. 1; Акты подмоск. ополч., № 15, 17, 26, 27, 30, 34, 39, 47; Акты *Юшкова*, № 306 (с ошибкой в имени); Четв. См. врем., 136, 48, 325 (указываю стр. с крайними датами) и материалы *Серцалова*, 38 и 21; Арзам. пом. акты, № 342, 350 и др.

Образцов, Григ. Фед., в 7103 г. был письменным головой при воеводах, которым велено поставить город Яик, в 7115 г. сидел на Старом земском дворе; Пожарским из Ярославля послан на Белоозеро. — Сиб. сборник; Разр. кн., стр. 129; Разр. за См., 46, и ААЭ, II, № 67. Затруднительно разобраться в некоторых данных источников о Гр. — без отчества — Образцове, ибо было в Смутное время два таковых: Гр. Гр. — стряпчий по Боярскому списку 1611 г. (стр. 84) и Гр. Фед. — дворянин московский (стр. 92).

Огарев, Ив. Нелюбов, был в Новгороде со Скопиным-Шуйским, ездил с Сем. Головиным в Выборг и потом привез царю известие о заключении договора со шведами; в апреле он подписал грамоту Пожарского из Ярославля в Соль-Вычегодскую. — ААЭ, II, № 155, I и II и 203; АИ, II, № 269, и СГГр и Д, II, № 177, Боярский спис. 1611 г., 94. Долголетняя служба его потом при царе Михаиле (в Дв. разр., например, упоминается он по 7148 г. включительно) заставляет воздержаться от отождествления его с известным писцом 7080-х и 7090-х годов Ив. Огаревым, писавшим Ярославский и Яренский уезды. — Акты Шуйского, № 47 и 48 и стр. 292 и др., и СГГр и Д, II, № 258.

Огарев, Нелюб. Вас., в 7111 г. был головой в Михайлове, в 7115 г. упоминается в числе ратных воевод Шуйского; потом со Скопиним-Шуйским был в Новгороде и в критический для Скопина момент бежал от него; в апреле 7120 г. вместе с сыном Иваном в Ярославле у Пожарского. — Синоб. сб.; Разр. кн., стр. 148; Разр. за См., 46 и 185, 143 и 213; Нов. Летоп., стр. 85; Боярский список 1611 г., 90.

Одоевский, кн., Ив. Ник. (Меньшой), первый из дворян московских в Боярском списке 1611 г., упоминается на службе (до второго ополчения) только однажды — встречал в 7118 г. шведских офицеров во дворце. — Боярский список, 86, и Разр. за См., 224; о первых годах его службы при царе Михаиле см. прилож. второе.

Озерецкой, Ив., «раб и вскормленник», как он сам себя называет в письме к своему благодетелю, знаменитого келаря Авраамия (Палицына), служил при Шуйском сначала подьячим в Каргополе (упом. в декабре 7117 г.), потом дьяком в Ярославле с апреля того же 7117 г. по февраль 7119 г.; в 7121 г. был в каком-то приказе под Москвою; о дальнейшей службе его не имею сведений. — Сборн. кн. Хилкова, № 29; ААЭ, II, № 94, Акты врем. Шуйского, № 25 и 36; АИ, II, № 204, II, 230, 247 и 256; Акты междущ., стр. 7, и Акты подмоск. ополч., № 84; в Боярском списке 1611 г. Озерецкой не значится.

Плещеев, Матв. Ив., боярин Вора и один из деятельных воевод его 1608—1609 гг., в первом земском ополчении стоял, очевидно, на стороне земских людей и жестоко расправился с одной из грабительских групп казачьих; еще в феврале 1612 г. в Балахне он присоединился к Пожарскому, был и в Ярославле. АИ, II, № 248; Сборн. кн. Хилкова, № 12, LVIII, LX, LXIII, LXVII; Нов. Лет., стр. 83, 113, 118; ААЭ, II, № 203.

Плещеев, Наум Мих.; рано перешедший на сторону Самозванца и, очевидно, снискавший его доверие Плещеев был им послан с Гавр. Пушкиным, по некоторым указаниям, еще из Путивля, склонять Москву к присяге ему; привезенная этими агентами грамота и вызвала открытое движение против Годуновых сначала в Красном Селе, куда Пушкин и Плещеев раньше приехали, потом и в Москве. Однако совсем незаметно, чтобы П. Плещеев играл роль при Самозванце, и увлечение его «Димитрием» не помешало ему потом служить Шуйскому и в войске, и при дворе; от царя Василия он получил даже новые поместья, между прочим за московское осадное сиденье. Не встречаем его имени в списках пожалованных Сигизмундом, наоборот, он был в первом ополчении и оттуда осенью 7120 г. вызван в Троице-Сергиеву обитель для охраны. Позже он перешел во второе ополчение и послан из Ярославля на воеводство в Тобольск. — Нов. Летоп., 64—65; ААЭ, II, № 34; Разр. за См., 5, 30, 116; 178 и 219, 121, 174 и 247; Сборник И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 482; Земельн. пожал. при Владисл., 2—3; Сборник кн. Хилкова, № 43 (дата издания — 1609 г. — неверна).

Плещеев, Фед. Кирилл., или Смердов, осенью 7117 г. был воеводой от Шуйского в Суздале, но, снесшись с владимирским воеводой Ив. Годуновым, целовал крест Вору, пожалован им в околышнике

с оставлением в Суздале и прилагал много усилий, и не без успеха, к приведению на имя «царя Димитрия» ближайших городов и уездов. Низложение Шуйского и бегство Вора от Москвы перед войсками Жолковского открыли ему возможность примириться с московским правительством; он даже целовал крест Владиславу, но оставался верен ему недолго. Уже в декабре 1610 г. он вместе с Салегой приглашал белевцев и лихвинцев объединиться для защиты веры православной и служить тому государю, которого бог даст России, т. е. отверг и Владислава, как и Вора. Затем он уже прямо союзник Ляпунова и с передовым отрядом от него пришел к Москве в марте 1611 г. Осенью 7121 г., может быть, он подписывал извещение стране о соединении Трубецкого с Пожарским. — Разр. за См., 15; Нов. Лет., стр. 82; Сборн. Хилкова, № 12, XLII, LIV—LVI, LXI; АИ, II, № 210, 153, 154, 161, 167, 170, 195, 235, 309, 351, I и II; ААЭ, II, № 165 (и СГГр и Д, II, № 204), Изборник, 350.

Погожий, Исаак и Дм. Сем., бывали в рысках при Шуйском; Исаак с особым отрядом пришел под Москву весною 1611 г. и оставался до самого крестоцелования «царю Димитрию» из Пскова; Дмитрий также был в рядах первого ополчения и получил от правителей вотчину сидевшего в Москве с поляками Кузьмы Безобразова. Позже оба в Ярославле у Пожарского. — Разр. за См., 92—93 и 121, 148, 174, 175, 247, 248, 250; Сборник И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 482, 490 и 637; Акты врем. Шуйского, № 90 и 124; Изборник, 350—351; АМГ, I, № 45; РИБ, I, стр. 287 и в «Очерке».

Погожий, Фед. Ив.; жилец во время избрания на царство Бориса Годунова, он совсем незаметен в событиях Смуты до начала движения против поляков. В декабре — начале января он был «имаи на Москве в измене» и признался, что действовал в пользу воцарения Михаила Романова, а в марте 1611 г. с отрядом из Углича Фед. Ив. пришел к Москве в ополчение Ляпунова. Правительство бояр очень скоро отдало все его «изменнические» вотчины и поместья в Угличском уезде Гр. Сунбулову; невельским поместьем его, так как, по указанию заинтересованного челобитчика, он будто убит, распорядился Сигизмунд. Не знаю, долго ли оставался Погожий под Москвою; к началу апреля 1612 г. он в ополчении Пожарского. — ААЭ, II, стр. 45 и 52; АЗР, IV, стр. 482—483 и № 183, ДССХCVIII (стр. 422); Земельные пожал. при Владисл., стр. 43; Изборник, стр. 350.

Подлесов, Андрей, в 1607 г. упоминается как патриарший дьяк, в 1610 г. при боярах сидел в Галицкой чети, в 119 г., очевидно, правителями ополчения назначен дьяком в Кострому; в феврале 7120 г., если издатель правильно угадал отсутствующую в документе фамилию, он сидел в Шуе, но вскоре он в рати Пожарского и им вновь назначен в Кострому. — Сборник кн. Хилкова, № 13; Временник, кн. 17, смесь, стр. 3 и 4 (те же докум. в Старинных актах... г. Шуи, № 5 и 6); Разр. за См., 106 и 257; АЗР, IV, стр. 388 об его поместье, упрощенном им обратно еще в ноябре 1610 г.; Нов. Летон., стр. 119.

Пожарский-Лопата, кн., Дм. Петр., посланный Дм. Мих. Пожарским раньше главных сил в Ярославль и под Москву, упоминается в числе служивших царю Василию. — Разр. за См., 44, 185, 206, 10, в прим.

Прозоровский, кн., Сем. Вас., служил Шуйскому преимущественно при дворе; бывал рындой, но называется и чапником и даже кравчим; в 7119 г. указывается воеводой в Торонце; от Сигизмунда получил в январе 1611 г. утверждение старых вотчин и поместий. Не знаю, был ли он под Москвою в ополчении Лягунова, но в ноябре 1611 г. он с отрядом казаков боролся против самозванцев у Ростова; потом был в Ярославле во втором ополчении. — Разр. за См., 12, 94, 121—123, 51—52, 223, 224, 106 и 107; Акты времени Шуйского, стр. 152; Земельн. пожал. при Владиславе, 118; РИБ, I, ст. 282, Акты междуц., 47; Акты подмоск. ополч., № 53; далее в «Очерке» и втором прилож.

Пронский, кн., Петр. Ив., один из первых стольников в Боярском списке 1611 г., видимо совсем не принимал участия в событиях Смуты и впервые встречается в Ярославле у Пожарского. Помещаю его здесь, чтобы устранить одну связанную с его биографией ошибку. Отмечаемое обычно (например, *Барсуков*, Списки воевод, стр. 54) воеводство его в Вязьме в 1610 г. на самом деле относится к 7126 г. В документе, откуда извлекаются эти сведения, года нет, и он совершенно произвольно поставлен издателем (АИ, II, № 303). Сравнение даваемых здесь известий с данными в Дворц. разр., т. I, стр. 299—302, о 7126 г. достаточно выясняет это недоразумение.

Путятин, кн., Ив. Сем., арзамасец и арзамасский помещик; в 7115 г. был в отряде Гр. Пушкина, бившегося с «ворами» Болотникова у Серебряных Прудов и прислан к Москве с сеунчем, в 117 г. упоминается как один из голов и татарских сборщиков, разосланных Фед. Ив. Шереметевым, т. е. все служит Шуйскому. В 1611 г. в марте шел к Москве в отряде нижегородского воеводы кн. Репнина и из Владимира послан с грамотами в Казань. Потом кн. Путятин, вероятно, попал все-таки под Москву и был назначен воеводой в Орешек, а к концу 7119 г. оказался уже на воеводстве в Арзамасе, где и оставался то один, то в товарищах у Гр. Андр. Плещеева до сентября 7121 г. Здесь, в Арзамасе, очевидно, в связи с настроениями подмосковных правителей, Путятин целовал крест «царю Димитрию», послал в помощь Трубецкому и Заруцкому ратных людей, хотя уже поблизости от Арзамаса организовывалось повое, земское ополчение, не исполнял приказов Пожарского в сентябре 7121 г., хотя второе ополчение было в то время главной силой на Руси. И при всем том Арзамас послал кн. Ив., в то время служившего уже в «выборе», для «царского обиранья» в Москву. Царю Михаилу Путятин, ставший скоро дворянином московским, служил до 7132 г.; умер на посту воеводы в Коломне. — Арзам. пом. акты, № 59, 129, 293, 304, 310, 314; Изборник, стр. 334; А. до ю. б., II, № 230, V (и Акты Шуйского, № 106); ААЭ, II, 188, IV; АИ, II, 239; СГГр и Д, II, 256 и 261; Акты междуц., стр. 201; Курмыш. акты, № 12; Бояр-

ский список 1611 г., стр. 100; см. также «Очерк», стр. 183 и прилож. второе; о смерти его Кн. разр., I, 1027.

Пушкин, Гавр. Григ., был в 7113 г. воеводой в Белгороде, перешел на сторону Самозванца, с успехом исполнил поручение его поднять Москву на Годуновых (вместе с Н. Плещеевым) и почтен званием соколыничего и думного дворянина. Царь Василий держал верного слугу своего предшественника в стороне от Москвы; в год вступления послал его на воеводство в Белую, в 7116 г. с ратными людьми к Иосифову Волоколамскому монастырю, а потом на Погорелое Городище, в 7117 г. против башкирских людей, продолжавших бунтовать; в 7118 г. Пушкин был в походе против поляков. Недоверие царя и полуопальное положение не привели Гавр. Гр. в тушинский стан, но он, по одному указанию, принял участие в насильственном пострижении низложенного государя. В 1611 г., осенние месяцы, по крайней мере, Пушкин провел в Москве, поднимал грамоту великим послам о сдаче Смоленска королю; в октябре получил он грамоту от Сигизмунда на поместье. С начала 7120 г. и по январь 7121 г. Пушкин был воеводой в Устюге. — Разр. за См., 28 и 76, 5 и 72, 82, 34—40; 41, 48—50, 99 и 15, 54—55, 19; ААЭ, II, № 34, 199, 200, 208, 210; Изборник, стр. 328; Др. рос. вивл., XX, под 7113 г.; ИА, II, № 90, 322; Акты междущ., 48—50; *Степановский*, Волог. старина, стр. 416; АЗР, IV, № 183, CDLI.

Радилов, Макс. Ив., в 7111—7114 г. был головою в Пелыми. — Сиб. сб.; Разр. кн., стр. 149; СГГр и Д, II, № 83, 84, 89 и 115. Далее до появления его в Ярославле сведений нет.

Романчуков, Савва, пожалован в дьяки «при литве» и в 7119 г. сидел на Денежном дворе в Москве; летом 7120 г. он уже в Посольском приказе у Пожарского; в 7121 г. некоторое время и в Нижегородской чети. — Боярский список, 86; РИБ, II, № 95, IV; Акты междущ., 52—53; Доп. к АИ, I, 166; ААЭ, II, № 213.

Ромодановский, кн., Гр. Петр., служивший еще при царе Борисе (упом. на воеводстве в Белгороде в 7108 г.), становится заметным при Самозванце, которым пожалован в окольничии; при Шуйском Ромодановский нес придворную службу, участвуя в приемах послов польских, крымских, и выступал ратным воеводой в боях с ратями Болотникова, тушинцами под Москвой, с Сапегой. Но особенно крупную роль стал кн. Григ. играть в период польского господства, когда был пожалован Сигизмундом в бояре, получил много земли и сидел на Денежном дворе; в Москве он просидел до самой сдачи ее земскому ополчению. — Сиб. сб.; Разр., 142; Др. рос. вивл., XX, под 7114 г., по ср. СГГр и Д, II, № 93, здесь же № 138 и 276; Разр. за См., стр. 77, 78, 8—9, 85; 14, 48; 15, 50 и ряд др.; Изборник, стр. 332, 341; Акты Шуйск., № 101; Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 419, 426, 483, 484, 490, 541 и 637; т. 142, стр. 225, 230 и 292; АИ, II, № 321 и 322; о пожалованиях от короля см. выше, стр. 197, прим. 3.

Салтыков, Бор. Мих., в 7118 г. указывается воеводой на Костроме, в 7119 г. в ноябре получил (вместе с братом Мих.) от Сигизмунда грамоту на поместье в Арзамасском уезде, а 7 мая (нов. ст.)

«за верную службу» братья награждены возвращением старинной вотчины деда их; впрочем, кажется, что в этих наградах играла роль не служба или не столько служба, сколько родство с «доброхотами» Сигизмунда Салтыковыми. К апрелю 1612 г. Бор. Мих. был в Ярославле у Пожарского. — Разр. за См., 106; АЗР, IV, 183, DLVI и DCCLXVI.

Самсонов, Сем., дяк еще в 7112 г., служил Шуйскому, главным образом в Москве, в 7119 г. был дяком в Новгороде, и Новый Летописец его обвиняет в ужасной расправе повгородцев с Ив. Салтыковым. Уйдя из Новгорода, очевидно, еще до взятия его шведами, Самсонов с июля 7119 г. по январь 7120 г. служил в подмосковных таборах, а потом перешел к Пожарскому в Нижний; — Четв. См. вр., 6. Разр. за См., 221, 223. Земельн. пожал. при Владисл., 6: Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 478—479; АЮ, 224, I; АИ, II, № 331; Боярский список 1611 г., стр. 85; Нов. Летоп., 110; Акты подмоск. ополч., № 4, 11, 12; Материалы *Зерцалова*, стр. 54; далее см. в «Очерке», стр. 83, 113, 174.

Сицкий, кн. Андр. Вас., в 7108 г. был воеводой в Данкове, упоминается в числе дворян в поездке на свадьбе Самозванца; при Шуйском в 7115 г. был послан на Коломну, в 118 г. сидел в Москве; осенью 7121 г. был под Москвою и послан воеводой на Устюжну. — Синб. сб.; Разр., 141; Разр. за См., 80 и 136, 142 и 213, 103, 25, 112 и 260; ААЭ, II, № 215; Акты подмоск. ополч., № 123.

Собакин, Алексей Степ., еще в 7113 г. простым «мещанином» пригонял с сеунчом к Москве и, очевидно, за сеунч пожалован в московский список; при Шуйском бывал в рыцках и служил стольником, в этом чине записан и в Боярском списке 1611 г. При Владиславе получил от отца его поместьную и денежную придачу; в апреле 1612 г. во втором ополчении. — Разр. за См. 238, 122, 123 (ср. 176 и 252), 224; Боярский список, стр. 81; СГГр и Д, II, № 218, «листы» 9 и 30 (или Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 14, 15, 31).

Собакин, Бор. Степ., в 7110 г. воевода в Воронеже при Шуйском, упоминается как пристав, сопровождавший литовских послов в 7116 г.; Скопиным-Шуйским был послан из Калызица монастыря «в цемцы» для нового найма ратных людей. Потом он был в ополчении Лянунова и послан с кн. Троекуровым для переговоров о воцарении на Руси шведского королевича. Был и во втором ополчении и в 7121 г. назначен воеводой в Муром. — Синб. сб.; Разр., 147; Разр. за См., 96, 122 и др., 108; АИ, II, № 90 и Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 731—732; Нов. Летоп., стр. 91 и 112; Памятники истор. низк. движ., CXLIV; ААЭ, II, № 193 (без уп. его, а только Троекурова); А. до ю. б., I, № 21, и Акты Юшкова, № 304.

Сукин, Вас. Бор., старый слуга, упоминаемый в 7091 г., ставивший при царе Федоре в 7093 г. город Тюмень, при царе Борисе в 7111 г. пожалован в думные дворяне, получил в 7112 г. сразу 60 рублей придачи к бывшим ранее 40 рублям; с нарядом был он в походе против Самозванца. Награды Годунова — показатель большой близости Сукина к его двору в последние годы; они объясняют и то, что при «царе Димитрии» Сукин лишен вотчин и отослан на вое-

водство в Свияжск, где оставался еще и зимою 7115 г. Весною этого года он уже шел с царем Василием к Туле, а затем был главным образом в Москве, участвуя между прочим в переговорах с польскими послами зимою 7116 г. Осенью 7119 г. он с Голицыным и Филаретом уехал под Смоленск просить у Сигизмунда в цари московские Владислава, но в декабре, пожаловавший королем, вернулся в столицу. Недолго оставался верен он Владиславу: если в январе 1611 г. восставшие против поляков патриоты находили, что Сукни «ворует» в отданной ему королем «в путь» Коломне, то к августу уже Сигизмунд считал его изменником, отъехавшим в «воровские полки», и распоряжался его вотчиной. В январе — марте 7120 г. престарелый уже думный дворянин жил в Троице-Сергиевой лавре, может быть, думая о душе своей, и в 7121 г. скончался. — Сборн. Хилкова, № 6; АЮ, 213, I; РИБ, II, № 115, II и 130; Др. росс. вивл., изд. 2-е, т. III, стр. 107, и т. XX, под 7111 и 7121 гг.; Четв. См. вр., 8—9, 41; Разр. за См., 69, 133 и др., 202, 243, 87, 121, 174 и 175, 51 и 100, 16, 98, 105 и др.; Костромск. старина, вып. III, отд. I, № 2; СГГр и Д, II, № 201, 205, 206, 216, 217, 228, 270; Сборн. И. русск. истор. общ., 137, стр. 426 и сл. по 725, т. 142, стр. 126 и сл. по 263; АЗР, IV, № 183, CDLV и DCCXXX; Земельн. пож. при Влад., стр. 83—85; ААЭ, II, 176, III и 202; С. Шумаков, Обзор грамот Колл. экон., вып. III, стр. 26, № 103.

Сулешов, кн., Юр. Янш., стольник царя Бориса и в 1611 г.; при Шуйском за московское осадное сиденье получил вотчину в Бежецком уезде, в царствование Владислава пополнил здесь свои владения новой жалованной вотчиной, бывшей ранее за кн. Ив. Шуйским, по к маю оказался уже в рядах первого ополчения под Москвою. Не знаю, был ли он во втором ополчении, но известно его участие в Земском соборе 1613 г. — Разр. за См., 3; Н. П. Попов, Опис. рук. Моск. Сим. мон., стр. 102; Боярский список, 78. Земельн. пож. при Владисл., 42—43.

Секерин (Секирин), Порфирий Ив., служивший уже при царе Борисе, в 7118 г. в августе привез боярам ответ Жолкевского о договоре, в 7119 г. был вторым воеводой в Суздале при окольном Ив. П. Головице, в 7120 г. — при Ив. Просовецком; летом 7120 г. из Ярославля послан в Новгород. — Четв. См. вр., 35; Сборн. И. русск. ист. общ., 137, стр. 25 (и т. 142, стр. 91); Разр. за См., 106; АЮ, № 339, I и 215, VII; Стар. акты г. Шуи, № 3; Курм. акты, № 12; Нов. Летоп., 121, и Доп. к АИ, I, № 164.

Татев, кн., Фед. Андр., в 7111—7113 гг. был воеводой в Березове, в 7114 г. «в поезде» на свадьбе царя Дмитрия, потом служил Шуйскому. — Синб. сборн.; Разр. 149; Др. росс. вивл., III, изд. 2-е, стр. 119; РИБ, II, № 188, II, 74; Четв. См. вр., 9; Разр. за См., 80, 137, 47, 96, 119 и др.

Татлищев, Влад. Игн., добился при Сигизмунде возвращения обратно своего села, грам. 30 октября нов. ст., — АЗР, IV, № 182, CDXLVII; других сведений о нем не имею.

Третьяков, Петр Алексеев., был в Москве подьячим Посольского приказа, по после битвы у Ходынки бежал в Тушино, где пожало-

ван в думные дьяки; на службе у Вора он оставался до августа 1610 г., когда после бегства его «государя» от войска Жолковского целовал крест Владиславу и был послан с Ив. Салтыковым в Новгород. В последних числах августа и в начале сентября Третьяков был уже в Поместном приказе под Москвою, но вскоре перебрался в Москву, где подписывал январские боярские воззвания с призывом ждать Владислава. Однако и здесь Третьяков не остался окончательно. Судя по тому, что он в ноябре 7121 г. сидел старшим дьяком в Посольском приказе (хотя и без титула «думный»), нужно полагать, что он выбрался из столицы до взятия ополчением Китай-города; иначе трудно объяснить предоставление ему такого ответственного поста. — Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 424—426 и т. 142, стр. 113; Изборник, 341; Сборник кн. Хилкова, № 12, LXVII; АИ, II, № 120 и 270; ААЭ, II, № 165 и 192; СГГр и Д, II, № 209, 276 и 277; О роде кн. Юсуповых, СПб. 1867, ч. II, стр. 123—125; Архивный материал Д. Самоквасова, т. II, стр. 603—604; Арзам. пом. акты, № 293 (но ср. Масловский архив, I, № 99); Акты подмоск. ополч., № 119, док. 46, и Доп. к АИ, I, № 166.

Троекуров, кн., Ив. Фед., родственник по жене Романовым, в числе других лиц Романовского круга готов был изменить Шуйскому в пользу Вора в битве на реке Незнаки и за «шатость» был сослан в Нижний; после царь Василий, очевидно, примирился с ним и счел возможным послать его в товарищах с кн. Дм. Шуйским во главе войска против Жолковского. Троекуров был потом в первом ополчении под Москвою и послан был Ляпуновым довершить начатые Бутурлиным переговоры с Деллагарди о воцарении на Москве шведского королевича. Летом 7120 г. кн. Ив. уже в ополчении Пожарского, снова пришел с ним под Москву и принимал участие в Соборе 1613 г. — Сборн. материалов по ист. предков царя Мих. Фед. Романова, ч. I, стр. 294—295; Нов. Летоп., 79—80, 112; Разр. за См., 216 и 256; ААЭ, II, № 193; о службе во втором ополч. см. в «Очерке», стр. 100, 193; можно добавить, что «при боярех» он получил большое поместье. — Докл. выпись 7121 г., стр. 6.

Туренин, кн., Вас. Ив., при Шуйском упоминается в рыцарях, однажды назван чашником, по в Боярском списке 1611 г. значится стольником; в 7119 г. был воеводой на Кашире и посылал приводить Тулу после гибели Вора к крестному целованью на имя Владислава. — Разр. за См. вр., 121, 225, 257 и др.; Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 482; о службе во втором ополч. — «Очерк», стр. 130; под Москвою осенью 7121 г. у него был особый «полк» — Углицкие акты, № 3; пожалован за службу боярами — «Акты подмоск. ополч., № 119, док. 45, и Докл. выпись, стр. 6; об участии в соборе 1613 г. — «Очерк», стр. 104; некоторые сведения о дальнейшей службе в прилож. втором.

Хвицкой, Дорога, дьяк, служивший при Шуйском в Холопьем приказе; в первом ополчении в 119 г. ведал, видимо, Галицкую четь; в 121 г. в Москве на Старом земском дворе. — АИ, II, № 85; Акты подмоск. ополч., № 119, док. 11—15, 18—20 и № 9; о 121 г. см. выше, стр. 174.

Хилков, кн. Бор. Андр., известный нам член собора 1613 г., упоминается как стольник при царе Шуйском (Разр. за См., 85; 117 и др.); в стольниках он и в Боярском списке 1611 г. (стр. 78), может быть, к нему же относится указание, что в 120 г. в Лихвине был воеводой кн. Бор. Дмитр. Хилков (Акты подмоск. ополч., № 23); не ошибка ли здесь в отчестве? Бор. Дм. Хилкова не пришлось более нигде найти.

Хованский, кн., Ив. Андр., в 7111 г. был воеводой в Переяславле-Рязанском; при Самозванце весной 7114 г. он был назначен в сторожевой полк украинного разряда, в Орел, там оставался и при Шуйском, осенью послан к Калуге, а потом участвовал в бою с Болотниковым под Москвою. В 7118 г. Хованский с кн. Як. Боротинским «ходил» от Скопина-Шуйского к Ростову, Кашину и Твери и «города очистили» от тушинцев, а весной с тем же Боротинским уже из Ржевы шел «в сход» к кн. Дм. Шуйскому против Жолкевского. О службе его в 119 и 120 гг. до Ярославля не имею данных. — Сибб. сборн., Разр. кн., 148; Разр. за См., 7, 83, 9, 88, 10, 17, 18, 255, 180 и др. с теми же сведениями.

Царевский, Афан., дьяк, служивший, повидимому, в Тушине; в одно время с тушинцами несомненными, вроде Салтыковых, получил он от Сигизмунда поместье (в сентябре 1610 г.), позже был назначен королем на Земский новый двор. Однако к августу 7119 г. Царевский уже ушел из Москвы, обращался с челобитьем не в Москву, а в таборы к Трубецкому и Заруцкому, может быть, и сидел у них в каком-нибудь приказе. — АЗР, т. IV, 183, CCXLIV, CCXLV и CCCLI; Акты подмоск. ополч., № 12.

Чепчуговы, Ив. Никиф. и сын его Иван Никифор. Чепчугов, человек совсем перодословный, служивший в головах у татар, был «вынесен» в верхи служилого класса Щелкаловыми «по свойству». И Ив. Ник. уже в списке 7085 г. значится в «дворянах», а при царе Борисе уже, случалось, «подчивал» послов; денежный оклад его в 7112 г. был уже 50 рублей, очень высокий для человека такого происхождения. При Шуйском он был воеводой на Двине. Женитьба царя на княжне Буйносовой, которой Чепчугов был «брат», привела его снова во дворец; он «за кушаньем сидел», был близким по-домашнему, особенно на женской половине дворца, но крупных постов не занимал и роли, кажется, не играл. Сын его, очевидно, в это время пожалован в стольники, тогда как сам Ив. Ник. продолжал и в 1611 г. числиться в дворянах московских. Близость к двору Шуйского не помешала Чепчуговым преуспевать и при Владиславе. Выехав к королю под Смоленск, они получили в декабре (нов. ст.) в поместье целую волость Мериновскую в Кинешемском уезде, отец также и ислыничество. Но рано Ив. Ник., очевидно, с сыном, примкнул к восстанию против поляков и еще весной 7119 г. послан воеводой в Соль-Вычегодскую, где оставался до зимы 7120 г. К началу апреля этого года отец и сын были уже в Ярославле у Пожарского, а к весне следующего года Ив. Никиф. уже не был в живых; местничанье с кн. Вас. Ромодановским в сентябре 7122 г., кажется, прервало карьеру сына его. — Акты Моск. гос., I, № 26; Четв. См. вр., 5;

Летопись Двинская, стр. 15, годы не точно; ср. данные Разр. за См., стр. 117, 269, и Сборн. И. русск. ист. общ., т. 137, стр. 479—480; о службе при Годунове — стр. 57; Акты врем. Шуйского, стр. 152; Русск. архив, 1914 г., № 2, докум., ошубл. Л. М. Савеловым с загл. «Страничка из истории Смутн. времени»; АИ, II, № 310, Боярский список стр. 82 и 89; АЗР, IV, № 183, ДССIII и ДССXIII; ААЭ, II, № 185, 199, 203; Акты подмоск. ополч., № 29; Акты междуч., 48—49 и грамота № 1 в перв. прилож.; Докл. выпись, 13; Дв. разр. I, 110—111. Дальнейших сведений об Ив. Ив. Чепчугове мне не удалось найти. О свойстве Чепчуговых интересные данные и соображения в заметке Д. Ф. Кобеко, Дьяки Щелкаловы в Изв. Русск. генеал. общ., вып. 3, СПб. 1908, и отд. отт.

Черкасский, кн., Дм. Мамстрюкович, служит уже в 7112 г. и, судя по окладу — 70 рублей, не первый год, однако совсем незаметен до перехода в Тушино 25 июля 7116 г., где сразу стал боярином. Из Тушина Черкасский перебрался к Вору и в Калугу и служил ему до самой гибели его. Но и после этого кн. Дм. не вернулся в Москву, а уехал в январе 7119 г. в таборы к Сашеге, который тогда показывал себя единомышленником Ляпунова. Позже он, кажется, и перешел прямо в ряды первого ополчения; повидимому, к зиме 7120 г. пужно отнести поход его и кн. Львова на Наливайку, который в декабре овладел Алексинем. Весною 7120 г. Черкасский был уже в Ярославле. — Четв. См., вр., 3: Разр. за См., 254 (на стр. 177 ошибочно: июня) и 107, ср. 217; Изборник, 341; Сборник кн. Хилкова, № 12, XXXII; Акты Шуйского, № 67; ААЭ, II, № 182 (и СГГр и Д, II, 237). Дальнейшие справки см. в «Очерке» и втором прилож.

Шереметев, Вас. Петр., в 7118 г. служил Вору с чином стольника; был послан им в марте этого года против литовских людей, захвативших Стародуб, и сел в Брянске, где пробыл до начала 7120 г., а потом перешел в стоявший под Москвою полк Трубецкого; здесь Шереметев оставался еще и в начале ноября, а к началу апреля, — может быть, из-за присяги таборов Исковскому вору, — оказался в Ярославле у Пожарского, с которым второй раз пришел к Москве. — АИ, II, № 280; Акты подмоск. ополч., № 81; Масловск. архив, I, № 98; Акты Московск. гос., I, № 45; далее в «Очерке».

Шереметев, Ив. Петр., стольник царя Бориса, потом служил «царю Димитрию» и царю Василию; в 7120 г. был воеводой на Костроме, очевидно, из подмосковного ополчения, воеводы которого слали ему грамоты, но в то же время и московские бояре, старавшиеся предупредить или остановить новое земское движение против поляков и обратить страну к Владиславу, писали Шереметеву на Кострому, как своему единомышленнику, похваляючи его «службу и раденье». Вскоре после получения этой грамоты Шереметев, не желавший пустить в Кострому ополчение Пожарского, был отрешен от должности и с ополчением ушел в Ярославль. — Четв. См. вр., 16; Разр. за См., 77, 79, 81 и др., 107; Акты врем. Шуйского, № 90; Акты подмоск. ополч., № 23 и 33; далее в «Очерке».

Шушерин, Фед. Дм., с конца 7119 г. думный дьяк, старший в Поместном приказе у Трубецкого и Заруцкого, потом у одного Трубецкого, а затем, по соединении ополчений, у Трубецкого и Пожарского. — Архивный материал, II, стр. 603—604; Арзамасск. пом. акты, № 293, 307, 337, 365 и мн. др.; Сотницы *С. Шумакова*, вып. VII, стр. 2—3; Акты *Юшкова*, № 305, 307, 309; Масл. архив, I, № 99 и др.; ААЭ, II, № 207. Где и кем служил Шушерин до 119 г., определенно неизвестно. *С. Ф. Платонов* (Моск. правит. при первых Романовых, в Статьях по русск. ист., стр. 381) считает Шушерина тушинцем, но нужно заметить, что в документе не обозначены ни отчество, ни чин упомянутого там Фед. Шушерина (АИ, II, № 290), а кроме Фед. Дм. известен в это время еще Фед. Вас. Шушерин (Земельн. пож. при Владисл., стр. 116).

Щелкалов, Ив. Вас., совсем незаметен в Смутное время, о нем знаем только, что он еще в сентябре 1610 г. получил вместе с отцом привилегию на поместье в Мещёрском уезде и вотчину в Дорогобужском. — АЗР, IV, 183, ССXL; но интересно отметить, что в один день со Щелкаловыми получили привилегии и многие определенные тушинцы, как Мих. Глеб. и Ив. Ник. Салтыковы, Мих. Андр. Молчанов и др. Это обстоятельство заставляет подозревать, не были ли в Тушине и Щелкаловы?

Юдин, Вас., подъячий в 7103 г., потом дьяк в Нижнем в 7115 и 7116 гг.; в 7118 г. сидел в Большом приходе; в 7120 г. дьяк при Пожарском. — Материалы *А. К. Кабанова*, № 70, 99; Акты Шуйского, № 16 и стр. 219—220; Нижегород. платежницы, 68, 137, 138; о дальнейшей службе — в «Очерке» и втором прилож.

Приложение четвертое

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ ¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемые ниже первые три номера материалов извлечены из провинциальных рукописных собраний.

Грамота царя Бориса в подлиннике хранится среди столбцов О-ва этнографии, истории и археологии при Томском университете ². Печатается как потому, что изданный актовый материал для царствования Бориса вообще очень невелик, так в особенности из-за характерной фразы: «а сослан будет он в Сиби(рь) не в нашей опале». Не говорит ли она, примененная здесь в отношении к простому казаку, о широких размерах опал при царе Борисе?

Оригинал, довольно пострадавший от времени, с рядом вырванных мест, воспроизводится нами новым правописанием; в скобках поставлено восполненное на основании других мест той же грамоты или восстановленное по смыслу.

Грамота Шуйского и Описание псковского пожара отысканы в рукописном сборнике собрания Саратовского университета, принадлежавшем ранее балаковскому миллионеру П. М. Мальцеву. Сборник этот, значащийся в предварительной инвентарной записи под № 154, писан несколькими лицами скорописью XVII в. и по филиграммам бумаги («la folie» о 7 бубенцах и амстердамский герб) может быть отнесен к последней четверти XVII в. Листы перемечены позже арабскими цифрами; их всего отмечено 355, однако некоторые остались без нумерации; цифры 33 и 61 проставлены по два раза; ряд перемеченных в свое время листов ныне отсутствует: 208—210, 213 и 214, 228 и 229. Отмечая листы в издаваемых текстах, пользуясь имеющейся нумерацией, не вводя нового счета.

Сборник заключает в себе «Историю о Казанском царстве» (л. 1—159), часть «Нового Летописца», кончая посылкой под Болхов при Шуйском (л. 262—353), нередко встречающуюся в рукописях отписку послов Тарбеева и Басова (см. *А. И. Соболевский*, *Переводная литература Моск. Руси XIV—XVII вв.*,

¹ Печаталось в Ученых Записках Саратовского университета. Педфак, т. V, в. 2, 1926 г.

² Теперь, вероятно, в библиотеке университета.

стр. 386—387; в нашем списке дата правильнее, чем у Соболевского: 7136, а не 7130 год, ср. Дв. разр., I, ст. 936). Остальная, средняя, часть сборника занята главным образом документальным материалом, преимущественно связанным со Псковом, и заметками о Псковских же пожарах 15 мая 1609 г., 11 мая 1646 и 17 мая 1646 же года.

Грамота царя Василия во Псков дает до сих пор оставшиеся неизвестными сведения о псковских воеводах 1606 г. и восполняет пробелы в биографиях названных в ней лиц (см. например, мой «Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг.», стр. 286, о Вас. Петр. Морозове). Кроме того, наш документ свидетельствует, что грамоты июньские писались ряд дней и в более поздних сведениях о чудесах «нового страстотерпца» пополнились новыми данными. Это вновь открывающееся обстоятельство заставляет пожалеть, что в ААЭ не приведено никаких указаний на отличия текста отмеченной при № 48 еще более поздней, чем наша, грамоты в Соль-Вычегодскую от 28 июня. По обстоятельствам современного печатания текст этой очень длинной (рукоп. л. 239, об. 256) грамоты, не представляющей, кроме немногих мест, особого интереса, хорошо известной по другим печатным изданиям и не очень тщательно переписанной, воспроизводится не весь, а только в немногих частях. Орфография рукописи здесь, как и при издании «Описания псковского пожара», взята новая, титла раскрыты: знаки препинания расставлены мною.

Псковский пожар 15 мая 1609 г. был описан, очевидно, многими свидетелями. Уже известно три кратких его описания, находящиеся в IV и V томах Полного собрания русских летописей: т. IV, стр. 325 и 345, и т. V, стр. 67—68, но сохраненное нам в Мальцевском сборнике подробнее всех остальных, дает немало материала для описания старого Пскова и главное заключает в себе очень ценное указание на то, что владыка псковский этого времени — Иосиф — был «наречен Тушинским воеводой». Это обстоятельство разъясняет нам ту странность, что один только псковский епископ удостоен был похвалы от жившей в общем очень не в ладу с верхами духовенства Тушинской власти (АН, II, № 254, стр. 360). С другой стороны, мы видим, что Тушино не только имело нареченного патриарха, но пробовало создавать и епископов для своих «верных» городов.

Грамота избирательного собора в Понехонье взята из рукописи Публичной библиотеки, F IV 687. Эта рукопись ныне без начала (первый сохранившийся лист был когда-то 11-м), писана одним почерком XVIII в. и заключена в старинный крашеный переплет. Содержит она компилятивный обзор истории России с древнейших времен до царя Алексея включительно, составленный в 1751 г. кем-то из рода Чортовых, родословие которых приведено на лл. 39 об. — 42. И наша грамота попала в текст с копии, очевидно, хранившейся в семейном архиве Чортовых, один из которых был выборным от Мценска на соборе 1613 г. и подписал и Утвержденную грамоту Михаила Федоровича и нашу грамоту (почему, видимо, и скопировал в свое время последнюю).

Грамота помещена на л. 179, об. 181⁷ (старой пометы), непосредственно за рассказом об избрании царя, данным по Страленбергу, и предваряется следующими словами составителя обзора: «Зде же прилично предложить, каковым штилем в тогдашнее время писались грамоты или указы по городам, для которого видения зде ниже следующее с посланной в 7121-м году февраля месяца 25 дня государевой грамоты копия предлагается посланной в город Пешехонье, в которой писано тако».

Текст грамоты в Пешехонье, плохо прочитанной и не точно воспроизведенной в рукописи Публичной библиотеки, в общем тождествен с давно известным «образцом» грамот 25 февраля, напечатанным в III т. Собрания госуд. грамот и договоров, № 4, и в Дворц. разр., т. I, ст. 45—51, но не имеет конца, заключающего грамоту во Владимир. Так же в отличие от «образца» новая грамота впервые за время изучения избирательного Собора 1613 г. дает нам прямое указание на город, не приславший своих представителей на Собор до 25 февраля, — именно Пешехонье. Далее большой интерес представляют совершенно отсутствующие в «образце» подписи членов Освященного собора, Думы, столичных чинов и выборных с мест, о которых упоминают Дворц. разряды (ст. 45). Среди первых — их всего четыре — особенно важна подпись Иосифа, епископа коломенского, прекращающая, видимо, всякие колебания при решении вопроса, принимал ли он участие в выборах царя (ср. выше, стр. 187—188 и 247—248). Первая в ряду боярских подписей первенствующего члена старой Думы кн. Мстиславского последний раз подчеркивает, что именно еще в 20-х числах февраля Боярская дума стала ведать делами, а рукоприкладства Шереметева и Фед. Головина дают подкрепление мысли, что и кремлевских сидельцев привлекали к общему делу, или, по крайней мере, не устранили от него, хотя бы во второй стадии выборов после 7 февраля (ср. выше, стр. 197—198). Но еще интереснее последняя подпись — боярина Андр. Нагого. Я в свое время не решился допустить, чтобы на Собор вызывали чиновных людей даже с воеводств, хотя для меня и тогда было ясно стремление руководителей собрать возможно больше даже представителей столичного дворянства и желание последних быть участниками общерусского царского «обирания» (ср. выше, стр. 199, 191, и 192). Теперь подпись Нагого, бывшего воеводой в Ростове и в 7121 и в 7122 гг., под грамотой 25 февраля 7121 г. говорит, что из Ростова, где на воеводстве сидели два боярина, один на время был вызван в Москву, и, конечно, не для текущей работы в Думе, ибо скоро вернулся назад в Ростов, а, очевидно, для участия в выборах царя. Подписи столичных дворян кн. Пожарского и Ив. Морозова не дают новых имен, но последнего позволяют с большою вероятностью считать участником царского избрания. Рукоприкладства выборных, кроме известного ранее А. Чортова, дают два новых для состава Собора 1613 г. имен и присоединяют к списку в 47 названий городов и областей, давших представителей, еще два — Погорелое Городище и Боровск (в Утвержденной грамоте есть подпись только боровского игумена

в составе Освященного собора). Наконец, чин последнего рукоприкладчика — Ф. Нащокина — остается неизвестным (в «Книге» 7124 г. есть дворянин московский Фед. Ив. Нащокин — Акты Московского гос., I, стр. 145).

Так интересен материал новой грамоты Собора 1613 г.

Но учитывая неточность и неполноту, с одной, и повторность текста нашей грамоты в сравнении с известным уже — с другой стороны, печатаем документ в выдержках. Неустойчивость в употреблении «ять» и «е», «и» десятиричного и восьмеричного, твердого знака и окончаний «ые-ыя» позволила без ущерба для сути дела воспользоваться в этих случаях, а также — для выдержанности — и в отношении фнты новым правописанием, но в остальном удержаны формы оригинала. Титла раскрыты.

Февраль 1922 г. — май 1923 г.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

№ 1. ГРАМОТА ЦАРЯ БОРИСА В ТАРСКОЙ С РАЗРЕШЕНИЕМ ПОСТРИЧЬСЯ КАЗАКУ КОНСТАНТИНУ ПАНТЕЛЕЕВУ ОТ ФЕВРАЛЯ 1604 г.

От царя и великого князя Бориса Федоровича всея... вырвано) в Сибирь в Тарской город воеводе нашему князю Ива(ну Ондреевичу) Солицову да голове Захару Иванов (ичю Безобразову). Бил нам челом Тарского города коншой ка(зак Костя Панте)леев, а сказал: прежде сего служил он... (вырвано) наши всякие службы в поповых го(родах... в Си)бири де служит он наши всякие службы... (вырв.) лет, и служба де он наши службы стал стар и болен и увечен, а обещник (не разобрано одно выцветшее слово) в монастыре в Перми Великой, и нам бы его нож (аловати) велети для его болезни из Сибири отпусти(ти) постритца. И будет так, как нам Костя (Пантелеев) бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, а Костя Пантелеев немощен и увечен и нашии служ(бы) служить ему немочно, а сослан будет он в Сибирь не в нашей опале, и вы б его от нашии служб(ы... вырв.) и отпустили его на его обещанье постричься; а в сво (е бы место?) велели ему казака прибрати такова ж, каков са(м).

Писан на Москве лета 7112 г. февраля (дата оторвана).

На об. «В Сибирь в Тарской город воеводе нашему князю Ивану Ондреевичу Солицеву да голове Захарю Ивановичю Безобразову» и помета о получении 26 июля 112 г.

№ 2 ГРАМОТА (В СПИСКЕ) ЦАРЯ ВАСИЛЬЯ ВО ИСКОВ С ИЗВЕЩЕНИЕМ О СОВЕРШИВШЕМСЯ В МОСКВЕ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕРЕВОРОТЕ И ОБ ОТКРЫТИИ МОЩЕЙ ЦАРЕВИЧЛА ДИМИТРИЯ, С ПРИЛОЖЕНИЕМ ДОКУМЕНТОВ, ИЗОБЛИЧАЮЩИХ РАССТРИГУ В ИЗМЕНЕ ВЕРЕ И ОТЕЧЕСТВУ, ОТ 10 ИЮНЯ 1610 г.

«Список з государевы царевы и великого князя Василья Ивановича всеа Русии грамоты.

От царя и великого князя Василя Ивановича всеа Русии в нашу отчину, во Псков околничему нашему и воеводам Василю Петровичю Морозову да князю Федору Ондреевичу Звенигородцкому да днюком нашим Ивану Грамотину да Онтипу Рубцову. Писали есмя к вам наперед сего, что божии праведным судом...». Текст совпадает с текстом давно изданной грамоты в Пермь от 6 июня — см. ААЭ, т. II, № 48, и текстом-образцом, данным в «Ином сказании» — РИБ, т. XIII, ст. 73—95, далее приводятся лишь некоторые места с отличным от других текстом.

ИЗ ПОКАЗАНИЙ БУЧИНСКИХ

РИБ, стр. 79—80

«И Рострига де Гришка говорил: видели естя и сами, что здесь деется: нароком де есми приказал поляком и всяким розных вер людем ходити здесь в большую их церковь и по всем их церквам, в саблях, и как хто ходит; и они де кабы сперва поговаривали меж собя тайно, а нын де уже и то ни за што...»

Мальц. сборн., л. 244 об.

«И Рострига Гришка говорил: видял есмя сам, что здесь деелаетца: нароком де я приказал поляком и всяких розных вер людем ходити в болшую церковь и по всем церквам в саблях и как хто ходит, и они де кабы сперва поговорили меж собя тайно, а ныне уже ништо ни за што не станет...»

О ВОЦАРЕНИИ ШУЙСКОГО

РИБ, ст. 82

«И мы, великий государь, за помочию бога принял скифетр великого Российского царствия... и по молению патриарха... и за челобитием царей и царевичев и многих государских детей, которые служат в Московском государстве, и бояр наших и околничих, и дворян, и детей боярских, и всяких служивых людей Московского государства...»

Мальц. Сборн., л. 245 об. — 246

«И мы, великий государь, за помощию великого бога принял (так!) скипетр Росийского царствия... и по умолении патриарха... и за челобите царей и царевичей и многих государских детей, которые служат в Московском государстве, и бояр наших, и околничих, и дворян, и детей боярских и всяких служивых людей и гостей и торговых и всяких людей Московского государства...»

ОБ ИСЦЕЛЕНИЯХ ОТ МОЩЕЙ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ В МОСКВЕ

РИБ, ст. 85

«а как его поставили в церкви архангела Михаила, и от его целбоносных мощей пролилися реки милосердия: многие различными болезнями исцеление получили: в первый день исцелил всякими различными болезнями 13 человек, а в другой день, июня в 5 день, 12 человек и до сего дни непрестанно исцеляет...»

Мальц, сборн., л. 247, об. — 248

«и как ево поставили в церкви архангела Михаила и от его целбоносных мощей пролися(!) реки милосердия: многие болные различными болезнями тринадцать человек, а в другой день июня в 6 де(нь) двенадцать человек, июня в 7 де(нь) исцелил трех человек, июня в 8 де(нь) исцелил шесть человек; и до сего дни непрестанно исцеляет...»

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА ГРАМОТЫ (лл. 250—250 об.)

«Да и во Псковские б есте пригороды и в засады с приказным людем и к головам отписали от себя тот же час и с нынешнее грамоты и с переводом (так!) послали противни, списав слово в слово,

вы, дьяки, за своими приписми с нарочными с резвыми гонцы. А которого числа и с кем имянем в которой город пошлете, и вы б о том к нам писали отписали (так!) в Новгородской розряд, чтоб нам про то было ведомо.

Писан на Москве лета 7114-го июня в 10 де(нь)».

(Далее следуют обычные, известные по печатным изданиям, приложения.)

№ 3. ОПИСАНИЕ ПСКОВСКОГО ПОЖАРА 15 МАЯ 1609 г.

(л. л. 257—259 об.).

В ¹ лето 7117 году маия в 15 де(нь) бысть во Пскове пожар велик. Загорелся на Полощице на Великой улице у Успенского девичья монастыря в пятом часу дни от надворного варения грех ради наших поупущением божиим. И первие огонь угасили. И внезапу второе явился огонь велик и загорелася храмины высоки. И бысть буря велика и ветр, и понесе той огонь от полудне в Середней город. И загорелся Печерской двор и на государеве дворе и на площади божия церкви, таже и соборная (256 об.) апостольская церковь живоначальной троицы, и владычен двор, и государева царская казна: полаты з зельем и с хлебом государевых житниц до пяти сот. Да в том же часе с северные страны града Пскова за Псковой рекою у преподобног(о) Варлаама загорелся и понесе по всему Запсковью люте. И тогда вси людие видевши гнев божий и лют пожар з бурею и с вихром. И по воде огонь ходя в реке, пожигая и поналяя людей. И государеву казну — полату з зельем розорва, и вынесе на обе стране градную стену кремскую (так! очевидно, вместо «кремлевскую»), и темь каменнемь, и засыпа на бреже на реке множество людей (257) з животом, а иных людей камением побилло. И бе тогда страх нападе лют. Егда трус бысть от зелейной казны, как грянуло, и тогда всем людем, чающим кончины и земли разсестися. И несе камень з зелнем всюду верст на десять. И у соборной церкви у живоначальной троицы верх церковной, главу позлащенную, испробили, и двери церковные составы раздвигнулася, едва и не падоша степы; а внутрь церкви все иконы чудотворные с кузницею, и с книгами, и с ризами сажеными, и со всею лепотою церковною, и государева казна всякая — наряд и зелье до вечерни (257 об.) погорела вся, и каменные церкви, и полаты, и погребы, и колоколницы, и в конх и железные двери быша, а из церквей изо многих не успела казны вынести и ни книг. А из домов также не успела вынести ничего ж; а хотя кто что и вынес в церковь, или в полату, или в погреб, или в калаколну, или на реке в лоды, или на огород, то все огонь взят. Не токмо что живот погоре, но и людей погоре в церквах и в полатах и в погребях много; а иных людей злиа человецы побилла. И тогда бе нареченный владыка (258 л.) Иосиф Тупинским вором, побежал было за город с мирожским игуменом Иосафом и со иными, стрельцы, поймав, вкинули

¹ «В» написано киноварью.

их к Троице в церковь. И как зельем выпшибло церковные двери и учало гореть, и они тогда едва уцелели в паперти у Бориса и Глеба, плиту сломав, в песок тдыхали. А из церкви ничего не вынесли кроме сосудов серебряных: заверже во умывальницу, тамо уцелеша. И в пределе у Благовещенья вси иконы и рака чудотворцова с мощами (258 об.) погоре, а меч его, чудотворцов, пономарь вынес; а чудотворцов (так!) благоверного князя Доманта рака от огня соблюде бог целу. Да тутю ж после огня обретеса икона пречистая богородица воплощение корсунская выносная, что за престолом стояла, и ныне есть. Да три предела соблюде бог целы; а толко во всем граде осталось, не погорели три монастыря: Кузмодемьянской на Гремячей горе с посадом да Николеской монастырь в Песках ¹. Да на Поломище на Старом Проломе (259 л.) ружьные церкви, а в церквях каменных цело соблюдеся у Николы на Усохе, да у Василя на Горке, и у Варвары на Усохе, и на Печерском дворе, и на государеве дворе на Поломище в Успенском монастыре, и у Егория, и у Воскресения христового, и у Настасеи, у Григория Богослова, у Пятницы Старой, у Покрова в Торгу церковь згоре на Запскове и у Богоявления и в Среднем городе у Богоявления ² во Пскове, и у Рождества; а то весь град згоре.

Еже бысть божие посещение и наказанье за крестопреступление Пскову, оставив главу — Московское государство и Великий Новгород, и прелстипашь от безумных человек, целовавша крест Тушинскому вору, кой припел с поганою литвою и с рускими вору христианство плешту (так!) (259 об.), веру разорити, а московского царя возненавидев. И о том междоусобие велие бысть: друг друга мучаше и убиваше; и востапа чернь на больших, не веруеще правого пути.

В то ж время, на четвертой день пожару приходили подо Псков новгородские невеликие люди ратью».

№ 4 ГРАМОТА (В КОПИИ СО СПИСКА) ЗЕМСКОГО СОБОРА В ПОШЕХОНЬЕ О СОСТОЯВШЕМСЯ ИЗБРАНИИ НА ЦАРСТВО МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА ОТ 25 ФЕВРАЛЯ 1613 г.

«В Пенсехонье архимандритом и игуменом и всему Освещенному собору и воеводе господину Феодору Дементьевичу Дурову да Ивану Никитичу и дворяном боярским (так, т. е. пропущено «и детям») и посадским и уездным людям всем чином ростовской митрополит Кирил и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и великих обителей честных монастырей старцы соборные, которые для царского выбору к Москве съехались, и бояре, и околични, и чашники, и столники, и стряпчие, и дворяне, и приказные люди, и дети боярские, и всяких чинов люди челом бьют.

¹ В другом описании пожара, упоминающем о сохранении также трех монастырей, третьим назван «Козма и Дамьян на утоплениках» — ПСРЛ, т. IV, стр. 345.

² Слова «и в Среднем городе у Богоявления» вписаны между строк.

Ведомо, господине, вам всем, как в Росиском государстве царской корень пресекася... (и далее идет краткий очерк Смуты, как в грамоте во Владимир, кончая очищением Москвы и решением выбрать государя)... И бояря и воеводы всею землею писали к тебе, архимандриту, и ко всем людем множество (так, очевидно, вместо «многажды»), чтоб вы для государского выбору выборных людей к нам к Москве прислали; и от вас к нам выборные люди февраля по 25 число не бывали, а к Москве из московных (так, вместо «замосковных»), из поморских, из северских и из украинских городов всяких чинов люди для государскова выбору съехались и живут долгое время, а без государя Московское государство ничем не строитца... (и т. д., как во Владимирской грамоте, о царском избрании, кончая крестоцелованьем Михаилу Федоровичу на Москве; изложения текста присяги и призыва целовать крест государю, имеющихся в грамоте во Владимир, в нашей грамоте нет).

Писано в Москве лето (вместо «лета») 7121 февраля 25 дня.

В подлинной грамоте назади пишет смиренны Кирил митрополит растовски и ерославский, смиренны Герасим архиепископ суздальский и таруский, смиренны Феодор¹ архиепископ резанский, епископ Иосиф коломенски и каширский, боярин князь Федар Иванович Мстиславской, боярин Федар Иванович Шереметев, боярин Андрей Алексеевич² Нагой, князь Дмитрий Пожарской, Иван Морозов, мециянин Андрей Чортов и вместо товарищев своих выборных дворян руку приложил, околничей Федор Василев сын Головин, Погорелова Городища Сава Волков и товарищев своих вместо руку приложил, боровичен выборных людей Степан Загряцкой и товарищев своих руку приложил. Федар Нашекин руку приложил.

Сим окончилось».

---

¹ Вместо «Феодорит.

² Вместо Александрович.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ПОЖАРСКОГО В НОВОМ СПИСКЕ «ХРОНОГРАФА 1617 г.»¹

«Смутные времена» вызвали чрезвычайно напряженную работу мысли московского человека. Небывалые, для громадного большинства совершенно неожиданно налетевшие события — прекращение династии Даниловичей, избранные, а то и «самоизбранные» цари, сидевшие или стремившиеся сесть на московском престоле, народная смута, захватившая в свой водоворот все слои населения, вторжение иноземцев и даже захват ими сердца Руси — Москвы, — все это и многое другое необычное, выходящее из ряда, врывалось в более или менее мирную дотолу и однообразную жизнь населения и будоражило воображение, настораживало настроение, вызывало к работе дремавшую под спасительной сенью традиции мысль. Целые группы вопросов политических и социальных, религиозных и национальных то порознь, то чаще свитых в один трудно распутываемый клубок настоятельно, неотступно требовали разрешения. И, оправляясь от изумления и страха, человек того времени чувствовал необходимость отдать себе отчет в происходящем вокруг него, определить свое отношение к событиям и свое место в новых условиях. И там, где ранее так легко и удобно было довольствоваться доставшейся по наследству мудростью народной, приходилось теперь выявлять свое личное мнение, необходимо было размышлять над темами, не приходившими раньше в голову. Нужно было продумать отношения царя и царства, государства и общества, требовалось уяснить взаимоотношения различных групп в составе целого, надобно было в моменты общественной борьбы выбирать друзей-союзников, примыкать к слагавшимся течениям и группировкам, из многих кандидатов на престол остановиться на одном по склонностям или расчету.

Становясь участником борьбы, тот или иной современник Смуты, более книжный, богаче одаренный, так естественно превращался в публициста, поносящего врагов, выдвигающего единомышленников, зовущего в ряды своей «партии» колеблющихся, неопределившихся. И разного рода грамоты и отписки, повести и сказания, подметные письма и «свитки» являются результатом напряженной

---

¹ Печаталось в научном приложении к журналу «Культура», Саратов 1922 г., № 2—3.

работы политической мысли Смутного времени и служат ценнейшим источником для восстановления событий и особенно для характеристики настроений людей этой бурной поры.

Смута кончалась; спадали волны народного движения. Москва имела своего «прирожденного» и избранного «всею землею» царя, ликвидировались последние пайки разорителей государства, восстанавливался порядок, возрождалась экономическая жизнь. Но мысль, разбуженная в Смуту, долго еще не могла расстаться с этим удивительным временем. Наоборот, теперь, с наступлением успокоения, появились новые побуждения писать о только что пережитом. Теперь, когда бурные события его ушли в прошлое, у иных являлась потребность для самих себя в спокойной обстановке разобраться в этой эпохе, у других — желание рассказать «в память предъидущим родом» «ко исправлению и ко прочтанию» поучительные факты Смутной поры или познакомить с тем или иным героем ее. И новый ряд — на сей раз уже исторических — обзоров всей Смуты или части ее, биографий отдельных деятелей, свидетельствует нам о настоятельности отмеченной потребности.

Однако Смута не была еще изжита до конца: вопросы, тогда поставленные, не все еще были разрешены и продолжали некоторые из них волновать умы современников царя Михаила, придавая особый интерес злободневности фактам эпохи Смуты. С другой стороны, и авторам — непосредственным свидетелям, а часто и участникам описываемых событий — было трудно, а подчас и невозможно превратиться в бесстрастных летописцев. И все эти «истории» и «летописцы», «жития» и «повести» полны публицистического и политического тона, отличаются пристрастностью в характеристиках. Такие свойства этих «исторических» работ вызывали иногда читателей их на возражения по тому или иному поводу. И эти возражения наряду с оригинальными цельными произведениями и компиляциями их служат интересным материалом для выяснения настроений времени Михаила и отношений людей в послесмутную пору к тем или иным деятелям Смуты.

Одному из таких возражений читателя и посвящена моя заметка.

20 лет назад П. Г. Васенко опубликовал очень интересную «Отповедь в защиту патриарха Гермогена» против довольно резкой и в общем неблагоприятной характеристики святителя-адманта в Хронографе 1617 г.¹ Ныне мне посчастливилось найти в параллель к защите Гермогена нечто аналогичное в отношении другого видного деятеля Смуты — кн. Дм. Мих. Пожарского — против того же автора статей о Смуте в Хронографе 1617 г.

Этот своеобразный «спор» двух авторов в одном рассказе мне удалось обнаружить в одном из хронографов богатого рукописного собрания П. М. Мальцева, ныне принадлежащего Саратовскому университету.

¹ «Новые данные для характеристики патр. Гермогена» в Журн. Мин. народн. просв., 1901 г., № 7.

Большая рукопись в 1 000 с лишком листов¹ в настоящее время заключается в двух прочных кожаных переплетах, повидимому, первой четверти XIX в., но поделена на части чисто механически, что особенно ясно видно по оглавлению, тоже поделенному, и идущей по листам приписи. Первая часть заканчивается историей Александра Великого, вторая, непосредственно продолжающая первую, имеет последним рассказ об избрании Михаила Федоровича, заканчивающийся на обороте первого листа 138-й тетради в середине страницы; далее, судя по счету тетрадей, отсутствует почти 9 тетрадей, и в конце на лицевой стороне первого и единственного листа 147-й тетради помещено послесловие Хронографа 1512 г. («Достойт же убо дожде корабль разума управити...»²)

Вся эта большая рукопись писана одним лицом. Четкий и довольно крупный полуустав, красивый своею правильностью, ровностью и выдержанностью письма, изобличает опытного писца, может быть, писца-профессионала. Бумага очень однородная, повидимому, одного времени. К сожалению, из пяти филигранных рукописи лишь одна, но имеющаяся в очень многих листах, оказалась в альбоме Н. П. Лихачева³ под № 3549, который датируется 1630-м годом. Другая, перемежающаяся в рукописи с указанной датированной, и третья филигранные представляют собою щиты, как и № 3549, и с такими же звериными фигурами, как и в первой. Кроме того, в третьей, в экземплярах более ясных, можно читать «1610», — очевидно, указание года. Таким образом, наш Хронограф писан, вероятнее всего, в 1630-х, может быть, даже в 1620-х и во всяком случае едва ли позже первой половины 40-х годов XVII в., т. е. при царе Михаиле и, вероятно, даже при жизни кн. Дм. Мих. Пожарского (ум. 20 апреля 1642 г.)⁴.

По листам всей рукописи внизу идет «владенная запись» одного из собственников книги: «Сия-книга-стол-пи-ка-Пе-ть-ра-Михай-ло-ви-ча-Измай-ло-ва» или — почти во всей второй части — без чина: «Сия-книга-Пе-ть-ра-Михай-ло-ви-ча-Измай-ло-ва». Этот Измайлов, фигура малозаметная, известен по Дворцовым разрядам

---

¹ Писец вел счет по тетрадам, помечая их славянскими буквами в правом нижнем углу. Вся рукопись, кроме неперемеченного оглавления, состоит из 137 тетрадей, но некоторые из них (немногие, правда) имеют не 8, но 7, 6, даже 5 листов; от 138-й тетради имеется один лист, также и от тетради 147-й, промежуточные совсем отсутствуют.

² К сожалению, Мальцевское собрание, очень недавно — весной 1921 г. — поступившее в университет, остается пока неопианным и даже не инвентаризировано, и я не могу указать номера рукописи.

³ Имею в виду третий том «Палеограф. значения бумажных водяных знаков». Знак этот заимствован из сборника *Л. Винера*; но другой вариант этого щита оказался в книге Оружейной палаты 7138 г. — см. № 3548.

⁴ По впечатлениям от бумаги и манеры письма также к 1620—1630-м, самое позднее к 1640-м годам относит рукопись и опытный палеограф А. А. Гераклитов, которому я признателен за сообщение этих сведений и за предоставление возможности ознакомиться с историческими рукописями собрания Мальцева.

и Указателю к боярским книгам с 7159 по 7184 г.; с чином стольника он упоминается с 7166 (1657/58) гг.¹

Фамилия этого владельца может навести на соблазнительные предположения о связи нашей рукописи с причастными к ополчению Пожарского Артемием, Иваном и Тимофеем Вас. Измайловыми. Но мы, к сожалению, ничего не знаем ни о самом возникновении рукописи (писана ли она по заказу, на продажу или для себя?), ни об ее судьбе до того, как она попала к П. М. Измайлову, ни того, каким образом она у него оказалась (куплена, подарена, получена по наследству). Кроме того, ее владелец во второй половине XVII в. принадлежал к другой, более захудалой ветви рода Измайловых, отделившейся от первой еще до середины XVI в. и приходившейся Васильевичам и их потомству во второй половине XVII в. в очень далеком родстве².

Хронограф, заключающийся в нашей рукописи, и сам по себе в своем целом заслуживает особого внимания и изучения. Представляя собою своеобразное соединение Хронографа 1512 г., по с рядом вставок и другими отличиями против текста Археографической комиссии и Попова, с Хронографом 1617 г., начиная со «Сказания Ивана Пересветова о царе турецком Магомете, како хотел сожещи книги греческия», он не подходит ни под одну из разновидностей, отмеченных Поповым. Но нас в данном случае будут занимать только статьи, относящиеся к Смутному времени.

Они в общем воспроизводят текст, известный по «Изборнику» А. Попова и второму изданию XIII т. Русск. ист. библ. Археографической комиссии³, сближаясь в вариантах с разночтениями то «Изборника», то Русск. ист. библ., иногда давая и свои особые, изредка лучшие против них, чтения⁴.

Более существенные отличия сводятся к ряду «пропусков». Так, в первых статьях почти во всех случаях именованый царей опущен титул «самодержец» и очень часто «всея Русии». В рассказе о голоде при Борисе отсутствует вся справка о хлебных мерах и о ценах на хлеб в прежние годы; рассказ заканчивается словами: «А ржи четверть купиша тогда по три рубля и выше». Ряд пропусков замечается в статье «О мужестве царского воеводы князя

¹ См. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах..., стр. 163, и Дворц. разряды, т. III, и Доп. по Указателю к ним кн. Н. Н. Голицына. Из позднейших владельцев один отметил себя на первой странице рукописи — Ив. Матв. Семенников, 1700 г., другой — на последней — Кир. Шаханин.

² О роде Измайловых по их собственным росписям — в работе Н. П. Лихачева, Разрядные дьяки XVI в., Спб. 1888, прим. на стр. 354—358. В Разряд обе ветви представили каждая свою роспись.

³ В Изборнике слов и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, стр. 185—204; в РИБ, т. XIII, изд. 2-е, ст. 1273—1322.

⁴ Вот примеры лучшего текста из Мальцев. рукописи: о слепоте Цова — «сладостный свет от очию (в обоих печ. — «очеси») его взятъ от него»; о неверных царю Василию — «мнози бо от доброцветущаго благоверна царя Василиа, аки мразом раздробляемы, отпадоша и в темноту нужныа зимы литовского неправоверна отидоша»; в печатных текстах в обоих случаях один и тот же глагол «отпадоша».

Михайла Васильевича Скопина»; вся витийственная характеристика молодого героя обращена в короткую фразу: «и бысть воевода храбр и мужествен, яко и всем мятежником от царствующаго града отгнати ся сотвори»; результаты смены Скопина Дм. Шуйским также изложены короче: «и сего ради паки мятежницы присевают (далее фраза выпущена), паки крови многа проливают (снова одной фразы нет), и паки царствующий град тяжко облажыху» (и еще одна фраза отсутствует); и изображение предателей царя Василия короче: «не вем бо, что и во православных тогда случилось, вместо убо истинны лжу возлюбивша» и сразу же: «мнози бо...» Точно так же и в статье «О боярском державстве Московского государства» описание действий поляков в двух фразах: «злехитрыа поляки, аще и мирнаа совещаваху, но в сердца язвы лукавыа ношаху», а в других текстах далее еще следует: «егда убо в град Москву внидоша, тогда и мирная составления разрушати начинаху и народ христианский тяжко озлобляху»¹.

По самым главным и наиболее интересным отличием нового списка статей о Смуте от списков опубликованных является своеобразная трактовка истории второго земского ополчения. Известно, как изображается она в Хронографе 1617 г. Все приписывается в нем исключительному патриоту, «поболевшему зоровавельски душею за люди господня» и «приявшему на ся молву безчисленных печалей», — Кузьме Минину. Он не только инициатор движения и устроитель ополчения («собрав убо от народа многая сокровища сребра, одари люди ратныя оброки довольными, и сице собра полки многая»), но и руководитель всей работы ополчения и распорядитель военными передвижениями («никогда же отлучаяся, аки древний Гедеон, всех сердца на супротивныя укрепляя; и тако со многими вой под Москву прииде и благим доброправием своим... военачальники совокупи»). Все Минин. Пожарский упомянут лишь раз как военачальник, правда, «искусный во бранех», которого Минин «надо всеми быти совосприподоби». Но и поставленный «надо всеми», он далее незаметен в этом кратком риторическом рассказе и как-то растворяется в группе «военачальников», которых «совокупил» Минин. Такое уничижение и почти уничтожение Пожарского, очевидно, не отвечало исторической правде. В других рассказах о втором ополчении, даже у мало благосклонного к его деятелям старца Авраамия (Палицына), везде выдвигается и Пожарский, часто оттесняя на второй план Минина. Несправедливость к признанному освободителю отечества и побудила почтителя его доблестей и читателя его заслуг исправить рассказ Хронографа в духе исторической истины. Он и сделал это, как сумел.

Он не хотел принижать Минина. Наоборот, он сразу же обостряет внимание читателя, выделив из общего рассказа «о владении

---

¹ В соответствии с этими «сокращениями» Мальцевский текст в случаях расхождения текстов Изборника и РИБ совпадает с более коротким: с текстом РИБ в изложении истории Самозванца, с Изборником — в характеристике Дм. Шуйского.

Москвы литовскими людьми и паки о взятии» начало новой темы киноварной буквой, как он делал это, очевидно, по примеру своего оригинала¹ в отношении важных предметов на протяжении всей рукописи. Более того. Внизу страницы он поставил особое, отсутствующее в опубликованных текстах, заглавие, все киноварью: «О Козьме Минине, како поболе о православной христианской вере». Оставил он без изменения и все начало рассказа о Минине до упоминания Пожарского. Но и далее он не забывает Минина, поделив его дело и славу и на Пожарского и лишив его только сравнения с Гedeоном.

Однако главная его задача — выдвинуть и возвеличить Пожарского. При первом упоминании его он сейчас же старается привлечь внимание читателя, не создавая нового заглавия, а прямо продолжая текст ярко выступающей среди черных строк киноварью: «И военачальника искусна во бранех»; «князя Дмитрея Михайловича Пожарского избра падо всеми быти восприподоби» писано уже чернилами. Повидимому, наш автор понял книжный глагол «восприподоби» как существительное, выражающее особо почетное положение для кн. Пожарского, может быть, контаминируя его с «преподобие» (от хорошо знакомого «преподобный»), и потому вставил от себя «избра», а мудреному слову придал форму предложного падежа. Далее, широко используя для возвеличения Пожарского литературные приемы своего оригинала, в нем употребленные по отношению к Минину, и приобщив некоторый новый фактический материал, он дает такое изложение истории второго ополчения:

«Тогда ж княз Дмитрий Михайлович Пожарской [благим добронравием своим поболе] сердцем о православной христианской вере и о святых божиих церквах от литвы и от русских мятежников разорения Московского государства, и [призва всемогущаго бога на помощь] и пача подвижнейши быти, чтобы очистити Московское государство, и вера бы христианская утвердити, и государя бы на Московское государство обрести. И совокупися с вой в Нижнем в Новеграде, и посла брата своего князя Дмитрея Петровича Пожарского наперед себя во град Ярославль со многими ратными людьми. И потом прииде сам князь Дмитрий Михайлович и Кузьма Минич во град Ярославль со многими вой. [И собра убо от народа многаа сокровища серебра, и одари люди ратныя оброки довольными]. И також со многими ратными людьми посла брата своего князя Дмитрея Петровича наперед себя под Москву. Тогда ж князь Дмитрий Петрович прииде под Москву со многими ратными людьми и облежя у Белово града Тверские врата и Микитские. И по нем [прииде под Москву] князь Дмитрий Михайлович Пожарской и Кузма Минич [со многими вой] и облежя у Белово града от Микитских ворот Арбатские ворота и Чертолские до Алексеевской башни. [И благим добронравием своим, аки солнечнаго любовнаго луча светом, и всех

¹ См., например, киноварные буквы, выделенные жирным шрифтом в I части XXII т. ПСРЛ.

храбрых благочестивого воинства во едино собра»] ¹. Далее полностью следует обычный текст Хронографа 1617 г., только дата взятия Москвы («в лето 7121-го октября 24») выделена киноварью.

Литературная беспомощность нашего автора, наивное, не смущающееся повторением (даже троепием! — «благим добронравнем своим») на двух-трех страницах целых оборотов, заимствование, утомительное единообразие собственных, «оригинальных» фраз, «собя» живой речи, столь редкое в книжности этой поры, невыдержанность в правописании, особенно характерная в род. ед. прилагательных («аго» и «ого» в чужих, «ово» в своих фразах), — все это говорит за то, что перед нами человек, не обывший облекать свои мысли в письменную форму, но крайпей мере, книжной речи. Большая наивность и беспомощность и в графическом выражении своего внимания (киноварные заголовки о Минине и помета в тексте о Пожарском) ведут к предположению, что автор наш — писец рукописи, на основе которого я и позволил себе выше, разбирая рассказ о втором ополчении, говорить одновременно об авторе и переписчике в одном лице.

Простота собственной речи нашего автора и, главное, его преданность оригиналу не позволяют приписать ему же отступлений от печатных текстов статей о Смуте, отмеченных выше, и тем более отличий в тексте на протяжении Хронографа 1512 г. Здесь писец, очевидно, копировал бывший перед глазами материал, сохранив нам данные для литературной истории, и Хронографа, и, — что нам здесь важнее отметить, — статей о Смуте, в которых А. Попов готов был видеть оригинальное и цельное произведение, сразу вылившееся из-под искусного пера его автора ².

Но если это так, то тем ценнее для нас многие оригинальные строки нашего Хронографа, вызванные к жизни непосредственным ощущением несправедливости, учиненной кн. Пожарскому. Эти строки — новый и ценный показатель отношений к князю Дмитрию и в некнижной среде, в рядовых гражданах Московского государства.

---

¹ При воспроизведении текста раскрыты титла, «ять» и «и» десятиричное заменены «е», «и», отделены предлоги, часто написанные слитно, расставлены по смыслу знаки препинания, обозначены [ ] заимствования из текста того же рассказа в оригинале.

² Обзор хронографов русской редакции, вып. 2, М. 1869, стр. 117—118. Впрочем, против правильности и основательности мнения Попова уже давно высказался С. Ф. Платонов, Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как историч. источник, Спб. 1888, стр. 64. и сл. (во 2-м изд., стр. 80. и сл.).

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1611—1612 гг.¹

Не все еще вопросы, связанные с историей нижегородского ополчения 1611—1612 гг., решаются исследователями согласно, и ранее не раз полемика, порой очень жаркая, разделяла историков, так или иначе касавшихся этого момента Смутной эпохи. Споры и разногласия в данном вопросе в значительной мере объяснены своим пропехождением состоянию источников, к краткому, не претендующему на исчерпывающую полноту обзору коих и перейдем. Этот обзор и подобного же характера очерк историографии вопроса представят некоторую возможность наметить хотя бы грубо, хотя бы в самых общих чертах отношение к ополчению и вождям его отчасти современников, уже по окончании ими своего дела, и главным образом потомства.

Важнейшим источником для истории нижегородского ополчения должны быть признаны грамоты, исходившие от самого ополчения; в них руководители его сообщают о своих намерениях, планах, рассказывают о своих действиях и встречаемых ими сочувствии или противодействии, высказывают свое отношение к другим деятелям, другим силам того времени и т. д. Но архив ополчения не сохранился до нашего времени или, по крайней мере, не открыт², и до нас дошли далеко не все его грамоты. Известные теперь не освещают или недостаточно освещают некоторые моменты в истории ополчения, например, самое зарождение и сложение

---

¹ Настоящая работа, оставшаяся в рукописи, была написана в 1910 г., но и в настоящее время не утратила своего значения. — *Прим. ред.*

² Доказательством существования этого архива может, думается, служить то обстоятельство, что московским приказным дельцам нового правительства была хорошо известна грамота, отправленная кн. Пожарским из Ярославля австрийскому императору, и они многое прямо буквально переписывали из нее, когда в грамотах иноземным государям или в наказах послам к разным дворам им приходилось излагать события только что пережитой Смутной поры. Ср., например, Памяти. дипл. снош., т. II, стр. 1407 и сл. — грамота Пожарского, и *ibid.*, стр. 938—958 и 1018—1034 — грамота и наказ послам в Австрию; или Др. рос. вивл., т. V, (изд. 2-е), стр. 62—64 — наказ послу в Персию; или же рукописный наказ послам в Англию (рук. Арх. ком); или *Берх.* Царствование царя Мих. Феод., Сиб. 1832, т. II, прилож. XV — грамота королю французскому (раньше напечатана в прилож. под буквою С, стр. 301—374, в Рассуждении какие законные причины... бар. *Шафирова*).

ополчения; лишь намеками дают понять его организацию; в иных случаях говорят они не то или не совсем то, что в действительности думали, но чего не хотели сообщать начальники ополчения, например, в извещениях о переговорах с Новгородом о кандидатуре на московский престол Филиппа Шведского; они могут быть небеспристрастны в отношении друзей и врагов ополчения. Дополнять, освещать и исправлять данные грамот ополчения историк может прежде всего на основании актового же материала. Разного рода грамоты, присылавшиеся в ополчение, челобитья, обращенные к вождям его, акты, явившиеся результатом административной деятельности вождей ополчения, органов местного управления в разных частях России, и другие современные документальные данные помогут выяснить, как относились к ополчению современники, чего хотели от него, дадут ценные сведения относительно организации ополчения, мер по водворению порядка в стране и пр.

Гораздо менее ценным является актовый материал позднейшей эпохи. Только изредка можно встретить в нем интересное указание, например, в челобитной Строганова¹ на займы у его родни Пожарского и Минина на нужды ополчения. Обычно же встречается только указание на вождей ополчения и — в самой общей форме — на совершенное ими дело, например, в Утвержденной грамоте². Даже более того. Официальные грамоты правительства Михаила Феодоровича, излагающие с теми или иными целями события Смутной поры, совсем молчат о втором земском ополчении; так, указанные выше грамоты и указы послан к иностранным государям, объединяя по примеру грамоты Пожарского оба ополчения, не называют совсем ничьего имени. Но если здесь это можно еще объяснить какими-либо политическими соображениями или просто неадекватностью имен, то менее понятно умолчание о деле Пожарского и Минина в царских грамотах Строгановым³, донским и волжским казакам⁴, Заруцкому⁵, хотя в тождественных во многом грамотах к тем же Строгановым, к тем же казачьим войскам и Заруцкому от «властей»⁶ Пожарский упоминается. Не результат ли это недостаточного внимания нового правительства к освободителям Москвы? Отметим здесь, кстати, что правительство Михаила не особенно честило их. Правда, они были пожалованы чинами и землями, но были пожалованы и кн. Трубецкой (за ним, единственным из тушинцев, было молчаливо признано полученное им в Тушине боярство; остальные лишились своих тушинских чинов), и кн. Черкасский, и Траханиотов и др. Притом же это было при вступлении Михаила на престол, да даже и тут они не играли

¹ Доп. к АИ, т. IV, № 67.

² СГГр и Д, т. I, № 203.

³ ААЭ, т. III, № 3.

⁴ Ibid., № 22 и 24.

⁵ Ibid., № 28.

⁶ Ibid., № 4, 23, 25, 29.

первой роли. А затем они отходят на задний план, оттесненные другими. Минин скоро умер. Но кн. Пожарский еще долго служил новому царю и ратным воеводой и в центральном управлении, но каким-нибудь особенным вниманием царя не пользовался. Напротив, его биографы указывают одни ¹ на то, что Пожарский был как бы в немилости до возвращения Филарета, другие ² на то, что, наоборот, Филарет «заметным образом не удостаивал сего заслуженного мужа доверенности своей». Впрочем, Смирнов ³ находит, что «царь постоянно во всю жизнь ласкал и чистил Пожарского» (стр. 111), и Забелин отмечает, что «у царя Михаила он пользовался не малым почетом»⁴, а Голиков сообщает, что «великий государь засвидетельствовал признательность свою к великим заслугам сего мужа великолепным погребением тела его, своим при оном присутствием и своими слезами»⁵. Но последний не указал, откуда он заимствовал эти сведения, и можно, наоборот, предполагать, что царь не присутствовал при погребении Пожарского: погребен Пожарский в Спасо-Евфимьевском суздальском монастыре и, вероятно, в своей вотчине близ этого монастыря провел последние дни своей жизни, — по крайней мере, «с осени 1641-го (года) имя Пожарского перестало являться в «Дворцовых разрядах»⁶, а «Дворцовые разряды» не свидетельствуют о выезде из Москвы царя около 20 апреля 1642 г. (день смерти Пожарского⁷), но говорят о его пребывании в ней 10 и 12 апреля и 1 мая⁸.

Против же Смирнова и Забелина можно привести более блестящие, чем Пожарского, послужные списки лиц, действительно пользовавшихся вниманием царя, например, кн. Ив. М. Катырева-Ростовского, даже не бывшего боярином⁹. Новейший исследователь, выяснивший состав правящего круга лиц в царствование Михаила Феодоровича (до приезда Филарета, при нем и по смерти его), не находит в нем Пожарского и говорит: «вряд ли кто ста-

¹ Чичагов, Жизнь кн. Пожарского, гражд. Минина и келаря Авр. Палицына, стр. 135—139, и отчасти Забелин, Минин и Пожарский, стр. 133 по изд. 1883 г.

² Малиновский, Биограф. свед. о кн. Дм. Мих. Пожарском, М. 1817, стр. 97.

³ Боярин и воевода кн. Дм. Мих. Пожарский, Отеч. зап., т. LXVII, 1849.

⁴ Цит. соч., стр. 137.

⁵ Доп. к Деяниям Петра В., т. II, 1790, стр. 481.

⁶ Костомаров, Личности Смутного времени, Монографии, т. XIII, стр. 372, изд. 1881 г.

⁷ Обычное мнение, что «никто не передал года кончины» Пожарского, неосновательно. Шереметевская боярская книга (Др. рос. вивл., т. XX, изд. 2-е) указывает его кончину под 7150 г., а в боярских книгах, хранящихся в архивах (Моск. арх. мин. юст.), сохранилась и приведенная сейчас дата (см. алфавитный указатель к боярским книгам под именем Пожарский, Дм. Мих.; дату эту приводит и Савелов, Князья Пожарские, М. 1906, но без указания источника).

⁸ Дв. разр., т. II, стр. 678—679.

⁹ С. Ф. Платонов, Древнерусские сказания и повести, Сиб. 1888, стр. 213—216.

пет утверждать, что Пожарский пользовался влиянием при дворе царя Михаила¹, и особым вниманием, можно прибавить к этим словам.

Кроме актового материала, некоторые сведения по истории нижегородского ополчения можно найти в разрядных книгах, но они почти ничего не прибавят к тому, что известно из актов, и их приходится называть больше для полноты списка источников. Большинство из напечатанных С. А. Белокуровым «Разрядных записей за Смутное время»², входящих до 7121 г. (таких всего 14, именно: I—VI, IX—XII, XIV, XV, XXI и XXII), — 9 из 14 (именно III—V, IX—XII, XXI и XXII), — в том числе (X) и «книга», которую «списывал» кн. Пожарский «в разоренье московское, как очистить Московское государство» (предисл., XX), совсем не упоминают о нижегородском ополчении. Другие (I, XIV и XV) сообщают собственно только об освобождении Москвы с указанием имен освободителей, к чему первая еще прибавляет указание на участие смолян в организации ополчения в Нижнем и на Ярославль как сборный пункт отрядов пред походом к Москве. Разрядная VI, сообщая, что «милостию божиею Московское государство очистилось от литвы лета 7121-го году месяца...», не говорит ни слова о том, кто очистил, а непосредственно пред приведенными словами упоминает о приходе под Москву Ляпунова и Трубецкого. Лишь рассказ, который можно читать во второй разрядной сборника С. А. Белокурова (стр. 60—63) и в «Дворцовых разрядах» (т. I, ст. 1—8), включает в себе более подробные данные касательно истории нижегородского ополчения. Но этот рассказ заимствован с некоторыми изменениями и сокращениями из повести Катырева-Ростовского во второй ее редакции³.

Очевидно, у составителей разрядных записей (писавших свои «книги» большею частью еще в царствование Михаила Феодоро-

¹ ЖМНП, 1906, т. XII, стр. 340.

² Чт. ОИ и Др, 1907, кн. II и III.

³ В пользу того, что именно разрядная запись заимствована из повести, а не наоборот, говорит прежде всего самый язык этого отрывка, живой, поэтический, так резко выделяющийся в разрядной и представляющий из себя именно слог повести (ср. хотя бы в описаниях битв выражения: «яко лев рыкая», «молния яко с небес блистаяся», повторяющиеся в повести, речь Струса в этом отрывке и речь гетмана в Тушине в повести — *Белокуров*, стр. 62; РИБ, т. XIII, стр. 673—674 и пр.); за то же говорит неудачно введенная в разрядной вставка: «Лета 7121 году сентября... немецкие люди», разорвавшая гладкий и связный рассказ повести, в которой нет этой вставки (Дв. разр., т. I, стр. 4; *Белокуров*, стр. 61, и РИБ, т. XIII, стр. 702), и вызвавшая для связи ненужное иначе повторение о страшном голоде среди осажденных. Что у составителя разрядной была под руками вторая, а не первая редакция повести, ясно из того, что в тех случаях, когда текст редакций различен, разрядная говорит словами второй редакции, например: «*послы же радостны во град возвращаются*» (Дв. разр., т. I, стр. 5; *Белокуров*, Разр. записи, стр. 62, и РИБ, т. XIII, стр. 704—705), тогда как в первой редакции: «*поляцы же радостны во град возвращающа*» (РИБ, т. XIII, стр. 617), или в разрядной и второй редакции повести: «*входят тихими стопами*» (Дв. разр., стр. 5; *Белокуров*, стр. 62; РИБ, т. XIII, стр. 705) вместо просто «*входят*» первой редакции (РИБ, т. XIII, стр. 617) и др. подобные места.

вича) немного было интереса к этому мало или правильное совсем ненужному для их практических целей факту конца Смутного времени.

Если к указанному присоединить еще интересное сообщение о сборе денег на пужды ополчения в нижегородской платежной 7120 г., недавно напечатанной целиком С. Б. Веселовским¹, по давно известной в извлечении именно об этом сборе², затем выпиши из писцовых книг о вотчинах Пожарского и еще кое-какие мелкие данные, то, кажется, будет упомянут весь, по крайней мере более важный, документальный материал по занимающему нас вопросу.

Но, пользуясь одним этим материалом, историк не был бы еще в состоянии создать цельную картину, в истории ополчения 1611—1612 гг. остались бы пробелы, иное было бы бледно освещено, иное даже в актах осталось бы непонятым, иное прямо не обратило бы на себя внимания. И потому очень ценными (хотя, конечно, не все в одинаковой мере) для исследователя являются разного рода литературные источники нашего вопроса. Они представляют попытки дать последовательный рассказ об ополчении, сообщают данные, пополняющие и освещающие материал актов. Они же являют хоть некоторую возможность наблюдения, — конечно, в очень несовершенном виде, — отношение к вождям ополчения той части русского общества XVII в., в которой составлялись и распространялись эти произведения³.

Насколько можно судить по этим литературным памятникам, общество сдержанно и трезво относилось к вождям нижегородского ополчения и сравнительно мало интересовалось историей самого ополчения. Признавая важную роль его, памятники плохо знакомят с его историей; особенно ускользнул от их внимания начальный момент в истории ополчения, и следить за ним обычно они начинают, когда оно уже более заметно выдвинулось на общем фоне тогдашней действительности. Одни из них отмечают главным образом результаты ополчения — освобождение Москвы и последовавшие затем выборы царя. Другие если и дают хоть краткую историю его, то заняты больше внешней стороной: указывают города, через которые проходило ополчение, рассказывают некото-

¹ Чтения, 1910, кн. 3.

² Временник, кн. XVII.

³ Несравненно труднее, по недостатку данных, уловить отношение к этим вождям народной массы. Но можно, думается, сказать вопреки мнению Погодина и В. В. Сиповского, что «наше народное воображение» не было уж так сильно поражено подвигом этих «высоких личностей» (*Погодин*, Борьба не на живот, а на смерть с новыми ист. ересями», стр. 3; *Сиповский*, Ист. русск. слов., ч. I, вын. I, 1807, стр. 96). В сборнике *Р. Джемса* нет песен о Пожарском и Минине. Да и позже усердные собиратели произведений народного творчества записали всего одну песню о них (Песни, собр. *П. В. Киреевским*, в т. VII, М. 1868, стр. 21—23); притом же записана она только в одном селе Калужской губ., меж тем даже о смерти Сем. Р. Пожарского песни сохранились в разных местах России; сопоставление с многочисленными песнями хотя бы о М. В. Скопине-Шуйском еще более ярко подчеркивает то же впечатление.

рые эпизоды из похода, но уделяют меньше внимания внутренней истории ополчения — ходу развития его организации, целям, к которым оно стремилось, причинам его успеха и пр. Вожди ополчения во многих сказаниях совершенно заслонили собой массу, о роли которой часто приходится лишь догадываться. Но, ценя заслуги вождей ополчения и выдвигая их на первый план, писатели XVII в. не превозносят их похвалами до небес, не создают из них недостижимые идеалы совершенно безупречных истинных сынов отечества, как это сделали отдельные потомки, а даже, наоборот, сознают и указывают и недостатки в их деятельности. Только разве фразы «Хронографа» второй редакции, вроде того, что Мишине «поболел зоравелски душею за люди господни»¹ и т. п., можно принять за превозношение героя, но в других памятниках речь о Мишине и Пожарском очень сдержанная, даже в «поэме» кн. Катырева-Ростовского, даже в местном «Нижегородском летописце» найдем лишь краткий и очень сухой рассказ о событии без всяких патриотических прикрас.

Характерно, думается, уже и то, что совсем не появилось отдельной повести о нижегородском ополчении, меж тем как другие моменты Смуты, другие личности той поры стали предметами отдельных сказаний. Если приходилось сказать о нем мимоходом в кратком рассказе, то сообщение принимало совсем неопределенный характер; так, дьяк Ив. Тимофеев в конце своего «Временника» (в «Летописце вкратце») сообщает, что «малем останцы людей» избавилась Россия «работы» «латышников»², а кн. С. Шаховской в своей автобиографии, сообщив о приходе «на московское очищение» кн. Трубецкого и Ляпунова и о взятии Новгорода «немцами», продолжает: «и стояли под Москвою бояре полтора года и взяли Москву на Дмитриев день во 121 году», точно совсем и не было второго земского ополчения, точно именно Трубецкой и Ляпунов взяли Москву.

Рассмотрим теперь кратко более подробные рассказы в порядке их написания.

Первый по времени, краткий несоразмерно с остальными частями, трактующими о событиях Смутного времени, и очень неудовлетворительный рассказ о нижегородском ополчении содержится в «Хронографе» второй редакции (по терминологии Попова, который составление его относит к 1617 г.). Составитель его все приписывает Мишину: он собрал средства и войско, он «совосприподоби» кн. Пожарского и (перескакивает сразу рассказ) «под Москву прииде», и после краткого сообщения о взятии Москвы «октября в 24 день», а затем Кремля рассказ переходит уже к выборам царя³. Этот же рассказ целиком вошел и в так называемое «Иное сказание»⁴.

«В лето 7128-е» — привел в окончательный вид свое сказание тронцкий келарь Авраамий Палицын. Он рассказывает уже не

¹ Попов, Изборник, М. 1869, стр. 202.

² РИБ, т. XIII, ст. 467.

³ Изборник, стр. 202, РИБ, т. XIII, ст. 1317—1318.

⁴ РИБ, т. XIII, ст. 127—128.

только о собрании ополчения (без подробностей) и об очищении Москвы (достаточно подробно), но останавливается и на долгом пребывании Пожарского в Ярославле, чем келарь и его монастырь были очень довольны. Роль Сергиева монастыря и, главное, свою собственную в истории нижегородского ополчения больше всего и выдвинул Палицын, иногда в ущерб истине: движение в Нижнем поднялось под воздействием грамоты Троицкой лавры, из Ярославля Пожарский двинулся, убежденный, наконец, после двух безуспешных посольств из монастыря, Палицыным, колебания Пожарского «под Троицей» прекратил опять Палицын и т. д. Такое изображение событий, естественно, заставляет исследователей с большой осторожностью относиться к показаниям панегириста Сергиева монастыря и собственной личности.

В 1626 г. закончил свою повесть кн. Катырев-Ростовский. Его красивый рассказ сразу, как и в «Хронографе», из Нижнего переносит нас под Москву, увлекает поэтическими описаниями битв, происходивших здесь, влагает даже для большего оживления картины речь в уста Струся пред сдачей Кремля, но не много исторических данных в этой «поэме»¹.

Около 1630 г. составлен «Новый Летописец». Он дает самый подробный от начала ополчения и до конца его дела, богатый фактическими данными, объективный и во многом на основании хороших источников (как показывает проверка его данных актовыми) составленный рассказ о нижегородском ополчении и потому обычно и является основой в изложении истории ополчения у историков. Сообщив довольно подробно, хотя и не вполне верно, о начале движения в Нижнем, о сложении ополчения, «Летописец» ведет нас по следам его в Ярославль, рассказывая о событиях, случившихся в дороге, подробно останавливается на ярославском

---

¹ Стоит отметить, что в противоречие со схемой Забелина, по которой автор дворянин-помещик всегда выставляет вперед Пожарского, посадский выдвигает на первое место Минина (Минин и Пожарский, 1883, стр. 153), родовитый князь главную роль в создании ополчения отводит К. Минину, и как бы в опровержение другого положения того же ученого, что лишь «в официальных, приказных бумагах, каковы разрядные записи», к именам Пожарского и Минина «не совсем правильно присовокупляли и Трубецкого», а «большинство летописных сказаний и не ставит его даже рядом» с нижегородскими вождями (ibid.), Катырев не только ставит Трубецкого рядом с ними, но и относится к нему с большим почтением, именует его «начальный воевода и властель», а Пожарского просто «воевода и начальник» (и это писано вскоре после почетной ссылки Трубецкого на воеводство в Тобольск, куда его назначили в 1625 г.! И притом человеком, очень близким к правящим!). И вообще-то указанные сейчас положения Забелина не подтверждаются источниками: 1) автор так называемого «Столярова хронографа» дворянин выдвигает более Минина, чем Пожарского; 2) о Трубецком же надо сказать, что во многих летописных сказаниях он называется в рассказах об осаде и взятии Москвы; есть даже такие сказания (Хроногр. Ногод. Древл., № 1465, Великоустюжская летопись), в которых дело изображается так, что он и пришел под Москву одновременно с Пожарским; в других, — так выходит у С. Шаховского, в VI разрядной у С. А. Белокурова, — даже взятие Москвы приписывается как бы Трубецкому и Ляпунову; это, конечно, исторически неверно, но интересно для выяснения отношения к Трубецкому.

стоянии, передавая о делах, задерживавших здесь ополчение, следит далее за его походом к Москве, описывает подмосковные бои с поляками, неурядицы с казаками, вступление в Москву и излагает дальнейшие события до избрания Михаила на царство.

Около того же времени — между 1626 и 1633 гг. — в так называемой «Рукописи Филарета» переработана «крошечка» Катырева-Ростовского. Несколько дополнений, внесенных в текст Катырева относительно события под Москвой, не имеют особой ценности. К первой половине царствования Алексея Михайловича относятся два важные для нашего вопроса произведения: «Книга о чудесах преп. Сергия» — труд Сим. Азарьина — и так называемый «Столяров хронограф». Составленные приблизительно одновременно (первая в 1646—1654 гг., второй закончен, быть может, около 1644 г., под которым в одном из списков его записано последнее событие, и во всяком случае, до 1661 г., когда умер игумен Корнилий, владелец этого списка ¹⁾), эти памятники дают очень ценный для исследователя материал. В «Книге о чудесах» Сим. Азарьин между другими чудесами записал явление преп. Сергия Минину, которому ирещ. Сергей и велел собирать ополчение, и составитель рассказывает об этом сборе. Его рассказ, касающийся темного, мало освещенного в других источниках вопроса о зарождении ополчения, особенно ценен для историка благодаря тому, что передан со слов самого Минина чрез посредство арх. Дионисия, которому рассказывал Минин и который в свою очередь передал его рассказ своему келейнику Азарьину. То, что Дионисий и Азарьин сохранили начало проповеди Минина в земской избе, принудительный сбор денег на нужды ополчения и пр., делает их рассказ ценнейшим источником для первых моментов в истории ополчения. Другие сведения, которые С. Азарьин, совсем не гонясь за полнотой рассказа, сообщает в этом же «чуде девятом», — о чудесной перемене ветра, когда ополчение от Троицкого монастыря отправилось к Москве, о битвах с Ходкевичем, — не представляют чего-нибудь особенно интересного.

Для истории ополчения во время пребывания его в Нижнем имеет важное значение как источник и другой названный выше памятник — «Столяров хронограф». Эта полуразрядная, полухронограф представляет из себя, как выяснил проф. С. Ф. Платонов в цитированной статье, записки Б. Ф. Болтина, арзамасского дворянина, хорошо осведомленного благодаря близкому соседству в Нижегородских делах. И можно с доверием отнести к данным рассказа этого, так сказать, очевидца, по крайней мере в вещах, безразличных для него лично, и указываемая им дата выступления смолян в Нижний из Арзамаса — 26 октября — и ряд подробностей о финансовой стороне дела в ополчении должны быть приняты исследователями. Согласие в изложении многого, отсутствие противоречий в обоих только что названных источниках, к тому же

¹ Статья об этом Хронографе проф. Платонова, Столяров хронограф и его автор, в сб. В. О. Ключевского, М. 1909, стр. 23.

вполне независимых друг от друга, заставляют еще с большим доверием отнестись к сообщаемым им сведениям и ставить их в основу изложения начальной стадии в истории нижегородского ополчения.

В начале 1654 г. была составлена компилятивная в общем «Повесть о разорении Московского государства»; в ее рассказе о нашем ополчении, — в рассказе очень кратком и не дающем ничего нового, — интересно лишь выдвигание на первый план в деле создания ополчения не личностей, а нижегородского мира — земских людей.

Выше уже пришлось отметить еще один самостоятельный памятник — «Рукопись Филарета». Число компилятивных источников, в коих можно встретить рассказ о нижегородском ополчении, достаточно велико, и они тянутся через весь XVII в. И любопытно отметить, что, например, в Хронографах третьей редакции первого и второго разрядов (по терминологии А. Попова) статьи о нижегородском ополчении буквально взяты им из сказания Палицына (первого разряда) или даже из Хронографа второй редакции (второго разряда); составители, таким образом, не считали даже нужным переделывать то, что они нашли на эту тему в своих источниках, хотя делали это по отношению к другим отделам истории Смуты, и, очевидно, не имели под руками иного, нового материала. А. Ф. Грибоедов в своей «Истории» не считал совсем интересным для своих царственных читателей упоминание ни города, где началось движение с целью очистить «государство Московское», ни лиц, стоявших во главе его, и заполнил страницы, посвященные нижегородскому ополчению, вместо фактического содержания высокой риторикой¹.

Отсутствие новых сведений и даже незнание уже враставших в общество проявляет и Хронограф из Древлехрапилища Погодина, № 1465, сообщая, что на очищение Москвы, одновременно собравшись, пришли «сановницы Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да князь Димитрей Михайлович Пожарской, да нижегородец выборной посацкий человек Козма Минин»².

А к концу XVII в. вокруг истории нижегородского ополчения уже успевает сложиться легенда: Хронограф Оболенского рассказывает эту историю, совсем не упоминая имени Пожарского; Минин собирает деньги и войско и приводит его под Москву к Трубецкому; здесь же нарисована картина взрыва патриотизма у нижегородцев и дан ставший столь популярным рассказ о вдове, пожертвовавшей на нужды ополчения 10 тыс. из имевшихся у нее 12.

К какому времени следует приурочить легенду, известную в пересказе А. Е. Балашова³, сказать трудно: невозможно выяснить, внес ли что, и если внес, то в каком объеме и виде своего

¹ История о царях..., стр. 34—35.

² Попов, Изборник, стр. 421.

³ Нижегородский летописец, стр. 45—46.

пересказывавший; если же прав А. С. Гациский, что Балашов обладал очень хорошою памятью, то легенда эта очень позднего происхождения (здесь Миниин говорит Пожарскому «ваше сиятельство»), идет речь о займе денег у «генерала»).

Часто считают легендарным отрывок о начальном моменте истории занимающего нас ополчения, вставленный в текст «Нового Летописца» в «Ельнинском хронографе». Этот, правда, поздний (рукопись его XVIII в.) и со странными недомолвками рассказ не содержит, однако, ничего чисто легендарного: эпизод с Биркиным, который «сумняшеся» неизвестно чему, так смутивший Забелина, неожиданный и преждевременный молебен о победе после речи Саввы, на который указывает проф. Платонов¹, являются, как и другие недоумешные места, думается, следствием несовершенства редакции или списка. Наоборот, здесь правильно указаны, как выискивает проф. Платонов², лица, потрудившиеся наряду с Мининым и Пожарским над созданием ополчения, о которых молчат другие сказанья. Но сильная порча текста заставляет с большою осторожностью относиться к его показаниям.

Некоторые указания относительно нижегородского ополчения встречаются и в сказаниях местных. Эти указания и, наоборот, умолчания могут быть интересны для историка, но не для восстановления самой истории ополчения, — такого материала местные летописи почти не дают, — а скорее для выяснения отношения к изучаемому факту в разных углах России.

В эпоху междоусобицы многие «государства Российского царствия» зажили поповоле обособленною жизнью, в разных местах действовали разные правительства, у каждого города были свои беды и напасти, о которых и повествовал местный летописец. Дела общерусские его интересовали мало, а события в каком-нибудь далеком городе и того меньше. Не говоря уже о начале ополчения, даже такой важный факт, как освобождение Москвы, чем положено основание восстановлению порядка, или совсем не отмечен местными летописями, например, Двинской и так называемой Новгородской третьей (впрочем, и та и другая составлены уже в XVIII в.), или же отмечен в высшей степени лаконично, даже без указания того, кто совершил это, например, «совокупльше бо ся сынове русии и приима царствующий град Москву, в лето 7121 октября в 22»³ или «Во 121 году, октября в 20 день, Москву взяша у литвы»⁴; подобно этому и в летописном сборнике Николаевского Дворецкого собора в первом из напечатанных отрывке⁵. Летопись Великоустюжская и второй отрывок упомянутого сейчас сборника называют Пожарского, Миница и (только первая) Трубецкого как потрудившихся над освобождением «царствующего града». Впрочем, все перечисленные — все летописи, составленные в XVIII в., и

¹ Древнерусские сказания и повести, стр. 305.

² Очерки по истории Смуты, стр. 404—406, изд. 1901 г.

³ В прибавл. к Новгородской третьей; ПСРЛ, т. III, стр. 285.

⁴ Псковская первая, ПСРЛ, т. IV, стр. 330.

⁵ Новгородский Летописец, стр. 456.

трудно судить, насколько точно передают они свои источники. Только Псковская вторая и «Нижегородский Летописец» дают несколько больше. Составитель сказанья «О бедах и скорбех и напастех», помещенного в добавлениях к Псковской второй летописи, был очень плохо осведомлен о событиях в Нижнем и Москве, хотя составлял свой рассказ еще, вероятно, в первой половине XVII в. (последнее событие, записанное в это сказанье, разбор дела Салтыковых Филаретом): упомянув о смерти Гермогена, он сообщает о собрании ратных людей «на Низу» и об осаде ими Москвы, «и потом прииде к ним князь Дмитрий Трубецкой с войском»; далее сообщается о приходе Сигизмунда и его неудаче под Волоком Ламским (что было уже после освобождения Москвы); потом, оказывается, послал Сигизмунд «гетмана Хоткеева», и тогда снова «нецы православнии на Низу» собираются с Мининым и Пожарским во главе, и они-то вместе с Трубецким взяли Москву. Так, не совсем отчетливо отозвалось крупное событие конца Смутного времени в далеком Пскове. Да и «Нижегородский Летописец», составленный, вероятно, в конце XVII в., очень мало внимания уделил родному городу в период Смуты: он сообщает только имена воевод нижегородских (и это есть лишь в одном списке) и дает коротенький сухой отчет о собрании ратных людей, что у него связано с приездом в Нижний кн. Пожарского, да отмечает еще, очевидно врезавшийся в память, сбор «питой денги ратным людям на жалованье». Вероятно, какой-нибудь провинциал составил и коротенький рассказ об освобождении Москвы (где и собрание ополчения по разным городам и освобождение Москвы приписываются Трубецкому и Пожарскому, к которым «приложись купец коровой Кузьма Минин»), неумело вставленный в один из списков «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства»¹.

Сделанные сейчас наблюдения позволяют, думается, сказать, что в разных углах России имели смутное представление о деле Минина и Пожарского и очень мало интересовались им.

Кроме русских авторов, о нижегородском ополчении кое-что знали и рассказывали иностранцы. Отметим четыре таких рассказа. Из них два принадлежат лицам, пережившим кремлевское сиденье: Арсению, арх. элассонскому (собственно, уже бывшему в то время и позже русским архиереем) — его мемуары — и неизвестному поляку, автору «Истории ложного Димитрия», и представляют интерес для исследователей в качестве источников по отношению к подмосковному и московскому периодам в истории ополчения; к предшествующему Арсений не говорит ни слова, а «История» говорит еще о съезде русских в Нижнем, выбравших воеводой Пожарского, и о роли Минина как финансового админи-

¹ Текст этой вставки напечатан С. Ф. Платоновым в Древнерусских сказаниях и повестях, Спб. 1888, стр. 109, прим. 2 и 110. В этой книге даны более подробные разборы и оценка почти всех вышеупомянутых литературных памятников; на основании этого труда, главным образом, и составлены предшествующие страницы.

стратора ополчения, а затем прямо переходит к прибытию отрядов Пожарского под Москву¹. Два другие — рассказ Геркмана² и компиляция Мильтопа³ — коротенькие легенды об ополчении и цепности для историка как источники не имеют; по Геркману, все сделал Минин (Пожарский совсем не назван), побудивший нижегородцев к пожертвованию словом и личным примером и ставший советником Трубецкого; у Мильтона действуют безымянный «мяспик, живший на севере около Двины», Пожарский и Бор. Лицын, «знаменитый воин этой страны».

Выше мы уже останавливались бегло на состоянии материалов документальных. Сделанный обзор литературных источников дает право заключить, что сообщаемые ими сведения различной подробности и далеко не одинаковой ценности. При этом же они то пополняют, освещают и подкрепляют друг друга или документальные данные, то, наоборот, разногласят и даже противоречат между собою и с актами, — это уяснится при самом изложении истории, но можно и сейчас для примера указать на разногласия источников относительно того, кто побудил нижегородцев к созданию ополчения: по одним («Хронограф» второй редакции, Катырев-Ростовский) — Минин, по другим (Палицын, отчасти Азарьин) — троицкая грамота, третий соединяет и то и другое («Ельпинский хронограф»), четвертый (Азарьин) говорит: Минин, по повелению преп. Сергия, пятый связывает начало ополчения с приездом в Нижний Пожарского (Нижегородский летописец), шестой просто приписывает это благодати божией («Повесть о разорении»); или дата центрального в истории ополчения события — очищения Москвы — указывается 20, 22, 24 октября, 27 ноября или совсем не отмечается. Такое состояние источников требовало сложной и трудной работы исследователей. Нужно было оценить источники со стороны их самостоятельности и достоверности их сведений; требовалась изощренная наблюдательность, чтобы ловить намеки, разбросанные там и сям в источниках; нужно было устранять разногласия и противоречия. Но еще раньше всего этого нужно было разыскать и опубликовать как литературный, так и актовый материал. И, конечно, благоприятное время для создания настоящей научной истории ополчения наступило не скоро.

В XVIII в. пора паучьей обработки для истории нижегородского ополчения еще, можно сказать, не пришла. Крупные историки этого столетия не занимались интересующим нас вопросом; лишь Щербатов, если считать принадлежащей ему «Краткую повесть о бывших в России самозванцах», бегло отметил в ней освобождение Москвы «от польского владения» (без всякого рассказа истории ополчений)⁴ да Миллер в статье «О делах новгородских»⁵

¹ Мемуары *Арсения* переведены Дмитриевским в Трудах Киевск. дух. ак., 1898/99 г. и отдельно; «История» напечатана в РИБ, т. I.

² Сказание Массы и Геркмана, стр. 328—330.

³ Чт. ОИ и Др, 1874, кн. 3, стр. 28—29.

⁴ Стр. 157—158 по 3-му изд. 1793 г.

⁵ Сочин. и переводы, к пользе и увесел. служащ., сентябрь 1761 г., стр. 230—233.

также лишь мимоходом остановился главным образом на переговорах Пожарского с Новгородом о Филиппе. Другие же авторы иногда не умели даже пересказать прилично того, что находили в памятниках XVII в.

Одним из лучших изложений истории второго земского ополчения является рассказ Мапкиева в «Ядре российской истории»¹. Это собственно сокращенный пересказ «Нового Летописца» (только о взятии Китай-города сказано более подробно, чем в «Летописце»), сделанный в более патриотическом тоне, — так, «Ядро» сообщает, что нижегородцы, тронутые речью Минина, «все единодушно его похвалив, все, что кто у себя имел богатство и имение сносили, и в казну для собирания войска клали», тогда как в летописи просто сказано: «нижегородцем же всем ево слово любо бысть», — и иногда искажавший источник, например, Минин оказался торгующим «мягким (?) товаром».

Подробнее, обстоятельнее, но и патриотичнее рассказывается о подвиге «великих людей» — освободителей Москвы — в «Дополнениях к Деяниям Петра В.» Голикова². Здесь мы встретимся с первой попыткой более или менее научной разработки вопроса. Автор пользовался кроме «Нового Летописца» («Летопись о многих мятежах») и сказаньем Палицына, и «Нижегородским Летописцем» (заметка о сборе пятой деньги, но без указания источника), и кое-какими грамотами, и наказом послам в Персию; ставил и пытался решать недоуменные вопросы, например, почему Пожарский не встал под Москвой вместе с Трубецким и др. Но проделанная в этой книге работа осталась как-то без влияния на дальнейшую разработку вопроса по историографии.

Вышедшая в самом конце века (1799) «Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии» вызывает своим рассказом о занимающем нас событии³ какое-то весьма странное впечатление. По ее словам, одновременно с нижегородцами, подвигнутыми Мининым, «собрался изо всех градов» под Москву и «боярин (?) Ляпунов»; дальше о Минине и Пожарском речь молчит, говорится об убиении Ляпунова; кем взята, наконец, Москва, не указано совсем. И недоумевашь, как мог быть составлен такой рассказ, когда уже были напечатаны «Дополнения к Деяниям Петра В.», когда уже трижды был издан «Новый Летописец» (два раза как «Летопись о многих мятежах» — 1771 и 1788 гг. — и один в виде VIII части Никон. летописи в 1792 г.), когда были опубликованы и сказание Палицына (1784), и «Нижегородский Летописец»⁴, и некоторые грамоты в «Вивлиофике» и у Голикова; помимо этих материалов, которыми должен бы был воспользоваться составитель, у него под руками был «Хронограф» второй редакции (или второго разряда третьей редакции), извращенным (например, «сей по случаю чина

¹ Стр. 338—364 по 3-му изд. 1791 г.

² Т. II, стр. 267—340.

³ Ч. III, стр. 269 и сл.

⁴ Др. росс. вивл., т. XVIII, 1791.

среды своей рекше посадным людям») текстом которого рассказ начинается.

Если отметить еще безыменное в две строки упоминание об очищении Москвы в «Экстракте» Крекшина¹ да немного более длинные рассказы в учебниках², в которых можно было прочесть и такое, например, известие, что одновременно, собрав войско в разных городах, под Москву явились Пожарский, Трубецкой «и боярин Ф. И. Шереметев», да всем им «ревностно содействовал» Минин³, и в «Рассуждении» Шафирова, — то мы перечислим, кажется, все, что было писано по истории нижегородского ополчения в общих трудах XVIII в. Специально посвященных этому вопросу можно указать лишь два труда: книжку Ильинского «Описание жизни и бессмертных подвигов славного мужа, нижегородского купца К. Минина» и проповедь митр. Платона, на которую ссылается Голиков, но их достать нам не удалось. Не много на целый век, если даже прибавить сюда перечисленные выше издания памятников и раньше указанные местные летописи, составленные в XVIII в., и припомнить, что тогда еще были очень распространены рукописи XVII в. и даже умножались перепиской. Очевидно, интерес к занимающему нас моменту русской истории не был очень силен. Навстречу этому наблюдению идет и другое: плодовые драматурги и поэты XVIII в., часто бравшиеся за сюжеты из родной старины, очевидно, еще не воспламенялись образами Минина и Пожарского и не делали их героями своих творений: ведь нашим библиографам не известно ни одного беллетристического произведения этой эпохи, посвященного восхвалению их подвига.

Но картина резко изменилась с наступлением XIX в. Правда, в смысле научной разработки вопроса первые более чем 30 лет прошли для истории нижегородского ополчения также почти бесплодно. Но следя за статьями журналов и наблюдая за вновь выходящими книгами, можно подметить интересное явление — появился очень сильный интерес к героям-освободителям Москвы в 1612 г. И не война двенадцатого года разбудила его. Наоборот, можно сказать, что, внимая гласу общества, поскольку он отражался в литературе, манифест объявил образцами, достойными подражания, князя Пожарского, келаря Авр. Палицына и гражданина Минина.

Еще в 1801 г. в «Инопокрепе» (ч. XI) можно было читать панегирик Пожарскому, где между прочим заявлялось, что в нем «едином» «зрела Россия» все, «что в Риме были Эмиллии, Камиллы, Циципинаты и Сципионы». В таком духе написана и вся тогдашняя литература. Заглянем хотя бы в «Похвальное слово» Пожарскому и Минину, написанное акад. Севергиным (1807): оба героя какие-то рыцари без страха и упрека, подвиг одного «преславец», другого

¹ Рукоп. Публ. библ., F IV, 306.

² Например, в Кратком русс. летописце *Ломоносова*, стр. 41.

³ Краткая русс. история, изд. в пользу народн. училищ, 1799, стр. 138—139.

«единствен» и т. д. А за этим «словом» последовал ряд других. Появились беллетристические произведения, совершенно анти-исторические по содержанию и весьма сомнительных поэтических достоинств, но выдерживавшие даже по нескольку изданий (так, трагедия Крюковского «Пожарский», выпущенная в 1807 г., уже в 1810 г. издана вторично, а в 1828 г. потребовалось и третье издание); в них можно было найти сведения, например, о том, что Заруцкий взят ополчением в плен в Кремле (у Крюковского), можно было прочесть такие тирады, как: «Устроена казна, составилась рать (в Нижнем). В единый день!.. так рос в России поступает!»¹ Даже старый «псевец Фелицы» написал в 1806 г. «ироническое представление» «Пожарский». Статьи, вроде помещенных в «Русском вестнике» за 1808 г., ч. I («Разговор Авраама (sic!) Палицына с кн. Пожарским», «Письмо о памятнике Пожарского и Минина»), прибавляли и «третьего из тогдашних освободителей отечества» — келаря Палицына. Даже в статье под громким названием «Содействие патриарха Гермогена, архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына в подвигах Минина и кн. Пожарского»² выходило, что все содействие Гермогена выразилось в заочном из тюрьмы благословении, Дионисия — в служении молебна ополчению пред отходом его из-под «Троицы» к Москве да в писании вместе с Палицыным грамот, но главный «содейтель» — Палицын. Сказание его было первейшим и достовернейшим источником (именно в это время — в 1822 г. — потребовалось второе издание его). Неблагоприятное освещение Палицыным деятельности Пожарского как-то не бросало тогда тени ни на того, ни на другого: этого не замечали, не хотели замечать или так толковали, что никому из героев не было вредно.

Приведенные данные, кажется, в достаточной степени свидетельствуют, что Минин и Пожарский очень интересовали в то время публику. Но интерес был чисто патриотический, а не научный, удовлетворялся высокими, часто совсем пустыми фразами и не толкал к научному изучению вопроса.

Так, написанная в господствующем духе «Русская история» С. Глинки, успевшая выдержать за эти годы три издания, представляет чисто механическое соединение сведений из Палицына и «Нового Летописца»; при этом даже остаются несогласованными обобщий хвалебный тон рассказа с противоречащими показаниями источников, например, в высоком патриотическом стиле изображено самопожертвование нижегородцев, но оставлено и указание на приговор, который взял с них Минин, «чтобы они не отступились от слов своих», иное же, не согласующееся с точкой зрения автора, прямо опущено, например, о несогласиях в ополчении во время ярославского стоянья.

Общий дух времени отразился даже на единственном серьезном труде этого времени — «Биограф. сведения о кн. Пожарском»

¹ С. Глинка, Пожарский и Минин, 1807.

² Русский вестник, 1818, № 1 и 2.

Малиновского. Автор помимо печатных материалов пользовался и архивными, не делая, впрочем, ссылок на источники, и остается неизвестным, откуда он заимствовал сведения о том, что Трубецкой и Заруцкий прислали Пожарскому в Ярославль жалованную грамоту на богатое с. Воронино (Костромской губ.), от чего он отказался, и др. Давая обстоятельное изложение истории ополчения, Малиновский первый искал среди земель Пожарского вотчину, где князь жил во время призвания его в Нижний, и указывал на Пурехскую вол.; пытался выяснить замедление ополчения в Ярославле, указывая причины этого в переговорах с Новгородом, Австрией и, колебательно, в боязни Пожарского после покушения на него, или в ожидании им оборота дел, или в собирании сведений и составлении плана действий. Но и здесь высокий стиль, и в этом труде патристические картины (например, не известно, на основании каких источников конструированная беседа с большим еще Пожарским Минина, зовущего князя на высокий подвиг), и здесь Авраамий Палицын — «преданный» Пожарскому «сноборитель его на врагов».

Изданные в рассматриваемый период в Румянцевском собрании грамоты направляли внимание исследователей на новый документальный материал в дополнение к обычному для того времени летописному. А в 30-х годах началась реакция и против патристических увлечений и преувеличений: Полевой в своей речи о Минине, читанной на акте в Московской коммерческой академии (1833), «почитал недостойным памяти Минина всякое украшение ораторское» и старался просто пересказывать памятники; эту же реакцию заметим и в способе изложения у исследователей. Так сложились условия, благоприятные для научной работы, для объективного отношения к изучаемому факту и личностям. И научная разработка понемногу началась. Впрочем, еще и по сей день в разных учебниках, в популярных брошюрах для народа и «солдатского чтения» мы еще встретимся с рассказами о Минине и Пожарском в духе начала XIX в., и лишь знакомые с трудами беспристрастных исследователей знают, как происходило дело в действительности. На этом можно закончить беглые замечания об отношении к Минину и Пожарскому общества и попытаться в дальнейшем следить только за более или менее крупными явлениями в области историографии вопроса, оставив в стороне беллетристику и популярные книги.

В 1832 г. вышла книга Берха «Царствование царя Михаила Феодоровича и взгляд на междоусобицу», где сделана первая, но неудавшаяся попытка дать объективное изложение истории нижегородского ополчения: автор ничего не мог сказать в объяснение медленности похода Пожарского «за недостатком современных сведений» (?); «тайною» осталась для него и причина «страшного поступка» Пожарского, устроившего себе «особый» от Трубецкого стан. В этой же книге впервые, насколько удалось проследить, высказано сомнение в достоверности показаний Палицына и «Рукописи Филарета» из-за «неограниченного духа лицепрятия» (Пред-

увед., стр. IV)¹, правда, чисто априорное, исходящее из того, что авторы («Рукопись Филарета» Берх считал трудом патриарха Филарета) сами были действующими лицами в описываемых событиях, и не обставленное доказательствами, на что и указывал в своих «Примечаниях на книгу, г. Берхом изданную», Ст. Руссов, защищавший личность Палицына и его сказание против сомнений Берха. Так были вновь поставлены вопросы о ярославском стоянии, об отношении ополчения к Трубецкому (их пытались решать еще Голиков и Малиновский) и вопросы о критике источников. Скоро прибавились и другие.

Н. Г. Устрялов в своей «Русской истории»² уже разъяснил отчасти первое недоразумение Берха — о причинах замедления ополчения в Ярославле, — указывая на необходимость образумить Трубецкого, присягнувшего Исковскому вору, очистить север от шакс Лисовского и др. и определить отношения к Новгороду. Второй и третий вопросы, поставленные Берхом, не были затронуты Устряловым. Но своим изложением начала нижегородского ополчения, которое он вопреки всем предшествующим трудам совсем не связывал с троицкой грамотой³, даже не упоминая о ней в рассказе о самом ополчении, Устрялов ставил новый вопрос — действительно ли лавра своей грамотой возбудила в Нижнем движение или оно развилось самостоятельно?

Полемикой, поднявшейся на страницах «Москвитинина» в 1842 г. относительно сказания Палицына между Голохвастовым, призывавшим к осторожности в пользовании трудом троицкого келаря как историческим источником, и Горским, защищавшим «чистую истину» показаний его, за которой здесь нет надобности следить, важно лишь отметить, что прежнего полного доверия (так было у всех, кроме Берха и Устрялова) к словам старца Авраамия у исследователей не осталось, — этой полемикой можно начинать критические исследования о литературных источниках нашего вопроса⁴. Затем критические оценки памятников можно найти и в общих конструктивных трудах Соловьева, Костомарова, Забелина и др. Посвящены были исследованию источников и специальные труды Попова («Обзор хронографов»), Кондратьева (выяснившего компилятивность «Рукописи Филарета»), Кедрова (защищавшего

¹ Таким образом, не вполне прав Скворцов, заявляя, что до 1842 г. достоверность сказаний Палицына «не подвергалась сомнениям, и историки заимствовали из него сведения, не опасаясь погрешить» (Дюн. Зобнинский», стр. 26); недоверие Палицыну практически выразил и Устрялов, не воспользовавшийся его показаниями.

² Первое изд., 1837—1841 гг.

³ Не совсем, значит, верно замечание С. Кедрова: «Что нижегородцев возбудила троицкая грамота, с этим согласна была историческая критика до позднейшего времени. Только в 1872 г. Забелин первый начал отрицать действие троицкой грамоты в Нижнем» (Авр. Палицын, стр. 91). Устрялов, а затем Вейдемейер (О России под державой дома Романовых, 1858), не связывали нижегородского ополчения с троицкой грамотой, хотя, правда, и не приводили доказательств отрицания ее действия.

⁴ Ранее можно отметить разве только примечания Мухомова к изданной им в 1837 г. Рукописи Филарета.

против Забелина сказание Палицына) и некоторые другие. Наконец, обзор и оценка всех литературных русских источников для нашего вопроса даны в уже названном труде С. Ф. Платонова («Древнерусские сказания и повести о Смутном времени», 1888).

В 1843 г. был напечатан III том «Повествования о России» Арцыбашева, представлявший сводку материала, главным образом, летописного, между прочим и по истории нижегородского ополчения, причем помимо печатных автор пользовался некоторыми памятниками в рукописях. Правда, «составляя изложение», он, по его собственным словам, «вычищал» его от всего «занимательного только для современников» и от лишесловия тогдашнего (из предисловия), что при субъективности оценки могло давать не совсем благоприятные результаты, но все же его труд — ценное приобретение, облегчавшее дальнейшую работу.

Только эта сводка материала по условиям работы автора (писавшего свой труд в провинции и в 1841 г. уже умершего и потому успевшего использовать хотя бы Акты экспедиции только для позднейшей, чем Смутное время, поры) уже в момент появления была неполной: в нее не был включен богатый документальный материал, напечатанный к тому времени в Актах экспедиции (т. II, 1836), Актах исторических (т. II, 1841), Актах юридических (1838)¹. И послеактовый материал, относящийся к истории нашего ополчения, печатался Археографической комиссией (Доп. к АИ, Акты, до юрид. быта относ., Летопись занятий, т. I — Курмышские акты) и в иных изданиях: в «Сибирском сборнике», в «Чтениях Общества истории и древностей» (1898, кн. 2, Акты, собранные Юшковым) и др. Печатались мало-помалу и литературные источники. Еще в 1837 г. Мухомов издал «Рукопись Филарета» (вторично, в Сборнике в 1866 г.); в 1843 г. Мельников опубликовал отрывок из «Ельнинского хронографа»; в 1853 г. напечатано «Иное сказание»; в 1869 г. вышел столь богатый материалом «Изборник» Попова (здесь и Хронограф второй редакции, и так называемый «Столяров хронограф», и повесть Катарева под названием «Хронограф Сергея Кубасова»); в 1872 г. I том «Русской исторической библиотеки» давал «Историю ложного Димитрия»; в 1886 г. появился «Нижегородский Летописец»; в 1888 г. издана С. Ф. Платоновым «Книга о чудесах преп. Сергия» и в 1898/99 г. в «Трудах Киевской духовной академии» (и отдельно) опубликованы мемуары Арсения Элассонского. Значительное количество русских сказаний собрано в XIII т. «Русской исторической библиотеки», особенно во втором дополненном издании 1909 г. (первое издание 1891 г.).

Постепенный рост печатного материала заставлял ожидать новых, все более и более современных исследований, за которыми и будем следить.

Статьи П. И. Мельникова «Нижний-Новгород и нижегородцы в Смутное время»² и «Несколько новых сведений о Смутном времени,

¹ В следующих перечнях имеется в виду указать важнейшие издания.

² Отечественные записки, 1843, т. XXIX.

о Кузьме Минине, князе Пожарском и патриархе Гермогене» имели в виду главным образом ознакомление с новыми попавшими в руки автора источниками — Ельнинским и Лобковским (тоже-ственным со Столяровым) хронографами. А так как они давали новые сведения лишь относительно нижегородского периода в истории ополчения, то и Мельников только на нем и остановился, и потому на вопросы, поставленные Берхом, в его статьях ответа нет. Начало движения в Нижнем он на основании «Ельнинского хронографа» связывал с получением в Нижнем грамоты Сергиева монастыря, но указывал и на важную роль речи протопопа Саввы и убеждений Минина, причем, неизвестно из какого источника, сообщал (в первой статье), что Минин отдал на нужды ополчения все свое имущество до украшений жены и окладов с икон включительно. По вопросу о вотчине Пожарского исследователь в первой статье высказался за Пурех (или Юрино), во второй, согласно «Лобковскому хронографу», говорил неопределенно о суздальской вотчине, указывая, что в Пурехе Пожарский и не мог быть, ибо он в то время еще не был вотчиной его. Указывал уже Мельников на принудительные сборы по окладу на нужды ополчения, как это отмечено в его источнике («Лобковский хронограф»). Словом, эти статьи в значительной степени просто пересказывают источники, даже не без противоречий в истолковании темных мест их: на основании одних и тех же неясных вследствие оборванности речи слов «Ельнинского хронографа» о Биркине Мельников в первой статье выводил, что Биркина все, кроме Минина, считали человеком надежным, а во второй статье сообщал, что вообще «в Нижнем считали Биркина человеком ненадежным; земский староста К. Минин называл его «сосудом сатаны» (откуда взяты эти слова Минина?).

Вышедшая в 1848 г. книга Н. Чичагова «Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина» была для своего времени отсталой в научном отношении: автор не пользовался новым актовым материалом², хотя и ставил себе целью сверить летописи «с государственными бумагами и между собою» (предисловие), используя только Собрание гос. грамот и договоров; не относился критически к источникам, например, прямо принимает легендарные цифры убитых и взятых в плен при осаде Москвы поляков, хотя они даны в правительственных грамотах иностранным дворам; верит на слово и Палицыну, приписывая, например, его настоянным выступление Пожарского из Ярославля; кроме того, дух первой четверти XIX в. господствует в этом труде, уже в самом заглавии объединившем составленное тогда трио освободителей и говорившем даже такие, например, вещи: «За словами великодушный гражданин (Минин) бросил мешки (?) с своими деньгами пред народом; порыв его, как молния, сообщился нижегородцам...» и т. д. И тогда же, при своем появлении, это «сочинение» было встречено резкой критикой «Москвитинца»³.

¹ Москвитинин, 1850, ч. VI.

² ААЭ, Сиб. 1836; АИ, Сиб. 1841—1842.

³ 1848, № 11.

Более беспристрастно и с большим знанием источников написана биография Пожарского С. Смирновым¹. У автора несколько новых наблюдений: он указывает, что, по словам самого Пожарского, его «многожды» просили и в конце концов «припеволли» принять на себя звание вождя (прежде исследователи на этом не останавливались или рассказывали, что Пожарский согласился сразу), что постоянно Пожарский действует не единолично, а по совету с землей и даже в Нижний вызывал выборных из городов для совета², хотя о формах этих советов с землей и не высказался. Эти наблюдения — главным образом результат привлечения к делу нового актового материала. Но наряду с этим С. Смирнов высказал страшное мнение о начале нижегородского ополчения. Как и многие другие, он связывал его также с троицкой грамотой, но не с октябрьской, которую обычно имели в виду, а с июльской, и почему-то не считал нужным объяснить очень долгое в таком случае пребывание ополчения в Нижнем, хотя обстоятельно выяснил причины замедления в Ярославле, присоединяя к трем указанным до него причинам четвертую — недостаток средств у ополчения. А стояние в Нижнем было действительно очень долгое, ибо, по мнению нашего исследователя, Пожарский прибыл в Нижний еще до сентября 1611 г., что будто бы следует из даты «Нижегородского Летописца»: «лета 7120» (хотя это значит после 1 сентября 1611 г.), и даже был там еще до 17 августа этого года, ибо в жалованной грамоте Гр. Орлову на Н. Ландих об «изменнике» Пожарском говорится: «ныне у воров в полках»³, хотя этими словами, вероятно, отмечалось участие Пожарского в ополчении Липунова, о чем хорошо знало московское правительство, тогда как вряд ли в осажденной Москве могли бы к 17 августа знать о прибытии Пожарского в Нижний, если бы движение там началось даже в связи с июльской грамотой: ведь нужно же время, чтобы «многожды» посылать к Пожарскому⁴.

В 1858 г. вышел VIII том «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева; в конце этого тома дано очень объективное, на основании массы источников написанное изложение истории нижегородского ополчения. Внешняя, фактическая сторона еще доминирует в этом изложении, но автор — первый из исследователей — резко и определенно подчеркивал чисто земский характер программы «второго восстания земли», говоря, что движение направлялось «столько же, если еще не больше, против казаков, сколько против

¹ Боярин и воевода кн. Дм. М. Пожарский в Отечественных записках, т. LXVII, 1849, и отдельно.

² Ibid., стр. 114.

³ Грамота от 17 августа, СГГр и Д, т. II, № 267.

⁴ Есть даже некоторое основание полагать, что даже в январе 1612 г. московские бояре не знали о нижегородском ополчении, по крайней мере, на него нет никакого намека в их грамотах в Кострому Ив. И. Шереметеву от 25 января и в Ярославль от 26 января с призывом не присоединяться к русским «ворам», не признающим Владислава (СГГр и Д, т. II, № 276 и 277).

польских и литовских людей»¹, и эту борьбу с казаками автор внимательно проследил на протяжении всей истории ополчения; и выступление из Ярославля объяснилось в этом труде не убеждениями Палицына, но сведениями о движении Ходкевича и о притеснениях, чинимых казаками под Москвой пришедшим из украинских городов дворянам; и бывшая «тайной» для Берха причина отделения Пожарского от Трубецкого под Москвой стала, наконец, вполне явной; и причины ярославского стояния выяснились гораздо обстоятельнее, чем в предшествующих работах. Но намеки С. Смирнова остались здесь, как и долго еще позже, без развития и полного выяснения. Начало движения в Нижнем и в этом труде связывалось еще с грамотой Троицкого монастыря от 6 октября; повторено данное Мельниковым не вполне определенное указание вочинны Пожарского, где он жил в момент призвания его в Нижний, — в Суздальском у., как буквально повторен и второй отзыв того же Мельникова о Биркине. Очевидно, доверившись датировке события в «Дворцовых разрядах», автор относил сдачу Кремля к 20-м числам ноября и на 27 ноября торжественное вступление русских войск в Москву, не приняв даже во внимание грамоты от 15 ноября, в которой Трубецкой и Пожарский извещали митрополита новгородского о взятии Москвы, датируя свое вступление в нее 26 октября².

Труд Н. И. Костомарова «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия» (т. III — «Московское разоренье»³) шел в изложении интересующего нас вопроса в некоторых отношениях дальше Соловьева. Костомаров уже подметил, что в Ярославле «Пожарский хотел окружить себя земским собором, правильно выбранным, который бы имел право решать судьбу всей земли»⁴, но не остановился на этом подробнее и даже не сказал определенно, успел ли в своем намерении Пожарский или нет; и в другом месте, говоря о созыве Собора для выбора царя уже по взятии Москвы, автор опять лишь мельком упомянул о призыве выборных Пожарским еще в Ярославль и снова неопределенно отметил: «но, вероятно, число присланных оказалось недостаточным или, быть может, несостоятельным»; и на призвание Кирилла, митроп. Ростовского, он смотрел просто как на средство примирения враждующих в ополчении⁵. Подметил он, но опять-таки не выяснил подробнее, и широко развившуюся в Ярославле административную деятельность Пожарского по управлению страной⁶. Но Костомаров не отдал должного внимания отношениям ополчения к казачеству, вернувшись после Соловьева опять к прежней неопределенной трактовке этого вопроса. В остальном разбираемый

¹ С. М. Соловьев, Истор. России, стр. 1013, изд. 1896 г.

² Дон. к АИ, т. I, № 166.

³ Н. И. Костомаров, Монографии, т. VI, 1868 г.

⁴ Ibid., стр. 254.

⁵ Ibid., стр. 290 и 260—261.

⁶ Ibid., стр. 260.

труд дает хорошее изложение внешней истории ополчения, подобное лучшим из предшествующих, отличающееся лишь большими подробностями о событиях во время ярославского стоянья и осады Москвы; в качестве вотчины Пожарского Костомаров называл Н. Ландех (т. е. Ландих), очевидно приняв мнение М. П. Погодина, сформулированное им в статье «Исследование о месте погребения кн. Дм. М. Пожарского»¹, хотя еще С. Смирнов указывал на отдачу этого села Гр. Орлову 17 августа 1611 г.

Разногласия источников и исследователей относительно даты взятия Кремля и вступления освободителей в столицу, и неопределенность источников («в Суздальском уезде» или «в Нижегородском уезде», а то и без этих указаний), и разногласия историков о вотчине, где лечился Пожарский от ран, полученных под Москвой, и откуда был вызван в Нижний, — вызвали специальные работы Казанского и Бутурлина. Первый в статье «О времени сдачи поляками русским Кремля в 1612 г.»², разобрав данные источников и мнения исследователей (впрочем, не всех; не указано, например, мнения Мельникова, относившего «совершенное очищение» Москвы к 22 октября в первой статье, Смирнова, указывавшего сдачу Кремля 26 октября, а торжественное вступление русских 27 октября, «в день неделный», прибавил еще он, хотя воскресенье в тот год падало на 25 октября, Погодина, повторившего во второй из указанных статей даты Смирнова), приходил к выводу, что сдача Кремля произошла 26 октября, а торжественное вступление было совершено в ближайший день неделный — 1 ноября. Граф Мих. Бутурлин в своем исследовании «О месте погребения кн. Дм. М. Пожарского и о том, где он лечился от ран осенью 1611 г.»³, в результате подобной работы, страдающей и неполнотой — опущено мнение Погодина — и искажениями, например о Костомарове сказано, что он не указал вотчины, о Мельникове — что он в первой статье высказался за Н. Ландих, — решал спор в пользу Юрина, Пурешской вол.⁴

В 1871 г. Н. П. Костомаров вновь коснулся интересующего нас вопроса в статье «Личности Смутного времени»⁵. Он имел в виду дать здесь характеристики вождей ополчения; Пожарский представлялся ему «тусклою личностью», безусловно честным, но самым дюжинным человеком, не обладавшим ни талантом военного вождя, ни дарованиями политического деятеля; Минин, по его мнению, человек «необыкновенный», с большим умом, крепкой волей, но хитрый, крутого нрава, даже жестокий. История ополчения затронута им мало в этой работе, но здесь более резко, чем в предшествую-

¹ Москвитин, 1852, № 19, стр. 47, и повторенное в Современном летописце 1863 г., № 24, стр. 5, в статье Новый памятник кн. Дм. М. Пожарскому в Суздале.

² Чт. ОИ и Др., 1869, кн. 3.

³ То же, 1873 г., кн. 4.

⁴ Позднее Забелин, а за ним и С. Ф. Платонов с большим основанием указывали на с. Мугреево.

⁵ Вестник Европы, 1871, июнь, и Монографии, т. XIII.

щем труде, он высказал свое мнение, что главной задачей ополчения пужно считать изгнание поляков, а не борьбу с казаками, и он порицал Пожарского за долгое стояние в Ярославле и медленный поход к Москве (хотя, по его же словам, «мы не можем решать, кого и насколько следует винить за ошибки в действиях ополчения»).

Статья сейчас же вызвала ответы. М. П. Погодин с большим полемическим жаром повел «борьбу не на живот, а на смерть с новой исторической ересью». Но его «бранные послания», как он сам окрестил один ответ Костомарову, имели целью показаниями источников оборонить «высокие личности» от упреков, которые бросал им Костомаров, и мало давали нового для самой истории ополчения¹.

Гораздо более важное для дальнейшей разработки вопроса значение имел другой ответ Костомарову, написанный И. Е. Забелиным². Забелин так же и, пожалуй, с большим успехом, защищал дорогие ему личности Мишина и Пожарского, но он уделил больше внимания и самому ополчению, особенно много сделав для выяснения начального момента его истории. Он первый из исследователей за подвигами вождей сумел подметить действия масс; первый определенно указал роль нижегородского земского мира, по «всемирному приговору» решившего идти на освобождение «Московского государства» и давшего средства на это дело по окладу и сверх оклада, всенародно выбиравшего себе военачальника и просившего своего земского старосту заведывать казной ополчения. Он же вопреки установившемуся мнению, разобрав программы нижегородцев («создать свое независимое, сильное и крепкое ополчение, сильное настолько, чтобы не бояться и казаков с их казацкими воеводами») и грамоты 6 октября из Троицкой лавры (идти на помощь подмосковному казацкому табору против поляков), настаивал на том, что нижегородцы были возбуждены не троицкой грамотой (она в силу своей программы не должна была даже произвести впечатление), а знали положение дел под Москвой из грамот Гермогена и ими, а также и речами Мишина были подвигнуты к сбору денег и рати. В дальнейшей истории ополчения он особенно подчеркивал мирные завоевания его и потому всецело одобрял его медлительную внешность, но очень выгодную для дела политику и обвинял в непонимании обстоятельств и сознательном или бессознательном служении интересам казачества троицких властей, и особенно Авраамия Палицына, усиленно звавших ополчение к Москве. Сказание троицкого келаря

---

¹ Статьи *Погодина* — две За князя Пожарского и одна За Мишина — печатались в *Гражданине* за 1872 г., № 27 и 29, и 1873 г., № 4, и перепечатаны в книге *Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями*, М. 1874. Написаны они собственно уже после ответа Костомарова Забелину, но в ответе не было нового, и потому можно для удобства изложения поставить их раньше забелинских.

² *Минин и Пожарский*, Прямые и кривые в Смутное время, «Русский архив», 1872, № 2—6, перепечатано в его книге под тем же заглавием в 1883 г. с дополнениями.

Забелин считал очень пристрастным и даже легендарным источником и, таким образом, очень низко ценил его как исторический источник. Стоит еще отметить, что вопроса о созыве Земского собора в Ярославле автор «Минина и Пожарского» не коснулся, не занялся специально, отметив лишь мельком, что «Земская дума», действовавшая в Москве после ее занятия русскими, «кстати надо заметить, была уже наполовину собрана нижегородским же ополчением и шла вместе с ним очищать Москву»¹.

Полемика этим не закончилась: Костомаров и Забелин еще раз обменялись статьями², в которых по интересующему нас вопросу мало найдется нового.

Можно, повидимому, думать, что для Костомарова предъявленные ему Погодинным и, главное, Забелиным возражения не прошли бесследно. По крайней мере, в характеристиках Минина и Пожарского, помещенных в «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» (вып. 3, 1874), его мнения изложены уже не в столь резких выражениях, а некоторые обвинения и намеки совсем исчезли (например, за долгое промедление в Ярославле; предположение, что Минин указал нижегородцам Пожарского, чтобы в случае его выбора распоряжаться всем вследствие его неспособности самому). А в популярной брошюрке «Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 г. и избрание царя Михаила»³ мы не найдем уже обвинений и резко неодобрительных отзывов; ярославское замедление теперь объясняется «многими причинами», в числе коих указан созыв Земской думы для выбора царя, хотя не встретим здесь и преувеличенных восхвалений, обычных для такого рода сочинений.

В 80-х годах происходит новый спор, в котором вновь был затронут вопрос об ополчении 1611—1612 гг. С. Кедров в своем исследовании «Авраамий Палицын»⁴, стараясь восстановить репутацию старца Авраамия и доверие к показаниям его сочинения, столь сильно поколебленные в указанных выше статьях И. Е. Забелина, коснулся и истории ополчения, в которой Палицын, по его собственному изображению, играл такую важную роль. В противоположность Забелину апологет троницкого келаря всю историю ополчения излагает по его сказанию, находя в нем «правдивые речи», которым «к сожалению, некоторые (разумеется, Забелин. — П. Л.) не хотят придавать никакого значения»⁵, и потому, естественно, входит в полемику с автором «Минина и Пожарского». В этом исследовании С. Кедрова опять по-старому (впрочем, уже не совсем; пришлось считаться с доводами Забелина) начало ополчения (по уже не движению, как представляли раньше) в Нижнем связывалось с октябрьской грамотой Сергиева монастыря, ибо без

¹ И. Г. Забелин, цит. соч., 1883, стр. 104.

² Вестник Европы, 1872, сентябрь, и Русский архив, 1872, № 12.

³ У нас под руками было 4-е изд. ее — 1889 г.

⁴ Чт. ОИ и Др., 1880, кн. 4, и отдельно.

⁵ Ibid., стр. 104.

предшествовавших грамот Гермогена вся земля только «знала» о положении дел, «но не ополчалась»¹, да Гермоген и не призывал к вооружению; грамота 6 октября представлялась новому исследователю как раз такой, которая могла бы подвигнуть к спасению отечества, ибо больше всего напирала на опасность, грозившую вере, религии. И далее относительно положения дел во время стояния Пожарского в Ярославле «единственно верный и истинный взгляд... действительно и высказал только троицкий келарь, старец Авраамий Палицын»², которого, к сожалению, не слушал медлительный и трусливый Пожарский. Повторялась в новом исследовании и старая мысль Костомарова, что не так страшны были для ополчения, для всей России казаки, как поляки. Чего-нибудь нового, существенно важного для истории нижегородского ополчения эта книга не давала; в иных местах она указывала, что иногда Забелин в пылу полемики хватал через край, например, объявляя сказание Палицына легендой и т. п. Но главные выводы, данные в «Минине и Пожарском», остались мало поколебленными. Теперь же в ответ Кедрову Забелин сильно подтвердил главный пункт его расхождения с Кедровым и другими исследователями — именно подтвердил свое мнение об отсутствии причинной связи между троицкой грамотой и началом движения, да даже и ополчения, в Нижнем. Взяв исходной точкой день отправления смолян в Нижний — 26 октября, И. Е. Забелин дал хронологический расчет, из которого вытекало, что грамота, посланная из Троицкого монастыря 6 октября, должна была прийти в Нижний, когда там уже шла организация ополчения; если же вести начало этой работы от прочтения полученной в Нижнем числа 11-го грамоты, то невозможно уложить в 14—15 дней все совершившиеся тогда в Нижнем события³.

И теперь, когда С. Кедров снова коснулся истории ополчения в Нижнем в другом исследовании — «Авраамий Палицын как писатель»⁴, — то он уже писал, желая устранив расчеты Забелина: «в сущности неизвестно, *какая* из окружающих троицких грамот послужила первою причиною и исходным началом к собранию нижегородского ополчения»; «всего вероятнее думать, что третья действительно уже была получена в ту пору, когда нижегородцам было известно содержание двух первых. Эта третья только усилила возбуждение, произведенное двумя первыми», но все-таки возвращался он к старым положениям: «ничего баспословного нет и в том, что именно третья грамота возбудила ополчение в Нижнем», ибо до февраля, когда ополчение выступило из Нижнего, времени было много (о важной дате 26 октября полное молчание)⁵. В самой истории ополчения С. Кедров в новом своем исследовании видит и прослеживает борьбу трех программ: 1) казацкой — рас-

¹ С. Кедров. Авраамий Палицын, 1880, стр. 93.

² Ibid., стр. 104.

³ Минин и Пожарский, гл. VIII, стр. 262—263.

⁴ Русский архив, 1886, № 8.

⁵ Ibid., стр. 486.

сыпать ополчение, 2) нижегородской — сначала «скорее идти на Москву на очищение ее»¹, но потом эта политика «сделалась упорно медлительной и стала согласоваться с политикой казацкою»², поскольку не имела в виду спешить к Москве, и 3) троицкой, самой верной, выразителем которой был и Палицын, политики «умиротворения и примирения двух ополчений»³. Эта последняя и победила земское ополчение в первый раз в Ярославле, заставив (убеждениями Палицына) выступить Пожарского к Москве, затем под Троицей, прекратив (опять речами келаря) колебания вожда, недоверявшего казакам, и окончательно под Москвой, создав (опять-таки при помощи старца Палицына) единение ополчений в битве с Ходкевичем и в конце концов слияние их организаций (тоже не без участия Палицына).

Таким образом, взгляды Забелина подверглись строгой, но нельзя сказать, чтобы вполне и во всем основательной критике в исследованиях С. Кедрова. В остальных работах, где можно встретить изложение событий 1611—1612 гг., до самого почти конца XIX в. не пайдется ничего нового по занимающему нас вопросу. Исключение составляет только статья С. Ф. Платонова «Заметки по истории московских земских соборов»⁴, где было, наконец, выяснено, что в ополчении во время стояния его в Ярославле создался Земский собор полного состава, который (Собор) и стоял во главе управления. Остальные авторы довольствовались повторением высказанных уже мнений, иногда даже старых ошибок (например, А. Е. Белов в своей «Русской истории до реформы Петра Великого», 1895, относил, по Соловьеву, сдачу Кремля к 20-м числам ноября, хотя Казанский в отмеченной выше статье и показал ошибочность этого). Стоит отметить, что мнения Забелина, выдержавшие критику С. Кедрова, и другими исследователями последней четверти XIX в. почти не разделялись. С ними или еще полемизировали (например, Д. Скворцов в своей работе «Дионисий Зобнинковский; архимандрит Троицко-Сергиева монастыря», 1890, повторяя в общем доводы С. Кедрова) или просто излагали события, не считаясь с ними; с этим до известной степени мы встретимся в названной книге А. Е. Белова, а также в сочинении Д. Иловайского «Смутное время Московского государства», 1894, где снова вышли на сцену троицкая грамота и речь Палицына в истории ополчения, но, впрочем, автор не может уже «строго обвинять в излишней медлительности главных его (ополчения) вождей и руководителей»⁵; только К. Н. Бестужев-Рюмин, не противореча выводам Забелина, давал историю ополчения в X главе из «Русской истории»⁶.

¹ Ibid., стр. 490.

² Ibid., стр. 491.

³ Ibid., стр. 492.

⁴ ЖМНП, 1883, март, и тогда же отдельно, а в 1903 г. в Сборнике статей по русской истории.

⁵ ЖМНП, 1887, июль — август.

⁶ Дополнением к ним для московского периода истории ополчения служит статья того же автора — Московское правительство при первых Романовых, ЖМНП, 1906, 12.

В 1899 г. (2-е изд. 1901 г.) вышли «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.» С. Ф. Платонова. Автор, «совершенно обойдя много раз описанные, всем известные внешние подробности событий», сосредоточил свои наблюдения на внутренних отношениях. Подтвердив взгляды Забелина о начале нижегородского ополчения, проф. Платонов указывал и новые, не отмеченные ранее стороны: он вполне выяснил, что движение зародилось не на воеводском дворе, а среди посадских людей, к которым примкнули потом и власти; указывал на особую от городской администрации ополчения со все расширявшимся районном деятельности; следил за превращением ополчения из городского в областное, а затем в общегосударственное; более подробно, чем в вышеназванной статье, остановился на выяснении состава Земского собора в Ярославле; отмечал, что очищение государства, по мысли вождей ополчения, не совпадало с освобождением Москвы только, и останавливался на водворении ополчением порядка в стране и попытках приступить к выбору царя еще в Ярославле. Так в этом труде дана была яркая картина внутренней жизни ополчения.

И лишь теперь новый взгляд на ополчение стал получать права гражданства даже и в популярной литературе¹. Даже учебники стали, наконец, оставлять старые, в патристическом стиле, но малосодержательные рассказы об ополчении².

Впрочем, старые взгляды еще и теперь не оставлены всеми; еще попрежнему думает (насколько можно судить по его учебникам) Д. И. Иловайский, еще по-старому (даже связывая начало дела с грамотой из Троицы) излагает историю ополчения В. О. Ключевский³.

---

¹ См., например сборник «Люди Смутного времени», статью В. И. Пичеты в «Книге для чтения по новой истории», статью И. Катаева, Смута в «Русской истории в очерках и статьях», т. II.

² См. хотя бы «Учебник русской истории» К. А. Иванова, где, впрочем, еще оказывается, что возбуждавшая нижегородцев грамота Гермогена была «подобна» (?) троичким.

³ Курс русской истории, т. III, стр. 72—74.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ, УКАЗАННЫХ В ПРИМЕЧАНИЯХ

ААЭ	— Акты Археографич. Экспедиции
АИ	— Акты Исторические
АЮ	— Акты Юридические
Доп. к АИ	— Дополнения к Актам Историческим
ПСРЛ	— Полное Собр. Русских летописей
РИБ	— Русская Историч. Библ.
СГГр и Д	— Собрание Госуд. Грамот и Договоров

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3—4
<i>Глава I.</i> Нижний-Новгород и Нижегородский уезд в начале XVII в.	5—30
<i>Глава II.</i> Участие Нижнего в событиях Смуты до осени 1611 г.	31—46
<i>Глава III.</i> Зарождение в Нижнем ополчения	47—65
<i>Глава IV.</i> Организация земского ополчения, его программа и первые действия его властей	66—85
<i>Глава V.</i> Переход ополчения в Ярославль	86—93
<i>Глава VI.</i> Земское ополчение и подмосковное казачество.	94—105
<i>Глава VII.</i> Устройство земли и создание правительства в Ярославле.	106—145
<i>Глава VIII.</i> Поход к Москве и освобождение ее.	146—157
<i>Глава IX.</i> Правительственная деятельность под Москвой и в Москве и новый состав правительства	158—177
<i>Глава X.</i> Состав Земского собора в период избрания царя и обстановка, в которой шла его деятельность.	178—211
<i>Глава XI.</i> Избрание царя и прекращение полномочий Трубецкого и Пожарского	212—232

ПРИЛОЖЕНИЯ

Грамоты	233—241
О рукоприкладствах на Утвержденной грамоте	242—270
Биографические справки	271—298
Новые материалы для истории Смутного времени	299—306
Изображение Пожарского в новом списке «Хронографа 1617 г.»	307—313
Источники и историография по истории Нижегородского ополчения 1611—1612 гг.	314—340
Список сокращенных названий источников, указанных в примечаниях	341

Редактор *Н. Рубинштейн*
Техредактор *О. Прохорова*
Корректор *А. Соловьева*

Сдано в набор 15/IX 1937 г. Подписано
в печать 11/XII 1938 г. Формат 62×94/16.
Ф-ли Вишхимза. Печ. л. 21½. Печ. зна-
ков в 1 печ. л. 43776. Уч.-авт.л. 26,271.
Тираж 10 000. Серия: монография. Упол-
ном. Главлита № Б-54192. Огиз № 2019.

Заказ № 3978.

Цена книги 5 р. 25 к. Цена переплета
1 р. 75 к.

Набрано в 1-й Образцовой тип. Огиза
РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва,
Валовая, 28 и отпечатано с матриц в 4-й
типографии ГОНТИ «Красный Печатник».

Ленинград, Международный пр., 75-а.

Заказ № 1076.